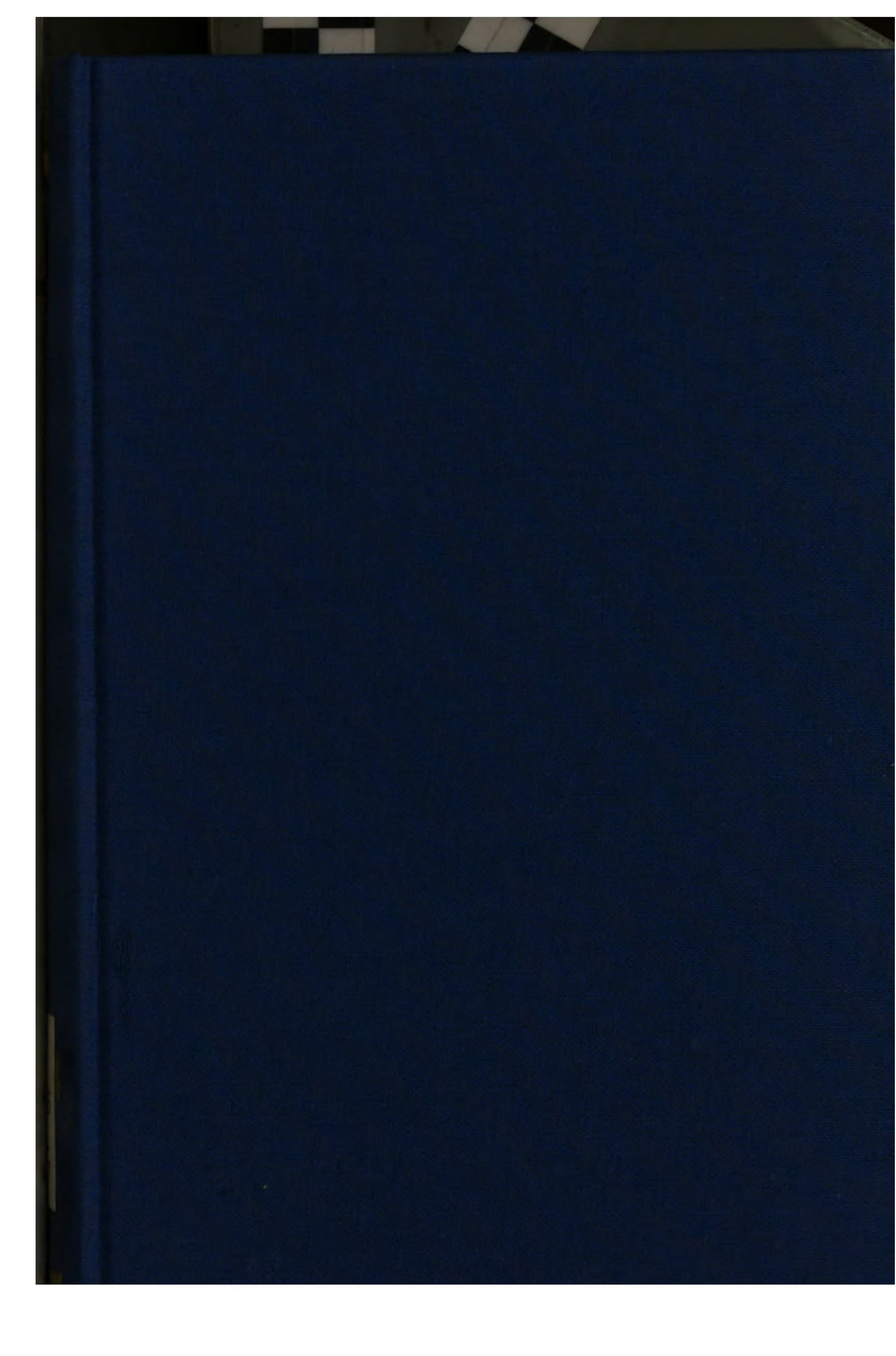

DATE DUE

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

edited by
C. H. VAN SCHOONEVELD
Indiana University

158/14

1971
MOUTON
THE HAGUE · PARIS

ФЕВРАЛЬ. 1897.

Febr.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

Russkoe bogatstvo

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1897.

Printed in Germany

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

Молодые всходы старой полосы.

XIV.

Вернувшись домой съ проводовъ брата, Тоня вбѣжала въ кабинетъ отца, хотѣла говорить, но долго сдерживаемыя горе и тревога взяли свое, и она разрыдалась.

— Ну полно, дѣвочка. Ты увидишься съ Васей, поѣдешь въ Петербургъ къ дядѣ. Не въ первый же разъ ты разстаешься съ Васей.

И отецъ нѣжно гладилъ волосы прильнувшей къ его плечу головки.

— Папа! Папа! Я знаю, Анночкинъ братъ голодалъ и схватилъ чахотку въ сырой квартирѣ. Вася такой слабый, маленькій. Папа! Онъ не хочетъ ничего брать отъ васъ, говоритъ, что вамъ и безъ того трудно содержать и воспитывать насъ. Мы съ Зиной рѣшили, что намъ ничего не нужно. У насъ столько платьевъ. Мы будемъ сами перешивать ихъ. Намъ не надо ни подарковъ, ни удовольствій, ни елокъ, ни дѣтскихъ вечеровъ, только бы Вася не бился, какъ Анночкинъ братъ. Онъ выйдетъ въ отставку, у него нѣтъ ни гроша и...

Она спохватилась, что чуть не выдала Василія. Разсчитывая на лейтенантское жалованье, онъ сдѣлалъ долгъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ значительный, на мичманское жалованье было трудно жить, а въ послѣдній годъ мичманства молодой человѣкъ зажилъ пошире; сверхъ того, онъ всегда много тратилъ на книги.

— Полно, полно, успокойся. Не дамъ же я Василію зачахнуть, дурочка?

— Онъ не только вашего, папа, онъ не хочетъ брать и своего. Марусино приданое принадлежитъ ему. Двѣ тысячи стоило. Васина тысяча была. Надо все продать поскорѣе, папа. Тетя Вѣра и няня нашли хорошихъ покупщицъ. Только продавайте скорѣе, Бога ради, не то...

Она смолкла, ища выраженій. Языкъ не ворочался сказать не то мама всѣ вещи обмѣняетъ или перешьетъ. И она докончила, смотря въ сторону:

— Не то выйдеть изъ моды, и дадуть гроши.

Смущеніе ея не скрылось отъ отца; но онъ приписалъ это тому, что дочь робѣетъ, вмѣшиваясь въ семейное дѣло—«дѣло большихъ». Отъ него была такъ далека догадка о настоящей причинѣ смущенія дочери.

— Папа, папа! Дайте слово, что все будетъ продано завтра же. Пошлите няню къ купчихѣ Сазоновой. Умоляю васъ. Я не буду покойна, пока все не будетъ продано.

Она хватала руки отца, цѣловала ихъ.

— Успокойся, Тоничка, мама все устроитъ. Это бабье дѣло. Она сейчасъ здѣсь говорила, что дадутъ триста рублей. Потомъ я найду средства. Только раньше года Василій не получитъ ни гроша. *Я* сказалъ.

Когда Палицынъ произносилъ такимъ тономъ «*я* сказалъ», то никто изъ подчиненныхъ и даже товарищей, и никто въ семьѣ не настаивалъ, кромѣ жены, да и та вполнѣ сознавала безплодность всякихъ просьбъ и убѣжденій. Сознавая, что всѣ мольбы напрасны, Тоня, опустивъ голову, пошла къ двери.

— Постой.

Тоня вернулась и остановилась у стола, ожидая, что скажетъ отецъ. Онъ потиралъ рукою лобъ, стараясь припомнить, что такое ему непремѣнно надо сказать дочери. Та страшная мысль, отъ которой онъ застоналъ передъ приходомъ Тони, заслоняла все. Наконецъ, онъ припомнилъ.

— Какъ смѣла ты уйти безъ позволенія матери?—спросилъ онъ, придавая строгость голосу, но голосъ звучалъ вяло. Все время Палицынъ говорилъ вяло и разсѣянно, какъ человѣкъ подъ гнетомъ неотступной мысли.

— И Зину увела съ собой! Какой примѣръ младшей сестрѣ? Когда мать вернется, проси у нея прощенья. Она очень сер... огорчена такимъ неуваженіемъ къ ней. Тебѣ бы слѣдовало напомнить Василью, чтобы онъ пошелъ поздороваться съ матерью. Помни, чтобы впередъ этого никогда не было.

— У мамы были гости...

Правдивость заставила Тоню прибавить:

— И она бы не пустила.

— Тѣмъ хуже. Намѣренное непослушаніе! Тебѣ вдвойнѣ стыдно. Ты старшая и потому отвѣчаешь за Зину.

Тоня, съ видомъ хорошо выдрессированной дѣвочки, прослушала выговоръ—«казенный», какъ называютъ вообще дѣти выговоры такого рода. Дѣвочка понимала, что въ душѣ отецъ не винитъ ее и даже доволенъ ею за ея любовь къ Васѣ, а только исполняетъ требованіе дисциплины. Тоня давно уже, ради семейной тишины, порѣшила соблюдать всю эту казенщину».

— Слушаю, папа,—отвѣчала она дѣловымъ тономъ.

Въ дверяхъ она оглянулась на отца. Онъ сидѣлъ, грузно опустясь въ кресло и уставясь глазами въ какую-то невидимую точку въ пространствѣ. «О, эта страшная неизвѣстность!.. Спросить Савельевну... Она не отходила отъ Маруси... Нѣтъ,—ни одна живая душа не должна знать объ этомъ... Господи! Какъ вымолвить хоть бы родному брату?..» Онъ сжалъ руки и поднялъ къ образу взглядъ, полный ужаса и муки. У Тони дрогнуло сердце: у отца вѣрно новое страшное горе. И вѣрно опять мама...

По росписанію занятій этотъ часъ вечера былъ опредѣленъ для музыкальныхъ упражненій. Тоня сѣла разучивать трудный, а для нея непосильный этюдъ Гензельта «Orage tu ne saurais m'abattre». Уставясь глазами въ клавиши баса, она старалась отчетливо и чисто попадать пальцами на клавиши въ трудныхъ пассажахъ и добиваться требуемыхъ болѣе всего быстроты и силы; а мысль упорно уносилась то къ Васѣ, то къ отцу, и сердце дѣвочки ныло отъ предчувствія новыхъ исторій, новаго горя. Maman не продастъ приданое Сазоновой — будетъ извѣстно, что заплачено... Гнѣвъ и отвращеніе исказили на мигъ красивое и выразительное лицо дѣвочки. Вѣдь это воровство. И у кого же? У сироты, которому maman обѣщала быть матерью!... И тѣмъ подлѣе, что воровство безнаказанное: все останется шито-крыто. Няня все высчитала... Но еще до словъ няни дѣвочка угадала всю эту грязь. Послѣ похоронъ Маруси, тетя Вѣра, кузина покойной Марьи Иринарховны, совѣтовала сейчасъ же все продать для Васи и вызвалась все устроить. Maman отвѣчала, что продастъ, какъ только оправится отъ удара, а теперь не въ силахъ ничего видѣть. И какъ зловѣще при этихъ словахъ поджались углы губъ maman, и какимъ недобрымъ блескомъ засвѣтились глаза! Тоня знала, что maman лжетъ, знала и то, что maman такъ устроитъ, что нога тети Вѣры не будетъ у нихъ въ домѣ. Тетя Вѣра, хоть и не родня имъ, всегда была такъ добра и къ ней, и къ Зинѣ. Тетя Вѣра сама слегла оттого, что послѣднія три недѣли день и ночь не отходила отъ Маруси. А maman только лежала на кушеткѣ, пила флеръ-д'оранжъ, нюхала одеколонъ, да ныла о томъ, какъ она истерзалась, видя страданія Маруси... Просто боялась умирающей и покойницы... Господи! Все ложь! Ложь изъ за какихъ низкихъ, подлыхъ цѣлей!.. Такъ думать про мать грѣхъ... Господи, прости меня, Господи, пошли въ сердце миръ и любовь. Господи, научи, дай силы!..

Длинные, худые и сильные пальцы быстро перебѣгали по клавишамъ, повторяя трудные пассажи, а Тоня не слышала отчетливо ни одного изъ звуковъ, которые извлекала, а только отдаленный глухой гулъ, не мѣшавшій ея думамъ. Если бы живописецъ въ эту минуту увидѣлъ ея лицо, не слыша ея

безжизненной, автоматической игры, то онъ списалъ бы съ нея святую Цецилію.

Зина прервала музыку и озабоченнымъ, дѣловымъ тономъ зашептала:

— Тоня, иди скорѣе къ maman. Страшно сердита на насъ. Смотри, будь посмирнѣе, не разсуждай. Она пришла съ музыки совсѣмъ *заряженная*. Мнѣ надрала уши, смотри.

И Зина, повернувъ лицо въ профиль, показала багровое горѣвшее ухо.

— Обѣщалась больно высѣчь насъ, если еще разъ уйдемъ безъ спроса съ Васей, а няню прогонитъ, совсѣмъ прогонитъ. Кричала она, кричала, топала ногами: «Васька вамъ дороже отца и матери». Кто-то ее очень разозлилъ въ Лѣтнемъ саду.

Тоня сложила ноты, заперла фортепіано и пошла съ видомъ напускного равнодушія—ея всегдашнимъ оружіемъ во всѣхъ сценахъ ея съ матерью, на которыя была такъ неистощимо-изобрѣтательна Антонина Сидоровна. Но теперь эта маска равнодушія была надѣта безсознательно, по привычкѣ. Не до того было дѣвочкѣ, чтобы «напускать» на себя равнодушіе. Она чувствовала, что объясненіе съ матерью будетъ «страшное». Проводи она безъ спроса Олю Захарьину, эту противную ломаку, эту глупую куклу, которую maman ей навязывала въ пріятельницы,—maman не сказала бы ни слова. Но она проводила Васю. Какъ зловѣще поджимались углы губъ и какою ненавистью горѣли глаза maman, когда Тоня и Зина обнимали и цѣловали Марусю и Васю. Сколько разъ няня говорила не ласкаться къ брату и сестрѣ при maman. Тоня могла только одно—не ласкаться нарочно при maman, какъ иногда ласкалась Зина въ рѣдкія минуты «бунта»... Христина подслушала все, что Тоня говорила съ отцомъ о Марусиномъ приданомъ. Выходя изъ кабинета, Тоня видѣла исчезавшія въ противоположной двери трехъ-этажныя оборки розоваго платья «наперсницы». Объ этомъ также будетъ «объясненіе». Но если бы maman и не заговорила,—Тоня сама начнетъ объясненіе. Надо говорить тихо, убѣдительно, соблюдая всю «формалистику» и «дисциплину». Должна же maman понять, что грѣхъ обирать Васю! Не можетъ же она не понять! Тоня скажетъ, что лучше умереть, а не надѣнетъ ни тряпки изъ Марусиныхъ вещей. Тоня скажетъ, что безчеловѣчно щеголять въ собственности Васи въ то время, когда онъ будетъ биться изъ-за куска хлѣба и терпѣть лишенія! Да, она скажетъ, хоть бы maman грозилась высѣчь ее, большую дѣвочку. Сѣчь себя она, впрочемъ, не позволитъ. Годъ тому назадъ maman не справилась съ нею. Тоня схватила ее за обѣ руки, и maman не могла ихъ вырвать. Папа узналъ и строго запретилъ розги... А если

maman вздумаетъ сѣчь и позоветъ Христину?.. Тоня всѣми фибрами своего рослаго, крѣпкаго и худощаваго тѣла ощутила приливъ дикой силы, готовой все разметать и разнести... Ей стало страшно самой себя... Или лучше стерпѣть?.. Пусть мучаетъ, сѣчетъ!.. Тоня пострадаетъ за Васю, за правду... Мучителямъ стыдъ, не ей... Мучили-же Христа...

Такія мысли проносились въ гордо поднятой головѣ Тони, пока она мѣрными, твердыми шагами шла по амфиладѣ парадныхъ комнатъ къ будуару Антонины Сидоровны и, не дойдя до двери, передъ большимъ зеркаломъ приводила въ порядокъ свои волосы и платье. Никакая мелочь не должна мѣшать исходу „объясненія“.

XV.

Будуаръ занималъ важное мѣсто въ жизни второй супруги Палицына; ради этого будуара Тонѣ и Зинѣ была отведена узкая комната въ родѣ корридора, выходившая дверью на кухню, и Тоня часто мучилась головною болью отъ кухоннаго чада. За то будуаръ былъ просторенъ. Ситцевая занавѣска отдѣляла тѣсный уголокъ для спальни супруговъ. Хотя будуаръ выходилъ на югъ, но въ немъ постоянно царилъ полусвѣтъ отъ опущенныхъ бѣлыхъ кисейныхъ сторъ и ситцевыхъ занавѣсокъ. Антонина Сидоровна находила, что солнечный свѣтъ раздражаетъ ея нервы. «Пусть солнце для счастливицъ»,—говорила она подавленнымъ голосомъ, съ усмѣшкой безнадежности, изображая и лицомъ, и всею фигурою отчаяніе разбитой жизни. И цвѣтовъ не было въ будуарѣ: онъ былъ загроможденъ столиками, этажерками разнообразныхъ фасоновъ и размѣровъ, уставленными массою фарфоровыхъ и бронзовыхъ бездѣлушекъ очень сомнительнаго вкуса. У Антонины Сидоровны была сорочья страсть копить блестящія вещицы. Она выпрашивала ихъ на память у своихъ безпрестанно смѣнявшихся пріятельницъ; офицеры изъ мужнина экипажа, возвращаясь изъ плаванія, не являлись къ «командиршѣ» безъ какой нибудь игрушки, о чемъ Петръ Егоровичъ пребывалъ въ блаженномъ невѣдѣніи. Въ углу, противъ двери въ гостиную, кидалась въ глаза горка; разнокалиберные солонки, ковшички, чарки, сливочники, ложки, ножи и вилки, изъ-за блестящей стеклянной дверцы, сверкали серебромъ и позолотой, кое гдѣ чернедь бросала тѣнь между блескомъ яркихъ металловъ.

Антонина Сидоровна не получила отъ отца ничего, кромѣ этой горки и дорогихъ тряпокъ. Сидоровъ, въ упоеніи гор-

достью отъ того, что дочь его попала въ аристократію Балтійска, сдѣлалъ такое приданое, о которомъ кричали всѣ дамы города. Дорогія тряпки были давно изношены, а онъ не выдавалъ дочери обѣщаннаго «награжденія». Оно такъ и осталось въ области обѣщаній. По смерти жены, умершей вскорѣ послѣ свадьбы дочери, Сидоровымъ завладѣла сожительница, хитрая и ловкая баба. Тѣмъ не менѣе Антонина Сидоровна имѣла свой капиталецъ, который росъ въ ростовщическихъ оборотахъ. Черезъ годъ послѣ свадьбы, передъ рожденіемъ Тони, мольбы и истерики Антонины Сидоровны, убитой «неизбѣжнымъ банкротствомъ» отца, выманили у Петра Егоровича заемъ, на который ушелъ почти весь его наслѣдственный капиталъ. Сидоровъ не уплатилъ зятю ни гроша, а у Антонины Сидоровны оказался на сумму капитала пай въ отцовскихъ аферахъ, который уже учетверился, потому что болѣе половины дивиденда причислялась къ капиталу. Петръ Егоровичъ, конечно, ничего не зналъ о томъ, что наслѣдственныя крохи его ушли на ростовщичество. Сидоровъ обѣщалъ удесятерить капиталъ и считалъ свой отцовскій долгъ въ отношеніи капитанши Палицыной исполненнымъ. Чуть она намекала ему о своихъ дочернихъ правахъ и объ отсутствіи всякихъ законныхъ правъ со стороны сожительницы, — отецъ отвѣчалъ, что не беретъ ни копейки изъ ея пая за коммиссію, а если дочь еще пикнетъ хоть слово, то она можетъ взять обратно свои деньги.

Сожительницу отца Антонина Сидоровна ненавидѣла не такъ изступленно, какъ ненавидѣла «Маруську и Ваську, Машкиныхъ щенятъ». То была ненависть грубой и низкой натуры ко всему, что выше и чище ея. Не будь ихъ, не такими бы вышли Тоня и Зина.

Она любила Тоню своеобразною любовью, которая такъ часто ходитъ подъ эпитетомъ материнской любви. Къ инстинкту самки, который просыпался, когда Тоня заболѣвала, или когда мужъ посылалъ дѣвочку погостить къ своему брату и мать изступленно скучала, не видя дочери, — примѣшивалось тщеславіе умомъ, способностями *дѣвочки*, честолюбивыя надежды на ея красоту. Въ мечтахъ своихъ она надѣляла Тоню такою блестящею партіей, какой никогда не сдѣлаютъ ея ровесницы, дочери барынь, свысока «третировавшихъ» дочь выслужившагося писаря. Она готова была вынести крупныя лишенія, тяжелыя муки ради того, чтобы Тоня сдѣлала такую партію. Но Тоня этого не понимала. Давно уже—это съ злымъ горемъ замѣтила Антонина Сидоровна—у Тони исчезло всякое желаніе приласкаться къ матери, назвать ее: мамой, мамочкой. Антонина Сидоровна была maman, къ рукѣ которой подходили послѣ трапезъ, здороваясь по утру, прощаясь вечеромъ, съ «формальнымъ поцѣлуемъ». «Merci maman» и «bonjour»

или «bonne nuit maman»—вотъ чѣмъ исчерпывались отношенія дѣтей и матери, за исключеніемъ уроковъ, распеканій и сценъ.

Родись Тоня «безчувственной деревяшкой», все было бы легче. Но Тоня умѣла любить. Умри мать сегодня, Тоня, конечно, поплакала бы и скоро забыла бы мать. А у гроба Маруси Тоня стояла по цѣлымъ часамъ, не сводя съ застывшаго лица покойницы глазъ, полныхъ отчаянья, прощанья, любви. Петръ Егорычъ съ братомъ насилу могли оторвать ея руки отъ гроба въ минуту «послѣдняго цѣлованья». О, если бы не было этой толпы, Антонина Сидоровна тигрицей кинулась бы на Тоню, оттащила бы ее отъ гроба... Это была дикая ревность и злоба обиженнаго самолюбія, алчнаго чувства собственности, рвавшія мелкую себялюбивую душу.

Антонина Сидоровна лежала на кушеткѣ. Томики Феваля и Сю валялись на полу. На стоявшемъ близъ кушетки столикѣ была разлита вода, разсыпанъ толченый сахаръ. Въ комнатѣ пахло флеръ-д'оранжемъ. Все это свидѣтельствовало о томъ, что Антонина Сидоровна принимала мѣры для успокоенія своихъ взволнованныхъ нервовъ. Но не это встревожило Тоню: углы яркихъ губъ матери были поджаты до того, что лицо казалось судорожно искривленной маской, а черные огромные глаза съ расширенными зрачками горѣли такъ зловѣще. Maman пришла съ музыки «заряженной», какъ никогда, — это ясно видѣла Тоня и подумала, что благоразумнѣе отложить объясненіе о Марусиномъ приданомъ до болѣе удобной минуты.

Антонина Сидоровна имѣла вполнѣ основательный поводъ быть заряженной. Сестра коменданта, жена дивизіоннаго (чужой дивизіи, иначе ничего бы не вышло), дама, обладавшая правомъ считаться одною изъ первыхъ аристократокъ Балтійска, на медоточиво-язвительное слово о томъ, какое счастье, что спинка Юлечки, наконецъ, чуть-чуть выпрямляется, отвѣчала комплиментами туалету m-me Палицыной и прибавила: «Я давно восхищалась этою шалью и завидовала, когда видѣла ее на покойной m-me Палицыной. Настоящая турецкая. Я помню, какъ ей дядя прислалъ изъ Турціи». И еще «эта аристократка» присовѣтывала передѣлать на бурнусъ шаль, которая, при ея ростѣ, волочится по землѣ. Шаль эффектна только при большомъ ростѣ. И Антонина Сидоровна, молча, проглотила обиду. Не могла-же она въ отвѣтъ разругаться «въ припрыжку и перепл евку», какъ ругалась съ сосѣдками ея покойная мать.

XVI.

Антонина Сидоровна дѣлала видъ, что не замѣчаетъ Тоню, которая, подойдя къ кушеткѣ, остановилась съ тѣмъ «видомъ трагической царицы», который такъ бѣсилъ ея maman. Прошло съ минуту. Мать полулежала, граціозно опершись на локоть и уставясь глазами въ пространство. Дочь стояла въ предписанной позѣ, выпрямившись, опустивъ плечи, раздвинувъ носки ногъ и сложивъ руки ниже пояса. Наконецъ, Тонѣ стало невыносимо ждать и она спросила «казеннымъ» тономъ:

— Вы меня звали, maman?

Какъ подброшенная пружиной, Антонина Сидоровна приподнялась, свѣсила ноги съ кушетки и заговорила свысока, сухимъ, рѣжущимъ тономъ:

— Я звала васъ, чтобы сказать вамъ, что, если еще разъ въ жизни вы позволите себѣ подобное своеволіе,—я этого не прощу!

— Я провожала брата,—спокойно отвѣчала Тоня, нарочно употребляя слова «братъ», вмѣсто Вася. Она всегда передъ maman выставляла свою кровную связь съ Васей, но теперь спохватилась, что было «недипломатично», въ виду предстоящаго объясненія, раздражать maman этимъ словомъ.

— Надѣюсь, что мать должна быть для васъ дороже «брата», да еще не родного. Почему вы ушли безъ спроса?

— У васъ были гости, maman...

— Я васъ спрашиваю: кто долженъ быть дороже вамъ: мать, или этотъ обожаемый братецъ, который и братъ вамъ только вполовину?

Тоня промолчала, Антонина Сидоровна подождала и, не дождавшись отвѣта на инквизиторскій вопросъ, очень хорошо знакомый Тонѣ съ самаго дѣтства, продолжала еще высокомѣрнѣе:

— Сколько разъ я говорила,—чтобы у васъ не было этой нелѣпой дружбы съ Василіемъ Петровичемъ. Отецъ имъ недоволенъ...

Тоня не выдержала и горячо возразила:

— Я никогда не слышала отъ Васи ничего дурного. Онъ добрый, честный, онъ насъ любитъ.

— Забавляется съ вами, даритъ вамъ грошовые пустяки и учитъ неповиновенію. Вы еще глупы, и въ этомъ видите любовь. Лаская и балуя васъ, онъ думаетъ подольститься къ отцу, а вы принимаете на свой счетъ. Ха-ха!

Сѣрые глаза изъ-подъ длинныхъ густыхъ рѣсницъ метнули искру, но Тоня скрѣпилась и спокойно отвѣчала:

— Вася не такой. *Нарочно* что нибудь дѣлать и подольщаться онъ не станетъ. Онъ насъ любитъ.

Антонина Сидоровна вспыхнула:

— Я говорю! Дерзкая дѣвчонка! Зубъ за зубъ съ матерью!

Тѣмъ же сдержаннымъ и спокойнымъ тономъ, въ которомъ только подозрительное ухо Антонины Сидоровны могло разслышать дрогнувшую нотку затаеннаго негодованія и горькаго стыда за мать, Тоня отвѣчала:

— Такъ зачѣмъ же вы это всегда говорите, maman? Вамъ не разсорить меня съ Васей, какъ въ прошломъ году чуть не разсорили съ Анночкой. Хорошо, что я узнала настоящую правду.

— Ты смѣешь матери въ глаза говорить, что она лжетъ,— вскричала Антонина Сидоровна, вскочивъ съ кушетки и выпрямляясь во весь ростъ.—Развѣ не правда, что Вася твой пошелъ противъ отца? Какой примѣръ онъ подаетъ вамъ? Я мать! Я должна оберегать васъ отъ дурного примѣра. Это мое право. Это моя обязанность! И я исполню ее, чего бы мнѣ это ни стоило. Вы этого не понимаете,—патетически заключила она, ложась на кушетку и нюхая одеколонъ.

— Папа не считаетъ нужнымъ оберегать насъ отъ Васи.

— А я считаю нужнымъ и уберегу! Я заставлю тебя слушаться,—взвизгнула Антонина Сидоровна.

Тоня молчала, но на лицѣ ея мать прочла непреклонную рѣшимость видѣться съ Васей и писать ему,—писать, конечно, будутъ тайкомъ.

— Твой Вася—бездушный эгоистъ,—продолжала Антонина Сидоровна, переведя духъ.—Онъ знаетъ, что отецъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, у отца ничего, кромѣ жалованья, нѣтъ, васъ надо воспитывать, а тутъ онъ садится на шею. Только что всталъ на ноги, получалъ лейтенантское жалованье,— и все бросаетъ изъ-за дурацкой фантазіи!

— Братъ будетъ работать. Онъ не возьметъ отъ папы ни гроша.

На языкѣ у Тони было ироническое «будьте покойны», но она не дала сорваться этимъ словамъ и просто прибавила:

— Онъ не хочетъ брать даже своего!

Антонина Сидоровна встрепенулась всѣмъ существомъ. Слова Тони были для нея неожиданны.

— Какъ это: своего?—спросила она съ дѣланнымъ изумленіемъ, широко раскрытыми глазами впиваясь въ лицо Тони.— У Василья Петровича нѣтъ ничего своего.

— Есть. Та тысяча, которую онъ далъ въ приданое Марусѣ, это его деньги. Папа сказалъ, что беретъ у него въ долгъ. Марусино приданое тоже принадлежитъ Васѣ. Все это надо продать и скорѣе.

Тоня выразительно покосилась на шаль, брошенную куда

попало; болонка лежала на концѣ, свѣсившемся на полъ, и теребила бахрому грязными лапами.

— Это все собственность Васи, и мы не имѣемъ на это никакого права, maman.

Тоня говорила мягко, почти молящимъ тономъ, не глядя на мать. Она ждала, что та вспыхнетъ отъ стыда,—и влагала въ каждое слово, въ каждый звукъ голоса всю силу мольбы и убѣжденія.

— Мама, о, мама! Вѣдь вы сами знаете... съ нашей стороны нечестно взять хоть нитку изъ этого приданаго, даже если бы Вася былъ богатъ. Но вдобавокъ онъ будетъ нуждаться, а мы станемъ щеголять на его счетъ... О, мама! Вѣдь вы сами понимаете!

Голосъ дѣвочки дрожалъ, къ глазамъ подступали горячія слезы, щеки пылали.

Секунду-другую Антонина Сидоровна не была въ состояніи отвѣтить ни слова. Она была ошеломлена, она задыхалась. Потомъ, блѣдная, съ лицомъ, перекошеннымъ отъ злобы, трепетавшей въ каждой чертѣ, она однимъ прыжкомъ сорвалась съ кушетки и, наступивъ на дочь такъ, что та отшатнулась, прошипѣла:

— Повтори, еще разъ повтори, что ты сказала!

Тоня, не сводя глазъ съ матери, тихимъ и звенящимъ голосомъ, въ которомъ предчувствовался бурный взрывъ, отвѣчала:

— Я говорю, что будетъ нечестно и безчеловѣчно оставить Васю нуждаться и завладѣть его собственностью.

Антонина Сидоровна подпрыгнула, и на щекѣ Тони загорѣлась пощечина. Дрогнули плечи дѣвочки. Одинъ мигъ—и она, казалось, дикой кошкой кинулась бы на мать.

Въ ея жилахъ текла также кровь матери, и сколько труда стоило ей укрощать эту кровь!... И теперь отвращеніе и сознаніе своей силы, и ужасъ поднять руку на мать удержали ее, и она, скрестивъ на груди руки, проговорила спокойно, даже съ затаенной злой радостью:

— Я сейчасъ и папѣ сказала, что надо не медля продать все марусино приданое и деньги отдать Васѣ.

Она хорошо знала, что эти слова—лучшая месть за пощечину.

Антонина Сидоровна повалилась на кушетку и разрыдалась, взвизгивая и выкрикивая. Это продолжалось нѣсколько минутъ. Чуть утомленіе брало свое, она съ надсадой подхлестывала себя, но это не облегчало ея безсильной злобы. Спохватясь, что Петръ Егоровичъ можетъ придти на крики, она прекратила истерику и запричитала:

— Это все этотъ мерзавецъ Васька! Это онъ сѣетъ раздоры.

Эти поганые Машкины щенки — мой крестъ, мое несчастье, бичъ моей жизни. Они отняли у меня любовь мужа и дочерей, но Васька—всѣхъ хуже!.. И эта несчастная дура воображаетъ, будто Васька ее любитъ... А любовь матери, которая посвятила свою жизнь,—этого мы не понимаемъ, не цѣнимъ! О, этотъ Васька знаетъ свое дѣло. Ты ему будешь таскать каштаны изъ огня, а онъ въ сторонѣ. «Я — чистый, я гордый, мнѣ ничего не нужно». Погоди, еще когда нибудь наплачешься отъ Васеньки горючими слезами и вспомнишь мать: мать говорила правду, мать насъ любила!

Антонина Сидоровна перешла въ патетическій тонъ:

— Дѣти—единственная радость моей разбитой жизни. И этой радости меня лишаютъ. Вмѣсто радости,—одно горе, одно страшное горе. Ты довела меня до того, что я говорю: лучше бы ты не родилась. Мало того, что ты промѣняла меня на Марусю и Василія, ты промѣняла мать на няньку, на каждую лукавую дѣвчонку, какъ твоя Анночка, на каждую сплетницу, какъ эта «тетя Вѣра», которая сѣетъ смуту въ семьѣ. Ты Зину отъ меня оттолкнула. Всѣ вы за одно противъ меня... И за что?.. За то, что я всю жизнь принесла въ жертву.

Проливъ новыя слезы и видя, что патетическій тонъ, прежде дѣйствовавшій на Тоню, не заставилъ ее измѣнить позу хорошо выдрессированной дѣвочки, прилично и хладнокровно выслушивающей привычныя сцены, Антонина Сидоровна новымъ прыжкомъ очутилась лицомъ къ лицу съ дочерью, которая инстинктивно поднятыми руками заслонила лицо.

— Слышишь,—трагически зашептала она, потрясая указательнымъ пальцемъ:—Никому никогда,—ни отцу, ни Васькѣ— ни слова про приданое! Что ты въ этомъ понимаешь? Ты крошкой, ты еще не родившись была, не видала, что я своихъ денегъ просадила на Васькино лѣченье. По грязямъ и купаньямъ возила! Больше приданаго этого просадила. И трехъ сотъ рублей не выручить за эти тряпки.

— За эту шаль купчиха Созонова даетъ сейчасъ пять сотъ рублей; серебро и брилліанты не тряпки, мебель не тряпки,— возразила Тоня холодно-дѣловымъ тономъ.

— Ты все свое, дерзкая дѣвчонка? Я сломлю тебя! Я покажу, что я мать... Я запру тебя въ монастырь... Я тебя въ сумасшедшій домъ посажу! Ты сумасшедшая! Только сумасшедшая можетъ такъ отвѣчать матери.

Дѣвочка горько усмѣхнулась. Давно она слышала эти угрозы, пугавшія ее до бреда по ночамъ, до лихорадки, когда ей не было еще и десяти лѣтъ. Потомъ она перестала пугаться, разсудивъ, что папа не позволитъ; но всегда, не смотря на наружное спокойствіе, все существо ея содрогалось отъ душев-

ной боли: какъ могла мать говорить это дочери! А теперь, вдобавокъ, изъ за какихъ низкихъ, низкихъ побужденій повторяетъ она эти угрозы!

Антонина Сидоровна на мигъ опѣшила. Эта не дѣтская, горькая улыбка была для нея новостью и такъ напоминала мужа.

— Смѣйся! Посмѣешься ты у меня,—трагически возопила она.—Не знай меня! Съ этой минуты мы — чужія! Слышишь, чужія, пока ты на колѣняхъ, ползая у меня въ ногахъ, не вымолишь прощенья.

Невозмутимое молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ Тони. Антонина Сидоровна обернулась къ образу и, простирая къ нему руки, воззвала:

— Господи! За какіе грѣхи наказалъ Ты меня такою дочерью? Господи! Гдѣ справедливость Твоя? Сама я была почтительной, любящей дочерью. Слово родителей было для меня закономъ. Я никогда не выходила изъ ихъ воли.

Антонина Сидоровна не лгала въ эту минуту: ей и не приходилось никогда выходить изъ воли родителей. Отцу, занятому ростовщичествомъ, матери — распиваньемъ «кофеевъ» съ сосѣдками, было не до дѣтей. Дѣти росли на улицѣ и домой являлись, какъ голодные щенята, поѣсть или, промерзнувъ, погрѣться на печи. Подъ сердитую руку мать таскала ихъ за волосы, отецъ билъ чѣмъ попало, дѣти ревѣли и убѣгали, ругаясь. Все было такъ просто и ясно въ этихъ отношеніяхъ. Когда-же она выросла, между ними установилось взаимное пониманіе, истекавшее изъ единства жизненныхъ цѣлей.

— Господи, не карай меня въ дѣтяхъ, смягчи и просвѣти ея сердце!—взывала Антонина Сидоровна.—Эта молитва Петра Егоровича всегда дѣйствовала на Тоню и заставляла ее смиряться передъ матерью.

— Тоня!—продолажала она, обращаясь къ дочери, унылымъ и патетически подавленнымъ голосомъ: — Я скрывала это отъ всѣхъ... Теперь ты довела меня до того, что я скажу тебѣ, скажу для твоего же исправленія. У меня опасная болѣзнь сердца, малѣйшее волненіе—и меня не станетъ. Если ты не исправишься — ты будешь причиной моей смерти. Ты будешь хуже Каина. Это будетъ тебѣ мукой въ этой жизни и въ будущей! Одумайся, Тоня, умоляю тебя, для твоего же добра.

Тоня молчала, сдерживая трепетъ каждой жилки въ лицѣ, чтобы не выдать чувства отвращенія. Чуть не съ шести лѣтъ, при каждой сценѣ Антонины Сидоровны съ мужемъ, она слышала эти угрозы аневризмомъ... Но докторъ не нашелъ никакого аневризма; отъ няни она узнала, что вспыльчивый ста-

рикъ, несдержанный въ словахъ, когда его звали попусту изъ за необъяснимыхъ припадковъ maman, говорилъ, что знаетъ только одно вѣрное лекарство противъ болѣзней г-жи Палицыной—хорошую плетку.

— Стоитъ истуканомъ... О, она еще будетъ радоваться со своимъ Васькой, когда я умру скоропостижно!—возопила Антонина Сидоровна, напрасно ловившая на лицѣ Тони хоть тѣнь того глубокаго горя, какое она видѣла на этомъ лицѣ послѣ смерти Маруси. И злоба еще сильнѣе закипѣла въ сердцѣ Антонины Сидоровны. Въ немъ бушевали двѣ страсти, равно властныя надъ нею: алчность и ревность. Приданое Маруси ускользало изъ рукъ, и ея собственная дочь шла противъ нея изъ-за ненавистнаго Васьки.

XVII.

Антонина Сидоровна начинала утомляться. Она истощила весь свой запасъ убѣжденій и угрозъ. Время шло. Скоро Петръ Егоровичъ отпуститъ писаря съ бумагами и потребуетъ чаю. Все кончится ничѣмъ. Тоня останется побѣдительницей. Нѣтъ, этому не бывать! Антонина Сидоровна подумала немного, и «счастливая» мысль осѣнила ее.

Она мѣрными, торжественными шагами подошла къ Тонѣ и съ зловѣщимъ завываньемъ произнесла:

— Обѣщай мнѣ, что ты никогда ни словомъ не напомнишь мнѣ про это приданое, обѣщай, что ты никогда никому не скажешь о немъ ни слова. Это мое дѣло. У меня свои счеты. Ты ихъ не знаешь и вообразила Богъ знаетъ что. Обѣщай, что больше не будетъ этого нелѣпаго заступничества за Василія Петровича, этого безумнаго, смѣшного обожанія. Я требую, чтобы ты сію минуту обѣщалась на всю жизнь. Не то тебѣ грозитъ такое страшное несчастіе, какого ты и не воображаешь. Дай честное, палицынское слово.

— Нѣтъ.

Слово было коротко, но выраженіе лица и голосъ дѣвочки говорили очень много. Если бы Тонѣ предложили отречься отъ Васи или взойти на плаху, она бы пошла на плаху.

Антонина Сидоровна отступила на шагъ, театральнымъ жестомъ подняла руки къ образу и произнесла грозно и торжественно:

— Такъ я проклинаю тебя, непокорная дочь. Будь ты проклята Богомъ и въ этомъ вѣкѣ, и въ будущемъ!

Тоня затряслась всѣмъ тѣломъ, пригнулась, какъ будто ее ударили по темени, и растерянно въ ужасѣ смотрѣла на мать. Антонина Сидоровна, наслаждаясь произведеннымъ эффектомъ, продолжала:

— Да, ты проклята, проклята! Не будетъ тебѣ счастья ни въ чемъ, отверженная дочь! Богъ сказалъ: чти отца и мать, и благо тебѣ будетъ, и Онъ слышитъ мое проклятіе! — И, потрясая простертой рукой, она указала на образъ. Потомъ, гордо закинувъ назадъ голову и не глядя на убитую Тоню, она прошла мимо нея, одною рукою подобравъ платье, чтобы не коснуться платья дочери, другою распахнула занавѣску и скрылась за складками ярко-голубаго ситца. На столикѣ у кровати стояла коробка съ шоколадными конфетами. Антонина Сидоровна положила въ ротъ конфетку и запила водой. У нея пересохло въ горлѣ. Никогда еще сцена не длилась такъ долго. Она легла на кровать и подумала, какъ она была эффектна въ этой сценѣ проклятія. Точно герцогиня де Босолель (въ романѣ, томикъ котораго лежалъ на ночномъ столикѣ), когда та проклинала непокорную дочь, обручившуюся тайно съ красавцемъ плебеемъ, трубадуромъ.

Антонина Сидоровна чувствовала усталость и, позвонивъ, приказала явившейся Христинѣ сказать, что у нея болитъ голова, и она не выйдетъ къ чаю. Потомъ она съ нѣгой потянулась на пуховикѣ. Торжествующая улыбка ползла по ея губамъ. Дѣвица Аріадна де Босолель смирилась послѣ проклятія, и Тоня тоже, конечно, смирится. Она была такъ испугана, такъ поражена! О, непокорная дочь будетъ, наконецъ, сломлена, и воля матери отнынѣ станетъ для нея закономъ, а приданое Маруси останется въ ея рукахъ. Васькѣ можно будетъ со временемъ по мелочамъ уплатить рублей триста, четыреста... Но это успѣется... тамъ... какъ нибудь. И она еще разъ съ наслажденіемъ потянулась.

Свѣтъ лампады у кіота упалъ ей въ глаза. Темный ликъ образа Богоматери— благословеніе къ вѣнцу—смотрѣлъ на нее изъ подъ сверкавшаго золотаго сіянія. Неловкое чувство шевельнулось въ душѣ Антонины Сидоровны: она прокляла дочь... Да вѣдь это было только *такъ*: въ душѣ она не проклинала; нужно было дать урокъ дерзкой дѣвчонкѣ, которая совсѣмъ зазналась, оттого что всѣ восхищаются ея умомъ... Да въ сущности, — вѣдь, она мать: въ ея рукахъ и проклятіе и прощеніе — нужно, чтобы и дочь это поняла. И какъ эта дѣвчонка все высчитала, все вызнала! Это, конечно, отъ Савельевны! Теперь и ненавистная старуха присмирѣетъ! Она-то, навѣрное, испугается проклятія, будетъ, ради Тони, молчать и сама станетъ учить Тоню просить прощенія... Все уладится...

Антонина Сидоровна начала дремать, вспоминая, какъ она была эффектна съ трагически протянутой рукой... Ничуть не хуже герцогини де Босолель. Даже, конечно, гораздо лучше, потому что герцогиню побуждала къ этому шагу преступная

любовь къ трубадуру, а ее... Впрочемъ, на этой недоконченной мысли Антонина Сидоровна сладко заснула.

XVIII.

Когда мать скрылась за занавѣской, Тоня простояла нѣсколько секундъ недвижно, съ поникшей головой, какъ оглушенная громомъ. Она взялась за голову. «Проклятая! Проклятая!» Да, эти слова сейчасъ раздавались здѣсь. Это не страшный сонъ. Она глухо вскрикнула и, закрывъ руками лицо, кинулась вонъ изъ этой комнаты, пронеслась по амфиладѣ парадныхъ комнатъ въ чуланчикъ няни и, упавъ на колѣни передъ ея кроватью (это было вѣрное убѣжище дѣтей во всѣхъ горестяхъ), зарыла голову въ подушки, чтобы заглушить рыданія, крики отчаянія. О, пусть никто, никто не слышитъ и не видитъ ея! Ей казалось, что проклятіе выжгло на лбу ея страшное клеймо. Господи! Боже мой!.. Она хотѣла молиться, но слова молитвы оборвались въ душѣ. Къ чему молиться? Развѣ Богъ услышитъ молитву проклятой? Несправедливое проклятіе, но все равно, проклятіе матери!.. Тоня поднялась съ колѣнъ и сѣла на кровать, стиснувъ пальцы повисшихъ рукъ. Какъ теперь жить? За что ни взяться — на всемъ проклятіе. Что скажетъ папа, Зина, няня?.. Мелькнула мысль: «она не скажетъ отцу, никому не скажетъ»... Все равно, хоть бы всѣ дорогіе, любимые узнали, хоть бы весь міръ узналъ... Хуже не будетъ... Вся жизнь погублена... Какъ жить теперь, какъ жить?

Ни на одинъ мигъ не мелькнула въ головѣ дѣвочки мысль просить прощенья, дать обѣщаніе, которое отъ нея требовала мать. Всѣми фибрами Тоня чувствовала, что она права. Она не уступитъ, не отречется отъ Васи, не продастъ правду... Она зла не дѣлала, она хотѣла помѣшать злу, уберечь мать отъ постыднаго дѣла. И она проклята, и проклятіе будетъ мучить и давить ее до самой смерти. Она помнила, какъ хоронили Марусю, каждая подробность врѣзалась въ память... Священникъ прочелъ отпускную...—«Отъ клятвы родительскія»... вотъ когда, только съ мертвой, только на краю открытой могилы снимется клятва...

Вошла няня, взяла прилѣпленную къ складню въ переднемъ углу чулана восковую свѣчу и зажгла лампаду. Когда вспыхнулъ голубоватый огонекъ лампады, Тоня вздрогнула и отвернулась.

— Вотъ ты гдѣ, Тонечка, а баринъ думаетъ, что у барыни: чай велѣлъ тебя туда снести, — говорила старуха, съ трудомъ слѣзая съ сундука, на который взгромоздилась, чтобы оправить лампаду.

Блѣдный, колеблющійся огонекъ освѣтилъ кровать и склоненное лицо Тони. Савельевна ахнула, кинулась къ дѣвочкѣ и, обхвативъ ея головку обѣими руками, крѣпко прижала ее къ груди.

— Что *она* такое сдѣлала надъ тобой, Тонечка? Лицо-то у тебя, лицо какое!.. О, Господи! Родная, не смотри такъ страшно. Да говори же: что такое? Владычица! И съ чего это *она* поѣдомъ ѣстъ дѣтей родныхъ, свою кровь? Скажи, Тонечка, скажи милая,—отъ сердца отойдетъ.

— Не могу, няня, оставь,—отвѣчала Тоня такъ тихо, что няня скорѣе угадала, чѣмъ услышала ея слова.

— Не оставлю, пока не переможешься... Ну, теперь силъ нѣтъ сказать, послѣ скажешь, какъ мысли поразвѣются.

И няня гладила тонину голову, которую крѣпко прижимала къ груди, цѣловала темныя косы, хватала холодныя руки дѣвочки, причитая:—Родная моя, голубушка, сиротинушка ты моя, даромъ, что при живой матери.

«Сиротинушка!»—такъ она звала Марусю и Васю, теперь она подумала, что имъ все не такъ горько было терпѣть отъ мачихи, какъ Тонѣ отъ родной матери. Вбѣжала Зина. Цыганское миніатюрное личико выражало сильную тревогу и не менѣе сильное любопытство.

— Ты здѣсь, Тоня. Я снесла тебѣ чай въ спальню maman, и maman сказала, чтобы я при ней не смѣла упоминать твоего имени... Да какъ сказала то? Вотъ съ такой миной и съ такимъ голосомъ...

И дѣвочка, наморщивъ тонкія брови, выпучила свои огромные черные глаза такъ, что они, казалось, сейчасъ выскочатъ изъ орбитъ, вытянула трагически худенькую ручку и произнесла гробовымъ голосомъ: «Никогда не смѣй при мнѣ поминать имени недостойной Антонины»... Что ты такое сдѣлала, Тоня? И что сдѣлала maman съ тобой? Мнѣ жаль тебя! Я люблю тебя, Тоня, Тоничка, сестричка!..

Зина схватила руку сестры и крѣпко, что было силы, поцѣловала ее, потомъ кинулась ей на шею со слезами.

— Тоня, милая, голубушка, вѣдь все это неправда? Вѣдь, все это maman сочинила, что ты недостойная, отверженная? Это она все нарочно пугаетъ. Ты не мож...

— Оставь ее, егоза, уймись! Видишь, не до тебя. Принеси сюда чай. Пусть тепленькаго напьется, авось поопамятуется.

Зина понеслась стрѣлой и черезъ минуту, явившись съ чашкой чаю, подала ее Тонѣ, замѣчая поучительнымъ тономъ взрослой:

— И охота тебѣ, Тоня, вѣчно разсуждать съ maman. Пусть она свое говоритъ, а ты молчи — и дѣлай свое. Такъ всегда лучше.

Тоня машинально глотала чай. Въ чуланчикъ заглянулъ Палицынъ и остановился у двери. Тоня пересѣла на дальній конецъ кровати.

— Что это у тебя за исторіи съ матерью?

— Папа, я не сдѣлала ничего дурнаго.—Голосъ дѣвочки звучалъ твердо и увѣренно.

— Что это за безпорядокъ,—пить чай по угламъ!

— Оставьте ее, баринъ,—шепнула Савельевна.

По тону ея Палицынъ понялъ, что случилось что нибудь особенное.

Онъ сдѣлалъ шагъ и увидѣлъ, что Тоня, отвернувъ голову, старается скрыть лицо.

— Чего ты прячешься, Тоня? Подойди сюда.

Она покорно встала и сдѣлала шагъ къ нему. Голубоватый огонекъ лампады освѣтилъ опущенную голову и блѣдное, убитое лицо, съ краснымъ пятномъ на щекѣ, съ застывшимъ въ каждой чертѣ выраженіемъ ужаса. Палицыну показалось, будто лицо дочери постарѣло за эти часа два, что онъ не видѣлъ ея.

— Тоня, что случилось?

На тревожный вопросъ отца, Тоня подняла на него усталый потускнѣвшій взглядъ и повторила по прежнему:

— Я ничего не сдѣлала дурного, папа, — и, помолчавъ, она прибавила:—я заступалась за Васю.

Отецъ вздохнулъ тяжело и не сталъ болѣе разспрашивать. Все то же, все старое, только теперь, должно быть, Антонина Сидоровна придумала какой нибудь новый пріемъ, напугавшій Тоню. Надо будетъ серьезно поговорить съ женой: она совершенно не понимаетъ характера дочери.

— Ложись спать, Тоня, и успокойся.

Онъ перекрестилъ дочь. Она вздрогнула и смутилась, по привычкѣ цѣлуя его руку и подставляя лобъ для поцѣлуя, который сегодня былъ нѣжнѣе обыкновеннаго.

Когда отецъ ушелъ, Тоня снова забилась въ темный уголъ и отвернулась къ стѣнѣ, скрывая лицо. Она долго просидѣла бы въ той же позѣ, если бы няня не увела ее спать.

По привычкѣ дѣвочка опустилась на колѣни для вечерней молитвы, но тотчасъ поднялась. Къ чему молиться? Если Богъ допустилъ проклятіе,—значитъ, онъ не приметъ ея молитвы. Она наскоро раздѣлась и закрыла глаза. О, ничего не видѣть и не слышать, уйти куда нибудь въ темную пещеру, скрыться навсегда, чтобы глазъ человѣческій не видѣлъ ея! Сонъ не шелъ къ Тонѣ. Она открыла глаза и сѣла на постели. Въ затихавшемъ домѣ звонко пронеслось восклицаніе Антонины Сидоровны: «Оставьте, я знаю, что дѣлаю. Я—мать!» Вѣрно отецъ уговаривалъ maman, просилъ за Тоню. Затѣмъ все

стихло. Рядомъ слышалось только ровное дыханіе Зины, спавшей крѣпкимъ сномъ послѣ волненій этого тревожнаго дня. Тоня долго сидѣла, прислонясь къ подушкамъ, и, наконецъ, забылась тѣмъ тяжелымъ сномъ, — послѣ котораго человѣкъ встаетъ еще болѣе измученнымъ и разбитымъ. Сонъ скоро прошелъ, и дѣвочка лежала съ открытыми глазами. Ни одной мысли не было въ головѣ, — одно ощущеніе ужаса, холода, пустоты, оторванности отъ всего живого.

Въ полумракѣ майской ночи всѣ предметы въ комнатѣ принимали неясныя, расплывчатыя очертанія. Тоня и въ ранніе годы не знала обычныхъ дѣтскихъ страховъ. Отецъ рано пріучилъ ее не поддаваться впечатлѣніямъ страха, но прямо подходить къ пугающему предмету. И Тоня никогда не видѣла никакихъ призраковъ, не слыхала никакихъ голосовъ въ темнотѣ. Подруги за это звали ее героиней, и это смѣшило ее. Теперь она явственно видѣла, какъ что-то безформенное колебалось, кружилось и всплывало отъ окна къ потолку,— не то паръ, не то дымъ. *Это* уплотнялось, принимало форму громадной, страшной человѣческой тѣни; *это* приближалось и носилось надъ кроватью Тони. Вся цѣпенѣя, Тоня узнала духа зла съ прозрачными, какъ изъ темно сѣраго флера, крыльями летучей мыши и гордымъ, гнѣвнымъ и скорбнымъ профилемъ,—какимъ Тоня видѣла Люцифера на гравюрахъ въ томикѣ Мильтона. Грозная тѣнь разросталась, заслоняла всю комнату; сквозь тѣнь эту тускло мерцалъ огонекъ лампады и чернѣли частые переплеты старинныхъ голландскихъ оконъ. Тѣнь опускается все ниже и ниже надъ Тоней. Крылья летучей мыши вѣютъ надъ головой дѣвочки, касаются приподнимающихся отъ ужаса волосъ. Холодъ проходитъ по лицу Тони, разливается по тѣлу, оковываетъ члены. Она дѣлаетъ усиліе и протягиваетъ руки. Онѣ встрѣчаютъ пустоту. Грозная тѣнь мгновенно исчезаетъ. Тоня опять приподнимается на постели, облитая холоднымъ потомъ, и переводитъ духъ. Она озирается по угламъ. Нигдѣ ничего.

Дѣвочка пришла въ себя. Мысль начала усиленно работать. Вася скажетъ, что это суевѣріе, что призраковъ нѣтъ, что то была галлюцинація разстроенныхъ нервовъ, созданіе воображенія; что духъ зла—это наши злыя мысли и чувства. А папа, если бы узналъ, что бы онъ сказалъ?.. И Тонѣ—припомнилась та прошлогодняя ужасная сцена, когда Вася въ первый разъ объявилъ отцу о своемъ намѣреніи поступить въ университетъ. Отецъ грозилъ... отецъ былъ страшенъ... Была минута... Тоня замерла, ожидая чего то неизвѣданнаго, самаго страшнаго... Лицо отца поблѣднѣло, какъ лицо мертвеца, глаза сверкали. Видно было, что какое то страшное слово готово было сорваться съ его дрожавшихъ губъ. Глаза отца встрѣти-

лись съ молящимъ взглядомъ Маруси... Маруся также ждала, какъ и Тоня... Отецъ крѣпко стиснулъ губы — и невѣдомое страшное слово не было произнесено. Отецъ перекрестился и прошепталъ: «Благодарю Тебя, Господи, Ты сдержалъ безумное, страшное слово». Тоня не разъ думала о томъ, какое это было слово?... Маруся не хотѣла ей сказать... Теперь она поняла... И слово это сказано надъ нею... Какъ-же жить теперь?.. Тоня заломила руки. Дѣвочка металась съ сухими, безсонными глазами на своей постели. Такъ мучительно протянулись часы до разсвѣта... Въ домѣ всѣ спали, когда Тоня поднялась и по привычкѣ взяла свои книги. Она часто вставала на разсвѣтѣ читать любимыя книги, чтобы не слышать выговоровъ матери. Теперь Тоня перечла сцену изъ Шекспира— монологъ Порціи о милосердіи. Она плохо понимала сегодня. Какая то тупость и вялость оковывали ея мысли, всѣ члены ослабѣли. Отложивъ чтеніе, она взялась за уроки. Приготовивъ все нужное, Тоня просмотрѣла уроки Зины, отмѣтила, что надо объяснить сестрѣ дальше. Все дѣлалось какъ то необычайно медленно; приходилось по нѣскольку разъ просматривать то, что она знала наизусть.

XIX.

Все въ домѣ зашевелилось, начался обычный день. Тоня съ безукоризненною точностью автомата исполняла всѣ обычныя движенія, только не пошла вмѣстѣ съ сестрой въ спальню матери, цѣловать руку съ обычнымъ: «bonjour, chère maman».

Антонина Сидоровна, прохаживаясь по амфиладѣ парадныхъ комнатъ, изображала на лицѣ отвращеніе и ужасъ при встрѣчахъ съ дочерью; каждый разъ, какъ ея платье, нечаянно или нѣтъ, касалось платья дочери, она вздрагивала всѣмъ тѣломъ и демонстративно отдергивала платье, въ то же время слѣдя исподлобья за выраженіемъ лица Тони. Но на этомъ блѣдномъ и какъ бы застывшемъ лицѣ она не встрѣчала ожидаемаго впечатлѣнія... Петръ Егоровичъ тяжело вздыхалъ и сдерживалъ желаніе вступиться, опасаясь, что Тонѣ отъ этого будетъ еще хуже. Зина вела себя съ безукоризненностью образцоваго автомата, столько же изъ чувства самосохраненія, скокько изъ страха повредить Тонѣ, разсердивъ maman. Тоня была великолѣпна своею выдержкой, которой отчасти способствовало впервые испытанное и не проходившее чувство тупой вялости. Ни одинъ мускулъ въ лицѣ ея не дрогнулъ при всѣхъ выходкахъ матери; она хорошо понимала, что maman «ломаетъ камедь», какъ иногда говорилъ про мачиху Вася.

Пришла учительница англійскаго языка. Она раза два съ

искреннимъ состраданіемъ взглянула на Тоню, и нужна была вся сдержанность англичанки, чтобы у нея не сорвался вопросъ: «Что съ вами, бѣдное дитя?» Впослѣдствіи учительница говорила, что «родная дочь м-съ Палицыной смотритъ сказочной дѣвочкой, у которой вынули душу». Тоня очень любила англичанку за ея правдивость и за то, что съ нею можно «разсуждать». Скажи она теперь хоть одно слово, и дѣвочка, прильнувъ головой къ ея груди, высказала бы ей свое страшное несчастье. Въ душѣ Тони шевельнулся порывъ къ изліянію, когда она почувствовала теплый, понимающій и сострадающій взглядъ доброй женщины; но дѣвочка скрѣпилась. Къ чему? Она — отверженная, проклятая, между нею и другими людьми стѣна!

Потомъ пришелъ учитель музыки, распекъ Тоню за невниманіе и машинальность игры, потомъ слѣдовалъ обѣдъ, потомъ музыкальныя упражненія. Вечеромъ мать повела дѣвочекъ въ Лѣтній садъ смотрѣть полетъ воздухоплавателя. Не взять Тоню—скажутъ, что опять наказана. Тоня въ первый разъ видѣла воздушный шаръ, но она смотрѣла на это зрѣлище, какъ «дѣвочка, у которой вынули душу». Знакомыя дамы допытывались, отчего Тоничка смотритъ такой убитой.

— Докторъ сказалъ, что это отъ сильнаго роста; при томъ она устаетъ отъ занятій; на разсвѣтѣ поднимается читать. Ничего съ ней не подѣлаешь,—въ разныхъ варіантахъ отвѣчала Антонина Сидоровна на разспросы, давъ себѣ слово не брать болѣе Тоню въ свѣтъ, пока *все это* не кончится.

Протянулся и кончился день. Тоня не могла сказать—протянулся ли онъ томительно долго, или пролетѣлъ съ небывалой быстротой. Она чувствовала себя усталой и разбитой. Когда отецъ, благословивъ дѣтей на ночь, ушелъ, она сѣла на табуретъ у кровати, согнувшись и опустивъ руки, какъ садится носильщикъ, весь день таскавшій на плечахъ десяти-пудовыя тяжести.

Няня, которая перестала разспрашивать и только весь день тревожно слѣдила за нею любящимъ взглядомъ, — сказала:

— Что жъ ты не раздѣваешься, Тоничка?

Тоня автоматически раздѣлась. И снова тотъ же сонъ съ открытыми глазами, и снова частое пробужденіе. Но, пробуждаясь, Тоня уже не видѣла болѣе никакихъ призраковъ, только все также неотступно била въ голову мысль: какъ теперь жить?

На другое утро Антонина Сидоровна, проходя въ свой будуаръ, сказала, не обращаясь ни къ одной изъ дочерей:

— Сегодня урокъ французскаго.

Тоня съ тетрадями и учебниками пошла вслѣдъ за Зиной въ будуаръ.

— Вы пришли просить прощенья и дать то обѣщаніе, котораго я отъ васъ требовала?—высокомѣрно спросила Антонина Сидоровна, скрывая въ душѣ ликованье.

Тоня молча взглянула на книги, которыя клала на столъ. Антонина Сидоровна расхохоталась сухимъ и злымъ хохотомъ, «d'un rire tragique et diabolique»,—такъ опредѣлила она свой хохотъ, припоминая герцогиню де-Босолель въ сценѣ, когда дочь молила о прощеніи.

— Ха, ха, ха! И она воображаетъ, что я буду учить ее? Ее—отверженную дочь!...

Тоня ушла, унося книги и тетради.

— Зина!—торжественно обратилась Антонина Сидоровна къ дрожащей и плачущей крошкѣ. — Ты видишь, какъ она убиваетъ свою мать. Ты не должна жалѣть ее. Это не моя власть, Зина, такъ Богъ сказалъ. Непокорныя дѣти сами накликаютъ несчастье на свою голову.

Она говорила все тѣмъ-же трагическимъ шопотомъ герцогини де-Босолель. Перепуганная Зина разрыдалась громко, неудержимо. Крикъ матери «молчи» не могъ унять ея рыданія, и черезъ секунду Зина вылетѣла изъ будуара, препровожденная энергическимъ пинкомъ ноги maman, что уже совершенно не походило на величавые пріемы герцогини.

Этотъ вечеръ былъ канунъ Вознесенья.

— Тоня не пойдетъ ко всенощной, — объявила Антонина Сидоровна мужу.

— Послушай, Антонина Сидоровна, если Тоня въ чемъ виновата передъ тобой, то тѣмъ болѣе ей надо идти въ храмъ божій, — началъ Петръ Егоровичъ, надѣясь выяснить эту исторію.

— Она останется дома, — перебила Антонина Сидоровна тономъ, не допускавшимъ возраженій.—Вы вбили ей въ голову ваше ханжество. Всѣ смѣются, когда и вы-то молитесь. А она иногда совсѣмъ не владѣетъ собой. Вздохи, слезы, экзальтированныя мины,—глупый спектакль для публики. Я не буду брать ее въ церковь, пока она не выучится молиться прилично.

— Прилично? Антон...

Она махнула шлейфомъ и выбѣжала изъ комнаты.

— Отверженнымъ нѣтъ мѣста въ церкви, — объявила она Тонѣ, напрасно выслѣживая на лицѣ дѣвочки хоть тѣнь раскаянія и покорности.

Зина уже приготовила Тоню къ этому удару, передавъ, что Христинѣ не было приказано выгладить тонино бѣлое платье. Антонина Сидоровна на мигъ опѣшила: и эта мѣра не сломила дьявольскій характеръ. Потомъ ее осѣнила новая мысль. Она прошла торжественнымъ маршемъ въ спальню и

также вернулась оттуда съ евангеліемъ въ рукѣ, развернула его на главѣ о страшномъ судѣ и положила передъ Тоней.

— Читайте, что васъ ожидаетъ на страшномъ судѣ...

Оставшись одна въ опустѣвшемъ домѣ, Тоня прочла указанную главу. Она знала все сказанное тамъ давно, почти наизусть. Теперь она перечитывала, вдумываясь въ каждое слово, насколько могла вдумываться ея измученная голова. Козлища—это тѣ люди, которые добра не дѣлали, не помогали братьямъ въ бѣдѣ. Тоня съ неподкупною строгостью разобрала свою жизнь. Да, добра она сдѣлала мало.

Она заступалась за няню, за деньщиковъ, за Васю, брала на себя вину Зины, учила Зину тайкомъ, чтобы maman не швыряла бѣдной Зинкѣ книгу въ лицо, когда та не понимала сразу уроковъ (Тоня остановила себя на словѣ «безтолковыхъ»)... Когда папа и Вася дарили ей деньги, она больше половины раздавала нищимъ и монашенкамъ. Вотъ и все...

Ну, чтожъ такого раздавать гроши, да еще не свои, подареные?.. То ли дѣлали святыя мученицы-дѣвы; а вѣдь иныя изъ нихъ были дѣвочками ея лѣтъ и моложе. Тоня всегда съ восторгомъ читала объ этихъ мученицахъ въ дѣтской Чети-Минеи, которую ей подарилъ отецъ, и не разъ за чтеніемъ мечтала уѣхать съ какой-нибудь миссіей проповѣдывать вѣру Христову язычникамъ и принять за нее мученическій вѣнецъ. Но теперь ей было не до мечтаній, она переживала минуты трезвой оцѣнки своей жизни.

Что можетъ сдѣлать дѣвочка ея лѣтъ? Когда Тоня выроститъ, она будетъ работать, жить въ углу, спать на соломѣ, ходить въ дерюгѣ и раздавать всѣ деньги... Нѣтъ, она будетъ подбирать и воспитывать нищихъ дѣтей, которыя ходятъ по міру. У нея всегда поворачивалось сердце, когда она встрѣчала нищихъ дѣтей. Она будетъ учить ихъ, будетъ имъ матерью. Особенно такихъ дѣтей, у которыхъ такая же мать, «лгущая вѣдьма...» Слово невольно прорвалось въ мысли. Дѣвочка вздрогнула: такое слово передъ этою святою книгою! Ученіе Христа—ученіе любви. . О, сколько зла въ ея душѣ!.. Гдѣ же ей жить для добра, ей,—отверженной, проклятой?.. И ей казалось, что черная леденящая завѣса опускается на нее, скрываетъ золотыя полосы солнечныхъ лучей, падавшихъ изъ оконъ... А давно ли ей казалось, что въ этихъ лучахъ къ ней сходитъ ангелъ, несущій отъ Бога исполненіе ея молитвы.

Она сложила евангеліе и принялась ходить по парадньмъ комнатамъ. О, сколько было для нея въ этихъ комнатахъ ненавистнаго, постыднаго. Вотъ эти два большія зеркала, отражавшія ее съ головы до ногъ, со скрещенными у пояса руками и блѣднымъ лицомъ, — куплены на «экономію» maman. Пять мѣсяцевъ, когда отецъ былъ въ походѣ, ѣли га-

дость, прислуга голодала. Няня писала отцу, письмо не дошло. Когда эти зеркала были привезены, Тоня вечеромъ со свѣчкой подошла разсмотрѣть, изъ-за чего всѣхъ морили, изъ-за чего было столько срама передъ прислугой, передъ сосѣдями, которые все знали. И вдругъ — дѣвочка сама не понимала, какъ это случилось,—она поднесла пламя свѣчки къ стеклу. Какъ весело бы было, если бы оно съ трескомъ лопнуло, и по немъ пошли трещины звѣздами съ длинными лучами. Няня схватила ее за руку, шепча: «Сумасшедшая, что дѣлаешь!..» Этому прошло три года, а кажется было только вчера. Вотъ эти занавѣсы у оконъ, драпри у дверей—шелкъ, бронзовые золоченые карнизы—все это Марусино приданое, все это вымѣнено на свѣтлыя шелковыя матеріи, которыхъ maman не носитъ... Вася будетъ голодать за весь этотъ мерзкій модный хламъ. Тоню охватилъ порывъ дикой злобы. О, разнести все это, исковеркать, изорвать въ лоскутья, вышвырнуть на улицу, чтобы вѣтеръ разнесъ ихъ, выволочилъ въ грязныхъ лужахъ!..

Она забыла о себѣ, вся душа ея перенеслась къ Васѣ. Какъ помѣшать этому? Вася слова не скажетъ, какъ ему живется; ради отца Вася уговаривалъ не поднимать исторіи о приданомъ... И отецъ даетъ maman волю обижать Васю, давалъ волю обижать Марусю... Тоня слышала, какъ, умирая, Маруся говорила нянѣ: «Чего плачешь? Мнѣ не жаль жизни... И съ Тейчке былъ бы адъ, и здѣсь адъ...»

О, будь Тоня на мѣстѣ отца, ада бы не было. Она бы «скрутила maman!..» Опять злыя, беззаконныя мысли!.. Это оттого, что она на всю жизнь обречена злу... И низко опустилась голова дѣвочки на грудь, и медленно шагала Тоня, согнувшись, какъ старуха, подъ тяжестью душевной пытки. Прошелъ часъ, ноги подкашивались. Тоня оперлась на подоконникъ и высунулась въ открытое окно. Заходившее весеннее солнце свѣтило ей въ глаза, легкій вѣтеръ развѣвалъ короткія, упрямыя пряди, выбивавшіяся изъ туго заплетенныхъ косъ, короною лежавшихъ на головѣ. Внизу, на неровной мостовой, шла веселая возня чумазыхъ и оборванныхъ матросскихъ дѣтей. Крики, смѣхъ, звонкіе радостные голоса доносились до Тони. Она машинально взглянула внизъ. Пропасть саженъ въ пять глубины, казалось, притягивала ее. Въ головѣ не было мысли ни объ опасности, ни о смерти. Глубина просто сама притягивала какой то неиспытанной еще и несознанной силой—и Тоня невольно все болѣе и болѣе высовывалась изъ окна, безсознательно подчиняясь нѣмому и властному призыву. Еще минута—и дѣвочка, потерявъ равновѣсіе, лежала бы разбитой о неровные камни мостовой. Но въ эту минуту, въ передней раздался голосъ матери, возвратившейся изъ церкви, и

Тоня побѣжала прятаться въ нянинъ чуланчикъ, не сознавая даже, отъ какой страшной опасности она избавилась.

XX.

Прошла и третья ночь, здоровый организмъ бралъ свое, и ночь прошла спокойнѣе. Утромъ снова наединѣ Тонѣ было объявлено, что «отверженнымъ нѣтъ мѣста въ церкви». Петру Егоровичу сказали, что Тоня больна. Онъ и самъ считалъ дѣвочку больной, приписывая болѣзнь «исторіи». Тоня сильно поблѣднѣла и похудѣла въ эти дни; расширенные глаза горѣли въ вѣкахъ, покраснѣвшихъ отъ безсонницы, но не отъ слезъ. Тоня, если бы и хотѣла, не могла бы проронить ни слезинки. Синія полосы подъ глазами и рѣзкія черты, обозначившіяся у губъ, старили дѣтское лицо; но на немъ мать не читала ни страха передъ собой, ни раскаянія. «Чугунное лицо» — говорила Антонина Сидоровна, удивленная этимъ упорствомъ. Петръ Егоровичъ, которому Тоня на его вопросы о здоровьи отвѣчала каждый разъ: я здорова,—сказалъ, что надо послать за докторомъ.

— Пустяки, это къ росту, я знаю, я—мать. Это мое дѣло,—отвѣчала Антонина Сидоровна.

— Если къ вечеру будетъ тоже, я пошлю за Рейхелемъ,—сказалъ Петръ Егоровичъ тономъ, отъ котораго вся кровь жены закипѣла въ безсильной злобѣ.

Но онъ не настаивалъ, чтобы Тоню взяли въ церковь. Въ напряженномъ состояніи, съ затаенной мукой въ душѣ, дѣвочка дѣйствительно можетъ въ церкви разрыдаться.

— Послушай, Антонина Сидоровна,—сказалъ онъ по дорогѣ въ соборъ.—Надо положить этому конецъ. Развѣ ты не понимаешь, что Тоня можетъ серьезно заболѣть? Я поговорю съ ней: она придетъ къ тебѣ просить прощенья, а ты должна простить.

— Очень мнѣ нужны ея просьбы, — фыркнула Антонина Сидоровна.

— Да развѣ въ тебѣ тутъ дѣло? Вѣдь ты это, конечно, для ея же исправленія...

— Да, надо сломить этотъ дьявольскій характеръ... вся въ васъ—и я ее сломлю!

— Но подумай, нуженъ тактъ, нужно пониманіе характера ребенка, умѣнье примѣняться.

— Скажите, пожалуйста—примѣняться! Это матери-то примѣняться къ дѣвчонкѣ. Педагогъ! Ха, ха!

— Но дѣвочка измучена. Развѣ ты не видишь, какъ она измѣнилась?

— Не смѣйте вмѣшиваться! Вы мужчина и ничего не понимаете. Дѣвчонка ростетъ, нервничаетъ—такой возрастъ. Чѣмъ меньше обращать вниманіе—тѣмъ лучше. А вы носитесь съ ея нервами: «Тонечка, что съ тобой, Тонечка, ты нездорова!»

— Я тебѣ говорю, что это надо кончить,—тихо, но властно проговорилъ мужъ.—Если такъ,—я самъ допрошу Тоню. А если вечеромъ все это не будетъ кончено, — пошлю за докторомъ!

Угроза послать за докторомъ была самымъ дѣйствительнымъ средствомъ покончить домашнюю исторію. Антонина Сидоровна боялась язычка доктора и, еслибъ не то, что Рейхель за одну важную услугу, оказанную ему Петромъ Егоровичемъ, лѣчилъ даромъ, Антонина Сидоровна пригласила бы Тильберга, изящнаго дамскаго кавалера, который быстро составлялъ себѣ практику въ семьяхъ очарованныхъ имъ дамъ Балтійска. Она уже сознавала и сама, что «надо кончить». Но какъ? Тоня не уступитъ. Напрасно она ловила всѣ эти дни хоть какой-нибудь слѣдъ страха, раскаянія, горя отъ разрыва съ матерью. Даже проклятіе не тронуло это «каменное сердце». Она сочла за лучшее отдалить объясненіе и послѣ обѣдни, не заходя домой, отправилась съ визитами, пригласила къ обѣду пріятельницу и двухъ офицеровъ изъ экипажа мужа. Она приказала нянѣ завязать Тонѣ горло, увѣряя изумленную старуху, что Тоня охрипла. Это объяснило гостямъ молчаливость и блѣдность Тони. Запретить дочери выходить къ обѣду было неудобно, въ виду угрозы Рейхелемъ. Послѣ обѣда сѣли за карты, а Тонѣ черезъ няню приказали играть Гензельтовское «Orage, tu ne saurais m'abattre».

Заглавіе пьесы приходилось по душѣ Тонѣ, пережившей много бурь. Дѣвочка поняла идею пьесы, когда «Orage» сыгралъ ей учитель музыки. Быстрые пассажи аккордовъ въ басѣ, точно гулъ и ревъ разразившейся бури, сначала заглушаютъ мелодію дисканта; но потомъ она раздается все явственнѣе, какъ будто голосъ увѣренно и гордо отвѣчающій: «Ты не сломишь меня, буря». И бурные переливы звуковъ въ басѣ стихаютъ постепенно, а мелодія въ дискантѣ звучитъ торжествомъ. Исполненіе этой пьесы было не по силамъ дѣвочкѣ; пассажи лѣвой руки были очень трудны, требовалась быстрота, все «шестьдесятъ-четвертыя», все «четыре полосы», — это пугало начинающихъ. Тоня добросовѣстно выдолбила всю пьесу тактъ за тактомъ и могла добиться только автоматическаго исполненія.

Она понимала музыку только «духомъ, а не слухомъ», какъ говорилъ учитель, — и то въ минуты музыкальнаго настроенія. Ея собственная музыка была для нея «трескотней», порою оглушавшей ее до состоянія чуть не гипнотическаго.

Разыгрывая непосильно трудныя вещи съ точностью автомата. Тоня сначала думала о своемъ, обо всемъ, чѣмъ наболѣла душа, или о новой увлекавшей ее книгѣ, повторяла любимыя стихотворенія или мечтала о томъ времени, когда всѣ будутъ счастливы и будутъ жить въ мирѣ и любви. Потомъ она постепенно такъ усовершенствовала этотъ автоматизмъ игры, что вкладывала въ толстыя тетради этюдовъ книги и читала, зачитываясь, слыша, вмѣсто гармоніи или дисгармоніи звуковъ, которые извлекали ея руки, только отдаленный глухой шумъ.

Всѣ эти дни Тоня, хотя бралась то за ту, то за другую книгу, не могла читать «по настоящему». Между нею и любимыми авторами стояла таже черная стѣна, которая стояла между нею и цѣлымъ свѣтомъ. На третій день въ этой стѣнѣ явились просвѣты.

Тоня стала менѣе походить на сказочную дѣвочку, «изъ которой вынули душу». Явились приступы острой тоски, сжимавшей сердце до боли, хватавшей за горло. И все чаще и громче страшный голосъ въ ней самой твердилъ: такъ жить нельзя. Если бы продлилась эта пытка, кто знаетъ, какое страшное рѣшеніе этотъ голосъ, неумолимый и неотступный, могъ бы нашептать дѣвочкѣ. И теперь, пока лѣвая рука перебѣгала вверхъ и внизъ три октавы басовъ, этотъ голосъ твердилъ въ тактъ бурнымъ звукамъ: «Такъ жить нельзя, такъ жить нельзя!»..

Натянутые нервы сдались. Тоня *со стороны* взглянула на себя; въ ней было въ эту минуту какъ будто двѣ дѣвочки: одна, которая мучается, невыносимо мучается, другая—которая все видитъ и понимаетъ, и жалѣетъ страдалицу. Двѣ три крупныя слезы, тѣ рѣдкія слезы, которыя выжимаетъ изъ горящихъ глазъ нестерпимая мука, задрожали на рѣсницахъ и медленно скатились по блѣднымъ похудѣвшимъ щекамъ; а въ лицѣ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ; попрежнему оно было «чугунное».

Такія слезы не облегчаютъ.

Прибѣжала Зина, которая весь день была въ необычайномъ волненіи. Смѣтливая дѣвочка ждала сегодня конца исторіи: папа грозилъ послать за Рейхелемъ. Къ тому-же сегодня былъ третій день, а у дѣтей Антонины Сидоровны насчетъ третьяго дня, третьяго раза, вообще всего третьяго, сложилось своеобразное суевѣріе. Число три имѣло роковое вліяніе. Она весь день то вертѣлась около Тони, цалуя ей руки и заглядывая ей въ лицо, стараясь угадать: уступитъ ли сестра maman и шепча: «Сегодня все кончится, Тоничка»; то чинно садилась въ уголъ въ будуарѣ прислушиваться съ жаднымъ любопытствомъ къ далеко не поучительнымъ бесѣдамъ пріятельницы и

maman. Зина отъ maman наслѣдовала страсть къ гостямъ, и «исторія» съ Тоней сильно мѣшала ея удовольствію.

Зину maman прислала съ приказомъ Тонѣ переиграть «Orage», потому что Тоня сфальшивила. Ухо maman не отличило бы, если бы правой рукой играли одну пьесу, а лѣвой другую, лишь бы не сбивались и соблюдали тактъ. Но надо было показать пріятельницѣ свое пониманіе музыки. Это была одна изъ тѣхъ безчисленныхъ мелочей лживости и притворства, которыя обыкновенно заставляли Тоню краснѣть за мать. Теперь она выслушала приказъ, не опустивъ глазъ.

— И все это она нарочно хочетъ показать, что понимаетъ,—говорила важно Зина, у которой были замѣчательныя музыкальныя способности и которая училась играть на фортепіано самоучкой и съ небольшой помощью Тони.—Ты играла вѣрно, только какъ табакерка съ музыкой.

Тоня встряхивала онѣмѣвшей лѣвой рукой, отвѣчая:—Сейчасъ, немного отдохну.

Зина взяла ея руку, растирала, выпрямляла пальцы, дула на нихъ и цаловала.

— Что сказала-бы Зина, если бы знала все,—пронеслось въ головѣ Тони. Она поникла головой.

— Тоня. Тоничка — зашептала въ испугѣ Зина, уткнувъ лицо въ колѣни сестры. — Не смотри такъ страшно. Что съ тобой?

Явилась Христина. Зина обхватила голову сестры, скрывая лицо ея отъ соглядатайства наперсницы.

— Вы тутъ дурачитесь, а фрау ждетъ музыки. Не мѣшайте, Зина, ступайте прочь,—приказала она тономъ Антонины Сидоровны.

И снова раздалась автоматическая, бѣглая и шумная игра. Въ нотахъ лежалъ раскрытый томикъ Диккенса, на страницѣ романа «Барнаби Рёджъ», гдѣ лордъ Гордонъ, злой и порочный человѣкъ, преступникъ, проклинаетъ сына. Глаза Тони машинально пробѣжали полъ-страницы и приковались къ слову: проклятіе. Тоня вздрогнула и жадно наклонилась надъ книгой, виски ея бились, сердце замирало. Руки привычно бѣгали по клавишамъ, звуки затихали въ послѣднихъ пассажахъ. Вся душа дѣвочки была въ прочтенныхъ, въ перечитываемыхъ съ радостнымъ недоумѣніемъ строкахъ. «Остановитесь, батюшка,—говорилъ сынъ,—неужели вы можете вѣрить, что человѣкъ, слабое и грѣшное существо, можетъ навлечь гнѣвъ божій на голову другого человѣка, а тѣмъ болѣе на голову роднаго сына».

Руки Тони легли на клавиши. Дѣвочка, задыхаясь, перечитывала эти строки. Да, она вѣрно прочла... Неужели это правда? Такъ и на ней нѣтъ гнѣва божія и она не отвержен-

ная среди людей!.. Ей нечего содрогаться, когда Зина обнимаетъ и цалуетъ ее, няня и папа крестятъ по утру и на ночь... Нѣтъ страшной тайны, нѣтъ позора, который она обречена носить, таясь, среди людей... Теперь она попрежнему можетъ писать Васѣ...

Руки Тони прижались къ груди. Сердце билось такъ сильно, что, казалось, разорвется крѣпкая и высокая грудь сильной и здоровой дѣвочки. Жизнь открывалась передъ нею!.. Она подняла голову. Сквозь частый переплетъ окна свѣтило блѣдное вечернее небо, позолоченное отблескомъ погасавшей зари. И Тонѣ казалось, что съ неба на нее сходитъ благословеніе Бога. И частыя слезы, благодатныя, какъ весенній дождь, катились по горѣвшимъ щекамъ и падали на клавиши.

Утихъ первый порывъ восторженнаго чувства освобожденія, чувства воскресенія къ жизни—и мысль заработала.

— Какъ я была глупа,—думала Тоня,—отъ чего мучилась, когда все такъ ясно и просто! Богъ и мнѣ отецъ, такъ же какъ и родителямъ. Онъ сказалъ: какой отецъ дастъ сыну камень вмѣсто хлѣба?.. Развѣ онъ можетъ услышать, развѣ онъ можетъ исполнить несправедливое проклятіе?.. Какъ все это просто, а безъ книги не пришло бы на умъ.

Сколько напрасной ужасной муки!

Тоня вздрогнула всѣмъ тѣломъ, оглянувшись на эти дни и ночи. Потомъ явилась мысль о томъ, что отецъ опасается вліянія Васи на нее. Она слышала не разъ... «Смотри, чтобы сестры не заразились этими вредными идеями. Свобода, воля, свободная мысль, права свободнаго человѣка — завиральныя слова...» Но какой же вредъ?.. Вотъ и теперь страшные призраки разсѣялись и на душѣ такъ легко, свѣтло, такъ свободно дышется... У матери нѣтъ этой страшной мистической власти надъ дѣтьми... каждый долженъ слушаться велѣній *своей* совѣсти... И какъ она могла вѣрить, что Богъ покараетъ ее за то, что она не допускаетъ мать быть... воровкой. Теперь въ ея мысляхъ это слово было произнесено отчетливо и твердо. И снова сильнѣе всего въ дѣвочкѣ поднялось досадливое, до слезъ обидное чувство на себя. О, какъ она была глупа, что сама не додумалась до этого!

XXI.

Гости ушли. Зина подстерегала ихъ уходъ, чтобы бѣжать къ maman разсказать, какъ жалобно плакала Тоня, и колѣнопреклоненно просить за нее прощенія. Это было подвигомъ для Зины. Дѣвочка была не изъ храбрыхъ и боялась материнской власти, не въ мистическомъ смыслѣ, какъ Тоня, а въ

матеріалистическомъ. Зина была очень чувствительна къ лишенію пирожнаго, къ молоку съ водой безъ сахара и къ старому платью при гостяхъ. При видѣ слезъ Тони, «такихъ необыкновенныхъ», Зина почувствовала, что не можетъ дольше терпѣть и ничего не сдѣлать для Тони. На порогѣ будуара она раздумала, что папа лучше устроитъ дѣло, и пошла къ отцу разсказать о «необыкновенныхъ» слезахъ Тони. Это опять было жертвой, и не малой: Зиночка лишала себя удовольствія похвастаться, что она выпросила у maman прощенье сестрѣ, что она сама устроила это трудное дѣло.

Дѣвочка поступила умно, потому что минута для просьбы оказалась бы неудобной. Антонина Сидоровна была утомлена гостями, проигралась въ преферансъ и поссорилась съ пріятельницей. Къ тому-же Антонинѣ Сидоровнѣ весь день не удалось почитать свои любимые французскіе романы, и она чувствовала себя такъ неловко, такъ не по себѣ, какъ страстный курильщикъ, не затянувшійся ни однимъ глоткомъ за весь день. Вчера она остановилась на самомъ интересномъ мѣстѣ — на объясненіи между идеальнымъ рыцаремъ виконтомъ де-Бреваль и гордою безупречною красавицею герцогинею де-Бофоръ, прозванною при дворѣ Людовика XIV лиліею за ея незапятнанную чистоту. Виконтъ считалъ себя игрушкою коварной лицемѣрной кокетки. Онъ получалъ письма, подписанныя ея именемъ, онъ пользовался любовью красавицы, подъ покровомъ ночной темноты. Онъ не зналъ, что и письмами, и ласками его дарила не герцогиня, а ея горничная, и обольщенный своими мнимыми правами, — устроилъ на королевской охотѣ скандалъ герцогинѣ, которая за то разрѣзала ему щеку ударомъ хлыста. Узнавъ, что виконтъ не клеветникъ, но человѣкъ, жестоко обманутый, что онъ ходилъ на тайныя свиданія съ нею, пренебрегая страшными опасностями,—герцогиня тронулась любовью рыцаря. Она была несчастная, непонятая жена! Антонина Сидоровна уронила нѣсколько слезинокъ надъ судьбой непонятой жены, надъ своей собственной судьбою. Герцогъ де-Бофоръ былъ на двадцать лѣтъ старше Діаны. Петръ Егоровичъ былъ старше Антонины Сидоровны лѣтъ на восемнадцать. Правда, герцогъ де-Бофоръ былъ истощенный развратникъ, женившійся между двумя интригами, и хотѣлъ изъ шестнадцатилѣтней, чистой и гордой «лиліи» сдѣлать подругу своихъ оргій. Въ этомъ трудно было обвинить Петра Егоровича. За то герцогъ ни въ чемъ не стѣснялъ жену. Діана вполнѣ наслаждалась жизнью, блестѣла при дворѣ и при какомъ еще! — при дворѣ Людовика XIV. Въ институтѣ, вмѣстѣ со всѣмъ выпускомъ своимъ, Антонина Сидоровна зачитывалась мемуарами двора «Короля-солнца»; видѣла въ немъ лучезарный, манящій, опьяняющій идеалъ. Да, Діана жила... Антонина Сидоровна

изнывала отъ тоски, когда у другихъ молодыхъ дамъ съ утра до ночи толпилась молодежь, которая, кочуя изъ дома въ домъ, съ забавными анекдотами двусмысленнаго вкуса, куритъ ѳиміамъ комплиментовъ и иногда кружитъ головы до скандальной развязки. Своихъ дѣвическихъ знакомыхъ она не позвала на свадьбу и, оставшись въ одиночествѣ, т. е. въ небольшомъ кружкѣ смѣнявшихся знакомыхъ,—признала свою жизнь existence manquée и принялась за французскіе романы.

Въ первый годъ брака родилась Тоня. Петръ Егоровичъ хотѣлъ, чтобы она сама кормила, донималъ ее книгами и объясненіями объ уходѣ за дѣтьми и, въ простотѣ души ссылаясь на опытъ первой жены, кололъ ей глаза примѣромъ «незабвенной Машки». Тоня была живой хорошенькой дѣвочкой, забавной игрушкой. Всѣ любовались ею. Антонина Сидоровна звала Тоню ангеломъ утѣшителемъ, единственной отрадой разбитой жизни; съ сентиментальнымъ паѳосомъ восклицала, что материнство открыло ей новый міръ, и сдала дочь на руки Савельевны. Возмутившійся сначала Петръ Егоровичъ скоро убѣдился, что Антонина Сидоровна не могла сдѣлать ничего умнѣе... Черезъ три года родилась Зина — уродъ. Въ этомъ виновата тоска обманутыхъ надеждъ, existence manquée,— все что грызло еще мучительнѣе Антонину Сидоровну во время беременности. Петръ Егоровичъ увѣрялъ, что причиной преждевременныхъ и болѣзненныхъ родовъ корсетъ и катанье съ горы—сани опрокинулись... Вздоръ!.. У него всегда грубое, матеріальное объясненіе...

Герцогиня де Бофоръ была бездѣтной и тосковала. Глупая! Не знала, какая обуза—дѣти. Да, Діана де-Бофоръ была счастливицей въ сравненіи съ нею. Дальнѣйшее сравненіе привело Антонину Сидоровну къ заключенію, что гордая Діана была несправедлива къ своему мужу. Велика бѣда, что онъ измѣнялъ! Таковы были нравы. За то онъ не стѣснялъ ея свободы. Требовалъ участія въ своихъ оргіяхъ? Ну, что за бѣда покутить съ мужемъ? И ей невольно припомнился красавецъ Ивинъ, выгнанный изъ корпуса въ гарнизонные юнкера за какую то грязную продѣлку. Ивинъ нравился ей, но жениться не думалъ, и Антонина Сидоровна хорошо понимала смыслъ его прогулокъ подъ окнами, что не мѣшало ей пилить супруга тѣмъ, что ради него пожертвовала молодою любовью. Ивинъ женился на богатой купчихѣ. Пиры, балы, веселье... «вѣчный кутежъ» говоритъ Петръ Егоровичъ... Да, немного не comme il faut, иногда драки... Конечно, не то, что праздникъ нимфъ у графа де-Бофора, на который были приглашены всѣ придворныя дамы, не явилась одна гордая Діана. Антонинѣ Сидоровнѣ припомнилась недавняя чинная, адски скучная прогулка всей семьей въ рощѣ на взморьѣ. Дурацки умиленная рожа

Петра Егоровича, который, точно невидали, радовался зелени, майскому вѣтерку, цвѣточкамъ, гимнастическія штуки Васьки съ Росбахомъ, бѣгъ въ запуски супруга съ Тоней и Зиной, собиранье колокольчиковъ цѣлыми снопами...

Во время этой прогулки они набрели на Ивиныхъ, съ кружкомъ знакомыхъ, встрѣчавшихъ весну. Шампанское, пѣсни... веселье било ключемъ. Ивинъ растянулся на травѣ, положивъ голову на колѣни своей жены. У каждой дамы свой кавалеръ, мужъ или поклонникъ... Поцѣлуи, свобода, жизнь!.. Петръ Егоровичъ схватилъ дѣвочекъ и бѣгомъ потащилъ назадъ, какъ будто выхватилъ изъ огня. Ваську съ Росбахомъ не пустили, заставили выпить по бокалу шампанскаго. Все видѣли и слышали оба—и поразсказали ей потомъ. Весело! Вотъ это жизнь—не монастырь, не тюрьма, какъ ея несчастная, разбитая жизнь!.. А она!.. Всю жизнь свято исполняла скучный долгъ вѣрной жены. На другой день послѣ свадьбы мать сказала ей: «Хоть мужъ старше тебя, помни мое слово: законъ соблюдай, любовниковъ не заводи, — радости въ нихъ не много. Что мужъ, что любовникъ — все одна сласть: все такъ-же ломаются любовники надъ нашей сестрой и помыкаютъ, какъ и мужья. Тѣ хоть по закону. Узнаетъ мужъ,—а Петръ Егоровичъ зорокъ—если изъ дому не выгонитъ, такъ все равно ты у него подъ пятой! Еще какую нибудь старую тетку возьметъ въ хозяйки, а ты живи изъ милости, какъ приживалка». Антонина Сидоровна поняла мудрость совѣтовъ матери, которая говорила по горькому опыту собственной жизни: ее билъ мужъ, били и обирали любовники! И Антонина Сидоровна ни разу, не смотря на всѣ искушенія, не измѣнила мужу; ни одинъ изъ многочисленныхъ поклонниковъ, которыхъ привлекала ея затаенная чувственность, не добился отъ нея ничего, кромѣ,—зачастую и безсознательно для нея самой,— зовущихъ взглядовъ и улыбокъ и, въ знакъ особой милости, позволенія поцѣловать ладонь и руку выше перчатки...

А между тѣмъ... О, если-бы она не вышла за Палицына,— кто знаетъ, не нашла-ли бы она партію получше. На нее заглядывался бригадный, встрѣчая на улицѣ; онъ годился-бы, пожалуй, для роли герцога Бофора, а у бригаднаго въ Петербургѣ знатная родня, племянникъ флигель-адъютантъ, придворный... Кто знаетъ, можетъ быть, тогда и она нашла бы своего виконта де-Бреваля?.. Все прошло, прошло невозвратно!

И съ новымъ тяжелымъ вздохомъ она принялась за книгу, чтобы развлечь горестныя мысли. Герцогиня Діана де-Бофоръ узнаетъ, что мужъ соблазнилъ ея сестру, невиннаго четырнадцати-лѣтняго ребенка, которую она воспитывала, какъ дочь. Она говоритъ мужу: «Вы порвали послѣднюю нить, связывав-

шую меня съ вами. Я даже передъ людьми вамъ больше не жена. Я не герцогиня де-Бофоръ, а Діана де-Клюни и ѣду къ отцу. Если я не отдаюсь тому, кого люблю, то потому только, что Діана де-Клюни не можетъ быть ничьей любовницей». Мужъ на смерть разбитъ лошадьми, и Діана, свободная, увѣнчиваетъ страсть своего вѣрнаго рыцаря виконта. Авторъ не поскупился на прозрачные намеки, описывая торжество любви героя и героини. Антонина Сидоровна читала эту сцену съ пылавшими щеками, зрачки глазъ расширялись, дыханіе прерывалось. О, никогда, никогда ей не знать такого блаженства! Всю жизнь она обречена быть неоцѣненной, непонятой жертвой. Она приподнялась изъ полулежачаго положенія на кушеткѣ, нагнулась надъ книгой, жадно глотая каждое слово, переживая въ воображеніи всѣ перипетіи сцены торжеств любви.

XXII.

Въ эту минуту осторожно, на ципочкахъ вошла Зина, которой Петръ Егоровичъ приказалъ самой просить за сестру: своимъ вмѣшательствомъ онъ не хотѣлъ портить дѣло и въ случаѣ неуспѣха рѣшилъ пустить въ ходъ героическое средство — пригласить доктора. Зина остановилась въ нерѣшимости. Она хорошо знала, что, когда за книгой лицо maman было такъ красно и глаза такъ горѣли, какъ будто она выпила большую рюмку вина, то опасно прерывать чтеніе. За этимъ всегда слѣдовалъ отказъ въ просьбѣ и выговоръ — зачѣмъ ей мѣшаютъ. Зина долго стояла, выжидая удобную минуту. Проснувшаяся собачонка кинулась къ Зинѣ, задѣвъ животрепещущій столикъ, зазвякали бронзовыя и стеклянныя игрушки. Антонина Сидоровна подняла голову, оглядѣлась съ видомъ человѣка, очнувшагося отъ сна, увидѣла Зину, и лицо ея исказилось досадой.

— Maman, chère maman, pardon, я помѣшала вамъ заниматься, — смиренно умоляла Зина испуганнымъ тономъ: — Но право это такъ серьезно... что я должна вамъ сказать.

— Ну что?

Окрикъ былъ сердитый, но отступать было поздно.

— Cher ange, adorée maman, — залепетала Зина, цѣлуя руки и платье матери.— Съ Тоней дѣлается что то страшное. Простите Тоню, ange maman! Она такъ огорчена! Такъ плачетъ! Если бы вы только видѣли, вы бы сами пожалѣли. Никогда она такъ не плакала. Сидитъ, какъ статуя, а слезы крупныя, какъ горошины, такъ и катятся по щекамъ, капъ-капъ... И лицо такое... такое... не живое... Мнѣ страшно стало смотрѣть.

Мнѣ такъ жаль, такъ жаль ее... Вы запретили мнѣ просить за нее... Pardon, pardon ange maman... Тоня такъ исхудала, измѣнилась. Мистрисъ Мортонъ спрашивала, отчего она смотритъ, какъ дѣвочка изъ сказки, та, у которой вынули душу. Горничная дивизіонши была въ гостяхъ у Христины и удивилась, какъ Тоня похудѣла и пожелтѣла за эти дни. А Христина говоритъ: «ничего, казнится за то, что огорчила мамашу». Простите Тоню, ange maman, cher ange! Тоня не смѣетъ сама придти къ вамъ просить прощенья,—прилгала для вящей убѣдительности Зина, хорошо знавшая, что Тоня умретъ, а не пойдетъ просить прощенія.

Антонина Сидоровна сначала разсѣянно слушала дипломатически обдуманную рѣчь Зины; затѣмъ извѣстіе о томъ, что съ Тоней дѣлается что то страшное, заставило ее забыть сцену торжества любви гордой Діаны и рыцарскаго де-Бреваля. При послѣднихъ словахъ Зины, въ черныхъ цыганскихъ глазахъ Антонины Сидоровны загорѣлась искра торжества. «Смирилась, сломлена, наконецъ!» раздался ликующій голосъ въ ея душѣ.

— Это Тоня послала тебя?—спросила она равнодушнымъ тономъ.

— Non, chère maman,—дипломатически и по французски отвѣчала Зина:—Она бы не смѣла посылать меня. Вы запретили. Но вы еще никогда такъ не сердились, и Тоня никогда не была еще такой... необыкновенной и страшной. На музыкѣ у меня всѣ дѣвочки выпытывали, что, вѣрно, Тоня сдѣлала что нибудь ужасно гадкое, что стыдно сказать... Я божилась, что Тоня не можетъ сдѣлать ничего ужасно гадкаго, а онѣ не вѣрятъ.

Зина смолкла, сознавая, что увлеклась... «такъ по вашему мать напрасно наказала Тоню?»—мелькнулъ въ ея воображеніи вопросъ матери.

— Вѣдь я не могла сказать иначе, — залепетала она въ смущеніи.

Но Антонина Сидоровна не разслышала ни не дипломатическаго заключенія, ни дипломатическаго оправданія. Она была погружена въ свои соображенія. Дѣвочки разскажутъ матерямъ, а тѣ рады сплетничать. Выдумаютъ Богъ знаетъ что. Тоня красавица, талантливая, успѣхамъ Тони удивляются учителя, и все это — у н и х ъ бѣльмо на глазу. «Сдѣлала что стыдно сказать» — это навѣрное дѣвчонки отъ матушекъ слышали! Что же теперь дѣлать? Не держать же Тоню въ четырехъ стѣнахъ! Куда ни поведи, — она со своей чугунной физіономіей трагической царицы—вывѣска и поводъ для толковъ! Довольно того, что плетутъ про болѣзнь и смерть Маруси. Ей вспомнилось, какъ утѣшала ее на Маруськиныхъ похоронахъ злючка Бардовская: «вѣдь у васъ осталась еще другая падче-

рица». И скорчила удивленную рожу, когда ей сказали, что Тоня не падчерица, а дочь. «По горю Тонечки я думала, что она хоронитъ родную сестру». Антонина Сидоровна отвѣтила съ достоинствомъ, что *она* пріучала дѣтей считать Марусю родной сестрой и не дѣлала никакого различія между падчерицей и родными дѣтьми. Эта фраза пошла гулять по городу и была навсегда пришпилена къ имени второй m-me Палицыной. «О, она не дѣлаетъ никакого различія между падчерицей и дочерьми,—повторяли кумушки:—роднымъ дочерямъ—такая же мачиха!»

Да, надо положить конецъ исторіи! Петръ Егоровичъ пошлетъ за Рейхелемъ, а тотъ будетъ трубить по городу. Антонину Сидоровну всю передернуло, когда ей припомнилась усмѣшечка Рейхеля и лукавыя искорки въ его глазахъ, когда онъ ломанымъ французскимъ языкомъ повторилъ ей ея же фразу: «се тюнъ амъ ки юзъ ле фуро», которою она объясняла ему свои собственные недуги. Да, надо положить конецъ, но какъ? Тоня не придетъ сама просить прощенія. Она не присылала Зину. Не матери же дѣлать первый шагъ. Этотъ дьявольскій характеръ, се démon incarné не будетъ сломленъ. Побѣдитъ Тоня... Но Тоня такъ мучилась эти дни... Она похудѣла на глазахъ... таетъ... Проклятіе матери убило ее совсѣмъ. Тоня все таки любитъ мать. Тоня ея кровь. Мать подъ сердцемъ выносила, выкормила своею грудью... Невозможно, чтобы она не любила. Въ сердцѣ Антонины Сидоровны поднялся порывъ физической любви самки къ своему дѣтенышу. Если бы Тоня была здѣсь, Антонина Сидоровна обняла бы ее и расплакалась, объявляя прощеніе, и не подумала бы сравнивать себя съ герцогиней де-Босолель въ сценѣ примиренія съ дочерью.

Зина молча и почтительно ждала конца продолжительныхъ размышленій maman, стоя съ сложенными руками и насколько возможно разставленными по прямой линіи ножками, неестественно выпрямившись и поднявъ голову, въ позѣ, предписанной танцмейстеромъ, какъ образецъ граціи и комъ-иль-фо; а огромные черные глаза пытливо и тревожно слѣдили за каждой чертой лица матери. Она угадала, что maman смягчается и готова простить.

— Chère ange, adorée maman! Bonne maman! Простите!

— Только для тебя, Зина, потому что ты хорошо ведешь себя теперь. Такъ и скажи ей, что только для тебя.

Зина сорвалась съ мѣста.

— Нѣтъ, не говори этого. Скажи просто, что я зову ее... Нѣтъ, скажи, что папа приказалъ ей придти просить прощенія. Слышишь, такъ и скажи!—приказывала Антонина Си-

доровна крошкѣ, которая вся дрожала отъ нетерпѣнія, остановясь въ полъ-оборота на порогѣ.

— Тоня, иди скорѣй къ maman, зоветъ; только не велѣла говорить тебѣ, приказала сказать, что папа велѣлъ тебѣ идти къ ней съ повинной. Я выпросила тебѣ прощеніе!—съ восторгомъ говорила Зина, тиская Тоню въ объятіяхъ, и, выпустивъ, прибавила важно и назидательно: — Только, пожалуйста, ужъ молчи, что бы тамъ ни говорила maman. Пускай ее... А то ты все испортишь разсужденіемъ. Ужъ я такъ старалась, такъ старалась!..

XXIII.

Тоня вошла спокойно въ будуаръ maman; но то не было дѣланное спокойствіе «трагической царицы», которымъ она доводила мать до изступленія. Всѣ подобныя выходки теперь казались дѣвочкѣ такими мелкими и ничтожными. Она дала себѣ слово вполнѣ владѣть собой, что бы она ни услышала. Та прежняя, грозная и таинственная власть матери не страшна ей болѣе; но и та не сломила ее. Все то, что мучило дѣвочку до сихъ поръ, всѣ безобразныя, нелѣпыя сцены поднимали горечь, отвращеніе, тяжелый стыдъ за мать, но уже не по прежнему; нѣтъ ни прежняго гнетущаго ужаса, ни того священнаго ореола, которые требовали отъ дѣвочки ломки ея чувствъ, ея правды...

Тоня остановилась въ ожиданіи. Антонина Сидоровна ждала трогательныхъ извиненій, колѣнопреклоненной мольбы. Она сдѣлала первый шагъ, позвавъ Тоню, и вотъ Тоня стоитъ передъ ней истуканомъ!

— Для Зины и отца я прощаю тебя, и еще потому, что я видѣла, какъ ты была огорчена эти дни. Еслибы ты ранѣе сломила свой ужасный характеръ, который въ будущемъ принесетъ тебѣ много горя, если бы ты пришла просить прощенія, я бы давно простила тебя,—произнесла торжественно Антонина Сидоровна, протягивая Тонѣ руку, которую она прилично поцѣловала.

— Merci, maman.

Антонина Сидоровна точно слетѣла съ колокольни. Ни радости, ни слезъ раскаянія и благодарности. Порывъ непосредственнаго чувства, поднявшійся въ ней, когда она узнала отъ Зины о «необыкновенныхъ» слезахъ Тони, прошелъ, и она успѣла въ воображеніи своемъ нарисовать патетическую сцену примиренія. Дочь кинется къ ней на шею или падетъ къ ногамъ ея, рыдая, обниметъ ея колѣни, давая клятву больше не огорчать, а она подниметъ дочь, прижметъ къ сердцу, и

слезы ихъ смѣшаются, точь въ точь какъ въ сценѣ примиренія герцогини де-Басолель съ дочерью, когда женихъ дѣвицы де-Басолель погибъ, и мать и дочь вмѣстѣ оплакивали его въ объятіяхъ другъ друга. Она ждала, что дочь торжественно похвалится ей, что теперь обожаемая мать дороже ей ненавистнаго Васьки. И конецъ исторіи съ приданымъ! И конецъ всѣмъ перешептываніямъ съ Савельевной, всѣмъ слезамъ и жалобамъ въ чуланѣ... Все это носилось въ мечтахъ Антонины Сидоровны въ тѣ минуты, когда Зина ходила звать Тоню. И вдругъ такое спокойствіе, такая холодность послѣ «необыкновенныхъ» слезъ, послѣ того убитаго вида, который замѣчали и чужіе.

— Какое у тебя черствое сердце, Тоня! Ты убьешь меня. Ни любви, ни благодарности! Ты сама себѣ готовишь несчастье на цѣлую жизнь. Люди, которые не умѣютъ любить,—самые несчастные люди въ мірѣ.

Но и эта торжественно-сентиментальная укоризна не тронула Тоню.

— Вы прокляли меня, maman, и за что?—отвѣчала она, и голосъ ея зазвенѣлъ.

Антонинѣ Сидоровнѣ стало немного стыдно, и она поспѣшила *заговорить* непривычное и неловкое чувство.

— Нѣтъ, видишь-ли, это не было настоящее проклятіе... Это было только такъ... для твоей же пользы.

И читая на изумленномъ лицѣ дочери полнѣйшее недовѣріе, она скороговоркой залепетала:

— Ты не знаешь... Когда проклинаютъ по настоящему, такъ образъ со стѣны снимаютъ и духовника зовутъ, а онъ въ церкви объявляетъ... Помнишь, въ Петербургѣ мы видѣли въ Казанскомъ соборѣ. Духовенство въ черныхъ ризахъ, и дьяконъ съ амвона кричалъ: анаѳема! Гришку Отрепьева и Мазепу проклиналъ, и о клятвѣ родительской также упоминалось тогда.

Антонина Сидоровна не была сильна въ церковныхъ обрядахъ и путала еще многое, что приходило ей на умъ. Тоня молчала, скрѣпившись: «О, эти извороты! Эта ложь!»—думала она съ отвращеніемъ.

— Видишь, до чего ты довела меня,—продолжала Антонина Сидоровна.—Ты должна слушаться матери и не доводить меня до такой крайности... Что скажутъ про тебя, когда узнаютъ чужіе? Ты прослывешь злою дѣвушкою, съ дурнымъ характеромъ и останешься старой дѣвой, какъ тетя Вѣра. Сама слышала, на дняхъ Сомовъ говорилъ, что сейчасъ бы женился на тетѣ Вѣрѣ, еслибы не ея характерецъ, все не по ней, все какая то особенная правда нужна, экзальтированная голова! Вотъ отъ чего я тебя оберегаю. А ты не понимаешь. Покорность и

кротость c'est le charme des jeunes filles. Образумься!.. Я со слезами убѣждаю тебя для твоего же добра... Развѣ мнѣ — *мнѣ самой* нужно, чтобы ты повиновалась мнѣ. Я требую повиновенія для твоего же блага. Тебя хочу исправить, сдѣлать кроткой, милой дѣвушкой... Вѣдь это ужасно, Тоня, когда дочь доводитъ мать до такихъ словъ.

Тоня не въ силахъ была долѣе молчать.

— Зачѣмъ же, maman, говорить такія слова, которыя ничего не значатъ?—отвѣчала она вѣско, спокойнымъ тономъ.

Всего ожидала Антонина Сидоровна отъ charactère diabolique, отъ démon incarné—всего, но не этого. Она совершенно растерялась, чувствуя, что отъ нея ускользаетъ пониманіе взаимнаго положенія, что дочь заговорила на какомъ-то новомъ, непонятномъ языкѣ.

— Это... это еще что значитъ?—спросила она.

Тоня достала изъ кармана томикъ Диккенса, который она сунула туда безъ всякаго намѣренія, когда ее позвала Зина. Развернувъ книгу на сценѣ проклятія лорда Гордона, она горячо прочла тѣ строки, которыя были для нея откровеніемъ. Она запомнила ихъ наизусть и бѣгло прочла по русски; настоящія слова являлись сами собой, безъ всякаго напряженія мысли: «Неужели, вы думаете, что слабый смертный, грѣшникъ, кто бы онъ ни былъ, можетъ навлечь гнѣвъ Божій на голову другого человѣка, а тѣмъ болѣе отецъ на голову своего сына?»

Какъ ни старалась Тоня прочесть невозмутимо спокойно,— гордыя нотки торжества пробивались въ голосѣ, торжество искрилось во взглядѣ большихъ темно-сѣрыхъ глазъ, не отрывавшихся отъ лица матери и говорившихъ такъ краснорѣчиво: видишь, ты безсильна, твое самое страшное оружіе притупилось!

Антонина Сидоровна молчала, ошеломленная, уничтоженная. Но вдругъ опять раздался ея задыхающійся крикъ, и она сорвалась съ кушетки, чтобы опять кинуться на Тоню. Но сильная рука мужа удержала ее. Петръ Егоровичъ, узнавъ отъ Зины, что maman позвала Тоню, пошелъ вслѣдъ за нею въ будуаръ; но ни жена, ни дочь не замѣтили его присутствія. Антонина Сидоровна невольно притихла подъ его грознымъ взглядомъ, въ которомъ увидѣла столько стыда за нее. Она не поняла, что въ этомъ взглядѣ былъ и глубокій стыдъ за себя самого.

XXIV.

Петръ Егоровичъ увелъ Тоню въ свой кабинетъ, сѣлъ въ кресло у письменнаго стола, поставилъ дочь передъ собой и,

положивъ ей руки на плечи и смотря ей въ глаза взглядомъ, читавшимъ въ душѣ ея, спросилъ:

— Тоня, отчего ты мнѣ не сказала ни слова?

— Вы бы приказали мнѣ просить прощенья, хоть я не была виновата, милый папа,—тихо отвѣчала Тоня.

— А ты не хотѣла? Развѣ тебѣ не въ чемъ просить прощенія у матери?.. Ты всегда рѣзка, ты нарочно раздражаешь ее своими горделивыми минами.

— Не нарочно... теперь.

— Съ какимъ злымъ торжествомъ ты читала это мѣсто изъ Диккенса!

Тоня молчала, опустивъ глаза.

— Сама видишь, что есть твоя вина. И не хотѣла просить.

— Не могла,—проговорила Тоня.

— Смиряй свое сердце, Тоня. Гордость—большой грѣхъ. Смиряй свое сердце молитвой. Христосъ училъ.

— Любви,—горячо прервала Тоня,—и все, годами мучившее эту гордую и любящую дѣтскую душу, хлынуло къ сердцу и вырвалось потокомъ пылкихъ, горькихъ, неудержимыхъ словъ:—А развѣ у насъ любовь! Нѣтъ, любовь всюду, а у насъ ея нѣтъ! Господи! Развѣ такъ живутъ другіе! Я видѣла у мистрисъ Мортонъ: веселыя лица, всѣ живутъ дружно свободно, весело. У Анночки дома—бѣдность, но согласіе, не дрожатъ, не скрываются, не лгутъ! А я,—вѣдь я все лгу: для Зины, для няни, для васъ, папа! О, папа! — Что мы видимъ, что мы терпимъ?.. Зину грызутъ за то, что она уродъ. А чѣмъ она уродъ? наконецъ, будь она уродомъ — чѣмъ она была бы виновата? Марусѣ отравляли жизнь. Слова не давали сказать, все шпильки, брань ядовитая... Доброе слово слышала только при гостяхъ, а потомъ ее пилили, зачѣмъ не была при нихъ нѣжна съ maman. Маруся честная была, Маруся комедій не играла... Маруся все пряталась у няни... Она и за этого Тейчке выходила, чтобы избавиться отъ ада... Думала уйдетъ, будетъ меньше исторій, — всѣмъ легче станетъ и вамъ, вамъ тоже папа.., О, я помню, какъ, за недѣлю передъ болѣзнью, она въ чуланчикѣ няни рыдала передъ образомъ...

Она изъ одного ада шла въ другой... И все изъ за нея, изъ за матери!.. О папа, папа! А меня за что она прокляла?.. И теперь путаетъ, говоритъ, что не по настоящему. А вѣдь я... вѣдь я измучилась, мнѣ умереть хотѣлось. О, папа! такъ хотѣлось умереть! И все потому, что я сказала ей правду о Васѣ. Она приданое Марусино промѣниваетъ жидовкамъ. Занавѣси штофныя на вѣнчальное платье вымѣнены, бронзы, ковры—на сервизъ. Шаль и бриліанты взяла... Она меня прокляла за то, что я не хочу молчать объ этомъ. Но я буду,

буду, все буду говорить это, потому что это правда, и я должна это сказать! Пусть она еще проклинаетъ меня. Не боюсь я больше пустыхъ словъ... А вы, папа, о папа! Я и вамъ скажу... Я терпѣла, я много терпѣла, но теперь нѣтъ силъ болѣе, я скажу: милый, дорогой, любимый... простите меня! Но развѣ это любовь—позволять такъ мучить вашихъ дѣтей!

Тоня зарыдала, прижавшись головой къ плечу отца. Онъ видѣлъ, что ей надо дать высказаться, и молчалъ, положивъ руку ей на голову и поникнувъ своей сѣдой головой, подавленный стыдомъ. Онъ — глава семьи, опора, учитель правды... Вотъ она кара Божія за бракъ, вѣнчавшій одну животную страсть! О Господи! Какая страшная кара!.. И эта новая грязь—кража приданаго, этотъ позоръ, котораго онъ не подозрѣвалъ! А между тѣмъ изъ за этого жена прокляла дочь... И вотъ теперь онъ знаетъ все. И дѣти его—его судьи...

— Успокойся, Тонечка, — говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—успокойся, дѣвочка моя. Отчего ты не была откровенна со мной?—Онъ помолчалъ и затѣмъ заговорилъ съ мрачной горечью, продолжая гладить рукой прильнувшую къ его плечу голову дочери.

— Господь посылаетъ крестъ, Онъ и даетъ силы нести... Дочка моя, моя Тоня, все кажется тебѣ такъ страшно и мучительно отъ того, что ты воображаешь, будто вездѣ рай, и только въ твоемъ сердцѣ горе. Нѣтъ, милая! У всѣхъ есть свой скелетъ скрытый въ шкафу — помнишь у Диккенса? Ты видишь въ гостяхъ только праздничные наряды души, какъ и тѣла. Никто не выноситъ на показъ свои раны. Каждый, молча, несетъ свое...

Онъ выпустилъ дочь изъ объятій, всталъ и отвернулся лицомъ къ окну. Онъ чуть было не выдалъ себя при дочери—ребенкѣ. Тоня хорошо поняла, что сейчасъ передъ нею у отца чуть не вырвалось признаніе въ горѣ цѣлой жизни. Его чаша тоже переполнилась, и Тоня понимала, что ея капля переполнила эту чашу. Дѣвочка смотрѣла на согбенную спину и поникшую голову отца, и вся душа ея въ этомъ взглядѣ рвалась къ отцу. Утѣшить, хоть на кроху облегчить это страшное горе! Отецъ ея — сильный, мужественный — задрожалъ при ней. Но она не раскаявалась въ томъ, что сказала; отецъ долженъ все знать и положить конецъ позору.

Совладавъ съ собой, Палицынъ опять подошелъ къ дочери и заговорилъ спокойно:

— Мы читали съ тобой притчу о человѣкѣ, роптавшемъ на тяжесть своего креста. Христосъ позволилъ ему выбрать другой изъ числа многихъ, и онъ выбралъ себѣ крестъ по плечу—и крестъ этотъ оказался тотъ же—его собственный... Ты сказала: у другихъ лучше! Ну что-жъ, это правда! Вотъ

у Захарьиныхъ счастливая семья, дружная, на примѣръ всему городу, всѣ обожаютъ другъ друга, ласковыя слова, поцѣлуи, косого взгляда не увидишь, съ утра до ночи веселье, смѣхъ, довольство. Хотѣла бы ты помѣняться жизнью съ Олей Захарьиной?

Тоня кинулась на шею отца и крѣпко обвила ее руками.

— Папа! Промѣнять васъ на Захарьина! Я понимаю все! О, я умерла-бы, на мѣстѣ Оли, а Оля не понимаетъ и не стыдится...

И тонъ, какимъ сказалось это слово «васъ»,—болѣе самыхъ краснорѣчивыхъ увѣреній выразилъ, какъ много любила и цѣнила дѣвочка отца.

— Промѣнять Васю на глупаго франтика Льва Захарьина? Васю? Вася геній! Онъ будетъ великимъ человѣкомъ, папа! У меня есть свое счастье, папа!

Палицинъ усмѣхнулся, скрывая чувство родительской гордости. Хоть не геніи его Василій и Тоня, но они недюжинные; великими не бывать имъ, а не замѣшаются въ толпѣ пошляковъ.

— Дурочка! У тебя геніи и великіе люди растутъ, какъ грибы. Василій не дуракъ, не тряпка, а до генія и великаго человѣка далеко. Много въ тебѣ гордости, Тоня! Оттого ты такъ и мучаешься. Евангеліе учитъ смиряться, сносить тяготы другъ друга. Помни это, и тѣ слова, что ты сегодня прочла матери такъ гордо и злобно, — это не православное ученіе, въ этихъ словахъ гордыня протестантства. Это...

— Папа! Это правда! Это истинная правда! — воскликнула горячо Тоня.

И глубокое убѣжденіе звучало въ ея голосѣ, свѣтилось въ радостно блестящихъ глазахъ.

Палицынъ поникъ головой и долго молчалъ. Молчала и дочь, не сводившая глазъ съ сѣдой головы и до половины отъ нея скрытаго лица, на которомъ она чутко читала скорбь и страхъ за нее. Глубокая жалость охватила ея сердце.

— Ступай дѣвочка, тебѣ надо успокоиться,—сказалъ, наконецъ, Палицынъ съ тяжелымъ вздохомъ, поднимая голову.

Тоня поцѣловала руку отца. Онъ охватилъ голову дочери и крѣпко прижалъ ее къ груди, какъ будто выхватывая изъ пламени. Выпустивъ дочь, онъ отвернулся, чтобы скрыть подергиванье лица и проступившую слезу, а Тоня, низко опустивъ голову, медленно пошла къ двери. Радость освобожденія отъ гнетущихъ призраковъ потускнѣла въ эту минуту.

XXV.

Петръ Егоровичъ сидѣлъ, сжимая ладонями голову. О, какъ страшно отзываются грѣхи отцовъ на дѣтяхъ. Его это кровь, безпокойная, кипучая. Это духъ его молодости—самонадѣянной, тревожной. Онъ самъ такъ думалъ въ молодые годы, увлекаясь массонствомъ, отвергая всѣ догматы, мечтая учить новой истинѣ, пересоздать порядокъ Россіи. Теперь тѣ же «массонскія» мысли обуяли его дочь—ребенка. А ей нѣтъ еще и четырнадцати лѣтъ. Что за времена!.. Онъ самъ такъ шелъ, пока не вернулся къ истинѣ, единой, спасающей... которая хранитъ народъ русскій отъ братоубійственной бойни Запада, спасетъ и дѣтей его. О, Боже, великій Боже, будь милосердъ! Спаси ихъ, Господи!..

И онъ сознавалъ свое безсиліе... Съ ясновидѣніемъ любви, съ скорбью, захватывавшей сврдце, онъ сознавалъ, что ни Василій, ни Тоня не вернутся теперь. Въ томъ, что настанетъ время, когда они прозрѣютъ и вернутся — онъ не усомнился ни минуты. Не много радости въ томъ, что дѣти любятъ его, что одинъ охотно сталъ-бы надрываться надъ самой тяжелой работой, если-бы это было нужно для отца, что другая могла бы быть годами его сидѣлкой и не возроптала-бы, что молодость ея уходитъ въ заботахъ о немъ... Все это такъ, но между нимъ и дѣтьми нѣтъ той основной, святой связи, къ которой все прочее приложится. Онъ уже не учитель ихъ въ томъ, что есть святая святыхъ души... Онъ не можетъ теперь сказать: «Господи, вотъ я и дѣти, которыхъ Ты далъ мнѣ...»

Онъ утратилъ власть надъ собой, отдался въ сѣти лукавой, злой прелестницы... И Господь отнялъ у него власть надъ душою дѣтей.

Тревога за дѣтей заговорила громче самоугрызеній... Что ждетъ ихъ съ этими стремленіями и съ гордой палицынской силой, которая не отступаетъ?

И все ниже и ниже склонялась голова отца, и лицо опустилось на скрещенныя на столѣ руки. Въ эти минуты онъ вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ весь смыслъ евангельскаго рѣченія о мечѣ, проходящемъ душу.

Однако, и ближайшія заботы семьянина напомнили о себѣ Петру Егоровичу. Дѣвочекъ нельзя оставить на рукахъ женщины, которая играетъ проклятіемъ, лжетъ святыней. Надо взять хорошую воспитательницу. Для Зины это еще нужнѣе, чѣмъ для Тони.

Выберетъ тетя Вѣра, у нея чутье хорошихъ сердецъ. Воспитательницу помѣстить съ дѣтьми—двѣ комнаты подальше отъ будуара. Долой анфиладу! Антонина Сидоровна?.. Для свѣта

ей предлогъ—ея нервы и возрастъ Тони. Пойдутъ исторіи,—скрутить бабу страхомъ скандала... А средства? Ну, чтожъ,—теперь онъ потребуетъ у стараго ростовщика-тестя весь его долгъ съ законными процентами за четырнадцать лѣтъ. Это противно, и до сихъ поръ онъ объ этомъ не заикался, но время пришло, и это необходимо сдѣлать. А затѣмъ...

Старый морякъ вздохнулъ полной грудью, какъ будто старое воображеніе черезъ всѣ эти бури завидѣло тихую пристань. Но онъ думалъ не о пристани. Наднякъ—въ море! Въ море, на своемъ старомъ кораблѣ, со своей вѣрной командой!..

Лицо Петра Егоровича просвѣтлѣло, какъ будто онъ чувствовалъ уже свободное вѣяніе морского вѣтра. Но вдругъ оно омрачилось такъ, какъ не омрачалось еще до этой минуты.

Предаваясь своимъ размышленіямъ, онъ механически отперъ свой ящикъ и досталъ портфель, который отперъ ключикомъ, висѣвшимъ на цѣпочкѣ часовъ. Въ портфелѣ хранились всѣ документы, записки, которыя Палицынъ велъ въ рѣдкія часы досуга, «уроки пережитаго для будущаго поколѣнія»—и его переписка съ друзьями. Ради этихъ записокъ и переписки онъ запиралъ портфель, ограждая отъ любопытства супруги, любившей рыться въ его бумагахъ. Теперь онъ перерылъ бумаги, ища росписки Сидорова,—но росписки въ конвертѣ не оказалось... Онъ перетряхнулъ всѣ бумаги, выдвинулъ ящикъ—росписки не было и слѣда. У него опустились руки, въ виски стукнуло, какъ молніей пронеслась мысль, что, когда нужно было метрическое свидѣтельство для похоронъ Маруси, онъ послалъ Тоню достать бумагу, и Антонина Сидоровна въ сосѣдней комнатѣ выхватила у дочери ключи. Тогда, убитый горемъ, онъ это смутно видѣлъ изъ двери, противъ которой сидѣлъ. Теперь онъ это явственно припомнилъ. Его охватилъ приступъ дикой злобы. Жена Палицына — воровка! Позоръ, позоръ!..

XXVI.

А Тоня въ эти минуты, положивъ тетрадь англійскихъ переводовъ на подоконникъ, въ блѣдномъ полусвѣтѣ погасавшей вечерней зари писала Васѣ:

«Мой милый, мой родной, безцѣнный Вася! Долго писать некогда. Послѣ обо всемъ напишу подробно. Скажу тебѣ одно, что я свободна! Какое счастье въ этомъ словѣ! Maman безсильна надо мной: моя жизнь, моя совѣсть въ моихъ рукахъ. Я хочу сдѣлать много, много хорошаго, и maman мнѣ не помѣшаетъ. Я папѣ сказала сегодня, что ты геній, будешь великимъ человѣкомъ. Онъ сказалъ, что я дурочка. Папа въ большомъ горѣ, что я *такъ* думаю,—не о тебѣ, а о томъ, что я

свободна. Радость моя отравлена, папа очень, очень огорченъ. Вася, милый, неужели нельзя такъ жить, чтобы наша радость не покупалась горемъ другихъ? Но какъ мнѣ ни жаль бѣднаго папу, а я права, я счастлива... У maman... Ну Богъ съ ней. Обнимаю тебя Вася. Ты порадуешься со мной. Посылаю письмо съ племянникомъ няни. Ѣдетъ завтра курьеромъ. Пиши съ нимъ. Обнимаю сто тысячъ разъ. Твоя Тоня».

Она прибавила постъскриптумъ: «Няня думаетъ, какъ папа. Когда я ей все разсказала, она всплеснула руками и назвала меня безбожницей. А развѣ я безбожница?»

Вырвавъ изъ тетради горячо и безъ знаковъ препинанія набросанный размашисто и маловразумительный для Васи листокъ, Тоня сложила его треугольникомъ, заклеила клеемъ. Завтра Вася узнаетъ самое главное, завтра Вася порадуется съ нею.

Она долго просидѣла у окна, смотря на прозрачное блѣдное небо. Отецъ правъ, ей грѣшно роптать. Сколько бы ни было горя назади, сколько бы горя ни ждало ее въ будущемъ—всетаки впереди свѣтло. Она свободна, и ей надо много думать,—какъ распорядиться своей свободой. И всѣмъ существомъ своимъ дѣвочка оживала отъ радостнаго прилива молодой свѣжей жизни, какъ молодое здоровое деревцо послѣ пронесшейся бури...

М. Николаева.

Борьба за избирательное право въ Англіи и реформа 1832 года.

III.

То же самое столѣтіе, которое было свидѣтелемъ апогея силъ и вліянія крупнаго землевладѣнія, привело за собою цѣлый рядъ рѣзкихъ измѣненій въ экономическихъ отношеніяхъ страны, въ распредѣленіи ея соціальныхъ силъ. Время наибольшаго торжества землевладѣльческихъ интересовъ было и временемъ радикальнаго переворота въ экономическомъ строѣ Англіи, переворота, необходимо вызывавшаго все болѣе и болѣе усиливающіяся стремленія согласовать политическій строй страны съ измѣняющимися экономическими условіями ея существованія.

До XVIII в., даже еще въ теченіе первой половины XVIII в., Англія, стоявшая далеко позади и Германіи *), и Франціи XVI в., представляла собою почти исключительно земледѣльческую страну, главнымъ богатствомъ, главнымъ предметомъ вывоза которой являлось сырье, въ видѣ шерсти и т. п. Ея промышленность едва зарождалась и служила средствомъ удовлетворенія исключительно мѣстныхъ потребностей, ея торговля едва начала переходить изъ рукъ чужеземцевъ въ руки мѣстныхъ купцовъ. Съ половины XVIII в. картина экономическихъ отношеній радикально измѣняется. Въ то время какъ Германія, сильно опередившая Англію, задерживается въ своемъ развитіи, въ то время какъ Франція, если и продолжаетъ двигаться, то лишь черепашьимъ шагомъ, не смотря на всѣ мѣры, принимаемыя ея правительствомъ, на усиленную протекціонную систему, на открытое поощреніе, оказываемое фабричному дѣлу,—Англія, въ особенности во второй половинѣ XVIII в., превращается изъ типически-земледѣльческой въ типически же промышленную страну, страну, съ рѣзко выраженнымъ,—впервые въ экономической исторіи Европы,—капиталистическимъ строемъ. Количество рукъ, занятыхъ земледѣліемъ не только въ Германіи, но и во Франціи

*) См. съ большимъ знаніемъ дѣла составленную характеристику экономическаго развитія Англіи и Германіи въ XVI в. у Ehrenberg'а, Hamburg und England im Zeitalter der Königin Elisabeth. Jena 1896, Einleitung, стр. 1—50.

XVIII в., было неизмѣримо болѣе значительнымъ, чѣмъ то количество рукъ, которое находило примѣненіе въ сферѣ промышленной и торговой дѣятельности. Отношеніе, существовавшее здѣсь между занятіями, было почти тѣмъ же, какимъ оно было въ Англіи XVII в. Мы имѣемъ данныя, правда, лишь приблизительныя, но въ общемъ до нѣкоторой степени пригодныя для характеристики общаго положенія дѣлъ въ Англіи XVII в. Я разумѣю данныя для 1688 г., собранныя Григори Кингомъ *). Къ концу XVII в. на 4.265,000 населенія, занятаго тѣмъ или инымъ видомъ земледѣлія, насчитывалось не болѣе 246000 лицъ, занятыхъ торговлей, и всего 240,000, жившихъ ремесломъ и промышленностью. Изъ общей суммы ежегоднаго дохода, полученнаго страной, земледѣліе, по вычисленіямъ Кинга, доставляло 23,1 милл. ф. стерл., тогда какъ торговля давала лишь 4,2 милл., а промышленность и ремесла—всего 2,4 м. ф. ст. И это не представляетъ ничего удивительнаго въ странѣ, въ которой, по тѣмъ же даннымъ, городское населеніе едва равнялось $^1/_8$ всѣхъ жителей страны. Почти сто лѣтъ спустя взаимныя отношенія между занятіями жителей Англіи носятъ уже совершенно иной характеръ. Въ 1769 г., по исчисленіямъ Артура Юнга**), на долю земледѣльческаго класса приходится уже всего 3.600,000 (считая въ томъ числѣ и землевладѣльцевъ), тогда какъ торговый классъ почти утроивается, съ 246,000 подымается до 700,000, а занятый промышленной дѣятельностью классъ достигаетъ до громадной суммы въ 3 милл. душъ, т. е. почти уравнивается съ земледѣльческимъ классомъ и даже,—если откинуть 800 тысячъ землевладѣльцевъ,—превосходитъ его своей численностью. Болѣе 50% населенія переходитъ отъ земледѣлія къ другимъ занятіямъ, и, параллельно, по увѣренію Юнга, въ такой же пропорціи возвышается населеніе городовъ.

То былъ первый извѣстный намъ симптомъ происходившей въ Англіи экономической революціи. Въ ближайшее время, послѣдовавшее за 1769 г., къ концу двадцатыхъ годовъ XIX в., процессъ перемѣщенія соціальныхъ силъ не только не остановился, но продолжалъ развиваться въ усиленной степени. 42 года спустя отношеніе земледѣльческаго класса къ торгово-промышленному измѣнилось еще рѣзче въ пользу послѣдняго. Въ 1811 году земледѣльческій классъ составлялъ всего 34,7% всего населенія Англіи, тогда какъ торгово-промышленный достигъ до 45,9%, а десять лѣтъ спустя, въ 1821 г., земледѣльческій классъ понизился до 33,4%, а торгово-промышленный поднялся до 47,6% ***). Въ еще болѣе рѣзкомъ видѣ отражается этотъ процессъ на переполненіи городовъ, одѣлавшихся

*) См. Davenant, Works, II, цит. у Rogers, Prices and wages, Hobson, The evolution of modern capitalism; Wade, History of middle and working classes, Edinburg, 1842, стр. 29.

**) Pictorial history of England, V, 687; Hobson, 22; Wade, 29.

***) Porter, Progress of the nation, 53.

центрами фабричной дѣятельности: съ 1801 по 1830 годъ населеніе Ливерпуля, напр., увеличивается на 138%, Манчестера—на 151%, Глэзго—на 161% *). Въ то же время промышленные округа, въ родѣ Ланкашира,—этого центра хлопчато-бумажнаго производства,—росли съ поразительной быстротой. Въ 1700 г. Ланкаширъ насчитывалъ не болѣе 166 тыс. населенія, въ 1750 г.—едва 297 тыс., къ 1800 году имѣлъ уже населеніе въ 672,565 д., а тридцать лѣтъ спустя число его жителей перевалило за милліонъ (1.336,854) **).

Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробномъ выясненіи причинъ этого переворота, превратившаго земледѣльческую Англію въ промышленно-капиталистическую страну. Для цѣлей статьи важны соціальныя послѣдствія переворота, создавшаго новые классы населенія въ странѣ, гдѣ вся политическая власть сосредоточивалась въ рукахъ почти только одного землевладѣльческаго класса, и потому лишь въ общихъ чертахъ мы коснемся процесса этого переворота.

Быстрое развитіе торговли въ Англіи въ XVIII в. и особенно въ началѣ XIX в., облегчалось, какъ отсутствіемъ сколько нибудь сильной конкурренціи со стороны континентальныхъ государствъ, поглощенныхъ войнами другъ съ другомъ, и революціей, вспыхнувшей во Франціи, такъ и сильнымъ расширеніемъ колоніальныхъ владѣній Англіи (этого обширнаго рынка для сбыта ея произведеній). Рядомъ съ этимъ шло усиленное стремленіе къ огораживаніямъ и раздѣламъ общинныхъ земель, приводившее ко все большему и большему освобожденію рукъ, занятыхъ земледѣліемъ. Оба эти процесса были главными факторами, создавшими и облегчившими указанный переворотъ въ экономической жизни Англіи. То, о чемъ хлопотали нѣкоторые изъ германскихъ публицистовъ XVIII в., когда они касались вопроса, откуда добыть руки, необходимыя для промышленности, то, что составляло предметъ заботъ и треволненій нѣкоторыхъ французскихъ революціонныхъ дѣятелей, и въ комитетѣ о «suppression de la mendicité», и въ другихъ комитетахъ, выражавшихъ свои опасенія, на счетъ того, что же будетъ съ промышленностью, если все населеніе обратится въ земледѣльцевъ***),—въ Англіи даже не служило предметомъ обсужденія: ея законы о бѣдныхъ, какъ они примѣнялись въ XVIII в. и въ началѣ XIX в., ея система огораживаній разрѣшала вполнѣ ясно и опредѣленно вопросъ о необходимыхъ силахъ для процвѣтанія промышленности.

А рядомъ создавались условія, еще болѣе ослаблявшія остроту вопроса, волновавшаго континентальные умы. Если въ началѣ

*) Gaskel. Artisans and machinery, 1838. Ср. Porter, 245 и сл.

**) Revue Britanique, 1835, II; 30.

***) См. Rapports комитета о бѣдности въ Procès-verbaux de l'assemblée nationale (т. е. конституанты, законод. собранія и конвента).

XVIII в. англійская торговля, какъ и вообще европейская торговля XVI—XVIII вв., являлась лишь второстепенной отраслью дѣятельности, то иной характеръ получила она во второй половинѣ XVIII в. До того она являлась въ видѣ относительно незначительной величины по сравненію съ общимъ производствомъ страны, производствомъ, расчитаннымъ почти исключительно на мѣстныя потребности, и имѣла, поэтому, дѣло главнымъ образомъ съ такими предметами, какъ пряности, и т. п. азіатскіе, итальянскіе и др. продукты и издѣлія. Ея размѣры даже въ 1712 году были (въ видѣ вывоза) такъ малы, что обороты ея едва равнялись $^1/_6$ всѣхъ оборотовъ страны *). Съ 1760 г. начинается постепенное и все болѣе и болѣе усиливающееся (особенно съ 1790 г.) развитіе торговой дѣятельности. Въ 1760 году вывозъ доходилъ уже до 8 милл. ф. стерл., а ввозъ—до $12^1/_2$ милл. Полвѣка спустя, въ 1810 г., вывозъ уже равенъ 40 м. ф. ст., а ввозъ—свыше 20 милл. Въ 1840 г. первый достигаетъ до 60 милл., а второй—до 30 милл. ф. ст. **). Если обратимся къ деталямъ вывоза, то увидимъ, что продукты мѣстнаго производства начинаютъ играть въ немъ все большую и большую роль, что они все болѣе и болѣе втягиваются въ сферу международнаго рынка, т. е. что ихъ производятъ уже и для сбыта во внѣ. До XVIII в. главнѣйшимъ предметомъ вывоза была шерсть. Съ конца XVII и въ первой половинѣ XVIII в. она, эта шерсть,—уже въ видѣ обработанныхъ издѣлій,—сохраняетъ прежнее значеніе въ вывозѣ. Но если въ концѣ XVII в. вывозъ шерстяныхъ издѣлій составлялъ $^2/_3$ всего вывоза, то въ 1769—71 г. онъ понизился до $^1/_3$ ***). Насчетъ вывоза шерстяныхъ издѣлій усиливается вывозъ обработанныхъ продуктовъ другого рода, прежде игравшихъ незначительную роль или даже совсѣмъ не фигурировавшихъ въ числѣ предметовъ вывоза. Такъ, въ 1766 г. вывозъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій не превышалъ 290 т. ф. стерл., при потребленіи ихъ въ Англіи въ суммѣ 379 т. ф. ст.; къ 1879 г. вывозъ ихъ достигаетъ 15,740 т. ф. ст., а домашнее потребленіе 13,044 ****) И до какой степени быстро поднялся вывозъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій,—ясно видно изъ того, что въ 1780 г. онъ едва превышалъ $1^1/_2$ милл., а десять лѣтъ спустя достигъ до $5^1/_2$ милл., чтобы подняться въ 1810 г.—до $19^1/_2$ милл. *****).

И чѣмъ шире и значительнѣе становились торговые обороты, чѣмъ глубже проникала торговля, пользовавшаяся всевозможнымъ покровительствомъ парламента, въ жизнь и отношенія страны, тѣмъ все яснѣе и рѣзче проявлялись и характерныя черты переворота,

---

*) Macpherson, Annals of commerce, II, 728.

**) См. табл. прогресса внѣшней торговли Англіи, составленную Hobson'омъ, 13. Ср. Wade, 32 и др.

***) Ib., 23.

****) Hobson, 24.

*****) Porter, 177.

происходившаго въ области промышленной деятельности Англіи. Быстрый и ускоренный приливъ рабочихъ силъ къ различнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности, все болѣе и болѣе направлявшейся къ удовлетворенію спроса внѣ Англія,—фактъ, рѣзко бросающійся въ глаза при сравненіи данныхъ половины XVIII в. съ данными конца XVIII и начала XIX в. Въ шестидесятыхъ годахъ XVIII ст. хлопчато-бумажнымъ производствомъ занято было всего около 40 тыс. рукъ, по даннымъ А. Юнга *), въ тридцатыхъ—число рукъ въ этой отрасли промышленности увеличилось до 260 т. **), а въ общей сложности (при включеніи всѣхъ и прямо, и косвенно работавшихъ въ ней) до 1,200—1,300 тыс., по вычисленіямъ Mac' Culloch'a. Тоже и въ другихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности.

И этотъ усиленный приливъ рабочихъ рукъ не былъ симптомомъ только одного прогресса въ дѣлѣ промышленности вообще. Онъ былъ еще болѣе крупнымъ симптомомъ измѣненій въ самой системѣ, въ формахъ производства.

Еще въ первой половинѣ XVIII в. кустарная промышленность или «domestic system» играла въ Англіи крупную роль. Въ большей части Англіи занятія извѣстною промышленностью были связаны съ занятіемъ земледѣліемъ. Какъ и во Франціи, и вообще на континентѣ, такъ и въ Англіи XVII—XVIII вв. одни и тѣ же лица и обрабатывали землю, и занимались, въ качествѣ ли ткачей, ножевщиковъ и т. п., обработкой матеріала, который они добывали или пріобрѣтали сами и который сбывали на ближайшемъ рынкѣ, ближайшей еженедѣльной ярмаркѣ. Такъ было въ большей части ткацкой промышленности, и это не только въ глухихъ мѣстностяхъ, но даже въ Сомерсетѣ и Уэстъ Радингѣ. То же имѣло мѣсто и въ другихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности. Въ Уэстъ-Бромвичѣ, одномъ изъ главныхъ центровъ металлическаго производства, почти всѣ мастера занимались одновременно и земледѣліемъ ***), а ножевщики Шеффильда, ютившіеся въ предмѣстьяхъ города, держали и небольшіе клочки земли, которые они же сами и обрабатывали ****). Въ Іоркширѣ кустарная форма въ ткацкомъ промыслѣ удержалась почти неприкосновенно до конца XVIII ст., и только въ 1794 году мы находимъ первые слѣды возникновенія фабрикъ, основанныхъ капиталистами изъ самихъ же ткачей *****). То, что Де Фое говорилъ объ окрестностяхъ Галифакса, въ большей или меньшей степени примѣнимо и ко всей Англіи начала XVIII в.: «почти въ каждомъ домѣ, писалъ онъ, имѣется ткацкій станокъ и

*) Toynbee, Industrial revolution, 50.

**) Porter 193. Cp Ure, De la fabrication du coton, Paris, s. d., табл. на 302 bis. Schulze-Gaevernitz, Zum socialen Frieden, I, 23.

***) Hobson, 32.

****) Ib.

*****) Webb, History of trade unionism. 30.

на немъ кусокъ сукна или шерстяной матеріи; каждый ткачъ долженъ держать одну, не то двѣ лошади, чтобы доставить домой съ ярмарки все необходимое, и отвезти приготовленное сукно на валяльную мельницу, а затѣмъ, когда оно готово, на ярмарку... каждый почти держитъ корову для нуждъ семьи». И это, по словамъ Ure'a, имѣло мѣсто даже и въ хлопчато-бумажномъ производствѣ въ первые годы XVIII в. *).

Расширеніе рынка и увеличеніе спроса повели за собой значительныя измѣненія въ господствующей системѣ кустарнаго производства въ Англіи, и уже въ первой половинѣ XVIII в., а въ особенности въ началѣ второй въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, позже сдѣлавшихся центрами фабричной дѣятельности, измѣненія эти проявляются все рѣзче и рѣзче.

Въ ряду многочисленныхъ жалобъ, которыя подавали ремесленники въ палату, мы находимъ въ самомъ началѣ XVIII в. двѣ жалобы, одну, поданную булавочными мастерами, другую, представленную перчаточниками **). Въ обѣихъ предметомъ недовольства является крайнее затрудненіе, которое встрѣчаютъ жалобщики вслѣдствіе страшной трудности добыть необходимый для ихъ производства матеріалъ. «У насъ нѣтъ, жалуются булавочники, ни кредита, ни денегъ, чтобы пріобрѣсть проволоку изъ первыхъ рукъ, мы вынуждены покупать ее по частямъ, изъ третьихъ рукъ, продавать еженедѣльно все количество выдѣланныхъ булавокъ, посылать женъ и дѣтей нашихъ каждую субботу по лавкамъ съ предложеніемъ купить булавки; иначе у насъ не окажется средствъ пріобрѣсть хлѣбъ для семьи». При такихъ условіяхъ, при отсутствіи какихъ либо мѣръ, которыми бы облегчалось затруднительное положеніе ремесла,—положеніе и самостоятельная роль кустаря и ремесленника должны были испытать всѣ тяжелыя послѣдствія постепенно усиливающейся и растущей торговли, усиливающагося спроса. Каждый новый шагъ въ торговлѣ отзывался, поэтому, на производителѣ, который постепенно терялъ характеръ самостоятельнаго дѣятеля. Съ XVIII в. мы встрѣчаемся съ развитіемъ особаго класса дѣятелей, которыхъ называютъ тогда мануфактуристами, manufacturer, но которые, въ дѣйствительности, являются простыми купцами, собственниками сырья. Въ З. Англіи шерстяное производство попадаетъ въ такое положеніе уже въ первой половинѣ XVIII ст. Богатые суконщики Сомерсета, Глочестера и Девона скупаютъ шерсть на ярмаркахъ, отдаютъ ее чесальщикамъ въ деревни, затѣмъ передаютъ ткачамъ и, наконецъ, уже обработанную шерсть въ видѣ матеріи отсылаютъ на свои валяльныя мельницы и въ готовомъ видѣ отправляютъ въ Бристоль или Лондонъ для продажи. У кустаря отъ прежняго самостоятельнаго значенія сохраняется лишь его трудъ и орудіе для

*) Ure, History of cotton manufactures, I, 224, ц. у Hobson, 36.
**) Webb., 35—36.

работы, орудіе, составляющее его собственность. Въ шерстяномъ производствѣ въ 1770 году подобнаго рода система уже является преобладающею: агенты скупщика, расчитывающаго на выгоды сбыта, разъѣзжають съ шерстью по деревнямъ, роздають шерсть крестьянамъ и получають ее обратно въ обработанномъ видѣ *). Тоже, но нѣсколько раньше, къ 1750 году, происходить и съ ткачами хлопчато-бумажныхъ матерій. Независимый прежде ткачъ превращается въ зависимаго. «Мануфактуристы» Манчестера или Больтона, у которыхъ кустари пріобрѣтали раньше только одну основу для тканья,— окупають мало по малу хлопокъ, являются монополистами и тѣмъ самымъ лишають кустаря возможности покупать хлопокъ за собственный счетъ, подрывають его самостоятельное положеніе. Въ половинѣ XVIII в. процессъ этотъ заканчивается полнымъ превращеніемъ независимаго прежде кустаря въ работника, зависимаго отъ предпринимателя, «мануфактуриста», снабжающаго хлопкомъ въ кредить **). Въ то же время замѣчается и проявленіе новаго факта въ отношеніяхъ предпринимателя къ кустарю, факта, представляющаго новый шагъ впередъ, новый фазисъ процесса. Въ 1750 году все чаще и чаще встрѣчаются случаи, когда кустарь получаеть отъ купца уже не одинъ матеріалъ, но и орудія производства, ткацкій станокъ за извѣстную плату. Кустарь продолжаеть работать на дому, но отъ прежней его самостоятельности остается только это одно: въ дѣйствительности онъ уже простой рабочій, работающій на хозяина. Оригинальный примѣръ такого процесса даеть намъ Брентано въ исторіи чулочнаго производства. Здѣсь рядомъ съ существованіемъ значительнаго количества самостоятельныхъ производителей, еще въ XVII в. возникло у нѣкоторыхъ изъ нихъ стремленіе возложить работу на спеціальныхъ рабочихъ, большей частью слугъ. До 1753 г., до изданія знаменитаго парламентскаго акта, ограничивавшаго дѣйствіе закона о количествѣ учениковъ, конкурренція новообразовавшейся системы приготовленія чулокъ на станкахъ не представляла особенной или непосредственной опасности для самостоятельныхъ чулочниковъ. Но съ 1753 г. положеніе дѣлъ сразу измѣнилось. Приходы стали выдавать преміи тѣмъ изъ чулочниковъ, которые брали въ свои мастерскія дѣтей бѣдныхъ. Мастерскія были наводнены дешевыми руками, и для самостоятельныхъ производителей оказалась не подъ силу борьба съ новыми «мануфактуристами». Большинство было разорено, и имъ пришлось работать на чужихъ станкахъ и съ помощью чужого матеріала. Движеніе было такъ сильно, что къ 1780 г. работа на чулочныхъ станкахъ превратилась въ работу исключительно на наемныхъ станкахъ, и прежде независимый классъ чулочниковъ превратился въ полунаемныхъ рабочихъ, уже отор-

---

*) Iames, History of worsted manufacture. 323.

**) Baines, History of the county Palatine of Lancashire, II, 413, цит. у Hobson, 37.

ванныхъ и отъ матеріала для производства, и отъ орудій производства. То же происходило, то раньше, то позже, и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Въ тѣхъ, напр., отрасляхъ суконнаго производства, гдѣ обработка сукна достигла наибольшихъ успѣховъ и гдѣ ткацкіе станки стоили сравнительно дорого (главнымъ образомъ въ З. Англіи), уже въ началѣ второй четверти XVIII в. и матеріалъ, и станки составляли нерѣдко собственность предпринимателя; къ концу XVIII в. это становится общимъ явленіемъ, сопровождаемымъ и значительнымъ раздѣленіемъ занятій въ полу-кустарной, полу фабричной формѣ. «Суконщикъ-предприниматель З. Англіи, гласитъ отчетъ комитета о состояніи шерстяной промышленности въ Англіи (1806 г.) *), покупаетъ самъ шерсть, или привозную, или домашнюю, и затѣмъ для всѣхъ различныхъ процессовъ ея обработки вынужденъ пускать въ дѣло столько же различныхъ видовъ рабочихъ, сколько имѣется процессовъ производства; нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ работаютъ у себя на дому, другіе—въ помѣщеніи предпринимателя, но ни одинъ изъ нихъ не дѣйствуетъ самостоятельно, независимо отъ указаннаго пути. За то каждый изъ нихъ пріобрѣтаетъ большую ловкость въ выполненіи принадлежащей ему операціи, а отсюда и признанное превосходство суконъ З. Англіи».

Разъединеніе между рабочимъ и его орудіемъ производства привело, такимъ образомъ, англійскую промышленность къ созданію новой формы: работы или на дому рабочаго, или на дому предпринимателя. Въ Зап. Англіи, въ суконномъ производствѣ новая форма, зачаточная фабрика, является еще въ смѣшанномъ видѣ; она стоитъ и дѣйствуетъ рядомъ съ кустарнымъ производствомъ, хотя и совершенно видоизмѣненнымъ въ своей сущности. Въ хлопчатобумажномъ производствѣ Ланкашира уже въ половинѣ XVIII в. нерѣдко были маленькія фабрики, въ которыхъ находилось по нѣсколько станковъ и по нѣсколько человѣкъ нанятыхъ рабочихъ, нѣсколько позже создаются уже болѣе крупныя фабрики: въ Дарлингтонѣ съ 50 станками, въ Бойнтолѣ съ 150, въ Шеффильдѣ—съ 152 и т. д. **). Къ 1788 г. однѣхъ бумагопрядильныхъ фабрикъ было уже 119 ***).

Но долгое время даже и въ первыя десятилѣтія второй половины XVIII в. развитіе фабрикъ, стягиваніе въ одно мѣсто рабочихъ, работающихъ подъ руководствомъ и по указаніямъ главнаго мастера или самого предпринимателя, шло относительно слабо. Капиталъ, направленный на промышленныя предпріятія, былъ относительно малъ, орудія производства были за весьма рѣдкими исключеніями не дороги, и роль капитала по сравненію съ ролью ра-

*) Report from committée on the wollen manufacture 1806, цит. у Hobson, 39.
**) Pictorial Historry, V 680—6.
***) Ib., VII, 693.

бочаго была такова, что въ состояніи была сохранить до нѣкоторой степени самостоятельность кустаря-производителя. Оттого число фабрикъ въ Англіи было въ половинѣ XVIII столѣтія весьма незначительно, и случаевъ образованія акціонерныхъ капиталовъ, вкладываемыхъ въ промышленность, еще меньше. Въ Эдинбургѣ такая акціонерная компанія образовалась было въ 1746 подъ названіемъ «британской полотняной компаніи»*), но ея дѣятельность была скорѣе дѣятельностью банкирскою: она ссужала деньгами предпринимателей. Только позже, въ 1764 г., мы встрѣчаемъ упоминаніе объ акціонерной компаніи съ капиталомъ всего въ 100 тыс. ф. стерл., основанной спеціально для выдѣлки тонкаго батиста.

Но положеніе дѣлъ стало быстро измѣняться въ половинѣ XVIII ст., главнымъ образомъ начиная съ семидесятыхъ годовъ. Рядъ техническихъ открытій и изобрѣтеній, чуть не ежегодно появлявшихся на свѣтъ, открытій и изобрѣтеній, совершенно измѣнявшихъ процессы производства и приводившихъ къ тому, что «одинъ человѣкъ могъ исполнить съ 5 или 6 дѣтьми то, на что прежде требовалось не менѣе 30 человѣкъ» **). долженъ былъ, при существовавшихъ уже условіяхъ процесса разобщенія производителя и съ матеріалами, и съ орудіями производства, при все болѣе и болѣе усиливающемся спросѣ на обработанные продукты Англіи, ускорить созданіе фабрикъ, усилить и довести до конца процессъ указаннаго разобщенія. Съ одной стороны стоимость новыхъ орудій производства, новоизобрѣтенныхъ машинъ, съ другой, почти полная невозможность работать на нихъ при старой обстановкѣ, т. е. въ домѣ или квартирѣ производителя***),нанесли сильнѣйшій ударъ и кустарной промышленности, и ея самостоятельнымъ дѣятелямъ, уже ослабленнымъ благодаря начавшемуся процессу ихъ разложенія. Быстрое возрастаніе числа фабрикъ въ послѣдней четверти XVIII в., усиливающаяся затрата капиталовъ для ихъ образованія,—ясное свидѣтельство громаднаго значенія, какое получили машины въ развитія экономическихъ отношеній въ Англіи. Внося удешевленіе продукта путемъ сокращенія прежняго количества рабочей силы, они отвѣчали въ болѣе сильной степени, чѣмъ прежнія орудія производства, спросу на товары, и картина усиленія количества обрабатываемаго сырья, усиленія, шедшаго параллельно примѣненію новыхъ открытій, обнаруживаетъ это съ полной ясностью. Открытіе Аркрайта подняло съ 1770 г. почти на 1 милл. ф. стерл. ввозъ хлопка; открытіе Картрайта—довело ввозъ хлопка до 18¼ милл. ф. стерлинговъ; открытіе Уатта и Фультона—почти до 35 милл. И тоже,

---

*) Cuningham, Grown of english industry and commerce, II, 350.

**) Фраза автора Pictorial History по поводу машины Аркрайта (VII, 705).

***) См. любопытныя замѣчанія относительно того значенія, какое для созданія фабрикъ имѣла машина Аркрайта у Cooke Taylor, History of factory system.

хотя и позже, отразилось и на шерсти: ввозъ ея въ 1780 г. равнялся 323 т.; въ 1790 г. онъ былъ равенъ 2½ милл. въ 1800 г.— 8¾ милл., въ 1810 г.—почти 11 милл. *)

Концентрація, съ одной стороны, рабочихъ въ одно мѣсто, въ спеціальное зданіе, фабрику, съ другой, производства въ наиболѣе удобныхъ и по характеру физическихъ условій, и въ силу соціальныхъ причинъ мѣстностяхъ, таковы были непосредственные результаты новаго фазиса развитія экономическихъ отношеній въ Англіи, И въ томъ, и въ другомъ отношеніи эта концентрація, естественно, производила полный переворотъ въ положеніи прежнихъ производителей.

Но переворотъ этотъ и здѣсь, какъ и раньше, при старыхъ орудіяхъ производства, не былъ мирнымъ, незамѣтнымъ переворотомъ. На пути превращенія Англіи въ фабричную, капиталистическую страну стояла прежняя, еще не отжившая система производства, съ ея тщательно выработанной регулировкой занятій, съ ея заботами объ охранѣ интересовъ потребителя и защитѣ правъ каждаго ремесленника; стояла и экономическая политика, выработанная въ теченіе ряда вѣковъ и создавшая привычку среди ремесленнаго и рабочаго классовъ Англіи при каждомъ стѣсненіи въ производительной дѣятельности, при каждомъ событіи, грозившемъ подорвать права ремесленнаго класса, обращаться съ жалобами, петиціями и т. п. къ правительству и въ парламентъ. Еще и въ началѣ XVIII в. и старая система и старинные статуты, направленные къ регулированію производства и взаимныхъ отношеній въ средѣ промышленности и торговли, продолжали сохранять юридическую силу и значеніе. Статутъ Елисаветы не былъ отмѣненъ, а онъ категорически требовалъ, чтобы къ званію мастера допускался лишь тотъ, кто пробылъ не менѣе 7 лѣтъ въ качествѣ ученика (apprentice), чтобы ни одинъ мастеръ не имѣлъ права держать болѣе опредѣленнаго числа учениковъ (не болѣе 3) на каждаго подмастерья, чтобы рабочій день не превышалъ 12 часовъ лѣтомъ и времени отъ восхода до захода солнца зимою, и, наконецъ,— главный пунктъ статута,—чтобы рабочая плата опредѣлялась ежегодно мировыми судьями и притомъ чтобы «каждому рабочему обезпечивалась достаточная плата какъ въ дни недостатка, такъ и въ дни изобилія». Англійское правительство и парламентъ до половины XVIII в. не пытались отступать отъ своей старой экономической политики охраны интересовъ, отъ изданныхъ ранѣе статутовъ и въ частности отъ статута Елисаветы,—на жалобы рабочихъ-ремесленниковъ на притѣсненія со стороны мастеровъ парламентъ отвѣчалъ цѣлымъ рядомъ статутовъ. Въ 1552 и 1555 г. парламентъ воспретилъ, напр., примѣненіе ворсильной машины (gig-mill), уста-

---

*) См. Porter, Progres of nation, и Hobson, The evolution of modern capitalism.

новилъ предѣльное число станковъ, которые можетъ держать каждый мастеръ (два въ городѣ и одинъ въ деревнѣ) и безусловно воспретилъ отдачу станковъ въ наемъ *), а въ 1563 г. издалъ постановленіе, требовавшее опредѣленія минимума рабочей платы, необходимой для поддержанія жизни (convenient livelihood) **). Когда съ XVIII в. начали возникать послѣдовательно измѣненія въ формахъ производства, измѣненія, сопровождавшіяся открытымъ нарушеніемъ статутовъ, въ частности статута Елисаветы о количествѣ учениковъ; когда вслѣдствіе этого парламентъ заваленъ былъ все чаще и чаще, и въ большемъ и большемъ количествѣ поступавшими къ нему жалобами и петиціями,—и англійское правительство, и палата, и суды продолжали слѣдовать прежней политикѣ и дѣйствовали подъ вліяніемъ принципа, что ремесленникъ имѣетъ право на обычное вознагражденіе за свой трудъ. Даже еще и въ 1756 г. петиціонерамъ удалось добиться отъ парламента постановленія, въ силу котораго опредѣленіе размѣра поштучной платы возлагалось на мировыхъ судей (29 Георга II, ст. 33) и которое въ томъ же году было осуществлено въ видѣ таксы, установленной судьями ***).

Понятно, что при существованіи подобнаго рода статутовъ, при сохраненіи въ большей части отраслей промышленности,—тѣхъ, которыя означены были въ статутѣ Елисаветы,—такъ называемыхъ цеховыхъ стѣсненій: строгаго надзора за выдѣлкой согласно установленнымъ правиламъ и обычаямъ издѣлій, обязанности для купца покупать товаръ у ткача и т. п., права предпочтительной покупки сырья и проч., при возможности для рабочихъ образовать ассоціаціи и бороться путемъ и петицій, и жалобъ въ суды на правонарушенія, при продолжавшемся еще дѣйствіи, хотя и крайне осложненномъ, экономической политики, направленной къ поддержанію равномѣрнаго заработка,—процессъ созданія новыхъ формъ производства, разсчитанныхъ на сбытъ въ широкихъ размѣрахъ и основанныхъ на возможно большемъ удешевленіи издержекъ производства, былъ крайне затрудненъ и могъ совершаться лишь медленнымъ путемъ. Въ старинныхъ отрасляхъ производства, какъ напр., въ шерстяномъ и др., переходъ къ фабричному производству отъ кустарной формы могъ имѣть мѣсто, поэтому, лишь къ концу XVIII в. Свободнѣе и успѣшнѣе процессъ измѣненія формъ производства совершался тамъ, гдѣ существующія условія представляли наименьшее количество сопротивленія, въ такихъ отрасляхъ промышленности, которыя, какъ хлопчато-бумажное, не вошли въ статутъ Елисаветы, или въ такихъ мѣстностяхъ, на которыя, какъ Манчестеръ и др., дѣйствіе статутовъ не

*) Froude, History of England, 57 и сл.
**) Ib.
***) Webb, 44.

распространялось. И здѣсь то онъ и осуществился раньше всего. Замѣтимъ, что даже въ 1769 году Аркрайту и Струту пришлось основывать бумажныя фабрики въ столь уединенныхъ мѣстностяхъ, что «необходимо было добывать рабочихъ издалека» *).

Успѣхъ въ дѣлѣ развитія процесса превращенія формъ производства при такихъ условіяхъ, естественно, былъ тѣсно связанъ съ измѣненіемъ въ экономической политикѣ страны, съ послѣдовательной отмѣной ряда статутовъ, препятствовавшихъ свободѣ отношеній и сдѣлокъ. Сохраненіе ихъ было предметомъ постоянныхъ петицій со стороны мелкихъ ремесленниковъ и подмастерьевъ,—ихъ отмѣны усиленно добивались, и съ каждымъ годомъ все энергичнѣе и энергичнѣе, предприниматели. Упорная и тяжелая борьба зарождалась и развивалась все сильнѣе и сильнѣе въ Англіи въ теченіе второй половины XVIII в. и даже еще въ началѣ XIX в., пока новыя теченія не одержали полной побѣды.

Не прошло и года послѣ изданія извѣстнаго намъ акта парламента 1756 г., какъ парламентъ осажденъ былъ жалобами нѣкоторыхъ предпринимателей-суконщиковъ, заявившихъ, что, въ виду существующей конкурренціи, опредѣленіе нормы поштучной платы мировыми судьями совершенно непрактично, что оно нарушаетъ свободу договора и конкурренцію. Несмотря на энергическія возраженія, представляемыя ремесленниками, парламентъ въ томъ же 1756 году измѣнилъ совершенно названный статутъ **). То былъ первый симптомъ перемѣны въ экономической политикѣ англійскаго парламента, но не болѣе, какъ симптомъ. Постановленіе объ отмѣнѣ статута 1756 г. не было мотивировано какою нибудь опредѣленной системой воззрѣній, а являлась простой полицейской мѣрой, случайно принятой. Менѣе, чѣмъ двадцать лѣтъ спустя, въ 1773 г. то, что отмѣнено было въ 1756 г., установлено, какъ правило, для спитальфильдскихъ и иныхъ ткачей ***). Три года спустя, въ 1776 г., тотъ же парламентъ оставилъ безъ разсмотрѣнія петицію ткачей и др. ремесленниковъ Сомерсета, требовавшихъ запрещенія вводить въ производство машины, а въ 1777 году принялъ ходатайство предпринимателей, требовавшихъ отмѣны ограниченій, созданныхъ статутомъ Елисаветы относительно права держать учениковъ ****) (17 Георга III). И любопытно, что самая жалоба предпринимателей была вызвана созданіемъ рабочаго союза, цѣлой федераціи, поставившей своею цѣлью наблюдать за тщательнымъ исполненіемъ статута Елисаветы, и что парламентъ принялъ мѣру объ ограниченіи дѣйствія статута Елисаветы въ то время, когда въ 1773 г. (13 Карла III) онъ же подтвердилъ его дѣйствіе по отношенію къ роли мировыхъ судей въ дѣлѣ опредѣленія

*) Pictor. history, VII, 693.
**) Webb, 44.
***) Pictor, history VII, 708.
****) Webb, 45 46.

нормы платы и когда и изъ Лондона, и изъ Бристоля, Честера, Ливерпуля, Гексгэма, Дерби и т. д. были присланы петиціи въ пользу сохраненія статута Елисаветы. Петиціонеры заявляли, что отмѣна статута «заставитъ сотни ремесленниковъ разбрестись и и искать по всему королевству работы» *).

Но колебанія и неопредѣленность политики были лишь временны. Послѣ 1776 г. новые принципы легли въ основаніе законодательной дѣятельности парламента, и экономическая политика получила совершенно опредѣленный характеръ, прямо противоположный прежней политикѣ и вытекавшій изъ ряда чисто теоретическихъ положеній. Въ 1791 г. ограниченіе статута Елисаветы относительно числа учениковъ было вполнѣ отмѣнено, вслѣдствіе заявленій предпринимателей, что безъ введенія машинъ Англія не въ состояніи будетъ удовлетворить спросу на ея товары, что для обученія новымъ процессамъ производства достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а вовсе не требуется 7 лѣтъ ученичества; что ограниченіе примѣнимо къ ремеслу, но никакъ и ни въ какомъ случаѣ не къ предпріятіямъ, основаннымъ на широкихъ началахъ и требующимъ массы рукъ. Въ 1799 г. съ крайней поспѣшностью былъ обсужденъ, принятъ и санкціонированъ актъ парламента, воспрещавшій, подъ уголовной отвѣтственностью, образованія всякаго рода ассоціацій, каковы бы онѣ ни были и изъ кого бы ни состояли (39 г. Георга III, 81). Образованіе обширнаго союза, охватившаго собою Ланкаширъ и Іоркширъ, и направленнаго къ постоянному предмету заботы ремесленниковъ, къ охранѣ и дѣйствительному примѣненію законовъ XVI и посл. вѣковъ и закона Елисаветы, съ одной стороны, постоянныя жалобы на союзъ со стороны предпринимателей, суконщиковъ Іоркшира и Ланкашира, съ другой, послужили главными стимулами къ изданію запрещенія, вновь потвержденнаго въ 1800 г. (40 г. Георга III, 106).

Благодаря постепенно измѣнявшейся экономической политикѣ парламента, къ концу XVIII в. отъ старыхъ законовъ, регулировавшихъ экономическія отношенія въ странѣ, остались лишь обломки, уцѣлѣвшіе въ силу особенностей англійскаго законодательства, статуты котораго издавались всякій разъ по какому нибудь случаю и примѣнительно къ какому нибудь отдѣльному виду ремесла. Законъ Елисаветы былъ ограниченъ, но еще не отмѣненъ, на него можно было ссылаться въ судахъ. Но уже во многихъ мѣстностяхъ сила дѣйствія его оказывалась совершенно ничтожною. Въ тѣхъ графствахъ, гдѣ процессъ измѣненія формъ производства почти закончился къ концу XVIII в., мировыми судьями нерѣдко дѣлались лица, принадлежавшія къ промышленнымъ дѣятелямъ, къ предпринимателямъ и фабрикантамъ, и ихъ образъ дѣйствій уже тогда вызывалъ рядъ жалобъ со стороны тѣхъ, которые обращались къ нимъ съ исками

*) Webb, 46—7.

на почвѣ закона Елисаветы *). Естественно, что при такихъ условіяхъ отстаиваніе старыхъ порядковъ являлось все болѣе и болѣе безнадежнымъ. Опираясь на неотмѣненные статуты или отдѣльныя статьи ихъ въ примѣненіи къ тѣмъ или другимъ ремесламъ, ремесленники продолжали возбуждать дѣла по поводу ихъ нарушенія, пока, наконецъ, парламентъ не положилъ имъ конецъ изданіемъ акта, отмѣнявшаго статутъ Елисаветы въ 1814 году. Послѣдовательно и шагъ за шагомъ падали отдѣльныя статьи статутовъ, на которыя можно было ссылаться. Ткачи З. Англіи и Іоркшира возбудили дѣло по поводу нарушенія старыхъ статутовъ о машинахъ, парламентъ актомъ 1802 г. отмѣнилъ эти статьи. Когда ткачи Глазго начали искъ подобнаго же рода, имъ пришлось въ теченіе почти 7 лѣтъ (съ 1805 по 1812) вести дѣло, переносить его изъ суда въ судъ, и всетаки имъ не удалось добиться успѣха. Правда, сессія Эдинбургскаго суда вынуждена была признать, что она компетентна на основаніи существующихъ законовъ обсуждать вопросъ о нормѣ рабочей платы поденной и поштучной, но предприниматели отказались принять составленную судомъ таксу, и тѣмъ вызвали стачку, вскорѣ подавленную. Въ 1811 году рабочіе Кейта пытались было поднять такой же искъ, но мировые судьи отказались принять ихъ жалобу, и только по требованію знаменитаго лорда Элленбороу приняли дѣло къ разсмотрѣнію. Но результатовъ искъ не имѣлъ, такъ какъ Элленбороу предоставилъ рѣшеніе вопроса объ установленіи или неустановленіи таксы въ рабочей платѣ ихъ полному усмотрѣнію **). Какъ и въ 1802 году, парламентъ вмѣшался въ дѣло, и въ 1813 г. (53 Георга III, 40) отмѣнилъ статью, предоставляющую мировымъ судьямъ право устанавливать таксу на рабочую плату. Отъ стараго статута оставалась еще лишь одна статья, уже подвергшаяся ограниченіямъ въ XVIII в., статья объ ученикахъ и ученичествѣ. Спеціальный комитетъ, составленный для обсужденія статута Елисаветы, въ 1811 году докладывалъ палатѣ, что, по его мнѣнію, «вмѣшательство въ свободу ремесла или въ свободу частнаго лица не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ оно нарушаетъ существенныя начала, обезпечивающія процвѣтаніе страны и лишь создаетъ самые вредные прецеденты для будущаго». Результатомъ доклада былъ статутъ 1813 г. Теперь на рукахъ у палаты была масса петицій, требовавшихъ не только сохраненія статьи объ ученикахъ, но и распространенія ея на всѣ отрасли промышленности. Петиціи посылались изъ всѣхъ мѣстностей Англіи, 300 тыс. подписей было собрано, тогда какъ всего 2 тысячи подписей дано было за отмѣну закона. Въ комитетѣ президентъ его, Розъ, склонялся въ пользу петиціи ремесленниковъ, но въ 1814 одинъ изъ членовъ палаты, Onslow, не входив-

*) Schulze-Gaevernitz, Zum socialen Frieden, I, 26.
**) Webb. 53.

шій въ составъ комитета, внесъ лично билль объ отмѣнѣ статута и билль прошелъ въ палатѣ большинствомъ голосовъ. То была полная побѣда, одержанная новымъ порядкомъ вещей, и предприниматели поднесли Онслоу нѣсколько вещицъ изъ серебра, какъ дань уваженія и благодарности защитнику принципа экономической свободы.

Послѣдовательная отмѣна постановленій старинныхъ статутовъ, все бо́льшее и большее проникновеніе принципа свободы экономическихъ отношеній и въ сферу промышленной дѣятельности, и въ сознаніе дѣятелей регулирующаго строя, оказывали свое вліяніе. Новая система производства, проникшая уже въ половинѣ XVIII в. въ тѣ отрасли промышленности, которыя стояли внѣ непосредственнаго вліянія старинныхъ статутовъ, мало-по-малу, къ XVIII и къ началу XIX в., начала охватывать и старинныя производства Англіи, суконное, шерстяное, желѣзное и др., и здѣсь фабричная форма производства все болѣе и болѣе вытѣсняла не только чистую форму кустарной промышленности, но и видоизмѣненную ея форму, создаваемую дѣятельностью такъ наз. «мануфактуристовъ». Процессъ такого превращенія формъ былъ настолько быстръ и силенъ въ послѣднее десятилѣтіе XVIII в. и первое десятилѣтіе XIX в., что Англія превратилась уже тогда въ фабричную страну.

Параллельно развивалась и все болѣе и болѣе рѣзкая дифференціація въ группѣ промышленныхъ дѣятелей. Съ одной стороны, руководство фабричной дѣятельностью почти совершенно обособилось отъ дѣятельности торговой. Прежніе «мануфактуристы», являвшіеся скорѣе торговцами, чѣмъ предпринимателями въ строгомъ смыслѣ слова, превращались постепенно въ торговыхъ агентовъ, купцовъ, или гибли въ неравной борьбѣ съ новосоздающейся формой фабричной дѣятельности, основанной не на ручномъ, а на машинномъ трудѣ. Фабрики, фабричное производство сосредоточивались въ рукахъ людей, хорошо ознакомленныхъ съ новыми орудіями производства, въ рукахъ лицъ, получившихъ тогда уже названіе «Self made men» и вытѣснявшихъ тѣхъ, кто вносилъ только накопленный капиталъ въ дѣло производства *), Съ другой стороны, происходило и обособленіе фабрикантовъ отъ рабочихъ. Источникомъ происхожденія обоихъ была одна и та же среда. И тѣ, и другіе пополнялись земледѣльцами, вытѣсненными изъ деревень новыми порядками въ земледѣліи и землевладѣніи, кустарями промышленниками, лишившимися самостоятельной роли въ производствѣ, солдатами и т. п. По нравамъ, образу жизни, степени образованія, они долгое время, за немногими исключеніями, не различались другъ отъ друга внѣшними признаками: оба стояли внѣ такъ наз. «хорошаго» общества, т. е. членовъ группы, державшей

*) См. Gaskell, цит. соч.

въ своихъ рукахъ парламентъ и политическое вліяніе въ странѣ. Но глубокое и рѣзкое различіе уже создавалось между ними въ концѣ XVIII в., создалось оно на почвѣ экономической. Обязательность отношеній между предпринимателемъ и подмастерьемъ и ученикомъ теряла все болѣе и болѣе свое практическое значеніе, и статуты, устанавливающіе ее, стали выходить на практикѣ изъ употребленія и были открыто нарушаемы фабрикантами. Отыскиваніе дешевыхъ рукъ, въ цѣляхъ удешевленія производства, привело къ замѣнѣ рабочихъ подмастерьевъ учениками, число которыхъ съ развитіемъ фабрикъ увеличивалось все болѣе и болѣе, насчетъ подмастерьевъ и въ ущербъ имъ. Мы видѣли, что явленіе это имѣло мѣсто еще въ первой половинѣ XVIII в. въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, тогда процессъ этотъ едва зарождался и задерживался новыми статутами парламента. Съ измѣненіемъ фабричнаго производства процессъ замѣны прежнимъ подмастерьевъ новыми рабочими, сначала въ формѣ учениковъ, получилъ сильный толчокъ: трудъ взрослыхъ рабочихъ все болѣе и болѣе замѣнялся трудомъ малолѣтнихъ и женщинъ, какъ болѣе дешевымъ. Дома для бѣдныхъ и сами бѣдные (poors) уже XVIII в. служили главнымъ источникомъ добыванія дешевыхъ рукъ. Въ силу существовавшаго въ Англіи закона, дѣти бѣдныхъ могли быть отсылаемы въ самыя отдаленныя мѣстности Англіи, и въ такомъ количествѣ, какое считалось нужнымъ. «Въ большинствѣ густо-населенныхъ лондонскихъ приходовъ, писалъ Ромильи въ 1811 г., *) стала обычною отдача въ наемъ дѣтей собственникамъ хлопчато-бумажныхъ мельницъ въ Ланкаширѣ и Іоркширѣ. Дѣти, нагружаемыя въ повозки для отправки ихъ, погибали для родителей, такъ какъ отсылка ихъ за 200 миль была равносильна отправкѣ ихъ въ Вестъ-Индію. Приходы, отдававшіе въ наемъ дѣтей, добывали разрѣшеніе о поселеніи ихъ и разъ навсегда этимъ путемъ развязывались съ ними». Дѣти поступали на фабрики, иногда въ возрастѣ 7, даже 5 лѣтъ, и работали здѣсь «отъ ранняго утра до поздней ночи въ теченіе 15—16 часовъ» (слова Роберта Пиля старшаго, произнесенныя имъ въ палатѣ въ 1816 г.). Нерѣдки были фабриканты,—и это заявлено было въ палатѣ**)—которые соглашались брать и идіотовъ по одному на каждыя двадцать дѣтей. Правда, въ 1876 г., по иниціативѣ Роберта Пиля, былъ изданъ законъ, воспрещавшій наемъ на фабрику дѣтей моложе 9 лѣтъ и ограничивавшій ихъ работу 12 часами, но самая система отдачи дѣтей на фабрики не была затронута. Тотъ же Робертъ Пиль заявлялъ въ палатѣ, что, по его мнѣнію, было бы въ высшей степени несправедливо препятствовать предпринимателю нанимать столько учениковъ (apprentices), сколько ему угодно, и что отсылка дѣтей изъ Лондона на фабрики—дѣло полезное, ибо

---

*) Romilly, II, 372.
**) Hansard, XXIII, 884.

спасаетъ ихъ отъ пополненія ими рядовъ карманныхъ воришекъ *). А членъ палаты Іортли еще рѣзче и рельефнѣе выразилъ господствовавшій въ Англіи образъ мыслей и еще сильнѣе поддержалъ существующую систему найма дѣтей, доказывая, что, во первыхъ, дѣти нисшихъ классовъ вовсе не нуждаются въ воспитаніи въ нихъ чувствъ привязанности къ семьѣ, такъ какъ гораздо полезнѣе отдалять ихъ отъ ихъ жалкихъ и развратныхъ родителей, а во 2 хъ, опасно ограничивать право фабриканта относительно найма учениковъ, такъ какъ иначе подымется рабочая плата и вздорожаютъ издѣлія **).

Пониженіе рабочей платы, удешевленіе издержекъ производства создавались такимъ образомъ на фабрикахъ путемъ привлеченія женщинъ и дѣтей, увеличенія числа учениковъ. То было однимъ изъ слѣдствій процесса созданія новыхъ формъ производства. Рядомъ шли и другія. Обязательность найма на годъ, установленная старыми статутами, ослабѣвала и исчезала. А «съ устраненіемъ найма на годъ, замѣчаетъ знатокъ англійской экономической жизни XVIII в. Брентано, стало исчезать и постоянство въ занятіяхъ». Все зависѣло отъ рынка: «при всякомъ уменьшеніи спроса,—рабочихъ отпускали изъ фабрикъ, и точно также исчезла и правильность въ доходахъ, такъ какъ рабочая плата опредѣлялась измѣненіями и колебаніями рыночныхъ цѣнъ. Отсюда, вмѣсто установленія нормальной платы, какъ то было прежде, на цѣлый годъ городскимъ управленіемъ или мировымъ судьею, плата назначалась и опредѣлялась по соображеніямъ и разсчетамъ мастера или фабриканта». Рядомъ съ измѣненіемъ въ опредѣленіи размѣра рабочей платы шло и измѣненіе въ количествѣ времени работы: оно также начало опредѣляться не въ силу нормъ установленныхъ статутами, а въ силу требованій рынка и руководителя работъ на фабрикѣ. Количество часовъ работы постепенно увеличивалось. Чего нѣкоторое время нельзя было потребовать отъ подмастерья, въ силу существованія статей статута Елисаветы, то можно было сдѣлать по отношенію къ дѣтямъ, взятымъ изъ среды бѣдныхъ, нанятымъ у приходовъ: рабочій день сталъ увеличиваться, достигъ до 18 часовъ въ сутки и болѣе. И это увеличеніе времени труда становилось тѣмъ большимъ, чѣмъ большимъ было усовершенствованіе машинъ. А это усовершенствованіе, сокращая все болѣе и болѣе количество рабочихъ силъ, удлинняя рабочій день, въ свою очередь, подъ вліяніемъ конкурренціи между фабриками, стремилось понижать все болѣе и болѣе рабочую плату, на что, какъ на неизбѣжное явленіе при такой конкуренціи, указывалъ еще В. Питтъ въ 1800 г. Рабочая плата упала въ Англіи конца XVIII и начала XIX в. до minimum'а потребностей, да и такой платы не всѣмъ рабочимъ

*) Ib. 886.
**) Ib. Ср. Romilly, II, 393.

можно было добиться. Главный предметъ потребленія рабочаго въ Англіи былъ хлѣбъ, а между тѣмъ цѣны на хлѣбъ возростали все болѣе и болѣе въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій XIX в. До 1800 г. квартеръ пшеницы стоилъ около 60 шилл., въ 1800 цѣна квартера поднялась до 113 ш., 1802 — до 119 ш., и послѣ временнаго возвращенія къ 60 шилл., поднялась вновь въ 1812 до 126 шилл. Этому подъему цѣнъ на хлѣбъ не соотвѣтствовалъ подъемъ рабочей платы. Въ началѣ столѣтія только самый искусный рабочій могъ получать 30 шилл. въ недѣлю; поденьщикъ едва зарабатывалъ 9—10 шилл. Въ 1800 г. недѣльная плата ремесленникамъ въ Лондонѣ колебалась отъ 17 до 19 шилл., въ 1812—отъ 32 до 34, но хлѣбъ возросъ въ цѣнѣ болѣе, чѣмъ вдвое *). А еще болѣе возрасли цѣны на др. необходимые продукты: на мясо, одежду и т. д. Если номинальная цѣна рабочаго дня была въ началѣ XIX в. почти въ 4 до 5 разъ больше, чѣмъ въ прежнемъ столѣтіи, то съ другой стороны цѣны на хлѣбъ въ среднемъ увеличились за то же время болѣе, чѣмъ 7 разъ, а цѣны на мясо и одежду увеличились въ 15 разъ. Чтобы пріобрѣсть квартеръ пшеницы сильному рабочему нужно было работать 26 дней въ XVI в., 41 день въ концѣ XVIII (1797), когда квартеръ стоилъ около 48 шилл., и около 70 дней, въ 1812 г. А чтобы пріобрѣсть квартеръ пшеницы, квартеръ солоду, квартеръ ячменя, 3 ф. сыру или $1^1/_2$ ф. масла, рабочему въ XVI в. нужно было работать всего 47 дней, а въ 1797 г. около 88 дней. **) И какъ быстро шло пониженіе въ покупательной силѣ рабочей платы, видно изъ того, что въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія рабочій могъ пріобрѣсть за извѣстную цѣну 90 кв., въ 1797—65, въ 1808—только 60 кварт. пшеницы.

Естественно, что положеніе громадной массы рабочаго населенія Англіи ухудшалось изъ года въ годъ и что, говоря словами Walpole'я***), «самая ужасающая нищета была почти повсемѣстной». И это подтверждается цѣлымъ рядомъ современныхъ свидѣтельствъ. Положеніе рабочихъ классовъ по истинѣ ужасно, писалъ въ 1816 ректоръ одного прихода, дома переполнены бѣдняками. На одну кровать приходится по 6—7 человѣкъ. А четыре года раньше, въ палатѣ лордовъ такую же картину нарисовалъ Байронъ. «Я былъ въ Испаніи во время войны, я посѣтилъ самыя жалкія и угнетенныя области Турціи, но нигдѣ мнѣ не пришлось видѣть ничего подобнаго той отвратительной нищетѣ, какую я нашелъ въ нашей... странѣ». «Чѣмъ болѣе я присматриваюсь къ положенію дѣлъ въ Англіи, писалъ позже, въ 1819 г., лордъ Грей, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе настраиваются мои мысли и чувства. Все на-

---

*) Porter, 443.

**) Davies, Case of the labourers in husbandry; см. его таблицы цѣнъ на трудъ и продукты съ XV по XVIII в. Ср. Price, Reversionary payements, II, 273.

***) Walpole. H. of England, I, 181.

пряжено до крайней степени; полнѣйшій разрывъ воцарился между высшими и низшими слоями общества. Изъ такого положенія дѣлъ двоякій выходъ: или полная гибель свободы, или конвульсивный припадокъ, результаты котораго будутъ, вѣроятно, тѣ же».

И до нѣкоторой степени замѣчаніе Грея было не лишено основательности. Процессъ,—лишь нѣкоторыя крупныя черты котораго обрисованы въ самыхъ общихъ чертахъ выше,—приводилъ къ важнымъ послѣдствіямъ. Среди англійскаго общества, всецѣло основаннаго на земледѣліи и земледѣльческихъ интересахъ, зародились и создались къ началу XIX в. два новыхъ класса: классъ промышленныхъ предпринимателей и классъ, увеличивавшійся все болѣе и болѣе, классъ рабочихъ, оба—представители новой промышленной Англіи, захватывавшей все большее и большее пространство, пересоздававшей основы вліянія, богатства и т. д. Первый изъ нихъ росъ въ смыслѣ богатства, и тѣмъ не менѣе въ управленіи страной не игралъ никакой роли. Политическая власть, избирательныя мѣста, вліяніе на законодательство страны все еще были въ рукахъ землевладѣльческаго класса. Добиться отмѣны вредныхъ для интересовъ предпринимателей законовъ новые люди промышленности могли лишь косвеннымъ путемъ, путемъ вліянія на отдѣльныхъ членовъ палаты. Да и то добились они отмѣны лишь тѣхъ законовъ, которые были безразличны для интересовъ землевладѣнія. Рѣдкій изъ фабрикантовъ успѣвалъ попасть въ палату, а изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ благодаря развитію фабрикъ умножилось въ поразительно быстрой прогрессіи населеніе, посылать представителей было невозможно: они не обладали правомъ выбора. Второй классъ, рабочіе, не только былъ чуждъ вліянія на политическія дѣла страны, но даже не могъ долгое время имѣть вліянія, подобнаго косвенному вліянію ихъ патроновъ. Даже болѣе того, ихъ интересы не находили и той охраны, какая давалась отъ времени до времени ихъ патронамъ. Тѣ гарантіи, которыя создавали для нихъ статуты, были постепенно отмѣнены. Законъ 1814 года покончилъ, какъ мы видѣли, съ старымъ порядкомъ вещей, отмѣнивъ правило объ ученичествѣ. Между тѣмъ долговременная практика пріучила населеніе Англіи постоянно, во всѣхъ случаяхъ, обращаться за возстановленіемъ нарушеннаго права, съ просьбами объ удовлетвореніи нуждъ и т. д. къ парламенту. Въ теченіе всего XVIII и начала XIX вв. обращенія рабочихъ до 1814 года были постоянны. Теперь парламентъ, отмѣной всѣхъ прежнихъ старинныхъ статутовъ, ясно показалъ, что надежды на него при современномъ его составѣ нѣтъ. Но такъ же мало надеждъ питали относительно парламента и представители промышленнаго класса. Они были убѣждены въ томъ, что не достаточно ограждены парламентомъ въ своихъ интересахъ, и горько жаловались на это. Еще и въ тридцатыхъ годахъ жалобы эти не замолкли. «Болѣе десятой части населенія нашего острова, писалъ

Ure *), извѣстный и фанатическій поклонникъ новыхъ формъ производства, занято нынѣ въ манафактурахъ, между тѣмъ какъ едва ли и $^{1}/_{18}$ занята земледѣліемъ. Фактъ этотъ долженъ былъ бы заставить нашихъ законодателей, земельныхъ собственниковъ, относиться съ гораздо большимъ вниманіемъ къ интересамъ мануфактуристовъ, чѣмъ они дѣлали это до сихъ поръ. Достаточно указать, насколько масса производительнаго труда взрослаго человѣка больше въ мануфактурахъ, работающихъ съ помощью пара, чѣмъ масса производительнаго труда земледѣльца, чтобы склонить вѣсы въ пользу перваго».

Вопросъ объ участіи новыхъ элементовъ въ политической и законодательной дѣятельности страны, сосредоточенной до сихъ поръ въ рукахъ лишь одного класса, являлся, поэтому, вопросомъ неизбѣжнымъ и необходимымъ. Всѣ условія жизни, какъ и самой организаціи парламента, вели къ этому, и любопытно, что въ Англіи раньше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, иниціатива поднятія его и борьбы за реформу пала на долю болѣе многочисленнаго новаго класса промышленныхъ дѣятелей.

IV.

Побѣда при Ватерлоо была одержана, блестящіе лавры пожали англійскіе генералы съ Уэллингтономъ во главѣ, миръ былъ заключенъ и болѣе чѣмъ двадцатилѣтняя война, почти не прекращавшаяся, осталась далеко позади въ видѣ тяжелаго кошмара. Теперь, казалось для многихъ, въ Англіи наступитъ царство новаго и полнаго преуспѣянія. Лишь немногіе въ то время, среди всеобщаго ликованія, предвидѣли грядущую катастрофу; большинство заразилось увѣренностью въ радужномъ будущемъ, и въ 1815 г. сильнѣйшая спекулятивная горячка овладѣла умами. Гавани всѣхъ народовъ теперь были открыты, и сбытъ обезпеченъ. Вывозъ сразу поднялся на 6 милл., образовалась масса акціонерныхъ компаній съ спекулятивными цѣлями, усилилась работа на фабрикахъ. Но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ картина сразу перемѣнилась. Для большей части приготовленныхъ на англійскихъ фабрикахъ издѣлій, для массы колоніальныхъ товаровъ, привезенныхъ спекулянтами съ востока и запада, не оказалось рынка для сбыта, цѣлыя флотиліи, зафрахтованныя для англійскихъ фабрикатовъ, вернулись домой, и самый сильный изъ кризисовъ разразился надъ Англіей. Цѣны на всѣ предметы страшно пали, масса лицъ оказалась разоренной. Разорены были земледѣльцы, главнымъ образомъ фермеры; разорены были и купцы, а масса фабрикантовъ сразу же сократила производство. И ввозъ, и вывозъ стали быстро падать. Ввозъ съ 32½ милл. въ 1814 г. понизился до 26½ милл. ф. стерл., или

*) Ure, De la fabrication du coton, I, 7.

упалъ на 20%, а вывозъ съ 41¼ милл. въ 1815—до 34¾ милл. въ 1816 г. или почти на 16% *). И это послѣ того, какъ съ 1793 г. къ 1814 и ввозъ, и вывозъ почти удвоились и росли съ страшной быстротой, вызывая усиленную дѣятельность фабрикъ и порождая основаніе новыхъ.

Но кризисъ, разразившійся въ Англіи, не былъ лишь слѣдствіемъ спекулятивной горячки 1815 г. И расширеніе торговли, и развитіе фабрикъ являлось результатомъ длившейся болѣе 20 лѣтъ спекуляціи, созданной условіями войны. Война породила усиленный спросъ на англійскія издѣлія, и она же пощадила только одну Англію, избѣжавшую иноземнаго вторженія. На континентѣ для расширенія фабричной дѣятельности было мало возможности въ виду постоянныхъ опасеній вторженія врага. Лишь въ Англіи капиталъ могъ быть безопасно вложенъ въ фабричныя предпріятія, и въ виду спроса на англійскіе товары онъ вкладывался въ промышленность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. И это въ то самое время, когда, въ силу тѣхъ же причинъ, почти вся международная торговля сосредоточилась въ рукахъ англичанъ. «Въ теченіе 20 лѣтъ, замѣчаетъ авторъ очерка состоянія Англіи въ 1816 г. въ Annual Register **), страна находилась въ какомъ то неестественномъ и насильственномъ положеніи; каждая отрасль дѣятельности была какъ бы выталкиваема за свойственные ей предѣлы; нація находилась въ какомъ то снѣ, изъ котораго пробудилась только теперь среди самой тяжелой и мрачной обстановки. Между тѣмъ и за этотъ двадцатилѣтній періодъ времени фабричная дѣятельность подвергалась рѣзкимъ колебаніямъ, и въ результатѣ получалось то усиленное стремленіе пустить на рынокъ возможно большую массу товаровъ, которые нужно было произвесть возможно дешевле, то остановка въ работахъ, сокращеніе производства. Стремленіе къ пониженію цѣнъ на рабочія руки являлось при такихъ условіяхъ неизбѣжнымъ, и плата постепенно падала, перемежаясь съ увольненіями рабочихъ массами въ случаяхъ застоя. Разразившійся кризисъ, обнаружившій съ полною ясностью спекулятивный характеръ англійскаго фабричнаго производства, естественно сразу же и тяжелѣе всего отозвался на рабочемъ классѣ. Сокращеніе производства лишило массу рабочихъ занятій. Въ одной только шелковой промышленности и именно въ Спитальфильскихъ фабрикахъ безъ работы оказалось около 40000 человѣкъ ***). Тоже и въ др. отрасляхъ производства; между тѣмъ заключеніе мира повело къ сокращенію военныхъ силъ и создало рабочему населенію новыхъ конкуррентовъ въ видѣ отпущенныхъ по домамъ солдатъ. Съ другой стороны, цѣны пали, а съ ихъ паденіемъ уменьшился спросъ на

*) M'Culloch, Dictionary, imports u exports.
**) A. Reg., 1816, 289. Ср. 1815, гл. IX, стр. 227—235.
***) Ann. Reg., 1817, 288.

трудъ, и въ результатѣ — новое пониженіе рабочей платы. Почти повсемѣстно предприниматели условливались понизить плату. И это не только въ какой нибудь одной отрасли производства, но во многихъ сразу. Землевладѣльцы и фермеры Тивертона на многолюдномъ митингѣ, созванномъ ими, порѣшили въ 1816 г., что «въ виду низкихъ цѣнъ» опредѣленная плата должна быть установлена для кузнецовъ, плотниковъ и т. п. *). Типографы, башмачники, плотники въ Лондонѣ и др. мѣстахъ послѣдовали тому же примѣру. Но здѣсь ссылались на низкія цѣны продуктовъ, слѣдовательно на возможность удержать minimum необходимаго заработка. Въ крупныхъ фабрикахъ, между которыми конкурренція усилилась благодаря затрудненіямъ сбыта, пониженіе платы являлось уже орудіемъ конкурренціи и не имѣло точной границы. Плата понижалась ниже уровня minimum'а, и создалась практика пополнять недостающую плату изъ фонда бѣдныхъ. Мѣстные жители стали протестовать и въ Лейчестерѣ, напр., муниципальныя власти рѣшили образовать добровольный фондъ и изъ него выдавать доплату тѣмъ, кто получалъ плату ниже minimum'а: мѣра, вызвавшая обвиненіе властей въ преступномъ заговорѣ съ цѣлью повышенія платы **).

Среди земледѣльческихъ классовъ царила такая же нужда. Паденіе цѣнъ на хлѣбъ къ концу 1815 г. лишило фермеровъ всякой надежды на полученіе прибыли, масса фермъ была брошена, земля осталась безъ обработки; хлѣбъ упалъ до половины прежней цѣны, и масса рабочихъ лишилась занятій.

Нищета, писали современники, царитъ повсюду. «Почти каждая улица, сообщаетъ изъ Лондона одинъ изъ членовъ палаты, переполнена просящими милостыни; число увольняемыхъ офицеровъ и чиновниковъ... увеличивается все болѣе и болѣе. Экономія—лозунгъ дня» ***). «Число банкротствъ, говорилъ лордъ Брумъ въ палатѣ общинъ, возрастаетъ съ каждымъ днемъ; торговля въ полномъ застоѣ; землевладѣлецъ не получаетъ ренты, фермеръ не можетъ продать хлѣба» ****). «Въ двухъ имѣніяхъ въ Норфолькѣ, сообщалъ въ палатѣ герцогъ Бедфордскій *****), въ одномъ—5 т. акровъ, въ другомъ—3 т. были предложены фермерамъ для обработки даромъ, и никто не захотѣлъ брать ихъ». Ко всему этому присоединился и полнѣйшій неурожай въ 1816 году, поднявшій къ концу года цѣны на хлѣбъ вдвое противъ цѣнъ на него въ началѣ года и приведшій къ настоящему голоду и къ новому разоренію населенія.

Положеніе страны было въ полномъ смыслѣ слова отчаянное. Отсутствіе возможности найти средства для заработковъ, начавшійся

*) Webb, 83 и сл.
**) Webb, 83.
***) Walpole, I, 417.
****) Hansard, т. XXXII; Ann. Register, 1816, 133 и сл., 147 и сл.
*****) Hansard, т. XXXIII.

во второй половинѣ 1816 года голодъ, привели къ тому, что въ Дорсетширѣ изъ 575 человѣкъ 419 получали помощь изъ фонда для бѣдныхъ, что въ другихъ мѣстахъ изъ 7 чел. 6 сдѣлались нищими *). И сельскіе, и городскіе рабочіе были доведены, благодаря разоренію и голодовкѣ, до отчаянія, и въ разныхъ мѣстахъ Англіи вспыхнули дикія возстанія. Сожигались фермы, разбивались хлѣбные магазины, въ мануфактурныхъ округахъ вновь появился миѳическій генералъ Людъ (general Ludd), и люддисты начали повторять исторію 1812 г., разрушать по ночамъ машины.

Съ мятежами, вспыхнувшими въ разныхъ мѣстахъ, министерство справилось быстро. Возстанія были подавлены, виновные преданы суду и понесли наказанія, но положеніе дѣлъ оставалось по прежнему тяжелымъ и грознымъ. «Я ожидаю зимы, писалъ лордъ Эльдонъ, канцлеръ, со страхомъ и трепетомъ».

Кризисъ обнаружился еще осенью 1815 г. и быстро усиливался, но парламентъ былъ созванъ только на 1 февраля 1816 г. И страна, и члены парламента ждали открытія сессіи съ нетерпѣніемъ, усиливавшимся съ развитіемъ кризиса. Самые жизненные вопросы были выдвинуты положеніемъ дѣлъ, вопросы о тяжеломъ безвыходномъ положеніи сельскаго и городского населенія, о мѣрахъ, какимъ образомъ противодѣйствовать нагрянувшему бѣдствію, какъ помочь фабрикамъ, торговлѣ и земледѣлію. 1 февраля сессія была открыта, и членамъ парламента и странѣ было сообщено, что «мануфактуры, торговля и доходы королевства находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи»**). Понятно, что, въ виду такого заявленія, министерство лорда Ливерпуля не представило палатѣ никакихъ соображеній о мѣрахъ ослабленія кризиса, никакого плана дѣйствій въ виду отчаяннаго положенія страны. Уже съ первыхъ засѣданій министерство подверглось сильнѣйшимъ нападкамъ оппозиціи, требовавшей, въ обѣихъ палатахъ, назначенія коммиссіи для изслѣдованія какъ положенія страны во всѣхъ отношеніяхъ, такъ и причинъ, вызвавшихъ кризисъ, требовала и принятія экстренныхъ мѣръ для облегченія бѣдствія. Но напрасно ораторы оппозиціи обвиняли министерство за то, что оно не созвало палатъ еще въ ноябрѣ 1815 года, не только явилось предъ палатами съ пустыми руками, но еще и вводило и вводитъ страну въ обманъ, увѣряя, что страна находится въ цвѣтущемъ положеніи,—всѣ рѣчи, аргументы, вся сила краснорѣчія, потраченнаго лордомъ Карнарвономъ въ палатѣ лордовъ ***) и лордами: Фолькестономъ, Брумомъ и др. въ палатѣ общинъ ****), оказались безплодными. Предложенія оппозиціи о назначеніи слѣдствія о состояніи страны, о мѣрахъ помощи кризису,

*) Hansard, XXXIII, 1082; XXXV, 907.
**) «The manufactures, commerce and revenue of the kingdom are in a flourishing condition». Ann. Reg., 1816, 13.
***) A. R. 1816, 152 и сл.
****) Ib., 23 и сл., 27 и сл.

были отвергнуты въ обѣихъ палатахъ сильнымъ большинствомъ голосовъ. Приняты были къ свѣдѣнію министерствомъ лишь предложенія о мѣрахъ къ поддержанію земледѣлія *).

А между тѣмъ въ странѣ все болѣе и болѣе росло движеніе, которое, при такомъ отношеніи парламента къ вопросу о кризисѣ, получало все большее и большее развитіе, все большую и большую силу. 2 іюля 1816 г. сессія парламента была закрыта, и въ рѣчи, адресованной къ палатѣ общинъ, высказано было удовольствіе, что мятежи подавлены, что все успокоилось въ странѣ и что, въ виду лишь временнаго характера кризиса, «прогрессивное улучшеніе кредита» исправитъ зло **). Между тѣмъ уже въ августѣ, подъ вліяніемъ ясно обозначившагося неурожая, подъ давленіемъ усилившагося бѣдственнаго положенія страны, городской лондонскій совѣтъ подъ предсѣдательствомъ лорда-мера Вуда, возбудилъ вопросъ о необходимости обсудить и изучить причины матеріальныхъ и политическихъ бѣдствій, испытываемыхъ страною. Политика министерства и парламента подверглась самой жестокой критикѣ. Въ адресѣ, выработанномъ совѣтомъ,—постановившемъ унести изъ залы бюстъ Питта-младшаго,—и написанномъ на имя принца-регента, указывалось на безумно предпринятую войну съ Франціей, какъ на главную причину зла: ей Англія, писалъ совѣтъ, обязана невыносимой тяжестью налоговъ и тѣмъ тяжелымъ кризисомъ, тою страшною нуждою, которую терпитъ ея населеніе. И тотъ самый совѣтъ, который въ 1814 году поднесъ министерству лорда Ливерпуля адресъ, выражавшій удивленіе его твердости, благоразумію и силѣ, теперь, при новыхъ условіяхъ, утверждалъ, что если страна попала въ тяжелое положеніе, то благодаря министерству, пытающемуся и теперь, во время мира, удержать побольше военной силы вопреки конституціи, что въ его управленіи царятъ безпорядки, происходятъ расхищенія. И все это потому, что нѣтъ дѣйствительнаго, серьезнаго контроля надъ управленіемъ, что согласный съ конституціей, требуемый ею, надзоръ парламента за министерствомъ исчезъ, и исчезъ вслѣдствіе того, что самъ парламентъ превратился въ орудіе, которымъ распоряжается лишь одна партія. Совѣтъ Лондона въ своемъ адресѣ настойчиво и рѣшительно указывалъ на необходимость преобразовать парламентъ, ибо истинная опасность для страны заключается въ томъ, что существующая система не совмѣстима съ благосостояніемъ народа и государства.

То было требованіе реформы парламента, реформы избирательнаго права, въ которой лондонскій совѣтъ усматривалъ якорь спасенія и о которой уже много лѣтъ въ Англіи почти перестали открыто говорить. Но то не было лишь единичнымъ заявленіемъ: движеніе въ пользу реформы проявилось не въ одномъ Сити, а стало охва-

*) Ib., 143.
**) Ib., стр. 265.

тывать всю страну все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того какъ кризисъ, переживаемый Англіей, все болѣе и болѣе давалъ себя чувствовать въ теченіе 1816 г.

О злоупотребленіяхъ и подкупахъ при выборахъ въ парламентъ говорилось не разъ въ XVIII в., и вопросъ возбуждался и въ прессѣ и въ парламентѣ еще въ царствованіе Анны и Георга I. Но до половины XVIII в. объ отмѣнѣ установленнаго порядка, о реформѣ парламента никто не заикался въ палатѣ. Если партія тори въ 1712 г. пыталась было помощью спеціальнаго акта: landed qualification act, остановить и затормозить подкупы, то добивалась она принятія этого акта гораздо болѣе въ видахъ усиленія и обезпеченія земельныхъ интересовъ *). Выгоды, связанныя съ продажей парламентскихъ мѣстъ, выгоды, на которыя открыто указывали писатели временъ Анны, были велики и увеличивались все болѣе и болѣе. Онѣ были одинаковы и для виговъ, и для тори, представляя возможность проникнуть въ палату, между прочимъ и для коммерческаго класса. Вотъ почему ни та, ни другая партія долгое время не пытались даже возбуждать вопроса о реформѣ. Только съ 1769 г. становится замѣтнымъ движеніе въ пользу реформы, и это былъ тотъ годъ, когда впервые зародился англійскій радикализмъ **), впервые ясно и опредѣленно проявилось стремленіе къ широкой реформѣ и къ установленію контроля со стороны избирателей надъ избранными ими лицами. Митинги съ чисто политическими цѣлями, въ видахъ контроля надъ избранными и для обсужденія вопросовъ о реформѣ, стали собираться все чаще и чаще, создавая, такимъ образомъ, прецедентъ для будущаго, а рядомъ формировались кружки, маленькія политическія общества и клубы, объединенные въ одно цѣлое съ основаніемъ общества защитниковъ билля о правахъ (society of the supporters of the bill of rights). Здѣсь вырабатывались инструкціи для избираемыхъ депутатовъ, здѣсь же формулирована была программа требованій относительно реформы. Полное и равное представительство народа въ парламентѣ, годичные парламенты, исключеніе изъ палаты общинъ тѣхъ членовъ ея, которые примутъ какое либо мѣсто, пенсію, лотерейный билетъ или иное какое либо воспособленіе отъ короны, таковы были главные пункты програмы.

Отъ времени до времени требованія о реформѣ вносились въ парламентъ на обсужденіе, но всякій разъ, разумѣется, безуспѣшно, такъ какъ радикальная партія была слабо представлена въ палатѣ, а виги только слабо и нерѣшительно, лишь по обязанности, какъ либеральная партія, приставали къ требованіямъ о реформѣ. Ни Чатаму, ни герцогу Ричмонду (1780) ни позже Питту младшему, внесшему (1783 и 1784) предложенія крайне умѣренныя

*) Lecky, H. of England in the XVIII c., I, 200.

**) Ib., III, 176 и сл.

и сомнительнаго свойства о реформѣ, *) ни ряду другихъ не удалось добиться большинства голосовъ въ пользу реформы. На время вопросъ о реформѣ былъ оставленъ и возобновленъ лишь въ девяностыхъ годахъ уже на болѣе широкой почвѣ. Но агитація среди населенія не прекращалась и даже усилилась съ 1780 г., когда образовано было общество распространенія конституціонныхъ знаній (society for promoting constitutional information). Масса книгъ и брошюръ была издана и распространена среди народа, а въ нихъ главнымъ образомъ шла рѣчь о suffrage universel, о тайной или закрытой подачѣ голосовъ, о годичныхъ парламентахъ и т. п. **) Пропаганда велась настолько усиленно и ловко, что количество сочувствующихъ лицъ стало сильно рости; привлечены были и лица, принадлежавшія къ зарождавшемуся рабочему классу населенія. Уже въ 1780 г. петиціи, поданныя въ парламентъ, были подписаны 100 тыс. лицъ,—въ девяностыхъ годахъ на митинги о реформѣ собиралось не 6—7 тыс., какъ въ 1769, а десятки тысячъ. Въ 1791 г. не только въ Лондонѣ, но и во многихъ другихъ городахъ образовались новыя общества съ цѣлью добиваться реформы парламента, равномѣрности представительства, общества, въ которыхъ принимали дѣятельное участіе члены парламента въ родѣ Грея, Ерскина и др. Настоящій обвинительный актъ противъ существовавшей системы выборовъ въ Англіи и связанныхъ съ ней злоупотребленій былъ составленъ «обществомъ друзей народа» (society of the friends of the people) подъ руководствомъ Грея, актъ, сдѣлавшійся для будущихъ дѣятелей и для историковъ настоящимъ арсеналомъ аргументовъ за реформу. Этотъ же актъ, вмѣстѣ съ предложеніемъ о реформѣ, и внесенъ былъ въ парламентъ, наиболѣе ревностнымъ и горячимъ защитникомъ вопроса о реформѣ, Чарльзомъ Греемъ уже тогда, когда благодаря дѣятельности клубовъ и обществъ агитація среди населенія достигла наибольшей силы и вызвала рядъ петицій. Предложеніе было внесено въ 1793 г. и было отвергнуто большинствомъ, вполнѣ присоединившимся къ мнѣнію министерства и его главы Питта, что «теперь не время производить столь рискованные эксперименты» ***). Въ странѣ, особенно среди высшихъ классовъ и въ самомъ министерствѣ, началась уже раньше и стала теперь усиливаться реакція противъ идей и дѣйствій французскихъ собраній и дѣятелей. Чѣмъ сильнѣе разгоралась революція во Франціи, тѣмъ реакція, охватывавшая англійское общество, становилась значительнѣе. Опасенія за спокойствіе въ Англіи росли все болѣе и болѣе, и каждое выраженіе сочувствія Франціи со стороны клубовъ, каждый новый агитаціон-

*) Massey, H. of England, III, 37 и 184—5; Lecky, IV, 281 E. May. I, 271 и сл.

**) Massey, III, 341.

***) Ib., III, 272.

ный шагъ въ пользу реформы, каждое новое произведеніе, заключавшее въ себѣ проповѣдь радикальныхъ доктринъ, вызывали все большее раздраженіе и крики о необходимости спасенія порядка. Въ Бирмингэмѣ митингъ созванный на 14 іюля 1791 г. Пристлеемъ, подвергся нападенію со стороны толпы и разогнанъ ею при крикахъ: король и церковь. *) Для Питта и его министерства представлялось широкое поле для дѣятельности, и уже въ 1792 одна мѣра за другой принимались съ цѣлью предохранить Англію отъ революціи, которая казалась ему близкой. Въ 1792 г. издана была «прокламація», направленная противъ распространенія вредныхъ и мятежныхъ сочиненій. Въ 1794 г., послѣ митинговъ, на одномъ изъ которыхъ провозглашена были теорія о правѣ народа требовать всеобщей подачи голосовъ, пріостановлено было сначала на годъ, а затѣмъ до 1801 г., дѣйствіе habeas corpus, и цѣлый рядъ процессовъ возбужденъ былъ и противъ писателей, и противъ политическихъ дѣятелей. Въ 1795 г. установленъ былъ высокій штемпельный налогъ на газеты въ видахъ подавленія дешевой прессы и тогда же изданъ новый законъ, ограничивавшій свободу собраній, обществъ и митинговъ, и предписывавшій закрытіе существующихъ обществъ. Парламентъ безпрекословно, подавляющимъ большинствомъ голосовъ, вотировалъ всѣ такія мѣры министерства, уже открыто заявлявшаго въ лицѣ Питта, что парламентская реформа немыслима, что существующая форма представительства болѣе чѣмъ достаточна для охраны интересовъ и счастья народа, и что было бы безуміемъ разрушать ее изъ за страсти къ опытамъ или изъ за увлеченія свободой**). И большинство англійскаго общества горячо поддерживало и Питта, и его министерство. Въ его средѣ образовывались союзы, ставившіе своей задачей помогать министерству розыскивать и подвергать наказанію виновныхъ. Собирались для этой цѣли деньги, нанимались спеціальныя лица, чтобы слѣдить за вредными людьми и вредными сообществами. Министерство съ своей стороны шло на встрѣчу этимъ стремленіямъ общества, содержало агентовъ, которымъ платило крупныя суммы, и которые, затѣмъ, вмѣстѣ съ добровольными агентами, являлись свидѣтелями на судахъ, нерѣдко, впрочемъ, своими показаніями вызывавшими оправдательные приговоры ***). Страхъ предъ революціей охватывалъ Англію все сильнѣе и сильнѣе, и реакція подавила почти совершенно все начавшееся было движеніе въ пользу реформы. Малѣйшая попытка возобновить его тотчасъ же вызывала въ первые годы XIX ст. возстановленіе дѣйствія репрессивныхъ биллей 1794, 1795 гг. Дѣло реформы было брошено и какъ бы забыто. Многіе изъ тѣхъ, кто защищалъ и проводилъ ее, «дезертировали», какъ выра-

---

*) Ib., III, 166 и сл.

**) Ib., IV, 182—3.

***) Процессы Томаса Гарди, Горна Тука и др. E. May, II, 184 и сл.

зился одинъ писатель *). Одни совершенно измѣнили свой образъ мыслей, другіе «схватились съ радостью за возможность покинуть его подъ тѣмъ предлогомъ, что реформа не имѣетъ ни малѣйшихъ шансовъ успѣха, а между тѣмъ—защита ея, отнимая у нихъ благосклонность министерства, не обезпечиваетъ ни народной поддержки, ни народнаго сочувствія» **). Партія оппозиціи, партія виговъ, была проникнута такими же чувствами. Для громаднаго большинства ея вопросъ о реформѣ являлся такимъ же пугаломъ, какъ и для торя. До самаго 1819 г. большая часть представителей партіи виговъ не рѣшалась открыто поставить вопросъ о реформѣ, показать даже видъ, что она сочувствуетъ ему или раздѣляетъ мнѣнія той самой радикальной партіи, къ которой виги готовы были присоединиться въ XVIII в.

Сама радикальная партія, партія реформъ почти исчезла въ парламентѣ. Только три или четыре члена палаты общинъ въ первые годы XIX ст. являлись ея представителями. Но, понятно, вліяніе ихъ было совершенно ничтожно въ палатѣ, и они, при господствовавшемъ тогда настроеніи палаты, вызывали лишь протесты одной стороны палаты, опасенія и боязнь другой. Даже лордъ Брумъ, первые шаги котораго на парламентскомъ и политическомъ поприщѣ начались съ радикализма, писалъ въ 1819 г., что «радикалы сдѣлались до того ненавистными, что даже многіе изъ нихъ нашего образа мыслей съ удовольствіемъ готовы отнестись съ радостью къ факту уничтоженія и ихъ, и ихъ прессы ***) Въ палатѣ Фрэнсисъ Бердеттъ, баронетъ, и лордъ Cochrane являлись главными и почти единственными представителями радикальной партіи, теперь въ ихъ лицѣ получившей названіе молодой радикальной партіи. Но первый изъ нихъ возбуждалъ въ палатѣ чувство сильнѣйшаго раздраженія всякій разъ, когда онъ подымался, чтобы произнесть рѣчь, второй— не пользовался уваженіемъ палаты. Никто не отрицалъ чистоты побужденій, руководившихъ Бердеттомъ, но громадное большинство палаты смотрѣло на него, какъ на безпокойнаго человѣка, какъ на ученика и орудіе радикальнаго дѣятеля XVIII в. Горна Тука, процессъ котораго въ 1794 г. по обвиненію въ государственной измѣнѣ былъ у всѣхъ въ памяти, хотя и окончился оправданіемъ его присяжными. Горна Тука боялись, на Бердетта въ началѣ смотрѣли, какъ на простое орудіе въ рукахъ Тука, орудіе, которое съ смертью Тука перестанетъ быть годнымъ ****). Тѣ, кто относился такъ къ Бердетту, ошиблись, но ошибка эта вела къ усиленію враждебнаго къ нему чувства, хотя онъ далеко не являлся какимъ либо крайнимъ дѣятелемъ. Никогда не проповѣдывалъ онъ теоріи всеобщей подачи

*) Ann. Register, 1816, 295.
**) Ib.
***) Walpole, I, 426.
****) Ann. Reg., 1816, 297—8.

голосовъ, систематически уклонялся отъ произнесенія рѣчей или отъ предсѣдательствованія на митингахъ. По словамъ Бамфорда, онъ сказался больнымъ и просидѣлъ въ домашнемъ костюмѣ у себя въ квартирѣ, когда его въ январѣ 1817 г. избрали предсѣдателемъ засѣданія въ гэмпденовскомъ клубѣ, гдѣ долженъ былъ быть окончательно обсужденъ вопросъ о петиціяхъ. Ему знакомо было очень хорошо настроеніе и всей палаты, и министерства того времени. Среди рабочаго населенія Лондона его популярность была громадна. Оно все болѣе и болѣе усматривало въ немъ чуть не единственнаго защитника его интересовъ въ палатѣ, и произвело настоящій бунтъ, когда въ 1810 г. Бердетта за неповиновеніе регламентамъ палаты повлекли, по распоряженію спикера, въ тюрьму. Онъ сдѣлался мученикомъ и героемъ въ глазахъ населенія, выразившаго открыто свою вражду къ парламенту въ его существующей формѣ, но возбудилъ еще большую ненависть къ себѣ палаты, усмотрѣвшей въ поданной имъ жалобѣ въ судъ на спикера явное нарушеніе, открытое неуваженіе къ правамъ и привилегіямъ парламента *). Въ результатѣ получилось, что палата стала еще больше прежняго бояться Бердетта, а послѣдній, чувствуя вражду къ себѣ большинства, опасался дѣйствовать слишкомъ открыто, уклонялся нерѣдко отъ слишкомъ близкихъ отношеній съ прославлявшими его людьми, чѣмъ и вызвалъ нѣсколько презрительный отзывъ у Коббета, обозвавшаго его «лицемѣрнымъ патріотомъ».

Иное положеніе было лорда Cochrane'a. Въ населеніи онъ не вызывалъ того энтузіазма, которымъ окружали его собрата по парламентскому оружію. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ радикальнѣе Бердетта, гораздо смѣлѣе его, но не обладалъ ни его знаніями, ни его краснорѣчіемъ, ни его умѣньемъ аргументировать составленныя положенія, а, главное, не пользовался той чистотой репутаціи, въ которой даже враги не отказывали Бердетту. Онъ не былъ радикаломъ съ юношескихъ лѣтъ, подобно послѣднему. Морякъ, пріобрѣвшій себѣ крупную репутацію какъ военный дѣятель, онъ имѣлъ несчастье запутаться въ биржевыхъ спекуляціяхъ, подорвалъ свою карьеру, оставилъ морскую службу и тогда уже, очутившись въ палатѣ, сдѣлался радикаломъ. Онъ не прощалъ министерству ни одной ошибки, ни одного промаха и высказывался всегда самымъ рѣзкимъ образомъ, безъ всякихъ попытокъ завернуть свои фразы въ любезную форму. Это нерѣдко доводило до призванія его къ порядку. Чопорная палата никогда не могла простить ему его выходокъ, и его предложенія уже заранѣе были обречены. И Грей, перешедшій въ палату лордовъ, и Брумъ, и др., дѣятели лѣвой всячески сторонились его, сторонились въ большей степени, чѣмъ Бердетта.

*) E. May, I, 374. Ann. Reg. 1810.

Центръ тяжести вопроса о реформѣ не лежалъ, такимъ образомъ, въ палатѣ, и въ теченіе перваго десятилѣтія XIX в. и первой половины второго десятилѣтія онъ все болѣе и болѣе переносился въ другую среду, на иную почву.

Экономическій процессъ, совершавшійся въ Англіи конца XVIII и начала XIX в., все болѣе и болѣе подготовлялъ образованіе этой почвы, создавая новые соціальные классы. И чѣмъ болѣе парламентъ безразлично и даже какъ бы враждебно относился къ охранѣ интересовъ новообразовавшагося класса, чѣмъ больше двигался онъ по пути разрушенія и отмѣны стараго строя и старинныхъ статутовъ, тѣмъ все больше и больше укрѣплялось въ рядахъ новаго класса сознаніе въ неизбѣжности реформы парламента соотвѣтственно новымъ измѣненіямъ въ строѣ общества; сознаніе тѣмъ болѣе сильное, что положеніе ухудшалось съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Въ первые годы XIX ст., повидимому, движеніе въ смыслѣ реформы совершенно почти не существовало въ средѣ новаго класса общества Англіи. Броженіе начиналось, но оно имѣло неопредѣленную форму и, если и проявлялось спорадически, то далеко не охватывая всего новаго класса. Нѣкоторый успѣхъ въ рабочей средѣ получили идеи коммунизма, какъ ихъ проповѣдывалъ Спенсъ, но относительно незначительное число рабочихъ восприняло эти ученія; до 1816 г. ученія эти стояли внѣ политической сферы, и тѣ немногія сообщества, которыя образовались среди рабочихъ въ спенсовскомъ духѣ, не возбуждали вопросовъ о политической реформѣ, о реформѣ парламента. Гораздо большій успѣхъ имѣло движеніе люддистовъ, движеніе совершенно дикое и безпринципное, представлявшее собою фактъ грубаго насилія отчаявшихся людей, усматривавшихъ все зло въ машинахъ и истреблявшихъ ихъ. Въ большинствѣ новаго класса постепенно, по мѣрѣ неудачъ ихъ петицій въ парламентъ, развивались другія стремленія, нашедшія совершенно иныхъ выразителей и руководителей, и къ 1816 г. создавшихъ сильное движеніе среди англійскаго общества. Уже неудачная попытка Бердетта добиться отъ парламента реформы въ 1809 г. *),—первая въ XIX в.—являлась отвѣтомъ на зарождающееся движеніе въ народной массѣ. Два года спустя движеніе въ пользу реформы расширяется и интересъ къ ней возрастаетъ. Образуются вновь клубы, ставящіе цѣлью пропаганду идей о реформѣ, и въ 1811 г. въ Лондонѣ основывается по инціативѣ землевладѣльца Нортимора изъ Девоншира гэмпденовскій клубъ, а въ 1812 г.—уніонистскій клубъ (Union Club), быстро распространяющіеся по Англіи и вербующіе членовъ и между рабо-

---

*) Ann. Reg., 1809 г. Онъ предложилъ разбить каждое графство на избирательные округа, предоставить каждому округу выбирать по одному депутату, а право голоса при выборахъ распространить на всѣхъ платящихъ подати лицъ муж. пола, и получилъ въ палатѣ за предложеніе 15 голосовъ.

чимъ и ремесленнымъ классами, и между радикально настроенными крупными землевладѣльцами. Въ гэмпденовскій клубъ поступаютъ и члены палаты общинъ, какъ Бердеттъ, и члены палаты лордовъ, какъ герцогъ Норфольскій, лордъ Байронъ, лордъ Оксфордъ и др., крупные землевладѣльцы, въ родѣ Фоукса Годжа и пр. *).

Но только кризисъ 1815 г. придалъ начавшемуся движенію общій характеръ и значительную силу. Годъ назадъ послѣдній изъ охранительныхъ статутовъ стараго времени былъ отмѣненъ, и, при новомъ положеніи дѣлъ, казалось, что лишь одно средство можетъ явиться якоремъ спасенія: проникновеніе въ палату дѣйствительныхъ представителей народныхъ нуждъ. Реформа, неизбѣжно, представлялась, поэтому, какъ панацея, коренная цѣлительница всякихъ золъ и бѣдствій, и уже выставлялась не только какъ орудіе расширенія и огражденія политической свободы и политической честности, какъ въ XVIII в.

Оставшійся въ живыхъ старый другъ герцога Ричмонда и Питта младшаго, майоръ Картрайтъ **), ревностно работавшій вмѣстѣ съ ними въ 1780 году надъ выработкой и проведеніемъ реформы, и, въ полную противоположность съ Питтомъ, оставшійся вѣрнымъ убѣжденіямъ молодости, сохранившій всю энергію и ревность прежнихъ лѣтъ, взялся вновь за старую работу. Въ теченіе двухъ лѣтъ, 1814 и 1815, и затѣмъ въ 1816 году онъ превратился въ миссіонера, сталъ разъѣзжать по Англіи и Шотландіи, заводилъ сношенія съ населеніемъ мануфактурныхъ мѣстностей и повсюду убѣждалъ подавать петиціи въ парламентъ, дѣйствовать съ помощью законныхъ средствъ и упорно, неутомимо добиваться реформы. Въ Глэзго, Пэсли и др. мануфактурныхъ городахъ, гдѣ онъ устроилъ рядъ митинговъ, ему удалось положить начало организаціи мѣстнаго населенія въ сообщества, имѣвшія главной цѣлью добиваться реформы представительства и сокращенія расходовъ. Но человѣкъ мирный и спокойный, Картрайтъ не обладалъ ни блестящимъ перомъ,—онъ писалъ длинно и скучно,—ни тѣмъ краснорѣчіемъ, которое захватываетъ слушателя, и вліяніе его сказывалось въ странѣ лишь сравнительно слабо.

Иную, гораздо болѣе крупную роль въ движеніи сыгралъ другой дѣятель, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивалось все движеніе реформы въ 1816 и послѣдующихъ годахъ и вліяніе котораго сдѣлалось въ самое короткое время всемогущимъ въ странѣ. То, что бродило въ умахъ населенія въ видѣ неясныхъ тенденцій, подъ его руками получило ясную и опредѣленную форму и содержаніе, и никто другой въ такой степени не внушилъ рабочему населенію Ан-

---

*) Исторія клубовъ подробно изложена въ Life of major Cartwright, II, 24, 129 и др.

**) См. укзв. выше его біографію. Ср. отзывъ о немъ и его дѣятельности въ Ann. Reg., 1816, 299, 1817, 219 и 307.

глiи увѣренности, что реформа парламента—единственная панацея отъ всѣхъ угнетающихъ его бѣдствiй, какъ именно Коббетъ *).

«Изъ всѣхъ писателей, когда либо писавшихъ на англiйскомъ языкѣ, ни одинъ не пользовался имъ съ такимъ талантомъ и съ такимъ искусствомъ. какъ Коббетъ», такъ отозвался о немъ одинъ изъ современниковъ **), и въ этомъ, несомнѣнно, одна изъ тѣхъ причинъ, которыя создали ему громадную популярность среди населенiя, а проповѣдуемымъ имъ ученiямъ—широкiй доступъ въ умы тогдашняго населенiя Англiи. Сынъ мелкаго фермера, онъ всецѣло принадлежалъ той народной массѣ, изъ которой онъ вышелъ, съ которой связи его никогда не прерывались, и языкъ которой всегда оставался его языкомъ, его выраженiями, простыми и прозрачными, рѣзкими, но грубыми. Онъ не былъ ораторомъ—не способенъ былъ сдѣлаться имъ,—и вотъ почему мы не видимъ его на митингахъ, не слышимъ его рѣчей. Не способенъ онъ былъ и къ тяжелой работѣ народнаго представителя,—и вотъ почему, когда онъ послѣ 1832 года попалъ, наконецъ, въ парламентъ, куда онъ давно жаждалъ попасть, его роль, какъ парламентскаго дѣятеля, свелась къ минимальной и ничтожной величинѣ. Не тамъ была сила его таланта: онъ былъ журналистомъ, публицистомъ чистой крови, и разъ онъ держалъ перо въ рукѣ,—никто ни изъ современниковъ, ни изъ предшественниковъ не могъ сравняться съ нимъ. Влiянiе и сила дѣйствiя его пера,—и это засвидѣтельствовано его современниками,—были просто поразительны. Онъ захватывалъ читателя, держалъ его въ рукахъ подъ обаянiемъ своего слова, обращалъ его въ фанатическаго послѣдователя. Его образованiе было относительно ограниченно: никогда не учился онъ систематически, и къ такому обученiю относился даже съ нѣкоторымъ презрѣнiемъ. Если онъ что нибудь зналъ, онъ былъ обязанъ этимъ знанiемъ лишь самому себѣ. «Каждый, писалъ онъ, можетъ и выполнить массу работъ, и прiобрѣсть въ то же время самыя разнообразныя знанiя... Я былъ солдатомъ-бѣднякомъ, получалъ около ¼ шиллинга въ день, когда самоучкой выучился и языку, и грамматикѣ. Какая нужда въ школѣ, въ спецiальной комнатѣ, въ учителѣ, когда хочешь выучиться. Моя походная кровать служила для меня стуломъ, мой ранецъ—пюпитромъ, небольшая доска—столомъ. У меня не было денегъ, чтобы купить свѣчу, и зимой я учился при свѣтѣ камина, къ которому меня пускали въ очередь». Отсюда та оригинальность, та независимость и рѣзкость мысли, какими онъ всегда отличался въ своихъ произведенiяхъ, все равно сочинялъ ли онъ газетную статью, или писалъ грамматику, гдѣ, разъ нужно было ему объяснить какое нибудь пра-

---

*) См. о Коббеттѣ книгу Smith, Cobbett (1878 г.); статью о немъ въ Tait's Magazin 1835 г. и изданное въ годъ его смерти selection from political works. Ср. отзывъ о немъ въ Ann. Reg. 1816, 299.

**) Annual Register, 1816, 299.

вило, онъ не стѣснялся давать такіе примѣры: на сложное слово, соединенное тире: Кэстльри—кошка-тигръ, или на коллективное слово: палата общинъ—притонъ бандитовъ.

Къ журналистамъ онъ относился съ самымъ глубокимъ презрѣніемъ. Это—искатели теплыхъ мѣстечекъ, пивопійцы. «Если бы собрать въ одно мѣсто, писалъ онъ, всѣхъ, кто такъ или иначе, близко или далеко, соприкасается съ редакціями газетъ, кто пишетъ или платитъ за написанное, всѣхъ, кто правитъ газетами или эксплуатируетъ ихъ,—мы увидѣли бы предъ собой съ величайшимъ изумленіемъ жалкую толпу, толпу, достойную презрѣнія, неумытую и нечесанную, смѣшную по своимъ манерамъ, жалкую по костюму, толпу, которая осмѣливается выдавать себя за владыку общественнаго мнѣнія». И въ то же время, самъ онъ былъ журналистомъ и только журналистомъ, самъ являлся не только претендентомъ на вліяніе, но и дѣйствительнымъ властелиномъ умовъ. То были противорѣчія, которыя попадались въ его жизни на каждомъ шагу, все равно: говорилъ ли онъ о журналистахъ, или о министерствѣ, парламентѣ или американскомъ конгрессѣ и демократіи. Громадный талантъ и не менѣе громадное самолюбіе сочетались вмѣстѣ. Онъ не былъ демократомъ, когда такъ сильно развивались въ девяностыхъ годахъ XVIII в. демократическія идеи въ Англіи. Тогда онъ былъ искреннимъ тори, искалъ дружбы Питта; не нашелъ у него поддержки, уѣхалъ въ Америку, гдѣ сдѣлался ярымъ ненавистникомъ той самой демократіи, которой онъ служилъ потомъ съ такой энергіей и талантомъ. Его роялизмъ въ Америкѣ подвелъ его подъ пеню, и онъ вновь очутился въ Англіи, и здѣсь, послѣ ряда неудачъ, превратился въ такого же рѣзкаго порицателя того, во что онъ прежде вѣрилъ, какъ пропагандиста того, во что онъ увѣровалъ сегодня, но что до самой могилы осталось неизмѣннымъ его знаменемъ. Изъ поклонника, чуть не фанатическаго, англійской конституціи, онъ превратился въ ея критика, критика безпощаднаго, наносившаго смертельные удары и этой конституціи, и министерству, и членамъ палаты. Никогда не дѣлалъ онъ ничего на половину, ни къ чему не относился безразлично или частично. Тори не оцѣнили его, отвергли его услуги, и идеи и система торизма пріобрѣли въ немъ убійственнаго врага, который объявилъ войну и торизму, и всѣмъ его интересамъ, интересамъ и парламентскаго режима. Фабрики, торговля, финансы, землевладѣніе подверглись жестокому избіенію въ той формѣ, въ какой они осуществились въ Англіи. Уже въ первые годы XIX в., въ первые годы по возвращеніи изъ Америки, онъ, казалось ему, понялъ положеніе дѣлъ, и уже тогда въ его умѣ сложилось твердое убѣжденіе, что измѣненіе существующихъ отношеній возможно лишь однимъ путемъ,—посредствомъ полной реорганизаціи представительства, созданія всеобщихъ выборовъ, годичныхъ парламентовъ, участія самаго народа въ управленіи страной. Онъ не только говорилъ и писалъ это, но и глубоко вѣрилъ въ дѣй-

ствительность предлагаемой мѣры, какъ политической и соціальной панацеи, и потому съ глубокимъ презрѣніемъ относился къ Спенсу и его послѣдователямъ, съ которыми ничего у него не было общаго.

Несправедливость, въ какой бы то ни было формѣ, всегда глубоко возмущала его. Въ 1810 году онъ узналъ, что ганноверскіе солдаты наказали, по данному приказу, розгами мятежныхъ солдатъ, стоявшихъ на островѣ Ели, и тотчасъ же разразился такой статьей, что его немедленно привели въ судъ, и лордъ Ellenborough осудилъ его къ 2 годамъ тюремнаго заключенія и къ тысячѣ ф. ст. пени. И въ сферѣ политическихъ и общественныхъ отношеній, тамъ гдѣ онъ усматривалъ нѣчто съ его точки несправедливое, онъ разражался сильными филиппиками, разражался дотолѣ, пока, наконецъ, не убѣждалъ въ дѣйствительности своей панацеи. Языкъ, которымъ онъ писалъ, былъ языкъ простой и образный, языкъ понятный и полуграмотному. Этимъ-то языкомъ излагалъ онъ статьи въ газетѣ «Weekly Political Register», въ 1815 и 1816 гг. сдѣлавшейся постояннымъ чтеніемъ громадной массы населенія. Онъ зналъ народъ и понималъ, какъ нужно говорить съ нимъ и какъ дѣйствовать на него.

Въ его газетѣ не было другой полемики, кромѣ той, которую онъ велъ самъ, не было иныхъ статей, кромѣ тѣхъ, которыя били въ одну точку, проводили одну идею. Онъ газетой образовывалъ читателя, давалъ ему полную систему воззрѣній, дѣлалъ его своимъ полнымъ сообщникомъ. Его газету читали, ее рвали на куски. Ткачи Ланкашира, какъ и угольщики запада, шотландскіе рабочіе, какъ и рабочіе Лондона,—у всѣхъ въ рукахъ была эта газета. Въ хижинахъ и въ комнатахъ гэмпденовскихъ клубовъ она лежала всегда на столѣ. Экземпляровъ расходилось много, но Коббетту и этого показалось мало. Онъ удешевилъ газету съ 1 шилл. $1^1/_2$ пенса въ недѣлю до 2 пенсовъ, отправлялъ ее цѣлыми массами въ мануфактурные округа Англіи и Шотландіи, и почти милліонъ читателей сразу же пріобрѣла его газета. «Ни одинъ писатель не оказывалъ такого могущественнаго, такого широкаго вліянія на умы громадной массы народа», говоритъ современникъ *) и, несомнѣнно, что равнаго ему по вліянію публициста не представляла не только исторія Англіи, но даже и сосѣдней Франціи. И то, что онъ проповѣдовалъ, что старался внушить читателямъ, народной массѣ, не было проповѣдью, взывающею къ страстямъ. Совершенно напротивъ, всю силу краснорѣчія направлялъ онъ на то, чтобы убѣдить массу въ необходимости легальныхъ средствъ, и только легальныхъ. Возстанія, вспыхивавшія въ разныхъ мѣстахъ Англіи, подвергались съ его стороны жестокому порицанію; съ чувствомъ негодованія и отвращенія писалъ онъ о луддистахъ, о разрушеніи машинъ, какъ будто, говорилъ онъ и убѣждалъ рабочихъ, въ машинахъ корень зла; не менѣе

*) Ib., 1817, 270.

зло отзывался онъ и о проектахъ коммунистовъ. И этой проповѣдью и этимъ громаднымъ вліяніемъ онъ достигъ того, что рабочіе были удержаны отъ вспышекъ, отъ разрушенія машинъ, отъ насильственныхъ дѣйствій.

Причина всего зла—дурное управленіе, его излеченіе въ одномъ—въ реформѣ, и если желательно добиться исправленія существующаго зла, необходимо дѣйствовать законнымъ путемъ, являться на митинги, посылать отовсюду и постоянно петиціи,—такова была программа, которую онъ неустанно проводилъ въ своей газетѣ. И проповѣдь оказалась вполнѣ успѣшной. Съ чувствомъ самодовольства и гордости онъ пишетъ 21 декабря: многолюдные города, какъ Норвичъ, Манчестеръ, Пэсли, Глэзго, Виганъ, Больтонъ и мн. другіе послѣдовали доброму совѣту.

Реформа, которую предлагалъ и на которой настаивалъ Коббеттъ, была реформой, направленной въ интересахъ главнымъ образомъ рабочаго населенія, и этимъ она рѣзко разнится отъ проектовъ реформъ XVIII в. Но форма была та же, требованія оставались и у него тѣми же, какъ и у дѣятелей-радикаловъ XVIII в. Вліяніе, какое пріобрѣлъ Коббеттъ, та рѣзкая и безпощадная критика, которой онъ подвергалъ министерство и палату, сдѣлали его ненавистнымъ и министерству, и палатѣ. Но онъ велъ и писалъ свою газету такъ, что ни на іоту не отступалъ отъ буквы закона и ни разу не далъ основаній для тѣхъ преслѣдованій, которымъ онъ подвергался раньше. Тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія тогдашняго общества, онъ являлся однимъ изъ «радикаловъ». А быть «радикаломъ» значило въ то время быть «врагомъ всякаго порядка», «разрушителемъ» *). То, что понимаютъ теперь въ Англіи подъ этимъ словомъ и понимали въ 30—40-хъ годахъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ значеніемъ, какое придавали ему тогда. Лордъ Сидмутъ, въ 1876 г. опредѣлилъ ясно тогдашній смыслъ слова: «радикалъ, это врагъ» **), и вотъ почему въ обществѣ и въ палатѣ въ радикалы записывали всѣхъ, и спенсеанъ, и послѣдователей Коббетта, и люддистовъ, безъ различія.

Дѣятельность Коббетта создала въ 1816 г. крупное и сильное движеніе въ Англіи. Лондонское Сити явилось первымъ застрѣльщикомъ въ этомъ движеніи, но оно быстро росло и всѣ лондонскіе бунты рабочихъ прекратились, повсюду шла дѣятельная работа на митингахъ, въ обществахъ, съ цѣлью подготовленія петицій, подписи ихъ возможно большимъ количествомъ лицъ. Паролемъ гэмпденовскихъ клубовъ сдѣлались — законность и спокойствіе. Бамфордъ сообщаетъ, что главнымъ требованіемъ при обсужденіи вопроса о реформѣ было требованіе всеобщей подачи голосовъ для всѣхъ плательщиковъ податей старше 18 л. и установленія годич-

*) Walpole, I, 425—6.
**) Ibid.

ныхъ полномочій парламента *); предполагалось собрать петиціи, окончательно обсудить вопросъ на собраніи въ Лондонѣ и затѣмъ передать петиціи въ палату при посредствѣ Бердетта.

Между тѣмъ въ Лондонѣ митинги продолжались, и одинъ изъ такихъ митинговъ былъ созванъ на 15 ноября въ Спафильдѣ (Spafields) подлѣ Лондона. Особою афишей приглашались разоренные фабриканты, ремесленники и др. лица изъ Лондона, Уэстминстера и пр. сосѣднихъ мѣстъ для обсужденія вопроса о мѣрахъ противодѣйствія грозящей нищетѣ и разоренію и о подачи петиціи принцу-регенту и парламенту **). Митингъ состоялся, петиція была подана, и на 2 декабря предположено было вновь собраться для выслушанія отвѣта отъ регента и правительства. Одинъ изъ дѣятелей радикальной партіи, землевладѣлецъ изъ Соммерсетшира, Гэнтъ, предсѣдательствовалъ на митингѣ и долженъ былъ играть ту-же роль и на митингѣ 2 декабря. Но когда 2 декабря онъ двинулся въ Спафильдъ, то на пути столкнулся съ толпой, предводимой нѣкіимъ Кестлемъ, который заявилъ, что они идутъ брать Тоуэръ. Между тѣмъ Спафильдъ былъ занятъ толпой, явившейся къ 12 часамъ дня подъ предводительствомъ Ватсоновъ (отца и сына), Тистльвуда и др. членовъ клуба филантропистовъ-спенсеанъ. Ватсонъ, стоя на повозкѣ, украшенной трехцвѣтными флагами, обратился съ рѣчью къ собравшимся. Рѣчь состояла лишь изъ вопросовъ, на которые отвѣчала толпа криками. «Если намъ не даютъ того, чего мы желаемъ и требуемъ, то не должны ли мы сами взять его», воскликнулъ Ватсонъ въ концѣ рѣчи, и когда толпа отвѣтила да, да! онъ схватилъ трехцвѣтное знамя, бросился съ крикомъ «за мной»! по направленію къ Лондону, за нимъ побѣжала часть собравшихся, главнымъ образомъ матросовъ, а слѣдомъ двинулась и повозка, служившая платформой. Нѣсколько магазиновъ съ оружіемъ было разграблено и нѣсколькими отрядами толпа двинулась къ Тоуэру и Банку. Подлѣ зданія биржи она наткнулась на лорда-мэра и милицію, которые остановили толпу, отняли одно изъ трехцвѣтныхъ знаменъ, арестовали нѣсколько человѣкъ и заставили остальныхъ разбѣжаться. Было 3 часа дня. Къ вечеру бунтъ прекратился. До 5 часовъ отдѣльные отряды толпы разграбили нѣсколько оружейныхъ лавокъ, и одна подошла къ Тоуэру и стала склонять солдатъ идти и дѣйствовать вмѣстѣ съ нею. Принятыя полицейскія мѣры покончили къ 6 час. вечера и съ этими отдѣльными отрядами, бунтъ окончился арестомъ значительнаго числа лицъ ***). Ватсонъ старшій, Тистльвудъ и нѣкоторые другіе были арестованы, исчезъ лишь Ватсонъ-младшій, ранившій выстрѣломъ изъ пистолета нѣ-

---

*) Bamford, I, 8.

**) Sxole torials, XXXII 68.

***) См. данныя слѣдствія въ State trials и сообщенія газетъ, помѣщенныя въ Ann. Reg., 1816, occurrences, стр. 48—53.

коего Платта и бѣжавшій изъ Англіи, и Кэстль, явившійся потомъ свидѣтелемъ по дѣлу о безпорядкахъ 2 декабря.

Пока происходили безпорядки въ Лондонѣ, въ Спафильдѣ въ 1 часъ дня состоялся митингъ подъ предсѣдательствомъ Гэнта, который сообщилъ содержаніе переписки своей съ Сидмутомъ по поводу петиціи и предложилъ подать петицію въ палату о реформѣ. Предложеніе было принято единогласно, всѣ присутствовавшіе дали подписи и постановили передать петицію лорду Cochrane'у и Бердетту. Митингъ, къ которому при открытіи его одинъ изъ присутствовавшихъ обратился съ извѣщеніемъ остерегаться провокаторовъ, стремящихся вызвать безпорядки, прошелъ совершенно спокойно и разошелся, назначивши собраніе на первое воскресенье послѣ открытія парламента *).

Мѣсяцъ спустя, въ январѣ 1817 г., состоялось и подготовлявшееся раньше собраніе делегатовъ изъ всей Англіи для обсужденія вопроса о реформѣ и о петиціяхъ. Собраніе было многолюдное. Масса рабочихъ изъ разныхъ мануфактурныхъ округовъ наполняла залу одного изъ лондонскихъ трактировъ и среди нихъ виднѣлись Картрайтъ, Гэнтъ, лордъ Cochrane и Коббеттъ. Произнесено было не мало рѣчей, выпито было не мало элю и единогласно, при всеобщихъ кликахъ, принято было предложеніе Коббета вести и впредь агитацію о реформѣ, ни на іоту не отступая отъ законнаго пути **).

При такихъ обстоятельствахъ открылась сессія парламента, который долженъ былъ обсудить петиціи, собранныя и собираемыя въ Англіи.

28 января 1817 г. принцъ-регентъ лично открылъ засѣданія палатъ. Въ тронной рѣчи, съ которою онъ обратился къ палатѣ, ни слова не было упомянуто о какомъ либо планѣ дѣйствій, направленныхъ противъ существующаго кризиса. Министерство устами регента лишь констатировало фактъ существованія этого кризиса, но тутъ же спѣшило прибавить, что существующее бѣдствіе (distress) «не допускаетъ никакого непосредственно дѣйствующаго средства для устраненія его» ***). О сокращеніи расходовъ,—чего такъ настойчиво требовала страна,—не упоминалось ни однимъ словомъ. За то съ особенною подробностью обрисовано было господствовавшее въ странѣ настроеніе умовъ. Съ особеннымъ удареніемъ указаны были «попытки извлечь выгоды изъ тяжелаго положенія страны, въ видахъ возбужденія умовъ къ мятежу и насиліямъ», и рѣчь заканчивалась словами угрозы. Министерство чрезъ регента заявляло о твердой рѣшимости «не опускать ни одной изъ мѣръ предосторожности, необходимыхъ для охраны общественнаго спо-

---

*) Ann. Reg., 1816, 53.

**) См. подробное описаніе у Bamford'a, присутствовавшаго на собраніи въ качествѣ делегата.

***) Annual Register, 1817, history, 9.

койствія и для противодѣйствія замысламъ недовольныхъ» и выражало твердую увѣренность въ полной поддержкѣ со стороны палатъ въ видахъ «поддержанія существующей системы закона и правительства, системы, которая доставляетъ столь крупныя, неоцѣнимыя выгоды и... представляетъ собою,—какъ то мы чувствуемъ сами и какъ то признали всѣ другія націи,—нѣчто самое совершенное, нѣчто такое, что никогда еще не выпадало на долю какого либо народа» *). Было очевидно, что министерство готовитъ какія то мѣры, но какія—представлялось неяснымъ для страны и парламента, въ особенности послѣ заявленія, сдѣланнаго принцемъ-регентомъ, заявленія, въ которомъ высказано было твердое и полное убѣжденіе въ «совершенной лойяльности громадной массы населенія». Ясно было лишь, что ни о какихъ уступкахъ начавшемуся въ странѣ сильному движенію министерство и не помышляло.

Новое событіе, происшедшее въ день открытія сессіи палатъ и чрезъ нѣсколько часовъ сдѣлавшееся извѣстнымъ и палатѣ, и Лондону, произвело потрясающее дѣйствіе и устранило всѣ недоумѣнія. Лордъ Сидмутъ сообщилъ палатѣ лордовъ, что во время возвращенія принца регента изъ палаты, между С. Джемсомъ и Карлтонъ-Гутомъ, произведено было нападеніе на его карету: въ нее бросали изъ толпы камнями. Стекло кареты было разбито, гвардія, сопровождавшая карету, подверглась оскорбленіямъ **). Сильное волненіе возбудило сообщеніе въ палатѣ, еще болѣе сильное въ Сити: купцы и горожане Лондона, стоявшіе за реформу парламента, издали прокламацію, въ которой негодующимъ тономъ заявили, что они ничего общаго не имѣютъ съ бунтовщиками. Всѣ усилія лорда Грея и др. въ палатѣ лордовъ, Понсонби, лидера оппозиціи, лорда Брума и др. въ палатѣ общинъ добиться внесенія въ отвѣтный адресъ королю требованія о сокращеніи расходовъ, объ изслѣдованіи бѣдственнаго положенія страны и о принятіи мѣръ противъ него, такъ какъ и попытки ихъ заставить палаты настоять на томъ, что существующіе законы болѣе чѣмъ достаточны для противодѣйствія безпорядкамъ, окончились полнымъ фіаско, и адресы, предложенные тори, поддерживавшими министерство, были приняты громаднымъ большинствомъ. Существовавшее въ странѣ тяжелое положеніе адресы признавали «временнымъ», въ полномъ согласіи съ рѣчью лорда Сидмута, утверждавшаго, что «всякая анкета о положеніи страны совершенно безполезна (useless), такъ какъ нѣтъ средствъ противъ бѣдствія», и заявившаго открыто, что «министерство не обязано представлять какого либо плана дѣйствій и предоставляетъ выработку его парламенту» ***). Еще менѣе было надежды на какой либо успѣхъ петицій о реформѣ. 29 января

*) Ib.
**) Ib. 10.
***) Ib., 27, 28.

палата общинъ была завалена ими. Лордъ Cochrane и Бердеть представили петиціи изъ Бристоля, Іоркшира, Лидса и др. мѣстъ, покрытыя десятками тысячъ подписей, но большая часть петицій была отвергнута палатой, за принятіе ихъ подало свой голосъ едва 48 человѣкъ противъ 135, самымъ рѣзкимъ и враждебнымъ образомъ отнесшихся къ вопросу о реформѣ. Лордъ Каннингъ вполнѣ ясно выразилъ въ своей рѣчи настроеніе большинства палаты. «Реформа, воскликнулъ онъ патетически, не нужна и безполезна для народа. Ни въ теоріи, ни въ практикѣ нашей конституціи нѣтъ рѣшительно ничего такого, что требовало бы передѣлки. Другія страны, менѣе свыкшіяся съ принципами свободы, могутъ сдѣлать нашу систему основаніемъ для измѣненія ихъ собственной системы, но для насъ—наша система самымъ счастливымъ образомъ приспособлена къ удовлетворенію всѣхъ нашихъ правъ, привилегій, нашихъ надобностей» *). Рѣчь Каннинга, какъ и слова отвѣтнаго адреса палаты были направлены, главнымъ образомъ, противъ тѣхъ петицій, въ которыхъ требовалось созданіе годичныхъ парламентовъ и всеобщей подачи голосовъ. Такія требованія, съ точки зрѣнія громаднаго большинства палаты, были требованіями немыслимыми, преступными, внушенными «зловреднымъ» (mischieions) духомъ. Не лучшую участь испытала и умѣренная петиція отъ лондонскихъ гражданъ, въ которой шло дѣло о реформѣ парламента вообще и не ставилось сколько нибудь радикальныхъ требованій: на нее просто не обратили вниманія **).

Настроеніе и парламента, и министерства было совершенно одинаково по отношенію къ требованіямъ о реформѣ. Но отвергнуть только эти требованія было съ ихъ точки зрѣнія, особенно съ точки зрѣнія министерства, далеко недостаточно. Необходимо было защитить «совершеннѣйшую изъ конституцій отъ святотатственныхъ покушеній на ея ниспроверженіе» (слово адреса палаты общинъ и лорда Сидмута ***), подавить и искоренить движеніе, начатое въ пользу реформы въ странѣ.

4 февраля въ обѣ палаты представлены были министерствомъ объемистыя связки запечатанныхъ бумагъ, въ которыхъ—какъ заявлено было въ посланіи въ парламентъ—заключались всѣ данныя, несомнѣнно доказывающія, что въ странѣ, въ Лондонѣ, такъ же какъ и въ графствахъ, «существуютъ собранія и союзы, стремящіеся уничтожить въ населеніи чувства преданности королю, возбудить, напротивъ, чувства ненависти и презрѣнія и къ особѣ короля и къ правительству, погубить свободу, разрушить и ниспровергнуть все зданіе, всю систему англійскихъ законовъ и конституцію», т. е. другими словами, что страна находится если не въ настоящей революціи, то

*) Ib., 32.
**) Ib., 36.
***) Ib., 11 и 53.

наканунѣ ея. Обращаясь къ палатамъ, оба министра, Сидмутъ въ палатѣ лордовъ и Кестльри въ палатѣ общинъ—умоляли депутатовъ внимательнѣе отнестись къ представляемымъ бумагамъ, какъ къ самой важной, самой существенной вещи. То, что содержатъ бумаги, откровенно заявляли они, заставляетъ блѣднѣть фактъ грубаго нападенія на принца-регента. «Настоящее наше заявленіе относительно бумагъ, говорили они, не имѣетъ ничего общаго съ возмутительнымъ фактомъ нападенія на принца-регента» *). Въ бумагахъ было, очевидно, нѣчто до такой степени серьезное и важное, что министерство отказывалось говорить о своемъ планѣ дѣйствій до разсмотрѣнія ихъ парламентомъ, и потребовало назначенія особыхъ секретныхъ комитетовъ для изученія представленныхъ бумагъ, собранныхъ лордомъ Сидмутомъ.

19 февраля секретные комитеты обѣихъ палатъ представили свои доклады, основанные на «внимательномъ изученіи бумагъ», и когда они были прочтены,—въ палатахъ не могло остаться и тѣни сомнѣнія въ томъ, что положеніе страны болѣе, чѣмъ опасно, и что необходимы экстренныя мѣры для спасенія конституціи и общества **). Оказалось, что дѣло идетъ «не о реформѣ, основанной на принципѣ годичныхъ парламентовъ и suffrage universel», а о ниспроверженіи всѣхъ учрежденій страны, всякаго рода недвижимой и движимой собственности, что требованіе реформы—лишь отводъ глазъ, средство «обмануть враговъ», а, въ дѣйствительности, все направлено къ раздѣлу земли, уничтоженію и землевладѣльцевъ и конституціи. Вся Англія покрылась спенсеанскими обществами, проповѣдующими коммунистическія теоріи, распространяющими ихъ съ помощью дешевыхъ, иногда даровыхъ изданій; клубы, извѣстные подъ именемъ гэмпденовскихъ и уніонистскихъ и имѣющіе свои отдѣленія во всѣхъ городахъ Англіи, клубы, повидимому, занятые лишь вопросомъ о реформѣ, служатъ не болѣе какъ орудіемъ распространенія спенсеанскихъ доктринъ. Агитація, которая ведется ими въ Англіи, имѣетъ ясную и прямую цѣль: произвесть революцію въ странѣ, низвергнуть силой существующій порядокъ. Въ этихъ видахъ составленъ былъ цѣлый планъ дѣйствій, выработанный делегатами разныхъ обществъ. Предположено было произвесть ночное возстаніе, поджечь Лондонъ въ разныхъ мѣстахъ, захватить Тоуэръ и Банкъ. И для выполненія этого плана «изобрѣтена была машина, съ помощью которой улицы могли быть очищены отъ враждебной военной силы». Планъ этотъ, правда,—гласилъ докладъ,—былъ оставленъ и замѣненъ другимъ. Рѣшено было собрать митинги подъ предлогомъ подачи петицій, въ дѣйствительности же для того, чтобы удобнѣе

*) Ib., рѣчь Сидмута, 35; рѣчь Кестльри, 36.

**) Докладъ секретнаго комитета цѣликомъ напечатанъ въ Ann. Registr. 1817 г. history, стр. 40 46.

было напасть на Тоуеръ и захватить его. Тайный комитетъ, «комитетъ общественнаго спасенія» изъ 24 лицъ, былъ сформированъ и руководилъ заговоромъ, разразившимся 2 декабря 1876 г. Заранѣе пріобрѣталось оружіе. Сдѣланы были заказы пикъ, и «одинъ индивидуумъ приготовилъ ихъ въ количествѣ 250», нанята была одна повозка, въ которой сложены были трехцвѣтные флаги, штандарты и вооруженіе. Комитеты добавляли, что, на основаніи бумагъ, представленныхъ имъ, они убѣдились, что агитація продолжается, усиливается вербовка членовъ клубовъ и обществъ, пропагандируется мысль о революціи, продолжаются вооруженія, приготовленіе оружія, «даже домашнія орудія передѣлываются въ оружіе» *). Нѣсколько сотенъ тысячъ человѣкъ уже вовлечены въ движеніе, заявляли комитеты обѣихъ палатъ, и, обрисовывая въ такихъ мрачныхъ краскахъ положеніе страны, сообщали, что впечатлѣніе, вынесенное ими изъ чтенія бумагъ, таково, что «не смотря на крайнюю бдительность министерства», оно не можетъ съ помощью существующихъ законовъ предупредить опасность, и что «для сохраненія общественнаго спокойствія и охраны интересовъ, отъ которыхъ зависитъ благоденствіе всѣхъ классовъ населенія», необходимы спеціальныя мѣры.

Доклады были прочитаны при глубокомъ молчаніи въ обѣихъ палатахъ. Комитеты ограничились лишь докладами: «никакихъ доказательствъ или оправдательныхъ документовъ представлено не было» (слова Сидмута), и заслужили со стороны Сидмута горячую похвалу за благоразуміе въ ихъ поведеніи. «Комитетъ, говорилъ Сидмутъ въ палатѣ лордовъ 24 февраля, считалъ вполнѣ достаточнымъ представить палатѣ свои заключенія и выводы... не останавливаясь на деталяхъ, которыя необходимо секретны по своему характеру, не ссылаясь на документы, прочтеніе которыхъ подвергло бы случайностямъ лицъ, доставившихъ всѣ необходимыя и важныя свѣдѣнія, лицъ, которыхъ было бы совершенно невозможно представлять въ качествѣ свидѣтелей въ суды» **).

Впечатлѣніе было произведено, почва готова, и лордъ Сидмутъ въ палатѣ лордовъ, лордъ Кэстльри въ палатѣ общинъ, напомнили то, о чемъ они говорили, на что намекали въ своихъ рѣчахъ при передачѣ парламенту бумагъ. Они коснулись вопроса о необходимыхъ мѣрахъ, о которыхъ говорили комитеты, и предложили: 1) временно пріостановить дѣйствіе habeas corpus, 2) распространить дѣйствіе закона 1795 г., изданнаго въ видахъ охраны короля и на принца-регента, 3) объединить въ одно цѣлое, въ видѣ парламентскаго акта, постановленія 1795 г. и 1799 г. Георга III, касающіяся какъ мятежныхъ митинговъ и обществъ, такъ и приня-

*) The facility of converting complements of husbandry into offensive weapons has seen suggested. Ib., 45.

**) Рѣчь Сидмута, A. R., 1817, 49 и 53. Рѣчь Кэстльри, ib., стр. 58—68.

той обществами системы связывать другъ друга секретными клятвами и посылать делегатовъ или коммиссіонеровъ отъ одного общества къ другому, и постановить на будущее время, чтобы такого рода дѣйствія обществъ считались достаточными для признанія ихъ незаконности; наконецъ, 4) издать законъ, который подвергалъ бы возможно болѣе строгому наказанію всякую попытку подкупать солдатъ и матросовъ и вовлекать ихъ въ совмѣстныя дѣйствія съ какимъ бы то ни было сообществомъ или ассоціаціей *). Все, что было сообщено въ докладахъ, оба министра подтвердили самымъ категорическимъ и настойчивымъ образомъ.

Обѣ палаты были поражены. Оппозиція едва осмѣливалась поднять свой голосъ. Часть ея была вполнѣ убѣждена, что страшная опасность грозитъ странѣ. Въ палатѣ лордовъ только лордъ Грей, герцогъ Сэссексъ и лордъ Голландъ открыто высказались противъ предлагаемыхъ мѣръ, какъ еще болѣе опасныхъ, чѣмъ существующее волненіе, мѣръ, создающихъ «не правительство закона, а правительство произвола» (Голландъ), но крайне не смѣло выразили сомнѣнія въ точности и достовѣрности сообщенныхъ комитетомъ и Сидмутомъ свѣдѣній. Герцогъ Сэссексъ выразилъ свое недоумѣніе, какъ согласить сообщенія, прочитанныя палатѣ, съ такими фактами, какъ то, что подписка на устройство митинга равнялась всего 10 ф. ст., что за повозку не уплачено слѣдуемыхъ 10 шилл. за часъ и что въ самой повозкѣ нашлось лишь нѣсколько пуль. «Не могу же я, воскликнулъ герцогъ, принимать песчинки за цѣлыя горы, и потому возражаю противъ билля» **). Въ палатѣ общинъ лишь Беннетъ выразилъ прямое сомнѣніе въ достовѣрности сообщеній, просилъ палату вспомнить, что доклады секретныхъ комитетовъ 1794 и 1812 гг. оказались не соотвѣтствующими дѣйствительности, и обвиненныхъ лицъ пришлось оправдывать, такъ какъ 9—10 свидѣтельскихъ показаній были признаны на судѣ ложными; онъ осмѣивалъ опасенія, ввызванныя фантомомъ повозки, на которой помѣщалось, утверждалъ онъ, всего 6 человѣкъ ***). Даже лидеръ оппозиціи, Понсонби, протестуя противъ биллей, предложенныхъ правительствомъ, не находилъ возможнымъ не довѣрять фактамъ доклада. Правда, Бердеттъ пытался доказать, что докладъ представляетъ рядъ ошибокъ и путаницъ, что вмѣсто биллей нужно было бы,—и это, говорилъ онъ, было бы проще и яснѣе,—признать разъ навсегда, что всякія рѣчи о реформѣ парламента равносильны государственной измѣнѣ. Поступая такъ, парламентъ дѣйствовалъ бы сообразно съ настроеніемъ членовъ комитета, одинъ изъ которыхъ, говорилъ Бердеттъ, «не можетъ слышать безъ нервнаго содраганія слова реформа» ****). Но Бердеттъ былъ изъ числа защитни-

*) Ib., 66.
**) Ib., 57.
***) Ib., 80.
****) Ib., 71.

ковъ реформы, да кромѣ того открыто сознался въ палатѣ, что онъ состоитъ членомъ и гэмпденовскаго клуба, и клуба уніи Громаднымъ большинствомъ въ 170 голосовъ и болѣе, приняты были всѣ предложенные министерствомъ билли. Противъ нихъ высказалось не болѣе 40—45 голосовъ. Не только оппозиціонная группа Гренвиля, но и лидеръ оппозиціи Понсонби и др. вотировали за министерство. «Опасенія, возбужденныя событіями во Франціи, старается объяснить образъ дѣйствій оппозиціи авторъ Annual Register *), произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на воображеніе, чувства, предразсудки и даже, быть можетъ, и сужденія лорда Гренвиля и др., придали ихъ принципамъ (безспорно аристократическимъ) еще большій отпечатокъ аристократизма и внушили имъ еще большій страхъ предъ народными волненіями».

25 марта принятъ и утвержденъ былъ билль о мятежныхъ митингахъ; до того, въ февралѣ и мартѣ, приняты были другіе билли, принята была и отмѣна дѣйствія статута habeas corpus до 1 іюля 1817 г. Министерство получило сильное оружіе для дѣйствія: въ его рукахъ было право брать заподозрѣнныхъ въ заговорѣ безъ всякаго слѣдствія и по одному лишь донесенію сажать въ тюрьмы и предавать суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Въ видахъ спасенія страны отъ революціи министерство и въ особенности лордъ Сидмутъ, на которомъ лежала вся тяжесть работы, вполнѣ воспользовались своимъ новымъ правомъ: по всей Англіи производились аресты и Тоуэръ и др. тюрьмы были наполнены арестованными. Аресты начались еще раньше, теперь они усилились, и министерство готовило матеріалъ для представленія его въ суды. Рядомъ шла усиленная работа для ослабленія и искорененія вредной прессы, сильно развившейся въ Англіи въ теченіе 1816 и начала 1817 г. Въ своемъ циркулярѣ, адресованномъ къ судьямъ и составленномъ тотчасъ же послѣ принятія биллей парламентомъ (27 марта), лордъ Сидмутъ требовалъ отъ мировыхъ судей арестовыванія всѣхъ лицъ, виновныхъ въ продажѣ и распространеніи мятежныхъ произведеній **). Циркуляръ давалъ судьямъ такую власть, какая имъ никогда не принадлежала раньше, и цѣлый рядъ обвиненій составленъ былъ, въ видахъ преданія суду виновныхъ и уже арестованныхъ лицъ.

Положеніе дѣлъ становилось настолько серьезнымъ, что еще 28 марта главный агитаторъ реформы, Коббетъ, бѣжалъ въ Америку и прекратилъ изданіе своей газеты. Его положеніе было менѣе всего безопаснымъ при министерствѣ, которое считало его своимъ злѣйшимъ врагомъ. Поэтъ-лауреатъ Соути въ письмѣ къ главѣ министерства, Ливерпулю, обрисовываетъ довольно прозрачно это отношеніе къ Коббету. «Я надѣюсь, пишетъ онъ, что первой же

---

*) A. R. 1877. 260.

**) Ann. Reg. 1817, 88 и сл. Ср. Pelew, Life of Sydmonth, III, 17[illegible].

мѣрой послѣ отмѣны habeas corpus будетъ арестъ возмутительнѣйшаго изъ писателей. Чтобы прекратить невыносимую распущенность, царящую въ прессѣ, необходимо прибѣгнуть къ ссылкѣ» *).

Но если парламентъ, вотируя билли, расчитывалъ покончить съ начавшимся движеніемъ въ странѣ, то въ данномъ случаѣ онъ сильно ошибся. И во время обсужденія биллей, и послѣ принятія ихъ движеніе въ пользу реформы не прекратилось, а такъ какъ тяжелое положеніе, созданное кризисомъ и неурожаемъ 1816 г., не измѣнялось и въ 1817 г., такъ какъ масса рабочихъ оставалась безъ занятій, рабочая плата стояла низко, а цѣна на хлѣбъ высоко—то волненія и недовольство продолжали царить въ странѣ. Самый вопросъ о билляхъ возбуждалъ сильное недовольство въ странѣ, и сначала Лондонъ, а за нимъ и др. города, посылали петицію за петиціей въ парламентъ съ протестами противъ принятія биллей**). А рядомъ продолжалась подписка подъ петиціями въ пользу реформы, и уже къ маю болѣе 600 петицій, подписанныхъ свыше чѣмъ милліономъ лицъ, были готовы и внесены въ палату Бердеттомъ***). Оставить безъ вниманія всю эту массу петицій, даже послѣ тщательной разборки и классификаціи ихъ Абботомъ, откинувшимъ всѣ петиціи, подписи подъ которыми заходили на второй и др. листы, было немыслимо, и дебаты по вопросу о реформѣ открыты были 20 мая. Бердеттъ, опираясь на ясно выраженныя желанія большинства петиціонеровъ, настаивалъ на необходимости удовлетворить ихъ, на необходимости произвесть реформу въ парламентѣ, въ которомъ, говорилъ онъ, «кучка владѣтелей гнилыхъ мѣстечекъ избираетъ представителей страны и обращаетъ ихъ въ орудіе не охраны правъ и вольностей страны, а ихъ ограниченія». Онъ не требовалъ немедленной реформы, а ограничился лишь предложеніемъ «избрать комиссію для изслѣдованія современнаго состоянія представительства въ странѣ и составленія доклада о реформѣ». «Довѣрія къ парламенту, воскликнулъ онъ, не можетъ существовать въ странѣ, пока представительство будетъ оставаться въ нынѣшнемъ его видѣ, пока населеніе не получитъ права дѣйствительнаго представительства, пока само министерство не перестанетъ быть рынкомъ для продажи такихъ продуктовъ, какъ мѣста въ парламентѣ». Не безъ ироніи онъ добавлялъ, что «достопочтенному лорду Кэстльри» фактъ этотъ извѣстенъ лучше, чѣмъ кому нибудь другому: онъ имѣлъ, вѣдь, «несчастье, торгуя мѣстами, попасться въ этой торговлѣ, чего избѣжали болѣе его счастливые». Но весь пылъ краснорѣчія Бердетта, вся его аргументація, даже умѣренность его требованій, отмѣченная однимъ изъ членовъ палаты, не привели ни къ чему. За него говорили только два члена палаты; косвенную, но слабую

*) A. R. 1817.
**) A. R., 1817 h. p. m.
***) Ib. 122—127.

поддержку оказали вопросу о реформѣ (въ смыслѣ умѣренныхъ требованій реформы парламента, уничтоженія нѣсколькихъ гнилыхъ мѣстечекъ и трехгодичныхъ, а не семилѣтнихъ полномочій парламента) такія лица, какъ Ромильи, но достаточно было одному изъ большинства, сэру Николлю, сказать, что «требованія реформы суть не иное что, какъ попытки обмануть народъ, возбудить его страсти, побудить его произвести всеобщее разрушеніе, разрушеніе и гибель и самого себя, и конституціи» *), чтобы 265 голосовъ противъ 77 отвергли предложеніе Бердетта и всѣ ходатайства, изложенныя въ петиціяхъ, какъ радикальныхъ съ годичнымъ парламентомъ и suffrage universel, такъ и умѣренныхъ.

Дѣятельность по части подписанія и представленія петицій велась настолько легально, что примѣнить новые билли къ петиціонерамъ оказывалось невозможнымъ. Иное дѣло съ тѣмъ непрерывавшимся волненіемъ, которое вызывалось безработицей, усилившейся въ 1817 году. Раздраженіе рабочихъ несомнѣнно усиливалось все болѣе и болѣе, и почва для агитаціи и возбужденія была достаточно подготовлена. Въ Сомерсетѣ толпа кричала: хлѣба! и грозила разрушить машины, если не будетъ увеличена плата. Въ другихъ мѣстахъ, въ мануфактурныхъ и фабричныхъ округахъ, волненіе было не менѣе сильно. Тотъ же поэтъ Соути писалъ Ливерпулю: «населеніе мануфактурныхъ округовъ не только не довольно министерствомъ, но просто ненавидитъ его» **).

Какъ въ концѣ 1816 г., и теперь вновь появились въ разныхъ мѣстахъ лица, одѣтыя въ костюмъ рабочихъ. Они то исчезали безслѣдно, то вновь появлялись въ Манчестерѣ, Ланкастерѣ, Ноттингемѣ и др.; втирались, какъ разсказываетъ личный свидѣтель всего происходившаго тогда въ Англіи, Бамфордъ, въ рабочіе кружки, убѣждали рабочихъ приниматься за дѣло, ссылаясь на существованіе заговора то въ Лондонѣ, то въ другомъ мѣстѣ, на то, что возстаніе уже подготовлено, что массы народа двигаются изъ разныхъ мѣстъ въ Лондонъ. Министерство постоянно стало получать вновь свѣдѣнія о какихъ то движеніяхъ и заговорахъ, о цѣлыхъ планахъ его истребленія и т. п., и принимало мѣры.

10 марта въ окрестностяхъ Манчестера состоялся митингъ рабочихъ, угольщиковъ и др., созванный для подачи петиціи регенту, отъ котораго рабочіе ожидали принятія мѣръ противъ критическаго ихъ положенія. Предложено было идти въ Лондонъ самимъ и лично подать петицію. Не болѣе 4—5 тысячъ выразило согласіе двинуться въ Лондонъ. Закутанные въ пледы (отсюда и названіе ихъ Blanketeers), невооруженные, двинулись они въ путь, вмѣстѣ съ петиціей къ регенту и съ протестомъ противъ отмѣны habeas corpus, протестомъ, принятымъ митингомъ. Въ толпѣ было не мало углеко-

*) A. R., 1817, 125.
**) Walpole, I, 442.

повъ, совершенно мирно настроенныхъ, были, какъ говоритъ Бамфордъ, и лица, высказывавшіяся за необходимость прибѣгнуть къ оружію, которое, говорили они, нужно добыть въ Бирмингэмѣ. Но не успѣли петиціонеры двинуться, какъ вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, они были разсѣяны съ помощью вооруженной силы и разбѣжались, и только 300 человѣкъ добрались до Стокпорта, гдѣ часть ихъ была арестована, да около 180 до Маклесфильда *).

До начала іюня 1817 г., впрочемъ, никакихъ серьезныхъ безпорядковъ въ странѣ болѣе не происходило, хотя слухи о готовящихся безпорядкахъ циркулировали въ парламентѣ и въ Лондонѣ. Ожидали въ министерствѣ возстанія въ Ланкастерѣ, Іоркѣ, Варвикѣ, Лейчестерѣ, Ноттингэмѣ, Честерѣ и Стаффордѣ, приготовлены были warrants объ арестахъ, но день, назначенный для возстанія, прошелъ совершенно спокойно **). Тѣмъ не менѣе агитація продолжалась. Въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Іоркѣ и др. мѣстахъ среди рабочихъ появлялся время отъ времени делегатъ отъ Лондона, съ предложеніями установить сношенія съ Лондономъ и возобновить попытку возстанія. Графство Дерби было назначено центромъ съѣзда делегатовъ, и 6 іюня нѣсколько человѣкъ-делегатовъ собрались было для совѣщаній, но тотчасъ же были арестованы ***). Въ числѣ арестованныхъ былъ и нѣкто Оливеръ, делегатъ отъ Лондона, освободившійся отъ ареста и въ тотъ же день появившійся въ другомъ мѣстѣ, а 7-го въ Ноттинхэмѣ, гдѣ состоялось совѣщаніе о возстаніи. Оно вспыхнуло въ Гэддерфильдѣ, хотя не имѣло никакого успѣха, и затѣмъ въ Дербеширѣ, гдѣ во главѣ возстанія сталъ Іеремія Брандретъ, ткачъ, находившійся въ сношеніяхъ съ Оливеромъ, личность, имѣвшая большое вліяніе на рабочихъ. Введеніе въ Дерби новой системы приготовленія шерстяныхъ чулокъ лишило и Брандрета, и др. обычнаго заработка, и недовольство было сильное въ графствѣ. Увѣренный, что возстаніе начинается повсюду въ Англіи, а также и въ Ирландіи, Франціи и т. д. ****), Брандретъ то убѣжденіями, то угрозами склонилъ 150 человѣкъ принять участіе въ возстаніи, добыть оружіе, двинуться въ Ноттингэмъ, а оттуда въ Лондонъ. Оружіе было добыто силой, причемъ былъ убитъ одинъ изъ жителей, отказавшій въ выдачѣ оружія, а затѣмъ небольшая вооруженная толпа подъ предводительствомъ Брандрета двинулась ночью на Ноттингэмъ. Но на разсвѣтѣ, приближаясь къ Ноттингэму, возставшіе встрѣтили выступившую противъ нихъ милицію и разбѣжались безъ выстрѣла, побросавши оружіе на землю. Предводитель возстанія и др. лица были схвачены и пре-

*) Bamford, I, 32 и сл..

**) Walpole, 443.

***) State trials, XXXII, процессъ Бандрета. Ср. Ann. Reg. 1817, 304 и сл. и occur., 86 и сл.

****) Ib. Bamford, I, 40 и сл.

даны суду, по распоряженію Сидмута и по обвиненію въ «поднятіи войны противъ короля» (with levying war against the king). Такому же суду по обвиненію въ высокой измѣнѣ были преданы и арестованные въ Манчестерѣ, Гэддерфильдѣ и др. мѣстахъ.

Возстаніе въ Дерби произошло 10 іюня, въ то время, когда въ палатѣ шли пренія о томъ, продолжать ли дѣйстіе отмѣны habeas corpus и послѣ 1 іюля, т. е. послѣ срока истеченія билля, принятаго въ мартѣ, или возстановить силу дѣйствія Habeas corpus. Не смотря на билли, волненіе не улегалось, петиціи продолжались, а въ нѣкоторыхъ округахъ произошли попытки возстанія. Очевидно было для министерства, что мартовскій билль не въ силахъ успокоить страну, если онъ не будетъ продолженъ по крайней мѣрѣ еще на полгода до 1 марта. Поэтому, едва получены были извѣстія о готовящихся возмущеніяхъ, какъ министерство рѣшило внести въ палату требованіе о продленіи дѣйствія мартовскаго билля до 1 марта 1818 года. 3 іюня прочтено было въ палатѣ посланіе принцарегента, въ которомъ указывалось на продолжающееся возстаніе, на митинги, секретныя собранія и т. п., сообщалось о томъ, что министры представятъ палатѣ всѣ нужныя бумаги, и палатамъ предложено было войти въ секретное обсужденіе положенія дѣлъ и представленныхъ бумагъ *).

Между тѣмъ 9 іюня начался, и въ нѣсколько дней окончился судъ надъ обвиненными по дѣлу о возстаніи въ Лондонѣ 2 декабря 1816 г., Ватсонѣ старшемъ, Тистльвудѣ и др. Обвиненіе, предъявленное противъ нихъ, было тяжелымъ обвиненіемъ. Ихъ обвиняли въ заговорѣ съ цѣлью ниспроверженія конституціи, вооруженномъ возстаніи, стремленіи захватить Тоуэръ и банкъ, въ томъ, что они пытались соблазнить солдатъ, что они заказывали оружіе, наняли повозку съ военными цѣлями и т. п. **). Но, когда началось слѣдствіе, допросъ свидѣтелей, оказалось, что по отношенію къ Ватсону старшему, съ суда надъ которымъ и начался процессъ, единственною уликой было показаніе нѣкоего Castle'я, который самъ участвовалъ въ возстаніи, сидѣлъ на нанятой повозкѣ, но не былъ преданъ суду. Вся суть заговора, все, касавшееся склада оружія, изобрѣтенія адской машины, о чемъ докладывалось секретному комитету палаты, основывалось исключительно на донесеніяхъ и показаніяхъ Кэстля, но ни комитету, ни суду не было предъявлено никакихъ вещественныхъ доказательствъ. Никто, кромѣ Кэстля, не видѣлъ ни склада оружія, ни машины, никто, кромѣ него, не зналъ и не могъ ничего сообщить о характерѣ заговора. Доказано было разгромленіе лавокъ, но обвиненіе предъявлено было въ государственной измѣнѣ, и доказательствъ тому, внѣ показанія

*) Ann. R., 131.

**) State Trials, дѣло Ватсона и др. Т. XXXII 1—674. Ср. A. R., 1817, occur., 27.

Кэстля, дано не было. «Присяжные отнеслись съ крайнимъ недовѣріемъ къ показанію Кэстля, какъ соучастника», *) и вынесли Ватсону приговоръ: not guilty, не виновенъ. Генеральному атторнею пришлось отказаться отъ обвиненія остальныхъ подсудимыхъ и они были выпущены на свободу. Начавшійся нѣсколько позже процессъ 24, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ, какъ возставшихъ въ Гэддерефильдѣ, долженъ былъ, по мнѣнію министерства, ослабить впечатлѣніе процесса Ватсона. Всѣ лучшія силы обвиненія были приглашены изъ сѣверной Англіи для поддержанія обвиненія, послано было изъ Лондона спеціальное лицо для составленія отчетовъ и присылки ихъ министерству. Обвиняемые защищались сами. Всѣ они были изъ рабочей среды, было между ними нѣсколько мальчиковъ. Произнесено было не мало рѣчей, но, какъ и въ процессѣ Ватсона, присяжные не были убѣждены данными слѣдствія въ виновности возставшихъ, и подсудимые были почти всѣ оправданы. Лишь двухъ изъ нихъ заключили въ тюрьму, но не по рѣшенію суда, а въ силу спеціальнаго приказа лорда Сидмута и на основаніи билля, отмѣняющаго habeas corpus. Министерству пришлось уже въ іюнѣ отказаться отъ мысли предавать суду 140 арестованныхъ въ Манчестерѣ и массу захваченныхъ въ др. мѣстахъ **). Лишь по дѣлу въ Дерби, по обвиненію Брандрета и его сообщниковъ, судъ вынесъ обвинительный приговоръ на основаніи утвердительнаго вердикта присяжныхъ. Брандретъ и два сооучастника были казнены; одному присяжные дали снисхожденіе; 12 другихъ были оправданы.

Впечатлѣніе, производимое рѣшеніями судовъ на общественное мнѣніе и на многихъ членовъ парламента, становилось все болѣе и болѣе сильнымъ, по мѣрѣ того, какъ каждый процессъ и въ Англіи, и въ Шотландіи проливалъ новый свѣтъ на характеръ и смыслъ движенія 1816—17 годовъ. То обстоятельство, что первый же процессъ Ватсона далъ отрицательные результаты для министерства, что благодаря этому процессу сдѣлалось яснымъ, какую роль игралъ въ дѣлѣ возстанія 2 декабря одинъ изъ заговорщиковъ, а потомъ свидѣтелей, Кэстль, что, далѣе, министерство уже въ началѣ іюля оказалось вынужденнымъ отпустить значительную часть арестованныхъ и отказаться предать ихъ суду,—не могло не отразиться и на преніяхъ въ палатѣ, и на министерствѣ, и на странѣ. А, главное, все это совпало какъ разъ съ тѣмъ моментомъ, когда министерство, ссылаясь на имѣющіяся у него въ рукахъ данныя чуть не о близости новой революціи въ Англіи, потребовало 3 іюня отъ палатъ продленія полномочій, продленія отмѣны habeas corpus.

Положеніе тѣхъ изъ членовъ оппозиціи, которые въ февралѣ и мартѣ либо вотировали за министерство, либо оказали предложеніямъ

---

*) A. Reg., 1817, 303.
**) A. R., 1817, 173.

министерства самое слабое сопротивленіе, сдѣлалось крайне затруднительнымъ и щекотливымъ: они признали почти всѣ вѣрность и точность данныхъ, представленныхъ Сидмутомъ, между тѣмъ какъ въ глазахъ присяжныхъ, послѣ тщательнаго слѣдствія и допроса свидѣтелей, эти данныя оказались имѣющими весьма малую, сомнительную цѣнность. Возникалъ среди оппозиціи, поэтому, вопросъ, для какой же цѣли требуется продолженіе дѣйствія исключительныхъ законовъ, разъ все зданіе, уже построенное секретными комитетами на основаніи бумагъ Сидмута, оказывается болѣе чѣмъ шаткимъ, разъ само министерство, такъ ревностно и энергически устами Кэстльри доказывавшее, что чуть не вся Англія въ рукахъ послѣдователей Спенса, какъ бы забываетъ существованіе спенсеанъ, ни разу болѣе, ни однимъ звукомъ не вспоминаетъ ни о нихъ, ни о своихъ торжественныхъ увѣреніяхъ. «Я одинъ изъ тѣхъ, говорилъ о палатѣ Ромильи *), на кого первый отчетъ секретнаго комитета произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе; но дальнѣйшее изслѣдованіе и крайне серьезныя соображенія заставили меня измѣнить первоначальное мнѣніе. Сравнивши факты, представляемые судами, съ данными отчета секретнаго комитета, я утратилъ всякое довѣріе къ послѣднему». Тоже говорили и другіе, а лордъ Мильтонъ принесъ даже публичное покаяніе въ томъ, что вотировалъ за министерство **).

Въ странѣ требованіе министерства о продленіи дѣйствія билля, принятаго въ мартѣ, вызвало уже недвусмысленное раздраженіе. При первомъ извѣстіи о внесеніи министерствомъ проекта такого рода въ палату, началась петиціонная горячка. Уже 3 іюня лондонскіе шерифы явились лично къ рѣшеткѣ парламента и передали ему протестъ противъ министерскаго билля ***). За ними послѣдовалъ лондонскій совѣтъ и рядъ другихъ городовъ.

Но министерство, предвидѣвшее возможность рѣзкихъ нападокъ на него со стороны оппозиціи, знавшее очень хорошо настроеніе страны, твердо рѣшилось настоять на своемъ требованіи. Палата была въ его рукахъ. Большинство и въ палатѣ лордовъ, и въ палатѣ общинъ было и прочное, и безусловно вѣрное. Для большинства шло дѣло о такомъ крупномъ и важномъ интересѣ, какъ вопросъ о порядкѣ избранія; вопросъ стоялъ о томъ, чьи интересы получатъ верхъ въ законодательной дѣятельности: земельные или новосозданные, промышленные. Министерство боролось за сохраненіе status quo, т. е. за интересы земельные, и, естественно, должно было всѣми мѣрами подавлять притязанія, шедшія со стороны новыхъ интересовъ. Лордъ Кэстльри прямо и открыто заявилъ это въ одной изъ своихъ рѣчей: «первый шагъ, который необходимо было сдѣлать, это—охранить парламентъ отъ нарушителей мира, стремя-

*) Ann. Reg., 1817, 173.
**) Ib., 175.
***) Ib., 175.

щихся подъ предлогомъ реформъ къ разрушенію конституціи, въ надеждѣ этимъ путемъ достигнуть власти» *). Кэстльри, какъ и его сотоварищи по министерству и большинство обѣихъ палатъ, видѣлъ въ существующей конституціи вѣнецъ творенія и смотрѣлъ на всякую критику ея, на всякое нападеніе и посягательство на нее, какъ на несомнѣнный признакъ революціи. Съ другой стороны, и Кэстльри, и Сидмутъ, и др. члены министерства воспитались, какъ политическіе и административные дѣятели, въ школѣ Питта, находились и продолжали находиться подъ его обаяніемъ, видѣли въ немъ идеалъ государственнаго дѣятеля, въ его мѣрахъ—высшій государственный разумъ. То, что дѣлалъ Питтъ въ девяностыхъ годахъ, тѣ мѣры, которые онъ проводилъ, тѣ способы, къ какимъ онъ прибѣгалъ для достиженія цѣли, подавленія волненій, они, какъ истинные эпигоны своего великаго учителя, восприняли и усвоили ихъ всецѣло; и теперь, при обстоятельствахъ, которыя, какъ они были увѣрены или дѣлали видъ, что увѣрены, были повтореніемъ того, что творилось въ Англіи въ 1793, 94 и 95 гг... имъ оставалось одно: копировать Питта и его политику, его мѣры. Надъ тѣмъ, таково ли было положеніе дѣлъ въ 1816—17 гг., какъ и при Питтѣ, ни они, ни большинство не задумывались.

3 іюня избраны были секретные комитеты, какъ то было раньше, и имъ вручили новыя бумаги, собранныя Сидмутомъ. 16 іюня доклады комитетамъ были уже готовы, и въ начавшихся преніяхъ, возобновившихся позже, въ 1818 г., въ январскую сессію палаты, вопросы о томъ, существуетъ ли сходство обстоятельствъ 1816—17 и 1793—5 гг., дѣйствительно ли страна находится въ состояніи, близкомъ къ революціи, играли главную роль. Члены палаты постоянно, чуть не каждое засѣданіе, при каждомъ удобномъ случаѣ, возвращались къ нимъ, пытаясь создать цѣлый обвинительный актъ противъ министерства лорда Ливерпуля.

Въ секретномъ комитетѣ члены оппозиціи вели себя иначе, чѣмъ раньше: не только разсматривали они предъявленныя имъ бумаги, но и допрашивали тщательно свидѣтелей, главнымъ образомъ, нѣкоего Оливера. Оттого и самый докладъ,—не смотря на то, что аргументы министерства, въ лицѣ Сидмута, присутствовавшаго въ комитетѣ, усилились сообщеніемъ о бунтѣ въ Дерби, 9 іюня,—уже не былъ похожъ на предшествующій. Большинство, правда, приняло, какъ дѣйствительные факты, сообщенія министерства, продолжало утверждать, что Англіи грозитъ опасность «революціи, низверженія коституціи и существующаго порядка», но въ то же время вынуждено было внести рядъ оговорокъ и совершенно умолчать о спенсеанахъ. Комитетъ заявилъ, что докладъ его во многихъ случаяхъ основывается «на показаніяхъ и сообщеніяхъ лицъ, которыя сами болѣе или менѣе замѣшаны, въ качествѣ соучастниковъ, въ преступ-

*) Ib., 205.

ныхъ дѣйствіяхъ или примѣшались къ нимъ, съ цѣлью получить свѣдѣнія и доставить ихъ министерству» *). Комитетъ призналъ такія сообщенія сомнительными. Болѣе того. Онъ сообщилъ палатамъ, что «рѣчи и поведеніе нѣкоторыхъ изъ указанныхъ лицъ были таковы, что ими возбуждаемы были преступныя дѣйствія и намѣренія, тогда какъ роль этихъ лицъ заключалась только въ открытіи этихъ дѣйствій и намѣреній» **). Докладъ заканчивался предложеніемъ принять требованіе министерства о продленіи отмѣны habeas corpus.

Сидмутъ въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ лордовъ 16 іюня, настаивалъ на принятіи резолюціи комитета, ссылаясь на опытъ 1794 и 95 гг. ***). Оппозиція подняла вопросъ, насколько такой опытъ примѣнимъ при текущихъ обстоятельствахъ и насколько точны данныя обоихъ докладовъ, февральскаго и іюньскаго? И рѣчи всѣхъ ораторовъ оппозиціи, и въ верхней, и въ нижней палатѣ, заключали въ себѣ безконечную серію аргументовъ, которыми оппозиція старалась доказать, что ни о какомъ революціонномъ движеніи въ Англіи не можетъ быть и рѣчи, что его не было, что существовало лишь движеніе, направленное къ тому, чтобы добиться реформы въ парламентѣ, и что если и были вспышки, попытки возстанія и бунты, то они, какъ показываютъ, по словамъ ораторовъ, факты, сообщаемые ими, являлись результатомъ интригъ и вліянія тайныхъ агентовъ, этихъ единственныхъ свидѣтелей и самого существованія, якобы, заговоровъ. Касаясь событій 2 декабря, лордъ Грей доказывалъ, опираясь на судебное слѣдствіе, что главнымъ творцомъ бунта былъ лишь Кэстль, который старался убѣдить Гента идти съ нимъ, Кэстлемъ и съ толпой брать Тоуэръ ****). Переходя къ печальному событію, къ возмутительному нападенію на карету принца-регента, членъ палаты общинъ Лэмбтонъ *****) съ документами въ рукахъ пытался объяснить, что къ покушенію этому подстрекалъ толпу Оливеръ. Его видѣли на мѣстѣ покушенія, говорилъ Лэмбтонъ, ранѣе проѣзда принца-регента; одно лицо слышало, какъ онъ убѣждалъ толпу и въ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилъ о принцѣ-регентѣ. Лицо, видѣвшее Оливера, пыталось было убѣдить его прекратить рѣчи, но безуспѣшно. А этотъ Оливеръ былъ на устахъ у всѣхъ въ обѣихъ палатахъ и въ іюнѣ 1817 г., и въ январѣ 1818 г., и вплоть почти до окончанія сессіи. Его допрашивали въ комитетѣ, о немъ сдѣлали запросъ лорду Ливерпулю, который въ засѣданіи палаты лордовъ 16 іюня заявилъ, что «онъ не станетъ отрицать того, что

---

*) Докладъ комитета отъ 12 іюня въ палатѣ лордовъ и отъ 16 іюня въ п. общинъ. См. Ann. Reg., 181., 1377 и сл.

**) Ib., 137: «The language and conduct of some (of these persons) ...in some instances have had the effect of encouraging those designs which it was intended they should only be the instruments of detecting».

***) Ib., 148.

****) Ib., 1817, 153.

*****) Ib., 1818,

министерство пользовалось услугами Оливера» *). Опираясь на это заявленіе, члены оппозиціи старались выяснить и ту толь, какую Оливеръ игралъ во всѣхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1817 г. По убѣжденію оппозиціи то была роль провокатора, и если вспыхивали бунты, то виновникомъ ихъ были Оливеръ и его сподвижники, такіе же провокаторы, какъ и самъ Оливеръ (рѣчь Понсонби) **). Лордъ Грей предъявилъ палатѣ лордовъ свидѣтельство изъ Шеффильда, свидѣтельство, показывавшее, что Оливеръ вращался въ предмѣстьяхъ города и возбуждалъ народъ къ возстанію ***). Понсонби въ палатѣ общинъ сообщилъ то, что добыто было имъ при допросѣ Оливера въ секретномъ комитетѣ. Онъ выразилъ убѣжденіе, что не мало лицъ дѣйствовало, какъ и Оливеръ, и въ томъ же качествѣ, но показанія Оливера имѣли наибольшій вѣсъ въ глазахъ комитета. Однако, то, что Оливеръ сообщилъ относительно Манчестера,—о существованіи въ немъ ассоціаціи съ революціоннымъ характеромъ, только прикрывавшейся вопросомъ о реформѣ—оказалось ложнымъ по отношенію къ митингу. Это сообщеніе могло касаться только издавна существовавшей и въ Манчестерѣ, и въ др. мѣстахъ ассоціаціи люддистовъ,не имѣющей ничего общаго съ митингомъ. Но не только сообщенія его невѣрны, но онъ самъ, Оливеръ,—безспорный провокаторъ. Въ Ливерпулѣ Оливера приняли, какъ делегата отъ Лондона, и тамъ, какъ и въ др. мѣстахъ, куда онъ являлся, онъ постоянно справлялся о томъ, каковы тѣ силы, которыми располагаютъ въ Ливерпулѣ и др. мѣстахъ. Но когда его спрашивали, что же имѣется въ Лондонѣ, онъ увѣрялъ, что Лондонъ не поднимется первый, что тамъ рѣшили, что провинція должна начать возстаніе, что возстаніе рѣшено и 70 тыс. собравшихся въ Спафильдѣ принадлежатъ къ «дѣлу». Однако когда Понсонби въ комитетѣ спросилъ Оливера, извѣстно ли ему было, когда онъ въ качествѣ делегата дѣйствовалъ въ провинціи, о существованіи въ Лондонѣ какого либо сообщества, ассоціаціи, которыя задумали бы дѣйствовать совмѣстно со страной, извѣстно ли ему какое нибудь лицо, которое бы присоединилось къ заговору или чрезъ посредство котораго провинція могла бы сноситься съ Лондономъ, онъ, Понсонби ***), получилъ отъ Оливера отрицательный отвѣтъ. «А это, воскликнулъ Понсонби, пытавшійся загладить впечатлѣніе февральскихъ и мартовскихъ преній, показываетъ, каковы были махинаціи, къ которымъ прибѣгали въ провинціи и какъ ничтожна была сила лицъ, составлявшихъ заговоръ, когда не только не существовало никакой асоціаціи, но не было ни одного выдающагося лица, по положенію, богатству, вліянію, которое

*) Ib., 1817, 154.
**) Ib., 167.
***) Ib., 152.
****) Ib., 1817, стр. 169.

готово было бы поддерживать этотъ заговоръ» [1]). Когда члены большинства стали возражать, что возстанія вспыхивали и тамъ, гдѣ Оливера не было, Беннетъ, [2]) съ документами въ рукахъ, попытался дать палатѣ дневникъ переѣздовъ Оливера въ теченіе апрѣля и мая 1817 г. Въ апрѣлѣ онъ появился, доказывалъ Беннетъ, въ Ливерпулѣ, гдѣ вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми лицами, между прочимъ съ Митчелемъ. Рѣчь шла о петиціяхъ въ пользу реформы, и Оливеръ предложилъ созвать митингъ, сообщилъ, что онъ намѣренъ отправиться въ Дерби, Ноттингэмъ и т. д., чтобы возбуждать подачу петицій о реформѣ, и настаивалъ на необходимости послать делегата въ Лондонъ. Изъ Ливерпуля онъ отправился въ Лидсъ, оттуда въ Манчестеръ, а затѣмъ опять явился въ Ливерпуль для устройства митинга. Здѣсь Митчеля арестовали въ присутствіи Оливера, а затѣмъ этотъ послѣдній сталъ проповѣдывать необходимость возстанія, и на митингѣ, который отложенъ былъ, по настоянію Оливера, до 5 мая, обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой доказывалъ полную безцѣльность петицій, увѣрялъ, что Лондонъ ждетъ только движенія въ провинціи и что единственное средство—это прибѣгнуть къ физической силѣ; съ особеннымъ стараніемъ онъ сталъ, наконецъ, распрашивать, имѣется ли оружіе и гдѣ оно, предложилъ написать присутствующимъ письма въ разныя мѣста для добыванія оружія, и, когда они отказались, сталъ писать ихъ самъ. Затѣмъ Оливеръ уже въ Ноттингэмѣ и въ Дерби, въ качествѣ лондонскаго делегата, видится съ Брандретомъ, увѣряетъ и его, и всѣхъ и каждаго, что Лондонъ готовъ возстать и ждетъ только присылки делегатовъ изъ провинціи, что вездѣ готовится возстаніе. Изъ Ноттингема Оливеру необходимо, по его словамъ, спѣшить въ Іоркширъ, гдѣ его ждутъ друзья. Въ Бирмингемѣ, куда онъ явился вслѣдъ затѣмъ, Оливье увѣряетъ уже, что Бердеттъ и Картрайтъ одобряютъ его планъ возстанія; затѣмъ онъ исчезаетъ изъ Бирмингэма, пишетъ туда письмо за письмомъ, убѣждая начать дѣйствовать, но безуспѣшно. Цѣлый рядъ подобныхъ же фактовъ стараются выдвинуть въ палатѣ лордовъ: лорды Гросвеноръ, [3]) Кингъ, [4]) маркизъ Лэндсдоунъ [5]), въ палатѣ общинъ: Ромильи [6]), Брумъ [7]), Аберкромби [8]), лордъ Альторнъ [9]) и мног. другіе. Бердеттъ увѣрялъ палату, что у одного типографа былъ сдѣланъ за-

[1]) Ib., 167—170.
[2]) Ib., 1818, 55 и сл.
[3]) Ib., 1817, 149.
[4]) Ib., 150.
[5]) Ib., 1818, 7.
[6]) Ib., 1817, 172 и сл., 1818.
[7]) Ib., 1817, 176 и сл.
[8]) Ib., 170.
[9]) Ib., 171.

казъ напечатать возмутительную прокламацію и что заказъ былъ сдѣланъ лицомъ, въ которомъ типографъ узналъ служащаго при министерствѣ, разсказывалъ, что лица, читавшія петиціи о реформѣ другимъ, подвергались аресту *), и затѣмъ заявилъ, что ему извѣстенъ только одинъ заговоръ: заговоръ министерства противъ правъ англійскаго народа, и единственная измѣна—измѣна, которой боится министерство,—измѣна, въ видѣ реформы парламентской испорченности и подкупности **). Наконецъ, — было чуть не постояннымъ прибавленіемъ къ рѣчамъ, произнесеннымъ въ сессію 1817 г.,—оппозиція указывала, что какъ только личности въ родѣ Оливера перестали появляться въ странѣ,—волненія и бунты кончились и о нихъ никто ничего больше не слышитъ.

Оппозиція вѣрила въ то, что она утверждала, ея слова находили вѣру и въ странѣ, но для большинства всѣ аргументы оппозиціи не имѣли убѣдительной силы: оно вѣрило тому, что говорилъ ему комитетъ, что сообщали министры. Билль о продолженіи отмѣны habeas corpus до 1 марта 1818 г. былъ принятъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ, и министерство воспользовалось имъ для преслѣдованія радикальной прессы, хотя и съ малымъ успѣхомъ: присяжные въ большей части оправдывали виновныхъ.

Но, несомнѣнно, во второй половинѣ 1817 и въ 1818 г., полное почти спокойствіе воцарилось въ Англіи. О прежней усиленной агитаціи, о бунтахъ не было и помину, и лишь отъ времени до времени, уже въ 1818 г., когда, почти послѣ полугодовыхъ каникулъ, вновь былъ созванъ парламентъ на 27 января, стали опять поступать петиціи о реформѣ.

Министерство могло, повидимому, торжествовать побѣду, и сразу же, поэтому, послѣ созванія парламента оно предложило возстановить habeas corpus съ 1 марта 1818 г., мотивируя предложеніе полнымъ спокойствіемъ въ странѣ. Добилось оно также,—не смотря на сильнѣйшую оппозицію со стороны многихъ членовъ и верхней, и нижней палаты, и не смотря на усиленную присылку петицій съ разныхъ концовъ Англіи съ требованіемъ строгаго слѣдствія о произвольныхъ дѣйствіяхъ членовъ администраціи и суда,—и принятія билля объ амнистіи (bill of indemnity), который былъ предложенъ министерствомъ не для покрытія и забвенія его дѣйствій, а,—какъ то оно заявило открыто,—для амнистированія дѣйствій его агентовъ и въ частности Оливера и ему подобныхъ, произволъ которыхъ вызвалъ массу жалобъ въ парламентѣ, породилъ сильное недовольство и раздраженіе въ странѣ.

Борьба съ движеніемъ въ пользу реформы была закончена,

*) Ib., 213.
**) Ib., 1818, 89.

печать забвенія наложена на все, что совершено было для достиженія побѣды. Поэтому и финалъ дѣятельности парламента, объявленнаго распущеннымъ въ виду истеченія срока его полномочій (9 іюня 1818), явился вполнѣ соотвѣтственнымъ характеру его дѣйствій въ 1816—1818 гг. 2 іюня, Бердеттъ возобновилъ свое предложеніе о реформѣ. Въ длинной и тщательно аргументированной рѣчи онъ съ пыломъ и краснорѣчіемъ, свойственнымъ ему, доказывалъ опять и еще разъ ея настоятельную необходимость и потребовалъ всеобщей подачи голосовъ, тайной баллотировки и ежегодно избираемаго парламента *). Но его поддержалъ въ этотъ разъ лишь лордъ Cochrane. Противъ его предложенія возсталъ Брумъ, и Каннингу, предложившему отвергнуть проектъ Бердетта, не трудно было одержать новую побѣду. Палата общинъ почти единогласно вотировала за Каннинга.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

И. Лучицкій.

---

*) Ibid. 1818, 221—240. Ср. E. May, I, 280.

ОЛИВЬЕ ДАТАНЪ.

(Изъ политическихъ нравовъ современной Франціи.)

Ром. Жюля Каза.

Романъ, переводъ котораго мы начинаемъ печатать, принадлежитъ перу вдумчиваго и талантливаго французскаго писателя, мало извѣстнаго, къ сожалѣнію, большой публикѣ. Жюль Казъ, по западно-европейскимъ понятіямъ, еще молодой человѣкъ: ему около сорока лѣтъ. Но его литературный багажъ уже состоитъ изъ десятка романовъ, на которыхъ лежитъ несомнѣнный отпечатокъ индивидуальности автора, — вещь, какъ извѣстно, крайне рѣдкая въ наше время, когда ремесленное отношеніе къ литературному труду все болѣе и болѣе проникаетъ въ среду пишущихъ и толкаетъ начинающаго литератора вдохновиться какимъ-нибудь моднымъ образцомъ и печь по этой формѣ романы, какъ пироги. Дѣятельность Каза представляетъ собою интересную попытку реакціи какъ противъ увлеченія фактомъ и «документомъ», не согрѣтымъ гуманнымъ отношеніемъ къ человѣку (натурализмъ), такъ и противъ игры въ психологическія бирюльки свѣтскихъ героевъ и героинь, живущихъ не столько въ обществѣ, сколько въ аристократической и праздной теплицѣ (послѣднія произведенія Бурже). Въ своихъ критическихъ статьяхъ, особенно въ «Итогахъ натурализма», появившихся въ 1890 г. въ газетѣ L'Evenement, Казъ подчеркнулъ необходимость для романиста не останавливаться на поверхности ощущеній и жестовъ людей и на рабскомъ копированіи деталей обстановки, но продвинуться глубже и представить игру и борьбу человѣческихъ аффектовъ, логическое развитіе характеровъ въ извѣстной соціальной средѣ. И вся творческая положительная дѣятельность Каза, какъ романиста, направлена къ этой цѣли, начиная съ его перваго романа «Маленькая Зеттъ» (вышелъ въ 1884) и вплоть до послѣдняго произведенія «L'étranger» (напечатаннаго въ 1895).

Предлагаемый нынѣ читателямъ романъ появился въ 1887 г. подъ заглавіемъ «Le bonnet rouge» и изображаетъ начало политической карьеры нѣкоего Оливье Датана, въ которомъ олицетворяется типъ талантливаго, но эгоистичнаго дѣятеля современной французской буржуазіи, мѣняющаго подъ напоромъ грубой дѣйствительности свои юношескія убѣжденія на глубокій политическій скептицизмъ и гоньбу за властью и наслажденіями. За этотъ романъ авторъ подвергся упреку чуть не въ реакціонныхъ замыслахъ... Въ настоящее время Казъ приготовляетъ къ печати продолженіе своего политическаго романа, которое появится подъ заглавіемъ «Волки» (Les loups) и развернетъ передъ нами картину буланжистскаго движенія, а затѣмъ послѣдуетъ и окончаніе «У власти» (Au pouvoir), гдѣ Оливье Датанъ добирается до министерскаго портфеля, но лишь для того, чтобы окончательно рухнуть во время послѣднихъ колоссальныхъ скандаловъ. Жюль Казъ обѣщалъ редакціи «Русскаго Богатства» дать ру-

копись остальныхъ двухъ частей политической трилогіи, которыя такимъ образомъ могутъ появиться въ переводѣ одновременно съ печатаніемъ ихъ въ оригиналѣ.

I.

12-го января 1870 года, около полудня, старикъ и юноша—докторъ Датанъ и его сынъ, прижимаясь другъ къ другу и плохо укрываясь подъ однимъ зонтикомъ отъ мелкаго ледяного дождя, выходили изъ Парижа черезъ Тернскую заставу, направляясь къ Нейлли.

По ту сторону заставы, направо и налѣво, они увидѣли толпу, разсѣянную вдоль узкаго пустыря, окаймлявшаго фортификаціи; люди шли группами или по одиночкѣ, молчаливо шагая подъ дождемъ, точно армія, въ безпорядкѣ направляющаяся къ сборному пункту; большинство составляли рабочіе въ праздничныхъ одеждахъ; нѣкоторые вели подъ руки женъ.

— Идутъ, идутъ,—прошепталъ юноша дрожащимъ голосомъ.

Его зубы стучали, все тѣло вздрагивало отъ холода.

Эта толпа шла на похороны. Журналистъ оппозиціи былъ убитъ однимъ изъ членовъ наполеоновской фамиліи. Отвѣтомъ на пистолетный выстрѣлъ явилось это движеніе массъ.

Это народное возбужденіе, съ запахомъ пороха въ перспективѣ, молодило доктора, переносило его въ эпоху смутъ и лихорадочныхъ волненій, которую онъ пережилъ при Луи-Филиппѣ. Впрочемъ, онъ былъ увѣренъ, что манифестація будетъ мирная. Его сынъ думалъ, что будутъ драться.

Докторъ, крѣпкій еще старикъ шестидесяти шести лѣтъ, былъ маленькаго роста. Широкая ватная шуба, спускавшаяся очень низко и украшенная большимъ воротникомъ, закрывавшимъ ему плечи, облекала его нѣсколько театрально. Голову, съ едва сѣдѣющими очень длинными волосами, прикрытыми цилиндромъ съ широкими полями, онъ держалъ высоко. Его лицо, чисто выбритое, съ блѣдными глазами мечтателя, спокойнымъ лбомъ и губами, на которыхъ постоянно бродила доброжелательная улыбка, отличалось большой мягкостью. Его физіономія выражала въ одно и то же время и юношески-задорную иронію, и глубокую, безконечную доброту, доброту, которую ничто не смущаетъ,—ни ея безполезность, ни неблагодарность тѣхъ, къ кому она обращается.

Гораздо выше его ростомъ, его сынъ Оливье отличался еще плохо уравновѣшенной, нескладной фигурой, благодаря запоздалому росту. Крѣпкія, выдающіяся челюсти, черные, горячіе глаза, пухлыя щеки безъ единаго волоска представляли поразительное сочетаніе воли почти мужественной и дѣтскаго

безпокойства. Ему только что исполнилось восемнадцать лѣтъ, а на видъ казалось едва пятнадцать.

Они свернули слегка влѣво по дорогѣ, обнесенной изгородью, за который простирались пустыри.

— Идемъ, идемъ,—говорилъ молодой человѣкъ, увлекая за собой отца.

— У насъ есть время, не опоздаемъ, будь покоенъ.

Манифестанты стекались по всѣмъ дорогамъ, по всѣмъ тропинкамъ; вдали, влѣво человѣческая волна, мрачная, молчаливая, катилась по широкой aveuue de Neuilly.

— Насъ будетъ сто тысячъ!—вскричалъ молодой человѣкъ, приподнятый этой колоссальной силой, которая медленно, человѣкъ за человѣкомъ, но безпрерывно росла.

— Ну что жъ, мы и вернемся въ числѣ ста тысячъ.

— Значитъ, ничего не будетъ?

— Ничего.

— Отчего?

— А! отчего? отчего?.. Потому что ничего не будетъ. Что же я могу тебѣ сказать?

Оливье доросъ до такихъ лѣтъ, когда столкновенія между отцомъ и сыномъ становятся неизбѣжны: каждый нападаетъ и каждый ранитъ себя же—одинъ, увѣренный въ своихъ силахъ, нетерпѣливо жаждетъ дѣйствія, другой умиротворенъ, спокоенъ, насмѣшливъ.

— Однако, если ничего не выйдетъ,—проворчалъ Оливье,— то я могъ бы обойтись и безъ тебя. Твое покровительство безполезно.

— Ну, ну, не сердись!.. Если я здѣсь, это потому, что также мало благоразуменъ, какъ и ты... Будь увѣренъ, что изъ десяти человѣкъ, находящихся здѣсь, девять просто ротозѣи, идущіе сюда безъ всякаго убѣжденія. Эта манифестація будетъ смѣшна: сюда идутъ изъ любопытства,—посмотрѣть, много-ли соберется народа!

Молодой человѣкъ молчалъ. Правъ-ли его отецъ?

Они вошли въ узенькую улицу, сдавленную двумя стѣнами, изъ-за которыхъ торчали голыя, блестѣвшія отъ дождя вѣтви деревьевъ. Толпа подвигалась медленно, топчась по грязной мостовой. Шествіе еще замедлилось, толпа съ каждой минутой сгущалась. Наконецъ всѣ остановились и обнажили головы.

Ставъ на цыпочки, Оливье увидѣлъ, черезъ головы толпы, домъ, задрапированный въ черное,— гдѣ находился покойникъ.

Молчаніе толпы было страшно. Смерть, казалось, витала надъ нею. Юноша нервно сжалъ руку отца и бросилъ на него нѣжный, любящій взглядъ. Что ждало ихъ? Гдѣ будутъ они

завтра въ этотъ часъ? Приливъ симпатіи, инстинктивная потребность покровительства, общность опасности сближали его съ тѣми, кто его окружалъ, со всѣми этими рабочими, сохранявшими, подъ праздничными жакетками, привычныя позы ихъ ремесла. Надъ тѣсной толпой носился запахъ водки и мокраго сукна.

Онъ вошелъ въ жизнь съ сердцемъ, переполненнымъ жалостью къ тѣмъ, кто страдаетъ, ненавистью ко всякой несправедливости; съ прямымъ и открытымъ взглядомъ, нерасположеннымъ равнодушно смотрѣть на компромиссы, изъ которыхъ склеено общежитіе. Несправедливость должна исчезнуть! Онъ вѣрилъ въ абсолютное. Молодость живетъ этими прекрасными иллюзіями, этими порывами, которые порой исчезаютъ безъ слѣда, но иногда долго тлѣютъ въ какомъ нибудь отдаленномъ, тщательно скрываемомъ уголкѣ души. Для Оливье эта жертва, которую готовились хоронить такъ торжественно, этотъ молодой, сильный, полный здоровья и такъ внезапно убитый человѣкъ былъ героемъ. Наканунѣ онъ не зналъ о его существованіи, сегодня онъ отдалъ бы жизнь, чтобы отомстить за него.

Однако, спокойствіе и равнодушіе толпы его удивляли. На всѣхъ лицахъ виднѣлось выраженіе апатіи; взгляды были тусклы, лбы безъ мысли. Отъ времени до времени тѣла двигались, чтобы размять одеревенѣвшіе отъ неподвижности члены, и тогда движеніе толпы напоминало своею безсознательностью волненіе травы, колеблемой вѣтромъ. Индивидуальность этихъ существъ, казалось, отсутствовала; они растворялись въ чемъ то инертномъ и безымянномъ, и надъ этой массой вѣяло какой-то захватывающей печалью. У всѣхъ былъ грустный, растерянный видъ животныхъ, очутившихся въ непривычной обстановкѣ...

Оливье чувствовалъ, какъ его энтузіазмъ таялъ мало по малу въ ощущеніи тягостной жалости. Къ тому же ему было не по себѣ: его тошнило, дыханіе спиралось отъ этихъ ѣдкихъ испареній. Вдругъ его взоры затуманились, лобъ покрылся холоднымъ потомъ. Онъ терялъ сознаніе,—его нервы не выдержали, его холеный организмъ страдалъ отъ прикосновенія этихъ тѣлъ, пропитанныхъ запахомъ верстака и бѣдности. Онъ повалился на отца съ тихой жалобой ребенка, начинающаго плакать.

Когда онъ пришелъ въ себя, невообразимый гулъ стоялъ въ воздухѣ. На крышѣ дома человѣкъ съ лысой головой и длинной бородой жестикулировалъ и говорилъ среди общаго шума.

Потомъ толпа разомъ двинулась. Докторъ и его сынъ были увлечены этимъ живымъ потокомъ. Оливье потерялъ всякое сознаніе дѣйствительности: онъ не зналъ, зачѣмъ они собра-

лись, зачѣмъ кричали, что могли означать эти крики. Онъ двигался вмѣстѣ со всѣми, шелъ, куда шли всѣ. Они шли по незнакомымъ улицамъ, безпрестанно отбрасывались въ глухіе переулки, по получасу стояли на площадяхъ, неподвижные, сдавленные между спинами и грудями.

Дождь перестаялъ. Часы проходили, короткіе, какъ минуты. Докторъ старался вырваться изъ толпы, говоря о безполезности этой толкотни, но Оливье хотѣлъ остаться.

Наконецъ шествіе упорядочилось. Сдавленная волна разлилась шире. Теперь можно было дышать свободно. Медленная и внушительная толпа шла на Парижъ.

Раздалась «Марсельеза», величавая, яркая, звучавшая изъ тысячи грудей. Голоса женщинъ и дѣтей, жидкіе и вибрирующіе, звенѣли на общемъ фонѣ. Оливье не пѣлъ, но, увлекаемый могучимъ порывомъ, невольно сообразовалъ свой шагъ съ ритмомъ пѣнія. Всѣ шли на завоеваніе Парижа, горячка героизма толкала его впередъ. Цѣль этого стремленія, то, что ждало въ концѣ—оставалось для него смутнымъ. Но,—что до этого?

Когда они спустились по Champs Elisées, пѣніе разлилось такъ широко, точно оно выходило изъ ста тысячъ бронзовыхъ грудей. Казалось, городъ рушится отъ властныхъ звуковъ.

Внезапно всѣ остановились. Водворилось глубокое молчаніе.

Вдали прогремѣлъ барабанъ.

— Въ третій разъ!—сказалъ кто-то.—Войска сейчасъ двинутся на толпу.

Наступило паническое замѣшательство. Люди падали подъ ноги лошадей; судя по крикамъ женщинъ, можно было думать, что происходитъ рѣзня. Въ нѣсколько минутъ поперечныя улицы поглотили всю толпу, а широкая мостовая опустѣла; на ней валялись только фуражки, палки, женскія платки.

Докторъ уцѣпился за руку Оливье, мѣшая тому бѣжать. Они оставались съ секунду одни на улицѣ.

Въ ста метрахъ отъ нихъ, во всю ширину Елисейскихъ полей, блестя саблями наголо, красовался взводъ кавалеріи.

Молодой человѣкъ, страшно блѣдный, чувствовалъ, какъ рука отца дрожала на его рукѣ.

II.

Докторъ Датанъ въ продолженіи двадцати лѣтъ практиковалъ въ маленькой деревнѣ Греслэй, расположенной вдоль южнаго склона Монморанси.

Почти однихъ лѣтъ съ вѣкомъ, раздѣливъ съ нимъ его

лихорадку свободы, его гуманитарныя стремленія, разоренный революціями, но не пеняющій на нихъ за это, боецъ 1830 и 48 годовъ, демократъ и спиритуалистъ, онъ хранилъ въ себѣ нетронутыми и свѣжими иллюзіи того поколѣнія, которое кажется нашему поколѣнію смѣшнымъ. Странное дѣло! онъ чувствовалъ къ новымъ наслоеніямъ нѣкоторое презрѣніе, пренебреженіе героя къ своимъ эпигонамъ, побѣдителя къ мародерамъ. Люди настоящаго дѣлали его скептичнымъ и, чтобы найти снова свою вѣру, ему надо было перенестись назадъ, къ своему поколѣнію, пріобщиться къ его мысли, забыть раздѣлившіе ихъ годы, сдѣлаться снова такимъ, какимъ онъ былъ въ тридцать лѣтъ—пылкимъ, великодушнымъ, дѣятельнымъ энтузіастомъ. Есть люди, которые себя переживаютъ, у которыхъ сердце и мысль умираютъ ранѣе тѣла; люди, похожіе на погасшіе фонари. Но у доктора душа осталась молодой, тѣло сильнымъ. Онъ обожалъ своего сына, пожалуй, восхищался имъ, но споры между ними бывали часты, иногда рѣзки. Они думали одинаково, но не понимали другъ друга: черезъ тридцать лѣтъ одно и то же слово можетъ получить значеніе прямо противоположное. Порой даже не измѣнившіяся мнѣнія выражаются въ другой формѣ, новымъ языкомъ, который шокируетъ, возмущаетъ, сбиваетъ съ толку стариковъ.

Докторъ жилъ скромно, исключительно своей профессіей. Онъ любилъ своихъ больныхъ—крестьянъ и мелкихъ буржуа изъ посада, бродягъ и нищихъ съ большой дороги—и ухаживалъ за ними съ отеческой преданностью и добротой. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на ихъ защитника отъ болѣзни и страданій. Докторъ по призванію, онъ вѣрилъ въ свое ремесло и обладалъ профессіональнымъ чутьемъ. Парижскіе собратья, старинные товарищи иногда съ нимъ совѣтовались. Но, хотя и разоренный, хотя и знакомый съ нуждой, онъ отказывался отъ состоянія, пріобрѣтаемаго шарлатанствомъ, которое приноситъ золото, но уноситъ честь. У него была гордость старости, которую онъ уважалъ въ себѣ, хотѣлъ сохранить ее чистой. Его чрезвычайная доброта пріобрѣла ему извѣстность въ цѣломъ кантонѣ. Деревенскій мэръ, не раздѣлявшій его республиканскихъ идей, тѣмъ не менѣе отзывался о немъ хорошо, хотя и отмѣчалъ его неблагонадежныя рѣчи; священникъ сожалѣлъ, что онъ свободный мыслитель. Докторъ немножко игралъ своей добротой; онъ распространялъ ее безгранично на всѣхъ—на малыхъ, тѣхъ, кто ея достоинъ, а также на большихъ и порочныхъ, для которыхъ она превращалась въ снисхожденіе. У него былъ одинъ только врагъ—смерть. Онъ встрѣчалъ ее много разъ, но никогда не могъ къ ней привыкнуть, не могъ оставаться, при видѣ ея, равнодушнымъ. Смерть его воз-

мущала, и когда она уже была тутъ, неизбѣжная, торжествующая, онъ еще боролся, оспаривалъ у нея каждое біеніе сердца съ упорствомъ, хотя и безъ надежды, желая заставить ее отступить... какъ будто, въ этой мрачной борьбѣ, у него и въ самомъ дѣлѣ была иллюзія возможной побѣды.

Онъ женился около пятидесяти лѣтъ и тогда началъ жизнь съизнова. Онъ измѣнилъ образъ жизни, переселился въ деревню и отмежевалъ себѣ работу, какую могъ исполнить. Онъ усталъ отъ Парижа. Долгая молодость, перешедшая за обычные предѣлы, молодость горячая, кипящая движеніемъ, блескомъ, красками, раздѣленная между удовольствіями и соблазнами опасностей, открытая для всѣхъ утопій,—сдѣлала его, такъ сказать, отщепенцемъ. Никакого личнаго честолюбія у него никогда не было: мѣста, знаки отличія, депутатство,—все это онъ отвергъ. Пришелъ день, когда онъ остался одинъ; его друзья, его бывшіе товарищи по борьбѣ или исчезли, или сдѣлались чѣмъ нибудь въ свѣтѣ; онъ же, разоренный, оставался ярымъ противникомъ всякой сдѣлки съ властью, противъ которой боролся. Бывали ли у него минуты сожалѣнія? Онъ этого не думалъ; ушелъ онъ въ свою деревенскую ссылку изъ гордости, привлеченный миромъ полей и унося съ собой нетронутыми и болѣе крѣпкими принципы равенства, мира и любви, которые освѣщали все его существованіе; нельзя сказать, чтобы онъ обманывался; онъ только считалъ критику излишней и добровольно переносилъ на вещи свое собственное внутреннее сіяніе, представляя себѣ ихъ сообразно идеалу, который онъ носилъ въ своей душѣ. Однако, хотя онъ и уѣзжалъ изъ Парижа, но отдалиться отъ него совсѣмъ не могъ,—онъ былъ настоящее дитя Парижа. Другой, можетъ быть, обвинилъ бы великій городъ въ своихъ разочарованіяхъ,—Датанъ молчалъ. Онъ примирился со своими невзгодами и избѣгалъ сожалѣній, которыя гложутъ сердце. Въ любви онъ вспоминалъ только о своихъ успѣхахъ, въ политикѣ — о прекрасныхъ часахъ энтузіазма, въ частной жизни—о минутахъ удовлетворенія. Онъ оправдывалъ жизнь, прощалъ Парижу и, заодно, отпускалъ и себѣ свои собственные грѣхи. Горечь, однако, проскальзывала иногда сквозь эту оптимистическую внѣшность. Но это бывало рѣдко.

Поселившись въ Греслэй, откуда онъ каждый день бросалъ дружескій взглядъ въ сторону великаго города, онъ овдовѣлъ съ рожденіемъ сына. Съ этой поры никакое событіе не нарушало его мирнаго существованія; жизнь текла ровно и полно. Всегда одѣтый въ черное, въ бѣломъ галстухѣ, кокетливый и говорливый, онъ разъѣзжалъ по деревнямъ въ низенькой телѣжкѣ, которой правилъ самъ. Къ ночи онъ возвращался домой съ застывшими ногами, но счастливый; отводилъ ло-

шадь въ конюшню крестьянина-сосѣда, дружески трепалъ ее по шеѣ, говоря: «до завтра!» и возвращался пѣшкомъ въ свой домъ, расположенный въ возвышенной мѣстности, посреди большого сада, въ тишинѣ и уединеніи. Здѣсь его поджидала старая Анна. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ Оливье въ коллежѣ, докторъ обѣдалъ съ глазу на глазъ со старой служанкой, съ которой обращался, какъ съ равной, какъ съ другомъ, совершенно устранивъ подчиненныя отношенія. Послѣ обѣда онъ шелъ въ свой кабинетъ, меблировка котораго состояла изъ стола-бюро, библіотеки, дивана, стульевъ и нѣсколькихъ цѣнныхъ гравюръ на стѣнахъ. Здѣсь, куря свою трубку и прихлебывая кофе, онъ писалъ, читалъ газеты и медицинскіе журналы, слѣдя за всѣмъ, что дѣлалось въ наукѣ и жизни. Въ половинѣ одинадцатаго онъ поднимался въ верхній этажъ, ложился, читалъ и опять курилъ; спалъ онъ мало.

Лѣтніе вечера онъ проводилъ въ саду, распланированномъ во французскомъ вкусѣ, съ прямыми аллеями, обнесенными буксовыми деревьями, и съ зелеными лужайками, засаженными кустами розъ и плодовыми деревьями. Онъ самъ ухаживалъ за садомъ, точно за больнымъ, которому ежедневно дѣлалъ первый визитъ. Въ свой способъ культуры онъ не вносилъ никакой симметріи, никакой заботы о правильности, о линіяхъ, лишь бы цвѣтокъ могъ жить, развиваться, доставлять возможно болѣе сока, запаха, красокъ. Всѣ роды и виды были перемѣшаны, всѣ оттѣнки соприкасались, и изъ этой безпорядочной кучи разнокалиберныхъ цвѣтовъ, неровныя массы которыхъ пестрили клумбы, поднимался общій ароматъ, сладкій и проникающій, составленный изъ всѣхъ этихъ запаховъ. Докторъ усаживался передъ своимъ произведеніемъ въ широкое плетеное кресло, курилъ, мечталъ въ ожиданіи ночи, наблюдая постепенное появленіе звѣздъ на небѣ и вкушая ту иллюзію молодости, которая оживляетъ старые, усталые члены въ минуты отдыха. И когда, уставъ отъ созерцанія звѣзднаго неба, онъ поднимался, ему случалось выдавать секретъ своихъ обычныхъ мечтаній такой фразой:

— Правду сказать... Идея переселенія душъ не такая ужъ глупость! Кто знаетъ!..

Теперь онъ жилъ съ сыномъ, который слушалъ право, для чего нѣсколько разъ въ недѣлю ѣздилъ въ Парижъ. Онъ его воспиталъ отчасти тѣмъ-же способомъ, какимъ выращивалъ свои растенія, подмѣчая инстинкты, чтобы развивать ихъ, разогрѣвая воображеніе, давая просторъ уму и оставляя его свободнымъ, отвѣтственнымъ за всѣ поступки. Коллежъ, къ несчастію, разрушилъ его работу: ребенокъ вышелъ изъ него сосредоточеннымъ, молчаливымъ. Докторъ съ безпокойствомъ

наблюдалъ, какъ его сынъ превращался въ мужчину. Онъ находилъ его впечатлительнымъ, нервнымъ, легко и безъ достаточныхъ причинъ переходящимъ отъ радости къ грусти. Для простого смертнаго физiологическiя причины можетъ быть послужили бы достаточнымъ объясненiемъ,—для доктора здѣсь было другое. Внимательное наблюденiе открывало подъ этимъ неустойчивымъ расположенiемъ духа, подъ наружной слабостью этой неуравновѣшенной натуры—скрытую и упрямую волю, первыя тайныя, болѣзненныя конвульсiи честолюбiя. Вотъ что открылъ докторъ. И тогда онъ, чья жизнь въ сущности всегда направлялась теченiемъ и собственнымъ произволомъ, начиналъ завидовать этому ребенку, котораго обожалъ; онъ завидовалъ его логикѣ и опредѣленности его цѣлей, которыхъ всегда не доставало ему самому. Въ сущности докторъ любовался Оливье, считалъ его призваннымъ къ блестящей будущности. Съ нимъ онъ никогда объ этомъ не говорилъ, выказывая порой въ отношенiи къ сыну нѣкоторую безпечность, даже иронiю; онъ хотѣлъ, чтобы сынъ его сформировался самъ.

Оливье сохранилъ къ своему отцу нѣжность ребенка; онъ преклонялся передъ честностью этого не блестящаго, скромнаго, но въ его глазахъ великаго человѣка.

По возвращенiи въ Греслэй Оливье былъ пораженъ спокойствiемъ и тишиной деревни. Ему казалось, что онъ этого не замѣчалъ прежде, что онъ никогда не видѣлъ этихъ темныхъ домовъ, черныхъ лавокъ, въ окна которыхъ сквозили смутныя формы, двигавшiяся въ красноватомъ сiянiи свѣчей; онъ удивлялся, видя людей, спокойно ужинавшихъ въ своихъ домахъ. Онъ возращался съ манифестацiи, которая могла превратиться въ бунтъ, въ революцiю; онъ видѣлъ войска, готовыя къ нападенiю; еще немного, и сотни мертвыхъ усѣяли бы мостовыя Парижа! А здѣсь всѣ жили какъ всегда, какъ будто ничего не происходило.

Онъ шелъ одинъ по большой улицѣ,—его отецъ разстался съ нимъ на вокзалѣ, чтобы пойти навѣстить больного ребенка. Навстрѣчу ему попался крестьянинъ.

— Здраствуйте, господинъ Оливье, нехорошо будетъ на дворѣ сегодня ночью,—сказалъ онъ, кланяясь.

И это все. Ночь въ самомъ дѣлѣ надвигалась холодная. Издали онъ различилъ посреди дороги Анну, которая сторожила ихъ возвращенiе. Она встрѣтила его ворчанiемъ:

— Какъ неблагоразумно со стороны отца—таскать тебя туда... Какъ разъ попадешь въ бѣду... И зачѣмъ это, о Господи?

Онъ не отвѣтилъ.

— Что же тамъ было?—спросила опять старуха.

— Ничего.

Это признаніе его унижало, какъ будто онъ лично былъ отвѣтственъ въ смѣшной неудачѣ манифестаціи. Онъ возвращался измученный, недовольный, чувствуя себя нехорошо.

Чтобы остаться на минуту одному, онъ поднялся въ свою комнату. Здѣсь въ немъ произошла внезапно реакція; нервное возбужденіе перешло въ умиленіе при видѣ желѣзной кровати безъ полога, маленькаго бюро краснаго дерева, полокъ съ книгами. Все это составляло часть его самаго; здѣсь онъ выросъ, здѣсь каждый день работалъ; всѣ свои проекты онъ строилъ здѣсь, вечеромъ, засыпая, или днемъ, облокотившись на столъ и устремивъ глаза въ садъ. Все, что было въ немъ невыраженнаго, все, что онъ предполагалъ когда нибудь сдѣлать, всѣ мысли, всѣ надежды юноши, всѣ воспоминанія ребенка, восторги и печали—все это хранила въ себѣ скромная маленькая комната, утонувшая въ тѣни.

Его дурное расположеніе духа исчезло. На столѣ лежали раскрытыя книги, валялись исписанные листы бумаги: въ этой работѣ—его будущность!

На его губахъ появилась улыбка, его сердце согрѣлось. Порывисто сѣлъ онъ на тулъ, легъ на свои бумаги, поцѣловалъ ихъ и остался такъ, распростертый, съ закрытыми глазами.

Его позвали обѣдать.

Докторъ только что вернулся; онъ казался старше, чѣмъ на улицѣ; дома онъ меньше слѣдилъ за собою, волочилъ ноги, предоставлялъ свои члены ихъ естественной усталости. Пока онъ раздѣвался, его взгляды не переставали блуждать то направо, то налѣво, чтобы видѣть, всѣ ли вещи на своихъ мѣстахъ; въ этомъ одномъ онъ былъ требователенъ до педантизма, нѣсколько надоѣдавшаго Аннѣ.

Онъ сошелъ внизъ съ табачницей и трубкой въ рукѣ и всѣ сѣли за столъ. Обѣдъ былъ изъ самыхъ простыхъ: супъ, мясное блюдо и сыръ.

Сперва всѣ ѣли молча, отецъ—жадно, какъ человѣкъ, хотя и примирившійся съ простотою пищи, но любящій покушать, сынъ—разсѣянно и торопливо.

Докторъ заговорилъ, только покончивъ со своимъ супомъ.

— Маленькому Симону лучше, онъ спасенъ... Счастливо отдѣлался... Ну, да у меня не умираютъ! Слышишь, Анна, моя старушка... ты тоже не умрешь!

— Не нужно мнѣ этого,—отвѣчала она съ тяжелымъ, глубокимъ вздохомъ.

Онъ замѣтилъ, что она едва дотронулась до супа.

— Ты не ѣшь? Что случилось?

Она пожала плечами, снова вздохнула и встала, чтобы перемѣнить тарелки.

— Видите-ли,—замѣтила она,—вы хорошо сдѣлаете, если дадите мнѣ хорошій «шарикъ», какъ собакѣ. Счастливый будетъ тотъ день, когда я сдохну.

— Ты, стало быть, получила извѣстіе о сынѣ?

— Да.

— Опять?..

— Прощалыга подрался съ агентами и одного изувѣчилъ. Три дня былъ пьянъ.

Она исчезла съ тарелками, и слышно было, какъ она разговаривала сама съ собой въ кухнѣ.

Когда она вернулась, они увидѣли, по ея краснымъ вѣкамъ, выдѣлявшимся на блѣдномъ, изборожденномъ морщинами лицѣ, что она плакала. Она подала кушанье, не говоря ни слова, сѣла и осталась неподвижной передъ своей пустой тарелкой, со взглядомъ, устремленнымъ въ одну точку.

Эта сцена возобновлялась отъ времени до времени при каждой новой выходкѣ старшаго сына Анны, слесаря, искуснаго рабочаго, но негодяя и пьяницы. Онъ разглагольствовалъ о политикѣ въ кабакахъ, требовалъ смерти всѣхъ буржуа, грозилъ поджечь церкви и казармы. Анна жила въ вѣчномъ ожиданіи катастрофы. Со вторымъ своимъ сыномъ, женатымъ и обремененнымъ семействомъ, она не видалась изъ за невѣстки. Мужъ ея утонулъ. Сама она была сирота, воспитанная изъ милости бельгійскими крестьянами. Любила она только три существа: мужа и своихъ двухъ сыновей. Въ ея жизни было нѣсколько лѣтъ счастья, потомъ все рухнуло; теперь она была одна, и отъ прошлыхъ радостей у нея остались только раны.

Оливье, еще слишкомъ молодой и занятый своими мыслями, оставался почти равнодушнымъ къ ея горю; доктора оно тревожило, такъ какъ онъ зналъ, что на это нѣтъ ни лѣкарства, ни утѣшенія.

Они провели вечеръ въ столовой. Разъ или два Оливье хотѣлъ было встать и пойти въ свою комнату за книгой, но усталость и потребность покоя удерживали его. Ему было хорошо въ этой маленькой комнаткѣ, теплой и уютной, на половину освѣщенной, наполовину погруженной въ тѣнь, благодаря абажуру лампы. Докторъ курилъ свою трубку и пилъ вино. Анна, окончивъ свою работу, зашла пожелать имъ доброй ночи и вышла. На дорогѣ раздался стукъ сабо,—она жила на той же улицѣ, въ собственномъ домикѣ.

— Бѣдная Анна!—воскликнулъ докторъ, покачивая головой.

Потомъ, послѣ минутнаго молчанія, онъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Лѣность! порокъ! болѣзнь! Много можно бы было ска-

зать насчетъ всего этого. Порочный человѣкъ устроенъ не такъ, какъ какъ другіе, онъ не похожъ на другихъ, а отъ него требуютъ то же, что и отъ другихъ, отъ которыхъ онъ отличается... Нелѣпость! Да и гдѣ начинается порокъ? У этого негодяя, сына Анны, есть свои достоинства... Онъ уменъ, обладаетъ энергіей, которую не съумѣли направить, честолюбіемъ, которое никогда не было удовлетворено. Онъ не уступилъ, онъ не примирился и... сталъ порочен. А! еслибъ общество думало немного объ аппетитахъ индивидовъ, еслибъ оно заботилось о человѣческихъ сердцахъ, вмѣсто того, чтобы ихъ оскорблять и ранить! Скажутъ, что это невозможно! Почему? Нѣтъ усилія, которое оставалось бы совершенно тщетнымъ. Необходимо попробовать. Даже въ случаѣ неудачи, даже если это иллюзія,—всетаки самая попытка—прекрасное дѣло!

Онъ допилъ свой стаканъ, быстро выпустилъ изъ своей трубки нѣсколько клубовъ дыма и продолжалъ:

— Народъ выбивается изъ своей среды или развращается... Его не понимаютъ, упорствуютъ въ нежеланіи его понять, преступно закрываютъ глаза... Можетъ быть было бы легко его вести, постаравшись удѣлить ему долю счастья... Не всѣ его достойны? Доли не могутъ быть равны? Такъ что-же! Давайте щедрой рукой! Вѣдь слѣдуютъ же за арміей ея увѣчные, больные и отсталые. Общество должно тоже тащить за собой своихъ больныхъ и увѣчныхъ.

Онъ замолчалъ, продолжая разсуждать про себя. Потомъ вдругъ вскричалъ:

— Ты его видѣлъ сегодня, этотъ народъ!.. Красивъ, а?.. Скверно пахнетъ, неправда-ли?

Оливье привыкъ къ этимъ перемѣнамъ, тѣмъ не менѣе противорѣчія доктора его всегда удивляли. Онъ не различалъ, что его отецъ представляетъ двойное существо: утописта, увлекающагося всевозможными мечтами, и эстетика, котораго дѣйствительность шокировала.

— Я не требую отъ народа ни красоты, ни аромата,— отвѣчалъ онъ поспѣшно.—Я требую отъ него силы, единства, сплоченности...

Въ то-же время онъ вспомнилъ о своемъ обморокѣ въ этой атмосферѣ, пропитанной ѣдкимъ запахомъ мокраго сукна и грязныхъ тѣлъ.

Докторъ улыбнулся.

— Сплоченности!.. Ну нѣтъ! Ты увидишь вмѣсто нея безалаберщину, слѣпую, кровожадную жестокость, игру пьянаго животнаго... Сегодня ты его видѣлъ спокойнымъ, безобиднымъ... а дай-ка ему ружья... тогда увидишь!

Оливье былъ наивенъ. Но быть наивнымъ—не значитъ ли это быть черезчуръ логичнымъ? Это представленіе доктора о

народѣ казалось ему несовмѣстимымъ съ тѣмъ, чего отъ этого же народа ожидали. Конечно, онъ часто думалъ о безобразіяхъ и бойняхъ, сопровождавшихъ революціи и простые бунты. Но эти ужасныя сцены дошли до него только изъ чужихъ рукъ, въ томъ величавомъ освѣщеніи, съ тѣми оправданіями и объясненіями, какія имъ даетъ исторія. «Кто станетъ сожалѣть, по прошествіи ста лѣтъ, о совершенно непричастныхъ жертвахъ,— если эти смерти произошли отъ столкновенія двухъ великихъ силъ: стараго, десяти вѣкового режима, и разлагавшагося, и другого, новаго, молодого, полнаго жизни, кипѣвшаго молодой страстью, поднимавшагося надъ озадаченнымъ міромъ, который онъ хотѣлъ обновить» — думалъ Оливье. Актеры великихъ историческихъ событій въ отдаленіи принимаютъ видъ гигантскихъ личностей трагедіи; отъ нихъ остается—по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кого воспламеняетъ ихъ память,—только великое, героическое, сверхъ-человѣческое, чѣмъ ихъ надѣляютъ событія, въ которыхъ они были замѣшаны. Оливье служилъ культу великихъ людей, именъ, которыя блестятъ въ прошломъ, и его восхищеніе простиралось и на способы ихъ дѣйствія, на силы, которыя они привели въ движеніе, на ихъ армію, на народъ. Онъ любилъ народъ, уважалъ его. Это была сила, число, огромная совокупность личностей. Повсюду въ исторіи онъ его искалъ, находилъ, любовался имъ. Въ эту минуту онъ упрекалъ себя за свою слабость, — заставившую его упасть въ обморокъ при соприкосновеніи съ колоссомъ. Онъ съ трудомъ выносилъ, когда нападали на его идоловъ.

Докторъ началъ снова:

— Нужно однако, чтобы прогрессъ совершилъ свое дѣло. Поколѣнія работаютъ для слѣдующихъ за ними поколѣній! Вѣка тяжелой работы требуютъ награды... И она будетъ дана,— но позднѣе, позднѣе... Когда?

«Въ такомъ случаѣ зачѣмъ сомнѣваться въ настоящемъ, зачѣмъ обезцѣнивать его въ глазахъ другихъ»,—подумалъ Оливье. Въ своей молодой наивности онъ вѣрилъ въ результаты быстрыхъ потрясеній, въ близкую перемѣну порядка вещей. Идея, не сегодня, такъ завтра, могла получить свое осуществленіе, оплодотвориться и принести плоды. Безнравственный и ненавистный режимъ второй имперіи загораживалъ дорогу; разъ эта преграда будетъ разрушена,—наступитъ новая эра; разъ плотина прорвется, нація пойдетъ снова своимъ полнымъ и широкимъ ходомъ.

Доктрины его отца, доктрины апостола и скептика вмѣстѣ— его раздражали.

Въ этотъ вечеръ онъ не былъ впрочемъ расположенъ

спорить; его вѣки отяжелѣли; тишина, проникавшая со двора въ комнату, приводила его понемногу въ оцѣпенѣніе.

Они пошли наверхъ спать, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ запертый домъ гудѣлъ, какъ колоколъ, отъ стука ихъ шаговъ.

Оливье заснулъ сейчасъ же. Спустя четверть часа онъ наполовину проснулся среди какого-то неяснаго шума; въ ушахъ его гудѣло, тѣло какъ бы качалось изъ стороны въ сторону, уносимое потокомъ. Слышались ясные крики. Лежа съ открытыми глазами, устремленными въ темноту, онъ узнавалъ кругомъ себя уже видѣнныя раньше фигуры. Онъ различалъ узкую улицу предмѣстья Neuilly, домъ, обтянутый чернымъ. Здѣсь онъ снова заснулъ и проснулся опять передъ взводомъ кавалеріи, въ концѣ широкой, пустынной улицы. Тогда его охватилъ такой ужасъ, какого онъ никогда прежде не испытывалъ. Цѣлые часы носился онъ въ такомъ полуснѣ, просыпаясь съ обрывками мыслей, сценъ, картинъ, которыя тотчасъ же исчезали. Онъ видѣлъ себя въ объятіяхъ отца, прижимался къ нему, цѣловалъ, рыдалъ, молилъ о прощеніи за что-то и, прощенный, плакалъ опять, умолялъ, обвинялъ себя въ слабости, въ преступленіи; но какъ онъ ни кричалъ, сколько ни валялся у его ногъ, отецъ оставался непреклоненъ. Потомъ это была Анна. Онъ ее отталкивалъ; его пугало мертвенное лицо ея несчастія; притомъ же она не могла его любить—онъ это зналъ; это израненное сердце было слишкомъ полно грусти для того, чтобы онъ могъ найти въ немъ мѣсто. Являлись его друзья. Они вмѣстѣ прогуливались въ лѣсу Монморанси; онъ узналъ мѣсто, гдѣ часто присаживался,—край узкой дороги, ведущей къ площадкѣ, гдѣ брали песокъ. Но и друзья его покинули; онъ ихъ звалъ, но они удалялись, оставляя его одного; онъ хотѣлъ за ними бѣжать, но ноги его приростали къ почвѣ, члены застывали въ окаменѣлой неподвижности. Потомъ онъ очутился въ своей комнатѣ, сидящимъ за письменнымъ столомъ; дверь отворилась, и вошла молодая дѣвушка; она была прекрасна, высока, стройна, немного старше его; это была его сестра, сестра, которой онъ никогда не зналъ, никогда не видалъ и которую, несмотря на это, узнавалъ. Она подошла къ нему, положила руку на его плечо; онъ поднялъ голову, и она поцѣловала его въ лобъ, она сѣла возлѣ него, они взялись за руки, глядя другъ на друга. И онъ раскрылъ ей свои тайныя честолюбивыя мечты, излилъ передъ нею свое переполненное сердце и душу. Онъ ей говорилъ, что наступитъ день, когда онъ будетъ великъ, когда его имя будетъ жить въ потомствѣ. Онъ видѣлъ ее, всю свою судьбу, и представлялъ ее благородной, великой. Его сестра улыбалась, вдумчиво, съ глазами устремленными на это будущее, ко-

торое развертывалось передъ ней во всей своей славѣ. Потомъ, когда онъ кончилъ, она взяла его голову, обняла ее и прижала къ своей груди. И какъ сладка и чиста была эта дѣвственная грудь сестры, гдѣ билось дружеское, любящее сердце!

III.

На другой день, когда онъ вспомнилъ свой сонъ, когда возстановилъ его, Оливье спросилъ себя, дѣйствительно-ли это былъ сонъ, а не точная ясная картина его жизни. Этотъ сонъ не имѣлъ ничего ненормальнаго, онъ его переживалъ, онъ его переживаетъ каждый день. Столько вещей переполняло его сердце, сообщало ему вѣру въ себя, а иногда и приводило его въ такое состояніе нервности и утомленія, что онъ терялъ сознаніе собственнаго существованія.

Въ это утро онъ проснулся страшно разбитый морально и физически. Подѣйствовалъ-ли на него сонъ, такъ тѣсно примыкавшій къ реальнымъ обстоятельствамъ его жизни, охватывавшій ее, точно одежда, или то было естественное слѣдствіе усталости послѣ многихъ дней возбужденія и работы,—только Оливье чувствовалъ себя ни на что негоднымъ. Онъ попробовалъ заснуть опять, но начинавшаяся мигрень заставила его встать.

Отецъ его давно вышелъ изъ дому. Внизу Анна подметала комнаты и стучала дверьми. Небо было сѣрое, холодное.

Рѣшивъ приняться за работу, Оливье сѣлъ за письменный столъ, завернувъ ноги въ толстое одѣяло. Но ему опять вспомнились вчерашнія событія. Къ чему эта работа, къ которой онъ себя принуждалъ? Зачѣмъ всѣ эти книги, записки, бумаги? Нужно дѣйствіе и дѣйствіе. Жизнь на улицѣ, среди народа, рѣчи на перекресткахъ, извѣстность, которую доставляетъ слово, звучащее среди борьбы!..

Наканунѣ онъ, можетъ быть, пришелъ бы въ энтузіазмъ отъ этой мысли, расширилъ бы ее, развилъ. Сегодня она оставляла его холоднымъ! Онъ не могъ ни работать, ни мечтать. Попробовалъ было наэлектризовать себя воспоминаніемъ объ одномъ изъ своихъ героевъ; но и герой оказался трупомъ, котораго онъ не могъ вырвать изъ его могилы. Бываютъ дни, когда душа паритъ при чтеніи какой нибудь страницы, или трепещетъ отъ восторга передъ портикомъ собора; наивная скульптура оживаетъ и будитъ чувство. Но бываютъ и другіе дни: страницы мелькаютъ передъ глазами, бѣлыя, съ безсмысленными черными строками, а изваянія ангеловъ и святыхъ кажутся только мертвымъ камнемъ, старымъ и изъѣденнымъ годами.

Оливье сталъ смотрѣть въ окно, на опустѣлый облетѣвшій садъ, подобный скелету. За нимъ разстилалось однообразное небо, покрытое снѣговыми тучами... Ему захотѣлось движенія,—не поѣхать-ли въ Парижъ? Нѣтъ, онъ предпочиталъ тишину и уединеніе. Онъ одѣлся, вышелъ и, несмотря на холодъ, пошелъ по большой дорогѣ, рѣшивъ сдѣлать длинную прогулку.

А между тѣмъ онъ страдалъ именно отъ одиночества. Сегодня для него былъ день кризиса, одинъ изъ тѣхъ дней, когда надежды лопаются, какъ мыльные пузыри, пускаемые дѣтьми, когда великодушныя стремленія, порывы преданности совершенно замираютъ и уступаютъ мѣсто болѣзненному самоуглубленію. Юноша переставалъ вѣрить. Эти кризисы приводили порой къ слезамъ, за которыя потомъ ему бывало стыдно.

Будетъ-ли онъ имѣть успѣхъ въ жизни? Будетъ-ли когда нибудь удовлетворено его желаніе славы и популярности? Бѣда была въ томъ, что онъ былъ одинъ, и только самъ себѣ могъ отвѣтить «да», въ минуты здоровья и увѣренности. Между тѣмъ, даже вѣру въ себя слишкомъ тяжело носить одному. Ее надо раздѣлять съ кѣмъ нибудь, — тогда она увеличивается и крѣпнетъ.

Съ отцомъ онъ былъ нѣмъ,—отчасти изъ приличія, отчасти потому, что изліяніе молодого человѣка передъ старикомъ было бы самонадѣянностью; наконецъ, онъ боялся насмѣшки или колкаго слова, которое задѣло бы его глубоко.

Вѣрили-ли въ него его друзья? Бывали дни, когда онъ это думалъ.

Товарищи по школѣ группировались около него, хотя онъ былъ изъ нихъ самый младшій, и онъ угадывалъ, что имѣетъ на нихъ нѣкоторое вліяніе. Но ни одинъ изъ нихъ ему въ этомъ не признавался, никто ему не сказалъ: «я вѣрю въ тебя! ты достигнешь цѣли!» Молодость надѣлена въ излишествѣ эгоистическимъ чувствомъ личности. Оливье хотѣлъ бы, чтобы другіе передъ нимъ стушевывались.

Холмистая мѣстность, по которой проходилъ теперь Оливье, обнаженная, грустная, была усѣяна бѣлыми пятнами песчаныхъ раскопокъ, красными крышами виллъ, лиловыми и рыжими пятнами лѣсовъ. Рѣзкій вѣтеръ, порывами, морозилъ лицо. Проходя черезъ Монморанси, онъ замедлилъ шагъ около элегантнаго котэджа, покинутаго на зиму его владѣльцами; домикъ казался одинокимъ и озябшимъ; жалюзи были спущены, стѣнную рѣзьбу поливалъ дождь, засыпалъ мелкій снѣжокъ. Сердце Оливье вдругъ сжалось. Онъ посмотрѣлъ на окно перваго этажа. Прошлымъ лѣтомъ онъ какъ-то увидѣлъ у этого окна молодую дѣвушку; она была слишкомъ далеко, чтобы онъ могъ разсмотрѣть ея черты; это не помѣшало ему, однако, унести

съ собой воспоминаніе о нѣжномъ, свѣтломъ видѣніи, которое преслѣдовало его потомъ весь тотъ вечеръ и всю ночь. На второй день и въ слѣдующіе дни онъ опять проходилъ мимо этого окна; оно бывало то закрыто, то открыто, но въ немъ не было никого. Наконецъ онъ увидѣлъ снова молодую дѣвушку; она была очень хорошенькая, миніатюрная, съ большими голубыми глазами. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ только о ней и думалъ. Каждый день онъ направлялъ свою прогулку въ эту сторону. Онъ шелъ нетерпѣливо, точно въ лихорадкѣ, спрашивая себя—увидитъ онъ ее или нѣтъ. Но какъ только показывался домъ, онъ колебался, былъ готовъ вернуться назадъ; онъ проходилъ пространство, на которомъ его могли замѣтить, съ опущенной головой, быстрой походкой, сконфуженный, говоря себѣ, что больше сюда не вернется. Однажды съ террасы, которая шла вдоль стѣны и которую закрывали липы и акаціи, какой-то голосъ крикнулъ имя, котораго онъ не разслышалъ; изъ глубины сада отвѣчала и потомъ прибѣжала молодая дѣвушка. Онъ могъ узнать ея имя! Онъ былъ далеко, когда съ террасы раздались взрывы звонкаго смѣха. Онъ узналъ всю семью, встрѣчая ее въ окрестностяхъ или видя, какъ она входитъ въ дверь, продѣланную въ стѣнѣ и ведущую на лѣстницу террасы; онъ угадалъ отца въ шумномъ веселомъ толстякѣ, мать въ блѣдной, болѣзненной женщинѣ, брата—въ хорошенькомъ, какъ херувимъ, мальчикѣ съ лицомъ, теряющимся въ массѣ свѣтло бѣлокурыхъ локоновъ, гувернантку—въ лицѣ маленькой шарообразной женщины, съ глазами на выкатѣ и ярко-красными щеками; наконецъ, онъ узналъ въ лицо всю прислугу; только *она* одна оставалась для него тайной. Одинъ разъ, впрочемъ, онъ ее замѣтилъ въ лѣсу; семья сидѣла около той дороги, по которой онъ шелъ; дѣвушка играла въ мячъ съ маленькимъ братомъ; Оливье подумалъ, что его должны знать, видя его проходящимъ мимо каждый день, ему стало страшно, и онъ свернулъ въ чащу. Онъ пересталъ ходить мимо дома, и мало по малу воспоминаніе объ этомъ эпизодѣ погасло.

Въ эту минуту оно неожиданно проснулось, и Оливье въ нѣсколько секундъ пережилъ эти мѣсяцы безпокойства и смутной нѣжности. Бѣлыя, запертыя ставни, казалось, закрывали тайну, которая его когда-то занимала; за ними былъ мракъ покинутаго жилища, и въ этомъ мракѣ воображеніе рисовало ему мебель, всю обстановку, цѣлую рамку, въ которой она жила, смѣялась, говорила, маленькія вещицы, до которыхъ она дотрогивалась и которыя теперь стоятъ именно тамъ, куда она ихъ поставила. Нѣтъ, этотъ домъ не былъ пустъ.

Оливье остановился. На террасѣ садовникъ чинилъ рѣшетку. Этотъ человѣкъ живетъ здѣсь. Нельзя-ли соблазнить его и заставить открыть дверь; не позволитъ-ли онъ молодому чело-

вѣку осмотрѣть паркъ, проникнуть въ домъ, чтобы вдохнуть благоуханье этой комнаты перваго этажа, у окна которой, прищемленная закрытыми ставнями, развѣвалась по вѣтру длинная голубая лента? Садовникъ посмотрѣлъ съ заискивающимъ и предупредительнымъ видомъ подчиненнаго, ожидающаго вопроса. Но, подумавъ, что ошибся, онъ снова принялся за свою работу.

Оливье пошелъ дальше. Онъ дошелъ до рощи, желая отыскать аллею, гдѣ встрѣтилъ молодую дѣвушку; это ему удалось не такъ-то скоро: роща безъ листьевъ, безъ тѣни, сквозная, точно сѣтка огромной паутины, была неузнаваема, въ аллеяхъ не было травы, группы кустарника потеряли свою форму. Наконецъ, ему показалось, что онъ приблизительно нашелъ то мѣсто, гдѣ стояла молодая дѣвушка, играя въ мячъ съ братомъ. Онъ сѣлъ на краю дороги и уставился въ пространство, на которомъ смутно, въ дымкѣ воспоминанія—двигалась, колебалась, отступала, откидывалась назадъ, съ улыбкой на лицѣ и поднятой головой, стройная и гибкая фигура той, которой онъ не зналъ даже имени. Садовникъ могъ бы доставить ему всѣ свѣдѣнія, но онъ предпочелъ не знать ничего.

Его охватилъ холодъ. Вѣтеръ свистѣлъ въ вѣтвяхъ, и подъ его дыханіемъ роща гудѣла, какъ органъ. Онъ всталъ съ застывшими пальцами рукъ и ногъ и дрожью въ спинѣ; должно быть, онъ просидѣлъ долго. Онъ пошелъ тогда очень скоро, почти бѣжалъ, унося съ собой что-то счастливое, похожее на возрожденіе. Ему хотѣлось ѣсть; утромъ онъ почти не ѣлъ, а теперь было далеко за полдень. Недалеко оттуда, на опушкѣ лѣса жилъ кабатчикъ, и, хотя съ Оливье не было денегъ, онъ могъ къ нему зайти, такъ какъ это былъ кліентъ его отца.

Молодой человѣкъ толкнулъ входную дверь со стекломъ, завѣшеннымъ красной занавѣской. Залъ былъ низокъ, черенъ, пустъ. Въ глубинѣ слышались удары молотка, которые потрясали домъ; визжала пила по доскѣ. Оливье позвалъ. Показался хозяинъ съ пилой въ рукѣ, съ заголенными по локоть руками, не смотря на холодъ.

— А, мосье Оливье! Какъ поживаете?

Онъ поставилъ свою пилу и подошелъ къ Оливье съ протянутой рукой.

— Вы видите, — сказалъ онъ, — я чиню курятникъ. Эти проклятые прутья лѣзутъ со всѣхъ сторонъ.

— Найдется у васъ что нибудь съѣстное?

— Все, что вамъ будетъ угодно.

Онъ опустилъ свои рукава.

Оливье спросилъ яичницу, немного копченой ветчины и чашку кофе.

Черезъ минуту вошла дочь кабатчика; она подошла къ мо-

лодому человѣку, улыбающаяся, любезная. Это была увѣсистая дѣвица, здоровая и недурна собой.

— Васъ никогда не видно, мосье Оливье. Впрочемъ, теперь не сезонъ. Ваше здоровье хорошо попрежнему?

— Очень хорошо. А ваше?

— Ба! вы видите...

Она засмѣялась, ея зубы сверкали, грудь трепетала подъ корсажемъ. Она стала накрывать для молодого человѣка столъ, и онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ она суетилась, переходя отъ стола къ буфету, то нагибаясь къ печкѣ, то перетирая стаканы. По поспѣшности, какую она вносила въ свои приготовленія, можно было видѣть, что она рада движенію. Она улыбалась молодому человѣку, обрадованная его посѣщеніемъ въ это зимнее время, когда ей приходилось иногда подать всего двѣ-три рюмки водки въ день какимъ нибудь прохожимъ или бродягамъ сомнительнаго вида. Въ кухнѣ шипѣло масло на маленькой сковородкѣ, гдѣ жарилась яичница.

— Вы такая же хорошенькая зимой, какъ и лѣтомъ,—замѣтилъ Оливье, въ отвѣтъ на ея выразительные взгляды.

Она остановилась на секунду передъ нимъ. Онъ приходился ей по вкусу: она относилась къ нему съ большимъ почтеніемъ, а его черные, горящіе глаза ее волновали. Въ послѣдній разъ, когда онъ былъ здѣсь, она, вытирая столъ, такъ близко придвинула свою щеку къ его губамъ, что Оливье поцѣловалъ ее пачти также инстинктивно, какъ срываютъ плодъ съ вѣтки, наклонившейся надъ тропинкой; она выпрямилась, вся красная, но вовсе не разсердилась.

За нею ухаживали многіе окрестные парни, она слушала ихъ всѣхъ и не отвѣчала ни одному. По воскресеньямъ они сидѣли съ утра до вечера за столиками кабака. Отецъ въ этомъ не видѣлъ ничего дурного: ухаживая за дочерью, они требовали больше изъ буфета.

Оливье не очень то уважалъ этого человѣка, хищнаго, вкрадчиваго, съ фальшивымъ взглядомъ. Еще меньше нравилась ему мать—настоящая мегера, которая иногда вытаскивала пьяныхъ за волосы собственноручно.

Хозяинъ внесъ завтракъ.

— Вы были вчера въ Парижѣ?—спросилъ онъ.

— Да.

— Говорятъ, что тамъ было жарко, э?

И онъ усѣлся противъ молодого человѣка, скрестивъ на столѣ руки, готовый пуститься въ разговоръ. Хотя изъ профессіональной осторожности онъ обыкновенно хранилъ про себя свои политическія мнѣнія, которыя были очень крайни, но съ Оливье онъ не стѣснялся.

Въ это время вошла жена. Она слышала слова мужа и

посмотрѣла на него, наморщивъ брови. Она была еще болѣе осторожна, еще болѣе осмотрительна, чѣмъ онъ. Онъ слегка пожалъ плечами, однако всталъ и взялъ снова свою пилу.

— Дни коротки,—замѣтилъ онъ.—Я возвращаюсь къ своему курятнику... Кстати, докторъ, право, долженъ бы былъ придумать что нибудь, чтобы и меня тоже починить... ревматизмы не даютъ мнѣ покоя все время. Скажите-ка ему, чтобы онъ зашелъ какъ нибудь на дняхъ...

Оливье остался одинъ съ двумя женщинами. Мать у стеклянной двери, приподнявъ занавѣску, смотрѣла на улицу. Дочь, сидя около печки, вязала, вскидывая изрѣдка глаза на молодого человѣка.

— До вечера пойдетъ снѣгъ,—замѣтила кабатчица.

На дворѣ въ самомъ дѣлѣ темнѣло. Вѣтеръ потрясалъ ставни, прикрѣпленныя крючками. Но въ залѣ было тепло. Оливье чувствовалъ теперь, какъ приливъ жизни наполнялъ его сердце. Всѣ его стремленія, всѣ его желанія возвращались снова, онъ прислушивался къ нимъ, продолжая ѣсть, слѣдилъ за ними до ихъ осуществленія, отдаленнаго и смутнаго Будущее открывало передъ нимъ свои двери. Въ немъ загоралось бурное краснорѣчіе. Отчего онъ молчалъ вчера? Отчего не говорилъ? Отчего онъ былъ такъ слабъ? Онъ видѣлъ себя, стоящимъ на камнѣ, выше толпы. Порывъ невѣдомаго вдохновенія диктовалъ ему слова, увлекающія, покоряющія толпу. Толпа апплодировала, поднимала его, толкала впередъ, какъ своего предводителя... Вдругъ онъ вспомнилъ о своихъ восемнадцати годахъ и о своей дѣтской наружности. Гдѣ же видано въ исторіи, чтобы слава приходила къ кому нибудь такъ рано? Ему стало стыдно своихъ мыслей, точно, самъ того не зная, онъ въ нихъ признался кому-то и въ отвѣтъ увидѣлъ улыбку... Да, но позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ... кто знаетъ? Можетъ быть, тогда вспомнитъ онъ это снѣжное послѣобѣденное время, эту длинную прогулку по полямъ и лѣсамъ, этотъ завтракъ въ теплой залѣ, эту толстую дѣвицу, которой онъ, погруженный въ свои мысли, безсознательно улыбался, и которая, принимая это за заигрываніе, отвѣчала ему тѣмъ же.

Онъ кончилъ тѣмъ, что улыбнулся ей сознательно. Она встала, чтобъ подать кофе.

— Лучше вы себя теперь чувствуете, мосье Оливье?—спросила она.—Вотъ ужъ не думала прислуживать вамъ сегодня! Хорошая пришла вамъ мысль. Мы цѣлыми днями не видимъ и кошки, а это не весело. Заходите отъ времени до времени.

— Дѣло въ томъ, что сегодня я далъ себѣ отпускъ.

— Но у васъ каждый день отпускъ. Что вы дѣлаете, когда не ѣдете въ Парижъ?

— Работаю.

— А! надъ чѣмъ? Развѣ вы будете докторомъ, какъ вашъ отецъ?

— Нѣтъ.

— Адвокатомъ?

— Да, прежде всего.

— Прежде всего! А чѣмъ потомъ?

Онъ не зналъ, что отвѣтить, и продолжалъ улыбаться этимъ глазамъ, которые смотрѣли на него, какъ бы вопрошая его будущее.

— Развѣ я знаю!—вскричалъ онъ загадочнымъ тономъ.

Физіономія молодой дѣвушки сдѣлалась серьезна, видно было, что она искала чего-то въ умѣ и не находила.

Оливье вернулся домой бѣлымъ отъ снѣга, но счастливымъ, ободреннымъ, витающимъ въ мірѣ далекомъ отъ дѣйствительности: и онъ не замѣтилъ, что его застывшія руки едва смогли повернуть ручку двери.

IV.

Оливье и его друзья собирались каждую недѣлю въ одномъ изъ кафе бульвара С. Мишель. Въ кварталѣ они получили прозвище Пяти; ихъ было дѣйствительно пять, и они являлись всегда вмѣстѣ.

Мѣсяцъ спустя послѣ похоронъ въ Neuilly они сошлись вечеромъ за однимъ изъ столовъ этого кафе въ большемъ, противъ обычнаго, числѣ, такъ какъ двухъ сопровождали женщины: Перонна, красиваго южанина, и Коломеса, высокаго, стройнаго, элегантнаго молодого человѣка, съ лицомъ освѣщеннымъ вѣчной наклонностью къ смѣху. Обѣ женщины, одинаковаго роста, одинаково одѣтыя, хотя совершенно не похожія другъ на друга, называли себя сестрами.

Общее возбужденіе оживляло кафе и въ немъ стоялъ шумъ. Говорили о вчерашнихъ событіяхъ: о депутатѣ, выхваченномъ полиціей хитростью изъ среды своихъ, о новой неудавшейся попыткѣ возстанія, о раненыхъ, убитыхъ, о многочисленныхъ арестахъ.

Оливье, много говорившій, замолчалъ. Сожалѣніе о томъ, что онъ вчера не былъ въ Парижѣ, тяготило его, какъ угрызеніе совѣсти.

Четвертый изъ ихъ компаніи заговорилъ, обращаясь къ нему:

— Груша еще не дозрѣла, она дозрѣваетъ. Развѣ вотъ война...

Онъ остановился, погрузившись въ размышленія о пер-

спективѣ войны, о возможномъ ея исходѣ и логическихъ слѣдствіяхъ этого національнаго потрясенія.

Его звали Денюнкомъ. Это былъ книгоѣдъ, человѣкъ метода, доктринеръ. Онъ говорилъ мало, зналъ много, прилежно читалъ газеты. Въ политикѣ онъ признавалъ фатальность хода вещей, необходимо ведущихъ къ республикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ рѣшительный и твердый, съ душой такой же прочной, какъ и тѣло, но врагъ безплодныхъ несвоевременныхъ насилій.

Онъ замолчалъ, сохраняя спокойное, освѣщенное мыслью, выраженіе лица.

Пятый былъ большой, высокій дѣтина лѣтъ около сорока, съ огромной лысой головой, съ важнымъ внушительнымъ лицомъ, краснымъ отъ пьянства.

Опершись на столъ и приложивъ руки къ щекамъ, онъ смотрѣлъ неопредѣленнымъ взлядомъ сквозь клубы табачнаго дыма отъ трубокъ и папиросъ.

Перонна и Коломесъ разговаривали съ двумя женщинами. Они ихъ дразнили, отрицая ихъ родство и ловя противорѣчія въ исторіяхъ, которыя онѣ разсказывали. Перонна, холодно невозмутимый въ своей красотѣ, которую улыбка могла бы только испортить, выводилъ ихъ изъ себя, задѣвая ихъ тщеславіе. Но онъ сдерживалъ ихъ перспективой ужина вчетверомъ.

Коломесъ смѣялся открыто, какъ настоящій мальчишка. Это былъ большой другъ Оливье. Ихъ отцы знали и любили другъ друга. Отецъ Коломеса умеръ въ ссылкѣ. Сынъ жилъ съ матерью, теперь пожилой и болѣзненной женщиной. Она была на хорошемъ счету у консервативной партіи, къ которой принадлежала по рожденію, а также и у партіи оппозиціи за преданность и нѣжныя заботы, которыми она окружила стараго изгнанника въ его послѣдніе годы. Она постаралась дать своему сыну воспитаніе настоящаго свѣтскаго человѣка. Потихоньку, терпѣливо, какъ мать, которая позволяетъ своему ребенку рѣзвиться, черезъ минуту зоветъ его, чтобы поправить сбившійся воротникъ или растрепавшіеся волосы,—она притупила рѣзкость его первыхъ революціонныхъ стремленій. Она внушила ему нелюбовь ко всему, отзывающемуся плохимъ воспитаніемъ. Онъ уступилъ незамѣтно и вылился въ форму, которую ему навязали. Онъ глубоко уважалъ свою мать; она была его путеводителемъ, и онъ чувствовалъ, что безъ нея онъ никогда ничего не достигнетъ.

Дверь кафе съ шумомъ отворилась. Показалось трое или четверо молодыхъ людей съ лицами, раскраснѣвшимися отъ холода, и многіе обернулись при ихъ входѣ.

— Въ Бельвиллѣ и въ фобургѣ Тампля стоятъ баррика-

ды! — сказалъ громко одинъ изъ нихъ. — На этотъ разъ дѣло будетъ горячее.

Водворилось глубокое молчаніе. Всѣ стали прислушиваться, ожидая услышать отдаленную перестрѣлку, грохотъ пушекъ. Но гремѣли только кареты среди холодной сырой ночи.

Оливье поблѣднѣлъ. Только что онъ жалѣлъ, что не участвовалъ во вчерашней схваткѣ; онъ представлялъ ее себѣ, съ убитыми и ранеными, какъ представляешь вещи, которыхъ никогда не видалъ и никогда не увидишь. Но вотъ стычка возобновляется, возстаніе разгорается, подобно зловѣщему пламени пожара среди ночи. А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что пойдетъ. Зачѣмъ? Что его побуждаетъ идти? Онъ не зналъ,—но что за дѣло! Что онъ будетъ дѣлать въ этой сумятицѣ борьбы, ощупью, во тьмѣ? Первая пуля можетъ быть назначена ему... Черезъ часъ онъ можетъ быть будетъ мертвъ... Мертвъ! Это значитъ, что его глаза не будутъ больше видѣть, его тѣло не будетъ чувствовать, какъ его будутъ топтать... то, что онъ есть теперь, перестанетъ быть... онъ будетъ ничѣмъ!.. А ему восемнадцать лѣтъ, онъ вѣритъ въ себя. Всѣ его надежды, всѣ его честолюбивые планы, всѣ его мечты о славѣ можетъ разрушить слѣпая пуля, пущенная на удачу въ потьмахъ...

— Надо идти туда,—проговорилъ онъ.

Перонна посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Зачѣмъ?

— Это можетъ быть забавно!—вскричалъ Коломесъ, котораго шумъ вообще привлекалъ.—Мы увидимъ смѣшныя головы...

— Не считая того, что намъ могутъ прострѣлить наши, что уже менѣе забавно, — сказалъ Перонна.—Кто же ходитъ на свалки, организованныя полиціей?..

Оливье овладѣлъ собою, стыдясь своей минутной слабости. Замѣчаніе Перонна казалось ему основательнымъ, но послушаться его значило бы поддаться чувству страха, которое въ немъ еще оставалось. Тутъ было замѣшано его самолюбіе. Потомъ, ироническій тонъ Перонна его шокировалъ. Въ сущности онъ не любилъ этого маленькаго болтуна съ его горячимъ краснорѣчіемъ, разсудительной головой и холоднымъ сердцемъ; онъ его презиралъ. Вѣчно онъ шелъ наперекоръ его проектамъ, окачивалъ холодной водой его увлеченія, смѣялся надъ его энтузіазмомъ. Въ этой маленькой войнѣ оттѣнковъ и недомолвокъ онъ угадывалъ зависть.

— Къ тому же,—прибавилъ Перонна,—сегодня вечеромъ я женатъ. Первая ночь... Ты не знаешь, что это такое, ты, который такъ же чистъ, какъ Ипполитъ...

Оливье слегка покраснѣлъ. Эта шутка, которою преслѣдовалъ его товарищъ, выводила его изъ себя.

Коломесъ поспѣшилъ вмѣшаться.

— Мы возьмемъ съ собою нашихъ женъ.

— Ну нѣтъ!—вскричали тѣ.

— Вотъ видишь, мой милый... — заключилъ Перонна съ жестомъ, означавшимъ, что вопросъ рѣшенъ. И онъ прибавилъ, пожимая плечами:—Къ тому же тамъ вѣроятно только и будетъ, что всякій сбродъ, который глупѣйшимъ образомъ идетъ затѣмъ, чтобы ему влетѣло, тогда какъ всѣмъ имъ такъ хорошо было бы въ ихъ постеляхъ... Вчера они разграбили одинъ театръ, унесли разныя бутафорскія вещи. Хороши мы были бы съ саблями изъ жести, съ ружьями временъ первой имперіи, даже безъ кремней?.. А вотъ развѣ ты станешь во главѣ движенія... Если бы народъ провозгласилъ тебя въ эту ночь диктаторомъ,—ну, тогда я не говорю... Но увѣренъ ли ты въ успѣхѣ?

— Дѣло не въ шуткахъ. Не трудно подмѣтить смѣшныя стороны у тѣхъ, кто идетъ рисковать своей головой, что, впрочемъ, не въ твоемъ вкусѣ...

Перонна перебилъ:

— Ну такъ слушай мудрость націй. Лазарюсъ, говори!— И онъ хлопнулъ по плечу рабочаго.—Ты то идешь туда?

Лазарюсъ не измѣнилъ своей позы, сидя по прежнему съ головой, опущенной на руки, и глазами, устремленными въ пространство. Онъ не раскрылъ рта, только комически вытянулъ свои толстыя, красныя губы,—причемъ его усы и борода поднялись щеткой, — и молчаливо покачалъ головою съ видомъ великолѣпнаго презрѣнія.

Заговорилъ Денюнкъ.

— Слушай, Датанъ,—лучше не ходить, право! Посмотри кругомъ, развѣ кто либо двинулся? Всѣ болтаютъ, какъ всегда, а завтра мы узнаемъ все изъ газетъ.

Оливье подскочилъ отъ нетерпѣнія.

— Вы боитесь, чортъ побери! Неумѣстно разсуждать въ виду опасности—смѣшно это или нѣтъ. Надо идти туда. Легче, разумѣется, придти послѣ побѣды...

Онъ понялъ, что становится смѣшонъ. Ему показалось, что онъ чувствуетъ дуновеніе ужаса. Но онъ продолжалъ, возвышая голосъ, равнодушный къ нелѣпостямъ, какія могли у него вырваться:

— Вы трусы!..

Вдругъ сзади раздался женскій голосъ:

— Что-же это, скоро ли уложатъ спать этого ребенка?.. Ему уже должно быть пора... Гарсонъ! позови сюда няньку!.. и поскорѣе!

Онъ вскочилъ и обернулся. Его искаженное, блѣдное лицо, поднявшееся надъ головами, казалось дѣйствительно лицомъ подростка.

— —

Другая женщина, развалившаяся на диванѣ, вскричала:

— Браво, малышъ! Ты правъ, они всѣ—тряпки!..

При словѣ «трусы», ироническая улыбка исчезла съ лица Перонна, и оно приняло злое выраженіе.

— Не сходишь-ли ты съ ума?—спросилъ Коломесъ.

Оливье схватилъ свою шляпу и хотѣлъ уходить, не прибавивъ ни слова. Коломесъ остановилъ его за руку.

— Нѣтъ, серьезно—ты идешь туда?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я иду съ тобой... Мы идемъ всѣ... не правда-ли?

— Чортъ побери!

Они всѣ встали, за исключеніемъ Лазарюса, остававшагося неподвижнымъ, какъ статуя Размышленія.

Какъ! они идутъ съ нимъ! Оливье сначала не понялъ этой перемѣны фронта. Онъ ихъ оскорблялъ, а они идутъ, просто, весело. Мысль, что они лучше его, его умилила. Ему хотѣлось броситься имъ на шею. Ни одинъ изъ нихъ не трусилъ, а онъ...

Лазарюсъ не трогался съ мѣста. На послѣдній окликъ друзей послышался его глубокій, медленный басъ:

— А я остаюсь беречь сераль.

Потомъ вдругъ, какъ бы рѣшившись, онъ вскочилъ и побѣжалъ за ними черезъ кафе, вооруженный женскимъ зонтикомъ, которымъ онъ размахивалъ, какъ саблей.

Его привѣтствовали криками:

— Да здравствуетъ Лазарюсъ!

Въ дверяхъ онъ нагналъ Перонна.

— Дай мнѣ пять франковъ,—сказалъ онъ ему на ухо.— Мы на нихъ выпьемъ, ожидая васъ.

Онъ быстро засунулъ большую бѣлую монету въ карманъ и съ зонтикомъ подъ мышкой вернулся къ женщинамъ. Втиснувшись между ними и обхвативъ ихъ обѣихъ за таліи, онъ принялся нашептывать имъ на ухо отборнѣйшіе мадригалы.

На улицѣ Оливье съ поспѣшностью схватилъ подъ руки Коломеса и Денюнка. Ему было немного стыдно, и онъ ихъ очень любилъ въ эту минуту. Захотѣлось ему также помириться съ Перонна.

— Слушай-ка, Перонна, а вѣдь вы, пожалуй, неосторожно поступили, что поручили своихъ дамъ Лазарюсу?

— Ему!.. О, это сама честность!.. Однажды я ему поручилъ стеречь женщину, которой не довѣрялъ... Ну, такъ онъ уложилъ ее въ постель, заперъ дверь на ключъ, положилъ ключъ въ карманъ, а самъ усѣлся на стулѣ около постели; такъ онъ провелъ всю ночь, и я увѣренъ, что не по милости той женщины.

— Какой типъ!

— Да, въ своемъ родѣ онъ благороденъ; у него есть своя нравственность, которую онъ не преступитъ. Единственное зло, которое онъ ненавидитъ, это — лицемѣріе. Онъ говоритъ все, показываетъ свою душу до самаго ея дна. Этимъ цинизмомъ онъ какъ бы отпускаетъ себѣ свои грѣхи. У него нѣтъ ни одного су, онъ не работаетъ, что не мѣшаетъ ему чувствовать голодъ, жажду и пустоту въ трубкѣ. А вѣдь и ему нужно ѣсть, пить, курить... Это неоспоримо... Отчего же онъ не работаетъ? Потому, говоритъ онъ, что считаетъ унизительнымъ для себя наниматься, продаваться... Отдавать часть себя за золото, вымѣниваться на кусокъ хлѣба—это безчестье.

— Хотѣлъ бы я знать, — замѣтилъ Коломесъ, — до какой степени онъ искрененъ въ своихъ теоріяхъ...

Денюнкъ не любилъ Лазарюса. Честный, работящій, созданный для общества, какъ оно есть, чтобы въ немъ жить и пробивать себѣ дорогу работой и настойчивостью, безъ возмущеній, безъ парадоксовъ... — онъ отказывался видѣть въ этой богемѣ, низкой и ничтожной, привлекательныя стороны, которыя открывали его друзья.

Перонна продолжалъ:

— Плутъ или нѣтъ, онъ хорошъ своей беззаботностью, своей флегматичностью. Онъ никогда не сомнѣвался въ своемъ завтракѣ и всегда завтракалъ въ продолженіи сорока лѣтъ. Все у него есть... Онъ умретъ, какъ богатый буржуа, окруженный цѣлымъ лѣсомъ пузырьковъ изъ аптеки и сидѣлками... Онъ напишетъ завѣщаніе... онъ, у котораго никогда не было портъ-монэ! Я съ нимъ вожусь, какъ съ курьезнымъ животнымъ... Онъ меня забавляетъ...

Эти послѣднія слова освѣщали одну сторону характера Перонна. Ему нравилось соприкасаться съ порокомъ, смотрѣть на него, даже поощрять; хотя онъ дотрогивался до него щипцами, онъ чувствовалъ всетаки потребнось рыться въ немъ, перевертывать его на всѣ стороны. Оливье это понялъ въ первый разъ. Онъ уже зналъ, что Перонна былъ жаденъ до денегъ, склоненъ къ роскоши и не всегда совѣстливъ... «Какая, однако, пропасть насъ раздѣляетъ», —думалъ онъ.

Они перестали разговаривать; толпа росла; мостовая, свободная отъ каретъ, наполнялась народомъ; сборища на углахъ улицъ преграждали путь. На ходу они схватывали обрывки фразъ, которые имъ мало объясняли. Въ концѣ улицы открывалась площадь Шато—д'О. Вдали они увидѣли казарму, высокую, сѣрую, съ черными дырами оконъ. Но кругомъ все казалось спокойнымъ. Люди, которые ихъ окружали, имѣли такой видъ, точно они вышли подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ обѣда.

Они съ трудомъ протискались черезъ толпу и вышли на площадь. Она была пустынна и казалась огромной при блѣдномъ дрожащемъ свѣтѣ газовыхъ рожковъ. Въ глубинѣ блестѣлъ длинный рядъ касокъ конной муниципальной гвардіи, а на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого стояли мрачные, неподвижные отряды полицейскихъ. Пройти не было возможности. Въ эту минуту одинъ изъ этихъ отрядовъ плотной массой, держа головы впередъ и локти прижавъ къ тѣлу, двинулся въ ихъ сторону. Въ толпѣ произошло рѣзкое движеніе назадъ, потомъ впередъ, и Оливье вдругъ, какъ пробка изъ бутылки шампанскаго, былъ выброшенъ изъ толпы и очутился среди городовыхъ. Съ нимъ были и другіе.

Все это произошло въ одну секунду. Гдѣ были его друзья? Какъ онъ очутился здѣсь, среди этой бойни? Его сейчасъ убьютъ этимъ отвратительнымъ полицейскимъ оружіемъ, видъ котораго вызывалъ представленіе о темныхъ бандахъ злоумышленниковъ. Его охватилъ порывъ мужества и возмущенія. Онъ ничего не видѣлъ, кромѣ движенія кастетовъ, и рѣшилъ бравировать постыдную смерть, которой ему грозили. Онъ крикнулъ изо всѣхъ силъ:

— Убійцы! убійцы!

Огромная тѣнь бросилась на него, и онъ увидѣлъ блескъ обнаженной пики. Она его задѣла, и въ это время онъ почувствовалъ, что рядомъ съ нимъ кто-то падаетъ.

— Мама, мама,—рыдалъ рядомъ неизвѣстный голосъ.

И вдругъ Оливье увидѣлъ, что вокругъ него нѣтъ больше агентовъ. Народъ бѣжалъ. Онъ тоже бѣжалъ, долго, долго. Онъ не слышалъ ничего, онъ не задыхался и бѣжалъ такъ скоро, что не могъ бы открыть рта. Вокругъ него выскакивали, потомъ тонули во мракѣ ночи странныя фигуры, подобныя фантасмогоріямъ кошмара. Оставалась у него одна только отчетливая мысль—мысль о несчастномъ, проколотомъ пикой, упавшемъ на площади. Со всѣхъ сторонъ, въ каждую улицу свертывали и исчезали люди,—точно хлынувшій внезапно потокъ разлился по долинѣ,

Оливье остановился. Въ узкомъ и сыромъ пассажѣ, кромѣ него, казалось, не было ни души. Въ глубинѣ свѣтилъ фонарь, готовый погаснуть.

— Вы оттуда?—раздался вдругъ суровый голосъ.

— Да.

— Идите за мной, а то насъ сейчасъ арестуютъ.

Онъ послѣдовалъ за человѣкомъ, который, пройдя шаговъ десять, свернулъ въ узкій проходъ одного дома. Здѣсь было темно, какъ въ погребѣ. Чтобы не наткнуться на что нибудь, Оливье вытянулъ руки; онѣ встрѣчали холодныя стѣны, отшлифованныя треніемъ плечъ. Человѣкъ шелъ впереди, молча.

Онъ слѣдовалъ за нимъ, руководясь стукомъ его башмаковъ; скоро онъ услышалъ, какъ тотъ споткнулся и потомъ сталъ всходить по лѣстницѣ; съ трудомъ нащупавъ желѣзныя перила, Оливье сталъ подниматься за нимъ. Перила были липки, какъ бы смочены жирной водой; ступени въ дырахъ; ноги наступали на что-то мягкое, скользили по всякаго рода отбросамъ. Въ воздухѣ стоялъ странный запахъ бѣдности и гнили; кухонныя міазмы парили въ этомъ мракѣ. Была минута, когда Оливье хотѣлъ бѣжать отсюда, вырваться на свѣжій воздухъ. Онъ поднимался, но ему казалось, что онъ опускается, углубляется подъ землю въ какую-то дыру, изъ которой больше не выйдетъ. Наконецъ, человѣкъ остановился; щелкнулъ ключъ. Оливье, неподвижный, съ сильно бьющимся сердцемъ, ждалъ. Гдѣ-то близко отъ него вспыхнула спичка, потомъ свѣчка.

— Входите,—скомандовалъ голосъ.

Онъ вошелъ въ маленькую коморку съ покатыми стѣнами, съ окномъ въ потолкѣ, безцвѣтными изорванными обоями, висѣвшими въ видѣ замасленыхъ клочковъ, покрытыхъ огромными пятнами. Въ углу, на каменномъ полу, валялся соломенный матрацъ съ торчавшей отовсюду соломой; на немъ лежали вперемежку одѣяло, платье, башмаки, перинка, кое-какіе инструменты; съ другой стороны—столъ, на которомъ стояла кружка съ отбитымъ краемъ, стулъ и скамья.

— Вы съ баррикады?—спросилъ рабочій.

— Съ баррикады?.. нѣтъ...

Рабочій посмотрѣлъ на него внимательно, недовѣрчиво и враждебно. Онъ старался опредѣлить его. Наружность Оливье его удивляла. Внизу, въ потьмахъ, онъ видѣлъ въ немъ только преслѣдуемаго бунтовщика; теперь же, при свѣтѣ огарка, онъ узнавалъ въ немъ буржуа. Это тонкое лицо, эта одежда, эти покраснѣвшія отъ холода, но нѣжныя руки сбивали его съ толку.

— Гдѣ же вы были?

— На площади... Я только что подошелъ... и очутился въ свалкѣ... Я, право, ужъ и не знаю, какъ мнѣ удалось вырваться...

— Полиція!.. Ахъ, разбойники! Мы тоже побили нѣсколькихъ изъ нихъ... Вы, значитъ, гуляли! Лучше бы вамъ сидѣть дома...

— Я пришелъ драться... Я думалъ найти баррикады, оружіе...

— Вы занимаетесь коммерціей? Прикащикъ?

— Нѣтъ, студентъ.

— А!..

Они смотрѣли другъ на друга, молча. Человѣкъ размышлялъ. Раскаивался-ли онъ въ своемъ гостепріимствѣ, предложенномъ въ потьмахъ неизвѣстно кому? Старался-ли онъ угадать, кто

былъ этотъ молодой человѣкъ, слишкомъ молодой для того, чтобы быть серьезнымъ врагомъ, и слишкомъ хорошо одѣтый для того, чтобы принадлежать къ его партіи? О чемъ думалъ онъ? Его худое, костлявое лицо со слѣдами угольной пыли и огня, было кирпичнаго цвѣта тамъ, гдѣ не было черно; глубоко запавшіе глаза смотрѣли злобно; изъ-подъ фуражки, сдвинутой на затылокъ, виднѣлся лобъ бѣлый, какъ слоновая кость, и говорившій объ умѣ.

Оливье слѣдилъ съ безпокойствомъ. Въ эту минуту въ окно этой комнаты, похожей на «табакерку», донесся съ улицы топотъ кавалеріи: отрядъ проѣхалъ по сосѣдней улицѣ шагомъ; слышенъ былъ стукъ подковъ о мостовую и бряцаніе сабель въ ножнахъ.

Рабочій повернулъ голову, чтобы лучше слышать. Оливье увидѣлъ тогда его щеку, оставшуюся до сихъ поръ въ пыли: она была покрыта запекшейся кровью.

Тишина скоро возстановилась. Тогда рабочій открылъ шкафъ, вдѣланный въ стѣнѣ въ уровень съ крышей.

— Голодны вы? Хотите ѣсть?—спросилъ онъ тономъ человѣка, только что принявшаго опредѣленное рѣшеніе.

И онъ вынулъ изъ шкафа хлѣбъ и наполовину опорожненный литръ вина.

Оливье колебался,—ему не хотѣлось ѣсть, но, подъ взглядомъ своего хозяина, взглядомъ, который снова становился страннымъ, онъ поспѣшно согласился и сталъ жевать кусокъ хлѣба, отрѣзанный ему рабочимъ.

Хозяинъ, видимо, былъ голоденъ,—его бѣлые, острые зубы перетирали хлѣбную корку, точно жернова. Согнувшись надъ столомъ, погруженный въ свои мысли, съ глазами, уставленными въ одну точку, онъ, казалось, забылъ о присутствіи посторонняго.

Оливье его наблюдалъ. Эта голова была полна мысли и выраженія, она освѣщалась мыслью, какъ фасадъ дома освѣщается невидными огнями; она выражала ненависть, злобу, слѣпую ярость, готовую разразиться противъ всего.—Это былъ представитель другого міра, «человѣкъ въ блузѣ».

Есть вещи, которыя чувствуются безъ словъ. Оливье чувствовалъ, что рабочій его ненавидѣлъ столько же, сколько полицейскаго или солдата, что для этого человѣка онъ представляетъ собою ненавистную буржуазію. Онъ хотѣлъ бы съ нимъ поговорить, разспросить его, сказать ему, что онъ чувствуетъ симпатію къ обездоленнымъ, что онъ смотритъ на него, какъ на брата. Но онъ боялся новой ошибки: его слова могли быть дурно истолкованы, его убѣжденія приняты за месть; ему не повѣрятъ, можетъ быть и того хуже. И въ самомъ дѣлѣ, еслибъ онъ заговорилъ, то въ томъ состояніи растерянности,

въ какомъ онъ находился, голосъ его могъ подать поводъ заключить о двоедушіи, котораго въ дѣйствительности не было.

Рабочій отпилъ прямо изъ литра и протянулъ его Оливье. Тотъ тоже выпилъ, чтобы легче проглотить хлѣбъ, который застрялъ у него въ горлѣ.

— Теперь будемъ спать... Завтра утромъ вы уйдете... Мѣста хватитъ на двоихъ на тюфякѣ.

— Благодарю,—меня не клонитъ ко сну, я не буду спать. Я посижу на этомъ стулѣ...

Рабочій посмотрѣлъ на него, пожалъ плечами, потомъ, ставъ на колѣни, привелъ въ нѣкоторый порядокъ свою постель; растянулся на ней, завернулся въ одѣяло и платье, взмахомъ ноги сбросилъ башмаки, которые ударились въ дверь, и повернулся къ стѣнѣ. Но тотчасъ же онъ снова выпрямился, вытащилъ изъ кармана револьверъ, который стѣснялъ его, и опять улегся.

Оливье остался еще болѣе одинокимъ возлѣ этого, уже спящаго, человѣка. Въ домѣ царствовала глубокая тишина, въ кварталѣ тоже. Какой это кварталъ? этотъ домъ? эта комната, этотъ рабочій? Опасаться было рѣшительно нечего, но пребываніе въ этомъ домѣ производило на него впечатлѣніе, какое испытывалъ бы воздухоплаватель, нечаянно попавшій въ среду народа, съ нравами и языкомъ котораго онъ не знакомъ. Тысячи лье отдѣляли его отъ того уголка земли, гдѣ онъ выросъ. Онъ вспомнилъ другого неизвѣстнаго, того, что упалъ на площади раненый пикой, можетъ быть, на смерть. «Мама! мама!»—кричалъ онъ, падая. А его друзья? Перонна и Коломесъ ужинаютъ со своими женщинами; Лазарюсъ тоже съ ними; Денюнкъ спитъ или работаетъ... А его отецъ? Онъ въ лихорадкѣ и безпокойствѣ бодрствуетъ въ Грослэ... Потомъ ему вспомнилась эта толпа, эти лица ротозѣевъ, отъ которыхъ несло такой блаженной глупостью, этихъ простаковъ, изъ которыхъ многіе возвращались домой искалѣченными, съ разбитыми членами, все это любопытное мирное стадо, которое пришло переваривать свой обѣдъ, глядя на то, какъ убиваютъ людей...

Это одна сторона, другая—этотъ человѣкъ, храпящій на соломѣ и пожираемый паразитами.

Ночью все увеличивающійся холодъ сталъ пронизывать Оливье. Онъ не смѣлъ ходить по комнатѣ изъ боязни разбудить рабочаго.

Его умъ колебался, какъ пламя лампы, готовой погаснуть. И по мѣрѣ того, какъ его мысли путались, какъ онъ терялъ сознаніе дѣйствительности и какъ событія вечера путались въ хаосѣ сна, онъ чувствовалъ, что къ его душѣ возвращаются ея силы, что его *я* возрождается. И вдругъ, точно онъ лежалъ

въ своей кровати, его голова упала на руку, и онъ заснулъ, повалившись на столъ.

V.

Съ тѣхъ поръ прошло не болѣе десяти мѣсяцевъ. Стоитъ зима, жестокая, ужасная, убійственная. Всѣ здоровые парижане «костюмированы»; они одѣты въ форму, у нихъ ружья всевозможныхъ моделей и черныя кепи съ красными околышами; на площадяхъ, на бульварахъ, въ вокзалахъ идетъ ученье; въ рядахъ можно видѣть дѣтей, стариковъ. Женщины дрожатъ и плачутъ отъ голода: пища выдается въ ограниченныхъ размѣрахъ. Вечеромъ улицы темны: нѣтъ больше газа! Вдали грохочутъ пушки. Всѣ ворота города были баррикадированы. Каждое утро съ укрѣпленій несутъ на носилкахъ національныхъ гвардейцевъ, отморозившихъ себѣ за ночь ноги. За укрѣпленіями города до крѣпостей стоятъ войска, размѣщающіяся въ палаткахъ, баракахъ, покинутыхъ домахъ. Дальше, за крѣпостями большое, пустое, вѣрнѣе опустошенное пространство; еще дальше тишина этой пустыни смѣняется странными хриплыми звуками голосовъ; появляются незнакомыя лица, формы; мы больше не во Франціи. Вездѣ на высотахъ, въ ущельяхъ— сторожа, желѣзныя дороги, рѣки, проселки, вездѣ—Нѣмцы. Они пришли сюда шагъ за шагомъ, тяжело, увѣренно, подъ давленіемъ роковой силы, подобно широкой волнѣ какого нибудь наводненія. Они ждутъ, чтобы Парижъ умеръ или сдался. За ними еще—милліонъ побѣдоносныхъ Нѣмцевъ... Дальше къ востоку долины—кладбища, кишащія трупами, которые точатъ черви, и деревни, имена которыхъ наканунѣ были неизвѣстны, а теперь означаютъ пораженіе за пораженіемъ. Еще дальше, гораздо дальше,—цѣлая армія, разсѣянная, ободранная, почти не побѣжденная, но все же въ плѣну!.. Она, эта армія, спрашиваетъ себя: правда-ли все это?

21-го декабря, въ четыре часа утра, на дворѣ стоитъ еще ночь, но уже масса людей толчется на мѣстѣ, на одномъ изъ внѣшнихъ бульваровъ. Всѣ дрожатъ отъ нестерпимаго холода, который кусаетъ и терзаетъ тѣло сквозь трико и сукно, которыя кажутся легче полотна. Изъ этой группы раздаются голоса, клятва, стукъ ружейныхъ прикладовъ о мерзлую землю, бряцаніе жестяной кухонной посуды,—всѣ звуки полка въ походной амуниціи, собравшагося въ путь. Въ этомъ мракѣ слышатся также — говоръ женщинъ, звуки громкихъ поцѣлуевъ, ласкательныя имена, повторяемыя голосомъ, сдавленнымъ отъ слезъ, восклицанія, отъ которыхъ поворачивается сердце и дрожь пробѣгаетъ по спинѣ. Солдатамъ раздаютъ послѣдніе заряды.

Вдругъ раздается приказъ: «Становиться въ ряды!»

Удручающее молчаніе смѣняется шумомъ. Толпа національныхъ гвардейцевъ разбивается и строится въ два ряда. Всѣ солдаты уже получили заряды. Сейчасъ двинутся. Командиръ верхомъ медленно проѣзжаетъ передъ фронтомъ войска, сдерживая лошадь, которая ржетъ и фыркаетъ. Провожающіе солдатъ отстраняются, тоже молча; они выбились изъ силъ...

Съ правой стороны батальона два человѣка еще стоятъ, обнявшись; одинъ изъ нихъ съ длинными сѣдыми волосами, выбивающимися изъ подъ кепи военнаго доктора, не можетъ оторваться отъ груди, которую онъ прижимаетъ къ своей.

— Мой сынъ, мое дитя... Оливье...

— Прощай, папа.

Бой барабана отрываетъ ихъ другъ отъ друга. Движеніе такъ стремительно, что они точно отталкиваются, отбрасываются одинъ отъ другого навсегда.

Старикъ отступилъ на нѣсколько шаговъ.—Кончено! Онъ обнялъ своего сына, можетъ быть, въ послѣдній разъ! Война, ужасная война, людская бойня ждетъ его дитя, сторожитъ его на исходѣ этой холодной зловѣщей ночи. Она сторожитъ ихъ всѣхъ; эта длинная нить человѣческихъ существъ, лицъ, которыхъ онъ не различаетъ, будетъ разорвана пушечными ядрами; еще до слѣдующей ночи многихъ несчастныхъ ждетъ мучительная смерть; еще сегодня днемъ будутъ раздирающіе крики страданія, будетъ кровь, трупы, вдовы, сироты, бѣдные старики, для которыхъ не останется ничего, кромѣ страшнаго, мучительнаго вопроса: какъ онъ умеръ? сильно-ли онъ страдалъ?

И, поднявъ руки, онъ охватываетъ всѣхъ этихъ незнакомцевъ однимъ порывомъ нѣжности и любви.

— Бѣдныя дѣти! бѣдныя дѣти!—шепчетъ онъ сквозь рыданія.

Во мракѣ подымается другой голосъ, голосъ безъ тембра, почти безъ звука, какъ бы выходящій изъ продырявленнаго горла. Однако онъ слышенъ всѣмъ.

— Батальонъ... правымъ флангомъ... впередъ... маршъ!

Играютъ трубы, бьютъ барабаны, и колонна двигается. Она скользитъ среди этого грохота, какъ змѣя, уменьшается, исчезаетъ, сливается съ ночью. Но, хотя она уже далеко, гуденіе трубъ и громы барабановъ все еще слышны. А это все же жизнь, все же продолженіе прощанія, которое даетъ иллюзію надежды. Тѣ, которые остались, стоятъ съ сухими глазами, съ замирающимъ сердцемъ и слушаютъ; они вернутся домой только тогда, когда затихнутъ послѣдніе отголоски.

Во главѣ идетъ Оливье—капралъ въ этомъ недавно сформированномъ батальонѣ. Мѣдныя трубы его оглушаютъ, ранецъ

давитъ плечи, точно гора, ремни душатъ. Онъ чувствуетъ себя больнымъ. Уже два дня, какъ онъ испытываетъ какое-то неопредѣленное недомоганье, безпричинную усталость. Записаться больнымъ въ день выступленія, перваго выступленія, было невозможно. Онъ скрылъ свое нездоровье, и онъ идетъ. Онъ идетъ, отуманенный головокруженіемъ, съ пылающей головой, не смотря на холодъ. Его ноги шагаютъ, ступая на угадъ въ темнотѣ, и минутами ему кажется, что онъ падаетъ въ пустоту.

Однако онъ борется, хочетъ побѣдить свою болѣзнь. Упасть, подобно инвалиду,—какой стыдъ! Это одно—чего онъ боится въ данную минуту. Въ теченіе двухъ дней его состояніе все ухудшалось; онъ не ѣстъ, не спитъ. О! пусть бы онъ свалился только вечеромъ, послѣ того, какъ побываетъ въ огнѣ.

Вдругъ колонна останавливается, потомъ, черезъ нѣсколько минутъ двигается снова; потомъ опять останавливается и опять двигается. Такъ идутъ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ во мракѣ, который не разсѣивается.

Оливье думаетъ, что онъ сейчасъ будетъ драться, что онъ перестаетъ быть безполезнымъ, что, можетъ быть, это—побѣда, конецъ несчастіямъ, конецъ кошмару постоянныхъ бѣдствій. Уже мѣсяцъ какъ онъ живетъ въ этомъ кошмарѣ: эта война, разразившаяся такъ внезапно, эти пораженія, слѣдующія одно за другимъ, это нашествіе непріятеля, имперія опрокинутая, сметенная, точно перышко однимъ дуновеніемъ, новое правительство, уже наполовину общественное, поднимающее обломки зазубренной шпаги, Парижъ въ плѣну, запертый, оторванный отъ міра,—и все это въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, почти нѣсколькихъ дней!—Давно бы ужъ Оливье былъ на мѣстѣ битвы въ качествѣ линейца или вольнаго стрѣлка, но у него не хватило мужества, чтобы воспротивиться просьбамъ отца, который бросился передъ нимъ на колѣна и заставилъ его поклясться, что онъ откажется отъ этого проекта. Бѣдный старикъ! Эта война его убивала! Его убивало не нашествіе непріятеля на его родину, но именно самая война, война,—эта рѣзня, эти трупы, вся эта масса молодой, здоровой крови, которую проливаютъ, какъ воду... И зачѣмъ? Зачѣмъ всѣ эти ужасы? Казалось, Цивилизація—плодъ вѣковыхъ усилій, остановилась; возвращалась дикость болѣе жестокая, болѣе безжалостная, болѣе циническая, чѣмъ дикость туманныхъ временъ невѣжественной старины... Никогда, значитъ, не удастся укротить звѣря въ человѣкѣ...

«Если я буду убитъ,—спрашивалъ себя Оливье,—что станется съ моимъ отцомъ,—одинокимъ, пораженнымъ несчастіемъ? Неужели его жизнь должна окончиться въ одиночествѣ, можетъ быть, нищетѣ?.. Угаснуть среди старости и лишеній... не имѣть ни силъ, ни положенія въ обществѣ... не имѣть ни

пищи, ни дровъ, ни одежды...» Эти мысли мучили молодого человѣка. «Отецъ, отецъ!..» шепталъ онъ. Сейчасъ, разставаясь съ нимъ, онъ не плакалъ, теперь же его глаза были полны слезъ. На него нападалъ страхъ, и онъ призывалъ нѣжно любимаго отца, жалѣлъ, что покинулъ его. Онъ боялся теперь умереть, оставить безъ поддержки, безъ привязанности это существо, такое доброе, такое мягкое, которое онъ обожалъ и которое его смерть убьетъ...

Колонна опять останавливается и опять двигается. Она идетъ, идетъ безъ конца и понемногу приближается къ мѣсту назначенія. Она—внѣ Парижа; проходитъ покинутую деревню, за ней голые пустыри. Холодъ увеличивается, дѣлается такимъ жестокимъ, что кажется, будто кровь выступитъ сквозь поры на рукахъ. Наступаетъ нѣчто въ родѣ сумерекъ—какой то неопредѣленный отсвѣтъ холоднаго солнца. На мертвенно-блѣдномъ небѣ вырисовывается черная возвышенность, на которой выдѣляются рѣзкіе углы крѣпости. Это крѣпость Рони. Батальонъ поднимается по наклону возвышенности. Онъ раздвигается, извивается, слѣдуя извилинамъ дороги—трубы и барабаны смолкаютъ. Въ рядахъ тихо. Не слышно ничего, кромѣ тяжелаго ритма шаговъ по дорогѣ, которую морозъ сдѣлалъ звонкой, какъ колоколъ. По сторонамъ развертываются бѣлыя, покрытыя тонкимъ снѣгомъ поля.

Вдругъ надъ крѣпостью взвивается огромный столбъ дыма; сильный взрывъ потрясаетъ воздухъ; второй ударъ слѣдуетъ за первымъ. Дальше, изъ другой крѣпости стрѣляютъ тоже. Разражается канонада, сопровождаемая вспышками молній, наводящихъ грусть въ это меланхолическое зимнее утро. Другіе удары, заглушенные разстояніемъ, отвѣчаютъ вдали. Сраженіе началось.

Батальонъ еще не видитъ ничего: крѣпость загораживаетъ ему деревню. Онъ проходитъ подъемный мостъ, проникаетъ подъ нижнія ворота, куда на минуту какъ бы возвращается ночь, и входитъ въ крѣпость. На валахъ пушки, около которыхъ видны моряки-артиллеристы, одна за другой съ грохотомъ извергаютъ снопы пламени и клубы дыма.

— Стой!—крикнулъ командиръ отряда.

Дворъ былъ полонъ солдатъ инфантеріи и артиллеріи, построенныхъ въ боевомъ порядкѣ, готовыхъ двинуться; лица ихъ были худы, измучены, мундиры грязны, обтрепаны—это были люди истомленные, много страдавшіе, выбившіеся изъ силъ. Въ серединѣ незанятой площадки, завернутый въ шинель съ поднятымъ воротникомъ, стоялъ генералъ, окруженный своимъ штабомъ. Онъ разговаривалъ съ полковникомъ національной гвардіи, такъ какъ теперь къ батальону Оливье прибавилось два другихъ батальона, прибывшихъ раньше; они составляли полкъ.

Командиръ подошелъ къ Оливье, стоявшему неподвижно, опершись на ружье.

— Плохо себя чувствуете, капралъ?

—Нѣтъ, хорошо, командиръ.

И онъ выпрямился съ улыбкой.

— У васъ лицо не такое, какъ всегда... Вы больны?

— Клянусь вамъ... Вы увидите...

И онъ все продолжалъ улыбаться. Но офицеръ покачалъ головою. Онъ считалъ отчасти своею обязанностью заботиться объ Оливье, отца котораго зналъ. Присутствіе этого ребенка его стѣсняло; ему хотѣлось бы заставить его остаться.

Оливье сталъ его распрашивать:

— Чего мы ждемъ? Зачѣмъ мы тутъ стоимъ?

— Я не знаю... Артиллерія сейчасъ двинется, потомъ линейныя войска, мы за ними...

— Куда мы пойдемъ?

— Въ Виль-Эврарь.

— Но мы попадемъ въ огонь навѣрное?

— Вѣроятно... Слушайте!.. стрѣльба!

Эти новые звуки, которыхъ Оливье еще не слыхалъ, заставили его вздрогнуть. Его недомоганье исчезло; онъ не чувствовалъ больше холода. Онъ сталъ представлять себѣ, каково будетъ это сраженіе: градъ пуль, аттака въ штыки, желѣзо, вонзающееся въ тѣло... Онъ цѣлъ не выйдетъ... И въ то же время его какъ-бы что-то поднимало, что-то толкало впередъ... Въ немъ пробуждалось невѣдомое, сильное, бурное существо... Ему не было страшно. Онъ забывалъ все, все,—кромѣ сраженія, кромѣ страшнаго шума пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ...

Въ эту минуту генералъ верхомъ, а за нимъ его штабъ шагомъ пересѣкли дворъ и исчезли въ воротахъ. Тронулась пѣхота; медленно, линія за линіей, исчезала она въ этой щели, которая походила на форточку. Застучали пушки, тронулись и загрохотали колеса артиллеріи. Всѣ люди проходили молчаливые, понурые подъ своими ранцами, бросая послѣдній взглядъ на своихъ новыхъ товарищей, на этихъ парижанъ, одѣтыхъ во все новое, на этихъ случайныхъ солдатъ, годящихся однако для смерти.

Національная гвардія двинулась тоже, и скоро Оливье во главѣ колонны выходилъ на большую дорогу. Вдали, на горизонтѣ онъ увидѣлъ холмы, окаймленные клубами густого бѣлаго дыма, которые то разсѣявались, то собирались вновь, подъ аккомпаниментъ глухихъ ударовъ, а внизу, въ долинѣ— деревню, крыши которой терялись въ дымѣ болѣе блѣдномъ, болѣе голубомъ, происходившемъ отъ безостановочно трещавшей ружейной пальбы.

Полковникъ сталъ во главѣ полка, — съ непріятнымъ рѣзкимъ видомъ стараго военнаго, исполняющаго свои обязанности и готоваго осадить всякаго, кто станетъ на его дорогѣ. Онъ направился прямо на деревню.

Влѣво, на разстояніи многихъ сотенъ метровъ, по наклону плоской возвышенности Авронъ спускались скорымъ шагомъ войска, вытянутыя шерингами. Можно было видѣть, какъ ноги ихъ всѣхъ одновременно раздвигались и руки правильно и автоматично раскачивались. Казалось, что они продѣлываютъ свои упражненія на какомъ нибудь парадѣ. По ихъ темной формѣ, по ихъ живости и ихъ шагу въ нихъ угадывался батальонъ Венсенскихъ стрѣлковъ. Выше, надъ ними гремѣла артиллерія.

Въ деревнѣ, расположенной въ концѣ дороги, по которой шли національные гвардейцы, сраженіе становилось все жарче, каждый шагъ приближалъ ихъ къ огню битвы.

Оливье старался угадать, гдѣ прошли войска, вышедшія раньше. Они, значитъ, направились не по этой дорогѣ, такъ какъ ее можно было видѣть до самой деревни, и она была пуста. Гдѣ непріятель? Можно было видѣть только его батареи на холмахъ. Но куда онѣ цѣлили? А сами они? будутъ-ли они дѣйствовать сообща съ Венсенскимъ батальономъ? Можетъ быть, полковникъ ошибся и взялъ не то направленіе? Они, пожалуй, спутались среди этого шума и грохота.

Что-то пропѣло въ воздухѣ, точно прожужжала колоссальная невидимая муха. Оливье не обратилъ на это вниманія, силясь отдать себѣ отчетъ въ расположеніи сраженія. Но жужжаніе повторилось сильнѣе и ближе, затѣмъ еще и еще...

— Браво, капралъ!—крикнулъ ему командиръ.

Почему браво? За что его поздравляютъ? Развѣ командиръ догадывается, что онъ идетъ, какъ другіе, только благодаря энергіи и силѣ воли? Инстинктивно онъ обернулся назадъ, въ сторону солдатъ. Его поразило странное выраженіе ихъ лицъ. Но что же такое происходитъ?

Передъ нимъ, на дорогу упала какая-то масса, сейчасъ же исчезнувшая въ снопѣ пламени, за которымъ послѣдовалъ страшный взрывъ. Лошадь полковника взвилась на дыбы, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ можно было видѣть осколки гранаты, прыгавшіе по дорогѣ, подобно улепетывающимъ лягушкамъ. Въ то же время сбоку, на сосѣднемъ полѣ разорвало вторую гранату, послѣ чего на землѣ, прикрытой снѣгомъ, осталось черное пятно. Очевидно, цѣлили въ нихъ. Каждую минуту по правую и по лѣвую сторону идущаго полка взрывались новые и новые снаряды; земля, камни, обломки изгородей мелькали въ воздухѣ.

— Въ рядъ, налѣво!—скомандовалъ полковникъ, поверты-

ваясь на своей лошади, которую онъ остановилъ. И онъ указалъ жестомъ на длинную стѣну, которая перерѣзала дорогу подъ прямымъ угломъ.

Передніе солдаты разомъ повернули. Полковникъ остановился на краю дороги, въ виду непріятеля, и смотрѣлъ, какъ проходилъ полкъ. Всѣ, проходя мимо, бросали на него взгляды, понимая, что онъ хотѣлъ уйти послѣднимъ съ мѣста опасности. Онъ сохранялъ свой хмурый видъ, присматриваясь къ нимъ, стараясь отдать себѣ отчетъ въ томъ, какое дѣйствіе произвелъ первый огонь на этихъ вооруженныхъ буржуа, этихъ штафирокъ, преобразованныхъ въ солдатъ, этихъ людей безъ дисциплины, имѣющихъ видъ носильщиковъ подъ своими плохо прилаженными ранцами. Ни одинъ изъ нихъ не спасовалъ, въ рядахъ сохранялся порядокъ, всѣ шли твердымъ военнымъ шагомъ! А всетаки ихъ начальникъ не имѣлъ къ нимъ довѣрія. Онъ находилъ въ нихъ скорѣе индивидуальное мужество и личную энергію, а не ту гибкость, не то автоматическое повиновеніе и отреченіе отъ всякой иниціативы, къ которымъ его пріучила регулярная армія. Ихъ энергія поражала его, — стараго солдата итальянской и крымской компаніи, но всетаки онъ не могъ на нихъ положиться.

Когда прошелъ послѣдній рядъ, полкъ остановился и прислонился къ стѣнѣ. Теперь они были защищены. Прямо противъ нихъ все вспыхивали огни выстрѣловъ, но это были французскія батареи крѣпостей Рони и Ножана и плоской возвышенности Аврона. Теперь прусскіе снаряды падали на дорогу, которую они только что оставили.

Языки развязались. Послѣдовалъ взрывъ общей радости, шумной и хвастливой.

— Молчать!—крикнулъ полковникъ, сопровождая приказъ непечатной бранью и пуская свою лошадь въ галопъ передъ фронтомъ.

Тишина водворилась снова, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ люди стояли неподвижно съ ружьемъ къ ногѣ, какъ на смотру.

Направо раздались выстрѣлы. Это были венсенцы. Теперь видна была линія стрѣлковъ, нѣчто въ родѣ длинной, узловатой веревки, каждый узелъ которой состоялъ изъ двухъ человѣкъ, которые пригибались къ землѣ, цѣлились и стрѣляли. Скоро они исчезли въ полосѣ дыма, и сквозь это облако вспыхивали только короткія красныя молніи. Потомъ молніи пропали, дымъ понемногу разсѣялся, и опять можно было различить стрѣлковъ, бѣгущихъ съ опущенными ружьями и согнутыми спинами. Веревка извивалась, обрывалась, натягивалась, точно ее дергали за конецъ. Они бѣжали долго, до линіи стѣны, миновали ее, и долина очистилась. Только на мѣстѣ,

гдѣ они сейчасъ находились, шевелилось что-то маленькое: покачивался человѣкъ на колѣняхъ, упиравшійся въ землю обѣими вытянутыми руками. Звалъ онъ на помощь? кричалъ? Было слишкомъ далеко и шумъ былъ слишкомъ великъ. Вотъ онъ пригнулся тихонько, какъ бы укладываясь спать, вытянулся и больше уже не двигался.

Сзади, за стѣной ружейная пальба усиливалась, походя на трескъ горящей рощи, только въ сто разъ сильнѣе. Рои пуль пролетали со свистомъ. Сыпались куски штукатурки, отбитые пулями. Воздухъ насыщался запахомъ пороха.

Хирургъ приготовлялъ бинты и складывалъ ихъ въ ранцы санитаровъ.

— На этотъ разъ попадемъ навѣрняка,—произнесъ чей-то тихій голосъ около Оливье.—Мы пойдемъ за маленькими стрѣлками. Не знаю, такой ли я, какъ другіе, только у всѣхъ лица потѣшныя... Вы—совсѣмъ зеленый, капралъ...

— Скажи-ка, не зайдемъ-ли мы мимоходомъ къ дядѣ... ну, какъ его?.. у него, должно быть, еще осталось вино въ какомъ нибудь углу погреба, у этого мошенника...

— Да, но закуски-то ужѣ навѣрное не найдется... И потомъ, если такъ будетъ продолжаться, мы не найдемъ ничего... Сейчасъ домъ, пожалуй, наполовину разрушенъ... Гляди!... Patatrà!.. домишко рухнулъ! Гляди... еще! а... вотъ.

— А скверная рожа у нашего полковника...

— Ну такъ чтожъ?... Развѣ насъ это касается? Мы безъ него сдѣлаемъ свое дѣло... Право, мнѣ бы хотѣлось держать одного изъ этихъ каналій въ остроконечныхъ каскахъ у кончика своего ружья... Эхъ, вотъ увидишь, ихъ, пожалуй, перебьютъ всѣхъ до нашего прихода.

— Долго еще заставятъ они насъ здѣсь стоять?.. Я весь превратился въ ледъ... Чортъ возьми, гдѣ мои ноги? Я, кажется, потерялъ ихъ дорогой...

— Ну, не бѣда! Мы подберемъ ихъ сегодня вечеромъ на обратномъ пути и... если не найдемъ ничего получше, мы ихъ съѣдимъ...

Оливье слышалъ это парижское благерство, эту задорную болтовню, которые не смолкаютъ ни при какихъ обстоятельствахъ, и это беззаботное мужество его восхищало.

Между тѣмъ, горячій энтузіазмъ, приподнимавшій Оливье утромъ, мало по малу разсѣивался. Онъ воображалъ себѣ столкновеніе съ непріятелемъ иначе: стремительный потокъ людей, горячка и безпорядокъ аттаки. Стратегическій методъ, котораго держалось начальство, удивлялъ его. Рамки сраженія,—обширная долина надъ безконечнымъ небомъ,—были грандіозны, само же сраженіе оставалось жалкимъ; онъ видѣлъ только горсть людей. Правда, передъ выступленіемъ предполагалось

дѣйствіе съ сѣвера и востока Парижа. Здѣсь находился конецъ праваго крыла. Что дѣлалось выше, тамъ, въ центрѣ сраженія? Господи! что если эта попытка опять не удастся и кольцо нѣмцевъ только съузится еще болѣе, еще тѣснѣе, еще побѣдоноснѣе? Что, если кровь, которая льется за этой стѣной, льется безполезно? Неужели это гибель? Неужто опять пораженіе?.. Когда же кончится этотъ кошмаръ, который длится столько мѣсяцевъ, дѣлаясь съ каждымъ днемъ все мрачнѣе, все зловѣщѣе?

А вдали бѣдный маленькій стрѣлокъ лежалъ безжизненнымъ пятномъ на снѣгу...

Многіе въ рядахъ шептались, но большая часть хранила молчаніе, тяжелое молчаніе раздумья. Они думали о томъ, что тамъ, за укрѣпленіями, меньше чѣмъ въ двухъ лье разстоянія, были женщины, которыя ждали въ тоскѣ, зажимая уши, чтобы не слышать страшной канонады; маленькія дѣти, которыя худѣли отъ недостатка пищи; старики, которые въ нѣсколько дней изживали оставшіеся имъ года жизни... Всѣ, даже тѣ, которые старались забыться среди балагурства, чувствовали въ глубинѣ сердца тоску этой мысли. Отсюда являлось напряженіе нервовъ, глухое бѣшенство, потребность забыться въ кровавой схваткѣ, которая поглотила-бы цивилизованнаго человѣка, освобождая звѣря,—но звѣря героическаго, великаго!

Запахъ пороха дѣлался рѣзче, надъ головами носился дымъ, разсѣиваемый вѣтромъ. Сознаніе истекшаго времени пропало. Глаза слѣдили за движеніями полковника, ожидая сигнала къ выступленію. Всѣ члены тѣла застыли, онѣмѣли, болѣли. Неожиданно спустилась ночь (было едва пять часовъ), она спустилась быстро надъ этимъ сѣрымъ безсолнечнымъ днемъ. Мало по малу трескотня заглохла, удаляясь: слышны были только отдѣльные ружейные выстрѣлы. Деревня была взята, и непріятель отступилъ.

На дорогѣ показались войска. Люди возвращались въ крѣпость вразсыпную, какъ стадо, или какъ толпы рабочихъ, выходящихъ изъ мастерской и направляющихся торопливо домой ужинать и спать. Кое-гдѣ виднѣлись носилки съ углубленіями въ срединѣ, отъ тяжести лежавшихъ на нихъ тѣлъ, раскачивавшіяся въ тактъ шаговъ носильщиковъ.

Все было кончено. Полку національной гвардіи не пришлось участвовать въ дѣлѣ въ тотъ день.

При мысли, что опасность прошла, или, по меньшей мѣрѣ, отсрочена, Оливье почувствовалъ глубокое потрясеніе, ощущеніе несказаннаго облегченія. А вѣдь онъ не трусилъ. Но жизнь, та жизнь, отъ которой онъ, опьяненный запахомъ пороха и великимъ зрѣлищемъ смерти, заранѣе уже отказался, жизнь, о которой онъ перестать заботиться и даже думать, жизнь моло-

дая и сильная захватывала его снова приливомъ внутренней радости.

И всѣ чувствовали то же самое. Отданъ былъ приказъ варить супъ. Ранцы очутились на землѣ, ружья — въ козлахъ. Въ этомъ сборищѣ, которому смерть давала двѣнадцать часовъ отсрочки, опять поднималась болтовня. Вдоль всей стѣны загорѣлись маленькіе костры изъ сырого дерева, люди раздували ихъ, лежа на животахъ. Нѣсколько человѣкъ, вооружившись жестяной посудой, уходили гимнастическими шагами за водой. Откупоривали коробки съ консервами. Тѣ, кто оставались безъ дѣла, запрятавъ руки въ рукава шинели, толкались на мѣстѣ, стучали ногами, стараясь возстановить теплоту озябшаго тѣла.

VI.

Вечеръ того же дня. Полночь. Оливье лежитъ съ ранцемъ подъ головой и съ ногами, завернутыми въ одѣяло. Онъ не спитъ, тѣло у него ноетъ на голой неровной почвѣ. Никогда не видѣлъ онъ такой черной ночи: кругомъ точно атмосфера изъ чернилъ, густая, тяжелая. Между тѣмъ вѣтеръ свищетъ, врывается въ щели, свиститъ и стонетъ; чувствуется невольно,— какъ онъ колеблетъ эту тьму, наполняя ее невидимыми волнами. Гдѣ-то стучитъ о стѣну дверь, скрипитъ флюгеръ. Холодъ становится невыносимъ, термометръ еще упалъ. Въ потемкахъ раздается грубый или жалобный храпъ, бормотанья во снѣ. Полкъ національной гвардіи спитъ въ сараѣ, унизанномъ щелями, черезъ которыя врывается вѣтеръ и воетъ точно собака надъ покойникомъ.

Оливье не можетъ сомкнуть глазъ. Его голова трещитъ, онъ весь горитъ въ лихорадкѣ; силы его оставляютъ. Ему кажется, что жесткая земля, на которой онъ лежитъ, ускользаетъ изъ подъ него, колеблется, увлекаетъ его въ какую-то пропасть. Онъ протягиваетъ руки, чтобы убѣдиться, что сосѣдъ около него. И все время онъ падаетъ. Онъ не могъ бы сказать точно, что онъ чувствуетъ, кромѣ того, что ему дурно, что онъ умираетъ. Минутами порывы вѣтра морозятъ ему кровь въ жилахъ, потомъ снова имъ овладѣвветъ лихорадка, раздражающая, томительная. Тогда на него нападаетъ ужасная тоска. Онъ умираетъ одинъ среди этой ночи, между этими людьми, которые сейчасъ встанутъ и оставятъ его здѣсь. Зачѣмъ онъ пошелъ съ батальономъ? Это его гибель! Ему кажется, что его ищетъ отецъ; онъ его видитъ, видитъ его бѣлые волосы, выбивающіеся изъ подъ кепи, видитъ, какъ онъ ходитъ по долинѣ, зоветъ его, спускается въ овраги, роется въ грудѣ тру-

повъ. «Я здѣсь! сюда, сюда! Возьми меня, я боленъ, я умираю, я одинъ, заброшенъ... Сюда, скорѣе сюда, отецъ...».

Вдругъ онъ приподнялся; горячая жидкость течетъ у него изъ носа. Кровь льется, заливаетъ его, застываетъ на рукахъ, наполняетъ ротъ.

— Вставать, вставать!..

Еще ночь.

— Вставать! вставать! живо!

Потемки начинаютъ шевелиться, вырисовываются, встаютъ фигуры, заспанныя, одеревенѣлыя отъ холода. Можно подумать, что эти люди встаютъ изъ могилъ. Гдѣ это они, что это съ ними? Они вспоминаютъ, и сердца сжимаются, и дрожь пробираетъ сильнѣе... Война, бомбы, пули, чистое поле безъ прикрытія... Сейчасъ было такъ хорошо въ забытьи сна; какъ ни какъ, успѣли согрѣться... И мужеству нужно время, чтобы побѣдить это ужасное впечатлѣніе пробужденія, среди ледяной темноты, подъ огнемъ непріятеля...

— Ну, а гдѣ же капралъ?.. Раздача... что онъ тамъ дѣлаетъ? капралъ... первый!..

Оливье хорошо отдаетъ себѣ отчетъ, что его зовутъ. Онъ сидитъ; кровотеченіе прекратилось, но онъ сидитъ на мѣстѣ, согнувшись вдвое.

Голосъ болѣе повелительный, грозный зоветъ его снова; онъ его не узнаетъ.

— Капралъ первой!..

Его сосѣдъ уже съ ранцемъ на спинѣ говоритъ ему:

— Капралъ, вы не слышите?

— Слышу... но я не могу...

Онъ откидывается назадъ, его голова сильно стукается о ранецъ, и онъ остается неподвижнымъ. Что за дѣло, что его покидаютъ! лишь бы ему лежать спокойно, вдали отъ шума! Ему такъ хочется, такъ нужно отдохнуть...

Странныя видѣнья, смутные образы скользятъ въ его мозгу. Онъ понимаетъ, что къ нему обращаются съ вопросами; онъ отвѣчаетъ машинально. Потомъ какой-то человѣкъ, силуэтъ котораго вырисовывается при блѣдномъ свѣтѣ въ открытой двери сарая, нагибается надъ нимъ, ощупываетъ его, проводитъ рукой по его лбу, бокамъ, животу, беретъ его за руку. Другой человѣкъ съ головой, прикрытой капюшономъ, стоитъ прямо. Онъ узнаетъ хирурга и командира. Первый поднимается, и они уходятъ.

За сараемъ возобновляется канонада.

— Надо его отправить сейчасъ же... Нельзя терять ни минуты... Есть экипажъ?

— Да... Какъ вы думаете, докторъ? есть опасность?

— Я боюсь тифозной горячки... Его возрастъ... критическій

періодъ... Потомъ эта адская жизнь... Отъ нея могутъ подохнуть всѣ...

— Его отецъ докторъ.

— Тѣмъ лучше... Бѣдный малый плохъ.

— Да, бѣдный малый!—повторилъ командиръ.

Черезъ нѣсколько минутъ за Оливье пришли санитары. Его хотѣли нести, но послѣдній взрывъ энергіи заставилъ его отказаться. Онъ отступаетъ, но, по крайней мѣрѣ, на своихъ ногахъ. Его втащили въ крытую повозку. Командиръ подошелъ пожать ему руку.

— Ну, до свиданья... Поклонъ отцу... Это пустяки, вы знаете... Черезъ нѣсколько дней вы къ намъ вернетесь. До свиданья...

Но среди группъ, мимо которыхъ онъ проходилъ, спотыкаясь и шатаясь какъ пьяный, Оливье схватилъ на лету слова: «тифозная горячка». Онъ погибъ, но онъ такъ слабъ, что ему это все равно. Пускай!

Кучеръ подбираетъ возжи, лошадь беретъ въ сторону, и изъ глубины своей повозки Оливье видитъ хмурую физіономію полковника.

— У этого молодца есть военная жилка.

Это произноситъ сухой вибрирующій голосъ полковника. Онъ повышается, можетъ быть, затѣмъ, чтобы его услышалъ капралъ. Что это? просто похвала или прощальное слово надъ гробомъ у открытой могилы.

Повозка двигается, лошадь беретъ сперва мелкой рысью, потомъ пускается въ галопъ, переходящій въ бѣшеную скачку. Гранаты то и дѣло пролетаютъ надъ дорогой и падаютъ метрахъ въ пяти стахъ дальше, на группу домиковъ, крыши которыхъ трескаются, рушатся, посылая въ воздухъ обломки жести, желѣза и расщепленныхъ бревенъ.

Прошло дней двадцать. Оливье, похудѣвшій, блѣдный, съ выдающимися скулами лежитъ въ постели, потонувъ головой въ большой подушкѣ. Въ сосѣдней комнатѣ кто-то ходитъ. Затѣмъ шумъ шаговъ стихаетъ, и въ дверяхъ показывается фигура, которая тихо скользитъ, подходитъ къ постели и садится у ногъ. Это—старая Анна, постарѣвшая на десять лѣтъ, еще болѣе грустная, болѣе молчаливая, черная точно траурная обивка. Черезъ окно проникаетъ яркій бѣлый свѣтъ съ отблесками отъ крышъ, покрытыхъ снѣгомъ. Съ начала осады они живутъ въ Батиньолѣ, въ маленькой квартирѣ изъ двухъ комнатъ, меблированныхъ тремя кроватями, столомъ, чемоданами и нѣсколькими стульями.

Оливье не видѣлъ, какъ его старая нянька усѣлась на

свой стулъ, на которомъ она проводитъ дни и ночи, неподвижная, какъ бы отупѣлая. Лежа съ стеклянными глазами и неопредѣленнымъ взглядомъ, онъ продолжаетъ блуждать въ мірѣ отрывочныхъ, тяжелыхъ, всегда однѣхъ и тѣхъ же фантазій, которыя его донимаютъ, утомляютъ, точно тяжелая срочная работа. Къ тому же онъ не понимаетъ, что дѣлается кругомъ. Пушки гремятъ безъ перерыва. Бомбардируютъ Парижъ. Онъ это знаетъ и остается равнодушнымъ. Его отецъ работаетъ въ абмулаторіяхъ; два раза въ день онъ забѣгаетъ посмотрѣть на сына; вечеромъ онъ возвращается и ложится, часто совсѣмъ одѣтымъ, на маленькую желѣзную кровать; ночью онъ встаетъ и подходитъ къ больному. На улицахъ его легко могутъ убить. Оливье все это знаетъ, но, отупѣлый, онъ нечувствуетъ ничего и поцѣлымъ часамъ смотритъ на старую Анну.

Ночью тоже гудитъ канонада. А онъ съ закрытыми глазами продолжаетъ бредить; его губы шепчутъ какія-то слова безсвязныя, но спокойныя. Какъ будто душа удаляется изъ тѣла, скромно и нѣжно, капля по каплѣ.

Черезъ тонкую стѣну онъ слышитъ, какъ на площадкѣ лѣстницы говорятъ женщины. Ему трудно понимать ихъ слова; ихъ фразы кажутся ему лишенными смысла. Иногда, впрочемъ, интонація, выражающая ужасъ или гнѣвъ, пробиваетъ скорлупу оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ дремлетъ, и на секунду сжимаетъ его сердце. Но только на секунду.

Дни и ночи идутъ однообразной чередой.

Разъ, утромъ онъ открылъ глаза и увидѣлъ, наконецъ, отчетливо наклоненныя надъ нимъ фигуры отца и Анны. Ему показалось, что онъ видитъ ихъ въ первый разъ послѣ долгихъ мѣсяцевъ. Онъ замѣчаетъ радостное выраженіе на лицѣ доктора.

— Ну, что, старина? какъ себя чувствуешь сегодня?

— А! лучше, гораздо лучше... Я былъ очень боленъ?

— Немного, да... но папа былъ тутъ... Не говори... ты еще слабъ...

— А война?.. Пруссаки?..

— Шш!.. не занимайся этимъ... тотчасъ я тебѣ разскажу новости... Онѣ хороши... по крайней мѣрѣ, не такъ ужъ плохи.

Но въ эту минуту послышались глухіе, отдаленные раскаты. Это была канонада. Гдѣ? Развѣ все еще продолжаютъ сражаться?

— Ахъ, разбойники!—взвизгнулъ женскій голосъ на лѣстницѣ.—Снаряды летятъ въ Пасси.

Оливье понимаетъ. Его неясныя спутанныя мысли проясняются, и правда представляется ему сразу. Онъ смотритъ на доктора. Глаза у обоихъ одновременно наполняются слезами.

— О! папа... папа...

И онъ принимается плакать, плакать тихонько, безъ рыданій, какъ ребенокъ, который одинъ въ углу выплакиваетъ свое большое горе.

Славный старикъ задыхается тоже. Онъ цѣлуетъ сына въ лобъ; его длинные бѣлые волосы покрываютъ блѣдное костлявое лицо больного, но онъ тотчасъ же выпрямляется.

— Слушай, старина, прежде всего надо выздоравливать... Я тебя умоляю, не говори, не волнуйся... Обѣщай это старой развалинѣ, какой я сталъ за это время!

Оливье обѣщаетъ покачиваніемъ головы, но его слезы все текутъ, смачиваютъ лицо, скатываются на простыню.

— Плачь, старина, плачь... ничего! Это принесетъ тебѣ пользу... Ну, а мнѣ нужно бѣжать... до свиданья.

Докторъ быстро уходитъ и, сбѣгая съ лѣстницы, онъ рыдаетъ вволю. Слезами разрѣшается напряженіе нервовъ. Онъ плачетъ отъ радости: его Оливье спасенъ; но также и отъ горя: кругомъ столько ужасовъ.

Анна не шевельнулась. Ея глаза сухи, лицо какъ у мертвой, желтое, прозрачное, съ синими ввалившимися вѣками. Изъ ея двухъ сыновей одинъ—хорошій—убитъ во время вылазки.

— Анна, ты здорова?.. У тебя не случилось никакого несчастія?—спрашиваетъ Оливье.

— Нѣтъ, ничего... Я здорова... Замолчи.

Голосъ у нея тоже такой, какой могъ бы быть у мертвеца, если бы, дѣйствуя автоматически на легкія и горло,—можно было заставить мертвеца говорить въ могилѣ.

Въ наружную дверь, выходящую въ сосѣднюю комнату, постучали. Анна пошла отворить.

— Ну что?

— Ему лучше, гораздо лучше... опасности больше нѣтъ,—отвѣчала старуха.

— Такъ я могу его видѣть...

— Нѣтъ, его отецъ мнѣ строго запретилъ...

— На одну секунду, только пожать ему руку и я уйду, клянусь вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не пущу...

— Кто тамъ?—крикнулъ Оливье, или ему кажется, что онъ крикнулъ, тогда какъ въ дѣйствительности это былъ шопотъ.

Ему отвѣчалъ веселый густой басъ.

— Это я... я, Лазарюсъ. Меня не хотятъ пустить къ тебѣ...

— Анна, пожалуйста, пусти его...

Оливье попробовалъ приподняться, но не двинулся и на палецъ. Передъ нимъ предсталъ Лазарюсъ, огромный, въ своемъ

костюмѣ національнаго гвардейца, съ всклоченной длинной бородой и краснымъ отъ пьянства носомъ. За плечомъ у него висѣло ружье.

— Однако, тебя сторожатъ, какъ королевскаго сына... Такъ тебѣ лучше?.. Пора, чортъ возьми!.. Я радъ тебя увидѣть и радъ, что ты меня наконецъ видишь... Ты меня не узнавалъ, ты знаешь... Я захожу каждый день... я живу тутъ, о бокъ.

— Довольно,—сказала Анна, стараясь взять богему за руку, но тотъ отмахнулся и продолжалъ:

— А дѣла портятся... Ждутъ новаго выступленія національной гвардіи... Послѣ этого... шабашъ!

Анна снова взяла его за руку и на этотъ разъ повела его силой.

— До свиданья.

— До свиданья.

Появленіе богемы напомнило Оливье его старыхъ товарищей и группу «пяти». Что сдѣлалось съ Коломесомъ, съ Пероннá, уѣхавшими за нѣсколько дней до закрытія воротъ Парижа? Демюнкъ пошелъ волонтеромъ при первыхъ извѣстіяхъ о пораженіяхъ. Съ подорожной въ карманѣ онъ уѣхалъ безъ шума, безъ фразъ, почти безъ энтузіазма, просто по обязанности. Живъ-ли онъ еще? ждетъ-ли гдѣ нибудь тамъ, въ непріятельской тюрьмѣ, въ сырости наскоро построенныхъ бараковъ, конца этой мерзкой войны? Одинъ Лазарюсъ остался въ Парижѣ. И подъ впечатлѣніемъ его неожиданнаго визита Оливье проникся нѣжными чувствами къ этому верзилѣ. Онъ самъ не подозрѣвалъ, что такъ его любитъ. Снова слезы потекли изъ его глазъ, и онъ задремалъ, прислушиваясь, какъ опускающаяся надъ нимъ дремота заглушаетъ грохотъ канонады.

На другой день канонада удвоилась. Дрались съ утра и до вечера.

Разъ, вечеромъ Оливье разбудилъ шумъ на лѣстницѣ. Раздавались яростные женскіе голоса.

— У ратуши они стрѣляли въ національную гвардію... Имъ мало вылазокъ, они начинаютъ убивать въ самомъ городѣ...

— Съ перваго же дня они измѣняютъ.

— О, да! мы проданы...

— Неужели не найдется горсти людей, достаточно рѣшительныхъ для того, чтобы разрядить свои ружья въ животы этихъ подлыхъ капитуляровъ!..

— Подождите, подождите, терпѣніе!.. Послѣ этого ихъ перемирія, какъ только уйдутъ пруссаки.. Пусть они придутъ взять у насъ наши ружья. Мы посмотримъ.

— Да, да! Пусть попробуютъ... Недостатка нѣтъ ни въ людяхъ, ни въ зарядахъ, ни въ чемъ... Мы бы... если понадобится...

— Ну да, какже... Сдаться-то легче.

— Я бы сама убила одного своими собственными руками, клянусь вамъ всѣмъ...

Оливье позвалъ отца.

— Капитулируютъ?

— Необходимо... Довольно уже мертвыхъ!..

Молодой человѣкъ ужаснулся. Перспектива капитуляціи поднимала въ его сердцѣ цѣлую волну негодованія. Женщины были правы: тутъ была измѣна. Нельзя такъ отдаваться. И вдругъ, сдѣлавъ рѣзкое движеніе, чтобы вскочить, онъ почувствовалъ, какъ онъ еще слабъ. Онъ не могъ бы стоять на паркетѣ. Побѣжденъ! онъ побѣжденъ природой, болѣзнью! Его ноющее, мѣстами припухшее тѣло, безсильное, неподвижное, лежало. точно подъ свинцовымъ пологомъ... Родина испытывала тоже самое!

Онъ опустился на подушку и больше не двигался.

— Ахъ! когда же замолчатъ эти пушки? — прошепталъ докторъ Датанъ.

Разъ, утромъ Оливье просыпается и слушаетъ. Ничего. Бомбардировка смолкла, но эта тишина еще болѣе зловѣща, чѣмъ смертоносный шумъ вчерашняго дня. Можно подумать, что городъ покинутъ жителями, что въ немъ остались только пустыя улицы и пустые дома.

Парижъ сдался. Пушки на холмахъ, окружающихъ сенскую долину, теперь молчатъ. Дѣло сдѣлано. Тамъ, гдѣ вчера раздавался могучій грохотъ, слышится теперь радостное «ура!», сливающееся съ звуками военной музыки.

Анны нѣтъ. Оливье не слышитъ ея возни въ сосѣднихъ комнатахъ. Онъ вспоминаетъ, что наканунѣ, когда онъ тихо засыпалъ подъ выстрѣлы, которые становились такъ часты, какъ въ букетѣ фейерверка,—старухи не было на ея обычномъ мѣстѣ.

Входитъ докторъ. Онъ возбужденъ. А сынъ ожидалъ встрѣтить на его лицѣ выраженіе радости: вѣдь больше не убиваютъ, и война кончена.

— Это—перемиріе?—спросилъ онъ.

— Да... и конецъ, я надѣюсь!.. Господи! пусть они заключаютъ, что хотятъ!.. Больше нельзя было выдержать... Слишкомъ много ужасовъ... Пусть имъ заплатятъ, пусть согласятся на все... но пусть они убираются, пусть убираются! чтобы можно было жить и думать...

Докторъ сгорбленъ, подавленъ; руки его дрожатъ; въ глазахъ видно какъ бы отраженіе страшныхъ картинъ, запечатлѣвшихся навсегда. Его бѣдное лицо, которое еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ оживлялось юношескимъ румянцемъ, вытянулось, похудѣло, щеки впали.

Онъ смотритъ на сына, и губы его шевелятся; онъ хочетъ что-то сказать, но раздумываетъ и уходитъ въ другую комнату. Оливье слышитъ, какъ онъ сѣлъ.

— Гдѣ же Анна?—спрашиваетъ сынъ.

— Что?

— Анна?.. ея здѣсь нѣтъ?

— Нѣтъ... Я не знаю...

Докторъ входитъ снова. Онъ смотритъ на сына такъ странно, что тотъ повторяетъ:

— Анна? Что съ нею?

Отецъ сперва колеблется, потомъ быстро, какъ-бы стараясь покончить съ этимъ скорѣе, говоритъ:

— Анна?.. Анна умерла... Ровно въ 12 часовъ ночи бомбардировка прекратилась, но въ 11— ее хватило снарядомъ въ Пасси... Она убила себя сама. Видѣли, какъ она подстерегала снарядъ, бѣжала ему на встрѣчу... Ея второй сынъ получилъ пулю въ голову въ ратушѣ, пять дней тому назадъ... Она не могла пережить... Вотъ и все!

Его губы продолжаютъ шевелиться, какъ будто еще говорятъ, но звука не слышно. Онъ падаетъ на стулъ, и глаза его, неподвижно устремленные въ одну точку, какъ-бы видятъ эту несчастную, которая лежитъ тамъ, внизу, въ пустой лавкѣ, на матрацѣ и которую ему принесли съ пробитымъ животомъ и открытыми глазами.

VII.

Въ февралѣ Оливье вышелъ въ первый разъ, опираясь на руку Лазарюса.

Ворота Парижа были открыты. Большое оживленіе царствовало на улицахъ. Стояли группы національныхъ гвардейцевъ и горячо спорили; слова гнѣва и ненависти, призывы къ мщенію слышались во всѣхъ рѣчахъ. Надъ головами толпы виднѣлись блѣдныя лица ораторовъ, съ искривленнымъ ртомъ, съ налитыми кровью глазами.

— Что? что такое? чего они хотятъ?—прошепталъ Оливье.

Эти люди казались ему каррикатурными и отвратительными

Между тѣмъ, подобно этимъ проповѣдникамъ, онъ чувствовалъ какое-то нетерпѣніе. Подобно имъ, онъ чего-то требовалъ, самъ не зная чего. Плоскія и идіотскія слова, какія онъ слышалъ отъ нихъ,—онъ бы ихъ повторилъ самъ. Онъ раздѣлялъ ихъ раздраженіе. Тутъ же были нѣкоторые его товарищи по батальону. Онъ старался ихъ избѣгать. Онъ ихъ ненавидѣлъ въ эту минуту.

— Здравствуйте, капралъ. Вамъ, стало, лучше?

Оливье поднялъ голову и увидѣлъ двухъ человѣкъ, почти пьяныхъ, опиравшихся другъ на друга, съ красными лицами и криво надѣтыми кепи.

— Какъ! вы насъ не узнаете?.. За стѣной... въ Нейли на Марнѣ... Мы были сзади васъ...

По интонаціи парижскихъ предмѣстій молодой человѣкъ вспомнилъ двухъ бравыхъ балагуровъ, которые шутили подъ пулями.

— О, да... помню.

— А вы, оказывается, возвращаетесь издалека... Какъ бы то ни было, а вамъ выпала чертовская удача... Повидали-таки мы горя, запертые въ баракахъ безъ оконъ и безъ дверей... съ гранатами надъ головами въ продолженіи цѣлой недѣли... А холодъ... брр!.. Четверо умерло въ походѣ...

— А что толку!—перебилъ другой,—все равно сдались.

— Сдались!.. Продались, ты хочешь сказать... Насъ продали, какъ стадо свиней... Что вы объ этомъ думаете, капралъ?

— Мы не могли больше...

— Какъ! мы не могли больше!.. А все это вооруженіе, а артиллерія? а люди? Нѣтъ больше снарядовъ... запаловъ? Ну, такъ у Пруссаковъ въ нихъ нѣтъ недостатка... надо было пойти къ нимъ за зарядами!.. Нѣтъ, мы проданы... это очевидно! А, канальи!..

— Посмотрите кругомъ, увидите ли вы начальство на улицахъ... Они прячутся... и они правы... попадись мнѣ нашъ полковникъ...

— Вотъ была поганая рожа!.. Но все это еще не кончено...

— Послушайте, капралъ, пойдемъ выпьемъ стаканчикъ, а?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Идемъ, безъ церемоній... хлопъ! и кончено.

— Нѣтъ, я выхожу сегодня въ первый разъ...

— Ба! Да это вамъ будетъ только полезно... Идемъ!

Тутъ вмѣшался Лазарюсъ и объяснилъ, что его товарищу нельзя ничего пить.

— Ладно, ладно,—вставилъ другой рѣзкимъ тономъ,—вы гордецы, и убирайтесь себѣ къ чорту!

— Этакое животное! — замѣтилъ Лазарюсъ, когда они удалились.

— Да, животное... Но что, однако, если они правы?.. Капитуляція! Имѣли-ли на это право? Что мы не проданы, это, конечно, ясно!... Но, кто знаетъ?.. люди, которые нами управляли, были слабы, у нихъ не было вѣры... Словомъ, говоря по правдѣ, какъ я не противлюсь этой мысли, но самъ думаю, какъ эти люди, отъ которыхъ меня коробитъ и которыхъ я радъ бы уничтожить, чтобы только не видѣть. Ихъ вопли безтолковы, ихъ рѣчи глупы, а я всетаки думаю, какъ они.

Да, да, надо было драться, еще драться, драться до конца!.. Въ 1815 году.

— Въ 1815!.. Во первыхъ, насъ тогда не было, а потомъ, какъ ни какъ, и обстоятельства были другія... Только долго спустя узнаешь происхожденіе, причины, роковую связь событій. И тогда приходится признать, что такъ именно и должно было быть, какъ случилось. Судьба повернула на право; чтобы ни дѣлали, ее нельзя было повернуть на лѣво...

— Однако...

— Fichtre! какъ ты прытокъ... А жить? Что ты сдѣлаешь съ жизнью?.. Прежде всего надо жить, надо перестать убивать другъ друга...

И Лазарюсъ продолжалъ:

— Что такое мы въ человѣчествѣ, мы французы? Мы будоражимъ міръ,—положимъ! Но мы общипываемся, обнашиваемся, истощаемся, наша латинская кровь блѣднѣетъ; ее выльютъ, а насъ поглотятъ, и мы исчезнемъ... Мѣсто другимъ, болѣе сильнымъ, всему человѣчеству, которое, часть за частью, хочетъ свою долю первенства...

Оливье возмутился.

— Ну, нѣтъ! Я не согласенъ съ твоей философіей?.. Я прежде всего—французъ и патріотъ... Къ чорту это смиреніе, которое извиняетъ всѣ слабости, всѣ преступленія! О какъ, значитъ, низко мы упали! Не болѣе ста лѣтъ назадъ Франція была также наводнена чужеземцами, какъ сейчасъ. Цѣлая Европа соединилась противъ нея, у нея не было ни одного союзника, она внушила ненависть всѣмъ, она была отвергнута, проклята, такъ сказать, запрещена всѣми народами... Тогда она поднялась вся цѣликомъ... Наши дѣды не смирялись, а шли впередъ... Отчего не сдѣлали этого теперь? Отчего мы побѣждены? Отчего сдаемся? сдаемся каждый день въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ?.. Что же такое были эти люди 92 года? Эти люди, неизвѣстные наканунѣ, вдругъ ставшіе героями?.. А! отчего мы не жили въ ту эпоху!..

— Мой милый, исторія не повторяется. Въ игрѣ, которую она играетъ, много болѣе тридцати двухъ картъ, и никогда не сходятся вмѣстѣ однѣ и тѣ же масти...

Они дошли до сквера: Лазарюсъ, вмѣсто того, чтобы вернуться домой, увлекъ своего друга дальше. Они присѣли на нѣсколько минутъ на скамью. Таявшая земля была черна и сыра. Лужайка, запавшая посрединѣ маленькимъ озеромъ, покрывалась блѣдной зеленью. Кусты безъ листьевъ, съ мокрыми спутанными вѣтвями принимали болѣе живую окраску. Въ атмосферѣ было тепло, туманно, мягко. На верху разстилалось широкое, сѣрое, низкое небо. Во всемъ чувствовалось тихое возвращеніе къ жизни, еще скрытое, но уже начавшееся.

Оливье почувствовалъ себя жизнерадостно. Онъ смотрѣлъ на этотъ газонъ, на эту воду, гдѣ отражались стволы деревьевъ, на эту жирную землю, на эти облака, перемѣшанныя и перепутанныя одно съ другимъ, которыя тихо скользили, подобно огромному газу. Да, хорошо, сладко жить!

Но это было ощущеніе чисто физическое. Видъ квартала, народное возбужденіе, его встрѣча съ бывшими товарищами по батальону, его разговоръ съ Лазарюсомъ,—все это подѣйствовало на него очень сильно. Онъ не могъ вывести изъ всего этого какого нибудь опредѣленнаго заключенія, но ему было не по себѣ, безпокойство и недовольство наполняло его умъ. И онъ понималъ, что что-то такое было въ воздухѣ. Но что? Возбужденіе было слишкомъ сильно для того, чтобы успокоеніе наступило сразу. Дуновеніе бѣшенства охватывало мозги... Его разумъ возмущался при мысли о глупыхъ обвиненіяхъ, которыя расточались на всѣхъ углахъ улицъ; тайный несознаваемый ужасъ волновалъ его, и онъ тоже хотѣлъ бы какого нибудь отчаяннаго взрыва, послѣдняго крика, въ которомъ безсиліе находитъ утѣшеніе.

Лазарюсъ, локтями упираясь въ колѣна и обхвативъ голову руками, погрузился въ созерцаніе этого тощаго уголка природы, воскресавшаго среди камней. Обѣихъ охватывала глубокая тишина, и они могли бы вообразить себя далеко отъ Парижа.

— Идемъ,—сказалъ, наконецъ, Оливье.

Лазарюсъ любезно всталъ, взялъ его руку, и они направились домой, проходя опять мимо группъ, которыя все росли и ораторы которыхъ хрипли на вѣтрѣ.

Докторъ только что вернулся и поджидалъ ихъ.

— Черезъ недѣлю,—сказалъ онъ,—мы будемъ въ Гролей... домъ будетъ приведенъ въ порядокъ... Мнѣ пришлось переговариваться съ прусскими властями. Всѣ комнаты были заняты. Наконецъ, они уступили. Они оставляютъ себѣ только столовую.

Онъ былъ подавленъ. Теперь, когда рѣзня кончилась, онъ вспомнилъ о своей національности. Онъ жестоко страдалъ сегодня, требуя свой домъ у нѣмецкихъ офицеровъ, которые выслушивали его холодно, съ поднятой головой.

Онъ молча нѣсколько минутъ смотрѣлъ на своего сына, потомъ проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Нужно, однако, намъ вернуться домой... У меня тамъ больные,..

Потомъ, обращаясь къ Лазарюсу, прибавилъ:

— Вы поѣдете съ нами?

— Рѣшено! Я согласенъ.

— — —

Богема протянулъ свою широкую руку доктору и его лицо просіяло.

Наканунѣ отъѣзда, Оливье и его другъ пошли на Бастильскую площадь, гдѣ ежедневно собирались манифестанты. Національные гвардейцы, вооруженные, наполняли площадь. Посрединѣ высилась колонна, разукрашенная вѣнками иммортелей и красными знаменами. Толпа, неподвижная, грандіозная, смотрѣла въ молчаніи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ говорили ораторы. Штыки торчали надъ головами. Ждали чего-то.

Около Оливье стоялъ длинный, тонкій, молчаливый человѣкъ. Какъ и всѣ, онъ смотрѣлъ, подниман время отъ времени глаза на украшенія колонны. Вдругъ онъ сунулъ руку въ карманъ, собираясь что-то вытащить оттуда.

— Что вы тамъ дѣлаете?—грубо спросилъ его національный гвардеецъ.

Человѣкъ, растерявшись, не отвѣтилъ. Его окружили.

— Это одинъ изъ нихъ.

— Да, это шпіонъ!

— Я его знаю!

— О, я за нимъ наблюдалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь.

— Этотъ не уйдетъ.

— Какъ? какъ?—вскричалъ человѣкъ поблѣднѣвшій, какъ смерть.—Шпіонъ... но я не шпіонъ..., Обыщите меня... Смотрите, вотъ мое имя... мой адресъ... Пойдемте къ кому хотите... за меня поручатся...

Обезумѣвъ отъ испуга, онъ кидался изъ стороны въ сторону, ища защитника въ толпѣ, которая его окружала. Его взглядъ съ умоляющимъ выраженіемъ остановился на Оливье. Тотъ ничего не понималъ въ этомъ внезапномъ происшествіи. Онъ видѣлъ по выраженію обезумѣвшей физіономіи незнакомца, что тотъ невиненъ, что тутъ какая-то ошибка, что обвиненіе нелѣпо, бездоказательно, и стоялъ какъ бы приросшій къ землѣ, скованный и блѣдный, какъ самъ этотъ несчастный. Кругомъ нихъ лица принимали яростное выраженіе, слышались крупные разговоры, и всѣ приближались съ видомъ бульдоговъ, натравленныхъ на кошку...

Человѣкъ говорилъ что-то, но его уже не было слышно среди усиливавшагося гама; онъ показывалъ свою карточку, но его рука дрожала такъ сильно, что Оливье не могъ прочесть его имени.

— Въ воду! — крикнулъ внезапно молодой свѣжій голосъ метрахъ въ двадцати отъ нихъ.

— Въ воду! въ воду!

Крикъ повторялся съ промежутками, подобно первымъ вспышкамъ пожара, который одновременно занимается въ нѣ-

скольких мѣстахъ зданія. И вдругъ вспыхнуло все пожирающее пламя.

— Въ воду! въ воду!—ревѣла уже вся площадь.

Головы двигались, руки поднимались, толпа колыхалась и кружилась яростно и конвульсивно.

— Въ воду! въ воду! въ воду!

На человѣка бросились, его схватили. Онъ отбивался, махалъ руками по воздуху, ища помощи. Онъ сталъ на кончики пальцевъ, хотѣлъ говорить. Но его открытый ротъ казался нѣмымъ, какъ будто въ него влетали бѣшенные крики толпы, вгоняя обратно его собственныя слова.

И вдругъ его приподняли. Крики удвоились. Оливье увидѣлъ большое хрупкое тѣло, повисшее надъ толпой, раскачиваемое и увлекаемое человѣческой волной, оставлявшее за собой движущуюся борозду изъ человѣческихъ головъ. Минутами оно погружалось въ массу, потомъ снова показывалось вверху, нѣсколько разъ останавливалось, жестикулировало, безпомощно кричало среди грома ругательствъ. Потомъ оно исчезло. Его бросили черезъ парапетъ.

Оливье вскочилъ на извощика, не помня себя отъ ужаса, унося въ глубинѣ своихъ глазъ страшныя лица убійцъ и безкровное лицо несчастнаго, который бился подъ водой въ судорогахъ самой ужасной изъ агоній.

— Вотъ они, наши герои!—замѣтилъ Лазарюсъ.

Три мѣсяца спустя, когда весна казалось спѣшила дѣлать свое дѣло, — снимала трауръ съ деревень и полей; обливала сверкающими цвѣтами плодовыя деревья и склоны холмовъ; возвращала сразу лѣтнее солнце туда, гдѣ недавно люди коченѣли отъ холода; покрывала тѣнью лѣса, гдѣ люди недавно дрались; звенѣла птичьими пѣснями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недавно свистали смертоносныя пули; мѣняла и декораціи, и самую піесу на аренѣ недавней трагедіи; когда сады магически зацвѣтали въ одинъ день и низенькія грушевыя деревья покрывались сплошь цвѣтами; когда фіалки благоухали, вѣтерокъ разносилъ ароматъ сирени, и лиліи на своихъ зеленыхъ стебляхъ засыпали, обвѣянныя сіяніемъ и ароматомъ; когда розы съ ихъ тонкимъ запахомъ уже покачивались на своихъ вѣтвяхъ; когда поспѣла свѣтлая красная земляника, — въ это время докторъ, его сынъ и Лазарюсъ съ высоты деревни Гролей смотрѣли, какъ горѣлъ Парижъ.

— Это слишкомъ, нѣтъ, это слишкомъ!—рыдалъ старикъ.— Парижъ, мой Парижъ!

И въ то время, какъ красные, кровавые столбы дыма по-

дымались къ небу, подъ грохотъ пушекъ, подъ трескъ картечи и ружейныхъ выстрѣловъ, потрясавшихъ тихую благоухающую ночь, — старикъ шепталъ нѣжныя слова о великомъ городѣ, готовомъ рухнуть подъ пепломъ, съ обагренными кровью улицами, гибнувшемъ среди братоубійственной злобы людей.

Потомъ, бросившись въ объятія сына, обливая его слезами и становясь между нимъ и горящимъ городомъ, онъ воскликнулъ:

— О, наши бѣдныя дѣти! И вамъ довелось видѣть все это!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Среди ночи и льда.

Норвежская полярная экспедиція 1893—96 гг.

Фритьофа Нансена.

ГЛАВА I.

Приготовленія.

Не смотря на кажущуюся безумную смѣлость моего плана, онъ встрѣтилъ сильную поддержку у норвежскаго правительства и короля. Въ стортингъ было внесено королевское предложеніе ассигновать 200,000 кронъ на осуществленіе плана. Эта сумма должна была покрыть двѣ трети издержекъ, остальную треть я предполагалъ покрыть частнымъ образомъ, такъ какъ съ разныхъ сторонъ получалъ предложенія. Послѣ моего возвращенія изъ Гренландіи консулъ Аксель Гейбергъ предоставилъ въ мое распоряженіе 10,000 кронъ на случай новой поѣздки. Его иниціативѣ я обязанъ также и позднѣйшими сборами.

30 Іюня 1890 года Стортингъ вотировалъ сумму, о которой я ходатайствовалъ, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы экспедиція была *норвежскою*. Въ январѣ 1891 крупный торговецъ Томасъ Фернлей, консулъ Аксель Гейбергъ и пивоваръ Эллефъ Рингнесъ принялись за дѣло сбора недостающихъ суммъ, и уже въ нѣсколько дней сумма эта была превзойдена подпиской.

Е. В. король Оскаръ подписалъ 20,000 кронъ, частныхъ пожертвованій поступило въ Норвегіи: отъ консула Акселя Гейберга—10,000 кронъ (впослѣдствіи еще 7,000), отъ Антона Хр. Хуэна—20,000, С. І. А. Дика 5000—позднѣе поступило еще 7,000, отъ торговца Томаса Фернлея—5,000, позднѣе поступило еще 1,000, отъ Рингнеса и К°—5,000 (потомъ еще 1,000), отъ торговца А. С. Кьестеруда—5,000 (потомъ еще 1,000), отъ торговца С. Зундта—5000,—консула Вести Эгеберга—10,000, отъ Гальфоръ Шоу—5,000, отъ барона Гаральда Ведель Ярльсберга и министра Левеншильдъ—10,000, отъ консула Николая Х. Кнутцдонъ—5,000.

Въ числѣ пожертвованій, полученныхъ изъ за границы, мы должны упомянуть о 300 ф. стерлинговъ, присланныхъ королевскимъ гео-

графическимъ обществомъ въ Лондонѣ, выказавшимъ такимъ образомъ свое сочувствіе предпріятію.

Баронъ Оскаръ Диксонъ взялъ на себя расходы по электрическому освѣщенію (динамо, аккумуляторы, проводники).

Во время снаряженія экспедиціи однако оказалось, что первоначальная смѣта была недостаточна. Корабль, который по предварительному разсчету долженъ былъ стоить 150,000 кронъ, обошелся около 100,000 дороже. Я не считалъ себя вправѣ экономничать, когда такъ много ставилось на карту и когда для успѣха предпріятія требовались особенныя мѣры. Трое лицъ, ставшихъ во главѣ перваго комитета, согласились образовать изъ себя и комитетъ экспедиціи и заняться ея денежными дѣлами. Для покрытія части дефицита они организовали, вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами изъ правленія и совѣта норвежскаго географическаго общества, новый частный сборъ пожертвованій по всей Норвегіи и стали позднѣе во главѣ національной подписки. Позднѣе я долженъ былъ обратиться съ ходатайствомъ въ Стортингъ о выдачѣ еще 80,000 кронъ, и наше національное собраніе, ассигновавъ мнѣ эту сумму 9 іюня 1893 г., еще разъ доказало свое сочувствіе предпріятію. Въ заключеніе консулъ Аксель Гейбергъ и г. Дикъ, внеся еще около 6,000 кронъ, покрыли вмѣстѣ со мною послѣдній дефицитъ, обнаружившійся передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ.

Общій расходъ на экспедицію составляетъ 444339,36 кронъ.

Изъ плана, представленнаго мною и подвергнутаго обсужденію, ясно было, что важнѣйшимъ пунктомъ при приготовленіи къ нашему путешествію я считалъ постройку судна, которое должно было провести насъ черезъ страшныя ледяныя области. И дѣйствительно, постройка нашего судна была произведена съ большею тщательностью, чѣмъ какого бы то ни было судна, когда либо пересѣкавшаго арктическія воды. Въ извѣстномъ норвежскомъ кораблестроителѣ Коленѣ Арчерѣ я нашелъ человѣка, который вполнѣ постигъ важность задачи и посвятилъ ей всю свою энергію и заботливость. И если наше путешествіе имѣло счастливый исходъ, то мы въ не малой степени обязаны этимъ Колену Арчеру.

Разсматривая длинный рядъ прежнихъ экспедицій и ихъ снаряженіе, мы должны обратить вниманіе на то, что лишь немногія изъ нихъ пользовались спеціально для ихъ цѣли построенными судами. Это обстоятельство должно удивить еще больше, если мы вспомнимъ, какія громадныя суммы расходовались на снаряженіе нѣкоторыхъ экспедицій. Но дѣло въ томъ, что всегда такъ торопились поскорѣе отправиться въ путь, что не имѣли времени позаботиться о болѣе тщательномъ снаряженіи экспедиціи и часто всего лишь за два мѣсяца до отъѣзда принимались за дѣло.

Но наша экспедиція не могла быть подготовлена въ такое

короткое время. Такъ какъ она должна была длиться три года, то и приготовленія къ ней не могли занять меньшее количество времени, между тѣмъ какъ планъ этой экспедиціи былъ задуманъ за девять лѣтъ до своего осуществленія.

Арчеръ представлялъ проектъ за проектомъ и изготовлялъ различныя модели, которыя отвергались, затѣмъ снова придумывались разныя улучшенія и измѣненія. Форма, на которой мы, наконецъ, остановились, быть можетъ, не красива по мнѣнію многихъ, но ея полная цѣлесообразность, я думаю, доказана нашимъ путешествіемъ. Всего больше мы заботились о томъ, чтобы снабд ть судно такими боковыми стѣнками, благодаря которымъ оно легко поднималось бы вверхъ во время напора льдовъ, не подвер аясь опасности быть раздавленнымъ между льдинами.

Грило, Наресъ и др. совершенно правы, говоря, что въ моей идеѣ нѣтъ ничего новаго. Я опираюсь лишь на печальный опытъ предшествующихъ экспедицій. Ново было, пожалуй, то, что мы не только знали, что судно должно имѣть акую именно форму, но и дѣйствительно придали ему ее и построили его настолько прочно, что оно могло противодѣйствовать напору льда, и это было главною нашею руководящею мыслью при постройкѣ. Коленъ Арчеръ правъ, высказавшись слѣдующимъ образомъ въ норвежскомъ морскомъ журналѣ 1892 г.:

«Принимая въ соображеніе основную идею, на которой зиждется весь планъ полярной экспедиціи д-ра Нансена, надо признать, что судно, спеціально построенное для одной только этой цѣли, должно во многихъ отношеніяхъ отличаться отъ всѣхъ строившихся до сихъ поръ судовъ... При постройкѣ судна надо преимущественно обратить вниманіе на то, чтобы, во первыхъ, та часть его, которая можетъ быть повреждена напирающими льдами, представляла возможно меньшую поверхность, и чтобы, во вторыхъ, оно было достаточно прочно для противодѣйствія давленію во всѣхъ направленіяхъ».

Такъ и было построено судно при чемъ не столько быстроходность его имѣлась въ виду, сколько необходимость вѣрнаго и теплаго убѣжища во время движенія во льду.

. . . . *)

Жилыя помѣщенія были расположены въ полупалубѣ и были такъ устроены, что нашъ общій салонъ, гдѣ мы обѣдали и проводили дни, находился по срединѣ, а съ обѣихъ сторонъ его помѣщались спальныя каюты. Такихъ каютъ было четыре односпальныхъ и двѣ четырехспальныхъ. Это расположеніе комнатъ имѣло цѣлью защитить салонъ отъ внѣшня о холода. Кромѣ того, стѣны, потолокъ и полъ состояли изъ толстыхъ слоевъ, и все теплое помѣщеніе было окружено линолеумомъ, не допускавшимъ осаж-

*) Техническія подробности описанія судна, какъ не интересныя для большинства нашихъ читателей, опускаемъ. *Ред.*

денія сырости на стѣнахъ, такъ какъ сырость эта скоро превращалась бы въ ледъ. Бока судна были покрыты просмоленнымъ войлокомъ, за которымъ помѣщался пробковый слой и затѣмъ слѣдующіе слои: изъ еловаго лѣса, толстый слой войлока, потомъ опять линолеумъ и дощатая обшивка. Потолокъ салона и каютъ состоялъ изъ нѣсколькихъ слоевъ: воздушнаго, войлочнаго, изъ еловаго дерева, линолеума, оленьей шерсти, пластинчатаго, опять линолеума, воздуха и древеснаго слоя. Считая палубныя доски въ 10 сант., въ общемъ потолокъ былъ толщиною приблизительно въ 40 сант. Полъ салона былъ устроенъ такимъ образомъ: на доски былъ положенъ слой пробокъ и затѣмъ сверху настланъ толстый деревянный полъ, покрытый линолеумомъ. Палубное окно, черезъ которое холодъ могъ особенно легко проникать въ каюту, было защищено тройными рамами и еще другими способами.

Одну изъ величайшихъ непріятностей жизни на судахъ, во время прежнихъ экспедицій, составляло то обстоятельство, что скопляющаяся на холодныхъ стѣнахъ помѣщеній сырость или превращалась въ ледъ тотчасъ же, или же стекала ручьями со стѣнъ на полъ или на койки. Благодаря этому, очень часто коечные матрацы превращались въ настоящія глыбы льда. Мы же совершенно избѣжали этой непріятности, и когда въ салонѣ топили, то на стѣнахъ и даже въ спальныхъ каютахъ не замѣчалось ни слѣда сырости.

Передъ салономъ находилась кухня и по обѣимъ ея сторонамъ былъ устроенъ ходъ на палубу.

Для защиты отъ холода на каждой изъ лѣстницъ по сторонамъ кухни были устроены по четыре маленькія, но солидныя двери, также сдѣланныя изъ нѣсколькихъ слоевъ дерева и войлока; чтобы выйти наружу, надо было пройти черезъ всѣ эти двери. Порогъ у дверей былъ сдѣланъ очень высокимъ, чтобы не давать доступа холодному воздуху. На верху, надъ кухней, между гротъ-мачтой и трубой, находилось помѣщеніе для картъ съ передней стороны и маленькая рабочая каюта—позади.

Чтобы оградить судно на случай течи, оно было раздѣлено непроницаемыми перегородками на три части. Кромѣ того, помимо обыкновенныхъ насосовъ, у насъ была еще очень сильная центробѣжная помпа, приводимая въ движеніе паровой машиной; эту помпу можно было немедленно привести въ соединеніе съ любымъ отдѣленіемъ судна.

Надо прибавить еще, что «Fram» былъ освѣщенъ электричествомъ, что также представляло усовершенствованіе сравнительно съ прежними экспедиціями.

Динамо-машина приводилась въ движеніе паровой машиной, когда та находилась въ дѣйствіи; во время же пребыванія во льду мы предполагали пользоваться для той же цѣли или силою вѣтра, или своими собственными силами. Для этой цѣли мы взяли съ собою

вѣтряную мельницу и воротъ, который сами могли приводить въ движеніе. Но у насъ много было всякой другой работы, и поэтому мы были чрезвычайно рады, что не пришлось возиться съ этимъ воротомъ, и намъ замѣняла его вѣтряная мельница. Для освѣщенія на тотъ случай, еслибы оказалось недостаточно силы для развитія электрическаго свѣта, съ нами былъ запасъ въ 16 тоннъ керосина, который мы употребляли также для кухни и частью для отопленія жилого помѣщенія. Керосинъ и 20 тоннъ минеральнаго масла *), которые предназначались вмѣстѣ съ углемъ для топки котла, хранились въ крѣпкихъ желѣзныхъ резервуарахъ; изъ нихъ восемь находились внутри судна и одно на палубѣ.

Лодокъ на суднѣ было 8; изъ нихъ двѣ были особенно велики, а именно: длина—8,8 м. и ширина 2,1. Эти большія лодки предназначались на тотъ случай, еслибъ судно, не смотря на всѣ мѣры предосторожности, подверглось разрушенію. Мы намѣревались тогда на этихъ лодкахъ продолжать свое путешествіе во льдахъ. Лодки были достаточно велики и могли вмѣстить весь нашъ экипажъ и, кромѣ того, запасъ провіанта на много мѣсяцевъ. Четыре меньшихъ лодки имѣли такую форму, которая принята всѣми охотниками на тюленей. Эти лодки были очень крѣпки и очень легки; двѣ были построены изъ дуба и двѣ изъ ваза. Седьмая лодка — маленькій челнокъ, а восьмая — ботъ съ керосиновымъ двигателемъ; этотъ послѣдній, впрочемъ, былъ не такъ удобенъ и причинялъ намъ много хлопотъ.

Такъ какъ мнѣ придется еще не разъ говорить о разныхъ предметахъ, которые мы взяли съ собою въ плаваніе, то здѣсь я упомяну лишь о самомъ главномъ:

Разумѣется, особенное вниманіе было обращено на запасы провизіи, такъ какъ именно въ плохомъ питаніи лежитъ источникъ скорбута и всякихъ другихъ страданій.

Всѣ относящіеся сюда физіологическіе вопросы были тщательно обсуждены профессоромъ Торупомъ, который помогалъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ своими совѣтами. Результатомъ нашихъ совѣщаній было слѣдующее: мы пришли къ заключенію, что консервированіе мяса и рыбы посредствомъ соленія, копченія или неполнаго засушиванія не вполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли и не годится для продолжительныхъ полярныхъ экспедицій. Нашею руководящею мыслью было — сохранять пищевые припасы отъ порчи посредствомъ тщательнаго и полнаго высушиванія или же стери-

*) Это масло, при помощи особенно устроеннаго аппарата съ паровымъ пульверизаторомъ, впрыскивалось тонкой струей въ топку, гдѣ оно сгарало, развивая очень большое тепло; этотъ аппаратъ былъ совершенно такой конструкціи, какой употребляется въ Англіи для локомотивовъ. Оказалось, однако, что котелъ разогрѣвался слишкомъ сильно, и мы эту систему примѣняли лишь короткое время въ теченіе пути.

лизаціи при помощи теплоты. Я, кромѣ того, заботился не только о томъ, чтобы весь провіантъ былъ питателенъ и хорошаго качества, но также старался обезпечить по возможности разнообразіе пищи. Мы взяли съ собою мясо всѣхъ сортовъ въ герметически закупоренныхъ коробкахъ, а также сушеную рыбу и консервы *) изъ рыбы, картофель, какъ сушеный, такъ и въ коробкахъ, консервы изъ зелени и сушеную зелень, вареныя и сухія овощи, варенья и мармеладъ въ большомъ количествѣ, сгущенное молоко съ сахаромъ и безъ сахара, консервированное мясо, сухой бульонъ всевозможныхъ сортовъ и разныя другія вещи. Нашъ хлѣбъ состоялъ преимущественно изъ норвежскаго корабельнаго ржанаго и пшеничнаго хлѣба и англійскихъ корабельныхъ сухарей; кромѣ того, у насъ были съ собою большіе запасы муки, такъ что мы могли печь свѣжій хлѣбъ. Всѣ наши пищевые запасы подвергались предварительному химическому изслѣдованію **), послѣ чего уже особенное вниманіе было обращено на ихъ тщательную упаковку. Даже хлѣбъ, сушеная зелень и др. предметы были упакованы въ запаянныхъ цинковыхъ ящикахъ съ цѣлью лучшаго огражденія ихъ отъ сырости.

За завтракомъ и ужиномъ напитками намъ служили кофе, шоколадъ, чай, иногда молоко. За обѣдомъ въ первые полгода мы пили пиво, а затѣмъ употребляли лимонный сокъ съ сахаромъ и сиропомъ. Кромѣ пива и нѣсколькихъ бутылокъ мальцъ-эстракта, у насъ не было взято съ собою никакихъ спиртныхъ напитковъ ***). Табаку былъ большой запасъ, какъ для куренія, такъ и для жеванія.

Для такого путешествія, какъ наше, большое значеніе имѣетъ библіотека и, благодаря издателямъ и вообще людямъ, сочувствовавшимъ экспедиціи въ Норвегіи и заграницей, мы въ этомъ отношеніи были очень хорошо обставлены. Огромное значеніе имѣютъ, конечно, инструменты, при помощи которыхъ мы должны были производить свои научныя наблюденія. Мы обратили особенное вниманіе на выборъ и качество своихъ инструментовъ. Кромѣ тѣхъ, которые уже были у меня во время моей поѣздки въ Гренландію, мы пріобрѣли цѣлую массу новыхъ и не щадили никакихъ средствъ для пріобрѣтенія самыхъ лучшихъ и точныхъ приборовъ. Для метеорологическихъ наблюденій были взяты, кромѣ обыкновенныхъ термометровъ, барометровъ, анероидовъ, психрометровъ, гигрометровъ,

---

*) Консервы изъ рыбы очень нравились всѣмъ на суднѣ, особенно норвежскіе рыбные фарши и рыбные пуддинги, не говоря уже о консервахъ изъ макрели.

**) Изслѣдованія пищевыхъ запасовъ экспедиціи были произведены химиками: Шмелькомъ въ Христіаніи и Геркнесомъ въ Лондонѣ.

***) Нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи частнымъ образомъ взяли съ собою немного вина и коньяку. По прошествіи года, когда я убѣдился, что гигіеническія условія оставались неизмѣнно хорошими, я разрѣшилъ во время нѣкоторыхъ праздниствъ приготовлять грогъ изъ морошки или другого фруктоваго сока съ прибавленіемъ спирта.

анемометровъ и т.д. еще и саморегистрирующіе инструменты. Особенно большое значеніе для насъ имѣлъ саморегистрирующій анероидъ-барометръ (барографъ) и пара саморегистрирующихъ термометровъ (термографы). Для производства астрономическихъ наблюденій у насъ былъ большой приборъ, которымъ мы пользовались во время плаванія во льдахъ, и два теодолита меньшаго размѣра, предназначавшіеся для экспедиціи въ саняхъ, а также нѣсколько секстантовъ, различной величины. Далѣе у насъ было четыре корабельныхъ и нѣсколько карманныхъ хронометровъ. Для магнитныхъ наблюденій у насъ также было все, что нужно, что бы опредѣлить склоненіе, отклоненіе и напряженіе, какъ горизонтальное, такъ и общее. Затѣмъ я упомяну еще о слѣдующихъ инструментахъ: спектроскопѣ, спеціально приспособленномъ для сѣвернаго сіянія, электроскопѣ для опредѣленія электричества въ воздухѣ, фотографическихъ аппаратахъ, которыхъ у насъ было семь, большихъ и маленькихъ, и фотографическомъ аппаратѣ для съемки картъ.

Я считалъ особенно важными опыты съ маятникомъ на дальнемъ сѣверѣ, но для этихъ опытовъ нужна была земля, а мы ее не нашли, такъ что аппаратъ, взятый нами для этой цѣли, не имѣлъ большого примѣненія.

Мы взяли съ собою также цѣлую коллекцію гидрографическихъ инструментовъ и аппаратовъ для опредѣленія процентнаго содержанія соли въ водѣ. Кромѣ обыкновенныхъ ареометровъ, у насъ былъ еще электрическій аппаратъ.

Конечно, у насъ были также всѣ приспособленія для ловли животныхъ и собиранія растеній.

Въ общемъ, наша экспедиція была прекрасно обставлена въ научномъ отношеніи, и этимъ мы обязаны многимъ ученымъ, охотно помогавшимъ намъ. Пользуясь случаемъ, я приношу свою особенную благодарность слѣдующимъ лицамъ: профессору Мону, не только взявшему на себя выборъ метеорологическихъ инструментовъ, но и въ другихъ отношеніяхъ помогавшему мнѣ и словомъ и дѣломъ; профессору Гельмюндену, занимавшемуся астрономической частью; профессору Неймайеру, въ Гамбургѣ, наблюдавшему за магнитными приборами, а также профессору Отто Паттерсону въ Стокгольмѣ и стипендіату Торнои въ Христіаніи; оба помогли намъ при подборѣ гидрографическихъ инструментовъ. Не меньшее значеніе имѣли и физіолого-медицинскія приготовленія, которыя производились подъ наблюденіемъ и руководствомъ профессора Торума.

Въ высшей степени важно было имѣть въ своемъ распоряженіи хорошихъ собакъ для саней. Я обратился въ Петербургъ къ моему другу барону Эдуарду фонъ-Толль съ вопросомъ, можно ли найти годныхъ собакъ въ Сибири. Баронъ Толль отвѣчалъ мнѣ очень предупредительно, что онъ надѣется самъ устроить это для меня, такъ какъ собирается какъ разъ теперь совершить свою вторую научную поѣздку по Сибири и на Новосибирскіе Острова. Онъ предложилъ от-

править собакъ въ Хабарову у Югорскаго пролива. Во время проѣзда черезъ Тюмень, въ январѣ 1893 года онъ уговорилъ, черезъ посредство англійскаго купца Вардроппера, жителя Тюмени, Александра Ивановича Тронтгейма отправиться съ тридцатью якутскими собаками къ Югорскому шару. Но баронъ Толль этимъ не удовольствовался. Такъ какъ г. Николай Кельхъ предложилъ взять на себя всѣ расходы, то баронъ Толль позаботился купить 26 восточно-сибирскихъ собакъ, считающихся лучше западно-сибирскихъ (остяцкихъ), и норвежецъ Іоганнъ Торгерсенъ отправился съ ними къ устью Оленека, гдѣ мы должны были пройти согласно предположенію.

Далѣе баронъ Толль находилъ очень важнымъ устройство на Новосибирскихъ островахъ нѣсколькихъ складовъ, на тотъ случай, еслибы «Fram» потерпѣлъ крушеніе и экспедиціи пришлось бы возвращаться назадъ этимъ-же путемъ. Кельхъ тотчасъ же выразилъ желаніе покрыть всѣ издержки по устройству складовъ, такъ что и на Новосибирскихъ островахъ мы пользовались сибирскимъ гостепріимствомъ.

Такъ какъ трудно было найти людей, на которыхъ можно было бы положиться въ данномъ случаѣ, то баронъ Толль самъ взялся устроить склады. Въ 1893 года онъ предпринялъ съ этою цѣлью въ высшей степени интересное и полное приключеній путешествіе съ материка по льду на Новосибирскіе острова, гдѣ онъ не только устроилъ для насъ три склада *), но произвелъ также и очень важныя геологическія изслѣдованія.

Вторымъ важнымъ пунктомъ было, по моему мнѣнію, устройство на нашемъ пути угольнаго склада въ возможно отдаленномъ мѣстѣ, чтобы взять возможно большій запасъ передъ тѣмъ, какъ мы совершенно порвемъ сношенія съ остальнымъ міромъ.

Съ радостью принялъ я предложеніе одного англичанина, вызвавшагося сопровождать насъ до Новой Земли или Карскаго моря и на прощанье снабдить насъ 100 тоннами угля. Но передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ я узналъ, что онъ принялъ другое рѣшеніе, и такъ какъ было уже поздно устраиваться инымъ образомъ, то я подрядилъ яхту «Urania» изъ Бренезунда въ Нордландѣ для доставки угля въ Хабарово у Югорскаго пролива.

Какъ только сдѣлался извѣстенъ мой планъ экспедиціи, изъ всѣхъ частей свѣта, Европы, Америки и даже изъ Австраліи, сотни

---

*) Эти склады были такъ предусмотрительно и тщательно устроены, что мы и въ самомъ дѣлѣ не терпѣли-бы никакой нужды, еслибъ дошли до этого мѣста. Въ самомъ сѣверномъ складѣ, въ станѣ Дурново, на западномъ берегу о-ва Котельнича, подъ 7,5 57' с. ш. мы бы нашли запасъ провизіи на восемь дней. Оттуда мы могли бы уже безъ затрудненій пробраться на 100 километровъ южнѣе вдоль берега ко второму складу въ Уруссалахѣ, гдѣ въ домикѣ, построенномъ барономъ Толлемъ въ 1886 г., мы бы нашли запасы провіанта на цѣлый мѣсяцъ. Третій складъ находился въ одномъ домѣ на южномъ берегу маленькаго острова Ляхова; тамъ провіанту было запасено на два мѣсяца, и мы въ состояніи были бы такимъ образомъ добраться до берега.

людей, не смотря на всѣ предостерегающіе голоса, раздававшіеся противъ экспедиціи, обратились ко мнѣ съ просьбою принять ихъ въ число участниковъ. Не легко было сдѣлать выборъ между столькими мужественными людьми, предлагавшими мнѣ свои услуги. Само собою разумѣется, что особенное значеніе придавалось здоровью и силамъ; поэтому никто не былъ зачисленъ окончательно въ экспедицію прежде, чѣмъ не подвергся тщательному медицинскому осмотру, который былъ произведенъ профессоромъ Хальмаромъ, Гейбергомъ въ Христіаніи.

Составъ экспедиціи былъ слѣдующій:

Отто Нейтаннъ Свердрупъ, капитанъ Фрама, родился въ 1855 году въ Биндаленѣ, въ Гольгеландѣ. Въ первый разъ онъ пошелъ въ море семнадцати лѣтъ. Въ 1878 году сдалъ экзаменъ на штурмана и нѣсколько лѣтъ плавалъ въ качествѣ капитана. Въ 1888—89 г. онъ участвовалъ въ моей поѣздкѣ по Гренландіи. Какъ только онъ услышалъ о моемъ планѣ полярной экспедиціи, то немедленно выразилъ желаніе принять въ ней участіе. Я зналъ, что не могу въ лучшія руки отдать свое судно. Свердрупъ женатъ и имѣетъ одного ребенка.

Зигурдъ Скоттъ Гансенъ, первый лейтенантъ норвежскаго флота, взялъ на себя астрономическія, метеорологическія и магнетическія наблюденія. Онъ родился въ 1868 году въ Христіаніи. Кончивъ курсъ въ Морской школѣ въ Гортенѣ, онъ былъ произведенъ въ офицеры въ 1889 году и въ 1892 году сдѣланъ первымъ лейтенантомъ. Скоттъ Гансенъ сынъ окружнаго пастора Андреаса Гансена въ Христіаніи.

Cand. med. *Генрихъ Греве Блессингъ*, врачъ и ботаникъ экспедиціи, родился въ 1868 г. въ Драмменѣ, гдѣ его отецъ былъ духовнымъ лицомъ. Онъ былъ зачисленъ студентомъ въ 1885 году, въ февралѣ 1893 получилъ степень кандидата медицины.

Теодоръ Клаудусъ Якобсенъ, штурманъ «Fram», родился въ 1855 г. въ Тромзе, гдѣ его отецъ, капитанъ, занималъ позднѣе должность главнаго лоцмана. Пятнадцати лѣтъ отъ роду онъ пошелъ въ море и спустя четыре года сдалъ штурманскій экзаменъ. Два года онъ былъ рабочимъ въ Новой Зеландіи. Въ 1886—90 г. онъ отправился въ качествѣ шкипера Ледовитаго океана на яхтѣ изъ Тромзе. Онъ женатъ и имѣетъ одного ребенка.

Антонъ Амундзенъ, первый машинистъ «Fram», родился въ Гортенѣ, въ 1853 г. Въ 1875 году онъ сдалъ техническій экзаменъ, въ 1877 году былъ машинистомъ, а въ 1892 году сдалъ экзаменъ на машиннаго мастера, 25 лѣтъ онъ прослужилъ во флотѣ, гдѣ получилъ мѣсто старшаго машиниста. Онъ женатъ и имѣетъ семь человѣкъ дѣтей.

Адольфъ Юэль, провіантмейстеръ и поваръ на суднѣ, родился въ 1860 г. въ округѣ Скате въ Крагеро. Его отецъ, Клаусъ Нильсенъ Юэль, былъ поселяниномъ и кораблевладѣльцемъ. Адольфъ

Юэль сдалъ штурманскій экзаменъ и съ 1879 года въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ шкиперомъ. Онъ женатъ и имѣетъ четверыхъ дѣтей.

Ларсъ Петерсенъ, второй машинистъ «Fram», родился въ 1860 г. въ Борре, близъ Ландскроны въ Швеціи, но происходитъ отъ норвежскихъ родителей. Онъ ученый кузнецъ и машинный работникъ и въ качествѣ такового нѣсколько лѣтъ прослужилъ въ норвежскомъ флотѣ. Женатъ и имѣетъ четырехъ дѣтей.

Лейтенантъ резерва *Фредрикъ Хіальмаръ Іогансенъ*, родился въ 1867 г. въ Скьенѣ и въ 1886 году былъ студентомъ. Въ 1891 и въ 1892 г. онъ посѣщалъ военную школу и затѣмъ былъ резервнымъ офицеромъ. Онъ такъ сильно хотѣлъ участвовать въ нашей экспедиціи, что даже согласился отправиться въ качествѣ истопника, такъ какъ другого свободнаго мѣста не было. На судаѣ онъ большую часть времени былъ ассистентомъ при метеорологическихъ наблюденіяхъ.

Гарпунщикъ *Педеръ Леонардъ Гендриксенъ*, родился въ 1859 г. въ Бальефіордѣ, по близости Тромзе. Съ самаго дѣтства ходилъ въ море и въ теченіе 14 лѣтъ былъ гарпунщикомъ и шкиперомъ въ Ледовитомъ океанѣ. Въ 1888 году онъ потерпѣлъ крушеніе у Новой земли на яхтѣ «Enigheden» изъ Христіанзунда. Женатъ и имѣетъ четверыхъ дѣтей.

Бернгардъ Нордаль, родился въ Христіаніи въ 1862 году. Четырнадцати лѣтъ онъ поступилъ на морскую службу и достигъ должности констабля. Позднѣе занималъ всевозможныя должности и, между прочимъ, работалъ по проведенію электрическаго освѣщенія. На суднѣ онъ наблюдалъ за динамо-машиной и электрическимъ освѣщеніемъ, помогая, какъ истопникъ, и нѣкоторое время былъ помощникомъ при метеорологическихъ наблюденіяхъ. Онъ женатъ и отецъ пятерыхъ дѣтей.

Иваръ Отто Иргенсъ Могштадтъ, родился въ 1856 году, въ Адре, въ Нордморе. Въ 1877 году сдалъ экзаменъ на лѣсничаго. Съ 1882 года былъ старшимъ надзирателемъ въ пріютѣ душевнобольныхъ въ Гауштадѣ. На суднѣ онъ исполнялъ разныя обязанности отъ часового мастера до надсмотрщика за собаками включительно.

Бернтъ Бентуенъ, родился въ 1860 году и нѣсколько лѣтъ ходилъ въ море. Въ 1890 году сдалъ экзаменъ на штурмана и затѣмъ плавалъ въ качествѣ штурмана въ Ледовитомъ океанѣ. Онъ былъ взятъ нами въ Тромзе, какъ разъ въ самый моментъ отъѣзда. Дѣло сладилось скоро: въ половинѣ девятаго онъ явился ко мнѣ на судно, чтобы переговорить, а въ десять «Fram» уже вышелъ въ море.

ГЛАВА II.

Отъѣздъ.

Это было въ Ивановъ день 1893 г. Печально и сумрачно начинался день; надо было проститься, проститься безповоротно. Двери закрылись за мной. Одиноко прошелъ я въ послѣдній разъ черезъ садъ на набережную, гдѣ уже ждалъ меня маленькій паровой ботъ «Fram'a». За мною оставалось все, что мнѣ было дорого въ жизни. Что же было впереди? И сколько пройдетъ лѣтъ, прежде чѣмъ я снова увижу все это?

Чего бы я не далъ въ эту минуту, чтобы имѣть возможность вернуться! Наверху, въ окнѣ сидѣла Лифъ, моя дочурка, и хлопала въ ладошки. Счастливое дитя, не подозрѣвающее какъ удивительно сложна и измѣнчива жизнь!

Стрѣлой пронеслась маленькая лодка черезъ бухту Лизакеръ къ мѣсту отправленія въ путешествіе, въ которомъ ставилась на карту жизнь, если не больше.

Наконецъ, все готово. Наступилъ тотъ моментъ, который подготовлялся долгими годами напряженной работы. Онъ наступилъ, но вмѣстѣ съ нимъ явилось и сознаніе, что все необходимое имѣется на лицо и все такъ выполнено, что теперь можно сложить съ себя отвѣтственность и дать, наконецъ, отдыхъ своему мозгу.

Въ бухтѣ Пипервикенъ стоитъ Fram, нетерпѣливо выпуская пары и ожидая сигнала; гудя, проходитъ баркасъ мимо маяка и, приблизившись къ судну, пристаетъ къ нему.

Палуба полна людей, желающихъ сказать намъ послѣднее прости; всѣ они должны теперь покинуть судно. Fram подымаетъ якорь, и тяжело нагруженное судно медленно приходитъ въ движеніе и обходитъ бухту. На набережной толпа народа, махающая шляпами и платками, но безмолвно и тихо поворачиваетъ Fram свой бугшпритъ по направленію къ фіорду и смѣло идетъ впередъ мимо маяка, быстроходныхъ яхтъ и пароходовъ, на встрѣчу неизвѣстному. Тамъ, на морскомъ берегу мирно красуются виллы, утопая въ зелени, какъ всегда. «Ахъ, какъ хороши луга, никогда они не казались мнѣ красивѣе» *). Пройдетъ много времени, прежде чѣмъ мы снова появимся въ этихъ знакомыхъ водахъ.

Еще послѣдній привѣтъ родному дому, который стоитъ тамъ, на береговой косѣ. Передъ нами блестящій фіордъ, обрамленный сосновымъ и еловымъ лѣсомъ, привѣтливыми равнинами, за которыми виднѣются вершины, покрытыя лѣсомъ. Въ подзорную трубу я замѣтилъ бѣлую фигуру, чуть-чуть выдѣлявшуюся на скалѣ подъ елкой...

Это была самая тяжелая минута во всемъ моемъ путешествіи

---

*) Знаменитое изреченіе Гуннара въ Ньяльсъ-сагѣ.

Впередъ, въ фіордъ! Пошелъ дождь, и мрачный колоритъ окуталъ весь дорогой ландшафтъ со всѣми воспоминаніями, связанными съ нимъ.

Только утромъ на слѣдующій день (25-го іюня) Fram медленно входилъ въ бухту Реквика, гдѣ находилась его колыбель—верфи Арчера въ Лаурвилѣ, и гдѣ не мало народилось золотыхъ грезъ о славной судьбѣ судна. Тутъ мы должны были принять на бортъ двѣ большія лодки и поднять ихъ на шлюпъ-балки, а также разный матеріалъ.

Но прошло гораздо больше сутокъ, прежде чѣмъ все было готово къ отъѣзду. 26-го, около трехъ часовъ, мы простились съ Реквикомъ, сдѣлали привалъ на рейдѣ Лаурвика, чтобы оттуда, мимо Фредриксверна, выйти въ открытое море. Арчеръ самъ правилъ рулемъ и велъ свое дѣтище Fram до тѣхъ поръ, пока не пришло время разстаться. Мы въ послѣдній разъ пожали другъ другу руки—словъ было сказано немного. Арчеръ, мои братья и мой другъ сѣли въ лодку, а Fram грузно двинулся дальше. Связь была порвана. Необыкновенно грустно было видѣть, на голубой поверхности моря, эту маленькую лодочку, въ которой находились послѣдніе, видѣнные нами, люди родины; на ней развѣвался бѣлый парусъ катера, а дальше виднѣлся Лаурвикъ. Мнѣ показалось даже, что на прекрасномъ старческомъ лицѣ Арчера блеснула слеза, когда онъ, выпрямившись во весь ростъ въ лодкѣ, крикнулъ «ура!», разставаясь съ нами. Это судно, вѣдь, изъ его сердца выросло! Онъ твердо вѣрилъ въ него, мнѣ это было извѣстно. Первые салютные выстрѣлы изъ пушекъ Fram раздались въ честь Арчера и, конечно, трудно было сдѣлать имъ болѣе достойное примѣненіе. Пустили полный паръ и въ тихій, ясный лѣтній день, подъ лучами вечерняго солнца, Fram поплылъ по голубому морю, чтобы въ высокихъ волнахъ морской зыби взять свою первую морскую ванну.

Плаваніе вдоль берега, мимо Христіанзунда, прошло при хорошей погодѣ. На слѣдующій вечеръ (27 іюня) Fram миновалъ уже Линдеснесъ. До поздней ночи бесѣдовали мы съ Скоттъ Гансеномъ, который исполнялъ обязанности капитана на пути изъ Христіаніи въ Дронтгеймъ, гдѣ уже къ намъ долженъ былъ присоединиться Свердрупъ, проводившій свою семью въ Стенкьеръ. Часы шли за часами, какъ вдругъ качка усилилась, волна распахнула двери и хлынула внутрь. Мы поспѣшили на верхъ. Корабль сильно качало, точно балку на волнахъ, и онъ черпалъ бортами съ обѣихъ сторонъ. Мало по малу всѣ наши люди высыпали на палубу. Всего больше я боялся, что не выдержатъ тонкія шлюпбалки, на которыхъ висѣли большія лодки, и эти лодки снесетъ въ море, пожалуй, даже съ частью такелажа; когда 25 пустыхъ бочекъ изъ-подъ парафина, привязанныхъ на палубѣ, сорвало съ мѣста и стало кидать изъ стороны въ сторону, причемъ онѣ, мало по малу, наполнялись водой, зрѣлище было далеко неутѣшительное. Но еще хуже стало, когда по-

добное же путешествіе по палубѣ судна предприняли запасныя бревна, дрова, доски, грозившія снести подпорки, укрѣплявшія шлюпбалки. Это была трудная минута. Страдая морскою болѣзнью, я стоялъ на командорскомъ мостикѣ, раздираемый разными чувствами, то принося жертву морскимъ богамъ, то охваченный сильнѣйшимъ страхомъ за людей, старавшихся спасти отъ потопленія то, что можно было спасти. Временами я видѣлъ передъ собою только какой-то водоворотъ, въ которомъ волны, плавающія доски, руки и ноги людей и пустыя бочки—все смѣшивалось въ одну кучу. Тамъ зеленая волна свалила человѣка съ ногъ, и на него брызнулъ водяной потокъ; въ другомъ мѣстѣ люди прыгали черезъ вертящіяся въ водоворотѣ балки и бочки, чтобы избѣжать ушибовъ. Ни у кого, конечно, не было сухой нитки на тѣлѣ.

Юэлль спалъ въ «Грандъ отелѣ»—такъ мы называли одну изъ большихъ лодокъ. Проснувшись, онъ услышалъ, какъ море шумитъ подъ нимъ, точно водопадъ. Я встрѣтился съ нимъ у дверей каюты, куда онъ прибѣжалъ, крича: «Наверху все гибнетъ! Спасти хоть кое-какое тряпье!» Подъ мышкою у него былъ уже узелокъ, затѣмъ онъ бросился спасать свой сундукъ, плававшій въ соленой водѣ. Онъ потащилъ его на корму, а тѣмъ временемъ волны, одна за другою, окачивали его.

Одинъ разъ Fram почти погрузился носомъ въ воду, и волны ринулись на бакъ судна. Какой-то человѣкъ, уцѣпившись за якорный боканецъ, повисъ надъ бѣлою пѣной. Это былъ опять-таки Юэлль.

Намъ стоило много труда спасти свои вещи. Мы должны были побросать за бортъ всѣ наши прекрасные боченки изъ-подъ парафина, и одна великолѣпная балка за другой отправлялись по той же дорогѣ. Я стоялъ и смущенно смотрѣлъ, какъ онѣ уплывали. Остальная часть палубнаго груза была сложена въ полупалубѣ. Я боюсь, что акціи нашей экспедиціи стояли очень низко въ этотъ моментъ.

Но вдругъ, когда намъ было особенно скверно, мы увидѣли барку, выступившую передъ нами изъ тумана. Она такъ спокойно и увѣренно плыла подъ парусами, тихо качаясь на волнахъ, какъ будто ничего не случилось. Даже досадно было смотрѣть на нее. Я тутъ невольно вспомнилъ о летучемъ голландцѣ и разной другой чертовщинѣ.

Въ кухнѣ случилось большое несчастье. Могштадтъ вошелъ туда и увидѣлъ, что вся стѣна обрызгана какими-то темнокрасными пятнами. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ къ Нордалю съ извѣстіемъ, что Юэлль, какъ онъ думалъ, застрѣлился, доведенный до отчаянія невыносимой жарой, на которую онъ сильно жаловался. Кровавая драма на «Fram!!!» Но при ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что «кровь» происходила изъ банки съ шоколадомъ, которую опрокинуло въ шкафу.

Мы не рѣшались приближаться къ берегу изъ-за тумана и

должны были держать курсъ въ открытое море, пока къ утру не разсѣялся туманъ, и лоцманъ не увидалъ землю въ Форзундѣ и Гуммердусѣ. Мы повернули въ Листеръ Фіордъ, чтобы тамъ стать на якорь и привести все въ порядокъ, но такъ какъ погода измѣнилась, то мы отправились дальше, и къ вечеру подъ сильнымъ дождемъ и вѣтромъ вошли въ Экерзундъ, гдѣ стали на якорь въ Гофландсъ-бухтѣ, родинѣ нашего лоцмана *).

На слѣдующій день шлюпбалки и все остальное было приведено въ порядокъ. Fram былъ черезъ-чуръ нагруженъ и потому не могъ хорошо держаться въ морѣ, но тутъ ужъ мы ничего измѣнить не могли. Все, что мы взяли съ собою, было намъ нужно, но когда мы хорошо прикрѣпили и спрятали весь нашъ палубный грузъ, то волны большого вреда намъ причинить уже не могли: мы знали, что судно и такелажъ ихъ выдержатъ.

Былъ поздній вечеръ въ послѣдній день іюня, когда мы у Кварвена сдѣлали поворотъ и ночью, при сумрачной погодѣ, остановились въ Бергенѣ. Утромъ на другой день (1 іюля) солнце освѣщало гавань своими лучами, когда я вышелъ на палубу. Это былъ истинный праздникъ солнца и горъ. Ульрикенъ Флоенъ и Лефстаккенъ блестѣли и искрились подъ его лучами. Удивительное мѣсто этотъ старинный ганзейскій городъ.

Вечеромъ я долженъ былъ прочесть лекцію, но явился получасомъ позднѣе. Когда я уже собирался уходить, мнѣ представили массу счетовъ, и я долженъ былъ заняться расплатою. Публикѣ пришлось ждать долго. Но хуже всего было то, что каютъ-кампанія переполнилась вѣчно-любопытными туристами. Я могъ слышать изъ своей каюты, какъ мои двери осадило цѣлое общество англичанъ въ то время, какъ я одѣвался, заявившихъ, что они желаютъ «пожать руку доктору» (shake hands with the doctor). Одна англичанка вздумала даже посмотрѣть на меня черезъ отверстіе вентилятора, какъ я потомъ слышалъ отъ своего секретаря, видѣвшаго это. Но, должно быть, не совсѣмъ подходящее зрѣлище увидала юная красавица, потому что быстро отскочила отъ вентилятора.

Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, куда мы заходили, на насъ смотрѣли точно на дикихъ звѣрей въ звѣринцѣ. Безъ стѣсненія ходили кругомъ насъ и разсматривали насъ въ каютахъ, какъ медвѣдей и львовъ въ клѣткахъ, разсуждая объ насъ такъ громко, что мы все слышали, и критикуя портреты нашихъ близкихъ, висѣвшіе на стѣнахъ кают.

Одѣвшись, я осторожно пріотворилъ дверь и въ два прыжка былъ

---

*) Какъ этотъ лоцманъ, который насъ велъ изъ Христіаніи въ Бергенъ, такъ и Іоганнъ Гегензейнъ, приведшій насъ изъ Бергена въ Варде, были любезно предоставлены въ наше распоряженіе пароходнымъ обществомъ въ Дронтгеймѣ.

уже на палубѣ, проскочивъ мимо зѣвакъ, закричавшихъ другъ другу: «Вотъ онъ, вотъ онъ!» (There he is, there he is). И все общество ринулось за мной, но я въ одно мгновеніе былъ уже на пристани и сѣлъ въ экипажъ гораздо раньше, чѣмъ они выбрались на палубу.

Въ восемь часовъ вечера состоялось большое празднество. Много хорошихъ рѣчей, хорошее угощеніе и напитки, красивыя дамы, музыка и танцы до самаго разсвѣта.

На другое утро (2 іюля) въ 11 часовъ—это было воскрссенье—при солнечной погодѣ мы прошли черезъ фіордъ изъ Бергена на сѣверъ. Наши друзья провожали насъ. Былъ чудный лѣтній день. Сѣвернѣе, въ Герло-фіордъ, въ морѣ у шхеръ, друзья разстались съ нами. Замахали шапками и платками, и долго еще на сверкающей поверхности моря виднѣлась маленькая портовая лодка съ ея черною дымовою трубой. Вдали разстилалось море въ солнечномъ туманѣ, а по ту сторону лежала плоская страна, съ которой связаны воспоминанія о цѣлой жизни естествоиспытателя, много лѣтъ назадъ подъ дождемъ и солнцемъ производившаго тамъ свои изслѣдованія. Тамъ одинъ изъ величайшихъ естествоиспытателей Норвегіи, Михаилъ Сарсъ, вдали отъ шумнаго свѣта, сдѣлалъ свои великія открытія. Тамъ и я самъ сдѣлалъ свои первые пробные шаги по узкой тропинкѣ изслѣдованія природы.

Вечеръ былъ удивительно хорошъ, къ сѣверу виднѣлась багровая заря угасающаго дня, за нами—мѣсяцъ, огромный и круглый, надъ горами. Впереди поднимались изъ моря, точно сказочныя страны, Альденъ и Киннъ; какъ ни былъ я утомленъ, я всетаки не могъ рѣшиться улечься въ свою койку; мнѣ надо было насладиться всею этой красотой, дѣйствовавшей точно успокоительный бальзамъ на душу послѣ всѣхъ затрудненій и непріятностей, причиняемыхъ чужими людьми.

Такъ, большею частью при хорошей погодѣ, рѣже подъ дождемъ и туманомъ, прошли мы между зундами и островами, вдоль норвежскаго берега къ сѣверу. Какая чудная страна! Не знаю, есть ли гдѣ нибудь въ цѣломъ мірѣ подобный водный путь. Незабвенны утренніе часы, когда природа только что просыпается, и бѣлый серебристый туманъ еще лежитъ на горахъ, верхушки которыхъ высовываются изъ него, точно морскіе острова. Какъ хороши эти бѣлыя мерцающія снѣжныя горы при яркомъ солнечномъ свѣтѣ! А вечера съ ихъ солнечнымъ закатомъ, блѣдною луной, возвышающеюся надъ горами и островами, безмолвными и мечтательными. Тамъ и самъ виднѣются хорошенькіе садики и домики, окруженные зелеными деревьями. Ахъ, какъ будитъ стремленіе къ жизни и теплу видъ этихъ мирныхъ жилищъ на островахъ! Какъ ни презрительно относятся иные къ красотамъ природы, а всетаки народу, хотя бы онъ и былъ бѣденъ, пріятно владѣть красивою страной. Никогда это не

казалось мнѣ такъ ясно, какъ въ ту минуту, когда я долженъ былъ покинуть эту страну.

Временами съ берега раздавались крики: ура! иногда издавала ихъ кучка дѣтей, иногда взрослые. Но большею частью мы видѣли изумленныхъ крестьянъ, долго глазѣвшихъ на странное судно и раздумывавшихъ о загадочномъ путешествіи. На яхтахъ и гребныхъ судахъ женщины и мужчины, въ красныхъ рубахахъ, горѣвшихъ на солнцѣ, переставали грести и смотрѣли на насъ и изумлялись. Въ городахъ, мимо которыхъ мы проходили, насъ встрѣчали паровые суда, наполненныя людьми, съ музыкою, пѣніемъ и пушечными выстрѣлами. Большіе пароходы туристовъ такъ же, какъ и яхты, привѣтствовали насъ флагами и салютными выстрѣлами. Тяжело быть предметомъ подобныхъ чествованій, раньше чѣмъ что нибудь сдѣлано. Старинное изреченіе гласитъ:

«День хвали вечеромъ; жену—когда она стала прахомъ; мечъ—когда ты его испробовалъ; дѣвушку—послѣ того, какъ она вышла замужъ; ледъ—послѣ того, какъ онъ сдержалъ тебя; пиво—послѣ того, какъ ты его выпилъ» *).

Всего трогательнѣе были интересъ и привѣтствія, расточаемыя намъ бѣдными рыбаками и крестьянами. Это обстоятельство часто изумляло меня; я чувствовалъ, что они напряженно слѣдятъ за нами.

Я помню однажды, къ сѣверу отъ Гельгеланда, я увидѣлъ какую то пожилую женщину, стоявшую на голой скалѣ и кивавшую головой.

— Желалъ бы я знать, намъ ли она кланяется,—замѣтилъ я лоцману, стоявшему возлѣ меня.

— Да, конечно,—отвѣчалъ тотъ.

— Да, но какъ же она могла узнать что нибудь объ насъ?

— О, тутъ знаютъ Fram и ваше плаваніе въ каждой каморкѣ. Будьте увѣрены, что тутъ будутъ ждать вашего возвращенія,—сказалъ лоцманъ.

Мы, значитъ, беремъ на себя очень отвѣтственное дѣло, если за нами стоитъ, такимъ образомъ, весь народъ. Что если все это будетъ однимъ большимъ разочарованіемъ!

Вечеромъ я сидѣлъ на палубѣ и смотрѣлъ на берегъ. Одинокія хижины виднѣлись тамъ и сямъ, разсѣянныя на косахъ и островахъ. Тамъ проводитъ норвежскій народъ свою тяжелую жизнь въ борьбѣ со скалами, въ борьбѣ съ моремъ. Этотъ народъ посылаетъ насъ въ область великаго неизвѣстнаго,—этотъ самый народъ, который тамъ, въ рыбачьихъ лодкахъ, неподвижно стоитъ и смотритъ, какъ тяжело нагруженный Fram медленно направляется къ сѣверу. Нѣкоторые махаютъ намъ и кричатъ: ура! другіе же только успѣваютъ недоумѣвающе взглянуть на насъ. Тамъ, на самой оконечности берега, группа женщинъ кланяется намъ и кричитъ; нѣсколько лодокъ, съ

---

*) Изъ «Havamal», одной изъ пѣсенъ старой Эдды.

дамами, въ лѣтнихъ туалетахъ, и болтающими мужчинами, встрѣчается намъ; всѣ машутъ намъ зонтиками и платками.

Да, это они посылаютъ насъ туда. Грустное чувство возникаетъ при мысли о будущемъ. Никто изъ этихъ людей не знаетъ хорошенько, на что онъ жертвуетъ свои деньги. Быть можетъ, они слышали что нибудь о томъ, что затѣвается достойное хвалы предпріятіе, но какова же цѣль его, какова польза? Не обманъ ли это? Но эти люди обращаютъ свои взоры на судно, и передъ ихъ духовными очами встаетъ, пожалуй, на минуту новый, необъятный міръ, и возникаетъ стремленіе къ чему то, что имъ чуждо.

А здѣсь, на суднѣ, находятся люди, оставившіе своихъ женъ и дѣтей. Какихъ только страданій не доставляетъ разлука! Какія лишенія и тоску скрываетъ отъ насъ будущее! И не ради хвалы идутъ на это люди. Развѣ тутъ только дѣло въ почестяхъ и славѣ? Нѣтъ, это проявленія той же жажды дѣятельности, того же стремленія проникнуть за извѣстныя границы, которое бродило въ этомъ народѣ во времена сагъ. Не смотря на всѣ наши матеріальныя заботы и нашу крестьянскую политику, стремленіе къ выгодѣ, пожалуй, у насъ не столь уже распространено.

Время было дорого, и я не пошелъ до Дронтгейма, какъ было рѣшено сначала, а только до Беяна, гдѣ къ намъ присоединился Свердрупъ. Тамъ же къ намъ присоединился профессоръ Бреггеръ, чтобы сопровождать насъ до Тромзё. Одновременно съ этимъ нашъ врачъ получилъ три громадныхъ ящика съ медикаментами—даръ аптекаря Брунна изъ Дронтгейма.

Затѣмъ мы направились къ сѣверу, вдоль прекрасной сѣверной страны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы останавливались, чтобы взять на бортъ сушеную рыбу, служившую провіантомъ для нашихъ собакъ.

Мы проплыли мимо Торгхаттенъ, Семи сестеръ, Гестманде, Ловунденъ и Трененъ, дальше въ море, мимо Лофотеновъ и разныхъ другихъ красивыхъ мѣстъ. Одна красивѣе другой, возставали передъ нами дикія скалы великаны. Это былъ настоящій сказочный міръ—страна грезъ. Мы боялись слишкомъ скоро проѣхать мимо этой красоты и не успѣть вдоволь ею насладиться.

12-го іюля мы пріѣхали въ Тромзё, гдѣ должны были взять уголь и другіе припасы: лапландскія шубы, камаши изъ оленьяго мѣха, финскіе башмаки, сенну (Carex vesicaria), сушеное оленье мясо и т. п. Все это было припасено подъ надзоромъ адвоката Мака, неутомимаго друга экспедиціи.

Тромзё приготовилъ намъ холодный пріемъ: дулъ сильный сѣверозападный штормъ съ дождемъ и снѣжною мятелью. Горы, поля и крыши —все было покрыто снѣгомъ на слѣдующій день. Это были самые непріятные іюльскіе дни, какіе когда либо мнѣ пришлось пережить. Обитатели Тромзё увѣряли, что они не запомнятъ такого іюля. Но, быть можетъ, эти слова вытекали изъ опасенія, какъ бы страна

не стяжала дурной репутаціи, потому что въ такомъ городѣ, гдѣ устраиваютъ бѣга на лыжахъ въ Ивановъ день, надо быть ко всему готовымъ.

Въ Тромзё, на слѣдующій день, къ намъ присоединился новый членъ экспедиціи. Это былъ Бернтъ Бентсенъ, бравый молодецъ. Онъ долженъ былъ сначала прослѣдовать съ нами только до Югорскаго шара, но тѣмъ не менѣе принялъ участіе во всемъ путешествіи и, благодаря своему мужеству, веселому нраву и многочисленнымъ веселымъ выходкамъ, составилъ весьма пріятное прибавленіе къ нашему наличному персоналу.

Послѣ двухдневной остановки мы отправились дальше. Къ востоку отъ Нордкапа или Магеро мы испытали въ ночь на 16-е іюля такую сильную качку, и наше судно такъ заливало водой, что мы укрылись въ Кьолле-фіордѣ, чтобы нѣсколько лучше распредѣлить грузъ на Fram.

Цѣлыхъ два дня возились мы съ приведеніемъ въ порядокъ своего судна, чтобы пуститься въ путь къ Новой землѣ. Я сначала предполагалъ въ Вордо взять новые запасы угля, но такъ какъ Fram и безъ того былъ слишкомъ тяжело нагруженъ, и притомъ въ Югорскомъ проливѣ насъ должна была встрѣтить Яхта Urania съ грузомъ угля, то мы рѣшили довольствоваться тѣмъ, что у насъ было съ собою, расчитывая на дурную погоду въ Бѣломъ морѣ и въ Варентсовомъ морѣ.

Въ 10 часовъ вечера мы подняли якорь и на слѣдующій вечеръ были въ Вардо, гдѣ насъ ожидалъ великолѣпный пріемъ. Цѣлый оркестръ музыкантовъ на молѣ, фіордъ, наполненный лодками, флаги и салютные выстрѣлы. Намъ сказали, что насъ ждутъ съ прошлаго вечера, и что даже изъ Вадсо пришли сюда люди, чтобы на насъ посмотрѣть. По этому случаю состоялось собраніе, на которомъ городскому музыкальному оркестру «Сѣверный полюсъ» былъ поднесенъ большой барабанъ. Передъ нашимъ прощаніемъ съ Норвегіей намъ устроили великолѣпный пиръ, на которомъ рѣчи и шампанское лились рѣкой.

Послѣдняя работа, которую намъ надо было сдѣлать на Fram'ѣ, заключалась въ очисткѣ судна отъ раковинъ и водяныхъ растеній, чтобы достигнуть возможно быстраго хода; эту работу сдѣлали водолазы, любезно предоставленные въ наше распоряженіе начальникомъ порта.

Но и наши собственныя тѣла нуждались въ послѣдней очисткѣ цивилизованнымъ способомъ, прежде чѣмъ мы начнемъ жизнь «дикарей». Мы отправились въ городскую баню, представлявшую маленькій блокгаузъ; комната для мытья низка и снабжена скамьями. Въ то время, какъ лежишь на этой скамьѣ, тебя обдаетъ горячій паръ, постоянно возобновляющійся посредствомъ поливанія водой раскаленныхъ камней въ печи, достойной ада. Въ это же время молодыя дѣвушки стегаютъ тѣло березовыми вѣниками, затѣмъ нѣ-

жно разминаютъ его, моютъ и обсушиваютъ. Эта процедура столь же чистоплотна, сколько и пріятна. Не ввелъ-ли и Магометъ у себя въ раю подобное же учрежденіе?

ГЛАВА III.

Отъѣздъ изъ Норвегіи.

Страннымъ было мое настроеніе, когда я въ послѣднюю ночь писалъ письма и телеграммы. Мы простились съ нашимъ прекраснымъ лоцманомъ Іоганномъ Гогензеймомъ, который провожалъ насъ изъ Бергена сюда. Теперь на суднѣ оставались только тринадцать членовъ экспедиціи и мой секретарь Христоферзенъ, который не только провожалъ насъ до этого мѣста, но долженъ былъ ѣхать съ нами до Югорскаго пролива.

Все было тихо, тихо! Только перо скрипѣло по бумагѣ, когда я писалъ «прости» родинѣ и друзьямъ. Всѣ наши люди спали. Послѣдняя телеграмма была готова. Я отправилъ своего секретаря на берегъ съ телеграммами и письмами. Когда онъ вернулся, было уже три часа утра (21 іюля), и я разбудилъ Свердрупа и нѣкоторыхъ другихъ товарищей. Мы подняли якорь и вышли изъ Вардо въ тихій утренній часъ.

Городъ еще спалъ, все было такъ смирно и такъ красиво кругомъ. Только на единственномъ паровомъ суднѣ въ гавани слышна была начинающаяся работа. Изъ люка гребного бота высунулась голова заспаннаго рыбака, смотрѣвшаго на насъ, когда мы проходили мимо мола; на таможенномъ катерѣ въ морѣ стоялъ человѣкъ и удилъ рыбу.

Именно, въ тогдашнемъ моемъ настроеніи и надо было разставаться съ Норвегіей. О, какъ благодѣтельно дѣйствовали этотъ міръ и тишина! Какое отдохновеніе для думъ! Вдали отъ оглушительнаго людского шума, отъ привѣтственныхъ криковъ и громкихъ пушечныхъ выстрѣловъ. Мачты въ гавани, крыши домовъ и трубы вырисовывались на холодномъ утреннемъ небѣ. Солнечный лучъ прорывался сквозь туманъ и привѣтливо освѣщалъ берегъ, обнаженный, суровый, потемнѣвшій отъ бурь и всетаки прекрасный въ этомъ утреннемъ туманѣ. Тамъ и самъ виднѣлись домики и суда, дальше, за ними, вся Норвегія...

Въ то время, какъ Fram медленно разсѣкалъ волны, направляясь къ нашей отдаленной цѣли, я стоялъ и смотрѣлъ, какъ исчезала земля на горизонтѣ. Какъ много произойдетъ событій, прежде чѣмъ мы снова на горизонтѣ увидимъ эту землю?

Скоро спустился туманъ и скрылъ все отъ моихъ глазъ. Мы двигались въ туманѣ, все въ туманѣ, непрерывно цѣлыхъ четыре дня. Но когда я утромъ 25-го іюля вышелъ на палубу, то меня

встрѣтила ясная погода. Кругомъ снова все было голубое: безоблачное, голубое небо, освѣщенное солнцемъ, голубое море, слегка волнующееся вслѣдствіе небольшой зыби. Было такъ пріятно чувствовать себя человѣкомъ и наслаждаться спокойствіемъ моря.

Около полудня мы увидали Новую Землю, куда и направили свое судно. Сейчасъ же были принесены винтовки и патроны, и мы уже заранѣе радовались, что будемъ ѣсть жаркое изъ гуся и другую дичь. Но когда мы приблизились на очень небольшое разстояніе, то спустился густой волнистый туманъ съ юго-востока и все заволокъ. Опять все скрылось отъ нашихъ глазъ, и искать землю при такихъ условіяхъ было бы настоящимъ безуміемъ. Мы повернули къ востоку, въ Югорскій проливъ, но противный вѣтеръ заставилъ насъ лавировать подъ парами и парусами, такъ что мы цѣлыхъ два дня провели въ мірѣ тумана. Этотъ безконечно-тягучій туманъ Ледовитаго моря! Когда онъ спускаетъ свою завѣсу и скрываетъ отъ глазъ синеву небесъ и синеву моря и когда изо дня въ день видишь кругомъ только сѣрый мокрый туманъ, то надо употребить всѣ душевныя силы, чтобы противодѣйствовать этимъ давящимъ холоднымъ объятіямъ. Туманъ и только туманъ, куда бы мы ни обращали свои взоры! Туманъ садится на такелажъ и капаетъ съ него на палубу. Онъ ложится на наши платья и насквозь пронизываетъ ихъ сыростью. Онъ ложится на душу и умъ, и все кажется сѣрымъ въ этомъ сѣромъ туманѣ.

27-го іюля, продолжая плыть въ туманѣ, мы вечеромъ неожиданно наткнулись на ледъ, къ счастью, лишь на небольшіе куски льда, черезъ которые не трудно было проложить дорогу. Ночью однако, мы натолкнулись на большой величины льдины, но также прошли черезъ нихъ. На слѣдующее утро меня разбудили вѣстью, что передъ нами находится толстый старый ледъ. Гм! Если уже теперь начнутся затрудненія со льдомъ, то это печально. Но это была лишь одна изъ неожиданностей, какихъ не мало въ Ледовитомъ морѣ.

Натянуть на себя платье и полѣзть на верхъ въ караульную бочку на мачтѣ было для меня дѣломъ одной минуты: ледъ былъ вездѣ, насколько это можно было разглядѣть сквозь туманъ, который сдѣлался нѣсколько прозрачнѣе. Ледъ не былъ тонокъ, но всетаки давалъ въ началѣ нѣкоторый проходъ, и намъ ничего другого не оставалось, какъ, согласно нашему девизу, идти впередъ (fram). Я долгое время находилъ открытый путь, но затѣмъ ледъ сталъ толще, и временами даже показывались большія ледяныя глыбы.

Плыть въ туманѣ въ толстомъ льду неблагоразумно. Не знаешь, куда править судно и легко можно запереть его во льдахъ. Мы должны были остановиться и ждать. Но туманъ и ледъ становились все гуще. Надежда то пробуждалась, то снова падала; большею частью, она была очень слаба. То, что мы въ этомъ фарватерѣ, гдѣ въ это время года обыкновенно бываетъ совершенно свободное

ото льда море, наткнулись на такія массы льда, не предсказывало ничего хорошаго. Уже въ Тромзё и въ Вардö мы получили дурныя извѣстія. Бѣлое море открылось только недавно, разсказывали намъ, и одно парусное судно, попробовавшее было проникнуть въ Югорскій проливъ, должно было вернуться изъ-за льда.

Со страхомъ думали мы о Карскомъ морѣ; что-то насъ тамъ ожидаетъ? Для «Urania», нагруженной углемъ, этотъ ледъ также долженъ былъ служить препятствіемъ, миновать которое судно не могло, развѣ только если оно нашло фарватеръ далѣе къ югу, вдоль русскаго берега.

Какъ разъ въ то время, когда мы стали терять надежду и уже подумывали объ отступленіи, такъ какъ ледъ становился все толще и толще, пришелъ Свердрупъ съ радостною вѣстью, что туманъ проясняется и можно уже замѣтить впереди къ востоку открытое море по ту сторону льда. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мы пробивались черезъ толстый ледъ и, наконецъ, снова были въ открытомъ морѣ.

Уже въ этомъ первомъ своемъ столкновеніи со льдомъ мы могли убѣдиться, какое превосходное полярное судно Fram. Видѣть его маневрирующимъ въ густомъ льду просто наслажденіе. Оно поворачивается и вертится, «точно клецка на тарелкѣ», и никакая расщелина между льдинами не можетъ быть слишкомъ изогнута для него, и никакая ледяная глыба не служитъ ему препятствіемъ.

Но за то трудно приходится рулевому. То и дѣло надо мѣнять направленіе. Онъ вертитъ штурвалъ; потъ льется съ него, а онъ все вертитъ. Колесо кружится точно колесо прялки. Fram скользитъ и извивается между льдинами, если только существуетъ какое нибудь отверстіе между ними, достаточно большое, чтобы судно могло пройти. Тамъ же, гдѣ нѣтъ такого отверстія, и судно встрѣчаетъ ледъ, оно на полномъ ходу упирается своею носовою частью въ ледъ, толкаетъ его внизъ и раздвигаетъ льдины. И какое же крѣпкое судно Fram. Не слышно ни треска, ни звука, когда Fram полнымъ ходомъ пробивается черезъ ледъ, и онъ только чуть замѣтно вздрагиваетъ.

Въ субботу (29 іюля) мы все шли къ востоку, къ Югорскому проливу, такъ быстро, насколько это позволяли намъ пары и паруса. Открытое море лежало передъ нами; погода была хорошая, вѣтеръ также. Къ утру мы пришли къ южному берегу острова Долгаго или «Langöia», какъ его называютъ норвежскіе рыбаки, и оттуда уже должны были держать курсъ къ сѣверу. У сѣверной части острова мы снова повернули къ востоку. Тутъ изъ сторожевой бочки я, насколько могъ, разглядѣлъ нѣсколько острововъ, не отмѣченныхъ на картѣ.

Мы были почти увѣрены, что Urania не могла пройти черезъ ледъ. Но когда мы послѣ обѣда сидѣли въ каютъ-кампаніи и разговаривали объ этомъ, то съ палубы закричали, что показалась

яхта. Это была большая радость, но она длилась недолго, такъ какъ уже черезъ минуту стало извѣстно, что судно имѣетъ на мачтѣ бочку, значитъ, это было китоловное судно, а не яхта. Завидѣвъ насъ, оно немедленно повернуло къ югу, быть можетъ, изъ страха, что наше судно—русскій военный крейсеръ или же что нибудь въ этомъ родѣ. Такъ какъ большого интереса судно это въ насъ не возбуждало, то мы и оставили его въ покоѣ.

Нѣсколько часовъ спустя, мы приблизились къ Югорскому проливу; ужъ мы высматривали, высматривали землю, но разглядѣть ничего не могли. Проходили часы, и мы все подвигались впередъ, но попрежнему никакой земли! Земля эта не могла быть высока, но все же мы удивлялись, что ее не было видно.

Но вотъ, впереди показалась, точно полоса тѣни на краю моря,—это земля, это островъ Вайгачъ! Скоро мы увидѣли ее яснѣе и съ другой стороны, а также увидали и материкъ на южной сторонѣ пролива; земля все больше и больше ростетъ на нашихъ глазахъ. Это низменная равнина, никакой возвышенности и никакого разнообразія, кромѣ устья пролива. Отъ этого мѣста земля виднѣется къ сѣверу и къ югу въ видѣ мягкой, ровной волнистой линіи. Это входъ въ своеобразныя, безконечныя азіятскія низменности, столь отличающіяся отъ всего того, что намъ до сихъ поръ приходилось видѣть.

Мы поплыли черезъ проливъ, ограниченный съ обѣихъ сторонъ низкими утесистыми берегами. Вездѣ крутыя, изогнутыя и изломанныя скалы, но поверхность ихъ гладкая, шлифованная Никто изъ странствующихъ по зеленымъ равнинамъ и тундрамъ не подозрѣваетъ о тѣхъ надломахъ и разрушеніяхъ, которыя скрываются подъ наружнымъ покровомъ въ слояхъ скалистой почвы: горы и скалы, возвышавшіяся нѣкогда, теперь сглажены и смыты.

Мы высматривали Хабарово. У сѣверной стороны пролива мы увидѣли на берегу, потерпѣвшее крушеніе, судно; вѣроятно, это былъ норвежскій китоловъ. Обломки другого маленькаго судна лежали тутъ же. Въ южной сторонѣ виднѣлся флагштокъ съ краснымъ флагомъ. Тамъ и должно быть Хабарово. Наконецъ, показались за мысомъ зданія—амбары, и вскорѣ мы увидали передъ собою все поселеніе, состоящее изъ немногихъ домовъ и палатокъ.

На ближнемъ къ намъ маленькомъ выступѣ стояло большое красное зданіе съ бѣлыми дверьми, сильно напоминавшее намъ родину. Это и былъ норвежскій амбаръ, перевезенный сюда Сибиряковымъ изъ Финмаркена. Но тутъ было мелко, и надо было подвигаться очень осторожно, чтобы не сѣсть на мель. Лотъ бросали, не переставая; онъ показывалъ 10—8 метровъ глубины,—не многимъ больше того, что намъ было нужно. Затѣмъ пошло шесть - семь метровъ, что было уже очень мало. Мы снова должны были отплыть дальше въ море, пока не приблизились къ мѣстечку.

Теперь мы увидѣли лодку, медленно подплывавшую къ намъ. Въ

ней находился человѣкъ средняго роста, съ открытымъ привѣтливымъ лицомъ, обрамленнымъ бородою ярко рыжаго цвѣта. Судя по наружности, онъ могъ быть норвежцемъ. Я вышелъ къ нему на встрѣчу и спросилъ его по-нѣмецки, не онъ ли Тронтгеймъ. Такъ и оказалось въ дѣйствительности.

За нимъ явились какія-то удивительныя фигуры въ толстыхъ мантіяхъ или шубахъ изъ оленьяго мѣха. На головѣ у нихъ были своеобразныя шапки въ родѣ башлыка изъ оленьяго мѣха, и изъ-подъ этихъ шапокъ выглядывали мужественныя бородатыя лица, какія могли быть у древнихъ норвежскихъ викинговъ. Да, ихъ появленіе невольно вызвало въ моемъ умѣ картины древнихъ временъ викинговъ. Это были, однако, русскіе купцы, доставляющіе туземцамъ водку за медвѣжьи, оленьи шкуры и другія драгоцѣнности; они были дѣйствительно статные, великолѣпные молодцы, но тѣхъ, кто разъ попалъ въ ихъ лапы, они держатъ въ такой зависимости, что имъ даже въ голову не приходитъ противиться приказаніямъ купцовъ. «Старая исторія, но она всегда нова».

Вскорѣ на наше судно явились и самоѣды съ добродушными чисто-азіатскими лицами. Разумѣется, все это были только мужчины.

Первое, о чемъ я спросилъ Тронтгейма, было: каково состояніе льда? Онъ сказалъ мнѣ, что Югорскій проливъ давно свободенъ, и что онъ со дня на день поджидалъ насъ съ возрастающимъ опасеніемъ, что мы не явимся. Туземцы и русскіе уже начали надъ нимъ подсмѣиваться, что время проходитъ, а никакого судна *Fram* не видно. Но за то теперь Тронтгеймъ сіялъ.

Условія льда въ Карскомъ морѣ должны быть, по его мнѣнію, хороши, это говорятъ самоѣды, побывавшіе тамъ на ловлѣ дня два тому назадъ, по близости восточнаго выхода пролива. На этомъ еще нельзя было построить что-нибудь, но было довольно для возбужденія въ насъ досады, что мы не пришли раньше.

Затѣмъ чередъ дошелъ до *Ураніи*, но, конечно, ее никто здѣсь не видалъ. Только китоловное судно, которое мы встрѣтили утромъ, было здѣсь нѣсколько времени тому назадъ.

Что касается собакъ, то, какъ мы узнали, все находилось въ лучшемъ порядкѣ. Тронтгеймъ для большей вѣрности купилъ сорокъ собакъ, хотя я просилъ лишь о тридцати. Пять изъ нихъ погибли еще на пути отъ разныхъ несчастій. Одна изъ собакъ, кромѣ того, заболѣла за нѣсколько дней передъ этимъ и до сихъ поръ еще не выздоровѣла, но остальныя 34 были живы и здоровы, и можно было слышать на берегу, какъ онѣ лаютъ и воютъ.

Во время этого разговора мы приблизились къ Хабарову, насколько это возможно, и въ 7 часовъ вечера (29-го іюля) бросили якорь приблизительно на семи метрахъ глубины.

За ужиномъ Тронтгеймъ разсказывалъ намъ свои приключенія. На пути отъ Сосвы и Урала къ Печорѣ онъ узналъ, что въ Печорѣ открылась эпидемія собачьей чумы. Не рѣшаясь поэтому про-

должать свой путь туда, какъ это было рѣшено раньше, онъ прямо отправился къ Югорскому проливу. Въ концѣ пути снѣгъ исчезъ и въ сопровожденіи оленьяго каравана, онъ двигался со своими собаками впередъ, по обнаженнымъ полямъ и камнямъ, не покидая всетаки саней. Самоѣды и туземцы сѣверной Сибири не знаютъ другого экипажа, кромѣ саней. Лѣтнія сани только нѣсколько выше зимнихъ, что дѣлается во избѣжаніе опасности завязнуть въ камняхъ или стволахъ деревьевъ. Само собою разумѣется, что лѣтній санный путь не очень-то гладокъ.

Послѣ ужина мы сошли на берегъ и возбудили величайшее любопытство русскихъ и самоѣдовъ. Первое, на что мы обратили вниманіе, были двѣ церкви: одна—старый почтенный деревянный сарай, удлиненной прямоугольной формы, другая — восьмиугольный павильонъ, напоминающій беседки или дачки, какія мы видѣли на родинѣ. Одно зданіе служило представителемъ старой вѣры, другое—новой.

Мы должны были потомъ посѣтить скитъ, гдѣ жили или, вѣрнѣе, умерли шесть монаховъ. Монастырь находится какъ разъ противъ церкви и напоминаетъ обыкновенный низенькій русскій домъ. Въ настоящее время тамъ живетъ священникъ со своими помощниками, и у него то остановился Тронтгеймъ, по его приглашенію. Тронтгеймъ попросилъ насъ войти. Мы очутились въ теплыхъ, уютныхъ комнаткахъ, съ открытыми печами, напоминающими наши норвежскіе очаги.

Послѣ того мы отправились въ собачій лагерь, находившійся въ равнинѣ, на небольшомъ разстояніи отъ домовъ и палатокъ. Чѣмъ ближе мы подходили, тѣмъ оглушительнѣе становился лай и вой. Я еще издали былъ пораженъ видомъ норвежскаго флага, развѣвавшагося на флагштокѣ. У Тронтгейма на лицѣ появилось выраженіе горделивой радости, когда мы увидали этотъ флагъ, и онъ сказалъ намъ, что онъ предпринялъ свою экспедицію подъ тѣмъ же флагомъ, что и мы.

Собаки были крѣпко привязаны и производили раздирающій уши гамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были породистыя, съ длинною, ослѣпительно бѣлою шерстью, вертикально стоящими ушами и острымъ рыломъ. Другія были похожи на лисицъ съ болѣе короткою шерстью; однѣ были черныя, другія пятнистыя. Очевидно, тутъ были разныя породы, и нѣкоторыя своими длинными повислыми ушами указывали на значительную примѣсь европейской крови.

Подивившись, съ какою жадностью онѣ глотали сырую рыбу, причемъ не обошлось всетаки безъ драки, мы предприняли небольшую охотничью экскурсію внутрь страны къ одному близлежащему озеру; но тамъ нашли только одного поморника (lestris parasitica) съ дѣтенышами. Изъ этого озера была проведена канава, доставляющая прѣсную воду въ Хабарово. Тронтгеймъ объ-

яснилъ намъ, что ее прокопали монахи, но это, впрочемъ, была ихъ единственная работа, къ тому же не особенно трудная, такъ какъ грунтъ въ этомъ мѣстѣ состоялъ изъ мягкой глины, и канава была узка и мелка, точно жолобъ.

На холмѣ возвышался флагштокъ, который мы замѣтили при своемъ прибытіи. Онъ былъ поставленъ тутъ почтеннымъ Тронтгеймомъ, для нашего привѣтствія. Какъ я потомъ узналъ, на вымпелѣ была нѣмецкая надпись «Vorwärts» (впередъ). Тронтгейму сказали, что такъ называется наше судно, и поэтому онъ былъ очень разочарованъ, когда, явившись къ намъ, узналъ, что настоящее имя судна «Fram». Но я его утѣшилъ, объяснивъ, что смыслъ этого слова тотъ же, на какомъ бы языкѣ оно не произносилось, на нѣмецкомъ или норвежскомъ. Тронтгеймъ мнѣ потомъ разсказалъ, что онъ родомъ изъ Норвегіи. Отецъ его былъ капитаномъ судна изъ Дронтгейма, мать же его была эстляндка, жившая въ Ригѣ. Отецъ его ходилъ въ море и рано умеръ, такъ что Тронтгеймъ не успѣлъ выучиться по норвежски.

Разумѣется, мы прежде всего старались разузнать что-нибудь о состояніи льдовъ въ сѣверномъ ледовитомъ морѣ. Мы рѣшили отправиться въ путь какъ можно скорѣе, но должны были предпринять еще чистку котловъ и исправленіе трубъ и вентилей машины. На это понадобилось нѣсколько дней. Поэтому Свердрупъ, Педеръ Гендриксенъ и я отправились на слѣдующій день въ маленькой лодкѣ съ керосиновымъ двигателемъ къ восточной оконечности Югорскаго пролива, чтобы собственными глазами удостовѣриться въ состояніи льдовъ на востокѣ. Намъ предстояло пройти четыре мили. Съ востока небольшое количество льда направлялось въ проливъ, и такъ какъ дулъ сѣверный вѣтерокъ, то мы и повернули тотчасъ же къ сѣверу, чтобы достагнуть береговъ лежащаго къ сѣверу острова Вайгача, гдѣ мы могли надѣяться найти открытый фарватеръ. Я самъ взялъ на себя не очень благодарную задачу, одновременно быть и рулевымъ, и машинистомъ. Нашъ ботъ подвигался очень быстро, приблизительно шесть морскихъ миль въ часъ. Все казалось хорошо, но счастье рѣдко бываетъ продолжительно, въ особенности, если имѣешь дѣло съ керосиновою лодкой Какой-то недостатокъ въ циркуляціонной помпѣ заставилъ машину остановиться, и мы могли пройти лишь очень небольшое разстояніе сразу, до сѣвернаго берега, гдѣ я послѣ двухчасовой работы привелъ все настолько въ порядокъ, что мы могли продолжать свой путь черезъ проливъ, среди пловучаго льда. Дѣло шло кое какъ съ пріостановками по временамъ вслѣдствіе разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, заставлявшихъ машину останавливаться. Временами мы много смѣялись, когда Педеръ, приводившій въ движеніе колесо машины, чтобы дать ей ходъ впередъ, получалъ такой сильный обратный ударъ, что у него едва не отрывало руки, и онъ летѣлъ вверхъ ногами. По временамъ намъ попадались

стаи полярныхъ утокъ (Harelda glacialis) и разныхъ другихъ птицъ, и одна или двѣ обыкновенно становились жертвою нашихъ винтовокъ.

До сихъ поръ мы держались вдоль острова Вайгача, но затѣмъ повернули къ южной сторонѣ пролива. Приблизительно по срединѣ послѣдняго я былъ пораженъ, вдругъ увидѣвъ дно моря: нашъ ботъ чуть-чуть не попалъ на мель, которая никому не была извѣстна. Воды было не болѣе одного метра и теченіе было очень быстро. Вообще тутъ вездѣ встрѣчаются мели и скалы, особенно въ южной части Югорскаго пролива, и поэтому надо соблюдать большую осторожность.

Мы пристали въ маленькой бухтѣ, вблизи восточной оконечности пролива и вытащили лодку на берегъ, а сами отправились, съ ружьями за плечами, внутрь страны къ холмамъ, которые мы раньше заприметили. Мы подвигались впередъ по такой-же плоской, слегка волнистой низменности, прорѣзанной низкими цѣпями холмовъ, какую встрѣчали вездѣ въ области Югорскаго пролива.

Надъ равниною простирался темнозеленыя коверъ изъ мха и травы, переплетенный рѣдкой красоты цвѣтами. Во время долгой холодной сибирской зимы огромныя массы снѣга накопляются на поверхности тундръ. Солнце еще не успѣваетъ справиться съ ними, какъ уже сквозь рыхлый слой снѣга пробивается цѣлый міръ маленькихъ сѣверныхъ цвѣтовъ, стыдливо открывающихъ свои чашечки, краснѣющія подъ лучами лѣтняго солнца, которое заливаетъ своимъ свѣтомъ равнину. Большіе цвѣты камнелома, бѣловато-желтый полевой макъ (Papaver nudicaule) виднѣются цѣлыми сверкающими группами, тамъ и сямъ выглядываютъ голубыя незабудки и бѣлые цвѣты морошки. На нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстахъ растетъ болотная пушистая трава, образующая пуховый коверъ, на другихъ же высятся рощицы голубыхъ колокольчиковъ, тихо качающихся на своихъ тонкихъ стебелькахъ. Все это не видные цвѣточки,—нѣкоторыя возвышаются на нѣсколько дюймовъ,—но тѣмъ милѣе они, и въ такой обстановкѣ красота ихъ привлекаетъ еще больше. Здѣсь, гдѣ глазъ напрасно ищетъ на поверхности безконечной равнины чего нибудь, на чемъ бы онъ могъ отдохнуть, застѣнчиво выглядывающія чашечки цвѣтовъ улыбаются ему и приковываютъ его къ себѣ.

Въ этихъ равнинахъ, простирающихся безконечно далеко на востокъ, черезъ великія азіатскія тундры, кочуютъ номады со стадами своихъ оленей. Чудная, свободная жизнь! Гдѣ ему понравится, тамъ номадъ разбиваетъ свою палатку; олени располагаются кругомъ, захочетъ—онъ пойдетъ дальше. Я почти готовъ завидовать ему. Нѣтъ никакой у него цѣли, никакихъ мученій, онъ только живетъ! Я бы желалъ находиться на его мѣстѣ и вести такую же спокойную жизнь, на этой безконечной равнинѣ съ женою и ребенкомъ, свободный и довольный.

Пройдя нѣсколько дальше, мы замѣтили какую то бѣлую фигуру, сидѣвшую на пустынномъ каменномъ откосѣ маленькой холмистой цѣпи. Скоро мы увидали такія же фигуры и въ другихъ мѣстахъ. Онѣ имѣли видъ призраковъ, сидя неподвижно и спокойно. Въ подзорную трубу мы увидали, что это были бѣлыя совы. Мы поохотились на нихъ, но дробь оказалась для нихъ безвредною. Свердрупъ, однако, уложилъ пару выстрѣломъ изъ винтовки. Совы водятся здѣсь во множествѣ; я могъ насчитать по восьми-десяти штукъ заразъ. Они возсѣдали, спокойно воркуя, на кучахъ травы или камняхъ и очевидно подстерегали пеструшекъ, которыя, если судить по множеству ходовъ, вѣроятно, водились тутъ въ большомъ количествѣ. Однако мы не видѣли ни одной.

Съ вершины холмовъ на сѣверо-востокѣ мы могли видѣть Карское море. Въ подзорную трубу мы видѣли всюду ледъ на горизонтѣ, притомъ ледъ, казавшійся довольно толстымъ и густымъ, но между льдомъ и берегомъ виднѣлось открытое пространство воды въ видѣ широкой канавы, далеко къ юго-востоку, насколько хватало глазъ.

Больше мы ничего не могли узнать, но въ сущности и этого было достаточно. Всетаки мы могли разсчитывать, что проходъ возможенъ, поэтому довольные вернулись въ свою лодку. Мы развели огонь и сварили себѣ превосходный кофе. Какъ только котелокъ загудѣлъ на огнѣ и мы, растянувшись возлѣ, мирно закурили трубки, Свердрупъ тотчасъ-же почувствовалъ себя въ своей сферѣ: языкъ у него развязался, и одинъ анекдотъ слѣдовалъ за другимъ. Какъ бы ни была пустынна и печальна страна, но если на берегу можно было найти достаточно лѣса, чтобы развести хорошій огонь, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше, то глаза Свердрупа также разгорались, и онъ чувствовалъ себя точно въ раю. Поэтому то ему и впослѣдствіи такъ нравился сибирскій берегъ: онъ находилъ его превосходнымъ мѣстомъ для зимовки.

На обратномъ пути мы полнымъ ходомъ прошли надъ подводною скалой, лодка раза два стукнулась объ нее и проскользнула, но какъ только лодка перевалила, винтъ ударился объ скалу, такъ что ахтеръ штевень высоко поднялся въ воздухѣ, и машина завертѣлась съ неистовою быстротой; все это длилось не болѣе секунды. Я явился слишкомъ поздно, чтобы остановить машину, и, къ несчастью, одно крыло винта разбилось, но мы съ однимъ крыломъ продолжали всетаки свое путешествіе; лодка шла не совсѣмъ гладко, но все-же мы подвигались впередъ.

Къ утру мы приблизились къ Fram и прошли мимо двухъ самоѣдовъ, вытащившихъ свою лодку на льдину и поджидавшихъ тюленей. Я бы желалъ знать, что они подумали, увидѣвъ, какъ мы проѣхали мимо въ маленькой лодкѣ, безъ пара, парусовъ или веселъ. Мы же сами взглянули на этихъ «бѣдныхъ дикарей» съ самодовольнымъ состраданіемъ европейцевъ и отправились дальше, не мѣняя своего удобнаго положенія.

— — -

Но высокомѣріе бываетъ наказано; не успѣли мы пройти небольшое разстояніе, какъ вдругъ—кррр! Ужасное зрѣлище! Мимо моихъ ушей пролетѣли куски разломанныхъ стальныхъ пружинъ. Вотъ такъ подарокъ! Лодку нельзя было двинуть ни впередъ, ни назадъ. Вслѣдствіе неравныхъ толчковъ однокрылаго винта, канатъ лота попалъ въ маховое колесо и въ одно мгновеніе завертѣло всю веревку такъ плотно, что надо было разобрать машину, чтобы снова все привести въ порядокъ. Мы были въ большомъ уныніи, когда намъ пришлось на веслахъ возвращаться къ своему гордому кораблю, давно уже привлекавшему насъ возможностью пообѣдать.

Наша добыча этого дня заключалась въ слѣдующемъ: сравнительно хорошія вѣсти изъ Карскаго моря, дичь, преимущественно дикія утки и гуси, тюлень и—испорченная лодка. Впрочемъ, Амундзенъ и я снова привели послѣднюю въ порядокъ. При этомъ я, къ сожалѣнію, на всегда потерялъ свою репутацію въ глазахъ русскихъ и самоѣдовъ этой области. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали на корабль и видѣли меня въ рубашкѣ, потѣющаго и работающаго изо всѣхъ силъ, съ выпачканными машиннымъ масломъ и разною другою грязью лицомъ и руками. Позднѣе они говорили Тронтгейму, что невозможно, чтобы я былъ важнымъ господиномъ, такъ какъ я тружусь на суднѣ, какъ простой работникъ, и выгляжу, какъ бродяга. Тронтгеймъ, къ несчастью, ничего не могъ привести въ мое оправданіе, такъ какъ вѣдь противъ очевидности трудно бороться.

Вечеромъ нѣкоторые изъ насъ отправились сдѣлать пробу собакамъ. Тронтгеймъ выбралъ десять собакъ и запрегъ ихъ въ самоѣдскія сани. Но едва мы были готовы и я успѣлъ сѣсть въ сани, какъ наша свора увидала какую то несчастную пришлую собаку, подошедшую слишкомъ близко, и тотчасъ же бросилась на нее, не взирая на сани, въ которыхъ находилась моя драгоцѣнная особа. Произошла адская сумятица. Всѣ десять собакъ бросились на одну, точно волки, стараясь растерзать ее. Кровь лилась потоками и провинившаяся отчаянно визжала, въ то время какъ прибѣжавшій опрометью Тронтгеймъ, колотилъ своею длинною палкой направо и налѣво; самоѣды и русскіе сбѣжались съ крикомъ со всѣхъ сторонъ. Я же сидѣлъ, какъ зритель, въ саняхъ, безсильный отъ ужаса. Не мало времени прошло, прежде чѣмъ я сообразилъ наконецъ, что и для меня тутъ было дѣло. Тогда съ дикимъ крикомъ я бросился на нѣкоторыхъ изъ главныхъ забіякъ, схвативъ ихъ за шиворотъ, и такимъ образомъ далъ возможность грѣшницѣ убраться. Наша упряжка совершенно запуталась во время битвы и понадобилось нѣкоторое время, прежде чѣмъ она была опять приведена въ порядокъ. Наконецъ, все было готово къ отъѣзду. Тронтгеймъ ударилъ кнутомъ и крикнулъ: пррр, пррр—и мы бѣшено помчались черезъ траву, глину и камни, пока, наконецъ, намъ не стала угрожать опасность попасть въ лагуну устья рѣки. Я уперся тогда ногами, чтобы

задержать бѣгъ собакъ, но они меня поволокли за собою. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ и Тронтгейму, соединенными усиліями, остановить собакъ, какъ разъ у самой воды, хотя наши крики: sass, sass» (стой, стой) раздавались по всему Хабарову. Наконецъ, удалось намъ дать другое направленіе собакамъ, и они такъ живо побѣжали, что мнѣ только и было заботы—усидѣть въ саняхъ. Это было удивительное катаніе, и мы прониклись уваженіемъ къ силѣ собакъ, увидѣвъ, съ какою легкостью они везли двухъ человѣкъ по этой, выражаясь умѣренно, скверной дорогѣ. Довольные, вернулись мы на судно, обогатившись еще однимъ опытомъ, т. е. что ѣзда на собакахъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, требуетъ порядочнаго терпѣнія.

Сибирская собачья упряжь удивительно примитивна; ничего кромѣ толстой веревки или ремня, обвязаннаго вокругъ спины и живота животнаго. Сверху веревка прикрѣпляется бичевкой къ ошейнику. Возжи укрѣпляются подъ животомъ и проходятъ между ногъ животнаго, причиняя ему подчасъ неудобства. Замѣтивъ, что всѣ собаки, за исключеніемъ четырехъ, кастрированы, я былъ непріятно изумленъ. Но Тронтгеймъ пояснилъ мнѣ, что въ Сибири кастрированныя собаки считаются лучшими *). Для меня это открытіе было непріятною неожиданностью, такъ какъ я разсчитывалъ на пріумноженіе собачьей семьи во время пути. Пришлось слѣдовательно возложить свои надежды только на четырехъ собакъ, да на суку «Квикъ» **), которую я взялъ съ собою.

На слѣдующій день (1-го августа) въ Хабаровѣ былъ большой церковный праздникъ, день св. Ильи. Самоѣды явились сюда со всѣхъ сторонъ со своими оленями, чтобы отпраздновать этотъ день посѣщеніемъ церкви и пьянствомъ. Намъ нужны были люди, чтобы помочь намъ запастись свѣжей водой въ котелъ и для питья, но вслѣдствіе праздника нельзя было найти ни одного человѣка. Тронтгейму удалось однако въ концѣ концовъ, посуливъ очень большое вознагражденіе, набрать нѣсколько бѣдняковъ, которымъ нужны были деньги, чтобы напиться къ вечеру такъ, какъ того требуетъ подобный день.

Я съ утра былъ на берегу, частью для того, чтобы распорядиться запасомъ воды, частью же для того, чтобы набрать окаменѣлостей, которыми очень богата скалистая почва, особенно на одномъ изъ выступовъ подъ амбаромъ Сибирякова. Затѣмъ я отправился на холмъ къ западу у Тронтгеймовскаго флагштока и сталъ высматривать Уранію, но ничего не было видно, кромѣ непрерыв-

---

*) Треніе возжей часто вызываетъ у некастрированныхъ собакъ воспаленіе яичниковъ.

**) «Квикъ» произошла отъ скрещиванія эскимосской собаки съ Ньюфаундлендской. Она родилась во время датской экспедиціи въ восточную Гренландію лейтенанта Ридера 1891—92 г. Лейтенантъ Ридеръ подарилъ ее мнѣ, и она оказалась превосходною собакой для ѣзды въ саняхъ.

ной водяной линіи. Нагруженный своими находками, я вернулся въ Хабарово, гдѣ, разумѣется, воспользовался случаемъ посмотрѣть на праздество.

Женщины уже съ ранняго утра явились разряженными въ свои лучшіе наряды: яркіе цвѣта, юбки со множествомъ складокъ всевозможныхъ оттѣнковъ, косы, ниспадающія на спину и украшенныя широкими цвѣтными лентами. Къ входу въ церковь старый самоѣдъ и молодая статная дѣвушка подвели худого оленя, который предназначался для принесенія въ жертву церкви, т. е. старой церкви. И здѣсь, какъ я уже говорилъ, существуетъ религіозный расколъ и почти всѣ самоѣды этой области принадлежатъ къ старой вѣрѣ и ходятъ въ старую церковь. Впрочемъ, они посѣщаютъ изрѣдка и новую церковь, собственно для того, какъ я понялъ, чтобы не сердить священника и г. Сибирякова. Изъ того, что я узналъ отъ Тронтгейма, я вывелъ заключеніе, что главное различіе между обоими религіозными толками заключается лишь въ способѣ дѣлать знаменіе креста или что-то въ этомъ родѣ.

Сегодня былъ праздникъ въ обѣихъ церквахъ. Всѣ самоѣды сначала сдѣлали короткій визитъ въ новую церковь, а затѣмъ устремились въ старую. При этой церкви у нихъ не было священника, но на сегодняшній день они устроились, предложивъ священнику новой церкви два рубля, чтобы онъ отслужилъ имъ обѣдню въ старой церкви. Предложеніе это, послѣ тщательныхъ размышленій, было принято. Въ полномъ облаченіи священникъ переступилъ старинный порогъ. Но внутри былъ такой скверный воздухъ, что я не могъ выдержать долѣе двухъ минутъ, и ушелъ опять на судно.

Послѣ обѣда начался шумъ и крикъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе. Ясно было, что теперь то и начинается настоящій праздникъ. Нѣкоторые изъ самоѣдовъ носились точно бѣшеные по равнинѣ со своими оленями. Они уже не могли сидѣть въ саняхъ, а лежали или же сани ихъ волокли за собою, и они только выли.

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей были на берегу и принесли оттуда не очень утѣшительныя вѣсти. Мужчины и женщины. всѣ перепились и шатались по площади. Особенно одинъ молодой самоѣдъ оставилъ неизгладимое впечатлѣніе. Онъ усѣлся въ сани, ударилъ кнутомъ по оленямъ и помчался точно бѣшенный между палатками, не щадя привязанныхъ собакъ и всего, что ему попадалось по дорогѣ; затѣмъ онъ вывалился изъ саней и, повиснувъ на ремняхъ, дико рычалъ въ то время, какъ сани волокли его по песку и глинѣ.

Къ утру шумъ постепенно затихъ, и все населеніе заснуло сномъ пьяныхъ. На слѣдующій день нельзя было найти ни одного человѣка, который бы могъ помочь намъ грузить уголь; большинство спали цѣлый день послѣ ночного пира. Мы должны были ограничиться собственными силами, но даже къ вечеру мы не кончили своей работы, и ужъ меня стало разбирать нетерпѣніе. Дорогое

время проходило. Отъ Ураніи я ужъ давно отказался. Притомъ вѣдь мы болѣе не нуждались въ углѣ; вѣтеръ былъ для насъ благопріятный уже нѣсколько дней. Это былъ южный вѣтеръ, который долженъ былъ гнать ледъ къ сѣверу въ Карское море. Свердрупъ былъ вполнѣ увѣренъ, что мы будемъ плыть въ свободномъ морѣ до самыхъ Новосибирскихъ острововъ, и полагалъ, что намъ нѣтъ нужды торопиться. Но слишкомъ полагаться на надежды нельзя, и мои ожиданія были не столь сангвиничны; я торопился уѣхать, какъ можно скорѣе.

Во время ужина мы торжественно передали Тронтгейму золотую медаль короля Оскара въ награду за ту заботливость, съ которою онъ выполнилъ свою не легкую задачу и за важную поддержку, какую онъ оказалъ этимъ экспедиціи. Его честное лицо просіяло при видѣ красивой медали на цвѣтной шелковой лентѣ.

На слѣдующій день (3-го августа) мы были, наконецъ, готовы къ отъѣзду и послѣ обѣда на судно были приведены съ большимъ шумомъ 34 собаки. Онѣ были привязаны на палубѣ и старались въ началѣ услаждать насъ своей музыкой больше, чѣмъ слѣдовало для нашего удовольствія.

Вечеромъ, наконецъ, наступилъ часъ прощанія. Пары были разведены и все было готово. Но поднялся такой густой туманъ, что даже земли не было видно. Настала минута, когда послѣдній провожавшій насъ другъ Христоферзенъ долженъ былъ разстаться съ нами. Мы снабдили его необходимыми жизненными припасами и немного пивомъ. Съ лихорадочною торопливостью кончали мы свои письма на родину, затѣмъ послѣднее пожатіе руки, онъ и Тронтгеймъ сѣли въ лодку и скоро исчезли въ туманѣ. Съ ними мы отправили домой свою послѣднюю почту и съ ихъ отъѣздомъ порвалась послѣдняя связь.

Мы были совсѣмъ одни въ морѣ тумана. Съ этой минуты міръ врядъ ли могъ получить объ насъ какое-нибудь извѣстіе, пока мы сами не принесемъ ему вѣсти о нашей удачѣ или неудачѣ. Сколько тревоги предстоитъ испытать нашимъ близкимъ за это время! Правда, была еще одна возможность послать письмо домой, — отъ устья Оленека, гдѣ мы, по уговору съ барономъ Толлемъ, должны были забрать еще собакъ, но я на это не разсчитывалъ. Лѣто проходило, и у меня было предчувствіе, что условія льдовъ далеко не столь благопріятны, какъ было желательно.

РАСПЛАТА.

XI.

Викторъ уже не владѣлъ больше своимъ сердцемъ; и двухъ дней онъ не въ состояніи былъ высидѣть дома, не повидавъ Ольгу, и то одинъ, то вдвоемъ съ Владиміромъ постоянно навѣдывался въ маленькій старый, съ низкими потолками домикъ Абазовыхъ. Но чѣмъ чаще заглядывалъ онъ туда, тѣмъ болѣе охватывали его безпокойство и тревога. Ольга,—онъ видѣлъ это ясно,—перемѣнилась къ нему и держала себя съ нимъ холодно-вѣжливо. Она похудѣла и поблѣднѣла за послѣднее время, и Викторъ часто замѣчалъ, что глаза ея заплаканы. Однажды, вечеромъ возвращался онъ отъ Абазовыхъ вдвоемъ съ Владиміромъ, который усиленно кашлялъ на сыромъ осеннемъ воздухѣ.

— Послушай,—глухимъ голосомъ послѣ продолжительнаго молчанія проговорилъ Викторъ.

— Ты что?—едва отдышавшись отъ кашля, спросилъ Владиміръ, но Викторъ молчалъ; онъ не рѣшался продолжать.

— Ну же; ты что-то началъ, — сказалъ Владиміръ, поворачивая къ брату страшно худое, теперь безъ всякихъ признаковъ оживленія, лицо.

Владиміръ за послѣднее время чувствовалъ себя особенно дурно, постоянно кашлялъ и жаловался на сердце. Онъ намѣренъ былъ дождаться весны и ѣхать опять на югъ, въ Италію. Этотъ безобразный климатъ Россіи рѣшительно вреденъ ему и заставитъ его, чего добраго, не шутя расхвораться.

— Я хотѣлъ спросить тебя,—рѣшился, наконецъ, Викторъ,—что же ты... сдѣлалъ предложеніе?

— Да. То есть, не сказалъ именно тѣми словами, но далъ понять. И она, и мать хорошо понимаютъ. Ну, а формальное-то предложеніе еще успѣется. Думаю послѣ новаго года свадьбу сыграть. А тамъ за границу. Ты у меня шаферомъ.

Онъ опять закашлялся удушливымъ, разбивающимъ грудь кашлемъ и трясся всѣмъ тѣломъ. И вдругъ Викторъ почувствовалъ, что всѣмъ сердцемъ ненавидитъ этого человѣка, что

болѣе всего на свѣтѣ желалъ бы скорѣйшей смерти его. И, вслѣдъ за этой мыслью, мелькнула другая: если Владиміръ умретъ, то все его состояніе перейдетъ къ нему, Виктору, такъ какъ иныхъ, даже отдаленныхъ родственниковъ, нѣтъ никого. Тогда не надо будетъ служить, заботиться о средствахъ къ жизни. Тогда можно будетъ снабдить Дуню деньгами и отдѣлаться отъ нея мирно, полюбовно. Холмы и прочее будутъ его, Виктора; онъ почувствуетъ, наконецъ, радость богатой жизни, а, главное, женится на Ольгѣ, поѣдетъ съ ней по Европѣ, купитъ домъ въ Москвѣ или Петербургѣ, станетъ держать лошадей, ложу въ оперѣ, найметъ хорошаго повара. А на лѣто можно пріѣзжать въ Холмы. Можно, наконецъ, баллотироваться въ предводители, оттуда перейти въ вицъ-губернаторы, а тамъ въ губернаторы. Потомъ... его воображеніе потеряло всякую связь съ дѣйствительностью, продолжая работать въ томъ же направленіи: года черезъ два или три его назначатъ товарищемъ министра... Дадутъ званіе, ну, хоть, скажемъ, шталмейстера, или гофмейстера, ну, а потомъ еще черезъ годъ назначатъ министромъ, и всѣ будутъ говорить ему «ваше высокопревосходительство». А, главное, онъ выдѣлится сразу,—составитъ проекты, проведетъ реформы, которыя осчастливятъ всю Россію... Еще черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже фельдмаршаломъ и полководцемъ, наполнившимъ міръ славой своего имени...

— Придетъ же въ голову эдакая глупость, — опомнился Викторъ и даже сплюнулъ въ сторону отъ негодованія на самого себя.

Но онъ продолжалъ чувствовать всѣмъ сердцемъ, что если бы Владиміръ умеръ, онъ, Викторъ, помимо этихъ глупыхъ фантазій, былъ бы невыразимо счастливъ. И вотъ другая мысль поразила его: а что, если Владиміръ успѣетъ все-таки жениться... на Ольгѣ... И у нихъ будутъ дѣти... А у него тогда ни любви, ни богатства, ничего! И ему страстно захотѣлось, чтобы Владиміру стало еще хуже, чтобы онъ не успѣлъ жениться. Онъ вспомнилъ, какъ еще недавно одинъ знакомый врачъ при разговорѣ о Владимірѣ только покачалъ головой.

— Нехорошо съ нимъ,—сказалъ онъ, а затѣмъ на тревожный вопросъ Виктора, добавилъ:—Какъ знать? можетъ протянетъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ и осени не переживетъ.

— Что если протянетъ?—съ ужасомъ думалъ Викторъ. А тогда онъ искренно огорчился. Теперь ему стало стыдно и больно своихъ мыслей; онъ клялъ самого себя за эти мысли, но чувствовалъ, что уже никогда не уничтожитъ ихъ въ себѣ. Можно будетъ приглушить ихъ, не давать имъ хода, но въ тайникѣ сердца онѣ будутъ жить, и ничѣмъ, ничѣмъ ихъ не уничтожишь.

— —

Ему было тяжело; онъ давалъ себѣ слово прогнать изъ души эти мысли, принудилъ себя взглянуть на сидѣвшаго около него брата любовно, по старому, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обдумывалъ, не предупредить-ли Абазовыхъ насчетъ состоянія здоровья Владиміра.

Въ мрачномъ расположеніи духа сошелъ онъ у воротъ своего домика и вошелъ въ комнаты. Дуня, тоже сердитая, зажгла свѣчу и хотѣла чѣмъ-нибудь попрекнуть его, но, замѣтивъ, что онъ особенно угрюмъ сегодня, удержалась и только спросила недовольнымъ тономъ:

— Самоваръ надо что ль?

— Убирайся съ своимъ самоваромъ!—отвѣтилъ Викторъ.

— Тамъ Никешка дожидается.

— Убирайтесь вы оба ко всѣмъ дьяволамъ!.. надоѣли хуже горькой рѣдьки!..

Онъ ненавидѣлъ ее, ненавидѣлъ Никешку, предсѣдателя управы, встрѣтившагося сегодня при выѣздѣ изъ города полицейскаго, купца Савина, у котораго купилъ утромъ бѣлорыбицы, ненавидѣлъ всѣхъ людей, весь міръ. И это потому, что ненавидѣлъ себя за новыя мысли о Владимірѣ. Онъ прошелся по комнатѣ, постоялъ у окна, взялъ для чего-то новый ошейникъ, купленный для Каро, щенка-понтера, и съ отвращеніемъ бросилъ. Потомъ закурилъ папиросу, но папироса была слишкомъ туго набита, и онъ со злобой кинулъ ее, началъ набивать другую и нечаянно опрокинулъ коробку, такъ что гильзы разсыпались, и вся вата оказалась въ табакѣ. Это окончательно вывело его изъ себя, и онъ съ ругательствомъ ударилъ изо всей силы кулакомъ по столу. Потомъ опять походилъ и почувствовалъ, что ничѣмъ не въ состояніи заняться, но и спать не въ состояніи.

— Развѣ водки выпить?—подумалъ онъ и замѣтилъ, что голоденъ, такъ какъ они съ Владиміромъ не остались ужинать у Абазовыхъ. Онъ вынулъ изъ шкафа полную бутылку водки, кусокъ сыра, колбасу и свѣжій калачъ. Выпивъ рюмку, закусилъ, потомъ опять выпилъ другую и третью. Онъ ѣлъ съ наслажденіемъ проголодавшагося человѣка, а послѣ четвертой рюмки почувствовалъ, что его дурное настроеніе духа проходитъ. Тогда ему вспомнилось про Никешку. Онъ вышелъ въ кухню и, позвавъ Никешку, который еще не ложился спать, усадилъ его за столъ и налилъ ему водки. Они выпили по другой, по третьей, по четвертой. Въ бутылкѣ оставалось совсѣмъ мало, и Викторъ вынулъ изъ шкафа новую. Въ головѣ его стоялъ пріятный туманъ, свѣча изрѣдка двоилась; хотѣлось спать, но жаль было нарушить удовольствіе постепеннаго опьяненія. Никешка казался теперь Виктору милымъ, душевнымъ человѣкомъ, находящимся въ трудномъ поло-

женіи, и котораго онъ очень любилъ. Викторъ любилъ также и Дуню, и предсѣдателя управы, и купца, и полицейскаго, и всѣхъ людей. А про кучера Никифора не могъ вспомнить безъ умиленія: такъ хорошо онъ наѣзжалъ сѣраго.

Кромѣ того, Викторъ чувствовалъ теперь въ себѣ страшный запасъ великодушія и порѣшилъ окончательно, что спрячетъ свою любовь къ Ольгѣ и будетъ счастливъ ея счастьемъ съ Владиміромъ. А самъ уйдетъ въ монастырь и оттуда пришлетъ ей письмо, въ которомъ разскажетъ краткую, но грустную повѣсть своей любви. Письмо закончится такъ: «чрезъ тебя я чернецъ.» А подписано будетъ: «богомолецъ твой, смиренный инокъ Паисій или Аркадій». Но, впрочемъ, если ужъ Аркадій, то архимандритъ.

Теперь слезы стояли на глазахъ его, а свѣча прыгала то вправо, то влѣво. Хитрое и слегка покраснѣвшее лицо Никешки будтò жмурилось, а щеки смѣшно отдувались отъ усилія пережевать жесткую, какъ щепка, копченую колбасу.

И вотъ Никешка, выпивъ съ Викторомъ еще двѣ рюмки, съ рѣшительнымъ видомъ отставилъ отъ себя тарелку съ колбасой, закурилъ папиросу, съ наслажденіемъ вдохнулъ дымъ и откинулся на спинку стула. Лицо Никешки, чуть-чуть лишь покраснѣвшее отъ выпитой водки, приняло необычайно серьезное выраженіе и стало отъ этого совсѣмъ глупымъ, а глаза сдѣлались маленькими и будто ушли въ щелочки.

— А что я доложу вамъ, Викторъ Егорычъ,—таинственно началъ онъ.

Викторъ не зналъ, что Никешка доложитъ, и не хотѣлъ этого знать. Онъ впередъ былъ увѣренъ, что Никешка скажетъ что-нибудь очень умное, а главное—прекрасное, и готовился заплакать отъ радости, такъ какъ слезы давно уже просились ему на глаза. Но, чтобы не заплакать раньше срока, онъ всталъ, вынулъ изъ шкафа графинъ коньяку и, наливъ двѣ рюмки, выпилъ свою.

XII.

— А Владиміръ-то Аркадьичъ совсѣмъ выходитъ передъ вами подлецъ, Викторъ Егорычъ,—продолжалъ Никешка.

Именно, подлецъ,—согласился Викторъ и почувствовалъ, что слезы хлынули, наконецъ, изъ его глазъ отъ умиленія, что онъ, Викторъ, значительно великодушнѣе, благороднѣе Владиміра. Викторъ выпилъ поэтому еще рюмку.

— И первымъ дѣломъ, за что онъ стеганулъ меня по мордѣ?—говорилъ Никешка.

— Вотъ, именно, за что? А развѣ это онъ?

— Они самые. Ну, это дѣло мы, пущай, оставимъ. А только что совсѣмъ они передъ вами выходятъ нестоющій человѣкъ.

— Нѣтъ, Никешка, ты этого не говори... Онъ тоже...

— Вѣрное слово, Викторъ Егорычъ. Потому на ладонъ дышатъ, а богатства у нихъ во-сколько.

— Онъ... богатъ... Это правда... А у меня, братъ, шишъ... съ масломъ... Я въ монастырь уйду, Никешка.

— Помилуйте, Викторъ Егорычъ, какъ это возможно, вамъ теперича да въ монастырь.

— Я воспою аллилуія, Никеша.

— Оно, конечно, для души спасеніе... а только что...

— Я буду Паисій, другъ мой, іеромо... Паисій...

— Только что, доложу я вамъ, Викторъ Егорычъ, монастыри-то не для насъ съ вами стоятъ.

— Не разговаривать... «Да исправвится моо-ли»...

— Нѣтъ, Викторъ Егорычъ, дозвольте мнѣ поговорить по душѣ.

— Говори, Никешка, говори toujours...

— Я насчетъ того, Викторъ Егорычъ, что ужъ оченно мнѣ жаль васъ. Живете, можно сказать, въ бѣдности, въ умаленіи, а братецъ вашъ двоюродный деньгамъ счету не знаютъ. А сами на ладонъ дышутъ. Выходитъ, ни себѣ, ни людямъ... И что онъ за человѣкъ, Владиміръ-то Аркадьичъ? одно слово— мозглякъ... Помирать бы ему пора, васъ не задерживать...

— Нѣтъ, пусть живетъ. Пускай живетъ и поминаетъ Виктора.

— И на что ему жить, Викторъ Егорычъ, сами извольте подумать? Вѣдь, радости-то отъ него никому нѣтъ. Да и самому одна тягость...

— Это ты правду говоришь, Никешка.

— Вотъ, то-то и есть. А помретъ, все вамъ достанется..

— Окончательно все.

— Таакъ-съ. И хорошее бы дѣло, кабы отошелъ съ миромъ.

— Нѣтъ, я гордъ... Я добръ и гордъ... Пускай живетъ, а я въ нищетѣ окончу дни мои... Понимаешь, я гордъ...

— Это точно, Викторъ Егорычъ; потому въ городу сказывали, что жениться онъ задумалъ.

Душевное умиленіе Виктора стало замѣняться нѣкоторою восторженностью. Хотѣлось говорить, высказываться.

— Такъ говорятъ? О, пускай женится, благословляю...

— Болтаютъ бабы. Настасья, судейская кухарка, сказывала на кухнѣ у станового, будто судейша приданое припасаетъ.

— Это, Никешка, подлость,—стукнувъ кулакомъ по столу крикнулъ Викторъ.—Подло заѣдать чужой вѣкъ! А дѣвушка-то какая!..

— Барышня, сказываютъ, въ самомъ аккуратѣ. Вотъ, и я тоже говорю, Викторъ Егорычъ, что совсѣмъ выходитъ нестоющій человѣкъ Владиміръ Аркадьичъ. Женится, дѣтей народитъ, капиталы имъ достанутся.

— Чортъ съ ними, съ капиталами! Мнѣ принципъ дорогъ; я за принципъ стою. Понимаешь. И я объявляю всему міру войну; я перчатку бросаю обществу, средѣ... Насъ среда заѣдаетъ... А это подло со стороны Володьки...

— Истинно, что одна пакость, Викторъ Егорычъ. Потому, все едино помретъ, а имѣніе-то не къ вамъ тогда попадетъ. И выходитъ, песъ на сѣнѣ...

— Никешка, ты пойми, что въ груди моей адъ и... восемсотъ чертей...

Они выпили еще по рюмкѣ. Никешка продолжалъ изъ какого-то тумана:

— Ежели бы теперича, Викторъ Егорычъ... такъ ужъ я бы... Эхъ, Викторъ Егорычъ, ужъ оченно я вашу милость обожаю...

Но Викторъ не слушалъ его; потребность излиться сердцемъ возросла до высшихъ предѣловъ. Онъ сидѣлъ за столомъ, плохо различая окружающее и кричалъ убѣдительнымъ голосомъ:

— Ты, Никешка, скотъ, и я скотъ. И всѣ мы скоты. Ты только то пойми: весь свѣтъ состоитъ изъ скотовъ, и ткни ты въ брюхо любому почтенному человѣку,—сейчасъ изъ спины выскочитъ мерзавецъ...

— Это точно...—соглашался Никешка.

— И въ этомъ... кррасота... Красота и велико... лѣпіе... Потому, другъ мой, Никешка, не будь подлецовъ, и жить было бы тошно. То то и хорошо, что я, можетъ, изъ подлецовъ подлецъ, а считаю себя праведникомъ, а всѣхъ прочихъ подлецами и... меррр-завцами... И въ этомъ философія... А какъ только, всѣ скажутъ про себя: мы скоты, такъ сейчасъ же всѣ и перестанутъ быть меррзавцами и тутъ ужъ аллилуія... Шабашъ, конецъ міру. Потому нечего больше дѣлать. Правду я говорю, Никешка? а? говори, подлецъ!..

— Не могу знать, Викторъ Егорычъ.

— Врреешь, шельма, врешь, знаешь. Тогда, братъ, аллилуія и конецъ міру! И потому конецъ, что сейчасъ же, вотъ въ эту самую минуточку, всѣ станутъ хорошими... Всѣ бы тогда упали бы на колѣни и возопили бы: виноваты мы, Господи.. И всѣ бы тутъ же отъ радости и подохли... Да, братъ, Никешка...

— А я бы вамъ, Викторъ Егорычъ, уже услужилъ бы. То есть, во-какъ услужилъ бы...

— Ну, говори...

- - -

Восторженное состояніе Виктора пропало и смѣнилось сонливостью. Онъ едва могъ усидѣть на стулѣ.

— Я бы, сударь, черезъ жидковъ, черезъ однихъ, взялъ бы да заграницу и ахнулъ бы. Къ Некрасовцамъ. Ужъ то-ли, въ Конюшевѣ, у меня пріятели есть...

— Ну, маршируй.

— Только что деньжатъ-то надо. А ужъ тутъ, сами изволите знать, и вамъ бы хорошо, и мнѣ.

— Ну, чтожъ... дѣло...

— Недорого бы и взялъ, Викторъ Егорычъ. Тысячку, сударь, обидно не будетъ...

— Тысячу? Это хорошо, Никешка...

— Потому тутъ и грѣха нѣтъ. Сами изволите знать, нѣшто это человѣкъ. Все едино въ пятницу помретъ.

— Въ пятницу? Да.

— Кабы задаточекъ, Викторъ Егорычъ.

— Даа...

— Потому они, можно сказать, помираютъ. А только что напакостить могутъ. Возьмутъ да женятся.

— Это даа...

— Такъ ужъ я бы услужилъ, Викторъ Егорычъ, а вы бы мнѣ хоть сотенку задаточку. Ужъ я бы былъ безъ сумленія...

Но Викторъ не былъ въ состояніи ничего сказать. Языкъ у него сталъ теперь точно чужой, огромный и толстый, такъ что едва помѣщался во рту. Голова не держалась на плечахъ, а глаза были тупо устремлены на свѣчу. Потомъ онъ потерялъ представленіе о томъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Какъ сквозь сонъ, припоминалъ онъ себѣ, что лежитъ на диванѣ и такъ громко храпитъ, что самъ слышитъ это. Свѣча догораетъ. Никешка сидитъ и куритъ папиросу за папиросой. Потомъ сознаніе возвращается къ Виктору нѣсколько, хотя туманъ все еще окутываетъ мозгъ. И вотъ, сквозь этотъ туманъ что-то болѣзненное, язвительное и дикое до невѣроятія проникаетъ въ его сознаніе, и тогда же возвращаются силы. Какъ это случилось, онъ не помнитъ, но онъ въ страшной злобѣ стоитъ теперь на полу, на колѣняхъ, съ поднятымъ могучимъ кулакомъ, а подъ нимъ хрипитъ Никешка, котораго онъ другою рукой душитъ за горло.

— Нѣтъ, ты мнѣ повтори, сволочь, — кричитъ Викторъ, отпуская немного жертву, — ты повтори, что ты мнѣ предлагалъ, что ты смѣлъ предложить!...

— Да, ей Богу же, Викторъ Егорычъ, я, только жалѣючи васъ,—говоритъ Никешка, подымаясь съ полу и ворочая шеей, чтобы вернуть ее къ жизни.

— Такъ ты и задатку хочешь, мерзавецъ! Разражу!..

Никешка быстро увертывается въ уголъ.

— Ты что же меня за Каина считаешь? а?

— Какъ возможно, Викторъ Егорычъ. А только что... имъ все едино, скоро помирать...

— Это ты, подлецъ, за то, что онъ тебя по мордѣ смазалъ? а?..

— Эхъ, Викторъ Егорычъ, нѣшто намъ за свою морду обижаться приходится? Наша морда извѣстно что: плюнуть на нее да и все тутъ...

Потомъ Викторъ опять пьетъ коньякъ и мирится съ Никешкой, хотя и продолжаетъ называть его подлецомъ и грозить ему. Но Никешка давно привыкъ къ угрозамъ Виктора и не боится ихъ. Потомъ сознаніе опять уходитъ куда-то прочь, и затѣмъ Викторъ припоминаетъ, что стоитъ посреди комнаты, разставивъ ноги для равновѣсія далеко врозь, и машетъ передъ носомъ Никешки сторублевой бумажкой.

— Видишь, мерзавецъ, видишь это,—говоритъ онъ,—я бы тебя, подлеца, долженъ былъ связать да къ становому... А я, видишь, великодушенъ... Я добръ и... справедливъ... На, сволочь, жри и убирайся въ болото... Изувѣчу, всю морроду на сторону...

Потомъ онъ не помнитъ уже ничего и приходитъ въ себя лишь на другой день. Голова у него болитъ, во рту отвратительный вкусъ и губы слиплись. Онъ встаетъ, пьетъ воду съ лимономъ, охаетъ, чувствуетъ себя больнымъ и все припоминаетъ и не можетъ припомнить, что такое было съ нимъ. Было что-то ужасное, подавляющее, но что, — онъ не помнитъ. Приписывая эту боль сердца ночному кутежу, онъ принимаетъ кое-какія лѣкарства, приводитъ себя въ порядокъ, освѣжается прогулкой и думаетъ успокоиться. Слѣдующую ночь онъ спитъ хорошо и просыпается совсѣмъ здоровымъ. Но передъ вечеромъ встрѣчается на дворѣ съ Никешкой и сразу начинаетъ чувствовать ту же ноющую боль. Никешка заглядываетъ ему въ лицо съ подлой улыбкой и какъ-то подмигиваетъ ему однимъ глазомъ. Викторъ сердится, но не можетъ припомнить, отчего у него на душѣ опять стало такъ тягостно...

XIII.

Владиміръ Аркадьевичъ сидѣлъ передъ Ольгой и мучительно дышалъ всей грудью, стараясь придти въ себя послѣ припадка страшнаго кашля.

— Вотъ, надо-же было простудиться,—едва переводя дыханіе говорилъ Владиміръ, — опять, должно быть, бронхитъ. Нѣтъ, мнѣ ваша хваленая Россія не по вкусу. Только бы съ наслѣдствомъ окончить дѣла, а тамъ уѣду въ Италію.

Потомъ онъ улыбнулся, взялъ руку Ольги своей холодной влажной рукой и прошепталъ съ загорѣвшимся взоромъ:

— Вмѣстѣ поѣдемъ? да?

Дѣвушка поблѣднѣла и въ ужасѣ откинулась на спинку кресла. Она уже не могла больше преодолѣвать своего отвращенія къ этому мертвецу, который еще сознаетъ въ себѣ мужчину.

— Вѣдь, вы не станете противиться? да? — продолжалъ Владиміръ.

— Полноте, — прошептала она, чувствуя и жалость къ этому человѣку, и отвращеніе. — Вы такъ... нездоровы; вамъ полѣчиться надо.

— Я то нездоровъ? Полноте, это такъ, чистые пустяки. Это бронхитъ и бывалъ ужъ не разъ. А что кровь иногда покажется, такъ, вѣдь, это, знаете, отъ напряженія. Лопнетъ какой-нибудь незначительный кровеносный сосудикъ, и покажется кровь. Это мнѣ докторъ говорилъ...

— Нѣтъ, вы всетаки полѣчитесь. Такъ оставлять нельзя.

— Радость вы моя! Какъ заботится. Если приказываете, завтра же обращусь къ нашему эскулапу Никону Николаевичу... Не знаю почему, но я сегодня ужасно веселъ и счастливъ. Точно предчувствіе чего-то необычайнаго и прекраснаго.

— Сегодня день такъ хорошъ.

— Да. Мягкій такой, влажный, а безъ дождя. Такъ поѣдете со мной въ Италію?

— Полноте, что вы такое говорите,—смущаясь все болѣе и болѣе, прошептала Ольга.

— Нѣтъ, вы, вѣдь, давно знаете, что я люблю васъ, такъ о чемъ-же толковать. Давайте, повѣнчаемся передъ масляной; а? согласны?

Она взглянула на него безпомощнымъ, молящимъ взоромъ.

— Не говорите этого, — вырвалось у нея, — вы же... вы видите, что...

— Я понимаю, что безъ совѣта съ родителями вамъ трудно дать отвѣтъ. Ну, я завтра самъ переговорю съ ними... А сейчасъ до свиданья, моя радость... Скоро сыро станетъ, надо домой... Дайте, ручку поцѣлую...

Онъ жадно прильнулъ къ ея рукѣ воспаленными губами, и Ольга не въ силахъ была оторвать руки. Но, когда онъ уже уходилъ, она собрала послѣднія усилія и вернула его.

— Послушайте, вы... ничего не говорили, и я ничего не слышала.

— То есть какъ?—удивился онъ.

— Прошу васъ оставить это... пока... Вамъ надо полѣчиться, а мнѣ подумать, приготовиться.

— Ну, ну, хорошо,—съ улыбкой отвѣтилъ онъ и, поцѣловавъ еще разъ ея руку, вышелъ. А Ольга съ тоскою думала о томъ, что онъ все понялъ иначе, по своему. Она обвиняла себя въ неискренности, въ нерѣшительности. Надо было или принять предложеніе, или отказать ясно и просто. Къ чему эти недомолвки, кокетство, котораго въ ней, въ сущности, нѣтъ? Но она знала, что не въ силахъ отказать наотрѣзъ. А мама, а необходимость жертвы для семьи?...

Владиміръ продолжалъ быть въ этотъ вечеръ какъ-то особенно счастливъ. Онъ ходилъ по балкону своего дома, съ наслажденіемъ вдыхалъ мягкій, теплый воздухъ первой осени, глядѣлъ, какъ внизу, подъ горой, тамъ, гдѣ кончался паркъ и гдѣ въ лознякѣ бѣжала свѣтлая рѣчка, клубились туманы, какъ за рѣчкой на обнаженныхъ теперь поляхъ скоплялись ночныя тѣни. Гдѣ-то далеко и высоко прошумѣла крыльями стая птицъ. Среди полной тишины ночи доносился изъ-за села шумъ мельничныхъ колесъ. Воды прибыло, и водяная мельница работала во всю ночь, дорожа временемъ.

На усадьбѣ стихало. Даже во флигелѣ, гдѣ помѣщался управляющій, погасли огни, а самъ управляющій, толстякъ Иванъ Петровичъ, изъ землемѣровъ, сидѣлъ вечеркомъ за чтеніемъ спиритическихъ книгъ, которыя онъ очень любилъ. «Для самообразованія»,—какъ говорилъ онъ.

Небо укрыто было тучками, но тутъ и тамъ сквозь легкую дымку проглядывали звѣзды.

Всегда равнодушный къ природѣ, Владиміръ Аркадьевичъ долго глядѣлъ теперь на эти манящія звѣзды, на клочки темной синевы неба, и ему казалось, что эта таинственная глубина зоветъ его и сулитъ радости, какихъ онъ не испыталъ дотолѣ. Странно и непонятно становилось ему теперь; то, чѣмъ онъ жилъ до настоящей минуты, радости, которыя онъ представлялъ себѣ необходимыми для счастья; хорошее происхожденіе, достаточныя средства, комфортъ, независимость отъ службы,—все это стало теперь, на одно, правда, мгновеніе, чуждымъ, чѣмъ-то такимъ, о чемъ не стоитъ и думать. И, взамѣнъ этого, выступало что-то непонятное, новое, что-то такое, что неудержимо манитъ, призываетъ куда-то, что-то обѣщаетъ...

Но мигъ прошелъ, ощущеніе исчезло, и теперь далекое небо съ золотыми звѣздами опять ничего не говорило ему...

Было поздно, становилось свѣжо, и Владиміръ Аркадьевичъ прошелъ въ комнаты. Потомъ онъ вспомнилъ, что позабылъ закрыть балконную дверь, и снова вернулся въ ту комнату, откуда былъ ходъ на балконъ. Его шаги гулко раздавались въ молчаніи стараго дома. Онъ поставилъ свѣчу на столъ и направился къ дверямъ, какъ вдругъ остановился.

Невообразимый ужасъ отразился на лицѣ его, глаза приковались къ чему-то во тьмѣ ночи. Потомъ онъ опустился на колѣни, одной рукой уперся въ полъ, а тѣло и голову прислонилъ къ креслу. Онъ былъ въ изнеможеніи, но глаза попрежнему глядѣли въ темноту балкона, а на лицѣ рисовался ужасъ. Что-то липкое, ѣдкое и густое покрыло его бороду и грудь, и онъ, прикоснувшись правой рукой къ груди, догадался, что это кровь, которая лила изъ устъ его обильной струей. Онъ удивился, откуда эта кровь и въ такой массѣ. Но одновременно съ этой мыслью не переставала работать та, другая, заставившая его ужаснуться до потери самообладанія. Потомъ на мигъ сознаніе покинуло его, и голова стала опускаться все ниже и ниже, а тѣло будто осѣдало къ землѣ. Но огонь жизни, едва тлѣвшій въ немъ, вспыхнулъ еще разъ и заставилъ открыть глаза, поглядѣть жалкимъ, молящимъ взоромъ все туда же, все въ эту страшную тьму балкона, откуда видѣлось что-то ужасающее. Затѣмъ вспышка угасла, оставивъ недвижное тѣло, лежавшее посрединѣ комнаты около огромной лужи крови, то пурпурной, то почти черной....

. . . .

Перешло за полночь, когда стукъ въ оконную раму разбудилъ Виктора. Онъ проснулся; снаружи кто-то безумолку стучалъ однообразнымъ, легкимъ стукомъ и чей-то голосъ звалъ его по имени. Викторъ вскочилъ и подошелъ къ окну.

— Кто тутъ?—крикнулъ онъ.

— Баринъ, Викторъ Егоровичъ! — послышалось въ отвѣтъ,—пожалуйте скорѣй, у насъ несчастье.

— Что? какое несчастье? кто такой?

— Я—Кузьма, садовникъ изъ Холмовъ.

— Что случилось?—уже не своимъ голосомъ крикнулъ Викторъ, начиная дрожать.

— Владиміръ Аркадьичъ скончались.

И, странное дѣло,—теперь Викторъ понялъ, что зналъ объ этомъ, какъ только услышалъ голосъ говорившаго. Онъ зналъ также, что случилось нѣчто, отравившее ему всю жизнь. Весь дрожа отъ нервнаго озноба, одѣлся онъ и выбѣжалъ на дорогу, торопясь, задыхаясь отъ нетерпѣнія. Онъ далеко оставилъ за собой Кузьму, но пройдя лѣсъ, почувствовалъ вдругъ, что ноги его не слушаются, что онъ не въ силахъ идти туда, гдѣ лежитъ тѣло Владиміра. Викторъ сошелъ съ дороги, сталъ между деревьями и все смотрѣлъ на раскинувшуюся передъ нимъ по склону, сбѣгавшему къ рѣчкѣ, усадьбу. Кузьма прошелъ мимо него и скрылся въ темнотѣ.

Усадьба была видна среди ночного мрака. Во флигелѣ управляющаго горѣли огни, но старый домъ былъ погруженъ во тьму, и только сквозь одно крайнее окошко можно было

видѣть слабый, блѣдный свѣтъ. На дворѣ ходили люди съ фонарями; слышно было, какъ отфыркивается запрягаемая лошадь; гдѣ-то въ концѣ усадьбы не то лаяла, не то подвывала собака. И надъ этой встревоженной обителью строго и задумчиво глядѣло миріадами звѣздъ ночное, полное тайны небо...

Викторъ дрожалъ мелкою нервною дрожью. Его умъ мутился. Та боль, которая два дня тому назадъ охватила его сердце непонятнымъ упрекомъ, появилась вновь и съ ужасающею силой. И словно чей-то голосъ прошепталъ около него: «Каинъ». Тогда сознаніе его прояснилось; онъ понялъ причину боли и значеніе ея. Въ отчаяніи схватился онъ за голову и бѣгомъ бросился къ усадьбѣ Холмовъ. Теперь одно ему надо было разрѣшить: какою смертью умеръ Владиміръ. Въ этомъ вопросѣ заключалось для него все...

Ни докторъ, ни слѣдователь не усумнились въ естественности смерти Владиміра, хотя Иванъ Петровичъ и потребовалъ было слѣдствія. Покойный лежалъ на полу передъ лужей крови, хлынувшей горломъ, но ни малѣйшихъ признаковъ совершеннаго надъ нимъ насилія не было видно, а кровотеченіе являлось понятнымъ при той болѣзни, которою страдалъ умершій.

— Раздраженіе, нервное разстройство, испугъ,—все это могло вызвать кровь,—говорилъ врачъ.

Съ его мнѣніемъ согласился слѣдователь и прекратилъ слѣдствіе.

Правда, кое-что въ обстановкѣ смерти Владиміра Вакулова было непонятно. Это, во-первыхъ, ужасъ, который запечатлѣлся на лицѣ умершаго. Затѣмъ, у самаго тѣла найденъ былъ раскрытый бумажникъ, выпавшій у покойнаго, или выроненный изъ рукъ, или кѣмъ-нибудь вынутый у него и брошенный. Бумажникъ былъ пустъ. Но это не обратило особеннаго вниманія, такъ какъ всетаки смерть легко объяснялась естественными причинами. И только одинъ Викторъ догадывался, какъ могла произойти эта смерть.

XIV.

Въ ночь смерти двоюроднаго брата Викторъ долго находился будто въ полусознаніи. Онъ стоялъ въ углу комнаты, тупо присматриваясь къ тому, какъ убирали мертвое тѣло. Какія-то женщины, дотолѣ никогда не встрѣчавшіяся Виктору, теперь появились въ старомъ домѣ, суетились, отдавали вполголоса приказанія, властно съ сознаніемъ своего превосходства въ эту минуту, и всѣ слушались ихъ и исполняли ихъ приказанія. Пришелъ изъ села причетникъ, равнодушно по-

ставилъ складной аналой, зажегъ восковую свѣчу и началъ ровнымъ, однообразнымъ голосомъ чтеніе псалмовъ, отрываясь изрѣдка для того, чтобы сбѣгать въ кухню и покурить. А въ сосѣдней комнатѣ при свѣтѣ небольшой лампы проворно бѣгали три, четыре иглы. Работа спорилась, и занятыя шитьемъ послѣдняго убора умершему женщины вполголоса разсказывали другъ другу о смерти того или другого изъ своихъ знакомыхъ.

Далеко за полночь ушелъ Викторъ къ себѣ домой, но какъ онъ совершилъ эту дорогу, онъ не могъ бы разсказать. Онъ сидѣлъ при свѣтѣ зажженной свѣчи у стола, низко опустивъ на грудь голову, и что-то думалъ; но о чемъ были его думы, онъ не зналъ. Одно ощущеніе овладѣло всѣмъ его существомъ и въ этомъ ощущеніи сливалось для него представленіе о совершившемся. Оно говорило ему, что все кончено, все погибло. Нѣтъ больше ни надеждъ, ни ожиданій, ни радости, ни свѣта, ни возможности жить. Все кончено, и, чтобы ни случилось, ничто уже этого не измѣнитъ, ибо нѣтъ больше для Виктора солнца,—одинъ мракъ, вѣчный, непроглядный!

Викторъ догадывался, что ждалъ этого мрака, что какъ-будто зналъ о приближеніе его и не предупредилъ, не сдѣлалъ ничего, чтобы не допустить мрака. Эта сторублевая бумажка, брошенная въ ту ужасную ночь Никешкѣ—это она погубила и Владиміра, и Виктора. О, для чего онъ далъ эту сторублевку?... А что Владиміръ погибъ изъ-за Никешки, въ томъ Викторъ ни минуты не сомнѣвался.

И вдругъ Викторъ вскочилъ съ кресла, взволнованный, оживившійся. Да, все для него кончено, онъ погибъ, ему никогда не знать покоя сердца; но, по крайней мѣрѣ, онъ сдѣлаетъ то, что обязанъ сдѣлать.

Торопливо, дрожащими отъ нетерпѣнія и волненія руками отодвинулъ онъ ящикъ комода, выбросилъ оттуда прямо на полъ бѣлье, сюртукъ, перевернулъ оставшіяся вещи, но не нашелъ, чего искалъ; потомъ бросился къ столу, открылъ его, перевернулъ и тамъ все, что въ немъ было, и тоже не нашелъ, что было нужно. Тогда взглядъ его упалъ на полпудовую гирю, которой онъ прижималъ бумаги. Онъ взялъ ее въ руку и со свѣчей въ другой рукѣ прошелъ въ кухню. Тамъ на супружескомъ ложѣ мирно спали Никифоръ и жена его, служившая въ домѣ кухаркой. Викторъ оглядѣлся кругомъ, заглянулъ на печь, на палати,—Никешки нигдѣ не было. Тогда онъ прошелъ въ маленькую, узенькую комнату Дуни и разбудилъ ее.

— Гдѣ Никешка?—спросилъ онъ.

Дуня повернула заспанное лицо, строго поглядѣла на говорившаго, потомъ устало закрыла глаза и повернулась къ

стѣнѣ, приготовляясь заснуть. Викторъ подождалъ немного и хотѣлъ повторить вопросъ, но Дуня, не открывая глазъ, проговорила спокойнымъ голосомъ:

— Ушелъ Никешка. Возьми на столѣ письмо; для тебя оставилъ.

Викторъ порывисто поставилъ свѣчу на столъ и взялъ въ руки четвертушку писчей бумаги, гдѣ карандашомъ безграмотно написаны были какія-то каракули.

«Ваше здоровье,—читалъ Викторъ,—по милостивому Вашему разрѣшенію сотенокъ девять извольте выслать въ Конюшево Грицкѣ Левисону, а мы ужъ съ имъ посчитаемся, Викторъ Егорычъ благодѣтель. Рабъ вашъ Никита Лукояновъ по гробъ жизни съ совершеннымъ почтеніемъ руку приложилъ».

А внизу значилось: «его благородію капитану и кавалеру Вакулову».

— Куда онъ ушелъ?—спросилъ Викторъ Дуню, скомкавъ въ кулакѣ письмо.

— Почемъ я знаю? Пришелъ, взялъ сумку свою и ушелъ. Кланяйся, говоритъ, барину. Да чтобъ лихомъ не поминалъ.

Викторъ постоялъ надъ ней, будто въ раздумьи, потомъ грустно и глубоко вздохнулъ и вышелъ на крыльцо, оставивъ свѣчу въ передней.

Ночь была темная. На разъяснившемся небѣ горѣли блѣдныя звѣзды; вѣтеръ утихъ совсѣмъ и тайной тишины вѣяло отъ природы.

Викторъ зналъ теперь, что ему надо дѣлать. Поднявшаяся было злоба на Никешку теперь совсѣмъ исчезла. Что Никешка? развѣ Никешка виноватъ? Это слѣпое орудіе высшей кары за совершенное Викторомъ преступленіе. Положимъ, теперь-то онъ, Викторъ, не хотѣлъ преступленія; положимъ, это излишне чуткая совѣсть заставляетъ его возводить на себя несуществующую вину,—но нѣтъ,—все же онъ преступенъ! Вотъ уже восемь лѣтъ лежитъ на его душѣ страшная не заглаженная вина. Теперь лишь наступила расплата. Во всей ужасающей ясности предстала предъ нимъ его вина, его уклоненіе съ дороги—позоръ Дуни, совершенный имъ, гибель ея ребенка (онъ не сомнѣвался въ эту минуту, что ребенокъ погибъ), жизнь съ нею въ теченіе этихъ ужасныхъ восьми лѣтъ!

Ничто не проходитъ безслѣдно. Въ вѣчномъ міровомъ движеніи нѣтъ безплодно совершаемыхъ усилій. Какъ въ мірѣ матеріальномъ уклоненіе съ пути какой-нибудь отдаленной планеты вызываетъ перемѣны въ движеніи другихъ міровъ, такъ и въ человѣческой жизни уклоненіе съ прямого пути, съ пути чести и правды отзывается, хотя бы и черезъ долгій промежутокъ времени, на общемъ равновѣсіи жизненныхъ условій. Ничто не пройдетъ безслѣдно, и то преступленіе, которое со-

— — —

вершено въ ужасную, памятную ночь, когда чистая, съ свѣтлой душой дѣвушка, со слезами, съ рыданіями, съ трепетомъ цѣломудреннаго сердца, цѣлуя руки мучителя, тщетно умоляла о жалости,—то преступленіе теперь даетъ свои плоды.

Почти не коснулась совѣсти Виктора догадка о беременности Дуни и загадочномъ исчезновеніи этой беременности, а теперь все припомнилось, все встало передъ глазами и уже не будетъ забыто. Не будетъ забыто и то, что совершилось въ эту ночь...

И вотъ Виктору припомнилось, что револьверъ, который онъ искалъ въ комодѣ и въ столѣ, лежитъ въ чемоданѣ, и что онъ, Викторъ, положилъ его туда только третьяго дня. И еще было странно, что онъ позабылъ объ этомъ.

Печально взглянулъ онъ на звѣздное небо, на востокъ, чуть начинавшій бѣлѣть предчувствіемъ близкаго дня, на небольшую рощу, мирно дремавшую по другую сторону усадьбы, и, кинувъ въ траву забытую въ рукѣ гирю, присѣлъ на скамью, стоявшую на крыльцѣ. Какъ совсѣмъ по иному могла бы сложиться его жизнь! Куда онъ, на что растратилъ свои недюжинныя способности, кипящую въ немъ энергію? Все загублено, и вотъ плоды его безумной жизни съ порывами звѣря, съ разнузданными страстями...

На дальнемъ концѣ двора пропѣлъ пѣтухъ; гдѣ-то вдали откликнулся другой. Пробѣжалъ свѣжій предразсвѣтный вѣтерокъ. Востокъ начиналъ румяниться; на небѣ гасли звѣзды.

Тихо поднялся Викторъ съ лавки и тихо вошелъ въ комнаты. Онъ взялъ свѣчу, прошелъ въ спальню и, открывъ чемоданъ, вынулъ оттуда револьверъ. Убѣдившись, что револьверъ заряженъ, онъ потушилъ свѣчу и сѣлъ въ кресло. Пробѣжало нѣсколько минутъ; въ комнатѣ, совершенно черной дотолѣ, стоялъ теперь сѣрый полусвѣтъ. На дворѣ перекликались пѣтухи; слышно было, какъ въ конюшнѣ била кованымъ копытомъ лошадь.

Сердце Виктора забилось вдругъ неудержимо, страстно, и дрожь пробѣжала по тѣлу. Что-то будто всколыхнулось въ немъ, и горечь, а, вмѣстѣ съ нею, безумная радость наполнили грудь.

Какъ живая, стояла передъ духовными его глазами прекрасная, чистая дѣвушка съ лучистыми, кроткими глазами и глядѣла на него съ укоромъ и мольбой. Жажда жизни, свѣта, радостей, жажда примиренія, искупленія грѣха въ самой исцѣляющей раны жизни волной поднялась съ глубины сердца и наполнила его ужасомъ передъ чудовищностью того, что онъ готовился совершить. Порывисто кинулъ Викторъ револьверъ на окно и упалъ на колѣни передъ образомъ, едва виднѣвшимся въ углу.

— Господи,—шепталъ онъ дрожащими губами,—Господи! я виновенъ, но, вѣдь я же не хотѣлъ смерти брата. Вѣдь, Ты все знаешь, знаешь и то, что я не на убійство далъ эти деньги...

Онъ говорилъ страстно, съ силой отчаянія, но глаза были сухи, и молитва не умиляла его, не затрогивала глубины сердца.

День осиливалъ тьму ночи; востокъ покрывался багрянцемъ зари. Пѣтухи перекликались снова. Жажда жизни осиливала; надежда прокралась въ измученное сердце. Какъ ангелъ спасенія, стоялъ передъ Викторомъ образъ Ольги, и сомнѣнія его утихали... Онъ опять опустился на колѣни и какъ будто молился, безъ словъ, однимъ размягченнымъ сердцемъ. Потомъ, не раздѣваясь, кинулся онъ на постель и заснулъ, какъ убитый...

Когда онъ на другой день вошелъ въ домъ Абазовыхъ, первая, кто встрѣтила его, была Ольга, похудѣвшая еще болѣе, взволнованная и заплаканная. Молча взялъ онъ обѣими руками ея дрожащую руку и прильнулъ къ ней губами.

— Поддержите меня,—шепталъ онъ, плохо сознавая, что говоритъ,—вы одна у меня; поддержите, безъ васъ я пропаду...

Она не понимала значенія его словъ, но чувствовала смыслъ ихъ и, въ порывѣ состраданія къ невѣдомому еще чужому горю, нагнулась и поцѣловала Виктора въ голову.

— Мнѣ тяжело,—добавилъ онъ, оправляясь немного,—но я знаю, что вы мнѣ другъ, и мнѣ легче, когда я вижу васъ...

ГЛАВА XV.

Одна властная дума овладѣла душой Виктора,—дума объ Ольгѣ. Все отступило для него на задній планъ. Отдаваясь этой думѣ съ той страстностью, на которую такъ былъ способенъ, онъ пересталъ думать о Никешкѣ, о смерти Владиміра, не замѣчалъ Дуни, жилъ новымъ, сильнымъ чувствомъ любви. Почти равнодушно проводилъ онъ къ послѣднему жилищу брата, разсѣянной рукой бросилъ на крышку гроба горсть земли и уже не помнилъ о томъ, что онъ наслѣдникъ всего имущества рода Вакуловыхъ. Онъ забылъ, что надо просить о публикаціи, платить налогъ, хлопотать о вводѣ во владѣніе. Все это дѣлалъ Иванъ Петровичъ, управляющій; онъ ежедневно пріѣзжалъ на хуторъ, пыхтя взбирался по крутымъ ступенямъ крыльца, поправлялъ на округленномъ животѣ цѣпочку часовъ, подносилъ Виктору бумаги къ подписи, спрашивалъ о чемъ-то, докладывалъ что-то. Викторъ, не читая,

подписывалъ бумаги, докладовъ не слушалъ, а на вопросы по хозяйству неизмѣнно отвѣчалъ:

— Ничего не знаю; дѣлайте, какъ хотите и что хотите.

И все дѣлалось хорошо и правильно, не смотря на то, что круглый, какъ шаръ, лысый и красный, какъ новорожденный младенецъ, Иванъ Петровичъ жестоко огорчался равнодушіемъ хозяина къ дѣламъ и только разводилъ руками:

— Вотъ и служи у такихъ господъ... Не могу же я все брать на себя... Эхъ, кабы не двадцатилѣтняя привычка...

Долго не видать Ольги Виктору становилось мучительно. Почти черезъ день отправлялся онъ въ городъ, робко, будто виноватый, входилъ въ старенькій домъ Абазовыхъ и просиживалъ тамъ по нѣскольку часовъ, счастливый самымъ воздухомъ этого дома и тѣмъ, что дышетъ имъ вмѣстѣ съ милыми его сердцу людьми. Къ нему возвращалось здѣсь спокойствіе и умиленіе давно минувшихъ годовъ дѣтства. Онъ будто чувствовалъ въ этомъ кругу присутствіе матери.

Даже не заставая Ольги, онъ все же отдыхалъ душой у Абазовыхъ. Онъ привязался къ спокойному, невозмутимому Алексѣю Ѳедоровичу, съ наслажденіемъ держалъ мотокъ нитокъ, которыя свивала въ клубокъ Катерина Ивановна, смѣялся и шалилъ съ подростками дѣвочками, качалъ на колѣняхъ младшихъ дѣтей. Во всѣхъ этихъ лицахъ онъ видѣлъ нѣсколько измѣненныя черты лица Ольги...

Высшую степень наслажденія испытывалъ Викторъ въ часы зимнихъ сумерекъ передъ праздникомъ, сидя у окна противъ Ольги. Въ комнатахъ еще не зажигали огня, и лишь лампады передъ образами лили мягкій, ласкающій полусвѣтъ на покрывавшіеся мракомъ вечера предметы. Тогда разговоры не шли на умъ. Молча сидѣла на диванѣ Катерина Ивановна, быть можетъ, припоминавшая давно минувшіе дни молодости. Молчали и Ольга, и Викторъ, притихали даже Юленька съ Лидочкой. Все погружалось въ тишину отдыха, и ангелъ мира вѣялъ крыломъ надъ дружной, много трудившейся семьей.

Въ эти минуты сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сознавалъ Викторъ, что онъ тоскуетъ по давно утраченной чистотѣ своего сердца, ужасается передъ загрязненностью души. Тамъ гдѣ-то, далеко, въ глубинѣ годовъ юности, остался онъ,—чистый, со свѣтлымъ взглядомъ, съ готовымъ на все хорошее сердцемъ, а теперь по пыльной жизненной дорогѣ идетъ онъ же, но опошленный развратомъ и побужденіями низкихъ животныхъ стремленій. Какъ опозоренный, входилъ онъ въ этотъ чистый домъ съ глубокой грустью за свое паденіе... И съ тайной надеждой подняться когда-нибудь глядѣлъ на простыя черты этихъ милыхъ его усталому, тоскующему сердцу людей...

Катерина Ивановна была глубоко поражена смертью Вла-

диміра Аркадьевича. Она долго не могла опомниться, осмыслить совершившееся и искренно оплакивала покойнаго. Но затѣмъ чуткое сердце матери стало догадываться, что Викторъ не спроста у нихъ постояннымъ гостемъ, и что Ольга къ посѣщеніямъ его относится лучше, чѣмъ, бывало, къ посѣщеніямъ Владиміра Аркадьевича. Это открытіе было цѣлебнымъ бальзамомъ для матери, и Катерина Ивановна стала въ глубинѣ души находить, что на свѣтѣ все совершается премудро.

А Ольга и Викторъ безъ словъ понимали другъ друга и проводили счастливые часы, — она за работой, онъ въ безмолвномъ созерцаніи. Иногда Викторъ съ изумленіемъ спрашивалъ себя, — что влечетъ его къ этой дѣвушкѣ, которая, если разсмотрѣть хорошенько, вовсе ужъ не такъ хороша собой. Во всякомъ случаѣ, Дуня много красивѣе; Дуня манитъ страстью, обѣщаетъ восторги безумнаго наслажденія, умѣетъ заставлять Виктора позабыть въ ея ласкахъ все на свѣтѣ. Эта же дѣвушка, такая худенькая, маленькая, съ лицомъ, скорѣе блѣднымъ, чѣмъ румянымъ, съ узенькими плечами, недоразвившаяся, почти еще ребенокъ, не можетъ обѣщать жгучей страсти, и при ней ничего не забудешь. О, наоборотъ,—вспоминается съ жгучей болью многое, что хотѣлъ бы забыть!... А между тѣмъ, что такое ея красота. Она—хорошенькая и только. И почему она хорошенькая, сразу не отвѣтить. Но Викторъ догадывался, что привлекало его къ Ольгѣ, и понималъ, что главная ея прелесть въ этихъ сѣро-голубыхъ глазахъ, — простодушныхъ и чистыхъ, кроткихъ и говорящихъ о глубокой душѣ, способной на самоотверженіе и самозабвеніе.

— Она точно вышла изъ римскихъ катакомбъ временъ гоненія, — сказалъ себѣ однажды Викторъ.—Такъ и хочется представить себѣ ее стоящей гдѣ нибудь въ подземельѣ въ ожиданіи ареста, а затѣмъ мучительной казни и видящей свѣтлыми, убѣжденными глазами небо сквозь своды пещеры...

Она полюбитъ и будетъ вѣрной женой, но настоящее ея мѣсто гдѣ-нибудь среди тяжко больныхъ, гдѣ она съ самозабвеніемъ, но просто, безъ экзальтаціи ухаживала бы за страдающими. Въ больницахъ во время эпидемій, на театрѣ войны она была бы незамѣнима и работала бы тихо, незамѣтно, не ожидая награды, не думая о благодарности, самоотверженная, страдающая отъ сознанія своего безсилія въ борьбѣ съ чужими страданіями, но облегчающая ихъ однимъ своимъ присутствіемъ, однимъ взглядомъ любящихъ глазъ, не сознающая своей силы и окруженная удивленіемъ... Она изъ тѣхъ, которыми держится міръ. Не будь такихъ людей, все пропадетъ, измельчаетъ, разсыпется. А она и не подозрѣваетъ своего значенія, не догадывается о своихъ силахъ...

— — — -

XVI.

Но, по мѣрѣ того, какъ время бѣжало, мысль Виктора возвращалась къ настоящему, пробуждаясь отъ оцѣпенѣнія, въ которое была погружена. Тогда его охватывала тоска. Правда, онъ чувствуетъ, что нравится Ольгѣ, знаетъ, что старики Абазовы охотно выдадутъ за него дочь, но самъ-то онъ не готовъ къ этому! Его вяжетъ, во-первыхъ, Дуня, а какъ развязаться, онъ не знаетъ.

Правда, онъ привыкъ добиваться своего, и прежде этотъ вопросъ не показался бы ему такимъ труднымъ. Но онъ сознаетъ свою вину передъ Дуней, и это сознаніе его подавляетъ, лишаетъ рѣшимости. Что-то странное замѣчалъ онъ иногда въ Дунѣ. Нѣсколько разъ видалъ онъ молодую женщину, погруженною въ такую задумчивость, что,—замѣтно было,—она не сознаетъ, гдѣ она и что съ ней. Она сидѣла гдѣ нибудь въ уголкѣ на скамейкѣ или на сундукѣ; обѣ руки ея были сложены и прижаты къ груди, будто бережно и нѣжно держали что-то милое, дорогое. Она то слегка наклонялась впередъ, то откидывались назадъ, а губы шевелились, шептали что-то. Заставъ ее однажды въ такомъ положеніи, Викторъ подошелъ и грубо взялъ ее за плечо. Она поглядѣла на него и, видно было, не сразу узнала. Но, узнавъ, поблѣднѣла и поднялась со скамейки.

— Что ты тутъ точно колдуешь?—спросилъ онъ тѣмъ грубымъ, почти непріятнымъ тономъ, который издавна установился между ними.

— Оставь... ну тебя... не знаю...—отвѣтила Дуня и вдругъ упала на стоявшую тутъ же постель, спрятала голову въ подушку и зарыдала, вздрагивая своимъ роскошнымъ тѣломъ.

— Ласточка моя, голубчикъ сизенькій, перышко легонькое,—слышался Виктору надрывающій душу шепотъ.

Викторъ постоялъ съ минуту, потомъ вышелъ и принесъ стаканъ воды.

— Дуня, а, Дуня, на, выпей воды... Да полно же, глупая, о чемъ ты?

Но она уже успокоивалась, осиливала себя. Потомъ сразу умолкла, поднялась съ подушки и выпила стаканъ однимъ духомъ.

— О чемъ ревѣла?—опять переходя въ грубый тонъ, спросилъ Викторъ.

— Такъ, ни о чемъ, отстань...

— Глупая, скажи, можетъ я помогу горю.

Дуня задумчиво поглядѣла въ окно и вздохнула.

— Моему горю не помочь; ни вѣтру буйному, ни солнцу красному...

Послѣ этихъ припадковъ на нее находила влюбленность и веселость. Она наряжалась въ свои лучшія платья, повязывала голову шелковымъ алымъ платкомъ, ласкалась къ Виктору, называла его нѣжными, любовными именами, и Викторъ чувствовалъ, что готовъ опять потерять голову, какъ въ тѣ дни, когда только что сошелся съ ней. О! онъ понималъ, что она сила, которая держитъ его на землѣ, пригибаетъ его голову внизъ и не даетъ взглянуть на небеса, по которымъ тоскуетъ его духъ. И если эта страстная, ненавистная, но вмѣстѣ и дорогая ему женщина не отпуститъ его отъ себя добровольно,—не легко ему будетъ добыть свободу. Да и добудетъ ли онъ?

Однажды она пришла къ нему, разсерженная, гнѣвная. Грудь ея высоко подымалась, въ черныхъ глазахъ горѣло что-то, что заставило Виктора смутиться.

— Ты тамъ что затѣваешь, миленькій?—зловѣщимъ голосомъ сказала она, садясь рядомъ на стулъ и близко подвигаясь къ нему.

— Гдѣ? что? о чемъ ты?—невольно смущаясь, отвѣтилъ онъ.

— Въ городѣ, родной. Ужъ не свататься-ли вздумалъ? а?

Онъ молчалъ, но чувствовалъ, что злоба овладѣваетъ имъ.

— Аль за сердце забрало? Только шалишь, баринъ, вотъ какъ держу я тебя!

Она крѣпко ухватила его за плечи маленькими, но сильными руками и, злобно усмѣхаясь, глядѣла прямо ему въ глаза. Тогда гнѣвъ окончательно овладѣлъ имъ. Сильнымъ движеніемъ сбросилъ онъ ея руки и толкнулъ въ плечо такъ, что она едва удержалась на ногахъ.

— Вотъ какъ, держись...

Но она съ непріятнымъ смѣхомъ опять подскочила къ нему и обхватила его шею руками.

— Не брыкайся, родной, я не изъ робкихъ. Ну, прибей, задуши, а все же не уйдешь отъ меня...

— Убирайся къ чорту,—крикнулъ онъ внѣ себя и изо всей силы оттолкнулъ ее обѣими руками, такъ что она упала на стоявшій у стѣны диванъ и ударилась головой о стѣнку.

Но она продолжала злобно смѣяться.

— Да ты бы взялъ вонъ хоть ту гирьку, да гирькой-то... Вѣдь ужъ разъ вынулъ душу, вынь и опять. Разомъ, хорошій мой, разомъ. Что долго тянуть-то...

Викторъ опомнился и овладѣлъ собой.

— Послушай, чего ты отъ меня хочешь?

— Чего я хочу? А вотъ, хочу цѣловать тебя, миловать.

Вотъ такъ, вотъ такъ. И чтобы весь ты былъ мой и ни къ кому не ушелъ бы отъ меня. Не я тебя губила, ты меня; а поставилъ на своемъ, такъ не уйдешь...

— Нѣтъ, уйду, подлая.

— Подлая я, подлая! Это вѣрное ты слово сказалъ, Витенька; охъ, вѣрнѣе вѣрнаго... А только кто меня подлой сдѣлалъ, кто раздавилъ, какъ гадину, кто? Скажи, баринъ ты мой хорошій, душегубъ ты мой, кровопійца!..

— Что-жъ, ты мстить хочешь мнѣ теперь? Такъ я, пожалуй, не побоюсь твоей мести.

— Не мстить, Витенька, а только — мой ты и кончено! Я душу чорту отдала, и твоя пусть идетъ туда же. Я муки терплю девятый годъ, терпи и ты... Связаны мы съ тобой, Витя, не развязать насъ.

— Я всегда зналъ, что ты меня ненавидишь; все время ненавидѣла...

— Охъ, не знаю, ничего не знаю. Ненавижу я тебя, или больше сердца люблю, не знаю. Одно знаю, что не было у меня дня спокою и не будетъ, до могилы не будетъ. И тебѣ не дамъ я спокою, Витенька, хочу, чтобы ты былъ мой и мучился со мною... А ужъ я-то мучаюсь... смертными муками.

Она опустила голову на грудь и задумалась.

— Отпусти меня, Дуня,—тихо проговорилъ Викторъ. Она быстро вскинула на него горящіе глаза.

— Ой-ли?.. Нѣтъ не пущу. Не пущу, Витя.

— Что-жъ тебѣ во мнѣ, коли ненавидишь меня?..

— Мучиться хочу съ тобой вмѣстѣ. Вмѣстѣ подлость мою чувствовать хочу... Нѣтъ, не пущу, Витя...

Потомъ, помолчавъ немного, она заговорила страстнымъ шепотомъ:

— А помнишь-ли, какъ я сердце свое на куски рвала въ тотъ день? Помнишь-ли, Витя, аль ужъ позабылъ? Какъ тѣшилъ ты сердце свое надо мной, а я кровью плакала, долю чистую, дѣвичью хоронила? Какъ молила я тебя: пожалѣй меня, не губи меня; какъ руки на себя наложить хотѣла? Аль и это позабылъ, Витенька?

Она опять подсѣла къ нему, положила руки на его плечи и шепотомъ продолжала:

— А какъ рожала я въ лѣсу, за городомъ; какъ зубами перегрызала, какъ кровью исходила? Это все ты позабылъ, Витенька?

Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Про это я ничего не зналъ.

— А какъ младенчика милаго, дѣточку ненаглядную... подъ елочкой хоронила... Это-то, хоть это помнишь-ли, родной?..

— Да ничего-же, ничего я не зналъ про это...

— И вздохнуть не дала, и къ грудямъ не прижала ребеночка... Боялась, чуяла, что, ежели дамъ ему грудь, ужъ не отстану отъ него... Не зажала ему, не завязала... отвернулась... онъ кровью и изошелъ...

— И зачѣмъ же, зачѣмъ сдѣлала ты это... подлая?..

— Только разочекъ и крикнулъ, а тамъ... и затихъ. Я смертными муками мучалась, Витенька... Меня Богъ тогда проклялъ...

Викторъ въ ужасѣ схватилъ себя за голову.

— Подлая, подлая... Сумасшедшая и подлая...

— Я руками, я когтями могилу разрыла... Какъ я цѣловала, какъ миловала моего младенчика... Господи! слышишь-ли, Господи, муки мои?..

— Дуня, я ничего не зналъ. Я ничего не зналъ, Дуня... Дуня, видишь, я плачу... Зачѣмъ ты это сдѣлала, зачѣмъ погубила моего ребенка?... Я любилъ бы его... Ахъ, Дуня, Дуня...

— Да, зачѣмъ?.. А затѣмъ, что твоя подлость мою душу погубила. Ты виноватъ въ этомъ, вмѣстѣ отвѣтъ будемъ передъ Богомъ держать...

— Говорю тебѣ, что ничего не зналъ... Ахъ, еслибъ зналъ, еслибы зналъ... Я женился бы на тебѣ, я ростилъ бы ребенка... Что ты сдѣлала, что сдѣлала!..

— Я тебя виновнымъ поставить хотѣла... Никогда-то, никогда я не знала, люблю-ли тебя, аль ненавижу... Ты знаешь-ли, сколько разовъ я ножъ припасала, соннаго убить тебя хотѣла?..

— Чего же остановилась? Лучше бы зарѣзала, чѣмъ...

— А какъ погляжу на тебя, какъ ты спишь, разметавшись черными кудрями...—загляжусь, залюбуюсь, да и брошусь на грудь къ тебѣ, ласкать примусь... Помнишь?..

— Помню.

— Ахъ, Витя, Витя, погубилъ ты меня, да и себя погубилъ... Не отстану я отъ тебя, Витя, ни за что не отстану. Муки терплю, живя съ тобой, а не пущу тебя.

Викторъ молчалъ, опустивъ на грудь голову, потомъ взглянулъ на Дуню и усмѣхнулся какой-то странной улыбкой.

— А знаешь-ли, что я тебѣ скажу?

— Что, Витенька, что, хорошій?..

— А то, что я, пожалуй, возьму да и зарѣжу тебя... У меня-то рука не дрогнетъ...

Дуня радостно разсмѣялась.

— Это чтобы еще больше мучиться! Вотъ, вотъ, ты теперь понялъ мое сердце, ты теперь туже муку почуялъ. Почуялъ, почуялъ, Витенька...

— Дуня,—воскликнулъ Викторъ съ новымъ порывомъ,—

виноватъ я передъ тобой, и оправданія мнѣ нѣтъ... И не будетъ...

— Виноватъ, это ты правду сказалъ. И все будемъ мы мучаться за вину и никогда не перестанемъ...

— Простимъ другъ другу, Дуня, разойдемся...

Она вскочила и выпрямилась во весь свой высокій ростъ.

— Не говори этого!—гнѣвно и страстно вскрикнула она,— никогда намъ съ тобой не разойтись! Связала насъ та неповинная кровь, крѣпче цѣпей сковала... И смерть не развяжетъ насъ. Коль первая я умру, буду ждать тебя тамъ, въ огнѣ вѣчномъ. И придешь ты, и прикуютъ тебя, какъ меня у огня, а со мной свяжутъ красной вязью. Прямо въ сердце пропустятъ и тебѣ, и мнѣ. И такъ и останемся мы на вѣки вѣковъ. И не кому будетъ молиться: Богъ не услышитъ, а попросить за насъ некому. Кабы былъ *онъ* крещеный, онъ бы молилъ за меня. А я загубила его безъ креста святого, и не улетѣлъ онъ ангелочкомъ къ Богу... По лѣсу бродитъ младенчикъ мой, по болотамъ лѣснымъ вспыхиваетъ огонькомъ надъ трясинами, перекликается на зорькѣ съ другими дѣтками некрещеными. Когда мѣсяцъ взойдетъ, выйдетъ *онъ* на поляну погрѣться на мѣсяцѣ, самъ въ бѣленькой рубашечкѣ, волосики длинные да мягкіе... И не живъ онъ, а живетъ. Мертвенькій ходитъ и тоскуетъ, а самъ не понимаетъ, что съ нимъ, и кто онъ, и что ему дѣлать. Тянется къ мѣсяцу, а не знаетъ, зачѣмъ ему мѣсяцъ...

Она сѣла въ изнеможеніи и прошептала упавшимъ голосомъ:

— Витенька, *онъ* приходить сталъ ко мнѣ...

— Ахъ, оставь, оставь, ради Бога! Такъ и съ ума сойти не долго. .

— Придетъ, а самъ не разумѣетъ зачѣмъ... Придетъ ночью и станетъ въ дверяхъ, и смотритъ на меня. Смотритъ, Витя, глазками... А хочу я его взять, онъ весь затрепещется... Холодно ему, Витя, въ лѣсу, на трясинахъ-то... Скучаетъ онъ...

— Слушай, не смѣй говорить этого, не смѣй думать про это...

— Охъ, Витенька, Витенька, прокляты мы съ тобой; насъ Богъ проклялъ, и прощенія намъ нѣтъ...

Она глубоко вздохнула и, какъ бы сраженная своими собственными словами, опустила голову на грудь. Молчалъ и Викторъ; отчаяніе его охватывало. Онъ вѣрилъ въ эту минуту, что проклятъ...

XVII.

Онъ всталъ, вышелъ на крыльцо и сѣлъ на лавку, не замѣчая холода, который охватывалъ его тѣло. Близился вечеръ туманный и тихій. Деревья кругомъ хутора покрыты были сѣровато-бѣлымъ инеемъ, точно бѣлой листвой. По небу шли низкія и густыя тучи; вѣяло тишиной и печалью.

Съ отчаяніемъ на душѣ жить невозможно; отчаяніе — это смерть. Человѣкъ борется противъ смерти и старается противиться отчаянію. Викторъ невольно искалъ надежды, отрады и нашелъ отраду, выходъ изъ невозможнаго, угнетающаго состоянія духа. Этой отрадой явилось налетѣвшее предчувствіе вѣчнаго успокоенія отъ тревогъ и печалей въ недалекой уже могилѣ. Онъ не ждалъ, что смерть придетъ сегодня, завтра, а лишь почувствовалъ съ особенной ясностью, понялъ, уяснилъ себѣ ту давно извѣстную, но забываемую имъ истину, что придетъ срокъ, и цѣлительница смерть успокоитъ его, и не будетъ больше тоски, огорченій, желаній, надеждъ; не будетъ печалей и радостей; не нужно будетъ ждать, какъ избавленія, согласія Дуни разстаться съ нимъ, нечего будетъ мечтать объ Ольгѣ. Все въ немъ замретъ, уснетъ, успокоится, какъ спятъ неподвижными вершинами подъ гнетомъ мертвой зимы эти тихія рощи, будто гробовой одеждой укрытыя инеемъ.

Далеко, далеко прозвучалъ визгъ санныхъ полозьевъ о сухой снѣгъ; кто-то ѣхалъ на большой дорогѣ по первопутью. Въ лѣсу, ведущемъ къ холмамъ, громко и рѣзко треснула сухая вѣтвь, и какая-то большая птица грузно поднялась вверхъ, захватывая воздухъ большими крыльями. Жалобно пискнулъ заяцъ, и снова настала тишина...

Теперь Виктору казалось, что часъ его близокъ. И ему хотѣлось, чтобы часъ этотъ спѣшилъ, чтобы скорѣе близилась къ нему тишина могилы, гдѣ миръ и успокоеніе... Холодъ проникалъ въ его тѣло. Викторъ очнулся отъ забытья и вернулся въ комнату. Тамъ Дуня, уже оправившаяся отъ недавняго припадка, готовила вечерній чай, нарядная, любящая, нѣжная. Она зажгла большую лампу, и комната озарилась яркимъ, ласкающимъ свѣтомъ. Потомъ Дуня подсѣла къ Виктору, обняла его горячей рукой, и прижалась къ нему, и ласкала его. Въ эту минуту — подъ вліяніемъ отраднаго тепла и уюта комнаты, согрѣваемой топящимся каминомъ, близости красивой, любящей женщины, радости отдыха отъ только что пережитыхъ тяжелыхъ ощущеній, — Викторъ чувствовалъ, что въ сердцѣ его опять просыпается горячка страсти къ Дунѣ и забывалъ о той, другой дѣвушкѣ, которая представлялась ему недавно цѣлительницей его печалей. Его, взбирающагося на

вершину, чтобы быть ближе къ солнцу, къ небу, сводили внизъ, въ болотную тину, и онъ мирился съ этимъ и чувствовалъ, что здѣсь внизу тепло и уютно, а главное—такъ привычно, такъ знакомо, такъ спокойно.

Но настроеніе это было не прочно. Опять возвращалось только что пережитое ощущеніе тихаго умиленія передъ картиною зимняго сна природы. Передъ глазами стоялъ сѣрый полумракъ сумерекъ; тишиной вѣяло на душу. А до слуха долеталъ отдаленный скрипъ полоза гдѣ-то бѣгущихъ саней.

И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ...

Вспомнилось ему. И разомъ почувствовалъ онъ, что сердце его полно любовью, что онъ тоскуетъ, ждетъ призыва, отвѣта:

Другъ мой, другъ далекій
Вспомни обо мнѣ...

Докончилъ онъ мысленно и задумался. Не уйти никуда, никогда! Далекій другъ не услышитъ, далекому другу не узнать, кто тоскуетъ о немъ, кто его призываетъ въ эту тяжкую ночь.

— Что же,—дѣлать, видно, нечего,—подумалъ Викторъ,— надо покориться своей судьбѣ!

Странная небывалая дотолѣ тишина воцарилась въ его сердцѣ; примиреніе съ своимъ положеніемъ, принятіе настоящаго, отказъ отъ задуманнаго—все это было не въ его духѣ, и онъ самъ дивился на себя.

— Это передъ смертью,—подумалъ онъ и опять почувствовалъ радость при мысли о смерти. Ему хотѣлось, чтобы она приходила скорѣе, чтобы вѣчный сонъ обнялъ его ласкающимъ объятіемъ съ тихими грезами надъ усталой головой.

— Господи, какъ спать хочется,—проговорилъ Викторъ, отрываясь отъ своихъ мыслей.

Ему, дѣйствительно, хотѣлось спать. Недавнее возбужденіе смѣнилось сонливостью. Едва сознавая, гдѣ онъ и что съ нимъ, дошелъ онъ до постели, наскоро раздѣлся и тотчасъ же заснулъ, согрѣтый теплымъ одѣяломъ. Огонь потухъ, воцарилась тишина ночи. Перешло за полночь.

И вотъ, Викторъ приподнялся и съ удивленіемъ поглядѣлъ кругомъ себя. Онъ былъ въ совершенно незнакомой ему комнатѣ, большой, хорошо убранной. Посрединѣ ея стоялъ продолговатый обѣденный столъ, освѣщенный лампой съ потолка. Въ комнатѣ было нѣсколько мужчинъ и женщинъ, но всѣ тѣснились къ одному концу стола, какъ-то жались другъ къ другу, были встревожены и блѣдны и съ недоумѣніемъ и страхомъ, въ молчаніи взглядывали другъ на друга. А за

другимъ концомъ стола сидѣлъ ребенокъ лѣтъ семи, од
въ длинную бѣлую рубашку, подпоясанную у самыхъ мыш
Ребенокъ сидѣлъ совсѣмъ неподвижно, небрежно бросивъ
вую руку на столъ и слегка повернувъ головку въ сторону.
глядѣли на него, и всѣ ощущали ужасъ. Прошло нѣско
минутъ, ребенокъ пошевелилъ головкой, снялъ со стола р
нагнулъ все тѣло какъ-то на бокъ и продолжалъ неподви
глядѣть на стѣну. Еще минута и онъ откинулся тѣломъ
задъ, на спинку кресла и низко опустилъ головку на гр
Во всѣхъ его движеніяхъ заключался невыразимый ужасъ
людей, столпившихся у другого конца стола. Никто не зн
что это за ребенокъ, и откуда онъ пришелъ, и никто не с
спросить объ этомъ.

Викторъ чувствовалъ, что волосы шевелятся у него н
ловѣ, но продолжалъ глядѣть на ребенка и зналъ, что не с
вется отъ него глазами. А ребенокъ опять пошевелился,
нялъ головку, какъ-то странно, неестественно повернулъ е
другую сторону, потомъ сошелъ со стула однимъ движен
тѣла, не упираясь руками, и сдѣлалъ по комнатѣ два
шага, но не прямо, а вбокъ, въ направленіи, противопо
номъ тому, куда была повернута его головка. Его движ
были странны и производили удручающее впечатлѣніе. По
онъ вновь попятился къ стулу и сѣлъ, не помогая себѣ
ками, однимъ движеніемъ тѣла. Потомъ круто повернулъ
ловку и устремилъ взоръ прямо на Виктора. Викторъ
дрогнулъ отъ ужаса, но по прежнему не отрывалъ глазъ
ребенка. Викторъ понялъ теперь, что глаза ребенка мер
и что ребенокъ мертвъ, и движенія его мертвы. Теперь
можно было догадаться, откуда въ комнатѣ этотъ тяже
слащавый запахъ: это былъ запахъ трупа... Но мертвый
бенокъ попрежнему поворачивалъ изрѣдка голову, вскиды
на столъ руки, наклонялся тѣломъ...

Викторъ повернулся и открылъ глаза. Въ комнатѣ б
темно и тихо. Слышенъ былъ стукъ часоваго маятника.

Ужасъ охватилъ Виктора; дрожащей рукой зажегъ
свѣчу и все еще не могъ придти въ себя, опомниться,
гнать страхъ. Ему чудилось, что за этой полуприкры
дверью изъ темноты сосѣдней комнаты кто-то войдетъ с
кто-то ужасный, чудовищный. Даже здѣсь, въ этой ком
есть что-то во мракѣ угловъ, подъ столомъ, за шкафомъ.

Викторъ выпилъ воды, загасилъ свѣчу и, завернувшис
одѣяло съ головой, заснулъ. Пробѣжало часа два. Попреж
все было тихо кругомъ.

Но вотъ, кто-то стукнулъ снаружи въ раму окна, пот
второй разъ, еще и еще. Викторъ слегка приподнялся на
стели и слушалъ, и зналъ, что опять совершается что-то уж

ное. Что-то дѣлали надъ рамой; слышно было, что она слегка треснула. Потомъ снова тихій звукъ, скрипъ петель, легкій звонъ стекла; наружную раму отворили. Викторъ сѣлъ на постели, дрожа всѣмъ тѣломъ. Теперь онъ уже не сомнѣвался, что кто-то пытается пробраться въ комнату черезъ окно. Быстро сбросивъ съ себя одѣяло, Викторъ протянулъ руку, осторожно снялъ со стѣны заряженное ружье и, стараясь не дѣлать никакого шума, проскользнулъ въ столовую, оттуда въ корридоръ, сѣни и остановился у угла дома. Онъ не замѣчалъ холода и весь былъ занятъ одною мыслью разсмотрѣть хорошенько, кто ломаетъ раму его окна. Поднявъ курки ружья, онъ осторожно подался еще впередъ и, наконецъ, заглянулъ за уголъ. Но тотчасъ же почувствовалъ, что кровь остановилась въ его жилахъ, что онъ умираетъ отъ ужаса. Прямо передъ нимъ стоялъ Аркадій Степановичъ и съ укоромъ глядѣлъ на него...

Викторъ очнулся и оглядѣлся. Онъ стоялъ по серединѣ столовой съ ружьемъ въ рукахъ и все поворачивалъ голову, все осматривался.

— Господи,—прошепталъ онъ, приходя въ себя,—неужели я схожу съ ума?..

Онъ ощупалъ себя, убѣдился, что теперь не спитъ, повѣсилъ ружье на гвоздь и позвалъ Дуню.

— Что-то мнѣ страшно, Дуня, — сказалъ онъ, кутаясь въ одѣяло и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Онъ разсказалъ, что съ нимъ было, и замѣтилъ, что Дуня какъ-то печально усмѣхнулась ему въ отвѣтъ.

— Ну, ничего. А ты засни,—сказала она.

— Страшно мнѣ здѣсь одному.

— Ну, я посижу съ тобой.

Она сѣла въ кресло у его постели, задумчивая, печальная. Онъ понемногу засыпалъ подъ ея унылымъ взоромъ, но передъ наступленіемъ сна думалъ о томъ, что напрасно пытался отстранить отъ себя эту женщину. Она связана съ нимъ общностью ихъ страданій, которыя начались уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

XVIII.

Дни потянулись скучные, унылые. Утромъ пріѣзжалъ изъ города докторъ, грѣлъ вѣчно дрожавшія руки у теплой печки, покашливалъ, сообщалъ кое-какія городскія новости. Потомъ, слыша въ сосѣдней комнатѣ шаги Дуни, шелъ туда, съ наслажденіемъ наливалъ изъ принесеннаго графина водки и, расплескивая дрожавшими руками драгоцѣнную влагу, подносилъ рюмку ко рту и алчно выпивалъ ее. А Викторъ, неподвижно и хмуро

лежавшій въ постели, думалъ о томъ, что даже этотъ искалѣченный запоемъ человѣкъ счастливѣе его. Онъ еще можетъ мечтать, хотя бы о самомъ несбыточномъ, надѣяться, стремиться къ чему-нибудь. У Виктора нѣтъ стремленій, надеждъ, ожиданій. Все кончено, все умерло!

Подкрѣпившійся второй рюмкой, съ загорѣвшимися глазами подходилъ къ нему врачъ, щупалъ пульсъ, просилъ показать языкъ. Викторъ все исполнялъ безпрекословно, а самъ думалъ о томъ, что и докторъ его, и онъ доктора обманываютъ взаимно. Докторъ дѣлалъ видъ, что понимаетъ болѣзнь паціента и знаетъ, чѣмъ уничтожить ее, а Викторъ притворялся, что вѣритъ въ дѣйствіе лѣкарства.

— Жаръ нынче поменьше; на ощупь ручаюсь,—говорилъ врачъ —А ну, провѣримъ.

Онъ вынималъ градусникъ и прикладывалъ его къ тѣлу, а Викторъ соглашался на это, но даже не интересовался узнать, дѣйствительно ли у него жаръ уменьшился.

— Гмъ,—нѣсколько смущался врачъ,—даже на три десятыхъ выше. Это странно... Ну, да не горюйте, мы васъ поправимъ.

Онъ и самъ успокоивался и шелъ выпить водки, а Викторъ не только не горевалъ, но даже не желалъ знать, что съ нимъ. Ему было все, все равно! Будетъ ли онъ жить, умретъ ли, сидитъ ли въ его комнатѣ Дуня, ушла ли, хорошо ли лѣчитъ его этотъ врачъ, дурно ли; свѣтитъ ли солнце, или пасмурно, — рѣшительно все равно и думать ни о чемъ не стоитъ...

Но, проснувшись однажды утромъ, Викторъ почувствовалъ, что силъ у него значительно прибыло за ночь и что ему непріятно лежать въ постели. Тогда онъ всталъ и вышелъ въ столовую. Онъ едва дошелъ до кресла и грузно опустился въ него, но все же сознавалъ, что болѣзнь окончилась, что онъ долженъ жить Это сознаніе не было для него ни печально, ни радостно. И это было все равно.

Вошедшая Дуня испугалась и обрадовалась, увидя его вставшимъ, а прибывшій вскорѣ послѣ того докторъ счелъ нужнымъ нахмурить брови и сердито прокашляться. Онъ думалъ было опять уложить Виктора въ постель, но, выпивъ водки, смягчился и нашелъ, что, въ сущности, все идетъ прекрасно.

— Процессъ остановился; воспалительнаго состоянія нѣтъ; дѣятельность сердца нормальна. При строгомъ режимѣ...

Онъ выпилъ еще водки и совсѣмъ развеселился.

Съ возвращеніемъ здоровья вернулась потребность занимать умъ чѣмъ нибудь, и Викторъ дѣятельно принялся за ознакомленіе съ доставшимся ему наслѣдствомъ. Онъ погрузился

въ заботы по управленію имѣніемъ, но не переѣхалъ въ Холмы, а лишь ѣздилъ туда ежедневно и по цѣлымъ часамъ толковалъ съ Иваномъ Петровичемъ и просматривалъ канцелярію управляющаго. Пыхтя, какъ паровозъ, отдуваясь и, очевидно, страдая отъ жары, толстый Иванъ Петровичъ старался заохотить хозяина проектомъ засѣванія полей кормовыми травами, вопросомъ о лѣсосѣкахъ, о сдачѣ рыбныхъ ловель на иныхъ условіяхъ, о разведеніи сементальскихъ коровъ взамѣнъ голланокъ, и Викторъ все это выслушивалъ, старался понять и, къ удивленію управляющаго, вставлялъ порой дѣльныя замѣчанія. Но онъ съ тѣмъ же интересомъ вслушивался въ рѣчи Ивана Петровича о спиритическихъ явленіяхъ, за которыми тотъ слѣдилъ по «Ребусу», и его возраженія и замѣчанія по этому предмету были одинаково вѣрны и дѣловиты. И хозяйство, и разговоры о спиритизмѣ были нужны ему для одной и той же цѣли, — занять чѣмъ нибудь умъ, чтобы не оставаться одному съ самимъ собой, не чувствовать сосущей сердце тоски.

Онъ не радовался полученному наслѣдству, потому что не могъ теперь ничему радоваться, но съ интересомъ слушалъ, какъ городскіе его знакомые говорили ему о возникшемъ предположеніи баллотировать его въ предсѣдатели управы. Эти разговоры тоже занимали умъ, помогали убивать время.

Къ Абазовымъ онъ не ѣздилъ и убѣждалъ себя, что позабылъ уже объ Ольгѣ. Но по ночамъ на него часто теперь нападала безсонница съ припадками удвоенной тоски, и онъ зналъ причину этого. Такъ прошло два мѣсяца, и зима стала подходить къ концу.

Однажды Викторъ возвращался изъ отдаленнаго имѣнія «Рѣчки», куда ѣздилъ для провѣрки лѣсной конторы. Сани поминутно ныряли въ глубокіе ухабы, выбитые по дорогамъ, лошади бѣжали съ трудомъ. На козлахъ задумчиво сидѣлъ красивый, съ окладистой русой бородой Никифоръ, великій щеголь и волокита. Никифоръ служилъ у Виктора второй годъ, имѣлъ претензію проникать во внутреннюю душевную жизнь хозяина, соболѣзновалъ ему, гордился передъ городскими знакомыми, что служитъ у богатаго барина, и втайнѣ горевалъ о томъ, что баринъ не переѣзжаетъ въ Холмы, и холмовскіе кучера, бывшіе еще при старикѣ Вакуловѣ, какъ будто не хотятъ признавать, что теперь онъ, Никифоръ, главный, а не они, обреченные возить только управляющаго.

— А я намедни былъ, Викторъ Егорычъ, въ городу,— произнесъ Никифоръ, не поворачивая головы.

Викторъ ничего не отвѣтилъ, зная, что кучеръ его послѣ этого предисловія все равно помолчитъ немного, а потомъ самъ заговоритъ дальше.

— Къ судьѣ заходилъ на кухню...

Они опять помолчали, но сердце Виктора усиленно застучало.

— Дѣвушка ихняя, Василиса, болтала про васъ.

— Ну, что же такое понадобилось про меня говорить?

— Сказываетъ, какъ мы перестали ѣздить, такъ барыня больно убивалась, а теперича старшую барышню за московскаго сватаютъ, видно.

— Какъ за московскаго? за какого московскаго?.. что врешь?..

— А тутъ пріѣхалъ одинъ. Въ Москвѣ служитъ вмѣстѣ съ Левонидомъ Алексѣичемъ. Ну, такъ сюды прислали въ здѣшній банкъ. А Левонидъ-то Алексѣичъ писали мамашѣ, чтобъ приняли ихъ. Крутиловъ онъ; Николай Савельичемъ зовутъ.

Извѣстіе это страшно встревожило Виктора. Какъ онъ ни работалъ надъ собой, а мысли невольно бѣжали въ городъ. въ знакомый домикъ Абазовыхъ и старались угадать, что тамъ совершается и неужели Ольгу, дѣйствительно, выдадутъ за этого проклятаго московскаго. Остатокъ дня Викторъ провелъ въ этихъ думахъ, былъ страшно раздраженъ, и все въ домѣ притихло подъ вліяніемъ его злобы. На другое утро онъ порѣшилъ, что осилитъ себя, не станетъ даже думать про Абазовыхъ. Какое ему дѣло до нихъ? все равно онъ не можетъ разсчитывать на сближеніе съ Ольгой. Онъ связанъ, и связи этой не разорвать. Слишкомъ много темнаго въ прошломъ; съ такимъ прошлымъ нельзя искать новаго личнаго счастья. Надо расплачиваться за грѣхи молодости, за первые невѣрные, самостоятельные шаги въ жизни.

Время подходило къ двѣнадцати. Накрывали столъ для завтрака; въ кухнѣ усиленно хлопотали. Вдругъ Викторъ, безъ приготовленій, безъ сомнѣній и колебаній, повинуясь будто не своей, чужой волѣ, поспѣшно скинулъ тужурку, надѣлъ сюртукъ, поправилъ передъ зеркаломъ прическу, накинулъ городскую шубу и торопливо вышелъ на усадьбу. Онъ отыскалъ за конюшней Никифора и вполголоса окликнулъ его, пугливо посматривая на кухню, не видитъ ли Дуня.

— Закладывай-ка поскорѣй Вихря. Да живѣе, братецъ, по военному!

Пока Никифоръ выводилъ изъ конюшни караковаго, широкозадаго Вихря, который звѣремъ косился по сторонамъ и угрожающе отфыркивался, Викторъ дрожалъ отъ нетерпѣнія и малодушнаго страха. Ему казалось, что если теперь выйдетъ Дуня и спроситъ, куда онъ и зачѣмъ, онъ велитъ вести Вихря назадъ въ конюшню. Онъ думалъ, что Никифоръ умышленно тянетъ съ запряжкой, и что лошадь никогда не будетъ готова. А когда щеголь Никифоръ побѣжалъ на кухню одѣваться въ

особенное, городское платье, Викторъ не выдержалъ и пошелъ впередъ пѣшкомъ. Ему казалось необходимымъ уйти поскорѣе изъ предѣла взоровъ Дуни, иначе все можетъ пропасть. Что такое можетъ пропасть, онъ не уяснилъ себѣ, но зналъ, что ему невозможно терпѣть долѣе, что онъ долженъ видѣть Ольгу и что онъ боится, какъ бы Дуня не помѣшала ему. Дуня не помѣшала, и санки скоро нагнали его.

XIX.

Онъ засталъ семью Абазовыхъ собиравшеюся къ обѣду. Непостоянная Катерина Ивановна, легко мѣняющая привязанности и уже позабывшая про Вакуловыхъ, встрѣтила его довольно равнодушно. Алексѣй Өедоровичъ даже не сразу узналъ его. Зато Юленька съ Лидочкой и младшіе члены семьи подняли радостный крикъ и обступили его со всѣхъ сторонъ. Викторъ весело здоровался съ ними, взволнованный, счастливый тѣмъ, что снова видитъ эти милыя дѣтскія лица, но взоръ его тревожно искалъ кого-то еще. Здѣсь ли она; скоро ли увидитъ онъ ее? И она вышла, смущенная, но радостная. Она крѣпко пожала его руку дрогнувшей ручкой, а ея лучистые глаза глядѣли на него съ упрекомъ, будто говоря:

— Не стыдно? и за что?

Какъ хотѣлось ему прижать лицо къ ея рукѣ, заплакать, сказать: «Я люблю тебя; въ твоемъ сердцѣ ищу я силъ забыть прошлое; хочу, чтобы ты обновила меня, призвала къ новой жизни. Я жить хочу, но не прежней жизнью, а новой, чистой, которой жажду, къ которой стремлюсь. Но прошлое крѣпко держитъ меня»...

И Ольга, казалось ему, поняла его мысли; она грустно поглядѣла на него и слегка задумалась.

Но Викторъ уже былъ счастливъ; этотъ новый, московскій, о которомъ говорилъ Никифоръ, не страшенъ. Ольга попрежнему думаетъ о немъ, Викторѣ. И онъ искалъ, не здѣсь ли этотъ московскій гость. А гостя уже представляли ему и звали ихъ обоихъ къ обѣденному столу.

Московскій гость Крутиловъ сразу очень понравился Виктору. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, полный, даже нѣсколько тучный, бѣлокурый, румяный и веселый. Онъ постоянно смѣялся одними, слегка влажными глазами, глядѣлъ добродушно-насмѣшливо и, видимо, на самого себя, на весь свѣтъ и на все совершающееся въ жизни глядѣлъ съ своей, особенной, смѣшливой точки зрѣнія. Катеринѣ Ивановнѣ онъ очень нравился, и даже Алексѣй Өедоровичъ увлекся имъ, съ удовольствіемъ садился съ нимъ за шахматы и выходилъ ради него изъ своего обычнаго порядка жизни.

Крутиловъ увлекалъ его разсказомъ о томъ финансовомъ учрежденіи, въ которомъ служилъ вмѣстѣ съ сыномъ Абазова, и Алексѣю Өедоровичу начинало представляться, что вотъ онъ, Абазовъ, возьметъ да и поступитъ въ тоже учрежденіе съ окладомъ эдакъ тысячъ въ десять. А подобныя мысли были необычны для уравновѣшеннаго Абазова.

За столомъ гость говорилъ безъ умолку и находилъ веселое въ томъ, что, повидимому, не заключало въ себѣ ничего особенно веселаго.

— Николай Савельичъ,—обращалась къ нему хозяйка съ тарелкой горячаго,—это я для васъ готовила сегодня разсольникъ. Кухарка у меня мастерица на разсольникъ.

А Крутиловъ, взявши тарелку, низко нагибался къ ней, разсматривая содержимое близорукими глазами, и весь сіялъ румянымъ полнымъ лицомъ.

— Разсольникъ! да можетъ ли это быть? — Какъ будто было что необычайное въ томъ, что подали разсольникъ, а не борщъ.

— Вы бѣлаго хлѣба не кушайте,—говорилъ Абазовъ,—вотъ, не угодно-ли, черный. Полезнѣе.

— Что? черный? да не можетъ же быть,—опять смѣялся одними глазами гость. И всѣмъ было весело вмѣстѣ съ нимъ; и его завидный, здоровый аппетитъ, манера, съ которой онъ ѣлъ, то, какъ онъ подвязывалъ салфетку подъ бритый подбородокъ, все это казалось мило. А больше всѣхъ былъ доволенъ самъ Крутиловъ.

Но Виктору исключительное вниманіе, которымъ окружали Крутилова, то радушіе, которое оказывалъ ему Алексѣй Өедоровичъ, стало вскорѣ непріятно. Онъ сталъ находить теперь новаго гостя не умнымъ, потомъ просто глупымъ и пошлымъ.

— Если бы сама смерть встрѣтилась съ нимъ, — думалъ Викторъ,—такъ онъ и тутъ не нашелъ бы ничего сказать, кромѣ своего дурацкаго—не можетъ быть.

Онъ тревожно наблюдалъ за Ольгой, думалъ видѣть и въ ней это нѣмое восхищеніе Крутиловымъ, но Ольга, даже не скрываясь, радостно глядѣла на Виктора, и глаза ея были свѣтлы и оживленны. О, еслибы Викторъ зналъ, какъ много плакали за послѣднее время эти глаза, сколько пролили они слезъ ночами на горячую подушку, какъ устала эта грудь отъ заглушенныхъ рыданій! За послѣдніе полгода дѣвушкѣ пришлось испытать столько тяжелыхъ волненій, колебаній, надеждъ и страха. Но тяжелѣе всего пришло для нея сознаніе, что любовь ея отвергается тѣмъ, кто, казалось сначала, ищетъ ея любви. Теперь все миновало, онъ, Викторъ, уже не станетъ мучить ее дольше; онъ опять здѣсь, пріѣхалъ ради нея; онъ любитъ ее, она знаетъ это по его восхищенному взору, по дрожанію его руки.

Будто сновидѣніе пролетѣлъ этотъ счастливый день. Викторъ не хотѣлъ ни о чемъ думать, ни о чемъ загадывать. Онъ снова жилъ послѣ двухъ мѣсяцевъ апатіи, духовнаго сна. Когда мысль его возвращалась къ дѣйствительности, напоминала про Дуню, онъ гналъ прочь эту мысль. Онъ хотѣлъ вѣрить, что еще можетъ быть счастливъ, что не все для него потеряно.

— Отчего вы долго не бывали?—спросила Ольга послѣ обѣда, когда они съ Викторомъ остались на минуту одни въ столовой.

— Не спрашивайте,—тихо отвѣтилъ Викторъ, а глаза его подсказали: «люблю васъ».

— Я слышала, вы были больны,—слегка краснѣя продолжала Ольга, понявшая, что говорили его глаза.

— Очень даже.

— Господи, какъ я хотѣла бы... быть тогда вамъ полезной.

Она смущенно и радостно взглянула ему въ глаза, но въ ея взглядѣ Викторъ прочиталъ:

«И я васъ люблю»...

— Кто этотъ Крутиловъ?—спросилъ Викторъ, немного погодя.

— Это знакомый брата, Леонида. Онъ пріѣхалъ сюда ненадолго въ отдѣленіе банка для какой-то провѣрки чего-то. Онъ очень милъ.

— Да, да, ужасно милый,—отъ всей души согласился Викторъ, который въ эту минуту любилъ весь свѣтъ.

Когда вечеромъ Викторъ уѣзжалъ, Ольга, пожимая его руку, робко-просящимъ голосомъ прошептала ему:

— Не наказывайте насъ больше такъ... Пріѣзжайте чаще.

Онъ едва удержался, чтобы не поцѣловать ея руки, но и это представлялось ему чѣмъ-то невозможнымъ, чудеснымъ. Циникъ по всей прежней жизни, привыкшій глядѣть на женщину взоромъ нечистымъ и нечестнымъ, Викторъ даже въ мысляхъ не позволялъ себѣ поцѣловать Ольгу. Если даже случится, что онъ назоветъ ее своею женой, и тогда, казалось ему, онъ не рѣшится на это. Это невозможно, онъ для этого недостаточно чистъ; онъ только все будетъ глядѣть на нее, упиваться звукомъ ея голоса, радоваться на нее...

А дома его опять ждала Дуня, этотъ воплощенный укоръ его встревоженной совѣсти. Онъ не зналъ, ненавидитъ ли эту женщину, или безконечно жалѣетъ ее. Опять въ полосѣ мрачной молчаливости, угрюмой, сосредоточенной, смѣнявшей порывы страсти и самозабвенія, она молча подала ему чай и молча же взялась за какое то шитье.

— Что, опять былъ у судьи?—не глядя на него, спросила она.

— Былъ,—тоже отвернувшись и тихо отвѣтилъ Викторъ.

Она только вздохнула.

— Дуня,—сказалъ вдругъ Викторъ съ внезапной рѣшимостью.—Неужели тебѣ не жаль меня, Дуня?

Дуня пристально поглядѣла на него и вся поблѣднѣла. А онъ порывисто всталъ и вышелъ въ спальню. Но потомъ, повинуясь неопредѣленному, но сильному чувству, вернулся и подошелъ къ Дунѣ.

— Слушай,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—я тебя любилъ; сама знаешь, эти восемь лѣтъ я все любилъ тебя... ну... если захочешь, я все буду твой... только... пожалѣй же ты и меня... я извелся... я не выживу... Ахъ, Дуня, Дуня...

Она тоже встала во весь свой высокій ростъ.

— Поздно, баринъ, поздно; ты меня не жалѣлъ тогда...

— Такъ не отпустишь?

— Не отпущу, баринъ.

— Такъ будь же ты...

Онъ не договорилъ и повернулся, чтобы идти, но вдругъ опустился всѣмъ тѣломъ на диванъ и, закрывъ лицо руками, зарыдалъ.

— Дуня, прости меня, пожалѣй... виноватъ я, а ты... пожалѣй... Лучше убей меня, а такъ жить не могу... душно такъ, невозможно... Убей меня, прошу тебя...

Она тихонько вышла изъ комнаты, не говоря ни слова, и даже дверь притворила за собой. А онъ долго сидѣлъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и не понималъ, какъ могъ унизиться до такой степени, чтобы плакать передъ Дуней и просить ее. Ему было стыдно и горько на душѣ.

Два дня Дуня не говорила съ нимъ, и онъ избѣгалъ встрѣчаться съ ней глазами. На третій день онъ съ утра уѣхалъ въ Холмы, а, когда вернулся поздно вечеромъ, кухарка Настасья встрѣтила его извѣстіемъ, что Дуня ушла и оставила ему письмо. Въ письмѣ значилось такъ: «не поминай лихомъ, ушла въ монастырь».

Она взяла только самое необходимое изъ одежи, а остальныя вещи просила выслать въ Коневъ одной знакомой мѣщанкѣ. Викторъ самъ завезъ эти вещи и большую сумму денегъ, но мѣщанка, степенная старушка, не знала, гдѣ теперь Дуня и когда придетъ за вещами.

XX.

А весна, между тѣмъ, приближалась. Все теплѣе и теплѣе горѣло солнце, и снѣгъ въ его лучахъ становился мягкимъ, обращался въ зернистый и желтѣлъ. На дорогахъ появи-

лись темныя пятна лужъ, откуда-то набралась грязь между колеями. Вѣтеръ подувалъ теплый, ласкающій, лѣсъ шумѣлъ новыя рѣчи и будилъ въ душѣ человѣка уснувшія грезы, ожиданія чего то невѣдомаго, но радостнаго. По утрамъ легкіе морозы пробѣгали по оттаявшимъ за ночь снѣгамъ и покрывали ихъ льдистой корой. А на деревьяхъ уже набухали почки.

Однажды Викторъ вышелъ въ поле и съ удивленіемъ и радостью замѣтилъ, что по дорогѣ ходили черныя птицы съ бѣлыми носами. Весна шла несомнѣнно: прилѣтели грачи, первые вѣстники ея.

Послѣ ухода Дуни Викторъ еще ни разу не былъ у Абазовыхъ. Что-то удерживало его отъ этого; но душа его ликовала: давно не испытанное чувство близкаго счастья переполняло сердце. Онъ зналъ, что дорога передъ нимъ открыта; рушились стѣны той темницы, въ которую онъ былъ дотолѣ заключенъ, но онъ не спѣшилъ къ намѣченной цѣли, наслаждаясь сознаніемъ свободы, возможностью любить и желать Онъ спалъ теперь сладкими снами, вставая утромъ, вспоминалъ о своемъ счастьѣ, ложился съ мыслью, что и завтра будетъ также счастливъ. Ни одно тяжелое воспоминаніе не омрачило его радости за это время; онъ совершенно позабылъ о минувшемъ, жилъ настоящимъ и будущимъ.

Весна шла впередъ сильными шагами. Уже стали вывозить со двора лишній снѣгъ и очищать крыши. Поговаривали, что пора набивать ледникъ...

Викторъ всталъ чуть свѣтъ и проворно одѣлся, боясь потерять въ лишнемъ снѣ то радостное оживленіе, которое наполняло его. Солнце подымалось надъ горизонтомъ, небо было ясно и чисто. Викторъ вышелъ на усадьбу; и здѣсь, и тамъ стояли черныя лужи, слегка прикрытыя тонкимъ льдомъ утренника. Со скотнаго двора прошла Настасья съ ведромъ парнаго молока. Никифоръ съ тяжелымъ ломомъ въ рукѣ усиленно работалъ, пробивая отъ кухни къ огороду канавку, чтобы не застаивалась вода. Изъ хлѣвовъ слышалось возбужденное мычаніе коровъ, а въ воздухѣ носилось одно ощущеніе: весна.

Викторъ поднялъ глаза и съ удивленіемъ замѣтилъ, что на тоненькомъ прутѣ скворешницы, только вчера установленной Никифоромъ надъ кухней, ощипываетъ черныя перышки, ежитъ головку и охорашивается скворецъ. Скворцы прилетѣли,—весна несомнѣнна.

Викторъ прошелъ въ амбаръ, взялъ въ большой лотокъ овса и, выйдя на черный дворъ, отворилъ птичникъ и позвалъ птицу, посыпая полною горстью овесъ. Со всѣхъ сторонъ бросились проворныя куры съ пѣтухомъ, растерянно спѣшившимъ

между ними и недоумѣвающимъ, не потеряетъ-ли онъ черезъ эту поспѣшность во мнѣніи знакомыхъ. Жирныя утки, грузно переваливаясь съ ноги на ногу, бѣжали за курами, жадно крича въ несомнѣнномъ отчаяніи, что не онѣ первыя у стола. Потомъ налетѣли гуси, расталкивая тяжелыми боками сосѣдей, и, наконецъ, вытянувъ съ глупымъ видомъ головы, прибыли на длинныхъ ногахъ чувствительныя, всегда обиженныя чѣмъ-то индюшки. Индюкъ сначала разсердился, наежился перьями, подобралъ голову и важно прошелся нѣсколько шаговъ, болтая что-то на своемъ, никому не понятномъ нарѣчіи. Но затѣмъ, рѣшивъ, что сдѣлалъ довольно для поддержанія собственнаго достоинства, не выдержалъ, уложилъ поскорѣе перья и кинулся за прочими подбирать вкусныя зерна. И вся эта масса клевала, глотала, отталкивала сосѣдей, щипала и изъ себя выходила отъ жадности и наслажденія. Изрѣдка какая-нибудь особенно прожорливая курица вскакивала на широкую спину низкорослой, прилегшей утки и съ досадой долбила ее нѣсколько разъ подрядъ острымъ клювомъ, причемъ послѣдняя только пригибалась еще ниже, но не переставала хватать широкимъ носомъ сразу по нѣсколько зеренъ. Подошедшая изъ любопытства свинья сунула въ кучу тупое рыло и разогнала на минуту птицу, но, вслѣдъ за тѣмъ, куча снова собралась и клевала съ прежнимъ ожесточеніемъ...

Виктору вспомнилось вдругъ, какъ любила эту птицу Дуня, какъ, бывало, каждый день ходила на птичникъ съ фартукомъ, полнымъ корма, и задумчиво глядѣла на копошащихся у ея ногъ куръ и утокъ, а сама забирала бѣлой, красивой рукой зерно и медленно посыпала его на землю. Какъ живая, стояла теперь передъ его глазами Дуня, высокая, стройная съ красивымъ смуглымъ лицомъ. Ему стало больно на сердцѣ. Но чувство это промелькнуло и исчезло. Защебетавшій скворецъ, легкій, теплый вѣтерокъ, подымавшееся все выше солнце разогнали его мысли о Дунѣ, а сердце сново забилось радостью при воспоминаніи о той, другой дѣвушкѣ, которая ждала его, которая была тамъ, впереди на его дорогѣ, какъ награда за понесенныя печали...

Солнце подымалось выше; тонкій ледокъ на лужахъ сталъ исчезать; съ оттаивавшихъ крышъ капала вода. На солнечной сторонѣ дома съ трескомъ падали ледяшки. Скворцы суетились и щебетали; роща шумѣла глухо, но радостно.

И вотъ, по чистому, прозрачному воздуху, колеблясь, пронесся серебромъ звукъ колокола. И ушелъ за лѣса, и замеръ вдали. Въ городѣ унылый великопостный звонъ призывалъ къ молитвѣ...

А когда вечеромъ Викторъ вышелъ за околицу, самъ не зная зачѣмъ, чего хочетъ, о чемъ думаетъ, онъ услыхалъ въ

тишинѣ приближающейся ночи, при таинственномъ свѣтѣ полной луны, вошедшей на небосклонъ, какъ гдѣ-то глубоко, глубоко подъ массами снѣга журчалъ серебряной трелью первый ручей. Весна пришла, сомнѣній въ томъ не было...

Самъ не зная, какъ это случилось, что подѣйствовало на него, Викторъ на другое утро понялъ, что дольше ждать онъ не можетъ, что сегодня же онъ поѣдетъ къ Абазовымъ. И когда онъ понялъ это, онъ узналъ также и то, что дожидаться подходящаго, приличнаго для визита часа ему никакъ невозможно. Ѣхать надо не раньше одиннадцати; теперь идетъ девятый часъ, осталось ждать около трехъ часовъ. Но это цѣлая вѣчность.

Насколько спокоенъ онъ былъ раньше, настолько же лихорадочно нетерпѣливъ теперь. Онъ едва принудилъ себя выпить полстакана чая и ничего не могъ съѣсть. Пошелъ было къ лошадямъ, на птичникъ, на скотный дворъ и вернулся назадъ. Ничто не занимало. Онъ не видѣлъ теперь голубаго неба, не слушалъ пѣсенъ лѣса, не радовался на убыль зимы, на ходъ весны. Всѣ мысли его были въ старенькомъ домикѣ Абазовыхъ, около дорогой ему дѣвушки.

Часы шли убійственно медленно. Викторъ занялся было чтеніемъ и съ досадой бросилъ книгу. Пытался просто лежать на диванѣ, закинувъ руки за голову и считая до тысячи, но и это не шло. Тогда онъ вышелъ изъ дому и пошелъ по дорогѣ къ лѣсу, слушая, какъ шумятъ подъ снѣгомъ ручьи, какъ просыпается роща. И опять на мгновеніе ему стало жаль минувшаго: Дуни, восторговъ любви къ ней. Потомъ пронеслись воспоминанія далекаго дѣтства, тѣ радости, которыя были когда-то въ его сердцѣ и которыя не вернутся никогда, никогда. И показалось ему все то, что совершается съ нимъ теперь, что ожидаетъ его въ будущемъ, ничтожнымъ, жалкимъ, не стоющимъ вниманія; и самая любовь къ Ольгѣ потускнѣла, умалилась.

Но и это было мимолетно. Горячка нетерпѣнія охватила его съ новой силой, и онъ поспѣшилъ домой въ надеждѣ, что часовая стрѣлка уже подходитъ къ одиннадцати. А по мѣрѣ того, какъ она, дѣйствительно, приближалась къ этому часу, нетерпѣніе его все уменьшалось и уменьшалось. Теперь ему уже казалось страннымъ, что онъ былъ такъ нетерпѣливъ; онъ готовъ былъ бы ждать еще, сколько угодно. Спокойно, не торопясь вынулъ онъ черную пару и одѣлся. Потомъ велѣлъ закладывать лошадь и, когда сѣлъ въ сани, то подумалъ, что напрасно собрался именно сегодня, что ему жаль дней, пробѣжавшихъ послѣ ухода Дуни въ такомъ радостномъ опьяненіи давно не испытанной свободы.

Но, чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ городу, тѣмъ силь-

нѣе охватывала его лихорадка восторга отъ предстоящаго свиданія съ Ольгой. Лошадь, казалось ему, совсѣмъ не подвигается впередъ, никогда не будетъ конца этимъ кузницамъ, стоявшимъ въ предмѣстьѣ. Но, наконецъ, выѣхали на главную улицу; вдали уже виденъ сѣренькій домъ Абазовыхъ. Тогда присутствіе духа покинуло Виктора, и въ малодушномъ страхѣ онъ порѣшилъ, что ни за что не скажетъ сегодня Ольгѣ ничего. Завтра, послѣ-завтра, но только не сегодня.

Алексѣй Өедоровичъ только что вернулся изъ церкви, куда ходилъ на этой недѣлѣ ежедневно, и прошелъ въ камеру Катерина Ивановна хлопотала по хозяйству, а Ольга сидѣла въ кабинетѣ отца съ работой въ рукахъ. Увидя входящаго Виктора, она поблѣднѣла и съ полминуты напрасно старалась приподняться съ кресла; силы будто покидали ее. А съ Викторомъ произошло то, чего онъ не ожидалъ, подъѣзжая къ дому Абазовыхъ. Онъ разомъ забылъ все: и страхъ, и рѣшимость отложить объясненіе, и жалость къ Дунѣ. Онъ не видѣлъ ничего, кромѣ милыхъ, голубыхъ глазъ, стыдливо молящихъ о молчаніи. Онъ подошелъ къ Ольгѣ, обѣими руками взялъ ея руку и, прочитавъ въ глазахъ дѣвушки безмолвное согласіе, молча же нагнулся и прижался губами къ ея рукѣ. Не зная самъ, что дѣлаетъ и говоритъ, онъ прошепталъ дрожащимъ голосомъ:

— Полюбите меня.

Она отвѣчала ему пожатіемъ руки, застыдившаяся, счастливая, теряющая мысли, и онъ опять цѣловалъ дорогія ему маленькія руки и зналъ, что счастливъ, что такого счастья, разомъ открывшихся надеждъ на забвеніе всего прошлаго и темнаго онъ уже не испытаетъ никогда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Опять была весна, но снѣгъ уже давно ушелъ весь. По просыхающей землѣ пробилась свѣжая, ярко-изумрудная трава; распускалась береза маленькими липкими листочками, и крестьяне налаживали сохи. Въ чистыхъ голубыхъ небесахъ звенѣли жаворонки, по ночамъ отъ зари до зари пѣли соловьи, но около дымящихся водъ пѣсни ихъ заглушали лягушки, дружнымъ хоромъ привѣтствовавшія весну. Лишь только солнце садилось, и ночная тьма облегала землю, по воздуху проносились съ громкимъ радостнымъ жужжаньемъ бекасы, а на лу-

гахъ имъ вторилъ коростель, прятавшійся между кочекъ въ подымавшейся травѣ.

Однимъ изъ этихъ свѣтлыхъ апрѣльскихъ дней, въ то время, когда солнце уже склонялось къ западу, Викторъ бодро шагалъ съ ружьемъ за плечами и въ сопровожденіи краснопѣгаго съ умными глазами понтера Каро—черезъ паркъ холмовъ, въ лѣсъ, на тягу вальдшнеповъ. Онъ очень любилъ эту охоту и уже нѣсколько дней готовился попробовать тягу. Сегодня ему сказали, что вальдшнепы тянутъ, и онъ шелъ быстрыми шагами, какъ будто боясь, что опоздаетъ, и, волнуясь отъ мысли, что слѣдовало уже давно попробовать охоту и что, пожалуй, уже много разъ тянули, а онъ пропустилъ эти случаи.

Лѣсъ становился гуще и выше. Изъ глубины его вѣяло прохладой. Здѣсь день казался окончившимся, и Викторъ волновался, что опоздаетъ, хотя и зналъ, что волненіе его ни на чемъ не основано. Дорога круто свернула влѣво, пошла мелкимъ лѣскомъ и сразу окончилась небольшой луговиной. По ту сторону ея стояла стѣна невысокаго березняка, едва покрывавшагося листвой. Вправо подымался черный, еще безлистый ольшанникъ, а далѣе шла низина, спускавшаяся къ рѣчкѣ. Мѣсто было удобное, вальдшнепиное.

Выйдя на поляну и замѣтивъ, что солнце еще высоко, Викторъ облегченно вздохнулъ и сразу успокоился. Онъ ближе подошелъ къ березняку, зарядилъ ружье, поставилъ его къ дереву и съ наслажденіемъ закурилъ папиросу, прислушиваясь къ голосу лѣса среди полной наступившей тишины.

Была та лучшая пора весны, когда природа уже проснулась, когда лѣса и поля полны жизни, земля начинаетъ свою творящую работу, воздухъ чистъ и тепелъ, а, между тѣмъ, бичъ весны и начала лѣта—комаръ еще не набралъ силы и не отравляетъ прелести тихаго апрѣльскаго вечера. Надъ низинами, въ теплыхъ испареніяхъ вьются, «толкутся» насѣкомыя, похожія на комаровъ, но они не отлетаютъ далеко и не жалятъ. Это не тѣ вампиры, которые въ маѣ и іюнѣ съ ожесточеніемъ мчатся за тройкой, выводятъ изъ себя лошадей, цѣлыми роями покрывая ихъ тѣло, заставляютъ сѣдока поминутно ударять себя по лицу въ защиту отъ кровожаднаго животнаго и лишь ямщика не въ силахъ пронять, ибо его мѣднокрасная шея неуязвима для ихъ жала...

Лягушки начинали за ольшанникомъ концертъ, раза два прожужжалъ въ вышинѣ бекасъ; потянуло прохладой.

Викторъ бросилъ недокуренную папиросу и, взявъ въ руки ружье, поднялъ курки. Каро быстро вскинулъ умную голову, недоумѣвающе поглядѣлъ на хозяина и, положивъ морду на лапы, лѣниво закрылъ вѣки, какъ будто хотѣлъ сказать: «и охота же тебѣ безпокоиться раньше времени»...

Между тѣмъ солнце уже почти сѣло. Въ глубинѣ лѣса закуковала кукушка, потомъ оборвалась и заплакала какимъ-то истеричнымъ, безтолковымъ рыданіемъ. Въ другомъ концѣ лѣса пролилась трелью иволга, пѣвчіе дрозды отозвались ей. И громче, звучнѣе раздались со всѣхъ сторонъ лѣсные хоры птицъ.

Сумерки надвигались гуще. Высоко надъ лѣсомъ, шумя крыльями, пронеслась пара утокъ, обезпокоившихъ Каро, который тогда же рѣшилъ, что довольно отдыхать, всталъ, подошелъ къ Виктору и сѣлъ около него, внимательно прислушиваясь къ окружающимъ звукамъ. Сердце Витора начало усиленно биться; все его вниманіе было сосредоточено на охотѣ: уши напряженно прислушивались, не раздается-ли надъ лѣсомъ знакомое и милое слуху охотника хорканіе вальдшнепа. Но, по мѣрѣ того, какъ Викторъ все больше и больше сосредоточивалъ вниманіе на лѣсныхъ голосахъ, мысли его бѣжали назадъ, въ Холмы, въ тотъ, прежде пустой, а теперь отдѣланный для житья большой флигель, гдѣ поджидала его съ ужиномъ Ольга, укачивая семимѣсячнаго Юрочку. Да, цѣль достигнута, пошелъ уже третій годъ женитьбы Виктора, и ему самому становится иногда странно при мысли, что время идетъ такъ скоро. Да и правда ли все это, не сонъ ли это? Иногда ему не вѣрится, что все это было и есть. Онъ помнитъ каждый день своей супружеской жизни, но въ общемъ это время покрыто мглой, туманомъ и порою не вѣрится, что все это не сонъ.

Сердце Виктора дрогнуло и усиленно застучало, по тѣлу пробѣжала дрожь, а руки сами собой крѣпко охватили ружье. За березнякомъ явственно раздался густой, низкій крикъ, «хорканье» вальдшнепа, и, мгновеніе спустя, птица, казавшаяся черной въ полусвѣтѣ вечера, шумя крыльями, быстро пронеслась надъ ольшанникомъ и скрылась за деревьями. Что-то въ родѣ отчаянія охватило душу охотника, и руки опустили ружье. Каро отнесся къ дѣлу болѣе философски и, встревоженный передъ тѣмъ знакомымъ ему крикомъ птицы, спокойно опустилъ уши и удобнѣе усѣлся около хозяина.

Прошло еще минутъ пять; кукушка замолкла, утихали понемногу прочія птицы, но тѣмъ громче раздавались страстные переливы соловьевъ, оглашавшихъ лѣсную тишину любовными пѣснями. И вотъ опять послышался Виктору знакомый крикъ, и одинъ за другимъ протянули въ разныхъ мѣстахъ два вальдшнепа. Стрѣлять было и неудобно, и далеко, но нетерпѣніе охотника было такъ велико, что онъ не удержался и спустилъ курокъ по направленію полета одной изъ птицъ. Вальдшнепъ даже не перемѣнилъ направленія и благополучно скрылся за лѣсомъ.

— Неужели я такъ ни съ чѣмъ и вернусь домой? — тоскливо думалъ Викторъ. Въ эту минуту слѣва отъ него что-то мелькнуло надъ лѣсомъ черной точкой; онъ, почти не цѣлясь, спустилъ курокъ и съ захватывающимъ сердце восторгомъ увидалъ, какъ грузная птица стала круто направляться къ землѣ и тяжело шлепнулась въ траву. Каро, обрадованный не менѣе охотника, бросился къ этому мѣсту, съ наслажденіемъ обнюхалъ птицу и черезъ минуту уже шелъ къ хозяину съ гордымъ видомъ и, осторожно помахивая хвостомъ, подносилъ въ зубахъ крупнаго вальдшнепа. Викторъ погладилъ собаку, вынулъ изъ ея рта убитую птицу, полюбовался на нее и поспѣшно сунулъ ее въ ягташъ. И лишь только вынулъ руку, какъ тотчасъ же вскинулъ ружье на обратно тянувшаго вальдшнепа. Охотникъ цѣлилъ теперь навѣрняка и, спуская курокъ, успѣлъ подумать, что охота удачна, что пара-то вальдшнеповъ будетъ у него въ сумѣ. Но къ ужасу своему увидалъ вслѣдъ за выстрѣломъ, что птица метнулась въ сторону и летитъ дальше. Это было такъ невѣроятно и такъ прискорбно, что Викторъ растеряннымъ взоромъ все глядѣлъ вслѣдъ за ней и все слушалъ, не упала ли она въ лѣсу. Онъ даже пытался направить Каро на поиски, но собака не тронулась съ мѣста и только презрительно скосила глаза на хозяина.

Нѣсколько минутъ не было тяги; потомъ протянули сразу двое вальдшнеповъ, безъ крика, въ любовной игрѣ. Потомъ опять послышалось хорканіе, и опять Викторъ выстрѣлилъ, но неудачно. Теперь онъ уже позабылъ про убитаго вальдшнепа и страстно мечталъ о томъ, чтобы убить хоть одного. Но птицы пролетали довольно часто, охотникъ выпускалъ по нимъ зарядъ за зарядомъ, а сума не становилась тяжелѣе. Каро потерялъ къ хозяину уваженіе, стыдился за него и даже отвернулся въ сторону. Стало совсѣмъ темнѣть, на небѣ горѣли звѣзды, и дѣлалось свѣжо. Опять послѣ промежутка раздался характерный крикъ; Викторъ выстрѣлилъ и съ восторгомъ, забывая прежнія огорченія, увидалъ, что вальдшнепъ падаетъ. Дрожащей рукой вытянулъ Викторъ новый зарядъ и уже готовился вложить его въ дуло ружья, какъ вдругъ почувствовалъ, что сердце сжалось мучительной тоской. На мгновеніе все на свѣтѣ покрылось мракомъ печали. И зачѣмъ онъ пошелъ на эту ненужную охоту, зачѣмъ волновался надеждой и страхомъ, ожидая дичи; зачѣмъ радовался чему-то; зачѣмъ вспоминалъ съ наслажденіемъ, что дома его ждетъ тепло, уютъ, любимая женщина, дорогой ребенокъ? Для него нѣтъ ничего отраднаго, ибо нѣтъ возможности позабыть прошлое, отрѣшиться отъ воспоминаній.

Опять протянулъ вальдшнепъ, но Викторъ даже не взглянулъ на него и, сунувъ убитую птицу въ сумку, пошелъ по

направленію къ усадьбѣ..Понемногу волна нахлынувшей острой печали расходилась, на душѣ становилось теплѣе, но осталось тихая грусть, жалость къ самому себѣ, безотрадная мысль, что никогда не придетъ къ нему безмятежное счастье честной любви.

Соловьи провожали его громкозвучными пѣснями; лѣсъ чуть слышно гудѣлъ, колеблясь вершинами отъ вѣявшаго свѣжаго вѣтерка; миріады звѣздъ ласково глядѣли съ чистой лазури далекаго неба, но Викторъ зналъ, что и прелесть природы никогда не успокоитъ въ его душѣ вѣчно-грызущаго червяка возмущенной совѣсти.

II.

Ольга дожидалась его въ уютной столовой, освѣщенной лампой, спускавшейся съ потолка надъ накрытымъ столомъ. Она радостно взглянула на входившаго мужа и тотчасъ же перевела счастливые, ласковые глаза на ребенка, который потягивался въ ея рукахъ и, лѣниво зажмуривъ глазки, сосалъ выпяченными впередъ губками ея полную, бѣлую грудь. Когда Викторъ сѣлъ съ разсѣяннымъ видомъ за столъ и, видимо, принуждалъ себя ѣсть и разговаривать, Ольга съ тревогой замѣтила, что у ея мужа опять появилась въ глазахъ та глубокая, затаенная печаль, которая такъ страшила ее. Въ первый разъ она подмѣтила эту печаль, сопровождаемую упадкомъ силъ, спустя полгода послѣ свадьбы. Что-то терзало его; временами онъ будто вспоминалъ что-то такое, что старался позабыть въ радостяхъ любви, но Ольга напрасно пыталась узнать, что съ нимъ. Викторъ отшучивался, увѣрялъ, что это ей такъ показалось, и понемногу между мужемъ и женой воздвигалась стѣна, ужасавшая молодую женщину. Очевидно, сердце мужа хранитъ какую-то тайну, которая остается для нея недоступной.

Викторъ по опыту зналъ, что, не смотря на прогулку на свѣжемъ воздухѣ, ему не заснуть сегодня до утра, а эти, безсонныя, полныя тоски и усиленныхъ воспоминаній, ночи такъ мучительны, такъ ужасны! Страданія этихъ ночей появлялись періодически. Случалось, что цѣлые мѣсяцы проходили въ относительномъ спокойствіи. Правда, тамъ, далеко, въ самой глубинѣ души гнѣздились воспоминанія о чемъ-то ужасномъ, не дававшемъ умолкать встревоженной совѣсти, но съ этимъ состояніемъ духа еще можно было жить. Тихая, но глубокая любовь къ женѣ, отрада семейнаго очага давали ему силы. Но временами страданія принимали такой острый характеръ, что исчезала самая мысль о счастьи, и жизнь казалась наполненной однимъ мракомъ.

Время перешло за полночь. Ольга сладко спала крѣпкимъ, здоровымъ сномъ кормящей матери. Въ комнатѣ стоялъ полумракъ отъ слабо горящей лампады. Слышно было мѣрное дыханіе ребенка въ колыбели. Одинъ Викторъ лежалъ съ открытыми глазами, а мысли его съ ужасающей быстротой бѣжали все назадъ и назадъ, все къ одному и тому же вопросу.

Виноватъ ли онъ? есть ли разумное основаніе считать себя тяжко погрѣшившимъ противъ совѣсти? Ложны или правдивы ея тревожные укоры? И въ тысячный разъ перебиралъ онъ воспоминанія минувшаго, подыскивалъ оправданія себѣ и старался успокоиться. Прежде всего—смерть Владиміра. Вѣдь, онъ, Викторъ, былъ огорченъ, пораженъ, онъ былъ подавленъ извѣстіемъ о смерти брата. Онъ. Викторъ, хорошо помнитъ, что ни одной мысли объ удобствахъ, вытекавшихъ для него изъ этой смерти, не шевельнулось въ его головѣ. Онъ все позабылъ, кромѣ одного ужаса и сожалѣнія о преждевременно погибшемъ. Правда, бывали минуты передъ тѣмъ, когда онъ какъ будто желалъ этой смерти? Ну, что-жъ, это было скверное, неизвѣстно откуда всплывшее, побужденіе, котораго онъ стыдился, которое стремился подавить, которое такъ и угасло въ душѣ, не отразившись въ поступкахъ, какъ рождаются и угасаютъ тысячи гадкихъ побужденій?..

Ну, а сто рублей, данныхъ Никешкѣ, а цѣна крови? Онъ весь холодѣлъ и чувствовалъ въ эту минуту, что ему нѣтъ оправданія. Но минута проходила, и онъ снова искалъ оправданія, тоскуя, страдая, будто призывая кого-то на помощь, будто умоляя кого-то о снисхожденіи. Вѣдь, не на убійство же далъ онъ эти деньги! Откуда могла у него зародиться самая мысль, будто онъ именно для этой цѣли давалъ ихъ Никешкѣ?

Назойливый голосъ нашептывалъ ему: «если ты не хотѣлъ поощрять Никешку, ты долженъ былъ принять мѣры противъ его покушенія, а не успокоиваться на томъ, что ничего изъ этого не будетъ... Каинъ...»

— Да нѣтъ же,—съ ужасомъ возражалъ самому себѣ Викторъ,—я не могъ дѣйствовать противъ Никешки; я ни минуты не вѣрилъ ему, я считалъ его слова за пьяное хвастовство, я просто не придалъ ему значенія. Зачѣмъ я далъ ему деньги?.. Если бы вспомнить точно одно это?.. Да нѣтъ, — я далъ эти деньги пьяный, тоже изъ какого-то пустого пошлаго бахвальства. На, дескать, чортъ съ тобой. Надо бы избить или связать, а я даю деньги. Я не похожъ на другихъ, широкая натура, великодушіе... Это пошлость, но это не подстрекательство, не братоубійство...

— О, Господи,—со стономъ, почти вслухъ говорилъ Викторъ, мечась на постели,—вотъ что вышло, однако, изъ этого бахвальства'

И опять что-то, какъ змѣя, шевелилось въ его сердцѣ, и онъ старался припомнить, было или не было въ его душѣ затаенное желаніе, чтобы Никешка привелъ всетаки въ исполненіе свое намѣреніе. Припоминалъ, напрягался, страдалъ и изнемогалъ обезсиленный безплоднымъ напряженіемъ.

А чуть слышный голосъ все шепталъ и шепталъ, вопреки его разсужденій, шепталъ среди тишины ночи, при свѣтѣ лампады, озарявшей молодую чистую мать и спящаго ребенка: Каинъ, Каинъ...

И, будто вызванныя этимъ шепотомъ, мучительной волной наплывали изъ прошлаго иныя воспоминанія. Мысль рисовала образъ молодой, невинной дѣвушки, ревниво оберегавшей свою чистоту. Вспоминались ея слезы, мольбы о пощадѣ и то, какъ онъ пренебрегъ ея слезами, какъ онъ загубилъ ея жизнь.

— Вѣдь, не я же, въ сущности, погубилъ ее. Я, можетъ быть, даже спасъ ее отъ худшей доли,—защищался Викторъ.— Въ той средѣ, гдѣ она жила, около полуживой старухи и негодяя Никешки она все равно была бы захвачена развратомъ, кончила бы еще хуже,—извѣстнымъ домомъ. А я столько лѣтъ жилъ съ ней, какъ мужъ съ женой, я сохранилъ ее отъ паденія, отъ грязи...

— А ея ребенокъ, а твой ребенокъ?—спрашивалъ кто-то безпощадный и властный.

— Но я не зналъ о ребенкѣ!.. Я только проглядѣлъ, но я не хотѣлъ этого преступленія, я устранилъ-бы, я помѣшалъ-бы этому ужасу.

О, этотъ ребенокъ, этотъ ребенокъ! Вотъ гдѣ главное, вотъ гдѣ центръ этихъ мученій, вотъ въ чемъ отмщеніе! И какъ вернуть прошлое, какъ искупить эту вину? Нѣтъ возврата, нѣтъ искупленія!

Онъ повернулъ голову и поглядѣлъ на Ольгу. Она вся разметалась въ сладкомъ снѣ, молодая и прекрасная. Небрежно накинутое одѣяло не скрывало чистой прелести ея тѣла, но не это тѣло привлекло теперь вниманіе Виктора, а то выраженіе тихаго безмятежнаго покоя, которое рисовалось на свѣжемъ лицѣ Ольги. Этого покоя ему не узнать никогда, никогда!..

На часахъ въ столовой пробило три. Усталость начала одолѣвать Виктора. Онъ повернулся на другую сторону и заснулъ. Но слухъ его попрежнему улавливалъ всѣ звуки въ ночной тишинѣ: ходъ часового маятника, ровное дыханіе Ольги. Онъ спалъ, но чувства его продолжали работать. И вотъ, онъ явственно услыхалъ, что въ столовой кто-то идетъ тяжелой походкой съ легкимъ скрипомъ сапогъ. И Викторъ догадывался, что это идетъ его дядя Аркадій Степановичъ. Шаги стали ближе, отворилась дверь, кто-то осторожной поступью вошелъ въ

спальную, кто-то подошелъ къ кровати Виктора, нагнулся надъ нимъ. Съ усиліемъ, заставившимъ его вздрогнуть, раскрылъ Викторъ глаза и сѣлъ на постели, весь въ поту, съ дикимъ выраженіемъ во взглядѣ. И ему казалось, что какая-то тѣнь скользнула изъ спальной въ столовую.

Но здѣсь въ спальной все было мирно и тихо. Ласкающими цвѣтными волнами колебался свѣтъ лампады; сладко и крѣпко спала молодая мать и также сладко, будто подъ нѣжащимъ крыломъ ангела, спалъ въ колыбели ребенокъ...

На другое утро Викторъ всталъ разбитый, усталый, но съ облегченіемъ почувствовалъ, что припадокъ тоски опять его оставилъ. Тамъ, въ глубинѣ души, гнѣздилась теперь только тихая печаль, но острота ея миновала до новаго припадка.

III.

Въ воскресенье пріѣхалъ Алексѣй Ѳедоровичъ, радостный, помолодѣвшій ради этого дня. Съ тѣхъ поръ, какъ старшая дочь Абазова вышла за богатаго человѣка, а сынъ Леонидъ прочно устроился въ банкѣ, Алексѣй Ѳедоровичъ сталъ позволять себѣ небольшой отдыхъ въ видѣ еженедѣльныхъ поѣздокъ къ зятю и, вообще, чувствовалъ себя непривычно оживленно, будто молодость съ давно позабытыми ея порывами, надеждами и мечтами возвращалась къ нему назадъ, съ ея сіяніемъ, съ ея вѣрой въ жизнь, съ ея ожиданіемъ, что вотъ-вотъ наступитъ что-то новое и прекрасное.

Два раза въ мѣсяцъ Алексѣй Ѳедоровичъ пріѣзжалъ въ Холмы въ субботу, послѣ вечернихъ занятій, а два раза—въ воскресенье, послѣ обѣдни.

Катерина Ивановна съ дѣтьми обыкновенно пріѣзжала вслѣдъ за главою семьи, но всѣ въ домѣ понимали, что они-то успѣютъ и среди недѣли побывать въ Холмахъ, а Алексѣю Ѳедоровичу надо спѣшить, надо пользоваться каждой минутой... Послѣ обѣдни онъ быстро проглатывалъ свой поздній стаканъ чаю, а Катерина Ивановна уже справлялась, пріѣхала-ли изъ Холмовъ легкая, покойная пролетка. И какъ только отъ глазъ Алексѣя Ѳедоровича скрывался послѣдній домъ города, какъ только взору представлялись открытыя поля, то зеленѣющія озимью, то черныя, неприбранныя, будто только что проснувшіяся отъ зимняго сна и еще не стряхнувшія безпорядка долгаго отдыха, какъ только начинала звенѣть въ голубыхъ небесахъ звонкая пѣсня жаворонка,—Алексѣй Ѳедоровичъ блаженно улыбался, вздыхалъ полною грудью, поглаживая старческой рукой длинную, уже совсѣмъ почти сѣдую бороду и задумывался, погружаясь въ полудремоту, беззаботную и сладкую. Сердце его

отвыкнувшее отъ грезъ и мечтаній, недоумѣвало, унестись ли въ воспоминанія прошедшей молодости, или начать биться новыми ожиданіями и надеждами. Но долгіе годы усиленныхъ заботъ о кускѣ хлѣба насущнаго покрывали мглою забвенія минувшіе годы, а грезы о будущемъ не шли въ усталое сердце. И Абазовъ не грезилъ ни о чемъ опредѣленномъ, ничѣмъ не волновался, а наслаждался намеками на волненія надеждъ, подобіемъ прежнихъ, давно минувшихъ ощущеній, какъ старый инвалидъ-кавалеристъ, сѣвши на дряхлую лошадь, радуется воспоминаніемъ о прежней молодецкой ѣздѣ и прежнихъ аттакахъ.

Въ семьѣ дочери Абазовъ проводилъ счастливые часы. Онъ радовался счастью дочери, хотя не умѣлъ приглядываться близко къ ея жизни, отученный отъ мелочныхъ семейныхъ заботъ; радовался, что у него растетъ внукъ, хотя не могъ-бы сказать, на кого похожъ мальчикъ, здоровъ-ли онъ, или болѣзненъ; но, главное, радовался тому чувству свободы отъ всего ежедневнаго, скучнаго, томительнаго, что тяготѣло на немъ въ городѣ въ видѣ служебныхъ заботъ. Съ улыбкой ребенка на морщинистомъ, сильно одряхлѣвшемъ лицѣ оживленно ходилъ онъ по усадьбѣ зятя, успѣвалъ побывать на гуменникахъ, заглядывалъ съ озабоченнымъ лицомъ въ ригу, измѣрялъ высоту деревьевъ заказной рощи и, съ трудомъ припоминая себѣ давно позабытыя сельскохозяйственныя соображенія, старался помочь совѣтомъ молодому хозяину.

— Ты, мой другъ,—наставительно говорилъ онъ,—сѣй гречиху не простую, а пробштейнскую; это много выгоднѣе.

— То есть рожь, вы хотите сказать?

— Ну, да, да, рожь... разумѣется, рожь... Ну, да и гречиху тоже надо хорошую...

— Да, я дѣлаю разныя пробы.

— Пробы? а, это хорошо... Только вотъ, что я тебѣ, братъ, скажу: эти тамъ разныя молотилки да сушилки, это, братъ, хорошо для нѣмцевъ, а не для насъ: у насъ, братъ, это не подойдетъ, вѣрь моему слову. Я пожилъ на свѣтѣ довольно, знаю всѣ эти штуки,—видалъ...

И старый, сѣдой ребенокъ говорилъ увѣренно и даже наставительно, радуясь, что вотъ, здѣсь въ этотъ чудесный день онъ можетъ забыть о сенатскихъ разъясненіяхъ, о статьяхъ мироваго устава, можетъ интересоваться гречихой и молотилками. А Ольга и Викторъ слушали его почтительно, почти съ умиленіемъ.

Ольга съ тѣхъ поръ, какъ у нея родился ребенокъ, стала почему-то очень смѣла съ отцомъ, совсѣмъ не такъ, какъ прежде, когда она, наравнѣ съ прочими дѣтьми, боялась первая заговорить съ нимъ и ожидала его ласковой улыбки, какъ праздника. Теперь она шла къ нему съ своимъ Юрочкой, радостная

отъ материнства, нѣжная, любящая, и протягивала ребенка старику.

— Ну, дѣдушка, поцѣлуй внучка, да, смотри, покрѣпче.

Но высшимъ для нея наслажденіемъ бывало, когда дѣдъ бралъ внука на руки и высоко подбрасывалъ его, тутушкая и заставляя захлебываться отъ удовольствія. Мать слѣдила за этими воздушными полетами, полуживая отъ страха и вмѣстѣ счастливая, гордая, видя, что старикъ ласкаетъ ея сына такъ, какъ не ласкалъ собственныхъ дѣтей.

За завтракомъ, обѣдомъ, чаемъ Абазовъ, возбужденный деревенскими впечатлѣніями, ѣлъ много, не замѣчая, что именно кладетъ въ ротъ, и говорилъ почти одинъ, разсказывая свои воспоминанія объ университетскихъ годахъ, о тогдашнемъ настроеніи общества, о кружкахъ, дебатахъ, стремленіяхъ молодежи. По его словамъ выходило, что въ его время было на землѣ что-то вродѣ золотого вѣка... Размечтавшійся старикъ не замѣчалъ даже, что онъ хвалитъ въ сущности только свою молодость, кидавшую теперь отблески своего молодого радостнаго сіянія.

Въ Холмахъ онъ совсѣмъ перерождался, съ юношеской ловкостью перелѣзалъ черезъ изгороди, нагибался, чтобы пройти подъ нависшими вѣтвями елей, интересовался играми деревенскихъ ребятишекъ, входилъ въ ихъ споры и довольно удачно разрѣшалъ возникавшія недоразумѣнія. Порой онъ вступалъ въ бесѣды съ толстымъ, вѣчно отдувавшимся Иваномъ Петровичемъ, и послѣдній нерѣдко начиналъ закипать, какъ самоваръ, слушая сельскохозяйственные совѣты Абазова. Отъ изумленія онъ переходилъ къ негодованію, и тогда старикъ добродушно улыбался и спѣшилъ перевести разговоръ на иную тему, осторожно уклоняясь отъ опаснаго противника. Впрочемъ, онъ не терялъ надежды принести пользу зятю своими познаніями по хозяйству.

— Алексѣй Өедоровичъ,—говорилъ Викторъ иногда передъ вечеромъ,—а не пойти ли намъ на тягу, а?

— А вѣдь это, братъ, идея. Идемъ. Они шли, оба веселые, возбужденные и выстаивали на тягѣ до полной темноты. Но Викторъ увлекался самой охотой, волнуясь пролетомъ дичи, а Абазовъ мужественно выдерживалъ нападенія комаровъ, единственно подъ вліяніемъ тѣхъ отблесковъ молодости, которые озаряли здѣсь его угасающую жизнь. Порой онъ принималъ за крикъ вальдшнепа восторженную весеннюю пѣсню лягушки и торопливо озирался, вскидывая ружье, а когда надъ нимъ дѣйствительно пролеталъ съ характернымъ кряхтеньемъ вальдшнепъ, онъ добродушно говорилъ:

— Вишь, проклятая, опять заквакала. Порой онъ даже

стрѣлялъ, но всегда поздно, когда птица уже исчезала за деревьями.

— Умирать полетѣлъ; ужъ это я вѣрно тебѣ говорю,— утѣшалъ онъ при этомъ зятя. Оба возвращались домой, оживленные, веселые и голодные. Они съ аппетитомъ ужинали, и Абазовъ разсказывалъ про свои охоты, сорокъ лѣтъ тому назадъ, не замѣчая опять, что прелесть тѣхъ, давнишнихъ охотъ заключалась въ томъ, что тогда у него была молодость, радостная и прекрасная...

За то, какъ грустно бывало вставать утромъ въ понедѣльникъ, садиться въ пролетку и возвращаться опять къ служебнымъ заботамъ. Старикъ печально вздыхалъ, а при въѣздѣ въ городъ онъ уже позабывалъ про Холмы и весь отдавался мыслямъ объ искѣ мѣщанина Ивакина къ купцу Латышкину и о нарушеніи Семеновымъ тишины и спокойствія въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ. Ощущеній цѣлаго дня какъ не бывало. Взамѣнъ ихъ, въ душѣ роился вопросъ: надо или не надо примѣнять къ Кошкину 142 статью мироваго устава...

IV.

Викторъ очень любилъ добродушнаго и незлобиваго тестя. Затѣмъ любилъ больше другихъ изъ родни Ольги Лидочку. Эта подросшая и выравнявшаяся семнадцатилѣтняя дѣвушка, тоненькая, хрупкая съ хорошенькимъ личикомъ, похожимъ на Ольгино, слегка задумчивая, слегка грустная, кроткая и тихая, привлекала его прелестью своей чистой души. Онъ полюбилъ ее, какъ родную, и часто въ мечтахъ старался подыскать, за кого можно будетъ выдать ее. О, онъ не отдастъ ее за перваго встрѣчнаго, онъ съумѣетъ оградить ее отъ недостойныхъ искателей. Лидочка заняла теперь въ семьѣ мѣсто Ольги и также ревностно заботится объ отцѣ и ведетъ хозяйство, какъ прежде старшая сестра. Какъ и Ольга, она рада повеселиться, потанцовать, и на вечерахъ ее нарасхватъ приглашаютъ, какъ хорошенькую дѣвушку и прекрасную танцорку, но все это для нея не главное. Главное—это семья, и ей она отдается вся.

Викторъ очень друженъ и съ Юленькой, но эта дѣвушка, годомъ старше Лидочки, не такъ дорога ему. Она тоже хороша, а, по мнѣнію многихъ, даже лучше сестры, «пикантнѣе», какъ говорятъ о ней знатоки и цѣнители, но въ глазахъ Виктора она—заурядная барышня, тогда какъ Ольга и Лидочка, по его мнѣнію, изъ тѣхъ женщинъ, которыми держится свѣтъ.

Онъ теперь очень высоко, быть можетъ, даже преувели-

ченно высоко ставилъ значеніе женщины вообще и отъ этого сталъ чрезмѣрно требователенъ къ отдѣльнымъ женщинамъ. Отъ этого онъ былъ нѣсколько несправедливъ къ Катеринѣ Ивановнѣ. Онъ знаетъ, что она добра, любитъ семью, любитъ и его, Виктора, но не хочетъ простить, что сердце ея уже покрыто налетомъ пошлости, набрасываемой мутными волнами жизни унылой, скучной, мелкой вслѣдствіе вѣчныхъ заботъ о кускѣ насущнаго хлѣба...

— Знаешь что,—говорилъ Викторъ женѣ, взволнованно расхаживая по спальной въ то время, когда Ольга, уже раздѣтая и въ постели заплетала на ночь свою красивую, свѣтлорусую косу.—Знаешь, я рѣшительно не понимаю мамы.

— Что же именно?—тревожно спросила Ольга, предчувствуя огорченіе отъ словъ мужа.

— Развѣ ты не видишь, что этотъ олухъ, этотъ Ивanушка-дурачокъ, Крутиловъ, ухаживаетъ сразу и за Юленькой, и за Лидочкой, а мама твоя на это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія?..

— Ну, вотъ. Гдѣ же онъ ухаживаетъ... Это тебѣ только такъ кажется...

— Разумѣется, только кажется...—уже раздражительно воскликнулъ Викторъ.—У васъ, у женщинъ удивительно мало дальновидности; а вотъ, какъ пошлякъ вскружитъ Лидочкѣ голову, тогда спохватитесь.

Ольга очень цѣнила въ Викторѣ его ревнивую привязанность къ Лидочкѣ и сама иногда тревожно задумывалась надъ частыми посѣщеніями дома Абазовыхъ Крутиловымъ, котораго окончательно перевели въ Васильевъ.

Но теперь Викторъ осуждалъ ея мать, и она не хотѣла признавать его правымъ...

— Ну, ты, извѣстно, за Лидочку готовъ всѣхъ перевѣшать. Но право же ты увлекаешься. Просто хорошенькія дѣвушки... А Лидочка, помилуй,—совсѣмъ, вѣдь, ребенокъ...

— Потому-то я и возмущаюсь! Ребенка обидѣть, это я не знаю, что такое...

И потомъ, почувствовавъ внезапно приливъ того туманящаго голову, опьяняющаго бѣшенства, которое изрѣдка проявлялось у него, онъ остановился, блѣдный, съ загорѣвшимися глазами и, сжавъ свои сильные кулаки и стиснувъ зубы, добавилъ хриплымъ, прерывающимся голосомъ:

— Сразу за двумя! Нѣтъ, если этотъ... подлецъ... позволитъ себѣ... я ему горло перерву...

Но Ольга уже успокоивала его; она взяла его за руку, усадила около себя, разстегивала ему воротъ сорочки, гладила его по головѣ и по лицу своей маленькой, бѣлой рукой. И отъ прикосновенія одной нѣжной руки, безсильной, жалкой,

но такъ властно, увѣренно распоряжавшейся имъ, Викторъ чувствовалъ, какъ бѣшенство его стихало и какъ въ сердцѣ водворялась тишина.

А Ольга, между тѣмъ, говорила тихимъ, ровнымъ голосомъ, звукъ котораго всегда такъ трогалъ Виктора. Ну, да, онъ, Викторъ, въ сущности правъ, и ей, Ольгѣ, не нравится двойное это ухаживаніе Крутилова. Но только маму винить нельзя; мама просто еще не разглядѣла Крутилова. Да и Крутиловъ-то вовсе не подлецъ, это сказано черезчуръ сильно. И не Иванушка-дурачокъ. Онъ не глупый и, кажется, недурный человѣкъ.

Викторъ слушалъ жену, и ему начинало казаться, что Крутиловъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ не дурной и что ненавидить Крутилова не за что. А затѣмъ онъ думалъ еще о томъ, что съ нимъ совершилось какое-то чудо. Онъ—циникъ во всей своей прошлой жизни, человѣкъ, вращавшійся почти исключительно среди женщинъ легкаго поведенія, сталъ теперь такимъ строгимъ блюстителемъ нравственныхъ началъ, такимъ врагомъ всякой душевной загрязненности. Онъ хочетъ глядѣть на женщину, какъ на что-то высшее, цѣнитъ лишь безупречную нравственную чистоту. Онъ не позволилъ Ольгѣ бывать у Налимовой потому только, что про Налимову прошли въ городѣ нечистые слухи. Ужъ Викторъ-ли онъ Вакуловъ? не подмѣнили ли его?..

Но Крутилова онъ въ покоѣ не оставитъ и въ четвергъ въ клубѣ переговоритъ съ нимъ, какъ слѣдуетъ...

Зима уже началась, и клубъ въ городѣ давно открылся. Крутиловъ былъ заправилой собраній, устраивалъ вечера, танцы, чтенія и затѣвалъ любительскій спектакль. Крутиловъ былъ неутомимъ и неистощимъ по части выдумокъ развлеченій, и въ городѣ говорили, что Николай Савельевичъ просто находка для общества.

Викторъ пришелъ въ четвергъ въ клубъ раньше всѣхъ, когда залы только что начали освѣщать, и лишь въ билліардной стучали шарами двое молодыхъ купеческихъ сыновей, запоздавшихъ здѣсь съ самаго понедѣльника. Но Крутиловъ, который устраивалъ на сегодня музыкально-вокальный вечеръ, уже ходилъ по главной залѣ и указывалъ, какъ разставлять стулья. Увидя входящаго Вакулова, онъ озарился своей всегдашней радостно-лукавой и вмѣстѣ добродушной улыбкой:

— Уже! да можетъ ли это быть? Идемъ, по этому случаю въ буфетъ.

Но Викторъ, увидя его широкое, слегка ожирѣвшее, румяное и неизмѣнно веселое лицо, которое, повидимому, никогда не испытывало, что значитъ хмуриться, печалиться,

грустить,—разсердился и сразу, по своему обыкновенію, приступилъ къ дѣлу.

— Васъ-то мнѣ и надо,—проворчалъ онъ, едва подавая ему руку и чувствуя, что не можетъ глядѣть прямо въ отвѣтъ на пытливый взглядъ маленькихъ лукавыхъ глазъ Крутилова.

— Меня? да не можетъ же быть!..

— Мнѣ надо съ вами переговорить... два слова, — чувствуя, что путается и сердясь на себя за это, добавилъВикторъ.

— Два слова? Это удивительно. Пойдемте...

Они вошли въ полутемную буфетную, и Крутиловъ уже хотѣлъ заказать вина, какъ Викторъ сердито остановилъ его.

— Вы мнѣ прежде скажите вотъ что,—уже совсѣмъ раздраженно проговорилъ онъ,—что вы такое творите тутъ?

— Я? стулья разставляю. У насъ сегодня ассамблея...

— Э, чортъ! я не про стулья говорю. Я васъ спрашиваю, зачѣмъ вы ухаживаете за моими свояченицами?

— За свояченицами?—уже совсѣмъ весело воскликнулъ Крутиловъ.—Да развѣ вы не понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю.

— Не можетъ быть! да онѣ же прехорошенькія.

— Ну такъ что же изъ этого?.. Я хочу вамъ сказать...

— Стойте, стойте... Эй, человѣкъ! шато ля розъ, знаешь, моего... Да вы совсѣмъ удивительный, Викторъ Егорычъ... а?... Право удивительный человѣкъ... Да вы не сердитесь, я не въ обиду... Эй, ты, подавай-ка поживѣе... И что же дурнаго въ томъ, что человѣкъ заглядывается на хорошенькихъ дѣвушекъ? Вы развѣ никогда не заглядывались? Не повѣрю.

— Тутъ грязь...

— Да не можетъ быть! Что вы, какая грязь? еще за замужней ухаживать, ну, это, пожалуй, ведетъ, въ концѣ концовъ, къ чему-нибудь не хорошему. А когда холостой да за барышней...

— И притомъ сразу за двумя...

— Э, нѣтъ же, не можетъ быть... Вотъ, попробуйте-ка, это не дурное... А? —строго посмотрѣлъ онъ на лакея, — ты это что мнѣ подалъ?

— Шатоляроза-съ, Николай Савельичъ, вашего-съ...

— Моего?.. да можетъ ли это быть?.. Ну, ступай... Такъ вотъ такъ-то, Викторъ Егорычъ. За двумя сразу? почему за двумя? Просто обѣ хорошенькія, разглядѣть надо, которая лучше.

— Вы разглядывайте, а не ухаживайте... Дѣвочкамъ не долго и головы вскружить...

— Ну что вы. Нѣтъ, зачѣмъ; гдѣ намъ головки барышнямъ кружить...

— Вы мнѣ скажите,—серьезно ли вы ухаживаете и за которой именно?

— За которой именно... право не скажу. Обѣ нравятся. Это какъ въ цвѣтникѣ: и здѣсь хороши цвѣточки, и тамъ хороши. Любуешься, а не знаешь, который сорвать. Да и сорвешь-ли тоже не знаешь. Если увижу, что не выберу вовсе, ну, отстану, не буду же я тревожить напрасно. А только что, вѣдь, я молодой человѣкъ превосходной наружности и нельзя мнѣ запретить выбирать. Можетъ здѣсь выберу, а можетъ тамъ. На то мы молодые холостяки, на то и барышни на свѣтѣ.

— Тоже—молодой холостякъ...—сказалъ Викторъ все еще сердито, но чувствуя, что на губы его уже выступаетъ улыбка:— Смотрите, плѣшь во всю голову, а онъ туда же...

— Что! плѣшь!.. да можетъ ли это быть?.. Скорѣй зеркало... А и вправду плѣшь. Ну, положеніе—я вамъ скажу!

— Послушайте, не дурачьтесь, я вамъ серьезно говорю. Если вы честный человѣкъ, какимъ я васъ хочу считать, удержитесь отъ всего легкомысленнаго въ отношеніи Абазовыхъ. Повторяю: я говорю вамъ серьезно и совѣтую подумать...

— Подумать? именно, именно: разобраться надо, разобраться. Право, еще самъ не отдалъ себѣ отчета. Да вы не тревожьтесь, я во всякомъ случаѣ имѣю честныя намѣренія. Я не дурной! А барышни прехорошенькія, это несомнѣнно!

Викторъ разстался съ нимъ успокоенный, хотя и понималъ, что ничего не добился. Викторъ невольно поддавался жизнерадостному настроенію собесѣдника, начиналъ симпатизировать ему и пытался всячески извинять его, хотя за минуту бранилъ, почти ненавидѣлъ Крутилова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. Булыгинъ.

Забытый другъ.

Когда, ледяное молчанье храня,
Угрюмыя стѣны меня обступили...
И трупомъ лежалъ я, и твердой руки
Подать не пришелъ сострадательный геній,
И умъ былъ исполненъ безумной тоски,
Холодныхъ и горькихъ сомнѣній,—
Однажды, я помню, въ полуночный часъ
Услышалъ я голосъ желанный: «Воскресни!
Не все еще взято судьбою у насъ,
Не всѣ еще спѣли мы пѣсни».
И поднялъ усталую голову я
На зовъ благодатный надежды и свѣта:
То—муза, то—бѣдная муза моя,
Она не забыла поэта!
Сквозь крѣпкія стѣны, затворы дверей,
Какъ голубь залетный, какъ вѣсть утѣшенья,
Впорхнула, чтобъ ласковой пѣсней своей
Смягчить его скорбь и мученья.
Она, чьей любви матерински-святой
Платилъ я скупымъ и холоднымъ вниманьемъ,
Кого лишь украдкой, измученъ борьбой,
Дарилъ торопливымъ лобзаньемъ,
Она, что была такъ грустна и блѣдна,
Пугливо глядѣла рабою забытой,
Теперь, какъ царица, явилась она,
Прекрасна, какъ сонъ позабытый!
Друзьями старинными встрѣтились мы

Безъ горечи въ сердцѣ, съ тепломъ всепрощенья.
О, помню ту ночь я подъ пологомъ тьмы,
Блаженную ночь просвѣтлѣнья!
И страхъ и сомнѣнья прогнали мы прочь
И словно какъ дѣти мы стали сердцами:
То громко смѣяться хотѣли всю ночь,
То горькими плакать слезами!
Я все ей повѣдалъ, я все ей открылъ—
Мою изболѣвшую ранами совѣсть,
И какъ я боролся, и какъ я любилъ,
И всю мою скорбную повѣсть...
Съ тѣхъ поръ я ужъ не былъ покинутъ и сиръ.
И часто мы громы съ небесъ призывали,
Но чаще любовь призывали и миръ
И чаще врагамъ мы прощали...
— О, другъ мой! меня не могила страшитъ,
Не ужасъ забвенья, вражды съ клеветою,
Не край чужедальній, гдѣ вьюга шумитъ,
Но только разлука съ тобою!
Дочь свѣта! меня не покинь ты, молю,
И въ часъ, какъ смежитъ мнѣ потухшія вѣжды,
Пропой мнѣ послѣднюю пѣсню свою,
Прощальную пѣсню надежды!

П. Я.

Русская дуэль въ послѣдніе годы.

Передо мной лежитъ очень интересная книга: «La science du point d'honneur»,—commentaire raisonné sur l'offense, le duel (etc), par A. Croarbon (avocat). Это цѣлый научный трактатъ, своего рода кодексъ обычнаго права по такъ называемымъ «вопросамъ чести». Г. Кроарбонъ, адвокатъ, разсматриваетъ «оскорбленіе, дуэль, ея обычаи, отношеніе къ ней законодательства разныхъ европейскихъ странъ, отвѣтственность дуэлянтовъ и свидѣтелей передъ закономъ уголовнымъ, гражданскимъ и передъ церковью», и, наконецъ, въ послѣдней части приводитъ множество конкретныхъ случаевъ дуэлей, подававшихъ поводъ къ тѣмъ или другимъ вопросамъ, возникавшимъ на почвѣ дуэльной «чести» и ея обычнаго права. Г. Кроарбонъ, адвокатъ, не новаторъ въ литературѣ этого рода. Франція, сохранившая обычай дуэли болѣе неприкосновеннымъ, чѣмъ какая бы то ни было изъ европейскихъ странъ, имѣетъ по этому предмету, кромѣ «преданій», также и «писаніе». Еще въ 1836 г. графъ де Шатовилляръ издалъ свой «Опытъ о дуэляхъ (Chateauvillard, Essai sur le duel), который сдѣлалъ его главнымъ законодателемъ въ вопросахъ чести, причемъ даже другія страны заимствовали отъ него свои правила по этому предмету. Повидимому, говоритъ г. Кроарбонъ, право своими средствами добиваться удовлетворенія (минуя общество и его законы) кажется основаннымъ на принципахъ, діаметрально противуположныхъ тѣмъ, которые лежатъ въ основѣ гражданскаго и уголовнаго законодательства. Между ними существуетъ, повидимому, даже прямо антагонизмъ, не допускающій никакихъ другихъ отношеній, кромѣ взаимнаго отрицанія. Однажды, во время знаменитаго процесса о дуэли, предсѣдатель суда воскликнулъ нетерпѣливо, при упоминаніи одной изъ сторонъ о кодексѣ Шатовилляра: «Вотъ книга, которая никогда не станетъ на полкѣ моей библіотеки и которую я вовсе не намѣренъ читать». И, однако, съ торжествомъ продолжаетъ г. Кроарбонъ, тотъ же предсѣдатель оказался вынужденнымъ въ то же засѣданіе пуститься въ подробные разспросы экспертовъ, съ цѣлью выяснить, въ какой мѣрѣ поступки, которые ставились въ вину подсудимому, соотвѣтствовали или расходились съ тѣми самыми правилами, которыя Шатовилляръ ставилъ вполнѣ опредѣленно въ

своемъ кодексѣ. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ судъ считается не съ одними формальными доказательствами и аргументами—вопросы обычнаго права не могутъ быть вполнѣ безразличными. Жизнь всегда оказываетъ извѣстное давленіе на то или иное примѣненіе писаннаго закона, а жизнь Запада до сихъ поръ еще сохранила дуэль, со свѣми тонкостями point d'honneur'а и подчасъ со всѣми его очевидными нелѣпостями.

Въ пятой части своего любопытнаго труда авторъ разсматриваетъ дуэль въ разныхъ странахъ. Оказывается, повсюду есть свои точныя правила, признаваемыя обычаемъ и болѣе или менѣе раціонально примѣняемыя къ «дѣламъ чести», независимо отъ взглядовъ законодательства данной страны. Оказывается, что при этомъ и во многихъ случаяхъ основаніемъ служитъ кодексъ Шатовиллляра, однако, съ тѣми или другими, порой значительными модификаціями. Такъ напр. въ Италіи кодексъ Шатовилляра вообще принятъ, но все же авторъ считаетъ нужнымъ предупредить своихъ соотечественниковъ, на случай ссоры въ Италіи, что тамъ при выборѣ оружія иногда принимается во вниманіе не то, кто является обиженнымъ или обидчикомъ, какъ слѣдуетъ по Шатовилляру, а—кто послалъ *картель* (вызовъ) и кто его получилъ. Можетъ случиться поэтому, что обиженный французъ, всегда предпочитающій возстановлять свою честь при помощи пистолета или шпаги и имѣющій право разсчитывать на выборъ оружія по кодексу Шатовилляра, — окажется вынужденнымъ принять состязаніе на сабляхъ, такъ какъ сабли любимое оружіе чести въ Италіи.

Въ Германіи и Австріи Шатовилляръ господствуетъ почти нераздѣльно, и его «Опытъ» существуетъ въ многочисленныхъ переводахъ.

Въ Англіи дуэль почти пала. Оскорбленный англичанинъ легко обращается къ суду, который въ этихъ случаяхъ не скупится на денежныя пени. Такъ, одинъ редакторъ, неосмотрительно написавшій нѣсколько оскорбительныхъ строкъ по адресу женщины, былъ приговоренъ къ 10 тысячамъ ф. стерлинговъ штрафа. Во многихъ другихъ случаяхъ суды Англіи оцѣниваютъ оскорбленіе не менѣе солидно, и это, по мнѣнію Кроарбона, почти совершенно убило дуэль въ Англіи. Интересно, что самъ авторъ относится къ этой формѣ борьбы съ дуэлью очень сочувственно. «Бить по кошельку,— говоритъ онъ, значитъ попадать очень мѣтко», — нужно только, чтобы удары имѣли характеръ дѣйствительныхъ ударовъ, а не символическихъ, ничтожныхъ штрафовъ.

Пылкіе испанцы создали собственный кодексъ, вѣроятно, очень своеобразный; но о немъ авторъ распространяется мало. Бельгійцы по нравамъ очень близки къ французамъ и потому дерутся по французскимъ правиламъ,—хотя, вообще, дерутся немного. И т. д., и т. д.

Обойдя такимъ образомъ всю Европу (за исключеніемъ Турціи), не забывъ даже Андорской республики, авторъ переходитъ къ Рос-

сіи. Администрація императорской публичной библіотеки,—пишетъ онъ на стр. 404, — на вопросъ по этому предмету извѣстила, что это учрежденіе располагаетъ лишь тремя произведеніями, имѣющими отношеніе къ интересующему насъ вопросу: *Г. Л. Е. «Дуэль»*. Петербургъ 1837, *Дуэль и кассаціонный департаментъ сената*, А. Лохвицкаго (извлеченіе изъ статей въ «Отеч. Записок.» 1858 г.) и Сѣверскаго *«Особенная часть русскаго уголовнаго права»*. Но этотъ списокъ, который въ настоящее время пришлось бы нѣсколько дополнить, не даетъ ни одного сочиненія собственно по вопросу о «правилахъ дуэли» и о такъ называемомъ кодексѣ чести. Указанныя книги разсматриваютъ вопросъ лишь чисто юридически. Г. Кроарбонъ этому нисколько не удивляется. «Такъ какъ,—говоритъ онъ,—дуэль строго запрещена еще Петромъ Великимъ и не терпѣлась его преемниками, то понятно, что и книги по этому предмету не дозволялись цензурой. Это не значитъ, однако, что дуэль въ Россіи не въ употребленіи. Она практикуется рѣже, но чаще кончается смертью.» Какія же, однако, правила употребляются въ этихъ случаяхъ?—спрашиваетъ онъ далѣе и признается, что не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ сколько нибудь опредѣленно. «Добрѣйшій и много оплакиваемый» prince Dolgoroukoff, бывшій генералъ-губернаторъ города Москвы, съ которымъ авторъ имѣлъ высокую честь нерѣдко упражняться въ стрѣльбѣ въ Виши—сообщилъ ему немало интересныхъ деталей изъ анекдотической исторіи вопроса, но и онъ не могъ высказаться хоть сколько нибудь точно по вопросу объ обычномъ «кодексѣ чести» въ Россіи. Поэтому г. Кроарбону приходится прибѣгнуть къ гаданіямъ и болѣе или менѣе туманнымъ наведеніямъ. Онъ желаетъ думать, что если уже въ Германіи, столь враждебной его отечеству, кодексъ Шатовиллара называютъ «международнымъ руководителемъ въ дѣлѣ чести»,—то навѣрное и дружественная Россія не чужда этому признанію французскаго авторитета, хотя бы съ болѣе или менѣе значительными отступленіями.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ справедливо это тонкое соображеніе. Несомнѣнно, однако, вопервыхъ, что у насъ дуэли до послѣдняго времени были сравнительно рѣдки, но зато давали большой процентъ случаевъ смертнаго исхода. Очень можетъ быть также, что тутъ сказывалось въ извѣстной мѣрѣ и вліяніе законодательства: дуэль, при всякомъ исходѣ, сопряжена была съ большими неудобствами, и русскій человѣкъ рѣшался на нее лишь въ случаяхъ, когда,—правильно или нѣтъ,—не видѣлъ никакого другого выхода. Но и вообще дуэль не особенно сильна въ нашихъ нравахъ. Кодексъ Шатовиллара и другихъ знатоковъ point d'honneur'a на Западѣ сводилъ въ одной книгѣ строго выработанныя, опредѣленныя, органически развившіяся правила, теряющіяся въ глубинѣ рыцарскихъ временъ. Въ теченіе столѣтій скрещивались клинки, ставились барьеры, раздавались выстрѣлы, дуэль

укоренялась, какъ настоящее бытовое явленіе. У насъ она всегда была слаба, какъ организованное, признанное орудіе возстановленія чести,—и Петру Великому не было особенно трудно бороться съ нею: конечно, она прививалась и у насъ, вмѣстѣ съ голштинскими косицами, вмѣстѣ съ французской causerie, вмѣстѣ съ другими западными позаимствованіями, вплоть до демонизма; но всегда она оставалась въ предѣлахъ ограниченныхъ кружковъ, не проникая глубже. Можно сказать безъ преувеличенія, что до послѣдняго времени даже въ войскѣ она была скорѣе обычаемъ гвардіи,—чуждымъ простому армейскому быту, и трудно лучше охарактеризовать отношенія этой среды, чѣмъ это сдѣлалъ Пушкинъ устами почтенной командирши Василисы Егоровны *), разсказывавшей Гриневу о Швабринѣ, переведенномъ въ Бѣлогорскую крѣпость, по ея словамъ, за смертоубійство: «Богъ знаетъ, какъ грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собой шпаги, да и ну другъ друга пырять... Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ!»

Начало нашего столѣтія омрачилось двумя трагедіями, поразившими всю интеллигентную Россію скорбію и негодованіемъ. Я, разумѣется, говорю о смерти величайшихъ изъ нашихъ поэтовъ, Пушкина и Лермонтова, такъ много еще обѣщавшихъ родной литературѣ. Эти двѣ дуэли кинули трагическую тѣнь на всю дальнѣйшую исторію нашей молодой литературы, и всякій разъ, когда русскій человѣкъ думаетъ и говоритъ о дуэли, въ его памяти невольно и неотразимо встаютъ эти двѣ скорбныя тѣни, унесшія съ собой длинную вереницу великихъ образовъ и творческихъ думъ. И вотъ почему въ мыслящихъ слояхъ общества дуэль у насъ всегда болѣе или менѣе рѣшительно осуждалась. Мы не можемъ забыть, что если неустановившійся, пылкій и эксцентричный Лермонтовъ самъ въ значительной степени накликалъ на себя роковую развязку, то Пушкинъ несомнѣнно палъ жертвой безчестной и гнусной интриги, сотканной изъ легкомыслія, зависти и преклоненія передъ свѣтскими предразсудками. И мы помнимъ, что и геній, и честь были на одной сторонѣ барьера,—и эта именно сторона погибла. На другой-же только

„Пустое сердце билось ровно,
Въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ".

И пустое сердце вышло побѣдителемъ. Кто же послѣ этого повѣритъ въ разумность такого суда?

Я пройду мимо десятковъ болѣе или менѣе талантливыхъ изображеній дуэли въ нашей литературѣ. Предоставляю другимъ эту работу,—въ задачу настоящей статьи она не входитъ. Было бы, однако, чрезвычайно любопытно изобразить эту галлерею; тогда читатель увидѣлъ-бы, безъ сомнѣнія, что скорбная иронія или со-

*) Въ «Капитанской дочкѣ».

значительно рѣзкое осужденіе всегда сопровождають талантливое и правдивое изображеніе дуэли въ нашей средѣ, гдѣ она — явленіе чуждое, привитое извнѣ и отзывающееся глубокою и даже глубоко-сознаваемою фальшью. Вспомните проникнутую пророческой грустью сцену передъ дуэлью Ленскаго и Онѣгина.

...Въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинилъ себя во многомъ...

И далѣе:

...Евгеній...
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ юношей-бойцомъ,
А *мужемъ съ честью* и умомъ.

Но Онѣгинъ привыкъ отдаваться пассивно игрѣ «предразсужденій». Къ тому-же

...въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ,
Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ...
Конечно, быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ...
И вотъ—общественное мнѣнье!...

Писаревъ, раціоналистъ по преимуществу, упрощавшій всѣ, самые сложные вопросы общественной и личной психологіи до голаго силлогизма, строго осудилъ Пушкина за всю эту сцену дуэли, считая его, такъ сказать, поэтическимъ сообщникомъ Онѣгина. По его мнѣнію, Пушкинъ долженъ былъ употребить всю силу своего таланта на то, «чтобы подмѣтить и разработать въ этой чертѣ Онѣгина всѣ ея смѣшныя стороны, онъ долженъ былъ осмѣять, опошлить и втоптать въ грязь безъ малѣйшаго состраданія ту *низкую трусость*, которая заставляетъ неглупаго человѣка играть роль вреднаго идіота для того, чтобы не подвергнуться робкимъ и косвеннымъ насмѣшкамъ настоящихъ идіотовъ, достойныхъ полнаго презрѣнія». Логически разбирая всю эту сѣть ненужныхъ, мелкихъ условностей, мѣшающихъ Онѣгину быть «мужемъ чести и ума», приводящихъ отъ пустой шутки къ смерти «любимаго юноши»,—Писаревъ совершенно правъ. Ошибка его здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, чисто психологическая. Не одинъ только разумъ двигаетъ поступками даже умныхъ людей, и «глупость» владѣетъ не одними глупцами. Противъ нея, по мѣткому выраженію Фохта, даже боги безсильны. Да, къ сожалѣнію, не одни «настоящіе и полные идіоты» отдавали въ свое время дань вредному предразсудку. Отдавалъ ему дань и Пушкинъ, и однако, сила и искренность его таланта таковы, что дуэль Онѣгина и Ленскаго навсегда останется однимъ изъ самыхъ яркихъ поэтическихъ аргументовъ противъ «вреднаго и безсмысленнаго» кодекса условій свѣтской чести.

Лермонтовъ, менѣе установившійся, угловатый, до извѣстной степени лишеный непосредственности, въ своей погонѣ за демонизмомъ и въ искусствѣ, и въ жизни, пожалуй, въ большей степени заслуживаетъ упрекъ въ «идеализаціи дуэли». Самъ онъ слишкомъ часто являлся въ дѣйствительности «пылкимъ мальчикомъ бойцомъ», игравшимъ изъ простой удали, не лишенной оттѣнка тщеславія, и своей, и чужой жизнію. И, однако, дуэль Печорина съ Грушницкимъ, очень эффектная, какъ одна изъ складокъ мрачной мантіи, въ которую задрапированъ демонъ-Печоринъ,—сама по себѣ, въ конкретныхъ своихъ чертахъ, опять является лишь злою сатирой на вредный обычай, жертвой котораго суждено было пасть и самому поэту. Для насъ эта картина навсегда подчеркнута еще сугубой горечью и скорбью, такъ какъ многія ея черты опять оказались пророческими. Самъ авторъ, какъ «фаталистъ», играя опасностью,—подобно Печорину, раздражалъ бѣднаго Грушницкаго—Мартынова злыми и сознательно разсчитанными уколами. Только въ жизни пуля Грушницкаго оказалась болѣе удачливой, и «окровавленный трупъ, виднѣвшійся между скалъ» — былъ трупъ Печорина-Лермонтова. И вся трагедія осталась горько, почти позорно-безсмысленной и нелѣпой.

Минуя другія иллюстраціи, я упомяну еще тургеневскаго «Бреттера». Здѣсь уже русскій писатель новаго періода рисуетъ нетолько мастерскую картину дуэли, но выборомъ дѣйствующихъ лицъ и освѣщеніемъ всего эпизода даетъ и нравственный судъ явленію. Казалось-бы, тургеневскимъ «Бреттеромъ» русская художественная литература подводитъ итоги взглядамъ на дуэль, установившимся, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи читающаго и мыслящаго общества. И дѣйствительно, въ серединѣ столѣтія дуэли у насъ какъ-то стихаютъ, мы слышимъ о нихъ все меньше и меньше, и самые типы, въ родѣ стараго дуэлиста у Пушкина или тургеневскаго бреттера, этихъ спеціалистовъ-экспертовъ, всегда готовыхъ стать къ барьеру или поставить подъ пулю другого—стали исчезать и въ дѣйствительности, и изъ литературы. И только уже въ самое послѣднее время дуэль опять заставляетъ обращать на себя вниманіе; на страницахъ провинціальныхъ газетъ то и дѣло мелькаютъ болѣе или менѣе трагическіе, но по большей части смѣшные и пошлые случаи, въ которыхъ «обычай» является какъ-бы внезапно ожившимъ на порогѣ XX вѣка. Въ настоящей статьѣ мы пытаемся свести вмѣстѣ разбросанныя газетныя извѣстія о дуэляхъ послѣднихъ годовъ и проанализировать эти проявленія внезапно какъ-бы обострившейся «россійской чести».

Осенью 1892 года въ газетахъ появились извѣстія о проектѣ «законодательнаго упорядоченія дуэлей въ офицерской средѣ». «Предполагается,—писали по этому поводу въ «Новомъ Времени»,

что всякому поединку между офицерами *должно предшествовать разсмотрѣніе судомъ общества офицеровъ*, а гдѣ таковаго не имѣется,—командиромъ отдѣльной части—поводовъ къ дуэли. Подробное обсужденіе послѣднихъ съ точки зрѣнія военной чести должно привести къ признанію поединка необходимымъ или не вызываемымъ необходимостію... Признаніе необходимости поединка должно вести къ безнаказанности такой дуэли». Однако, «введеніе въ матеріально-уголовное законодательство этого принципа представляется крайне затруднительнымъ, такъ какъ вопросъ о степени необходимости поединка не поддается точному опредѣленію въ законѣ. Въ виду этого предполагается установить, что всѣ дѣла о дуэляхъ, происходящихъ въ военной средѣ, представляются до судебнаго разсмотрѣнія военному министру, который испрашиваетъ высочайшее соизволеніе о прекращеніи тѣхъ изъ дѣлъ этого рода, которымъ не будетъ признано возможнымъ дать дальнѣйшее направленіе въ судебномъ порядкѣ. *Дѣйствіе приведеннаго правила предполагается распространить и на дѣла о дуэляхъ, въ которыхъ вмѣстѣ въ военнослужащими принимали участіе лица гражданскаго вѣдомства*» *).

Приводя это извѣстіе, газета сопровождаетъ его очень характерными комментаріями. Предполагаемая мѣра вызываетъ ея сочувствіе. «Идея о дуэляхъ,—говорится въ редакціонной статьѣ по этому поводу,—свидѣтельствуетъ о существованіи въ обществѣ строгихъ понятій о чести и ея неприкосновенности». Правда, авторъ тутъ-же соглашается, что «быть можетъ,—дуэль и является, сама по себѣ, *уродливымъ способомъ возстановленія чести*, но,—продолжаетъ онъ,—способъ этотъ признается въ современномъ обществѣ, и *рѣдко когда сочувствіе общества бываетъ на сторонѣ того, кто избѣгаетъ поединка*».

Разсужденіе замѣчательно характерное для даннаго вопроса «Быть можетъ, дуэль и является уродливымъ способомъ возстановленія чести». Если такъ, то не ясно-ли, что печать, какъ орудіе общественной мысли, можетъ только бороться съ ней всѣми ей доступными средствами! «Но способъ этотъ признается въ современномъ обществѣ»,—тѣмъ, конечно, благороднѣе задача печати: борьба именно и нужна съ тѣми уродливыми явленіями жизни, которыя еще сильны и живучи. Пресса обязана идти впереди среднихъ взглядовъ своей страны, и если даже законодательству приходится порой считаться съ матеріальными факторами, отклоняющими его отъ принципіально правильной линіи, то лучшая изъ задачъ печати—никогда не терять изъ виду высшей правды и указывать ее среди запутанныхъ изгибовъ такъ называемаго хода вещей. Но мы переживаемъ въ этомъ отношеніи странное время. Теперь въ большой модѣ показное презрѣніе къ мнѣнію большинства, и ничѣмъ, кажется, не злоупотребляли въ такой степени, какъ извѣстнымъ афо-

*) „Нов. Время.“ Цит. изъ „Волыни“, 1 Сент. 1894, г. № 154.

ризмомъ—«гдѣ большинство, тамъ навѣрное глупость»,—афоризмомъ, который такъ называемая консервативная пресса иногда очень неосторожно любитъ обращать противъ всего, въ чемъ есть задатки «представительства.» Между тѣмъ, давно уже мы не преклонялись такъ легко предъ «шопотомъ и хохотней глупцовъ» именно въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ вопросахъ принципа, гдѣ это всего менѣе умѣстно. Разумѣется, правильная постановка вопроса—какъ разъ обратная: рѣшеніе большинства, напримѣръ, земскаго собранія, если оно организовано разумно и касается той сферы вопросовъ, которая по существу доступна его компетенціи, имѣетъ всѣ шансы быть возможно раціональнымъ, потому что, въ концѣ концовъ, это есть лишь подсчетъ представленныхъ въ данномъ собраніи болѣе или менѣе опредѣленныхъ интересовъ. Но трудно представить себѣ собраніе, которое могло-бы своимъ большинствомъ внушить мнѣ ту или другую отвлеченную истину или моральный принципъ и воспретило бы мнѣ бороться словомъ и убѣжденіемъ противъ того, что я считаю «уродливымъ» и вреднымъ.

Однако, приведенное выше разсужденіе, заключающее отъ *уродливости* явленія, вопервыхъ, и отъ его *живучести*, вовторыхъ—не къ необходимости борьбы съ уродливымъ мнѣніемъ большинства, а къ преклоненію передъ нимъ и признанію его законности,—очень характерно для нашего времени вообще. Въ вопросѣ о дуэляхъ оно сказалось, пожалуй, особенно сильно. Русскій человѣкъ въ концѣ вѣка разсуждаетъ въ этомъ вопросѣ приблизительно такъ, какъ разсуждалъ герой Пушкинской поэмы въ началѣ столѣтія: конечно, гораздо лучше оказать себя

...Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ юношей-бойцомъ,
А мужемъ съ честью и умомъ.

Но «способъ этотъ признается въ современномъ обществѣ» Иначе сказать: «Но шопотъ, хохотня глупцовъ—и вотъ общественное мнѣнье»!...

И русскій человѣкъ, безъ всякой непосредственности, съ сознаніемъ фальшивости своего положенія, порой съ горькимъ стыдомъ — всетаки идетъ къ барьеру, пожимая плечами, озираясь и все время мучительно чувствуя ненужность всего того, что онъ производитъ. И увы! — вмѣсто «дѣла чести» по большей части у него выходитъ какая-то запутанная пошлость, которая въ концѣ концовъ только еще болѣе унижаетъ его и въ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ посторонниxъ людей.

Читатель, надѣюсь, согласится, что именно таковъ (а порой и гораздо хуже) основной тонъ излагаемыхъ ниже случаевъ дуэли, которую мы будемъ разсматривать на протяженіи этого бѣглаго очерка лишь съ ея бытовой стороны, не касаясь болѣе ея юридическихъ основаній.

---

19 января 1895 г. между двумя офицерами въ Ташкентѣ произошла дуэль *по рѣшенію суда общества офицеровъ*, состоявшемуся недѣлей раньше. Тотъ же судъ, согласно новому закону, опредѣлилъ и условія: дистанція 25 шаговъ, обмѣнъ однимъ выстрѣломъ съ каждой стороны, въ теченіе 5 секундъ, между счетомъ: «разъ! два!»; выстрѣлившій послѣ счета «два»—считается простымъ убійцей. Присутствовали 4 секунданта и 2 врача. Противники оба дали промахъ, и такимъ образомъ,—пишетъ нѣсколько иронически корреспондентъ «Окраины»,—честь возстановлена, а обида смыта. Достойно вниманія, что между рѣшеніемъ суда и приведеніемъ его въ исполненіе прошла недѣля. «Что должны были перечувствовать оба противника въ это время, — и представить трудно; тѣмъ болѣе, что оба они люди семейные» — говоритъ корреспондентъ. «*На этотъ разъ*, — заключаетъ онъ, дѣло обошлось безъ *новыхъ* жертвъ понятію объ офицерской чести». Эта фраза заставляетъ думать, что начало 1895 года застастъ уже не первую дуэль и вѣроятно прежнія обошлись не такъ благополучно *).

Около этого-же времени въ Джаркентѣ (Семирѣч. области) два пріятеля офицера, жившіе вмѣстѣ, заспорили, возвращаясь подъ хмѣлькомъ домой. Уже въ квартирѣ, повидимому, безъ свидѣтелей пріятели продолжали ссору и одинъ хватилъ другого подсвѣчникомъ. На утро, протрезвившись, оба только посмѣялись и совершенно примирились. Но тутъ вмѣшались товарищи, которые «вспомнили недавній циркуляръ»**) и нашли, повидимому, что случай представляется удобнымъ для примѣненія новаго закона (?). Произошла дуэль, такъ сказать, «по обязанности службы»; всѣ ждали, пишутъ въ «Степн. Краѣ»,—что дуэль кончится однимъ лишь гуломъ выстрѣловъ. Однако, когда дымъ разсѣялся, одинъ изъ бывшихъ друзей Г. — оказался убитымъ наповалъ ***). «*Пріятели сначала было упирались* находя, что случай не носитъ характера оскорбленія чести — прибавляетъ корреспондентъ, — и не знаю въ силу какихъ соображеній Б., стрѣлявшій первымъ, убилъ противника ****).

14 февраля того-же года довольно благополучно окончилась дуэль въ Минскѣ. Корреспондентъ называетъ лишь инціалы участниковъ (Т-въ и М-нъ), не упоминая объ ихъ званіи. Оба противника промахнулись, о причинѣ ходитъ множество толковъ. «Приходится, къ сожалѣнію, констатировать,—прибавляетъ корреспондентъ офиціальнаго «Вѣстника торговли и промышленности»—что дуэль за послѣднее время пріобрѣтаетъ права гражданства» *****).

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, мартѣ, корреспондентъ «Свѣта» случайно наткнулся на эпилогъ кровавой драмы. На вокзалѣ ст. Ново-

*) Нижегор. Лист., № 45, 1895.
**) Приказъ по военному вѣдомству отъ 20 мая, 1894 г., за № 118.
***) «Степн. Край» —Волжск. Вѣстникъ, 1895, № 55.
****) Смол. Вѣстникъ, № 46.
*****) Волжск. В—къ, 1895, № 62.

Минскъ вниманіе публики было привлечено носилками, на которыхъ несли больного офицера, который страшно стоналъ. Носилки были поставлены въ товарный вагонъ, ихъ сопровождали въ поѣздѣ нѣсколько офицеровъ и врачъ. Корреспонденту удалось узнать, что офицеръ этотъ раненъ утромъ того же дня на дуэли; пуля попала въ животъ, положеніе больного считалось безнадежнымъ. На этотъ разъ причиной послужило недоразумѣніе среди офицеровъ: офицеръ Т. былъ принятъ въ семьѣ командира, а корнетъ Л. сказалъ какъ-то, что черезъ Т. командиръ узнаетъ все, что творится въ полку. Т. потребовалъ доказательствъ, и когда аргументы Л. были признаны недостаточными, — Т. назвалъ своего обидчика мерзавцемъ. Послѣдовала дуэль, *причемъ Л. заявилъ заранѣе, что онъ стрѣлять въ Т. не будетъ...* Раненый Л. черезъ три дня въ страшныхъ мученіяхъ умеръ въ госпиталѣ краснаго креста въ Варшавѣ *).

Въ маѣ того же года вопросу о дуэляхъ посвятилъ замѣтку «Тифлисскій Листокъ». «Въ Тифлисѣ, по словамъ газеты, дуэль стала модной и мѣстные обыватели то и дѣло вызываютъ другъ друга. Хорошо еще, что эти вызовы въ большинствѣ случаевъ (а въ меньшинствѣ?) кончаются ничѣмъ». «Почему это мы вдругъ стали такъ щепетильны,—иронически замѣчаетъ авторъ,—сказать не могу, но думаю, что тутъ виновата мода» **).

Какая-то дуэль произошла около этого-же времени въ Бобруйскѣ. Къ сожалѣнію, подробности ея отъ меня ускользнули, и я сужу о ней лишь по косвеннымъ результатамъ. Извѣстія о ней впервые появились на стр. «*Минскаго Листка*», и вотъ ея редакторъ, г. Фотинскій, а также бобруйскій корреспондентъ Петроцкій были привлечены къ суду по знаменитой 1039 статьѣ (о диффамаціи). «Командиръ 158 пѣхотн. кутаисскаго полка, какъ сообщаетъ «Вил. В-къ», нашелъ, что корреспонденція объ этой дуэли заключаетъ невѣрныя свѣдѣнія и затрогиваетъ честь и доброе имя офицеровъ полка. Однако Виленская суд. палата оправдала и редактора и корреспондента ***).

Въ концѣ іюня или началѣ іюля происходила дуэль между офицерами 28-й пѣхотной дивизіи въ Ковно, вслѣдствіе ссоры на балу. Дуэль окончилась благополучно.

Чрезвычайно оригинальные взгляды на требованія чести сказались въ одной исторіи, имѣвшей мѣсто въ февралѣ 1896 года, въ гор. Задонскѣ. Въ мѣстный клубъ явился дѣлопроизводитель воинскаго начальника, капитанъ N., съ дамой, своей квартирной хозяйкой, вдовой бывшаго содержателя почты. Нѣкій задонскій дворянинъ, членъ клуба, вспомнивъ, что дама до своего замужества была горничной, счелъ свою честь задѣтой ея присутствіемъ въ клубѣ и

*) «Свѣтъ».—«Смол. Вѣстн.» 1895, № 35.
**) «Тифл. Лист.»—Нижегор. Лист., 1895, № 142.
***) Биржев. Вѣд., № 160, 1895, 13 іюня.

распорядился вывести даму, у которой, впрочемъ, не разъ бывалъ при жизни мужа въ гостяхъ. Капитанъ N совершенно справедливо счелъ необходимымъ заступиться за честь оскорбленной женщины и прибѣгъ къ традиціонному вызову. Такъ какъ это случай, въ которомъ замѣшано постороннее лицо невоеннаго званія, то пришлось затѣять переписку объ особомъ разрѣшеніи вызова. И вотъ, городъ Задонскъ цѣлый мѣсяцъ разсуждаетъ объ этой исторіи. Господинъ, такъ своеобразно понимающій «достоинство клуба», опомнился и готовъ дать болѣе мирное удовлетвореніе. Онъ согласенъ принести передъ оскорбленной дамой публичное же извиненіе, но... тутъ капитанъ N обнаруживаетъ совершенно оригинальное понятіе о способахъ удовлетворенія. Онъ требуетъ не только извиненія передъ дамой; но еще чтобы задонскій дворянинъ согласился смиренно принять отъ него въ клубѣ — пощечину... *). Какъ видите, иногда дуэль прикрываетъ понятія о чести совершенно безпримѣрныя. Финалъ этой исторіи намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ.

«Послѣ изданія новаго закона о дуэляхъ въ офицерской средѣ» — писали въ 1896 г. въ «Омской Газетѣ» изъ Владивостока, — и здѣсь были случаи примѣненія этого закона (sic). Дуэли происходили какъ между морскими, такъ и между армейскими офицерами. Къ счастію, до сихъ поръ онѣ кончались выстрѣлами на воздухъ и примиреніемъ противниковъ. Но въ настоящее время по городу ходитъ слухъ о дуэли, состоявшейся между двумя сухопутными офицерами: поручикомъ П. и капитаномъ Р. Поручикъ П. раненъ въ животъ и въ руку **).

Разумѣется, «мода» не ограничивается военной средой: дуэль имѣетъ примѣненіе и въ средѣ штатской. Такъ, въ «Кіевскомъ Словѣ» сообщали о столкновеніи ялтинскаго гор. головы г-на Хвощинскаго съ г. Фирлеевичемъ, котораго г. Хвощинскій публично оскорбилъ словами и на предложеніе извиниться отвѣтилъ отказомъ. Спустя три недѣли г. Фирлеевичъ нанесъ обидчику оскорбленіе дѣйствіемъ. Состоялась дуэль въ Исарскомъ лѣсу, окончившаяся, впрочемъ, благополучно. Хвощинскій подалъ въ отставку ***).

Не такъ давно, — писали въ «Варшавскомъ Дневникѣ» въ октябрѣ 1896 года ****), — на ипподромѣ Мокотовскаго поля между графомъ Замойскимъ и землевладѣльцемъ Карломъ Выдрою происходила дуэль на пистолетахъ, окончившаяся, впрочемъ, благополучно. Такой же благополучный исходъ имѣла и дуэль въ станицѣ Каменской, донецкаго округа, между врачемъ Поповымъ и военнымъ приставомъ Семеновымъ. Оба противника промахнулись *****).

Уже совсѣмъ недавно мы узнали изъ газетъ, что въ силу мани-

---

*) Сынъ Отечества, «Нижегор. Листокъ», № 87, 31 марта 1896.

**) Самарская Газ. 1896, № 167 (4 ав.).

***) Ниж. Листокъ, 1896, № 39.

****) Цит. изъ. «Смоленск. Вѣстника», 1896, № 241.

*****) Нижегор. Листокъ, № 173, 1896.

феста 14 мая въ Варшавѣ прекращено дѣло о дуэли, состоявшейся 13 мая въ деревнѣ Яблонной между графомъ I. Велепольскимъ и гр. С. Ржевускимъ. Поводомъ къ дуэли послужили личныя недоразумѣнія, разрѣшеніе коихъ было предоставлено суду чести, напрасно старавшемуся склонить стороны къ миру. Выстрѣлы послѣдовали одновременно, причемъ гр. Ржевускій раненъ въ бедро правой ноги *).

Имѣетъ свою дуэльную хронику и наша литературная среда. Какъ извѣстно, въ другихъ странахъ (особенно во Франціи и Италіи) дуэль является очень обыкновеннымъ способомъ сведенія къ концу литературной, а иногда и политической полемики. Дерутся авторы пьесъ съ рецензентами, дерутся журналисты другъ съ другомъ, дерутся депутаты съ журналистами и депутаты разныхъ партій между собою. Можно сказать съ увѣренностью, что во Франціи нѣтъ выдающагося политическаго и литературнаго дѣятеля, у котораго не было бы нѣсколькихъ дуэлей. Кто не помнитъ еще и теперь дуэли Флоке съ ген. Буланже, когда штатская шпага депутата нанесла первый ударъ военной репутаціи блестящаго генерала. И еще недавно газеты сообщали въ отдѣлѣ курьезовъ остроумный отвѣтъ Пастера на вызовъ задорнаго Кассаньяка. Какъ вызванный и, значитъ, имѣющій право выбора оружія, Пастеръ предложилъ Кассаньяку американскую дуэль при посредствѣ двухъ кусковъ колбасы. Изъ нихъ одинъ былъ съ трихинами. Храбрый Кассаньякъ отказался.

У насъ дуэль въ литературной средѣ, къ счастію, большая рѣдкость. Заплативъ свою дань предразсудку «дуэльной чести» двумя геніальными жизнями въ первой половинѣ столѣтія, — наша среда относится къ этому обычаю съ разумнымъ пренебреженіемъ. И замѣчательно, что тамъ, гдѣ мы, писатели, являемся уступчивыми въ этомъ отношеніи, у насъ особенно часто является матеріалъ для водевиля, а не для драмы. Я помню случай, еще въ концѣ 70-тыхъ годовъ, когда московскій журналистъ вызывалъ петербургскаго, г. Полетику, но для этого звалъ своего противника непремѣнно въ Москву. Послѣдній, не отказываясь отъ дуэли, отвѣтилъ, что не видитъ причины для поѣздки, но что онъ готовъ служить своему противнику въ Петербургѣ. Отвѣтъ, повидимому, довольно резонный, хотя еще резоннѣе было бы, конечно, съ перваго же шага отвѣтить смѣхомъ на грозный вызовъ. Но московскій журналистъ воспользовался отвѣтомъ г. Полетики для того, чтобы, сидя въ Москвѣ, обвинять г. Полетику въ трусости. Такимъ образомъ, «московское сидѣніе» должно было символизировать высокое понятіе о чести, сидѣніе-же петербургское—обращалось въ символъ малодушія. Это, разумѣется, было уже совсѣмъ водевильно. Но тутъ въ душѣ г-на Полетики проснулся «бывшій военный». Выведенный изъ терпѣнія

*) «Новое Время». 1896, 19 іюля, № 7234.

джигитовкой своего противника на страницахъ московской газеты, онъ рѣшился выйти изъ «петербургскаго сидѣнія» и написалъ, а затѣмъ напечаталъ въ своей петербургской «Молвѣ», что готовъ на среднюю мѣру: ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, а въ Бологомъ, на серединѣ пути между двумя столицами. Это, повидимому, было опять очень резонно, но противникъ нашелъ вѣроятно, что разстояніе между московской храбростію и петербургской трусостію сократилось слишкомъ сильно, и дальнѣйшаго теченія это дѣло не имѣло.

Тогда-же въ Петербургѣ имѣла мѣсто трагическая дуэль Жохова съ Утинымъ. Не смотря на то, что оба ея участника—и убитый на повалъ Жоховъ, и недавно умершій Утинъ, уже сошли со сцены, мы всетаки не имѣемъ еще возможности говорить о подкладкѣ этой ужасной трагедіи, гдѣ смерть Жохова явилась случайной (Утинъ стрѣлялъ, не цѣлясь) развязкой запутаннѣйшихъ отношеній... Когда нибудь еще живые участники этой исторіи, вѣроятно, разскажутъ намъ ея подкладку и это будетъ исторія, необыкновенно характерная для того времени и для тѣхъ теченій, которыя тогда подымались и бродили въ обществѣ. Здѣсь же мы упоминаемъ объ этомъ эпизодѣ, наряду съ литературными дуэлями, лишь потому, что вся исторія разгрывалась въ литературно-адвокатской средѣ и на судѣ по поводу дуэли прошелъ цѣлый рядъ извѣстныхъ журналистовъ и писателей... Во всякомъ случаѣ и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, выстрѣлъ, даже удачный, ничего не разъяснилъ и никого не очистилъ. За смертію Жохова послѣдовало самоубійство г-жи Г., покушеніе на Утина со стороны ея сестры и наконецъ — самоубійство послѣдней. Говорили въ Петербургѣ, будто отецъ двухъ послѣднихъ жертвъ этой трагедіи поставилъ надъ ихъ могилой памятникъ съ надписью, гласившей, что онѣ жертвы «новыхъ вѣяній» русской жизни. Мнѣ кажется однако, что, пользуясь удачнымъ выраженіемъ г-на Михайловскаго по другому поводу,— было бы справедливѣе назвать ихъ жертвами «старыхъ вѣяній» и, между прочимъ, стараго предразсудка, будто вопросы чести рѣшаются удачнымъ прицѣломъ.

Чистая случайность,—выстрѣлъ безъ прицѣла,—придала этой исторіи, въ ея собственно дуэльной части, тотъ трагическій характеръ, который она приняла. Неизвѣстно, во что обратилась бы она, если-бы Утинъ захотѣлъ прицѣлиться... въ воздухъ. Во всякомъ случаѣ,—это исключеніе отнюдь не нарушаетъ правила и только еще ярче подтверждаетъ непригодность этого простого средства для рѣшенія запутанныхъ вопросовъ.

Совсѣмъ уже недавно мы имѣли нѣсколько случаевъ, гдѣ слово дуэль упоминалось въ журнальной средѣ. Братья Половцевы, возстановлявшіе честь при помощи «жестовъ съ палкой», утверждали, будто кто-то вызывалъ князя Мещерскаго и тотъ отказался. Князь Мещерскій, наоборотъ, утверждаетъ, что онъ не отказывался и призна-

етъ дуэль «между порядочными людьми». Наконецъ, настоя
уже водевиль съ дуэлью разыгрался въ Саратовѣ между журна
стомъ и обличеннымъ имъ адвокатомъ. Нѣкто г. Богуславскій когда
(оказывается, еще въ 1891 году) побилъ женщину. Фельетони
«Саратовскаго Дневника» г. Марковичъ сдѣлалъ въ газетѣ рѣзк
оцѣнку этого поступка, но при этомъ ошибся въ хронологіи: в
сто 1891 года перенесъ это событіе на 1895. Г. Богуславскій оск
бился и предпринялъ цѣлый рядъ дѣйствій, вызывающихъ по
жительное изумленіе полной своей нецелѣсообразностью. Пре
всего, онъ опровергаетъ неточность даты и даетъ какія-то объяс
нія въ частномъ совѣщаніи своихъ товарищей-адвокатовъ; сущно
его объясненій и рѣшеніе его товарищей остаются неизвѣстными. I
слѣ этого одинъ изъ товарищей г-на Богуславскаго, прис. повѣренн
г. Вучетичъ,—«нервный, пылкій, съ черногорскою впечатлительн
натурою», какъ самъ онъ характеризовалъ себя на судѣ, подаетъ г-
Богуславскому мысль о дуэли. И вотъ г. Богуславскій вызываетъ г-
Марковича. Г. Марковичъ отказывается. Это, конечно, очень х
рошо, если-бы Марковичъ отказался просто, такъ какъ, н
сомнѣнно, выстрѣлъ, хотя-бы самый удачный, не опровергае
факта. Но г. Марковичъ не просто отказывается, а сначала пр
нимаетъ вызовъ, потомъ отказывается и апеллируетъ къ тонча
шимъ соображеніямъ «дуэльнаго кодекса». По его мнѣнію,
Б-скій—человѣкъ опозоренный и онъ, г. Марковичъ, не будетъ
нимъ драться не потому, что это вообще безсмысленно, а пото
что г. Б-скій недостоинъ стать съ нимъ, г. Марковичемъ,
барьеру.

Пусть такъ. Г. Марковичъ отказался. Г. Кроарбонъ приводи
много случаевъ, когда одна изъ сторонъ въ подобномъ положен
кидаетъ перчатку, со словами: «примите, m-sieur, это мое дѣйст
за пощечину». Но у насъ такими тонкими символами довольствова
ся не желаютъ. И дѣйствительно, г. Богуславскій запасается содѣ
ствіемъ нѣкоего здоровеннаго верзилы и, подъ его прикрытіем
наноситъ г. Марковичу, на улицѣ, чувствительное оскорбленіе дѣ
ствіемъ. Общее негодованіе, послужившее отвѣтомъ на эту без
бразную расправу человѣка, побившаго женщину въ 1891 году
возстановляющаго свою честь побитіемъ журналиста въ 1895,
повидимому, могло доставить послѣднему полное удовлетвореніе. I
сожалѣнію, «шопотъ, хохотня глупцовъ» очевидно имѣютъ огромн
значеніе и въ глазахъ журналистовъ. Теперь г. Марковичъ в
зываетъ, въ свою очередь, г-на Богуславскаго. Для послѣдняго, р
зумѣется, наступаетъ теперь моментъ нравственнаго торжеств
Еще такъ недавно г. Марковичъ считалъ его недостойны
«стать у барьера», такъ какъ онъ побилъ женщину. Теперь о
прибавилъ къ этому побитіе журналиста и—сталъ совершенно д
стойнымъ высокой чести! «Скучная и неумная исторія!»—сове
шенно справедливо восклицалъ по этому поводу фельетонис

— — —

«Нижегородскаго Листка» *) у котораго я заимствую эти факты. Дѣйствительно, исторія неумная, лишенная всякой послѣдовательности и твердаго сознанія истиннаго достоинства. Дальнѣйшее переходитъ уже прямо въ водевиль. Сначала, по словамъ того-же автора, обѣ стороны пылаютъ жаждой крови. «Нервный, впечатлительный, съ черногорской натурой» г. Вучетичъ требуетъ (для другихъ!) дуэли прямо черезъ платокъ. Условія установлены менѣе кровожадныя. Оставалось цѣлить и стрѣлять. Но тутъ уже г. Богуславскій самъ является помѣхой близкой развязкѣ. Въ послѣднія минуты, онъ ставитъ еще одно условіе: съ послѣднимъ звукомъ выстрѣла—должны стихнуть и всѣ отголоски его некрасивой исторіи. Г. Марковичъ обязывается не писать объ ней ни слова, обязывается склонить къ тому-же своихъ товарищей по газетѣ. чуть не всю россійскую прессу. Совершенно понятно, что г. Марковичъ не могъ дать подобнаго обѣщанія и противники опять расходятся, опять начинается скучная и неумная канитель. «Прошу не щадить моей жизни!»—пишетъ своему секунданту г. Богуславскій. Г. Марковичъ, «стоя у барьера», зоветъ на смертный бой не только уже г. Богуславскаго, но и его секундантовъ (въ томъ числѣ пылкаго, съ черногорской натурой г. Вучетича?),—но водевильная струя оказывается явно болѣе сильной, чѣмъ струя трагическая,—и вотъ все дѣло, со всей воинственной компаніей, самымъ прозаическимъ образомъ плыветъ къ мировому такого-то участка гор. Саратова.

Въ этомъ своемъ фазисѣ оно сначала заинтересовало всю поволжскую прессу. Защищать прис. повѣреннаго Богуславскаго явился г. Плевако и дѣло принимало характеръ борьбы «на почвѣ чести» мѣстной адвокатуры съ мѣстною прессой. Къ чести саратовской адвокатуры—она поторопилась устранить этотъ элементъ въ курьезномъ дѣлѣ. Въ письмѣ на имя г. Плевако, напечатанномъ въ газетахъ, мѣстные присяжные повѣренные просили его разсматривать вопросъ, какъ чисто личное столкновеніе, такъ какъ, очевидно, поступки г-на Б., побившаго женщину въ 1891 году и журналиста въ 1895—отнюдь не могли касаться его товарищей, никого, ни въ какомъ году не бившихъ. Подписавшіеся подъ письмомъ категорически заявляли, что они «во всякомъ случаѣ категорически отрицаютъ свою солидарность съ тою формой, которую обвиняемый избралъ для сведенія своихъ счетовъ съ лицомъ, которое теперь является его обвинителемъ».

Такимъ образомъ, всѣ эффекты понемногу облетали съ этого дѣла. Къ сожалѣнію, г. Марковичъ въ своемъ послѣднемъ словѣ зачѣмъ-то самъ заявлялъ о томъ, какъ, «стоя у барьера», онъ вызывалъ на бой секундантовъ. Очевидно, эта чисто юнкерская бутада журналиста ничего не добавила къ его «достоинству» въ этомъ дѣлѣ. Правдивость и мужество своего мнѣнія—лучшая

*) Ниж. Листокъ, № 106, 1896 года.

форма мужества, которой общество въ правѣ требовать отъ представителя печати. Между тѣмъ на пути отъ своей замѣтки до камеры мирового судьи саратовскій журналистъ, къ сожалѣнію, проявилъ только колебанія и непослѣдовательность, которыя отнюдь не способствуютъ поддержанію достоинства въ этомъ единственно-важномъ отношенія.

Все это, наконецъ, приняло форму окончательнаго водевиля, когда судъ, выйдя для объявленія приговора, засталъ противниковъ помирившимися. Г. Плевако заявилъ суду, что его довѣритель г. Б.—«въ выраженіяхъ, которыя г. Марковичъ призналъ достаточными, сознавъ тотъ *грѣхъ*, который онъ въ 1891 г. позволилъ себѣ по отношенію къ г-жѣ Г-нъ и который былъ единственной причиной и поводомъ для г. Марковича въ 1895 г. такъ отнестись къ г-ну Богуславскому. Тогда и г. Марковичъ заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ прекращенія этого дѣла въ судѣ».

Г. Богуславскому, очевидно, слѣдовало начать съ того, чѣмъ онъ кончилъ, увы! и г. Марковичу тоже слѣдовало кончить, какъ онъ начиналъ, т. е. отказаться отъ дуэли, мужественно и прямо, не прикрываясь никакими измышленіями изъ дуэльнаго кодекса. Къ счастію, у насъ есть примѣръ такого именно мужества въ той же области и изъ той-же журнальной среды. Это примѣръ г-на Меньшикова, который подъ направленнымъ на него дуломъ револьвера съ достоинствомъ отвергъ всякую мысль о дуэли. Онъ проявилъ именно то мужество, котораго слѣдуетъ ожидать отъ всякаго убѣжденнаго человѣка; мужество физическое въ виду возможнаго выстрѣла, и мужество своего мнѣнія. Къ сожалѣнію, далеко не вся пресса оцѣнила ту услугу, которую г-нъ Меньшиковъ оказалъ ея достоинству своимъ поведеніемъ въ этомъ случаѣ *).

Теперь намъ приходится остановиться еще на нѣсколькихъ фактахъ, которые особенно ярко рисуютъ нѣкоторыя любопытныя стороны разсматриваемаго явленія. Мы видѣли уже выше, что сами участники дуэли по большей части вовсе ея не желаютъ; въ одномъ случаѣ оскорбленный, по выраженію корреспондента, «долго упирался» и пошелъ къ барьеру, какъ человѣкъ, неохотно исполняющій распоряженіе начальства. Въ другомъ два участника пассивно ждутъ рѣшенія въ теченіе недѣли, въ третьемъ одинъ изъ участниковъ впередъ заявляетъ, что стрѣлять не будетъ, и гибнетъ въ качествѣ простой мишени для чужого выстрѣла... Читатель, вѣроятно, согласится, что все это—довольно неожиданные результаты попытки «регулировать дуэли». Но особенно яркій и поучительный примѣръ этого рода имѣлъ мѣсто въ концѣ 1895 года въ

*) Въ апрѣлѣ прошлаго 1896 года газеты сообщали о вызовѣ, который былъ посланъ редактору «Одесскихъ Новостей» г. Старкову во время его пребыванія въ Елисаветградѣ. Вызывалъ запасный поручикъ г-нъ Тромбецкій черезъ князя Эристова и бар. Будберга. Впрочемъ, дѣло уладилось мирнымъ путемъ (Кіевское Слово.—Ниж. Лист., 1896, № 113).

Оренбургѣ. «Въ среду, 13 декабря,—писали изъ этого города въ «Новое Время»,—здѣсь состоялась дуэль на пистолетахъ между сотникомъ оренбургскаго казачьяго войска г. И. и подпоручикомъ запаса арміи, г. В. Дуэль вызвала большіе толки, въ особенности потому, что дравшіеся состояли въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Но вотъ, вечеромъ, еще 27 іюля 1894 года, подпоручикъ В. пришелъ въ нетрезвомъ видѣ въ помѣщающійся на берегу рѣки Урала вокзалъ Бѣлова, гдѣ присоединился къ компаніи своихъ молодыхъ товарищей-офицеровъ. Уже поздно вечеромъ у подвыпившаго В. завязался крупный разговоръ съ кѣмъ то изъ штатскихъ посѣтителей ресторана... Это, конечно, не понравилось хозяину, у котораго по этому поводу возникло съ подпоручикомъ В. довольно раздраженное объясненіе. Тогда подпоручикъ, взбѣшенный до послѣдней степени... кинулся на содержателя ресторана. Видя, что готово случиться страшное несчастіе, сотникъ И. кинулся къ своему обезумѣвшему товарищу со словами: «Сережа, ради Бога, оставь!» Тогда В., повидимому, взбѣшенный до потери разсудка и уже не отдававшій себѣ полнаго отчета въ своихъ поступкахъ... ударилъ сотника И. «Всѣ точно замерли, — продолжаетъ корреспондентъ,—а черезъ нѣсколько секундъ В. разрыдался и кинулся къ И. съ мольбой о прощеніи. Вскорѣ послѣ этого онъ поступилъ въ лазаретъ, гдѣ доктора почти единогласно признали, что онъ въ послѣднее время былъ въ ненормальномъ состояніи».

Надо думать, что это было именно такъ; состоялся военный судъ,—и послѣдствія этой исторіи для г-на В. сказались лишь въ томъ, что онъ «добровольно подалъ въ отставку». Сколько намъ извѣстно, военные законы знаютъ мало преступленій, равныхъ вооруженному нападенію защитниковъ отечества на своихъ мирныхъ согражданъ, и, значитъ, мягкій приговоръ суда, очевидно, объясняется признаніемъ «невмѣняемости». А если такъ, то, очевидно, и ударъ, нанесенный товарищу,—нанесенъ въ такомъ-же состояніи. Сотникъ И., защищая безоружнаго человѣка отъ вооруженнаго нападенія безумца, исполнялъ лишь долгъ присяги, совѣсти и чести, и, очевидно, его поступкомъ можетъ лишь гордиться среда, къ которой онъ принадлежитъ. Но... тутъ опять выступаетъ одна изъ неожиданностей въ разсматриваемой нами области... «По городу и въ офицерской средѣ—продолжаетъ корреспондентъ,—начали носиться слухи, будто для сотника И. (какъ обезчещеннаго ударомъ невмѣняемаго человѣка!) единственнымъ приличнымъ выходомъ является дуэль, въ противномъ случаѣ должно послѣдовать отчисленіе его по войску» *). Корреспондентъ другой газеты говоритъ прямо, что г. И. «было сказано ясно и категорично, что его нравственная обязанность—потребовать удовлетворенія» **). И

*) Нов. Вр., - цит. изъ Нижегор. Листка, 1895, № 352.
**) Сам. Газета, № 274.

вотъ, хотя многіе благоразумные люди не хотѣли и вѣрить въ можность дуэли, такъ какъ В. извинился, такъ какъ, наконец признанъ невмѣняемымъ, а поступки сумасшедшихъ и изступленн не могутъ быть оскорбительными,—тѣмъ не менѣе исторія т лась, В. и И. продолжали оставаться друзьями, а вопросъ рѣш всетаки за нихъ. Черезъ 1/2 года, наконецъ, И., такъ сказать обязанности службы, вынужденъ былъ подать рапортъ и «про позволенія» драться съ И. Дуэль состоялась за городомъ; со ринными пистолетами (лучшихъ не достали) противники стал 20 шагахъ. Когда разсѣялся дымъ выстрѣла, подпоручикъ В. жалъ на снѣгу, съ ногой, пробитой выше колѣна. Сотник стрѣлялъ, не цѣлясь.

Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ специфическими понят о «чести». Къ сожалѣнію, въ послѣднее время, приходится особ часто встрѣчаться съ извѣстіями, отмѣчающими ту легкость какой военные люди прибѣгаютъ къ оружію.

Все это невольно наводитъ на очень серьезныя размышле Чувство чести, заставляющее всякаго оберегать свое личное стоинство, какъ онъ его понимаетъ, есть несомнѣнно чувство чтенное и совершенно необходимое въ личномъ и общественн обиходѣ. Нужно только, чтобы это было здоровое чувство.

Здоровый человѣкъ не сознаетъ въ каждую данную минуту, онъ именно здоровъ и не станетъ выставлять этого на видъ дому встрѣчному и поперечному. Онъ просто здоровъ, и это о жается во всѣхъ его движеніяхъ, взглядахъ, поступкахъ, нап ленныхъ на обычныя житейскія дѣла, къ его здоровью ника отношенія не имѣющія. Совершенно наоборотъ: если вы вид что человѣкъ ко всѣмъ своимъ предпріятіямъ примѣшиваетъ просъ о своемъ здоровьи, то вы съ полнымъ основаніемъ тот же усомнитесь въ томъ самомъ, въ чемъ онъ старается васъ рить. А если, при этомъ, онъ еще непрестанно станетъ прини соотвѣтствующія мѣры, направленныя къ поддержанію здоровья ваше сомнѣніе перейдетъ въ полную увѣренность въ противн

То же нужно сказать и о здоровой чести. Она, прежде во сдержанна. Она просто проникаетъ извѣстнымъ оттѣнкомъ всѣ ствія и поступки даннаго человѣка, какъ особый душевный т котораго нѣтъ надобности выдѣлять въ каждую данную ми изъ общаго душевнаго строя. Въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ серьезныя обстоятельства, она проявится сама собо тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чувство глубже, разумнѣе и сдержаннѣе.

Но такъ же, какъ есть субъекты, иллюстрирующіе свое здоро предохранительными пластырями на самыхъ видныхъ мѣстах такъ есть и люди, носящіе свою честь, такъ сказать, обнажен и у всѣхъ на виду. Они проносятъ ее черезъ толпу, какъ н драгоцѣнный ковчегъ, зорко и ежеминутно оглядываясь, не за ли кто, хотя бы нечаянно, ихъ хрупкаго сокровища. Это л

по большей части, чрезвычайно непріятные, а иногда и очень опасные. Если такой субъектъ входитъ въ собраніе—онъ прежде всего пронизываетъ васъ надменно-подозрительнымъ взглядомъ: не намѣрены ли вы посягнуть на его достоинство. Если вы отвѣтили взглядомъ невольнаго удивленія—человѣкъ съ больною честью уже вспыхнулъ. Если вы отвернулись равнодушно,—ему это покажется пренебреженіемъ, если вы продолжаете прерванный разговоръ съ сосѣдомъ,—онъ заподозритъ, что рѣчь идетъ о немъ. Если, наконецъ, придраться будетъ не къ чему,—то нестерпимый зудъ больной чести заставитъ его перейти въ наступленіе. Какъ нѣкогда рыцари ставили вензель своей возлюбленной среди другихъ и провозглашали, что никто другой не любитъ столь превосходной красавицы и что возлюбленныя остальныхъ рыцарей, которыхъ онъ даже не знаетъ, не стоятъ и ея ногтя,—такъ человѣкъ съ больной честью сунетъ вамъ подъ носъ свой ковчежецъ и потребуетъ преклоненія: это значитъ, что его честь много превосходнѣе вашей. Если при этомъ носитель этого ковчега обладаетъ здоровыми кулаками, умѣетъ фехтовать и попадаетъ изъ пистолета въ туза,—то типъ бреттера совершенно готовъ. Гордый своими физическими атрибутами, съ выпяченной и болѣзненно-гипертрофированной «честью», онъ ходитъ по свѣту, готовый во всякое время къ нападенію и защитѣ, съ девизомъ Тита Титыча Брускова: кто меня можетъ оскорбить. Я самъ оскорблю всякаго!

Этими колоритными фигурами была прежде очень богата наша жизнь, еще не освобожденная отъ крѣпостного права. Это и понятно: рабство одной стороны роковымъ образомъ отражалось на другой: слишкомъ вогнутая на одной сторонѣ — россійская честь выпячивалась на оборотѣ медали. Во второй половинѣ столѣтія этотъ несносный и въ сущности презрѣнный типъ какъ-то стушевался. Въ послѣднее время онъ выступаетъ опять выпукло и ярко. Чѣмъ объяснить это странное обстоятельство? Значитъ ли это, что общій уровень русской личности опять понижается? Хочется думать, что нѣтъ. Очень можетъ быть, что бреттеровъ въ послѣднее время стало нѣсколько больше, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ теченій нашей жизни послѣдняго періода. Но, кромѣ того, и мы стали чутче къ такого рода явленіямъ. Такъ это или иначе,—результатъ одинъ: больная честь доставляетъ серьезное безпокойство и вызываетъ справедливое волненіе.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе неясности и непродуманности нашихъ собственныхъ взглядовъ, это раздраженіе остается тоже нездоровымъ и безплоднымъ, и порой наше общество, даже читающее, даже мыслящее, даже культурное, дѣйствительно уподобляется какому-то глухому лѣсу, въ которомъ разыгрываются самыя удивительныя происшествія.

Такую именно изумительную картину развертываетъ передъ нами дѣло, которое m-sieur Croarbon-avocat могъ бы озаглавить:

affaire Schischkine-Pavlovsky, но передъ которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, стали бы въ тупикъ всѣ авторы всѣхъ кодексовъ чести, собранные воедино.

Начинается это дѣло еще съ 1894 года; а въ маѣ 1895 г. «корнетъ запаса арміи» г-нъ Павловскій уже предложилъ его на судъ общественнаго мнѣнія, напечатавъ въ «Одесскомъ Листкѣ» письмо подъ заглавіемъ: «Исторія одной несостоявшейся дуэли». Въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ, съ какой-то подозрительной осторожностью избѣгая подробностей, что въ маѣ 1894 года землевладѣлецъ Елисаветградскаго уѣзда А. К. Шишкинъ, нанесъ ему грубое оскорбленіе, которое, по элементарнымъ правиламъ чести, остаться безнаказаннымъ не можетъ. Между тѣмъ, г. Шишкинъ отказывается дать ему удовлетвореніе и всѣми мѣрами избѣгаетъ дуэли. Правда, въ письмѣ упоминалось глухо, что самъ г. Павловскій, «защищаясь отъ (какой-то) остервенѣлой толпы, произвелъ выстрѣлъ», проглядывало еще что-то странное и непонятное,—тѣмъ не менѣе газета напечатала письмо, другія газеты его перепечатали, и вотъ имя г. Павловскаго всплываетъ на поверхность нѣкоторой всероссійской извѣстности, въ качествѣ рыцаря чести, апеллирующаго къ общественному мнѣнію.

Г. Шишкинъ отвѣтилъ на это письмо, и въ этомъ отвѣтѣ, нужно сказать, впослѣдствіи не только вполнѣ подтвержденномъ данными суда и слѣдствія, но еще значительно усиленномъ не въ пользу г. Павловскаго—передъ нами встала слѣдующая поистинѣ изумительная картина нравовъ, которую мы и изображаемъ здѣсь на основаніи совокупности оглашенныхъ обстоятельствъ.

24 апрѣля 1894 года, въ Елисаветградѣ, г.г. Дмитріевъ, Стенбокъ-Ферморъ и другія лица, т. е. цѣлая компанія штатскихъ людей съ дамами, возвратясь изъ театра въ гостинницу «Маріани» (гдѣ они остановились, на время пріѣхавъ изъ деревни), намѣревались поужинать въ общей комнатѣ, пока имъ подадутъ лошадей. Въ этой компаніи находился и землевладѣлецъ А. К. Шишкинъ съ женой. Пришедшіе скромно заняли отдѣльный столикъ, не ожидая, разумѣется, никакихъ непріятностей.

На несчастіе, оказалось, что за другимъ столомъ сидѣла компанія офицеровъ, и въ томъ числѣ г. Павловскій (нынѣ, кажется именно вслѣдствіе этого дѣла, — только «корнетъ запаса арміи»). Такимъ образомъ, судьба сводитъ въ одной залѣ двухъ героевъ будущей громкой драмы, г-на Шишкина и г-на Павловскаго. Необходимая ремарка, — сдѣланная судебнымъ репортеромъ «Одесскаго Листка» и свидѣтелями: г. Шишкинъ—молодой худощавый брюнетъ, держится скромно, выдающимися физическими достоинствами не обладаетъ, занимается сельскимъ хозяйствомъ, женатъ, имѣетъ трехъ дѣтей. Г. Павловскій—невысокій коренастый мужчина, съ признаками огромной мускульной силы. «Говоритъ онъ съ усиліемъ, какъ бы выдавливая изъ себя фразы и дѣлая большія паузы», — зато

ударомъ кулака сшибаетъ двери съ петель, отлично фехтуетъ и стрѣляетъ безъ промаха. Въ Елисаветградѣ извѣстенъ многими похожденіями самаго опаснаго для мирныхъ обывателей свойства и вѣчно готовъ превознести честь свою и «честь своего мундира» насчетъ всякой другой чести любого изъ мирныхъ обывателей.

Въ данную минуту, кромѣ всего прочаго, г. Павловскій сильно пьянъ. И вотъ, едва мирная компанія штатскихъ людей *съ дамами* заняла свои мѣста, какъ изъ-за стола, занятаго офицерами, послышалась, *грубая, непечатная брань*. Это ругался г. Павловскій, будущій апелляторъ къ общественному мнѣнію по вопросамъ чести.

Что оставалось дѣлать мирной компаніи? Разумѣется, господа встали изъ-за стола, подали руки дамамъ и ушли къ себѣ въ номеръ. По нѣкоторымъ «правиламъ чести» они могли себя считать глубоко оскорбленными и потребовать удовлетворенія у грубіяна. Есть даже такія тонкія правила, согласно которымъ товарищи г-на Павловскаго, въ компаніи которыхъ онъ позволилъ себѣ такое поведеніе въ присутствіи дамъ,—должны бы счесть себя оскорбленными прежде всего и всего больше. Но... мы не станемъ входить въ эти тонкости. По здравому смыслу слѣдовало поступить именно такъ, какъ поступила компанія,—предоставить г-ну Павловскому свободное поле для его понятій о порядочности и чести.

Однако, и это оказывается нелегко. «Что, испугались»?—иронически провожаетъ г. Павловскій уходящихъ, но затѣмъ находитъ, что, въ сущности, его оскорбили. Ему слишкомъ рѣзко дали понять, что онъ не достоинъ находиться въ обществѣ порядочныхъ женщинъ. Очевидно, специфическія понятія о чести требуютъ, чтобы дамы смиренно выслушивали «тѣ спеціально русскія слова», которыя, по словамъ г-на Куперника (повѣренный со стороны Павловскаго), составляютъ у насъ такое обыкновенное явленіе и которыя «русскій человѣкъ такъ легко произноситъ въ пьяномъ видѣ». И вотъ г. Павловскій чувствуетъ себя оскорбленнымъ и немедленно открываетъ военныя дѣйствія, причемъ его компанія немедленно-же разсѣивается.

Мы понимаемъ этихъ молодыхъ людей. Правда, въ обыкновенныхъ условіяхъ они и обязаны были-бы, и, пожалуй, могли-бы сдержать своего расходившагося товарища, но г. Павловскій силачъ, но г. Павловскій «защищаетъ честь», но г. Павловскій вооруженъ револьверомъ; наконецъ, мы видѣли въ дѣлѣ сотника И. и подпоручика В.—къ чему порой ведетъ такое заступничество: къ необходимости дуэли, а дуэль съ г. Павловскимъ, завѣдомымъ бреттеромъ, никому нравиться не можетъ. И вотъ, товарищи г-на Павловскаго удаляются «съ поля чести» по добру, по здорову.

Г. Шишкинъ не успѣлъ еще дойти со своими дамами до номера, какъ его въ коридорѣ догоняетъ г-нъ Вальчевскій и предупреждаетъ о томъ, что г. Павловскій человѣкъ очень опасный, что онъ извѣстенъ съ этой стороны всему городу и что необходимо тотчасъ

же запереть двери номера, такъ какъ онъ несомнѣнно атакуетъ компанію, не стѣсняясь присутствіемъ дамъ. Всего-же лучше дамъ удалить поскорѣе. *Дамъ удаляютъ въ окно!*

Между тѣмъ, Павловскому въ руки попался уже гр. Стенбокъ-Ферморъ, котораго онъ избиваетъ, вырываетъ клокъ бороды и, по нѣкоторымъ показаніямъ, наноситъ ударъ шашкой. Еще минута, и г. Павловскій начинаетъ громить запертую дверь.

Что оставалось дѣлать? Г. Шишкинъ призываетъ своихъ конюховъ и, когда г. Павловскій кидается на него съ револьверомъ,—велитъ связать его. Г. Павловскій производитъ выстрѣлъ, пуля пролетаетъ мимо, а затѣмъ наступаетъ свалка. Конюхи остаются побѣдителями. Разумѣется, г. Павловскій пускаетъ въ ходъ свои дюжіе кулаки, разумѣется, также и конюхи не соображаютъ своихъ движеній ни съ какими кодексами чести. Свалка выходитъ довольно безобразная. Является полиція, составляется протоколъ, дѣло поступаетъ къ слѣдователю.

Г-ну Павловскому грозитъ не шуточное дѣло. Онъ не въ состояніи отрицать всего, описаннаго выше, наоборотъ, самъ вынужденъ признать (письменно), что былъ сильно пьянъ, что совершалъ поступки, которыхъ слѣдуетъ стыдиться *); выстрѣлъ тоже установленъ. Но... тутъ начинаются обычныя старанія «замять дѣло». Къ г. Шишкину и Стенбокъ-Фермору является опять тотъ-же г. Вальчевскій, родственникъ г-на Павловскаго, и проситъ измѣнить показанія въ пользу раскаявшагося молодого человѣка, которому грозитъ судъ. Тотъ, въ свою очередь, даетъ *честное слово* не безпокоить болѣе ни г-на Шишкина, ни его пріятелей и впослѣдствіи неоднократно подтверждаетъ это честное слово письменно. И гг. Шишкинъ, и гр. Стенбокъ-Ферморъ соглашаются и измѣняютъ свои показанія. Власти тоже соглашаются, — и громкое, всему городу извѣстное дѣло замято! Эта *ложь*,— говорилъ впослѣдствіи защитникъ интересовъ Павловскаго, г-нъ Куперникъ,—является узломъ всего дальнѣйшаго. Это совершенно вѣрно. Эта ложь совершенно непростительна, эта ложь показываетъ, что для гг. Шишкина и Стенбокъ-Фермора, какъ для истинно-русскихъ людей, свое «спокойствіе» дороже достоинства и безопасности своей лично, своихъ женъ или сестеръ, наконецъ, своихъ согражданъ, на которыхъ завтра же «прощенный молодой человѣкъ» можетъ произвести такое же нападеніе. Эта ложь показываетъ, что мы слишкомъ мало возмущаемся самыми безобразными посягательствами на такія вещи, какъ наша честь и достоин-

*) Показанія г-на Павловскаго, читанныя по требованію защиты г-на Шишкина, на судѣ: «Я былъ такъ пьянъ, въ такомъ отуманенномъ состояніи, что ничего почти не помню». Далѣе: «Я не помню, чтобы они—Шишкинъ и Ферморъ— меня чѣмъ либо оскорбили, что бы вызвало съ моей стороны покушеніе на убійство». И еще: «Я самъ душевно страдаю за все происшедшее и сожалѣю о немъ». (Листъ 18 прекращеннаго дѣла.«Одесскій Листокъ»№ 308).

ство, что наше «благодушіе» порой граничитъ съ истинной распущенностью и совершеннымъ малодушіемъ.

Какъ-бы то ни было,—«дѣло замято», и г. Павловскій тотчасъ-же принимается за старое. Его зудящая честь опять не даетъ ему покоя. Г. Куперникъ, адвокатъ г-на Павловскаго, такъ комментируетъ тотъ своеобразный процессъ, который происходитъ въ душѣ оскорбленнаго корнета. Дѣло бы кончилось этимъ,—говоритъ адвокатъ, если бы г. Шишкинъ лично подрался съ г-мъ Павловскимъ въ гостинницѣ Маріани (иначе сказать, далъ бы себя избить, какъ гр. Стенбокъ-Ферморъ, человѣку, съ трудомъ выдавливающему слова, но вышибающему кулакомъ дверь съ петель). Но, вспоминая впослѣдствіи эту исторію, г-нъ Павловскій не могъ переварить, что *его ударилъ не такой-же дворянинъ*, (это право замѣчательно!), а конюхи, которые его вязали и били *). «Такое состояніе» кажется г-ну Купернику совершенно понятнымъ, и въ такомъ-то состояніи г-нъ Шишкинъ обращается за совѣтомъ къ товарищу, тоже корнету, Бѣлехову. Послѣдній, въ качествѣ эксперта по этому тонкому вопросу, даетъ г-ну Павловскому компетентные совѣты. Да, честь г-на Павловскаго требуетъ вызова во что бы то ни стало. Но онъ далъ *честное слово* («не безпокоить» болѣе г-на Шишкина!), — о, это совершенные пустяки въ дѣлахъ чести! Вмѣсто г. Павловскаго вызовъ сдѣлаетъ добрый товарищъ. И вотъ, передъ мирнымъ г-мъ Шишкинымъ, солгавшимъ, чтобы выгородить г-на Павловскаго отъ отвѣтственности, а себѣ обезпечить спокойствіе—стоитъ новый воинъ: незнакомый ему корнетъ, обманнымъ образомъ попросившій свиданія, требуетъ дуэли съ нимъ лично! Тогда мирный г. Шишкинъ предпочитаетъ вернуть Павловскому его «честное слово», которое онъ все равно нарушилъ самымъ казуистическимъ образомъ.

Съ этихъ поръ начинается настоящая травля. Г. Павловскій печатаетъ письмо въ одесскихъ газетахъ **). («Исторія несостоявшейся дуэли»), г. Шишкинъ ему отвѣчаетъ, разъясняя всю безобразную подкладку этого «дѣла чести». Газеты перепечатываютъ и то, и другое письмо, и съ этихъ поръ травля принимаетъ характеръ нѣкоего всероссійскаго зрѣлища. «Узнавъ,—пишетъ г. Павловскій,—что онъ (Шишкинъ) находится въ Одессѣ,—я отправляюсь туда, но онъ уѣхалъ въ Москву. Я за нимъ въ Москву,—онъ наканунѣ выбылъ въ имѣніе... Десять мѣсяцевъ (!) я по пятамъ слѣдую за моимъ обидчикомъ (?!), но онъ ускользаетъ». Итакъ, цѣлыхъ десять мѣсяцевъ и на виду всей Россіи длится эта изумительная исторія. Теперь, перечитывая эти письма въ столичныхъ газетахъ, я съ трудомъ вѣрю своимъ глазамъ: никакихъ комментаріевъ, точно эхо повторяетъ два голоса въ дремучемъ

*) Одесскій Листокъ, № 308.

**) См. «Одесскій Листокъ», «Нов. Вр.» 1895 г. № 6905 и др.

лѣсу! Г-нъ Шишкинъ, измученный и уставшій, идетъ на всевозможныя уступки, готовъ принести даже извиненіе (въ томъ, что не далъ себя избить сильнѣйшему и вооруженному скандалисту!), но г. Павловскій неумолимъ; онъ соглашается «простить» своего оскорбителя только подъ условіемъ, что тотъ дастъ 25 тысячъ рублей въ его распоряженіе или «подвергнется 25 ударамъ въ присутствіи корреспондентовъ!» На предложеніе третейскаго суда онъ согласенъ, но съ тѣмъ, что самъ назначитъ судей!

Г-ну Шишкину остается только вооружиться револьверомъ и расчитывать на свою бдительность: всѣ общественныя собранія теперь для него—опасный лѣсъ, въ родѣ американскихъ льяносовъ, гдѣ изъ-за каждаго ствола ему грозитъ нападеніе. Въ Елисаветградѣ всѣ знаютъ, что Павловскій гоняется за Шишкинымъ, какъ охотникъ за дичью, и ждутъ, что будетъ. Такъ проходитъ еще болѣе года. 2-го февраля Шишкинъ отправляется въ многолюдное «благородное собраніе». За нимъ, по пятамъ слѣдуетъ Павловскій. Въ передней послѣдній натыкается на г. Воллета; на вопросъ, «здѣсь-ли Шишкинъ»,—тотъ отвѣчаетъ, что здѣсь и, быть можетъ, самъ отправляется смотрѣть интересное представленіе. Г. Шишкинъ стоялъ въ залѣ, у колонны, въ полъ оборота и смотрѣлъ на танцующихъ. Павловскій подошелъ къ нему, такъ что его не было видно, и внезапно нанесъ своимъ могучимъ кулакомъ ударъ по лицу, отъ котораго Шишкинъ свалился. Послѣ этого, самъ храбрецъ началъ поспѣшное отступленіе, закрываясь руками, споткнулся на стулъ и упалъ очень кстати, такъ какъ Шишкинъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ ему въ догонку два раза. Пуля миновала корнета Павловскаго и попала въ посторонняго человѣка, г-на Дунина-Жуховскаго, который оказался легко раненымъ, и слегка задѣла m-lle N. *).

7-го февраля 1896 года г. корнетъ Павловскій былъ судимъ по обвиненію въ нарушеніи общественной тишины и порядка. Мировой судья приговорилъ его къ 7-дневному аресту. Дѣло-же г-на Шишкина (о выстрѣлѣ) разбиралось въ концѣ ноября истекшаго года въ Елисаветградѣ. «Уже съ утра 20 ноября,—писали въ «Одесскомъ Листкѣ» (№ 307),—въ зданіе суда стала набираться многочисленная публика, привлеченная громкимъ процессомъ. Въ 9 часовъ двери открылись, и залъ суда наполнился публикой, «преимущественно элегантной», допускавшейся по билетамъ внизъ и безъ билетовъ, въ ограниченномъ числѣ, на хоры; впрочемъ, и внизу было много сверхкомплектныхъ слушателей, протиснувшихся въ залъ подъ чьимъ нибудь покровительствомъ». Очевидно, дѣло вызывало глубокій интересъ въ мѣстномъ обществѣ. Г. Павловскій явился въ качествѣ потерпѣвшаго и—гражданскаго истца. Мы

---

*) «Одесскій Листокъ», «Сам. Вѣстн». № 32, 1896, «Биржев. Вѣд.», № 43. Судебный отчетъ въ «Одесскомъ Листкѣ» и «Од. Новостяхъ».

видѣли, что онъ ранѣе требовалъ 25 тысячъ въ свое распоряженіе, но для благотворительныхъ учрежденій. Теперь онъ требуетъ ихъ уже прямо на свой профитъ, утверждая, что своимъ выстрѣломъ г. Шишкинъ на эту сумму «разстроилъ ему нервы». Держитъ онъ себя по военному, часто апеллируетъ къ офицерскому суду чести и даже предъявляетъ письмо, апробующее, такъ сказать, его притязанія къ злополучному противнику. Письмо это чрезвычайно любопытно: «Г. Серпецъ, Плоцкой губ., декабря 26 дня 1894 года. М. Г. Николай Абрамовичъ! Получивъ Ваше письмо отъ 24 декабря сего года, съ приложеніемъ документовъ о вашемъ дѣлѣ съ Шишкинымъ, я въ столь важномъ дѣлѣ не взялъ на себя безусловной иниціативы въ рѣшеніи и предложилъ гг. офицерамъ это дѣло на обсужденіе, которое и состоялось сегодня въ составѣ посредниковъ суда чести и пришло къ слѣдующему заключенію: *Вашъ вызовъ признали совершенно правильнымъ и на почвѣ чести законнымъ*. Дать-же Вамъ разрѣшеніе на дуэль мы не имѣемъ права: это право предоставлено вашему воинскому начальнику на основаніи приказа по военному вѣдомству 1894 г., № 118, § 5. Но, входя вполнѣ въ Ваше положеніе и понимая Ваше затрудненіе въ выборѣ секундантовъ, предоставляемъ Вамъ право на выборъ таковыхъ изъ нашей среды. Примите увѣреніе въ истинномъ къ Вамъ уваженіи и преданности. Е. Корбутъ».

Газеты передаютъ небольшой инцидентъ во время самаго засѣданія. Когда г. Павловскій, разсказывая объ ударѣ, подвинулся для большей наглядности, къ судебному приставу,—тотъ попятился въ испугѣ... Передъ судебными преніями г. Павловскій оставилъ залъ засѣданія.

Присяжные, послѣ минутнаго совѣщанія, вынесли оправдательный вердиктъ подсудимому, встрѣченный публикой съ громкимъ сочувствіемъ. Одесскія газеты тоже очень сочувственно цитируютъ рѣчь защитника подсудимаго Н. П. Карабчевскаго, покрытую въ судѣ громкими рукоплесканіями. «Право, господа,—сказалъ онъ между прочимъ,—чѣмъ-то невыразимо дикимъ вѣетъ отъ всей исторіи, къ которой такъ нелѣпо пристегнуты всѣ разговоры о чувствѣ чести, которое, однако, въ своемъ чистомъ видѣ всегда и прежде всего является лишь спутникомъ сознанія и въ себѣ, и въ другихъ истиннаго человѣческаго достоинства». Г. Карабчевскій ставилъ защиту на основаніи необходимой самообороны. Но,— предвидитъ онъ возраженіе,—мнѣ скажутъ, законъ допускаетъ необходимую самооборону при условіи, когда нельзя ожидать защиты, когда человѣкъ застигнутъ въ уединенномъ мѣстѣ, напримѣръ, въ лѣсу. Но развѣ, спрашиваетъ г. Карабчевскій, здѣсь былъ не живой лѣсъ безучастныхъ и равнодушныхъ людей, для которыхъ интересы и опасенія ближняго совершенно чужды. Развѣ не около 2-хъ лѣтъ на глазахъ всего города г. Павловскій безнаказанно занимался выслѣживаніемъ и травлей скромнаго и душевно изму-

ченнаго Шишкина. Развѣ послѣдній не обращался и къ «ближайшему», и къ болѣе высокому начальству съ просьбами обуздать г-на Павловскаго, защитить его отъ посягательствъ. Развѣ не всему городу были вѣдомы безнаказанныя и буйныя выходки г-на Павловскаго? Развѣ терпимо, въ сколько нибудь культурной странѣ, чтобы нравственная распущенность своеобразнаго трактирнаго бреттера держала въ осадѣ цѣлый городъ, цѣлый елисаветградскій уѣздъ? Въ клубъ проникаетъ господинъ, не снабженный даже входнымъ билетомъ, онъ врывается почти насильно. Въ толпѣ всѣ знаютъ, что онъ пробирается съ явно-враждебными намѣреніями по отношенію къ Шишкину, и никому до этого нѣтъ дѣла, никто не отрезвляетъ, не останавливаетъ, не выпроваживаетъ его. Какого дремучаго лѣса еще нужно!»...

Это громкое дѣло, длившееся въ своихъ характерныхъ перипетіяхъ болѣе 2-хъ лѣтъ и, къ сожалѣнію, обратившее слишкомъ мало вниманія въ столичной прессѣ,—освобождаетъ насъ отъ подробныхъ комментаріевъ. Оно, какъ нельзя лучше, само подводитъ окончательные итоги всему, разсказанному въ настоящей, быть можетъ, слишкомъ бѣглой замѣткѣ. Да, вопросъ о «дуэляхъ и чести» требуетъ, повидимому, самаго основательнаго пересмотра и регламентаціи. Но въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется въ послѣдніе годы—эта внезапно обострившаяся чуткость «россійской чести» даетъ по большей части самыя некрасивыя доказательства: никакая литературная сатира не скажетъ уже ничего болѣе краснорѣчиваго, чѣмъ этотъ, оглашенный безхитростными хроникерами, рядъ случаевъ, въ которыхъ, съ одной стороны, люди приводятся къ барьеру «мѣрами понужденія», а съ другой, разыгрывается на свободѣ самое безшабашное бреттерство, не видящее уже въ чести ничего—кромѣ обмѣна кулачныхъ ударовъ и выстрѣловъ.

Вл. Короленко.

На переписи.

(Въ Вяземской лаврѣ).

— Вы, баринъ, запишите меня беззземельной. Такъ и пишите: Боровичская, молъ, земли нѣту, міръ, молъ, надѣла не далъ...—подавая мнѣ въ передней пальто, не знаю ужъ въ который разъ проситъ меня моя кухарка.

— Ужъ я записалъ, Аннушка, все записалъ, успокоиваю я ее и спѣшу уѣхать.

Всѣмъ намъ, изъявившимъ желаніе принимать участіе въ переписи населенія Вяземской лавры и ночлежныхъ домовъ, велѣно было собраться въ 11 часовъ ночи въ мѣстный участокъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда въ двѣнадцать начать обходъ.

Было ровно одиннадцать, когда я пріѣхалъ, но въ обширной комнатѣ участка было уже биткомъ набито. Всѣ были очень оживлены, толпа шумѣла, перекликалась и острила. Больше всего виднѣлось студентовъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, много офицеровъ разныхъ родовъ оружія, было нѣсколько врачей, кое-кто изъ писателей.

Всѣхъ собравшихся въ участокъ для ночной переписи оказалось больше ста человѣкъ. Приходилось распредѣлять ихъ на группы соотвѣтственно отдѣльнымъ корпусамъ, изъ которыхъ состоитъ Вяземская лавра, и отдѣльнымъ этажамъ.

Шумъ и гамъ начались невообразимые.

— Николай Ѳедоровичъ!—насъ, пожалуйста, въ стеклянный корпусъ,—раздавалось изъ дальняго угла.

— И насъ, и насъ!—слышались голоса офицеровъ.

О томъ же просили студенты технологи. Всѣ придвинулись къ рѣшеткѣ, за которой съ нѣсколько удивленными и недоумѣвающими лицами стояло полицейское начальство участка.

Запыхавшійся, красный, съ съѣхавшимъ на бокъ галстухомъ, завѣдующій переписью не успѣвалъ записывать и отвѣчать на вопросы и просьбы и принужденъ былъ обратиться къ публикѣ съ маленькимъ увѣщаніемъ.

— Нельзя же, господа, всѣмъ въ стеклянный корпусъ. Да и потомъ, увѣряю васъ, и въ другихъ корпусахъ интересно: вотъ въ четвертныхъ баняхъ, маломъ полтороцкомъ *).

---

*) Вяземская лавра состоитъ изъ пяти корпусовъ: «Четвертныя бани», «Столярный», «Обуховскій», «Малый Полтороцкій», «Большой Полтороцкій» или «Стеклянный», называемый такъ по стекляннымъ рамамъ, вставленнымъ въ низкія полукруглыя арки, изъ которыхъ состоитъ одна стѣна корридора.

Публика должна была подчиниться, стало немножко потише. Я обратился къ сосѣдямъ за разъясненіями: почему всѣ такъ стремятся въ стеклянный корпусъ?

— Самый интересный, — отвѣтилъ мнѣ сосѣдъ офицеръ, — въ немъ ютятся самые подонки общества, проститутки низшаго разбора и вообще отчаянная голытьба.

— И жулики всѣ тамъ... вмѣшался студентъ съ веселымъ румянымъ лицомъ,—здѣсь нищіе и стрѣлки... — онъ назвалъ еще нѣсколько спеціальныхъ воровскихъ терминовъ, видимо щеголяя тѣмъ, что онъ вполнѣ въ курсѣ дѣла.

Изъ подъ моего локтя вынырнулъ маленькаго роста совсѣмъ юный господинъ въ штатскомъ.

— Только въ немъ еще и убиваютъ... торопливо говорилъ онъ.— Въ другихъ корпусахъ это давно вывелось. Я ужъ навѣрно знаю. Туда и ходить не стоитъ.

— Лейбъ-гвардіи... полкъ!—словно командуя отрядомъ войскъ громкимъ голосомъ кричитъ завѣдующій переписью.

Онъ начинаетъ переклúкать по фамиліямъ, слышится нѣсколько громкихъ фамилій.

— Здѣсь! Здѣсь!—откликаются офицеры.

— Нельзя-ли брата, Николай Ѳедоровичъ, включить,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—ему тоже хочется.

Распорядитель записалъ.

— Академія генеральнаго штаба!

— Саперный баталіонъ!

— Сборная офицерская группа!

— Группа технологовъ!

— Группа Иванцовскаго!

— Нижегородская группа!

Поочереди вызываетъ и записываетъ распорядитель.

Почти всѣ оказались на лицо и пришлось вписать еще нѣсколькихъ новыхъ добровольцевъ. Распредѣленіе послѣ долгихъ разговоровъ устроилось наконецъ.

Я вмѣстѣ съ гвардейскими офицерами и группой технологовъ попалъ въ нижній этажъ стекляннаго корпуса.

Суматоха усилилась. Зачисленные въ одинъ отрядъ собирались группами, завѣдующій переписью раздавалъ портфели, вопросные листы, карандаши, сторожъ разносилъ разрѣзанныя пополамъ стеариновыя свѣчи, другъ другу передавали спички.

Завѣдующій сказалъ нѣсколько словъ, видимо сильно повліявшихъ на публику, объ оскорбленіяхъ, съ которыми могутъ господа счетчики въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣтиться, о томъ тактѣ и деликатности, которыя особенно нужны въ такихъ мѣстахъ, какъ Вяземская лавра, о томъ, что не слѣдуетъ требовать именъ и фамилій у тѣхъ, кто не хочетъ ихъ говорить; разъяснилъ тѣ неопредѣ-

ленно составленныя графы вопросныхъ листовъ, которыя допускали различныя толкованія, и закончилъ короткимъ напутствіемъ:

— Съ богомъ, господа! Всякій отрядъ выбирайте старосту. Помните, входите по двое въ комнату—одинъ будетъ распрашивать, а другой записывать.

На улицѣ было пусто и тихо. Наша группа выстроилась впереди, попарно. Съ городовыми по бокамъ, съ полицейскими офицерами на правомъ и лѣвомъ флангѣ, съ околодочными, составлявшими аріеръ-гардъ, мы представляли довольно странное сборище людей, въ полночь, чуть не крадучись, идущихъ походомъ на мирно спавшихъ обывателей, и вѣроятно немного похожи были на охотниковъ, идущихъ облавой и боящихся раньше времени разбудить обложеннаго звѣря. И настроеніе у многихъ было немножко охотницкое, настороженное, подтянутое.

— Тише, господа,—останавливали другъ друга,—не нужно шума, подойдемъ сразу...

Ночью темный узкій дворъ, въ который мы вступили, желѣзныя ворота, рядъ длинныхъ корпусовъ, темныхъ, угрюмыхъ и ободранныхъ, какое-то особенное тревожное молчаніе—все это имѣло очень внушительный видъ. Длинный, низкій, съ сводчатымъ потолкомъ, тонущій вдали во мракѣ корридоръ; каменный, мокрый, скользкій полъ; глубокія ниши арокъ съ разбитыми стеклами, откуда дулъ холодный январскій петербургскій вѣтеръ; еле мерцающіе коегдѣ мутные фонари, толстыя грубыя двери съ неуклюже намалеванными цифрами номеровъ вверху—все это производило впечатлѣніе какой-то тюрьмы, можетъ быть, дѣйствительно, убогаго монастыря, гдѣ въ темнотѣ и холодѣ сидятъ запертые или запершіе самихъ себя люди, которые не нашли себѣ мѣста въ мірѣ, съ его свѣтомъ и весельемъ. Все молчало кругомъ. Было жутко и печально...

Вотъ загорѣлись свѣчки счетчиковъ и свѣтлыми точками разбѣжались по темному длинному корридору. Застучали въ двери кулаки городовыхъ и гулкое эхо понеслось по корридору.

Низкая небольшая комната; кругомъ, оставляя въ срединѣ узкій проходъ, идутъ деревянныя нары, на которыхъ плечо къ плечу лежатъ спящіе люди. Маленькая жестяная лампочка коптитъ и еле свѣтитъ. Крошечный деревянный столикъ и два табурета составляютъ всю мебель комнаты.

Было грязно, темно и душно, но, кто бывалъ въ настоящихъ трущобахъ, сразу увидѣлъ бы, что насъ ждали, что все было немножко прибрано, чуть подчищено, на сколько можно прибрать и подчистить это грязное логовище.

Въ перегородкѣ—дверь, ведущая въ маленькую комнатку, откуда выходитъ хозяйка квартиры, толстая баба съ жирнымъ заспаннымъ и, мнѣ показалось, полупьянымъ лицомъ. Я укрѣпляю свою свѣчку

на столикѣ и усаживаюсь на прислоненный къ перегородкѣ кривоногій табуретъ. Начался опросъ.

— Вы хозяйка?

— Я.

Начинаю разносить по рубрикамъ разныя свѣдѣнія. Оказывается, она «при мужѣ».

— Мужъ здѣсь?—спрашиваю я.

— Вонъ онъ тамъ, за перегородкой.

— Значитъ, онъ хозяинъ?—хочу исправить я запись.

— Ничего онъ не хозяинъ... Извѣстно мужъ. Я хозяйка.

Проснувшіеся жильцы подтвердили.

— Вѣрно, баринъ. Она хозяйка, а мужъ такъ... при ней.

«Живетъ сдачей угловъ (30 копѣекъ съ человѣка въ недѣлю) и приторговываетъ яйцами... Мужъ ходитъ въ поденщину, двое дѣтей».

— Дѣвченкѣ тринадцать, все говорятъ—къ портнихѣ отдай, а мнѣ жалко, пускай понѣжится,—грубое обрюзшее лицо на минуту освѣтилось ласковымъ выраженіемъ.

Я обращаюсь къ крайнему отъ окна жильцу, уже проснувшемуся и съ папиросой въ зубахъ разсматривавшему меня.

— Писарь... отвѣчаетъ на вопросъ о занятіи старый человѣкъ съ великолѣпными пушистыми сѣдыми баками,—дворянинъ, петербуржецъ...

Я распрашиваю, на мѣстѣ ли онъ, какія посторонія занятія. Онъ отвѣчаетъ уклончиво, въ общихъ выраженіяхъ.

— Вообще пишу... въ конторѣ, здѣсь же иногда занимаюсь, и такъ...

— Письма пишетъ, баринъ. Прошенія, по дѣламъ, букаги всякія,—вмѣшивается кто-то изъ публики.

Старикъ не возражаетъ и величественно качаетъ головой въ знакъ согласія.

Я замѣтилъ, что онъ нарочно при мнѣ вынулъ мундштукъ и вставилъ въ него папироску.

Поджавши подъ себя одну ногу, въ синихъ пестрядинныхъ штанахъ и въ грязной разорванной ситцевой рубашкѣ, онъ сидѣлъ въ свободной, непринужденной позѣ, курилъ изъ мундштука и вообще былъ очень импозантенъ.

— Какъ же васъ писать?—допытываюсь я у слѣдующаго—землей вы главное-то занимаетесь или бетонными работами? Какъ вы себя почитаете—петербургскій вы человѣкъ или деревенскій?

— Вотъ ужъ и не знаю...—Лысый съ коротко подстриженной бородой крестьянинъ сидѣлъ противъ меня и смотрѣлъ недоумѣвающими глазами, словно ему въ первый разъ въ такой рѣшительной формѣ всталъ вопросъ о своемъ мѣстѣ въ мірѣ и ему было такъ трудно разрѣшить его.

— Хожу въ деревню,—раздумчиво говорилъ онъ,—извѣстно свое мѣсто, тоже родня. Иной разъ сестрѣ подсобишь въ сѣнокосъ. Только

нѣтъ, землей-то не занимаюсь, сдаю надѣлъ пятый годъ. Да нѣтъ ужъ, баринъ, — рѣшительно говоритъ онъ: видно петербургскій. Пишите бетонщикъ...

— Какъ можно... отъ земли не отбиваюсь. Вотъ къ Христову празднику къ себѣ двинусь. На счетъ заработковъ здѣсь... бьюсь около пустого мѣста,—медленно растягивая слова говоритъ другой крестьянинъ. Земляки мы, тверскіе... указалъ онъ на хозяйку и лысаго сосѣда.

И борода, по деревенски не прибранная, и волосы, расчесанные по тамошнему, и манера говорить, и подслѣповатые мягкіе глаза— все меня убѣждаетъ, что онъ деревенскій человѣкъ.

— Только насчетъ луговъ тѣсно. Кабы намъ луга... Какъ можно. Озимя посѣяны, хозяйка въ деревнѣ, робята, скотина — воодушевляется онъ, но я не слушаю и перехожу къ слѣдующему.

Изъ за розовой полинялой занавѣски, отдѣляющей это ложе отъ другихъ, выглядываетъ бородатое лицо.

— Приторговываю,—говоритъ онъ. Такъ вообще... на улицахъ.

— Рамочки жестяныя къ картинкамъ да патретамъ дѣлаетъ,— поясняетъ за него кто-то.

— А это жена ваша?

Изъ за его спины выглядываетъ голое женское плечо и молодое пріятное лицо, съ любопытствомъ разсматривающее меня.

— Вродѣ какъ жена... пишете какъ знаете, восемь лѣтъ живемъ.

— Гляди, Спиря, девять,—поправляетъ его женщина.—Папиросница я,—обращается она ко мнѣ,—на табачной фабрикѣ работаю. И отчество пишете Степанова и фамилія,—отвѣчаетъ она на мой повторенный объ отчествѣ вопросъ.

— Незаконорожденная она. Какое у нея отчество? Ищи отцато, вѣтра въ полѣ,—поясняетъ хозяйка.

Слѣдующаго жильца долго толкали, пока добудились. Съ наръ поднялось еще молодое и должно быть когда-то очень красивое лицо, бритое, съ черными усами, распухшее отъ перепоя.

— Ну мѣщанинъ, ну православный, ну петербургскій,—бросалъ онъ мнѣ сердитыя короткія реплики.—И кой чортъ ихъ носитъ! Чего-то тутъ пишутъ, только бумагу портятъ! — ни къ кому не обращаясь, выговорилъ онъ.

Въ комнатѣ раздался сдержанный смѣхъ, лица оживились.

Я не отвѣчалъ и продолжалъ спрашивать тѣмъ же, какъ прежде, дѣловымъ тономъ.

— Ваше занятіе?

— Золотыхъ дѣлъ мастеръ,—неохотно буркнулъ онъ мнѣ.

— Отъ себя работаете или подмастерье?

— Подмастерье. Э, да все равно не поймете, — опять повышеннымъ тономъ заговорилъ онъ,—пишите: оптикъ. Прямо—оптикъ. Пенсне, очки, все прочее... И чортъ ихъ дери, пишутъ, только зря ночью людей булгачутъ,—закончилъ онъ, поваливаясь на нары.

Въ комнатѣ опять засмѣялись, и только одинъ робкій деревенскій голосъ выговорилъ:

— Можетъ, къ примѣру сказать, что насчетъ земли касаемое, ну и пишутъ...

— Земли касаемое! передразнилъ его снова сѣвшій оптикъ.—Дура! По сту цѣлковыхъ на брата и гармошка—вотъ что! Вѣрнѣе вѣрнаго... Только ходить-то не зачѣмъ, роздали-бы на руки и конецъ.

Деревенскій человѣкъ недовѣрчиво смотритъ на оптика и слабо улыбается, когда взрывъ хохота разрѣшилъ его недоумѣнія.

Облокотившись на локоть и не застегивая спуставшагося ворота ночной сорочки, отвѣчаетъ на мой вопросъ женщина, лежавшая рядомъ съ оптикомъ:

— По улицамъ шляюсь, вотъ мое и занятіе.

Мнѣ не хочется вѣрить, чтобы эта сорока двухъ лѣтняя женщина, выглядящая далеко за пятьдесятъ, старая и болѣзненная, придавала своимъ словамъ извѣстное значеніе, и я на минуту умолкаю, подыскивая наиболѣе деликатную форму вопроса.

— На небо смотритъ, дождикъ или ведро... подсказываетъ мнѣ оптикъ.

Въ квартирѣ опять смѣются.

— Проститутка—по вашему,—спокойно разъясняетъ женщина. По кухаркамъ раньше ходила.

Сосѣдомъ ея съ другой стороны оказался молоденькій безусый съ дѣвичьимъ лицомъ приказчикъ «по рыбной части», объяснившій, что онъ оплошалъ насчетъ одежи и теперь никуда съ предложеніемъ своихъ услугъ показаться не можетъ.

Послѣднимъ оказался вышедшій изъ-за занавѣски и вытянувшій руки по швамъ крѣпкій старикъ съ длинной сѣдой бородой.

— Въ портъ хожу. Работишку товарищи даютъ,—матросомъ я раньше служилъ.—Нѣтъ, не грузчикъ,—отвѣчаетъ онъ на мой вопросъ.—Шестьдесятъ восемь лѣтъ, баринъ, старой-то силы нѣту. А пока Богъ грѣхамъ терпитъ, кормимся со старухой.

Изъ за занавѣски смотрѣло сухое морщинистое лицо жены его, польки, семидесяти двухъ лѣтъ, показавшей, что она ходитъ по домамъ стирать бѣлье.

Я окончилъ перепись, извинился, что обезпокоилъ ночью, и нарочно медленно укладывалъ свои письменныя принадлежности. Мнѣ хотѣлось выяснить одну подробность.

Надъ моимъ столикомъ къ перегородкѣ были прибиты шесть образовъ—это были простыя лубочныя картинки Богородицы, Христа, святыхъ, оправленныя въ жестяныя рамочки со стеклами и увитыя вѣнками изъ грубыхъ яркихъ бумажныхъ цвѣтовъ. Предъ ними висѣло шесть лампадокъ разноцвѣтнаго стекла, одна изъ нихъ горѣла.

— Это общія лампадки,—спросилъ я, обращаясь къ хозяйкѣ,—или ваши?

— Нѣтъ, мои иконы у меня. Это всѣ стариковы.

— Ваши?—обратился я къ продолжавшему стоять на вытяжку старику-матросу.

— Такъ точно. Пока Господь пропитаніе даетъ, содержу. Мои ваше благородіе, всѣ мои и лампадки, и иконы. А онъ вотъ,—старикъ указалъ глазами на жестянника,—рамочками порадѣлъ...

Перепись приблизительно вездѣ происходила такимъ же образомъ. Кромѣ сердитаго оптика, никто не выражалъ никакого неудовольствія, и всѣ охотно отвѣчали на предложенные вопросы, причемъ въ обсужденіи затруднительныхъ вопросовъ обыкновенно принимала участіе вся квартира.

Недостаточно опредѣленные вопросные пункты давали очень много широкихъ толкованій и очень часто создавали эти затруднительные случаи. Таковъ былъ вопросъ о родномъ языкѣ: какой считать таковымъ, тотъ-ли воистину родной языкъ родины, національности и дѣтскихъ лѣтъ, или языкъ привычный для человѣка въ данное время, языкъ, на которомъ онъ говоритъ и думаетъ. Въ одномъ случаѣ я даже возбудилъ подозрѣніе.

Полька, уроженка царства польскаго, на вопросъ о родномъ языкѣ отвѣтила—русскій, а на вопросъ о вѣрѣ—католической.

Я не присутствовалъ на тѣхъ подробныхъ объясненіяхъ, которыя давались въ думѣ, и толковалъ, какъ оказалось потомъ, параграфъ о языкѣ невѣрно, въ первомъ смыслѣ.

— Вѣдь вы до двѣнадцати лѣтъ жили въ Польшѣ и говорили, разумѣется, по польски.

— По польски.

— Почему же теперь вы считаете роднымъ языкомъ русскій?

— Сорокъ лѣтъ живу въ Петербургѣ, забыла по своему.

Я предложилъ ей еще нѣсколько вопросовъ и въ заключеніе еще разъ спросилъ:

— Но вѣры вы всетаки римско-католической?

Она разсердилась и подозрительно посмотрѣла на меня.

— Что вы все — вѣра да вѣра. Языкъ забыла, а вѣру не забыла... Нашей вѣры, польской вѣры.

Еще болѣе обширное толкованіе допускалъ вопросъ о положеніи по воинской повинности. Чрезвычайно трудно было выяснить—кто ратникъ перваго ополченія, кто второго, кто въ запасѣ, и въ послѣдствіи мнѣ приходилось слышать, что многіе изъ офицеровъ занесли въ рубрику невѣрныя свѣдѣнія.

Было два-три случая побѣговъ и желанія скрыться изъ квартиры, какъ потомъ оказалось, изъ боязни вопроса о паспортѣ, но и съ ними—ихъ немедленно возвращали разставленные во всѣхъ выходахъ городовые—дѣло обходилось также просто и полюбовно.

Въ темномъ корридорѣ снова замелькали свѣчки счетчиковъ, окончившихъ перепись и стягивавшихся въ средину корридора, къ фонарю, у котораго стояло мѣстное начальство, окруженное толпой студентовъ и офицеровъ. На ходу обмѣнивались наблюденіями, острили.

— Представьте,—говорилъ молодой студентъ товарищамъ,—мнѣ попались двѣ институтки, такъ онѣ особенно нахально-вызывающе отвѣтили: проститутки. А одна дѣвченка, такъ лѣтъ тринадцати—четырнадцати, такъ та,знаете что, отвѣтила: къ проституціи готовлюсь.

— Какъ «готовлюсь»?—раздались голоса.

— Вотъ спросите ее.

— Ну а мнѣ,—вмѣшался какой-то юный штатскій,—одна хотѣла мнѣ очки втереть, ну да не на такого напала. «Я, говоритъ, папиросница»... а за занавѣской лежитъ съ какимъ-то оборванцемъ. Ну, я, конечно, и записалъ ее въ проститутки.

— И поступили совершенно неправильно,—вмѣшался проходившій мимо господинъ.

— То есть какъ?

— Не имѣли права этого дѣлать и должны были записать ее папиросницей.

— Ну, ужъ это позвольте мнѣ рѣшать.

— Одного такъ и не допросили,—снова говоритъ студентъ. — лежитъ подъ нарами и мычитъ. Другіе жильцы пробовали его вытащить изъ подъ наръ, только одну валенку стащили, а ноги тамъ остались.

Въ сосѣдней группѣ раздался хохотъ.

— Какъ вы говорите?

— Я спрашиваю, — повторяетъ разсказчикъ, — бабу одну: вы замужемъ? а она подперла голову рукой и говоритъ таково жалобно: есть старичекъ плохенькій.

Всѣ снова засмѣялись.

— А другую бабу спрашиваю,—продолжаетъ тотъ же разсказчикъ:—рваная такая, пьяная: ваше званіе?—А ужъ и не знаю...—отвѣчаетъ.—Какъ были мы дворяне, а потомъ я унизила себя, за слесаря вышла, теперь ужъ и не разсужу—въ какомъ смыслѣ мнѣ себя понимать.

— Что же вы отвѣтили?

— Говорю — понимайте себя въ дворянскомъ смыслѣ. Очень довольна осталась.

— Это что за трущоба,—вставляетъ свое замѣчаніе кто то,—вотъ я у себя въ Сибири видѣлъ... лежатъ на полу, на старыхъ рогожахъ, въ грязи, голые. Два рваныхъ тулупа переходятъ поочереди по голымъ тѣламъ, а волосы ночью примерзаютъ къ стѣнѣ... А здѣсь что! боярскіе хоромы...

— Я ученыя книги продаю, — говоритъ въ толпѣ, засунувши руки въ штаны, въ грязной рубашкѣ, съ открытой шеей, одинъ изъ

жильцовъ, съ короткими чорными волосами и красиво подстриженной клинышкомъ бородкой.—Спенсера на дняхъ продалъ...

«Я эксплуататоръ»... «фарисеи, гордые люди, развѣ я не понимаю»... «Мнѣ тридцать два года, я знаю, что знаю, но если мнѣ все знать, что нужно знать, еще два тридцать два года учиться»...—какъ выстрѣлы, доносятся до меня странныя реплики страннаго эксплуататора.

— Отчего же вы не учитесь?—спрашиваетъ кто-то.

— Я рьяный алкооль!—послѣдовалъ гордый отвѣтъ.

Толпа растетъ около полицейскаго офицера, прижатаго къ стѣнѣ и не успѣвающаго отвѣчать на всѣ вопросы, которыми его забрасывали со всѣхъ сторонъ.

Многіе были разочарованы, не только тѣ, которые возвращались изъ другихъ корпусовъ, но даже и счастливцы, попавшіе въ желанный—стеклянный.

— Мы думали—богъ знаетъ что! Мнѣ разсказывали такія вещи...—говорилъ тотъ юный господинъ, который интересовался убійствами въ стеклянномъ корпусѣ. — А тутъ что—обыкновенныя проститутки, которыхъ вездѣ сколько угодно.

— Да и воровъ нѣтъ... Мнѣ только одинъ стрѣлокъ попался.

— Ну да нищіе еще,—поддержалъ его кто-то.

— А мнѣ такъ, —отозвался одинъ изъ офицеровъ,—нѣсколько человѣкъ отвѣтило: «мозаичники», вѣдь, это—воровская кличка, неправда-ли?

Полицейскій офицеръ долженъ былъ разочаровать его и пояснилъ, что мозаичниками называются рабочіе, укладывающіе особый видъ мостовой.

— Конечно, господа,—оправдывался онъ,—теперь ужъ нельзя встрѣтить въ лаврѣ того, что тридцать лѣтъ назадъ было. Мы, вѣдь, отлично знаемъ всѣхъ и все, что здѣсь происходитъ.

Но такъ какъ обвиненія въ неинтересности и малопреступности обитателей Вяземской лавры раздавались все настойчивѣе, то онъ, въ концѣ концовъ, счелъ нужнымъ заступиться за честь учрежденія.

— Нѣтъ позвольте, господа, здѣсь есть весьма и весьма интересные типы. Вотъ, напримѣръ...

Я не слышалъ, какіе типы были выставлены для возстановленія репутаціи Вяземской лавры, такъ какъ мнѣ нужно было сходить въ одну изъ квартиръ для дополнительныхъ свѣдѣній, и, когда снова подошолъ къ толпѣ, изъ нея вышла молодая дѣвушка и съ дерзкимъ смѣхомъ сказала:

— Я думала за путнымъ дѣломъ зовутъ, а они... И снова затерялась въ темномъ корридорѣ.

Публика не расходилась и словно чего-то ждала. Мимо шныряли жильцы, просившіе разрѣшенія уйти; какая-то старуха въ истерзанномъ видѣ, съ сѣдыми всклокоченными волосами, вытянувши

впередъ руки—я не знаю, слѣпая она была или пьяная, глаза были закрыты—бродила взадъ и впередъ по коррцдору, безтолково натыкаясь на людей, словно вспугнутая яркимъ свѣтомъ ночная птица, безпорядочно мечущаяся изъ угла въ уголъ.

Гулко раздавались подъ сводами шаги расходившихся людей, темныя двери попрежнему были заперты, въ разбитыя окна мрачныхъ тяжелыхъ арокъ дулъ рѣзкій вѣтеръ, паръ отъ дыханія людей носился по коррпдору. На душѣ было пусто и печально и .. немного стыдно.

Было три часа ночи. Невскій былъ безлюденъ и тянулся безконечно,—молчаливый и мрачный въ своемъ холодномъ величіи. Нѣсколько женскихъ фигуръ, очевидно, не зарегистрированныхъ, бродили по панелямъ.

Въ моей головѣ суммировались впечатлѣнія ночи. Какія простыя и славныя лица у этихъ студентовъ и офицеровъ, моихъ товарищей по переписи... Ихъ любопытство и исканіе типовъ такъ естественны и понятны... Съ какимъ увлеченіемъ эти добровольцы работали нѣсколько дней и какъ много помогли они дѣлу переписи въ Петербургѣ... Въ сущности, нашъ приходъ совсѣмъ не былъ неожиданностью для Вяземской лавры, такъ какъ завѣдующій переписью еще утромъ предупредилъ ея обитателей... Я мысленно поблагодарилъ его за этотъ тактъ. Мнѣ вспомнилось, что теперь переписывается вся Россія, и я сталъ думать, какія она дастъ результаты... Я прибавилъ шагу и съ удовольствіемъ подумалъ, что скоро доберусь до постели и засну.

Окна домовъ были темны, и въ одномъ изъ нихъ горѣла красная лампадка, и сквозь занавѣску блестѣлъ золотой уголъ иконы. Всѣ спятъ, очевидно... Мнѣ вспомнились лампады старика-матроса. *Тамъ* тоже, должно быть, заснули...

А если не спятъ? Если...

Я невольно убавилъ шагу, и то настроеніе, съ которымъ я выходилъ изъ темнаго корридора съ арками, снова охватило меня.

Не спитъ и думаетъ свое «касаемое земли» тверской деревенскій человѣкъ. Подводитъ итоги своей жизни и ликвидируетъ «свое мѣсто» его сосѣдъ. Быть можетъ, тревожно ворочается на своемъ жесткомъ ложѣ та незаконнорожденная «вродѣ какъ жена» и думаетъ о своемъ отцѣ-вѣтрѣ въ полѣ или глядитъ не спящими глазами въ будущее и спрашиваетъ его, когда придетъ ея время идти на улицу. Можетъ быть, и та равнодушная женщина теперь тоже неравнодушна и также не спящими глазами смотритъ въ тьму замолкшей низкой комнаты. И нахально-ли вызывающе смотрятъ теперь лица тѣхъ двухъ институтокъ и не дрожатъ-ли слезы на печальныхъ глазахъ?

А что, если мы своимъ приходомъ разбудили эти три тысячи полузаснувшихъ жизней, разбудили ихъ дремавшія думы, всколых-

нули до дна ихъ душу, заставили ихъ вспомнить то, что они, быть можетъ, съ такимъ трудомъ забыли, и своими разспросами освѣтили имъ ихъ несчастную, разбитую, отброшенную отъ міра, жизнь,— жизнь Вяземской лавры, съ которой, быть можетъ, они такъ трудно сживались?

Мнѣ вдругъ представилось, что тамъ все это теперь мечется, думаетъ, вспоминаетъ, дѣлаетъ подсчеты своей жизни, а мы уложили въ портфели ихъ ожившія воспоминанія, ихъ подсчеты своей жизни и ушли съ чувствомъ удовлетвореннаго любопытства и съ сознаніемъ сдѣланнаго общественнаго дѣла,—ушли, взявши у нихъ и ничего не давши имъ...

Какъ жутко ночью на потемнѣвшемъ и замолчавшемъ Невскомъ...

А набѣжавшія мысли все не уходятъ...

Мнѣ представились тѣ голые люди на драныхъ рогожахъ, съ примерзшими къ стѣнѣ волосами, которыхъ, быть можетъ, сію минуту такіе же, какъ мы, счетчики спрашиваютъ: гдѣ ваша родина, какой вашъ языкъ, ваша вѣра, какое главвое ваше занятіе, то, чѣмъ вы живете, и какое вспомогательное?

— Ты, Иванъ Непомнящій, не вспомнишь ли свое имя, своихъ родителей, свое родное село?

. . . .

— Ну что, баринъ, чай, много безземельныхъ переписали тамъ?— встрѣчаетъ меня кухарка.

Она стоитъ со свѣчкой въ дверяхъ и ждетъ, пока я зажигаю лампу.

— Своя-то, ежели, земля... развѣ можно сравнить! Огородомъ и то прокормишься...

— Ахъ, Аннушка, какая тамъ земля!—отмахнулся я и ушелъ въ свою комнату.

С. Елпатьевскій.

Новыя книги.

Ив. Бунинъ. На край свѣта и другіе разсказы. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1897.

Первый очеркъ въ книжкѣ г. Бунина называется „На край свѣта“. Это яркій и задушевный разсказъ о томъ, какъ снялась съ насиженнаго мѣста и двинулась въ переселеніе, въ далекіе, неизвѣстные края хохлацкая деревня. Сжатый и картинный разсказъ,—почти стихотвореніе въ прозѣ по мягкому лиризму и строгой симметріи формы,—сразу настраиваетъ читателя и располагаетъ его къ мало извѣстному автору. Раз-

сказы г. Бунина нѣсколько однотонны по настроенію, всегда окрашенному какой то неопредѣленной и сладкой тоской; его образы не даютъ глубокихъ волненій и не захватываютъ новизной; внѣшней интриги въ его разсказахъ чаще всего нѣтъ никакой, и ихъ движеніе—въ душѣ ихъ безмолвныхъ героевъ. Прочитавъ эти разсказы, хочется сказать: да, это все правда, но уже знакомо намъ—знакомо изъ жизни, да и изъ книгъ тоже. Но это не упрекъ въ банальности; самъ авторъ не вычиталъ своихъ героевъ изъ книгъ: мелкія, но тонкія и значительныя по своему внутреннему содержанію детали, сообщающія особенную жизненность и оригинальность этимъ знакомымъ фигурамъ, свидѣтельствуютъ о художественной, вдумчивой наблюдательности. Отдѣльныя картинки, переносящія читателя въ настроенія міра неодушевленныхъ предметовъ, удаются г.Бунину превосходно, не смотря на простоту средствъ, которыя онъ для этого употребляетъ. Несомнѣнный, правда, не крупный, но чуткій и симпатичный талантъ чувствуется въ этихъ пейзажахъ, въ этихъ несложныхъ, но характерныхъ подробностяхъ, умѣло выхваченныхъ изъ жизни и переносящихъ въ жизнь. Героевъ своихъ г. Бунинъ охотно изображаетъ не въ рѣшительныя минуты дѣйствія и не въ діалогахъ, а въ тѣ моменты, когда, оставшись наединѣ съ собою, они останавливаются на мысли о себѣ. Это не та дѣятельная, смѣлая мысль, которая рѣшительно рубитъ Гордіевы узлы сложныхъ вопросовъ жизни; это покорная мысль покорныхъ людей, лѣниво уходящая въ воспоминанія или пассивное созерцаніе окружающихъ мелочей.

Думать о чемъ бы то ни было утомительно, безцѣльно. „И Наталья Борисовна снова принялась безцѣльно смотрѣть въ окно". И немногими штрихами какъ будто внѣшняго характера авторъ дорисовываетъ настроеніе момента:

„Вѣтеръ опять стихъ и опять стало жарко и скучно. Но уже длинныя тѣни легли отъ садовъ, и дачи дремали мирнымъ послѣобѣденнымъ сномъ долгаго лѣтняго дня. По улицѣ прокатилась со станціи линейка съ дачниками чиновниками и скрылась, громыхая развинченными гайками. Густая пыль поднялась клубами за колесами и медленно разстилалась по дорогѣ". Еще одна деталь—„Са-а-харно морожино... меланхолично доносилось откуда-то издалека",—и читатель поглощенъ этой лѣнивой истомой лѣтняго дня.

Безъ этого художественнаго волненія, безъ цѣлой вереницы разнообразныхъ мыслей, навѣянныхъ разсказами г. Бунина, никто не захлопнетъ его книжки, которая кончается такими характерными для самого автора словами: „Хороши тѣ мѣста, гдѣ находитъ „раздумье". Раздумье—его любимое на-

строеніе, его почти неизмѣнная тема. Въ этомъ смыслѣ характеренъ разсказъ, открывающій сборникъ.

Разсказъ не особенно оригиналенъ ни по сюжету, ни по тону; въ сборникѣ есть гораздо болѣе удачные разсказы. Но, быть можетъ, весь сборникъ не случайно носитъ названіе этого перваго разсказа. Новая, другая жизнь—почти предъ всѣми героями г. Бунина; они тоже снялись съ насиженнаго мѣста; съ высоты какого-то новаго настроенія они глядятъ на свое прошлое, какъ глядѣли хохлы-переселенцы съ горы на родной „Великій Перевозъ". Одни порвали съ этимъ прошлымъ, другіе видятъ на немъ отблескъ зари примиренія; но для всѣхъ ясно, что будущее будетъ какое-то иное, новое, новое уже потому, что прошлому подведены итоги. Ихъ подводитъ и старый крестьянинъ, первый разъ въ жизни, за дряхлостью, не поѣхавшій на работы; и одинокій „фантазеръ", вдругъ понявшій, что жизнь уже прожита; и уравновѣшенный, разсудочно-спокойный ученый, вырванный изъ насиженной „кельи подъ елью" страшнымъ напоминаніемъ о народномъ голодѣ. Еще полъ часа тому назадъ онъ рѣзалъ взволнованнаго энтузіаста ледяными и безукоризненно ясными доводами: „Вы говорите: идите, помогайте. А я хочу помочь иначе. Мы съумѣемъ помочь и отсюда. Мы будемъ помогать наукой, а не „хорошими словами". Но, придя домой, вмѣстѣ съ телеграммой, сообщающей о желанномъ поворотѣ въ его карьерѣ, онъ застаетъ письмо отъ родныхъ изъ деревни. Ему пишутъ, что кругомъ „голодаютъ здорово": „Умерла, братъ, наша Өеодора, кривой солдатъ воргольскій и Мишка Шмыренокъ, у Мишки прежде умеръ ребенокъ, а на первой недѣлѣ онъ самъ отъ голоднаго тифа. Вотъ, братъ, жалко малаго-то!" И картина перелома въ уравновѣшенной душѣ самодовольнаго человѣка набросана съ трагической простотой:

„Волковъ вдругъ опустилъ письмо... машинально переставилъ подсвѣчникъ и снова съ ужасомъ и напряженіемъ перечиталъ эти двѣ строки: „....Умерла, братъ, наша Өеодора, кривой солдатъ воргольскій и Мишка Шмыренокъ...."

— Не можетъ быть!—сказалъ онъ громко, подымаясь,—не можетъ быть! Это чортъ знаетъ что!.. Мишка, другъ дѣтства... головастиковъ вмѣстѣ ловили... отъ голода!

Волковъ опять сѣлъ, криво улыбнулся... снова вскочилъ и торопливо пошелъ къ дверямъ. У него задрожало внутри отъ желанія сказать это кому-то, сейчасъ-же сказать, крикнуть. Но отъ двери онъ круто повернулся и зашагалъ по комнатѣ, пощелкивая пальцами и ловя разлетѣвшіяся мысли..."

Перевернулась жизнь. Надо начинать ее снова, потому-что цѣна всему прошлому, послѣ ряда безпорядочныхъ воспоминаній, вдругъ оказалась нулемъ: «коллекціи, гербаріи...." „Кормовая свекловица...." Какая галиматья!»

Та-же тема поворота, распутья намѣчена въ самомъ значительномъ разсказѣ сборника—„На дачѣ". Гриша уже пересталъ быть мальчикомъ; онъ чувствуетъ потребность опредѣлиться, уяснить себѣ тѣ коренные вопросы жизни, на которые такъ различно отвѣчаютъ окружающіе. „Съ обѣихъ сторонъ правда!"—правда въ горячихъ предикахъ искренняго и фанатичнаго толстовца, правда въ традиціонныхъ софизмахъ окультуреннаго общества, правда въ циничныхъ, но полныхъ подкупающаго здраваго смысла признаніяхъ и совѣтахъ любимаго отца.

Но самъ авторъ не колеблется между двухъ правдъ и разбирается въ этихъ противоположныхъ теченіяхъ. Оставаясь объективнымъ, онъ не скрываетъ себя, и его точка зрѣнія достаточно ясна. Эго точка зрѣнія пытливаго и даровитаго наблюдателя, который любитъ жизнь не только за то, что находитъ въ ней матеріалъ для художественнаго воспроизведенія, но и за то, что въ ея многообразныхъ явленіяхъ видитъ воплощенія любви и добра.

Обзоръ учебной и научной литературы по русскому языку. Изд. Педагогическаго Музея венно-учебныхъ заведеній Спб. 1896.

Составители „Обзора учебной и научной литературы по русскому языку" предназначали его для преподавателей средне-учебныхъ заведеній. Но потребность въ такомъ систематическомъ обзорѣ сильна не только въ спеціалистахъ—и „Обзоръ" могъ бы быть полезенъ тому широкому кругу „мучениковъ просвѣщенія", ради которыхъ обсуждаются теперь вопросы самообразованія и издаются программы систематическаго чтенія. Мы думаемъ, однако, что и преподаватели средне-учебныхъ заведеній, попытавшись руководиться указаніями „Обзора", далеко не всегда будутъ довольны имъ. Къ необходимымъ качествамъ всякаго обзора литературы подлежащаго предмета являются прежде всего полнота, затѣмъ систематичность въ выборѣ указываемыхъ произведеній и, наконецъ, опредѣленность точки зрѣнія, на основаніи которой дѣлается этотъ выборъ. За полнотой составители и не гнались; это не было бы недостаткомъ и могло бы даже быть достоинствомъ, если бы по каждому вопросу были указаны тѣ сочиненія, которыя даютъ болѣе или менѣе полное представленіе о состояніи этого вопроса въ наукѣ. Таково, по утвержденію составителей, было и ихъ намѣреніе: они, по ихъ словамъ, „ограничились указаніемъ только тѣхъ сочиненій, которыя—по ихъ мнѣнію—въ какомъ либо отношеніи заслуживаютъ предпочтительнаго вниманія". Утвержденіе это не вполнѣ точно; оно рисуетъ дѣло въ такомъ видѣ, что составители изъ массы существующихъ

книгъ выбрали, руководясь опредѣленной точкой зрѣнія, то, что имъ показалось лучшимъ. Даже бѣглый просмотръ ихъ книги убѣждаетъ въ томъ, что дѣло велось инымъ образомъ. *Учебная* литература представлена въ „Обзорѣ", быть можетъ, полно и достойно; что же касается литературы *научной*, то изъ нея въ обзоръ попало лишь то, что случайно было извѣстно составителямъ. Способъ, какъ видите, довольно примитивный: записали что почему-либо знали, а чего не знали, то пропустили. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ; число ихъ можно, при желаніи, удвоить, утроить, можетъ быть, и удесятерить—мы укажемъ лишь то, что бросается въ глаза при бѣгломъ знакомствѣ съ книгой. Возьмемъ отдѣлъ „Научное языковѣдѣніе". Онъ разработанъ очень подробно. Среди „періодическихъ изданій, посвященныхъ задачамъ славянскаго языкознанія", въ немъ указаны даже „журналы Лескина, Шмидта, Куна, Штейнталя". Непонятно, что будетъ искать въ этихъ журналахъ провинціальный учитель; неизвѣстно, какъ онъ ихъ найдетъ, не зная ихъ названія. Если, однако, онъ пойдетъ далѣе и добьется какъ нибудь, что „журналъ Штейнталя" называется „Zeitschrift für Völkerpsycholoogie und Sprachwissenschaft", то онъ вѣрно узнаетъ и другую новость, скрытую отъ него составителями „Обзора", а именно то, что „журналъ Штейнталя" уже *десять лѣтъ*, какъ перемѣнилъ и редактора, и названіе, и программу; этого мало: ознакомившись съ содержаніемъ „журнала Штейнталя", бѣдный педагогъ увидитъ, что за четверть вѣка изданія журнала въ немъ помѣщена *одна* статья, которую можно—и то съ натяжкой—отнести къ изслѣдованіямъ въ области славянскаго языкознанія (*Bistrom*, Das russische Volksepos, 1868—69). Журналъ Штейнталя можно бы и пропустить, но пропустить его „Abriss der Sprachwissenschaft" въ обзорѣ сочиненій по научному языкознанію—какъ будто даже не прилично: вѣдь Штейнталь—классикъ, а „Abriss"—его главный трудъ. Превосходную и широкую книгу его друга и соредактора Лацаруса „Geist und Sprache" также обошли, какъ обошли „Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben etc" Габеленца, „System der Sprachwissenschaft" Гейзе и многое другое. Мы думаемъ также, что указаніе на соотвѣтственныя главы въ „Первобытной культурѣ" Тэйлора было бы для читателей много полезнѣе, напримѣръ, сообщенія, что въ переводѣ книги Тикнора „многочисленные отрывки испанскихъ произведеній сдѣланы (?) Н. И. Стороженкомъ, при содѣйствіи М. М. Ковалевскаго, прямо съ подлинниковъ прозой, причемъ tyrannus usus заставилъ удержать Мендоза (вмѣсто Мендоса), Целестина Альба (вм. Селестина Альва и пр.)» Не правда-ли,—необходимое въ библіографическомъ указателѣ сообщеніе? За то не указано *ни одно* изъ изслѣдованій Потебни въ области народной поэзіи—ни „О

нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи», ни статья о сборникѣ Головацкаго, ни капитальныя „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ". Изъ литературы о немъ не указаны ни „Сборникъ" его памяти, ни книжки Ветухова и Виноградова, ни даже превосходныя статьи Овсянико-Куликовскаго (Потебня, какъ языковѣдъ-мыслитель). Недуренъ также отдѣлъ „пособій по эстетикѣ"; въ немъ указано ровно пять именъ. Изъ громадной нѣмецкой литературы по эстетикѣ указаны „Лаокоонъ" Лессинга и—Прёльсъ. Но рекомендовать книгу Лессинга, какъ единственное въ нѣмецкой литературѣ пособіе по эстетикѣ, все равно, что совѣтовать изучать политическую экономію по „физіократія" Дюпонъ де Немура—благо обѣимъ книгамъ скоро по полтораста лѣтъ. Вѣдь эстетическія замѣчанія Лессинга, никогда не составлявшія цѣльной системы, *начинаютъ* исторію нѣмецкой эстетики, въ которой затѣмъ господствовали и смѣнялись ученія Канта, Гердера, Шиллера, Шеллинга, Гегеля, Гербарта,—не говоря объ общихъ курсахъ и частныхъ изслѣдованіяхъ многихъ другихъ. Неужто по мнѣнію составителей „Эстетика" Эдуарда фонъ-Гартмана не заслуживаетъ внесенія въ ихъ „Обзоръ"? Какъ удивился бы нѣмецкій ученый, если бы ему сказали, что изъ „пособій по частнымъ вопросамъ поэтики" заслуживаютъ „предпочтительнаго вниманія" три нѣмецкихъ книги: Фрейтага, Гюнтера и Шпильгагена. Почему не указаны Давида-Соважо „Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ" и весьма важныя книги Гюйо „Задачи современной эстетики" и „Искусство съ точки зрѣнія соціологіи"? Намъ кажется, что въ этихъ пропускахъ играло роль не мнѣніе составителей о достоинствѣ этихъ трудовъ, а нѣчто другое. Обращаемся къ отдѣлу исторіи словесности. Здѣсь не указаны среди воспоминаній: „Записки" Греча, Гилярова-Платонова, Софіи Ковалевской; среди монографій: „Крыжаничъ" Маркевича, „Посошковъ" Брикнера, „Вяземскій" Спасовича; не указано множество статей Пыпина по исторіи русской литературы (напр., о Грибоѣдовѣ, о Лермонтовѣ и др.), какъ не указана его „Исторія русской этнографіи". „Кириллъ и Меѳодій" Бильбасова также не нашли себѣ мѣста въ „Обзорѣ". Въ отдѣлѣ исторіи иностранной литературы не указана четырехтомная „Исторія" Зотова,—книга компилятивная, но очень пригодная именно для читателей „Обзора"; объ отдѣльныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ и говорить нечего. Отдѣлъ „литература по изданію и оцѣнкѣ нашихъ классиковъ" составленъ такъ же тщательно. Въ немъ не указаны изданія сочиненій Жуковскаго, Тютчева, обоихъ Одоевскихъ, Мея, не говоря ужъ о Тургеневѣ, Толстомъ, Достоевскомъ, или изъ второстепенныхъ о Далѣ, Печерскомъ, Григоровичѣ; а между тѣмъ изданія нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ, напр. Фета, Май-

кова, Полонскаго, указаны. Почему—неизвѣстно. Съ критической литературой дѣло обстоитъ еще печальнѣе. Въ литературѣ, напримѣръ, о Достоевскомъ не показаны книги и статьи: Булича, Владиміра Соловьева, Евгенія Соловьева, Случевскаго, Антоновича, Кони, Арс. Введенскаго („Критики Достоевскаго"), Аверкіева, Леонтьева, Чижа, Геннекена и множество другихъ. Не указаны статьи о Достоевскомъ Писарева,—ни здѣсь, ни при его сочиненіяхъ; можно быть какого угодно мнѣнія о Писаревѣ, но пропускать его въ обзорѣ литературы о Достоевскомъ, гдѣ рекомендуются въ качествѣ „заслуживающихъ предпочтительнаго вниманія" нелѣпости Леметра и банальности г-жи Янтаревой—это по истинѣ невѣроятно.

О систематичности „Обзора" можно судить по тому, что въ литературѣ, напр., о Тургеневѣ книга Страхова помѣщена въ одномъ раздѣлѣ („Изслѣдованія историко-литературнаго характера, преимущественно по русской литературѣ"), статьи Скабичевскаго и Вогюэ—въ другомъ („Сборники изслѣдованій критическихъ статей"), статьи Овсянико-Куликовскаго—въ третьемъ („Монографіи"), и книги Иванова, Буренина, Невеленова—въ четвертомъ! здѣсь же должны бы быть указаны, но,—повинуясь суровому „мнѣнію" составителей, — пропущены воспоминанія Полонскаго.

Именной указатель, приложенный въ концѣ, по полнотѣ и точности вполнѣ гармонируетъ со всей книгой; одному Некрасову здѣсь приписаны сочиненія различныхъ авторовъ: поэта нѣтъ совсѣмъ. Нѣтъ и Полонскаго, хотя въ книгѣ онъ встрѣчается нѣсколько разъ. За то въ указателѣ есть цѣлыхъ два Тэна; книга одного называется „Новѣйшая англійская литература"; другой написалъ „Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи".

Энрико Ферри. Преступники въ искусствѣ. Переводъ съ французскаго Н. Л. Москва. 1896.

Книжка профессора Ферри, одного изъ самыхъ выдающихся представителей школы уголовной антропологіи, не лишена нѣкоторыхъ интересныхъ указаній и удачныхъ сопоставленій. Къ сожалѣнію, въ ней гораздо больше произвольныхъ утвержденій, натяжекъ и ненаучныхъ пріемовъ, просто поражающихъ въ ученомъ, имѣющемъ значительную извѣстность. Гамлетъ для Ферри относится къ типу преступниковъ помѣшанныхъ. Доказательства этого умственнаго разстройства Гамлета слѣдующія: во первыхъ, у Гамлета бываютъ галлюцинаціи—онъ видитъ тѣнь своего отца. Но тѣнь отца Гамлета видятъ еще Горацiо и Марчелло, и даже раньше Гамлета—они вѣдь не сумасшедшіе. Во вторыхъ, онъ притворяется помѣшаннымъ,

а „притворное помѣшательство является характернымъ признакомъ сумасшествія“ Это, однако, не мѣшаетъ и здоровому притвориться сумасшедшимъ, чему примѣры есть у того-же Шекспира, котораго Ферри читалъ такъ невнимательно. Въ третьихъ, у Гамлета—параличъ воли. Неизвѣстно, однако, что такое безволіе Гамлета—патологическій параличъ воли или обыкновенная ея слабость; нельзя-же всѣхъ нерѣшительныхъ людей считать умалишенными — этакъ, вѣдь, и Обломовъ, типичный представитель многомилліонной массы, окажется умалишеннымъ. Наконецъ—и самое главное — „если убійство короля было вызвано у Гамлета мотивомъ извинительнымъ и не низкимъ (месть за убитаго отца), что часто случается у помѣшанныхъ убійцъ, то безпричинное и внезапное убійство стараго Полонія, напротивъ, ничто иное, какъ сумашествіе, по истинѣ безсмысленное и импульсивное, совершенно несоразмѣрное съ виной старика, подслушивавшаго за портьерой“. Нѣтъ, Ферри не читалъ Гамлета—иначе онъ зналъ-бы, что Гамлетъ убилъ Полонія по ошибкѣ, думая, что за ковромъ спрятался король. Иначе, что-же значатъ слова Гамлета, обращенныя къ убитому: „Я принималъ тебя за *высшаго*“.

Мы не оспариваемъ тезиса Ферри; можетъ быть, Гамлетъ, и въ самомъ дѣлѣ, помѣшанный. Но доказывать истину подобными доводами значитъ дискредитировать ее; а между тѣмъ эти доводы характерны для метода Ферри.

Ссылки на геніальныхъ представителей русскаго романа стали теперь также обязательны для европейскаго психолога, какъ хризантемы и ненюфары для поэта символиста. Ничего новаго эти безцвѣтные панегирики намъ сказать не могутъ. Раскольниковъ, по мнѣнію Ферри, „одержимъ маніей къ убійству“, а потому Достоевскій, „оставаясь вѣренъ дѣйствительности, почти не описываетъ мало вѣроятное и почти невозможное у этого типа преступника возрожденіе и только даетъ въ послѣднихъ строкахъ своей книги шаткую (неправда!) надежду на него“. Анализъ произведеній Толстого блещетъ такимъ-же глубокимъ непониманіемъ намѣреній автора. Гр. Толстой, вѣрно, удивится, узнавъ, что онъ назвалъ свою драму *Властью тьмы*, желая этимъ самымъ напомнить (новое согласіе съ наукой), что мрачное царство безсознательнаго, такъ же, какъ и та темная среда, гдѣ кишитъ столько человѣческихъ существъ, налагаетъ на душу преступныя мысли, чувства и поступки, играющіе такую видную роль въ существованіи осужденныхъ на физическую и нравственную нищету“.

Хорошо у Ферри одно—ясное пониманіе роли искусства въ поступательномъ движеніи мысли. На примѣрѣ, выбранномъ

имъ, особенно хорошо демонстрируется та истина, что искусство часто, особенно въ вопросахъ психологіи и соціологіи, идетъ впереди науки.

Достоинства перевода легко оцѣнить по приведеннымъ отрывкамъ. Вмѣсто Сигеле, у переводчика явился какой-то Сигель, Керубини обратился въ Шерубини.

Валеріанъ Лопатинъ. Мысли средняго читателя о „Новыхъ вѣяніяхъ" Георга Брандеса. Варшава, 1897.

Брошюра г. Лопатина открывается слѣдующимъ предисловіемъ: „Считаю не лишнимъ сообщить читателямъ нѣчто о себѣ. Образованіе получилъ я среднее — никакого высшаго учебнаго заведенія я не окончилъ. Будучи еще ученикомъ, всегда отличался страстью къ чтенію, почему и учился не важно, особливо изъ математики. Съ товарищами любилъ заводить споры о важныхъ матеріяхъ, хотя никакихъ *философій*, исключая Бокля и Дрэпера, не читалъ; начитанъ я былъ лишь изъ беллетристики".

Читая „Новыя Вѣянія", г. Валеріанъ Лопатинъ испещрилъ книгу массой своихъ замѣтокъ. „Пять лѣтъ книга была заброшена, пока у меня не попросилъ ее для прочтенія одинъ мой знакомый. Господину этому очень понравились мои замѣтки, и онъ посовѣтовалъ мнѣ издать ихъ. Просмотрѣвъ книгу вторично, я самъ нашелъ, что многія изъ моихъ примѣчаній, дѣйствительно, интересны и стоятъ того, чтобы ихъ напечатать... Думая, какое заглавіе дать моимъ замѣткамъ, я наконецъ остановился на болѣе или менѣе эффектномъ и громкомъ словѣ „Комментаріи".

За предисловіемъ слѣдуютъ на сорока страницахъ цитаты и примѣчанія къ нимъ г. Валеріана Лопатина. Приводимъ нѣкоторыя, показавшіяся намъ любопытными.

Цитата: „Главныя теченія литературы XIX столѣтія— являются самымъ выдающимся произведеніемъ Брандеса".

Примѣчаніе г. Лопатина: „Надо достать и прочесть".

Цитата: „Подобно Тэну, Брандесъ утверждаетъ, что исторія, въ концѣ концовъ, сводится къ психологіи". *Примѣчаніе*: „А по моему больше всего—къ случаю".

Цитата—изъ статьи Брандеса о Гейзе. *Примѣчаніе*: „Наивный головотяпъ этотъ Гейзе"!

Цитата: „Нелегко будетъ найти мужскую фигуру, подобную фигурѣ Лео въ романѣ „Одинъ въ полѣ не воинъ"; но за то Шпильгагену не удалось нарисовать подобной-же выдающейся женской личности". *Примѣчаніе*: „На сколько мнѣ помнится, Сильвія была почище еще Лео. Впрочемъ, я хоро

шо не помню этого, потому что читалъ „Одинъ въ полѣ не воинъ", когда мнѣ было десять лѣтъ отъ роду".

Цитата: „Когда Арманъ Каррель"... *Примѣчаніе:* „Что за Каррель такой"!

Цитата: „Ауэрбахъ дебютировалъ романомъ о Спинозѣ". *Примѣчаніе*: Уже не „Дача ли на Рейнѣ"?

Интересны и такія примѣчанія: „Да, — вѣдь Норвегія нѣкогда принадлежала Даніи! *Надо просмотрѣть Иловайскаго*".

Или: „Что то мало понятно".

Или: „Ну, это что-то *того*"!

Или: „Какая ерунда"!

Или: „Чортъ возьми! ничего не смыслю въ философіи"!

По поводу дружбы Гонкуровъ:

„Немножко странная эта дружба, хотя и между братьями. Интересно, какъ объяснитъ ее Брандесъ; а можетъ быть и совсѣмъ не объяснитъ. Навѣрное, отецъ Гонкуровъ былъ сифилитикъ".

Хорошо и это:

„Ай, ай! какъ вамъ не стыдно, М-г. Ренанъ, писать такія глупости".

Есть и примѣчаніе къ примѣчанію: „Уже можетъ быть я себѣ напротиворѣчилъ, но это наплевать".

Довольно, однако—всѣхъ перловъ изъ океана не выловишь. „Каково бы не было въ общемъ достоинство моихъ „Комментаріевъ"—замѣчаетъ г. Валеріанъ Лопатинъ—во всякомъ случаѣ тому, кто ихъ прочтетъ, отъ этого сдѣлается не хуже; для „средняго" же читателя они могутъ служить примѣромъ того, какъ слѣдуетъ читать серьезныя книги".

Мы не позволимъ себѣ нарушить какимъ либо неумѣстнымъ замѣчаніемъ впечатлѣніе, выносимое изъ знакомства съ этими неподражаемыми „комментаріями".

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1892 гг.) **А. М. Скабичевскаго**. Третье изданіе, исправленное и дополненное, Ф. Павленкова. Съ 52 портретами въ текстѣ. Спб. 1897. Ц. 2 рубля.

Первое изданіе книги г. Скабичевскаго появилось въ 1891 г., второе—въ 1893, а теперь передъ нами лежитъ третіе. У насъ это большой успѣхъ. Объясняется онъ, какъ интересомъ темы, на которую у насъ нѣтъ другого сочиненія, такъ и достоинствами работы г. Скабичевскаго. Работа эта, однако, и не безъ недостатковъ, на которые критика въ свое время указывала, но указанія эти, къ сожалѣнію, мало приняты въ соображеніе почтеннымъ авторомъ въ „исправленномъ и дополненномъ изданіи".

Задачу свою г. Скабичевскій ограничилъ беллетристикой

и литературной критикой. Но и беллетристика наша, и въ особенности наша литературная критика, на всемъ протяженіи своей исторіи, впитали и отразили такъ много публицистическихъ, философскихъ, научныхъ, нравственно политическихъ элементовъ, что строго выдержать планъ г. Скабичевскаго едва ли возможно. Онъ и отступаетъ отъ него мѣстами, но дѣлаетъ это безъ всякой опредѣленной системы. А съ другой стороны въ книгѣ есть странные, трудно объяснимые пропуски. Трудно въ самомъ дѣлѣ понять, почему въ „исторіи новѣйшей русской литературы" совсѣмъ не упоминается г. Пыпинъ, нѣкоторые труды котораго должны бы были найти себѣ видное мѣсто и въ ограниченномъ планѣ г. Скабичевскаго. Или почему Писаревъ поставленъ такъ одиноко, какъ будто у него не было сподвижниковъ (Зайцевъ только упоминается одинъ разъ, именно только упоминается, а Шелгунова даже и имени нѣтъ), во многихъ отношеніяхъ очень характерныхъ? Или почему пропущенъ г. Буренинъ? Изъ числа беллетристовъ страннымъ образомъ отсутствуетъ Кущевскій, романъ котораго Николай Негоревъ" обратилъ на себя въ свое время всеобщее вниманіе и забытъ нашимъ обществомъ совершенно несправедливо. Кому же, какъ не историку новѣйшей литературы, исправить эту несправедливость? (О Кущевскомъ и его романѣ см. статью г. Горнфельда „Забытый писатель" въ № 12 .Русскаго Богатства" за 1895 годъ). Этотъ странный пропускъ былъ указанъ г. Скабичевскому по выходѣ перваго же изданія, а затѣмъ и послѣ второго, но и въ третьемъ, исправленномъ и дополненномъ изданіи авторъ не нашелъ нужнымъ посвятить хоть нѣсколько строкъ талантливому и такъ несправедливо забытому писателю.

Мы не перелистывали всей, хорошо намъ знакомой книги г. Скабичевскаго въ ея новомъ изданіи, и не беремся судить о сдѣланныхъ и не сдѣланныхъ въ немъ исправленіяхъ и дополненіяхъ вообще. Но не можемъ не остановиться еще на одномъ пунктѣ. Послѣ перваго изданія критика находила, между прочимъ, что почтенный авторъ слишкомъ поверхностно и только что снисходительно отнесся къ крупному дарованію г. Мамина-Сибиряка. Этому талантливому и плодовитому писателю было посвящено десять строкъ, изъ которыхъ первыя гласили такъ: „Сверхъ всѣхъ вышеупомянутыхъ молодыхъ беллетристовъ не лишнимъ считаемъ указать на Мамина, подписывающагося также псевдонимомъ Сибиряка". Во второмъ изданіи о г. Маминѣ имѣется уже двадцать строкъ, занятыхъ. однако, преимущественно біографическими свѣдѣніями, и собственно характеристика писателя исчерпывается слѣдующими словами: „Романъ „Горное Гнѣздо" окончательно упрочилъ его литературную репутацію, какъ беллетриста, обладающаго

очень симпатичнымъ талантомъ". И только. Въ истекшемъ году г. Скабичевскій напечаталъ въ „Новомъ Словѣ" статью, въ которой заявилъ, что „Д. Н. Маминъ имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться писателемъ, пользующимся общеевропейскою извѣстностью или, по крайней мѣрѣ, властителемъ душъ и сердецъ своихъ соотечественниковъ". Сравнивая г. Мамина съ Эм. Золя, г. Скабичевскій говоритъ: „По силѣ таланта г. Маминъ нисколько не уступаетъ знаменитому французскому натуралисту, если только не превосходитъ его. Что же касается до обилія матеріала, даваемаго обоими писателями въ ихъ произведеніяхъ, то смѣшно было бы сравнивать Золя съ Маминымъ". Естественно было ожидать, что этотъ свой новый взглядъ на г. Мамина авторъ введетъ и въ третье, исправленное и дополненное изданіе своей „Исторіи новѣйшей литературы"... Ничуть не бывало: и въ этомъ третьемъ изданіи находимъ все тѣ же двадцать строкъ и все того же „беллетриста, обладающаго очень симпатичнымъ талантомъ"...

Дѣйствительнымъ дополненіемъ къ третьему изданію являются 52 портрета разныхъ писателей. Нехорошо только, что портретъ С. В. Максимова въ молодости (позднѣйшій его портретъ есть самъ по себѣ) выдается за портретъ В. С. Курочкина.

Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона. Томъ I. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва 1897.

Книга Белоха появилась сравнительно недавно, въ 1893 году, но уже успѣла снискать себѣ громкую извѣстность. Нельзя, конечно, утверждать, какъ это дѣлаетъ переводчикъ въ своемъ предисловіи, что Белохъ—одинъ изъ піонеровъ *едва начавшагося* критическаго пересмотра традиціи въ греческой исторіографіи. Такой пересмотръ начался давно, вскорѣ послѣ Нибура. Гротъ въ своей „History of Greece", появившейся въ первый разъ въ 1846—55 гг., а еще раньше Коннопъ Терльуоль (въ 1835 г.) въ монографіи объ „Исторіи Греціи" могутъ по справедливости быть названы видными представителями критической школы. Кортюмъ, трудъ котораго пролилъ такъ много свѣта на бытовую исторію грековъ, Дункеръ и Герцбергъ (помѣстившій свою работу въ коллекціи Онкена въ 1879 г.), продолжали критическую разработку источниковъ. Наконецъ,—если ограничиться даже именами историковъ, о которыхъ говоритъ переводчикъ,—и то придется признать, что критическій пересмотръ традиціи начался не Белохомъ, а его старшими современниками: работа Гольма (Griechische Geschihte) вышла не въ „послѣднія шесть лѣтъ", а въ 1886 году. Если такъ дѣло обстоитъ относительно исто-

ріи Греціи въ ея цѣломъ, то еще менѣе позволительно отрицать давнишнее существованіе критической, строго научной разработки отдѣльныхъ сторонъ и эпизодовъ греческой исторіи. Масса такихъ превосходныхъ монографическихъ изслѣдованій указана Робертомъ Пельманомъ, книга котораго существуетъ и на русскомъ языкѣ. Белохъ не піонеръ, не новаторъ; онъ талантливый, вполнѣ самостоятельный изслѣдователь съ широкимъ кругозоромъ, всесторонне охватывающимъ историческую жизнь древней Греціи. Если мы прибавимъ, что его работа раскрываетъ послѣдовательную, вполнѣ законченную картину исторіи Греціи до эпохи пелопонесской войны и что она написана яснымъ и даже красивымъ языкомъ,—то станетъ понятнымъ быстрый успѣхъ книги въ Германіи. Въ русской литературѣ, кромѣ сильно устарѣвшихъ трудовъ Курціуса, Шлоссера и Вебера, нѣтъ ни одной работы, которая давала бы полную сводку матеріала по греческой исторіи и могла бы служить для ознакомленія съ историческими судьбами страны и народа. Переводъ работы Белоха является очень кстати. И если читатели встрѣтятъ въ лучшей обработкѣ и въ болѣе отчетливомъ изложеніи у Белоха многіе факты, которые въ общемъ были имъ знакомы изъ упомянутыхъ трехъ книгъ,—то разбираемый трудъ дастъ имъ и нѣчто вполнѣ новое: ни у Курціуса, ни тѣмъ болѣе у Шлоссера и Вебера—не говорится объ экономической сторонѣ жизни древнихъ грековъ. У Белоха же экономической исторіи Греціи посвящены двѣ большія главы, вводящія читателя въ міръ такихъ отношеній, которыя весьма удовлетворительно объясняютъ многіе общеизвѣстные факты, казавшіеся до сихъ поръ малопонятными.

Мысль о тѣсной связи и взаимодѣйствіи экономическихъ и политическихъ факторовъ въ исторіи сопутствуетъ автору во всѣхъ частяхъ его книги и дѣлаетъ въ высшей степени любопытнымъ разсказъ о такихъ, напримѣръ, событіяхъ, какъ пелопонесская война, переходъ всей государственной власти въ руки демократіи и т. д. — Что касается до главъ объ умственномъ движеніи древней Греціи, то безспорно, онѣ представляютъ собою самую интересную часть работы Белоха.

Въ главѣ о миѳахъ и религіи Грековъ Белохъ менѣе самостоятеленъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ своей книги, но за то сводка, которую онъ дѣлаетъ существующей литературѣ, можетъ назваться безукоризненной по ясности и отчетливости основныхъ мыслей. Разцвѣту художественнаго творчества послѣ персидскихъ войнъ авторъ посвятилъ особую главу; впрочемъ, все, что онъ говоритъ здѣсь о великихъ дѣятеляхъ литературы и, въ особенности, о философскихъ идеяхъ, лежавшихъ въ основѣ ихъ произведеній,—довольно безцвѣтно и поверх-

ностно изложено; Эврипиду, напр., посвящено всего $1^1/_2$ страницы. При сравненіи тѣхъ главъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о миѳахъ и другихъ проявленіяхъ греческой мысли на зарѣ исторіи и въ гомеровское время,—съ только что упомянутой главой о художественномъ творчествѣ V-го вѣка—недостатки этой послѣдней выступаютъ особенно ярко.

Огюстъ Контъ и позитивизмъ. Статьи **Д. С. Милля. Г. Спенсера и Л. Уорда.** Съ приложеніемъ портрета Конта. Переводъ Н. П. Спиридонова. М. 1897. ц. 1 р. Изданіе магазина «Книжное Дѣло»).

Какъ имя Ог. Конта, такъ и имена авторовъ тѣхъ „статей" о Контѣ, которыя переведены г. Спиридоновымъ, настолько хорошо знакомы читающей публикѣ, что распространяться о нихъ въ простой библіографической замѣткѣ нѣтъ надобности. Всѣмъ извѣстно, что Огюстъ Контъ есть одинъ изъ величайшихъ умовъ XIX вѣка, и что Д. С. Милль (сочиненіе котораго и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи составляетъ главное содержаніе разбираемой нами книги), былъ самымъ даровитымъ изъ сторонниковъ Конта, идеями котораго онъ былъ проникнутъ настолько, насколько это возможно для самостоятельнаго и почти первоклассnúmero мыслителя.

Къ величайшему сожалѣнію, сочиненія самого Конта не доступны для русской публики. Не разъ дѣлались попытки познакомить ее съ самимъ Контомъ, но пока всѣ эти попытки такъ и принуждены были оставаться попытками. Тѣмъ большую важность получаютъ сочиненія о Контѣ, особенно сочиненія, написанныя такими людьми, какъ Милль, Спенсеръ и Уордъ.

Задача журнальнаго обозрѣвателя въ данномъ случаѣ должна ограничиваться отвѣтомъ на вопросъ, хорошъ-ли переводъ. Нашъ отвѣтъ будетъ неблагопріятнымъ для переводчика: онъ не только такъ плохо владѣетъ англійскимъ языкомъ, что ошибочно переводитъ всѣ трудныя мѣста, но еще настолько небреженъ, что дѣлаетъ ошибки, которыхъ онъ могъ бы избѣжать и при неудовлетворительномъ знаніи языка.

Въ подтвержденіе своихъ словъ мы выпишемъ *главнѣйшія* ошибки, замѣченныя нами *въ первыхъ четырехъ* страницахъ перевода Милля и Уорда (мы свѣрили эти страницы съ подлинниками слово за словомъ).

Начнемъ съ Л. Уорда. Переводчикъ заставляетъ Уорда говорить о сочиненіяхъ Конта слѣдующее: „заключая въ себѣ изложеніе одной основной истины, они заключаютъ въ себѣ

немалое количество не менѣе основныхъ заблужденій" (стр. 255). Въ подлинникѣ (Dynamic sociology, vol I, p. 82) сказано, что сочиненія Конта можно характеризировать „as embodiing, in the exposition of a fundamental truth, the greatest possible number of only less fundamental errors" (т. е. „какъ включающія въ изложеніе нѣкоторой основной истины возможно—большое количество лишь менѣе основныхъ заблужденій). На стр. 256 заслуга Конта характеризуется слѣдующими странными словами: „только долго спустя, послѣ того, какъ философія эта (положительная) *была открыто признана главнымъ источникомъ научнаго прогресса* появился философъ, понявшій ея истинную природу и отношенія и давшій ей названіе". Въ подлинникѣ (p. 83) „not until long after it (positive philosophy) *had openly asserted itself as the mainspring of scientifique progress inthe world* и т. д. (т. е., только долго спустя послѣ того, какъ она явственно установилась, какъ главный двигатель научнаго прогресса и т. д.). Дѣло въ томъ, что самъ Контъ заявилъ, что его философія заключается въ объединеніи и обобщеніи тѣхъ пріемовъ, которые давно уже служатъ орудіемъ прогресса въ рукахъ ученыхъ (главнымъ образомъ математиковъ). Поэтому Лестеръ Уордъ и говоритъ, что эта философія фактически давно уже существовала и давно доказала свои права (had openly asserted itself) быть двигателемъ прогресса, но только Контъ сумѣлъ понять ея истинную природу, сумѣлъ превратить ее изъ фактически существующихъ, но не сознающихъ своихъ правъ и свойствъ, чисто эмпирическихъ пріемовъ, въ ясно сознающую свои права и свойства теорію.

Окончаніе послѣдней провѣренной нами страницы (стр. 258) имѣетъ слѣдующее неудобопонятное содержаніе: „Несмотря на постоянно дѣлавшіяся попытки опредѣлить терминъ *позитивный*, въ томъ смыслѣ, какъ онъ употребляется въ „позитивной философіи", и несмотря на признанную ловкость (ability) многихъ предпринимавшихъ эт.. попытки, причемъ вообще имъ нельзя сдѣлать упрека въ вѣрности (?) (Charqe of incorrectness), тѣмъ не менѣе, однако, справедливо, что только немногія лица, кромѣ тщательно изучившихъ Конта въ его сочиненіяхъ и обратившихъ особенное вниманіе на эту (какую?) главную ихъ характеристическую особенность, достигли точнаго пониманія истиннаго значенія этого термина".

Мы не думаемъ перечислять всѣ замѣченныя нами ошибки переводчика, однако, отмѣтимъ еще слѣдующія неточности: „obtrusive" и „unobtrusive" переведены (стр. 256) „бросается въ глаза" и „не бросаются въ глаза"; выраженіе: „the great body of truths" передано (стр. 257): „большинство истинъ"; слово: „Marshals" передано: „излагаетъ" (стр. 257); „where the language is most emphatic"—„гдѣ языкъ живѣе"; и т. д.

Обратимся теперь къ переводу сочиненія Милля. Въ качествѣ общаго замѣчанія отмѣтимъ то обстоятельство, что это сочиненіе Милля было уже переведено въ 1867 году Неклюдовымъ и Тибленомъ, что переводъ изобиловалъ ошибками, и что всѣ Неклюдово-Тибленовскія ошибки попали и въ новый переводъ, съ добавленіемъ, впрочемъ, новыхъ ошибокъ.

На стр. 3 читаемъ: „Вообще мало извѣстно, что скрывается подъ этими выраженіями (положит. филос.), но что подъ ними скрывается нѣчто, это несомнѣнно". Старый переводъ былъ правильнѣе, а именно: „Правда, весьма не многимъ извѣстно, что скрывается подъ этими выраженіями, но всѣ понимаютъ, что скрывается нѣчто".

За то на стр. 4 новый переводчикъ повторилъ слово въ слово ошибочный переводъ прежнихъ переводчиковъ. Мы читаемъ: „однако, какъ то обыкновенно бываетъ, самыя слова (позитивный, позитивность) *понимаются лучше противниками* этого образа мыслей, *чѣмъ его сторонниками*". У Милля сказано (p. 2): „the words themselves are, as usual, *better known through* the enemis of that mode of thinking than *through* its friends", (т. е., самыя слова, какъ это обыкновенно бываетъ, *болѣе извѣстны благодаря* противникамъ этого образа мыслей, чѣмъ *благодаря* его сторонникамъ). И далѣе Милль объясняетъ, почему это такъ бываетъ. Дѣло въ томъ, что многіе мыслители, которые сами себя *не называютъ* позитивистами, которые даже *избѣгаютъ* употреблять это слово, причисляются своими противниками къ лагерю позитивистовъ, и такимъ образомъ, слово „позитивизмъ" *чаще* попадается у писателей враждебныхъ этому направленію, чѣмъ у писателей къ нему благосклонныхъ.

Выраженіе: „the great treatise of M. Comte" переведено (стр. 4): „огромный трактатъ Конта" (въ старомъ переводѣ сказано: „громадный"), но едва-ли Милль, употребляя это выраженіе, имѣлъ въ виду *объемъ* труда Конта, а не его содержаніе; поэтому фраза: „великій трактатъ Конта" была-бы, конечно, удачнѣе.

На стр. 5 читаемъ: „повидимому, настало время, когда каждая философія не только должна составить свое мнѣніе относительно этого умственнаго движенія, *но даже можетъ съ пользою имъ воспользоваться*". Старый переводъ былъ опять удачнѣе; а именно: „и такъ, наступило, кажется, время, когда каждый мыслитель-философъ не только обязанъ составить, *но можетъ даже съ пользою высказать* свое мнѣніе относительно умственнаго движенія, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь".

Милль говоритъ объ уваженіи, которымъ пользовался Контъ даже у мыслителей, не признававшихъ, какъ всей его второй половины дѣятельности, такъ и многаго въ его пер-

вой половинѣ, и затѣмъ прибавляетъ: „*It would hawe been* a mistake *had such thinkers busied themselves* in the first instance with drawinq attention to what they regarded as errors in his great work“. Это мѣсто переведено такъ: „*Можно считать* ошибкой этихъ мыслителей, *что они старались* прежде всего привлечь вниманіе на то, что по ихъ мнѣнію было ошибочнымъ въ великомъ произведеніи Конта“. Слѣдовало перевести такъ: „*Было-бы* ошибкою, *если бы* эти мыслители старались и т. д. (Курьеза ради замѣтимъ, что старый переводъ былъ на половину менѣе ошибоченъ, тамъ сказано: „*Можно-бы*“ смотрѣть, какъ на проступокъ, *что эти мыслители старались* и т. д.). Дѣло въ томъ, что Милль объясняетъ, почему онъ до сихъ поръ не выступилъ съ критикою Конта, и говоритъ, что для него, человѣка умственно весьма близкаго Конту, было-бы ошибкою указывать на слабыя стороны ученія Конта въ то время, когда это ученіе было мало извѣстно; но теперь, когда вліяніе Конта сдѣлалось значительнымъ, онъ считаетъ себя въ правѣ выступать съ критикою.

И здѣсь мы не перечисляемъ всѣхъ ошибокъ переводчика, но думаемъ, что и отмѣченнаго нами достаточно, чтобы подтвердить наше мнѣніе о совершенной неудовлетворительности перевода.

Д-ръ Эльзенгансъ. Элементарное описаніе душевныхъ явленій. («Краткая психологія для самообразованія») перевелъ съ нѣмецкаго М. Столяровъ. Харьковъ. 1896.

Популяризировать науку и легко, и трудно. Легко, если понять свою задачу такъ, что для популяризатора достаточно прочитать 2—3 книги и, затѣмъ, пересказать ихъ содержаніе своими словами. Трудно, если авторъ рѣшилъ неуклонно держаться принципа: „популяризировать науку, не дѣлая ее вульгарною“.

Брошюра д-ра Эльзенганса должна быть причислена къ неудачнымъ попыткамъ популяризировать психологію. Непослѣдовательность изложенія и неточность выраженій—таковы два тяжкія обвиненія, которыя могутъ быть предъявлены автору.

Книга начинается крайне неточнымъ опредѣленіемъ двухъ направленій въ психологіи. Авторъ утверждаетъ, будто эмпирическая психологія ставитъ своею задачею изложить „внѣшнія проявленія души“, а раціональная психологія занята „выясненіемъ внутренняго существа души“.

Нечего и говорить, что эмпирическая психологія не считаетъ своею задачею «изложеніе внѣшнихъ проявленій души». Вундтъ, умѣющій выражаться точно, говоритъ, что, согласно

опредѣленію эмпириковъ, психологія есть «наука о внутреннемъ опытѣ». Вундтъ этимъ опредѣленіемъ психологіи недоволенъ и утверждаетъ, что психологію слѣдуетъ считать наукою «*о непосредственномъ* опытѣ»; но ни у Вундта, ни у другихъ эмпириковъ нѣтъ и рѣчи о какихъ-то «внѣшнихъ проявленіяхъ души».

На страницѣ 14 мы читаемъ: «явленія душевной жизни обыкновенно объясняются принятіемъ трехъ способностей души—познанія, чувства и воли». Пресловутое ученіе о «способностяхъ» души имѣло совсѣмъ иной характеръ (напр., въ числѣ «способностей» фигурировали: «память», «воображеніе» и т. п.), а современные психологи (напримѣръ, Селли «Human Mind», vol. I. p. 59) говорятъ о тройственной «функціи духа».

«Чувства есть состоянія удовольствія и неудовольствія, чѣмъ они отличаются отъ ощущеній и представленій, такъ какъ эти послѣднія въ этомъ отношеніи равноцѣнны» (стр. 38). Фраза хорошо характеризующая разбираемое сочиненіе: 1) грамматически она плохо построена; 2) обнаруживаетъ смѣшеніе понятій «чувство» и «чувствованіе» (и это смѣшеніе наблюдается во всѣхъ другихъ мѣстахъ брошюры;) 3) говоритъ о «равноцѣнности» ощущеній и представленій, тогда какъ слѣдуетъ говорить объ ихъ безразличіи.

Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ, быть можетъ, виноватъ не столько авторъ, сколько переводчикъ; но всетаки, намъ кажется, что приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы поддержать нашъ упрекъ автору въ неточности выраженій. Что касается другого упрека: въ непослѣдовательности изложенія, то мы приведемъ только одинъ примѣръ. Въ самомъ началѣ сочиненія (стр. 10), при первомъ описаніи «признаковъ (!?) души» авторъ даетъ уже объясненіе гипнотическаго состоянія и религіознаго экстаза.

Общественная жизнь Англіи. Изданіе **Трайля.** Томъ I. Москва 1896 г. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Переводъ подъ редакціей П. Николаева.

На книгу эту нельзя смотрѣть, какъ на строго-научное изслѣдованіе, разсчитанное на новые выводы, новое освѣщеніе или объясненіе явленій общественной жизни Англіи. Это прежде всего популярная книга, популярное фактическое изложеніе развитія разныхъ сторонъ англійской общественной жизни, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая современною намъ жизнью Англіи. Еще менѣе разсчитана книга на то, чтобы дать полное объясненіе явленій общественной жизни Англіи, представить цѣльную и связную ея картину. Приступая къ изданію ея, авторы отказались отъ подобнаго рода задачи (стр. 3 введенія). Ихъ цѣль была проще. Въ англій-

ской исторической литературѣ существуетъ въ высшей степени цѣнное, но страшно объемистое, многотомное и въ нѣкоторыхъ частяхъ устарѣвшее изданіе по исторіи общественной жизни Англіи, извѣстная Pictorial History. Читающая публика нуждалась въ болѣе сжатомъ и болѣе соотвѣтственномъ современнымъ успѣхамъ историческаго изслѣдованія книгѣ такого же содержанія, какъ и Pictorial History; этому требованію и пытаются удовлетворить авторы разбираемой книги.

Избранный ими методъ изложенія заключается не въ томъ, чтобы „обозрѣвать всю совокупность" культурныхъ силъ въ ихъ прогрессивномъ ростѣ, а чтобы „собирать свѣдѣнія по пути шествія каждаго крупнаго отряда, входящаго въ составъ этой арміи", не въ томъ, чтобы „развертывать предъ глазами (читателя) широкую картину жизни націи», а въ томъ, чтобы фактическимъ изложеніемъ отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни дать читателю необходимый матеріалъ для ихъ изученія и затѣмъ уже составленія общей картины. Оттого книга является простымъ сборникомъ статей по исторіи отдѣльныхъ сторонъ англійской общественной жизни, статей, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ для каждой отдѣльной стороны этой жизни. Гражданская организація, религія и церковь, наука, литература, искусство, торговля и промышленность, нравы,—таковы главные отдѣлы, каждый изъ которыхъ составляетъ предметъ особаго изложенія. Съ развитіемъ общественной жизни, ея усложненіемъ, каждый изъ отдѣловъ разбивается на новые. Политическія событія стоятъ на второмъ планѣ, излагаются постольку, поскольку то необходимо для объясненія проявленій общественной жизни каждаго періода, излагаются поэтому кратко, безъ подробныхъ характеристикъ, хотя бы и крупныхъ дѣятелей, въ родѣ Вильгельма Завоевателя, Симона де Монфора и др.

Выдающіеся изъ современныхъ англійскихъ историковъ какъ, напр., лучшій знатокъ исторіи англійскаго права Майтлендъ, средневѣковой исторіи, какъ Едвардсъ и др., участвуютъ въ работѣ, и нѣкоторыя статьи, написанныя ими, по ясности изложенія и точности сообщаемыхъ фактовъ не оставляютъ желать лучшаго для популярнаго изданія. Такова, напр., исторія законодательства Майтленда и судопроизводства (стр. 185 и сл., 284 и сл., 400 и сл.), исторія флота Клоуэна (стр. 310 и сл.), норманской архитектуры—Гуттса (стр. 323) и др. Такова же отчасти и глава, посвященная, напр., вопросу о происхожденіи парламента—Смита (389) и заключающая въ себѣ весьма ясную и фактическую картину постепеннаго развитія парламента изъ мѣстнаго самоуправленія; картину, основанную на тщательныхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ послѣднее время.

Понятно, что при сотрудничествѣ многихъ лицъ, статьи по отдѣльнымъ сторонамъ общественной жизни не всѣ обладаютъ одинаковымъ достоинствомъ. Въ нѣкоторыхъ, особенно принадлежащихъ перу самого издателя, Трайля, гдѣ онъ пытался давать обобщенія, мы встрѣчаемъ нерѣдко фразы, мало что объясняющія, скудость фактовъ. Но это относится, главнымъ образомъ, къ введенію, составленному Трайлемъ, введенію, гдѣ онъ пытается представить общую картину развитія отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни Англіи. Введеніе—самая слабая часть книги, и слабая, именно, потому, что авторъ ея ограничивается разсмотрѣніемъ процесса развитія, напр., экономическихъ силъ страны безъ всякаго отношенія къ тому, какъ отразилось это развитіе на общественныхъ отношеніяхъ, на отдѣльныхъ класахъ.

Но слабость введенія, результатъ отступленія отъ плана работъ, не мѣшаетъ остальнымъ статьямъ быть вполнѣ пригодными и полезными въ смыслѣ ознакомленія фактическаго и въ сжатомъ видѣ съ исторіей развитія различныхъ сторонъ англійской жизни, обстановки ея и т. п. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи книга, безспорно, можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ при изученіи исторіи Англіи, да на это только она, какъ книга чисто-описательнаго характера, и расчитана.

И. Т. Тарасовъ. Очеркъ науки полицейскаго права. Москва. 1897. цѣна 4 р. 50 коп.

Въ русской юридической литературѣ не много сочиненій по полицейскому праву. Не считая брошюръ, касающихся частныхъ отдѣловъ науки, и трудовъ, не охватывающихъ вопросовъ науки во всей ихъ полнотѣ, (каковы, напр., соч. Гаттенберера: «Законодательство и биржевыя спекуляціи»; Окольскаго: «Объ отношеніяхъ государства къ народному образованію»; Антоновича: «Курсъ Госуд. благоустройства» и пр.), до послѣдняго времени у насъ имѣлось только одно капитальное сочиненіе по Полицейскому праву—именно, Курсъ проф. Андреевскаго. Но этотъ Курсъ въ настоящее время въ особенной своей части устарѣлъ, такъ какъ въ него не вошли законодательныя постановленія послѣ 1876 года.

«Очеркъ» г. Тарасова имѣющій цѣлью дать пособіе студентамъ для слушанія лекцій и экзамена, есть сокращенный *) и переработанный авторомъ его же Учебникъ Полицейскаго Права, вышедшій въ 95 году.

*) За исключеніемъ, впрочемъ, общей части, которая въ „Очеркѣ“ изложена даже подробнѣе.

По мнѣнію автора, наука Полицейскаго права есть наука о правовыхъ нормахъ, опредѣляющихъ полицейскую дѣятельность государства (4); подъ полицейскою-же дѣятельностью авторъ разумѣетъ не только мѣры безопасности отрицательнаго характера, т. е., направленныя исключительно на устраненіе препятствій къ дѣятельности гражданъ, но также положительныя мѣры, имѣющія въ виду активное воздѣйствіе государства на дѣятельность его подданныхъ (598).

Опредѣленіе науки, такимъ образомъ, близко подходитъ къ опредѣленію пр. Андреевскаго, который требуетъ только, чтобы положительное законодательство было подвергнуто серьезной критикѣ. Въ обоихъ этихъ опредѣленіяхъ мы склонны видѣть нѣкоторую неполноту, ибо въ задачи науки полицейскаго права должно непремѣнно входить изслѣдованіе того вліянія, которое оказываетъ на общественную жизнь положительное законодательство. И если Андреевскій въ своемъ курсѣ иногда отводитъ мѣсто такому изслѣдованію, то въ разбираемомъ „Очеркѣ" пр. Тарасова подобное изслѣдованіе обыкновенно отсутствуетъ.

Большимъ сторонникомъ введенія въ науку полицейскаго права такого изслѣдованія послѣдствій, оказываемыхъ на общественную жизнь существующимъ законодательствомъ, былъ покойный пр. Харьковскаго университета Гаттенбергеръ. По ясности и полнотѣ, опредѣленіе послѣднимъ науки полицейскаго права заслуживаетъ вниманія, и мы позволяемъ себѣ привести здѣсь эту краткую дефиницію: наука полицейскаго права, „изслѣдуетъ причины появленія административныхъ законовъ, изучаетъ самые эти законы и показываетъ то вліяніе, которое оказываютъ эти законы на общественную жизнь".

Переходя къ разбираемому „Очерку", мы видимъ, что сходясь съ Андреевскимъ въ опредѣленіи науки полицейскаго права, авторъ отвергаетъ принятое Андреевскимъ дѣленіе предмета на полицію безопасности и благосостоянія и подраздѣляетъ науку на три отдѣла: введеніе, общую часть и особенную. Введеніе заключаетъ въ себѣ основныя понятія и исторію ученій и учрежденій. Общая часть содержитъ изложеніе органовъ полицейской дѣятельности, ихъ власти и обезпеченія закономѣрности ихъ требованій. Наконецъ, въ особенной части трактуется о безопасности, просвѣщеніи, сообщеніи, обращеніи, производствѣ, распредѣленіи и потребленіи. При этомъ наибольшее вниманіе авторъ обращаетъ на полицію безопасности, отводя этой части почти половину своего труда; сравнительно мало авторъ трактуетъ о полиціи экономіи, т. е. о той области полицейскаго права, которая по взгляду Гаттенбергера составляетъ даже самостоятельную науку экономической политики.

По самой сущности предмета въ наукѣ полицейскаго права приходится касаться почти всѣхъ юридическихъ наукъ: приходится говорить о вещахъ, относящихся ближе всего то къ политической экономіи, то къ гражданскому, уголовному, государственному, международному праву. Но все же и въ этомъ должно быть чувство мѣры; между тѣмъ, — авторъ по временамъ дѣлаетъ ужъ слишкомъ подробныя выписки изъ разныхъ областей права. Вообще, въ разбираемомъ сочиненіи критика не всегда стоитъ на должной высотѣ. А между тѣмъ въ наукѣ полицейскаго права недостаточно выписать существующіе законы; надо еще подвергнуть ихъ анализу, показать ихъ раціональность или непригодность. Иногда авторъ это и дѣлаетъ, разбирая, напр., законодательныя постановленія относительно грунтовыхъ и шоссейныхъ дорогъ (516); разсматривая законоположенія, регламентирующія ремесленное производство (660) и т. п. Но очень часто мы получаемъ лишь сухой перечень постановленій торговаго или иного права, голое изложеніе законовъ и ничего болѣе.

Особенно бросается въ глаза почти полнѣйшее отсутствіе въ Очеркѣ статистическихъ данныхъ, которыя, повидимому, авторъ считаетъ не имѣющими отношенія къ полицейскому праву. Но это—крупная ошибка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, „цифра" является единственно пригоднымъ средствомъ для полученія правильнаго вывода относительно цѣлесообразности даннаго закона. Но если такъ, то очевидно, что статистику нельзя игнорировать въ наукѣ полицейскаго права, одною изъ задачъ которой является изслѣдованіе вліянія законодательныхъ постановленій на общественную жизнь. И въ этомъ отношеніи, отсутствіе въ разбираемомъ сочиненіи статистическихъ данныхъ является серьезнымъ недостаткомъ. Правда, и въ Курсѣ Андреевскаго удѣляется статистикѣ меньшее мѣсто, нежели это слѣдовало бы по существу предмета, но все же у Андреевскаго при изложеніи многихъ вопросовъ приводятся статистическія данныя, которыя то объясняютъ причину появленія закона, то даютъ приблизительную иллюстрацію его послѣдствій. Въ „Очеркѣ" проф. Тарасова статистическія свѣдѣнія почти совершенно отсутствуютъ. Но этого мало. По временамъ авторъ какъ будто вовсе упускаетъ изъ виду основную цѣль своего труда. Напр., говоря о страхованіи, онъ подробно трактуетъ о юридической сущности этого института, что, собственно, относится къ области гражданскаго права и предполагается извѣстнымъ изучающему полицейское право,—и въ то же время авторъ едва касается вопросовъ объ особенныхъ видахъ страхованія, принятыхъ въ Россіи. Такъ напримѣръ въ разбираемомъ сочиненіи не говорится подробно—ни о сущности земскаго страхованія, введеннаго въ

1864 году, ни о принудительномъ страхованіи христіанскихъ строеній; ни о такомъ же страхованіи въ нѣкоторыхъ казачьихъ войскахъ, напр., Астраханскомъ, введенномъ въ 1883 г.

Иногда г. Тарасовъ вдается въ едва ли умѣстное и болѣе пылкое, нежели доказательное обсужденіе высшихъ философскихъ вопросовъ. Такъ, напр., онъ доказываетъ, что между вѣрою и знаніемъ „существуетъ неразрывная связь", причемъ восклицаетъ: „вѣра очищаетъ знаніе, а истинное знаніе ведетъ къ истинному Богу: въ знаніи—истинный и цѣльный Богъ, какъ безъ Бога нѣтъ истиннаго и цѣльнаго знанія". И далѣе: „только невѣжество и лжезнаніе могутъ привести къ безвѣрію, нетерпимости, путаницѣ понятій, самомнѣнію, считающему всѣ вопросы разрѣшенными; здравому же уму и глубокому знанію совершенно чужды такія черты" (стр. 404).

Не говоря уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ между вѣрой и знаніемъ существуетъ глубокое различіе, создавшее даже афоризмъ: „гдѣ начинается вѣра, тамъ оканчивается знаніе", намъ кажется, что авторъ нѣсколько неправъ въ своемъ суровомъ заключительномъ приговорѣ. Тѣ несимпатичныя качества, которыя перечислены авторомъ, вовсе не являются необходимою принадлежностью невѣрія, ибо они въ равной мѣрѣ присущи и людямъ искренно вѣрующимъ.

По временамъ авторъ высказываетъ положенія, съ которыми нѣтъ никакой возможности согласиться, а иногда держится взглядовъ, которыя находятся въ противорѣчіи съ нѣкоторыми его же воззрѣніями, помѣщенными въ другихъ мѣстахъ его сочиненія. Такъ, въ главѣ объ элементарномъ образованіи авторъ указываетъ на два основныхъ требованія, которымъ должна удовлетворять начальная школа: 1) школа должна быть народной и 2) положительные элементы, обезпечивающіе культурное развитіе народа, должны входить въ народную школу въ такомъ соотношеніи, которое соотвѣтствовало бы условіямъ жизни даннаго народа, его историческому прошлому, его бытовымъ особенностямъ.

Мы не знаемъ, о какомъ соотношеніи говоритъ авторъ; но очевидно, что онъ не сочувствуетъ тому, чтобы въ народной школѣ въ равной мѣрѣ обращалось вниманіе на всѣ предметы элементарнаго обученія, ибо подобное требованіе примѣнимо ко всякому народу, независимо отъ его индивидуальныхъ особенностей. Авторъ говоритъ о соотношеніи положительныхъ элементовъ школьнаго образованія сообразно съ условіями жизни народа, его историческимъ прошлымъ, его бытовыми особенностями. И изъ этого ясно, что онъ желаетъ, чтобы, въ виду вышеуказанныхъ основаній, не всѣмъ положительнымъ элементамъ было отведено русской школой одинаковое вниманіе. Но вѣдь ни для кого не тайна, что условія

жизни нашего народа полны печальныхъ явленій, что его историческое прошлое тѣсно связано съ исторіей крѣпостного права, а его бытовыя особенности—нужда, малоземелье, невѣжество и вѣра, глубокая, искренняя вѣра, сообщившая ему силы перенести почти безропотно рабство, произволъ, несправедливость. Но въ такомъ случаѣ, въ чемъ же должно выразиться то соотношеніе положительныхъ элементовъ, о которомъ говоритъ авторъ и которое соотвѣтствовало бы всѣмъ перечисленнымъ особенностямъ русскаго народа? Нѣкоторое указаніе на это мы находимъ нѣсколько ниже, гдѣ авторъ касается вопроса о типахъ народной школы. По его мнѣнію, „общимъ условіямъ жизни русскаго народа наиболѣе соотвѣтствуетъ типъ церковно приходской школы". И такъ, вотъ гдѣ заключается соотношеніе между различными элементами школьнаго образованія. Мы вовсе не противники церковно-приходской школы: пусть себѣ приноситъ посильную пользу народу, но мы не можемъ не указать на крайности того направленія, представителемъ котораго является авторъ разбираемаго труда. Церковно-приходской школѣ едва ли можетъ быть отведено столь привилегированное положеніе. Школа должна давать твердыя элементарныя знанія и правильныя религіозныя понятія. Но и первое и второе можетъ быть достигнуто только тогда, когда дѣлу обученія посвящаютъ свой трудъ спеціально для того предназначенныя лица. Въ церковно-приходской школѣ вышеупомянутыя задачи школьнаго обученія значительно тормозятся тѣмъ обстоятельствомъ, что члены причта, помимо обязанности обученія въ церковной школѣ, надѣлены множествомъ другихъ, болѣе прямыхъ и неотложныхъ обязанностей, и, конечно, не могутъ посвящать всѣ свои силы цѣлямъ народнаго образованія. И въ этомъ смыслѣ земской школѣ должно быть отдано предпочтеніе. Что-же касается воспитательнаго значенія народной школы, то едва ли есть серьезное основаніе утверждать, что въ церковно-приходской школѣ это значеніе будетъ выше, нежели въ земской.

Впрочемъ, въ наши задачи не входитъ подробный разборъ типовъ народной школы. Поэтому мы только замѣтимъ, что заключеніе автора относительно преимуществъ церковно-приходской школы неосновательно тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ самъ авторъ,—„исключительно-церковное образованіе отличается односторонностью, ведетъ къ религіозной нетерпимости" (406), а „дѣятельность земства, направленная на развитіе народнаго образованія, такъ почтенна и плодотворна". (453). Вообще, намъ кажется, что вопросъ о соотношеніи въ томъ видѣ, какъ онъ трактуется авторомъ, не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Народу нужна грамота, простая, безхитростная грамота, и чѣмъ больше будетъ входить въ

народную школу „положительныхъ элементовъ, обезпечивающихъ его культурное развитіе“, тѣмъ большее спасибо онъ вамъ скажетъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Иванъ Тобилевичъ (**Карпенко-Карый**). Драмы и комедіи. Томъ I. Одесса. 1897 Ц. 1 р. 50 к.

Павелъ Крушеванъ. Призраки. М. 1897 Ц. 2 р.

Его-же. Дѣло Артабанова. М. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Н. А. Лейкинъ. Среди причта. Романъ. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Me eum esse, Новая книга стиховъ. М. 1897.

Его-же. Chefs d'oeuvre. Второе изд. съ измѣненіями и дополненіями М. 1896.

Г. М. Пекаторосъ. Скоморохъ. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Одесса. 1896.

Мольеръ. Сганарель. Ком. въ 1-мъ дѣйствіи. Вольный переводъ въ стихахъ А. А. Ѳедорова-Давыдова. М. 1896.

Н. Юрьинъ. Искатель новыхъ впечатлѣній. Повѣсть. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Стихотворенія и прозаическія произведенія **А. П. Барыковой**. Изд. „Посредника“. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Лазарильо изъ Тормесъ и его удачи и неудачи. Переводъ съ испанскаго И. Гливенко съ предисловіемъ Морель-Фассіо. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. СПБ. 1897. Ц. 75 к.

А. Воротынскій. На Разсвѣтѣ. Историческая фантазія. Римъ, 63 годъ по Р. Х. СПБ. 1897.

Князь Индостанскій. Призраки. Окончаніе повѣсти М. Ю. Лермонтова, начинающейся словами: „У графини В.... былъ музыкальный вечеръ“—и прерывающейся на словахъ: „Онъ рѣшился“. Фантастич. разсказъ. М. 1897. Ц. 30 к.

На край свѣта. Кастрюкъ. Разсказы **Ив. Бунинъ**. Изд. О. Н. Поповой (Народная и дѣтская библіотека). СПБ. 1897. Ц. 10 к.

Л. М. Медвѣдевъ. Въ семьѣ. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. М. 1896. Ц. 60 к.

Нѣсколько стихотвореній **К. П. Монюшко**. СПБ. 1897. Ц. 20 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго Университета. Подъ ред. В. А. Гольцева. М. 1897. Ц. 1 р.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ подъ ред. П. П. Вейнберга. Вып. XVII. М. 1896.

Зин. Венгерова. Литературныя характеристики. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Библіографическій указатель переводной беллетристики въ связи съ исторіей литературы и критикой. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Иммануилъ Кантъ. Критика практическаго разума. Переводъ Н. М. Соколова. Изд. кн. маг. М. В. Попова. СПБ. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Вильгельмъ Вундтъ. Очеркъ психологіи. Переводъ Д. В. Викторова, подъ ред., съ предисл. и примѣчаніями проф. Н. Я. Грота. (Изд. Моск. Психологич. Общ. Вып. V М. 1897. Ц. 1 р. 40 к.

К. Вагнеръ. Молодое поколѣніе. Удостоено преміи франц. академіей. Перевела съ 17 франц. изд. С. Леонтьева. СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. **Генриха Буля**. Переводъ съ нѣм. С. Сергѣева. Изд. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла („Библ. общественныхъ знаній" Серія II. Вып. 2-ой). Одесса. 1897. Ц. 20 к.

М. Дьяконовъ. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. II. Грамоты и записи. Юрьевъ. 1897.

Г. Ф. Герцбергъ. Исторія Византіи. Переводъ примѣчанія и приложенія П. В. Безобразова. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897. Ц. 4 р.

Ѳ. Цейсъ. Государственный строй швейцарскаго союза. („Новая Библ." № 1). Одесса. 1897. Ц. 25 к.

Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Чехи, Поляки, Румыны. **Е. Н. Водовозовой**. СПБ. 1897. Ц. 40 к.

Бельгія и Голландія. Сочиненіе **Э. Реклю**. Полный переводъ съ франц. Пл. Краснова. Изд. О. Н. Поповой („Земля и Люди". Вып. II). СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Дневникъ экспедиціи **А. Л. Чекановскаго** по рѣкамъ Нижней Тунгускѣ, Оленеку и Ленѣ въ 1873—75 годахъ. (Оттискъ изъ Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ). СПБ. 1896.

Фритіофъ Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Путешествіе норвежской экспедиціи на кораблѣ „Фрамъ" къ сѣверному полюсу. Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслова, подъ ред. Н. Березина. Вып. I. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1897. Ц. I-го вып. 30 к.

Н. Телешовъ. За Уралъ. Изъ скитаній по Западной Сибири. Очерки. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1897. Ц. 75 к.

Наблюденія надъ качаніями поворотныхъ маятниковъ Рейсольда, произведенныя въ Парижѣ и Пулковѣ въ 1893—94 г. **А. Соколовымъ**. (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. По общей географіи. Т. XXX, № 2). СПБ. 1896.

Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общ., издаваемыя подъ ред. секретаря общества. Т. XXXII 1896. Вып. IV. СПБ. 1896.

Русскій Астрономическій календарь на 1897 г. Нижегородскаго Кружка Любителей Физики и Астрономіи. Подъ ред. предсѣдателя Общества. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1897. Ц. 75 к.

Общедоступныя лекціи и рѣчи **Ал. Гр. Столѣтова**. Съ фототипическимъ портретомъ и біограф. очеркомъ, составленнымъ К. Тимирязевымъ. Изд. ред. журнала „Русская Мысль". М. 1897.

Г. Гельмгольцъ. О сохраненіи энергіи. Переводъ съ нѣм. Е. Н. Гессенъ. Изд. I. Юровскаго („Международная Библ." № 47). СПБ. 1897. Ц. 15 к.

Дифтеритъ и заразныя болѣзни. Общедоступное изложеніе ученія о заразныхъ болѣзняхъ вообще и дифтеритѣ въ отдѣльности. **Д-ра П. Л. Минусона**. Составлено по лучшимъ новѣйшимъ источникамъ. Одесса. 1896. Ц. 1 р.

Проф. **А. Baginsky**. Гигіеническія основы Моисеева законодательства. Переводъ подъ ред. д-ра медицины М. Б. Коцына. М. 1896. Ц. 35 к.

Леченіе электрическимъ свѣтомъ ревматизма, невралгіи

и т. п., Теоретическія и практическія данныя по устройству электросвѣтительной установки по способу д-ра Эвальда. СПБ. 1897.

Елизавета Дрентельнъ. Не слишкомъ ли много мы лѣчимъ нашихъ дѣтей? (Статья изъ журнала „Образованіе" за 1896 г.). Харьковъ 1896. Ц. 20 к.

Дальнѣйшее развитіе и успѣхи Броунъ-Секаровскаго способа лѣченія болѣзней подкожными вспрыскиваніями вытяжекъ изъ органовъ животныхъ. Д-ра **П. П. Викторова.** Вып. I. М. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Санитарный надзоръ надъ жилищами и санитарная организація въ различныхъ государствахъ. Женщины-врача **М. И. Покровской.** СПБ. 1897. Ц. 1 р.

Н. Я. Горовая. Гигіеническіе очерки. I. Пыль. II.—Воздухъ жилыхъ помѣщеній. СПБ. 1897. Ц. 80 к.

Бесѣды по земледѣлію **П. А. Бильдерлинга.** Изд. А. Ф. Маркса. СПБ. 1897. Ц.—40 к.

Новый, простой способъ рѣшенія численныхъ алгебраическихъ уравненій, какихъ угодно, цѣлыхъ степеней **Н. С. Починскаго.** Отд. первый. СПБ. 1896.

В. П. Вахтеровъ. Всеобщее обученіе. М. 1897. Ц. 1 р.

Вл. Муриновъ. Задачи и организація земскихъ книжныхъ складовъ. М. 1896.

Ж. Бертильонъ. Курсъ административной статистики. Ч. I-ая. Переводъ съ франц. Н. Ѳ. Джунковскаго, съ вступительной статьей проф. А. Ѳ. Фортунатова. Изд. магазина „Книжное Дѣло". М. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

В. В. Пржевальскій. Проектъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права. Изъ журнала Юридич. Общества. СПБ. 1897.

Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1893 г. Изд. Департамента Торговли и Мануфактуръ. СПБ. 1896.

Сводъ данныхъ о торговыхъ сборахъ въ Россіи за 1893 и 1894 годы. Изд. Деп. Торг. и Мануф. СПБ. 1896.

Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ. Изслѣдованіе **И. И. Янжула.** Изд. Деп. Торг. и Мануф. М. 1897.

Отчетъ о дѣятельности Боровичскаго Общества Трезвости за второй годъ существованія (съ 1 Іюня 1895 г. по 1 Іюня 1896 г.). Составилъ **А. А. Журавлевъ.** Боровичи. 1896.

Годовой **отчетъ** русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества, за 1895—96 годъ. СПБ. 1897.

Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петерб. Высшихъ Женскихъ Курсахъ. **Отчетъ за 1896 г.** СПБ. 1897.

Докладная записка въ городскую коммиссію по народному образованію члена коммиссіи **Н. А. Нечаева** и отчеты о дѣятельности городского народнаго лѣтняго дѣтскаго сада въ С.-Петербургѣ на Прудкахъ и лѣтнихъ дѣтскихъ Санитарныхъ Колоній. СПБ. 1897.

Взаимное земское отъ огня страхованіе въ Полтавской губерніи. (1867—1895 гг.) Вып. I. Полтава. 1896. Ц. 1 р.

Очеркъ экономическаго положенія Татаръ Кошкинской волости Малмыжскаго уѣзда. Составилъ **Ѳ. Жирковъ.** Вятка. 1896.

Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Сборникъ статей подъ ред. проф. **А. И. Чупрова** и **А. С. Посникова.** 2 тома. СПБ. 1897. Ц. за два тома 5 р.

Ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго Земства на 1896 годъ. Годъ второй. Полтава. 1896. Ц. 1 р.

Г. П. Сазоновъ. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—1895 гг.) Приложенія. Изд. Деп. Землед. СПБ. 1896.

Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при Московскомъ Столичномъ мировомъ съѣздѣ. Съ 1-го Янв. 1896. по 1-ое Янв. 1897. М. 1897.

La femme nouvelle. Par **O. De Bézobrazow**. (Bibliothéque franco-Russe) Paris 1896.

Politique Européenne. Par **M. Deluus-Montaud** (Publication du Comité d' Égypte, № 4). Paris. 1897.

Principes de sociologie. Par Franklin **H. Giddinge**. Paris. 1897. Prix, 6 fr.

Къ вопросу о теоріи общества.

Franklin Giddings. «The Principles of Sociology», 1896.

Въ разное время поднимался въ нашей научной литературѣ и на страницахъ печати горячій споръ о соціологическихъ методахъ. Въ немъ принимали участіе многіе изъ нашихъ ученыхъ и публицистовъ, а ихъ полемическія статьи возбуждали живой интересъ среди читающей публики. Это происходило по весьма понятной причинѣ: споръ выходилъ далеко за предѣлы чисто методологическихъ вопросовъ и касался почти цѣликомъ основныхъ началъ теоретическаго изученія общества и связанныхъ съ нимъ практическихъ выводовъ. Очень скоро въ немъ преобладающей темой сталъ вопросъ о значеніи личности въ общественной жизни, о законности человѣческаго вмѣшательства въ ходъ общественнаго развитія. «Объективисты», отстаивая единство научнаго метода, исходили изъ той вѣрной мысли, что общественныя явленія могутъ быть такимъ же предметомъ изученія, какъ и всякія другія явленія, и что соціологія должна освободиться отъ произвольныхъ и метафизическихъ толкованій и стать столь же научною, какъ и всѣ прочія отрасли знанія, Но, доказывая закономѣрность и детерминированность общественныхъ явленій и ихъ «аналогію» съ явленіями низшаго порядка, объективисты не замѣчали ихъ существенной особенности, какъ явленій цѣлевыхъ, особенности, обусловливающей неприложимость къ нимъ объясненій, вполнѣ достаточныхъ для явленій, менѣе сложныхъ. Слѣдуя методу аналогій, объективисты отрицали значеніе личности, какъ фактора общественнаго процесса, и не признавали научной цѣнности въ «разсужденіяхъ о желательныхъ общественныхъ перемѣнахъ».

Въ защиту интересовъ личности и законности стремленій къ ак-

тивному совершенствованію, выступила «субъективная школа». Ея заслугою явилось обоснованіе самостоятельности общественной науки и провозглашеніе весьма важной теоремы соціологіи, что «общество основано на личностяхъ, и что развитіе общества совершается не иначе, какъ личностями».

Въ недавнее время споръ готовъ былъ возобновиться. Противъ «субъективнаго идеализма» въ соціологіи возстали наши теоретики «экономическаго матеріализма». Упрекая въ ненаучности всякаго рода субъективныя построенія прогресса, они находили въ ученіи о личности, какъ дѣйственной единицѣ въ общественномъ процессѣ, лишь признаніе метафизическаго агента,—свободной воли. Эти нападки въ свое время встрѣтили возраженія, но споръ очень скоро перешелъ изъ области теоретической соціологіи къ вопросамъ экономической теоріи и, въ частности, къ вопросамъ русскаго экономическаго развитія.

«Субъективная школа», по мнѣнію г. Южакова, можетъ съ полнымъ правомъ быть названа русскою соціологическою школою *). Справедливость такого мнѣнія едвали можетъ оспариваться. Въ своей горячей защитѣ интересовъ личности, ея идеаловъ и стремленій къ активности, «субъективная школа» проявила, дѣйствительно, рѣдкую самостоятельность. Въ то время, какъ западно-европейская соціологическая литература, подавленная авторитетомъ Спенсеровской соціологіи, въ своемъ отождествленіи общества съ организмомъ, приводила къ поглощенію соціологіи нисшею отраслью знанія, біологіей, и объявляла всякія стремленія со стороны личности къ улучшенію «утопическими фантазіями», ничего общаго съ наукою неимѣющими, русская соціологическая школа всѣми силами отстаивала законность такихъ стремленій. Быть можетъ, такое направленіе въ нашей литературѣ подсказывалось внѣшними условіями. Но, во всякомъ случаѣ, обвиненіе, какое иногда высказывалось, въ несамостоятельности и въ заимствованіи устарѣлыхъ заграничныхъ теорій, являлось совершенно неосновательнымъ. «Субъективная школа» не повторяла зады чужихъ теорій, а скорѣе предвосхищала ихъ позднѣйшіе выводы. Можно сказать, что теоретическія положенія, которыя отстаивала наша «субъективная школа», лишь за послѣднее время стали получать широкое признаніе въ иноземной соціологической литературѣ.

До послѣдняго времени въ соціологіи было господствующей формою обыкновенное направленіе, сводившее объясненіе общественныхъ явленій исключительно къ терминамъ физической причинности. Такое направленіе развивалось, благодаря исключительному вліянію эволюціонной философіи, которая съ необыкновенной быстротою охватывала различныя отрасли знанія. Наибольшаго развитія физическая или біологическая теорія общества достигла въ соціологической си-

*) Южаковъ. «Соціол. этюды», стр. 235.

стемѣ Спенсера, который, какъ извѣстно, свелъ объясненіе общества къ «основнымъ началамъ»,—къ постоянству силы, интеграціи и дифференціаціи формы, которыя составляютъ содержаніе его общей формулы эволюціи. Долгое время Спенсеровская соціологія оказывала преимущественное вліяніе на направленіе соціологическихъ работъ. Однако, мало-по-малу, въ соціологіи стало слагаться и другое направленіе, признававшее необходимымъ для пониманія общественныхъ явленій введеніе субъективнаго элемента.

Поворотъ отъ Спенсеровскаго объективизма въ сторону субъективнаго объясненія обозначился особенно рѣзко въ американской соціологической литературѣ. Рѣшительнымъ противникомъ соціологическихъ воззрѣній Спенсера въ половинѣ 80-хъ годовъ выступилъ американской соціологъ Лестеръ Уордъ. Уордъ доказывалъ неприложимость объективнаго (біологическаго) метода къ объясненію общественныхъ явленій. Общественными факторами онъ призналъ психическія силы человѣка, его чувства и разумъ, а въ общественномъ процессѣ отвелъ громадное значеніе волевой и сознательной дѣятельности личностей. Признавая философское единство всѣхъ явленій, Уордъ тѣмъ не менѣе въ психическихъ и соціологическихъ фактахъ отмѣтилъ то крупное отличіе отъ болѣе простыхъ естественныхъ явленій, что первые всегда цѣлевые: ихъ причиною является цѣль, т. е. извѣстное координированное состояніе чувства и сознанія. Поэтому соціологическій методъ, по мнѣнію Уорда, не есть простая естественная причинность, а цѣлесообразность («телеологичность»). Спенсеровская соціологія, по словамъ Уорда, по существу отрицательна, такъ какъ она, признавая одни лишь измѣненія, производимыя природою, отказываетъ человѣку въ способности активнаго вмѣшательства и искусственнаго измѣненія естественныхъ процессовъ. Между тѣмъ по словамъ указаннаго автора, въ этомъ вмѣшательствѣ заключается существенная особенность общественнаго процесса, и построеніе научной теоріи дѣйствительнаго усовершенствованія представляетъ дальнѣйшую и необходимую ступень въ развитіи соціологіи.

Такимъ же сторонникомъ субъективнаго направленія въ соціологіи въ послѣднее время выступилъ американскій профессоръ въ Columbia University Фраклинъ Гиддингсъ. Въ своей недавно изданной книгѣ «Принципы соціологіи» Гиддингсъ пытается дать болѣе твердое научное обоснованіе «субъективному объясненію» и построить теорію общества, связавъ въ одно цѣлое принципы объективныхъ и субъективныхъ воззрѣній.

По мнѣнію Гиддингса, обособленіе двухъ методовъ объясненія въ современной соціологической литературѣ явилось наслѣдіемъ историческаго прошлаго, продолженіемъ того раздѣленія, какое нѣкогда обозначилось въ политической философіи. Начиная съ «Политики» Аристотеля, въ теоріяхъ Бодена, Монтескье и физіократовъ постепенно развивалось объективное объясненіе общественныхъ

явленій, сводившее ихъ къ вліянію расы, климата, наслѣдственности, историческихъ условій; но рядомъ съ нимъ постепенно слагалось и другое пониманіе, которое находило объясненіе общественнымъ фактамъ въ свойствахъ человѣческой природы, въ сознаніи пользы, въ нравственныхъ понятіяхъ и въ идеалахъ. Такое обособленіе осталось и послѣ того, какъ началось систематическое изученіе общества.

Гиддингсъ находитъ, что физическое объясненіе общества грѣшитъ явною односторонностью. Общественная жизнь, говоритъ онъ, несомнѣнно представляетъ двоякаго рода явленія, — физическія и психическія, при чемъ и тѣ, и другія неотдѣлимы и взаимно зависимы. Поэтому соціологія должна понять общество въ его единствѣ и объяснить его въ перемѣнахъ обоихъ процессовъ, т. е. съ точки зрѣнія законовъ эволюціи и со стороны психической дѣятельности личности.

Эволюціонный принципъ объективнаго объясненія не нуждается, по мнѣнію Гиддингса, въ пересмотрѣ, хотя и здѣсь, добавляетъ онъ, предстоитъ еще не мало труда для того, чтобы физическій процессъ былъ вполнѣ понятъ во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится изученіе психической стороны общественныхъ явленій. Субъективному объясненію недостаетъ законченности и надлежащей научной точности. «Субъективисты» должны провести свое объясненіе чрезъ всю совокупность общественныхъ явленій. При этомъ, по мнѣнію Гиддингса, не слѣдуетъ ограничиваться безплоднымъ перечисленіемъ разнообразныхъ мотивовъ, дѣйствующихъ на человѣка, а необходимо свести ихъ къ одному основному принципу, изъ котораго бы вытекали всѣ послѣдствія въ волевыхъ отношеніяхъ общества.

Вопросъ объ основномъ принципѣ объясненія, по мнѣнію Гиддингса, совпадаетъ съ задачею опредѣленія отличительнаго признака общественныхъ явленій, отысканіемъ котораго занята новѣйшая соціологія *). Такой отличительный признакъ и элементарный субъективный фактъ Гиддингсъ находитъ въ особомъ умственномъ состояніи индивида, которое онъ называетъ «сознаніемъ рода» (The consciousness of kind) и при которомъ, поясняетъ онъ, одно существо признаетъ въ другомъ представителя одного съ нимъ рода. Въ этомъ индивидуальномъ сознаніи сходства и одинаковой принадлежности къ одной общественной группѣ лежитъ, по мнѣнію Гиддингса, психологическая основа общественныхъ явленій. Сознаніе рода, говоритъ Гиддингсъ, производитъ раздѣленіе одушевленнаго и неодушевленнаго, въ обширномъ классѣ одушевленнаго оно разграничиваетъ виды и расы, въ дѣленіяхъ расъ отмѣчаетъ племенныя и

---

*) Тардъ и Фуллье считаютъ опредѣленіе такого признака необходимымъ для обоснованія соціологіи, какъ самостоятельной науки. См. Tarde «La logique sociale», p. V, Alf. Fouillée «Le mouvement positiviste», p. 231.

политическія группы и общественные классы. Въ этомъ умственномъ состояніи Гиддингсъ видитъ основной опредѣляющій факторъ, отъ котораго берутъ начало всѣ прочіе психическіе мотивы, при чемъ «сознаніе рода», по его словамъ, глубже и сильнѣе всѣхъ прочихъ мотивовъ, такъ какъ оно существенно видоизмѣняетъ ихъ, теоретически полное, дѣйствіе. Нерѣдко отдѣльный рабочій, поясняетъ Гиддингсъ, вступаетъ въ стачку, вопреки своей личной выгодѣ, движимый лишь могучимъ стимуломъ группового единства; по той же причинѣ предприниматель защищаетъ протекціонизмъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ не приноситъ выгоды его собственному производству; точно также реформы въ вѣрованіяхъ нерѣдко производятся лишь подъ вліяніемъ желанія поддержать духовное общеніе группы, которой грозитъ распаденіе.

Намѣтить дѣйствіе указаннаго психическаго состоянія чрезъ всѣ его проявленія и составляетъ, по мнѣнію Гиддингса, главную задачу субъективнаго объясненія.

Въ указанномъ раздѣленіи общественныхъ явленій на два ряда,—явленій физическихъ и психическихъ, нѣтъ ничего общаго съ воззрѣніями такъ называемаго «философскаго дуализма», противополагающаго духъ и матерію, какъ двѣ особыя сущности. Каждый субъективистъ, говоритъ Гиддингсъ, долженъ признать, что общественная эволюція, въ ея цѣломъ, есть только стадія космической эволюціи, что всякая общественная энергія есть лишь превращенная физическая энергія, взятая населеніемъ изъ окружающей среды, и что психическая энергія есть особый родъ энергіи, непосредственно соединенной съ сознаніемъ. Но именно поэтому психическая дѣятельность и является такой же «естественной причиною», какъ и всякая другая энергія, и дѣйствуя въ рядѣ предыдущихъ причинъ, она всегда оказываетъ вліяніе на послѣдующій результатъ, видоизмѣняя дѣйствіе чисто физическихъ причинъ.

Уже приведеннаго вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, насколько взгляды американскаго профессора близко подходятъ къ воззрѣніямъ представителей вышеназванной «субъективной школы». Подобно имъ, въ общественномъ развитіи Гиддингсъ видитъ наряду съ естественнымъ процессомъ, производимымъ природою, искусственный, творческій процессъ, производимый человѣкомъ. Этому послѣднему онъ отводитъ болѣе значительную роль, чѣмъ простому, естественному движенію. Онъ признаетъ, что личность, хотя и зависитъ отъ среды, но въ то же время является не пассивнымъ ея орудіемъ, а дѣйственной единицей, сознательно приспособляющей окружающее къ своимъ нуждамъ. По его мнѣнію, самая формировка личности происходитъ не столько въ зависимости отъ физической среды, сколько отъ искусственныхъ условій, ранѣе созданныхъ самимъ же человѣкомъ. И въ прошломъ, и въ настоящемъ человѣкъ былъ творцомъ своей судьбы, и его будущее зависитъ лишь отъ того, насколько онъ сумѣетъ опредѣлить и осуществить

условія, увеличивающія его счастіе и уменьшающія его страданіе.

Книга Гиддингса, на нашъ взглядъ, представляетъ значительный интересъ и вполнѣ заслуживаетъ внимательнаго отношенія къ ней; поэтому, не лишнимъ будетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ положеніяхъ, развиваемыхъ американскимъ соціологомъ.

Первоначально, говоритъ Гиддингсъ, общественныя сочлененія образуются подъ вліяніемъ однихъ лишь внѣшнихъ физическихъ условій. Скопленіе индивидовъ въ извѣстной мѣстности обусловливается количествомъ пищевыхъ средствъ, свойствами климата и мѣстоположенія. При благопріятныхъ условіяхъ такіе аггрегаты индивидовъ расширяются количественно, путемъ рожденій и притока новыхъ переселяющихся группъ. Такъ создаются естественныя группы населенія, составляющія физическую основу общественныхъ явленій, отъ которой онѣ находятся въ такой же зависимости, въ какой умственная жизнь индивида отъ физическаго строенія его мозга и нервныхъ клѣтокъ.

Постепенно въ естественныхъ агрегатахъ ярче обозначается психическій процессъ. Внутри болѣе или менѣе однородной группы возникаютъ примитивныя формы общенія индивидовъ, съ возникновеніемъ которыхъ и начинается, по мнѣнію Гиддингса, процессъ развитія индивида, какъ члена общественной группы, и той связи индивидовъ, которая именуется обществомъ. Главнымъ факторомъ развитія общенія въ такихъ первичныхъ группахъ Гиддингсъ считаетъ подражаніе, которое ассимилировало и объединяло членовъ группы и, способствуя возникновенію сознанія сходства и близости, вело къ установленію разнообразныхъ формъ общенія между ними. Общеніе оказывало могучее вліяніе на развитіе личности. Во всемъ, что касается умственной и нравственной жизни, такая ассоціація индивидовъ имѣла большее вліяніе, чѣмъ физическая среда: она являлась для каждаго индивида его общественной средою, лежащею между его сознаніемъ и внѣшней природою. Съ этихъ поръ умственная жизнь индивида приспособлялась непосредственно не къ внѣшнему міру, а къ обществу и лишь чрезъ посредство его къ окружающимъ условіямъ. Общеніе развивало мыслительныя способности индивидовъ, ихъ привычки и наклонности къ общительности и взаимопомощи, а развивавшіяся на почвѣ общенія психическія измѣненія воздѣйствовали на нервы и мозгъ, а черезъ нихъ и на весь организмъ.

Отсюда ясно, говоритъ Гиддингсъ, что кооперація была одною изъ главныхъ причинъ происхожденія видовъ, вліявшей на ихъ измѣненіе и переживаніе. Развивая мыслительную способность, она создавала наиболѣе могучее орудіе въ борьбѣ за существованіе, а способствуя скрещиванію разнородныхъ элементовъ, помогала воспроизведенію и давала возможность появленію пластичности и из-

мѣнчивости, столь необходимыхъ для приспособленія. Но кооперація вліяла не только на тѣ причины измѣненій, которыя были отмѣчены біологами, она породила новый факторъ, непрерывно дѣйствовавшій въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ еще до появленія человѣка. Этотъ факторъ былъ сознательный подборъ, дополнявшій всюду дѣйствіе естественнаго подбора.

Вмѣстѣ съ развитіемъ мыслительной способности началось болѣе сознательное отношеніе индивида къ общественнымъ условіямъ. Постепенно явилось убѣжденіе, что общественное существованіе есть лучшій способъ защиты и удовлетворенія потребностей. Такое сознаніе воздѣйствовало на волю и заставляло стремиться къ поддержанію и улучшенію общественныхъ отношеній, вслѣдствіе чего общество становилось предметомъ желанія и все болѣе и болѣе продуктомъ сознательнаго строительства. Такъ, мало-по-малу развивалось дѣйствіе сознательнаго, искуственнаго подбора (social choice), который, наряду съ естественнымъ подборомъ, становился важнымъ факторомъ общественнаго развитія.

Значительный пробѣлъ біологической философіи, по мнѣнію Гиддингса, заключается именно въ томъ, что она игнорируетъ общественный факторъ и пытается свести измѣненія къ однимъ лишь физіологическимъ процессамъ, тогда какъ въ дѣйствительности мыслительная способность всегда была подбирающимъ агентомъ, который комбинировалъ факторы эволюціи.

Съ появленіемъ въ общественныхъ группахъ искусственнаго процесса, дѣйствіе естественныхъ силъ не прерывается; напротивъ, поле дѣйствія естественнаго подбора значительно расширяется. Среди различныхъ видовъ общественнаго подбора, который можетъ быть разумнымъ и глупымъ, полезнымъ и вреднымъ, и среди соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній происходитъ борьба за существованіе, въ которой переживаютъ лишь тѣ системы подбора, которыя разумны и полезны. Таковъ, по мнѣнію Гиддингса, циклъ общественной причинности, начинающійся и кончающійся физическимъ процессомъ; между его началомъ и завершеніемъ находится волевой процессъ искусственнаго подбора, но, по мнѣнію Гиддингса, это не есть замѣна естественнаго процесса искуственнымъ, какъ-то думаетъ Лестеръ Уордъ, а лишь умноженіе слѣдствій, на которыя дѣйствуетъ эстественный подборъ.

Волевой общественный процессъ заключается въ общественномъ отборѣ. Этотъ послѣдній опредѣляется желаніями и разумомъ. Общество на основаніи познаній, добытыхъ въ прошломъ (традицій), и вновь пріобрѣтенныхъ свѣдѣній опредѣляетъ, что для него цѣнно и желательно. Эти общественныя цѣнности и составляютъ основанія для сознательнаго общественнаго отбора. Слѣдовательно, законы общественнаго отбора суть неизмѣнныя отношенія между группами общественныхъ цѣнностей и формами общественнаго поведенія. Первыя обусловливаютъ вторыя, такъ что при извѣстной комбинаціи

общественныхъ цѣнностей всегда слѣдуетъ извѣстное поведеніе. Раціональный отборъ непремѣнно требуетъ наличности вліянія на выборъ интеллектуальныхъ продуктовъ души, а не однихъ лишь желаній. Отъ преобладанія разума надъ чувствомъ зависитъ успѣшность и объективная цѣнность подбора. Вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго сознанія измѣнялись и понятія общественныхъ цѣнностей. Въ теченіе своего развитія общество постепенно вырабатывало идеалы и критеріи подбора, переходя отъ принциповъ личной силы и наибольшей выгоды къ понятіямъ справедливости и гуманности. Всѣ эти критеріи опредѣляютъ общественный отборъ, но, по мѣрѣ развитія, вліяніе высшихъ идеаловъ увеличивается. Гиддингсъ указываетъ также, что системы подбора различаются не только по цѣлямъ, но и по методамъ. Эти методы бываютъ консервативны, радикальны и прогрессивны. Прогрессивная система подбора, по мнѣнію Гиддингса, можетъ быть только въ обществѣ, которое имѣетъ разнообразныя и гармонически комбинированные интересы.

Сознательный подборъ находится въ рукахъ личностей, координированныя чувства и мысли которыхъ составляютъ «общественную душу». Мнѣніе Лебона, говоритъ Гиддингсъ, что общественная душа никогда не дѣйствуетъ разумно, вѣрно лишь относительно толпы, но не въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Лебонъ. Впервые научное понятіе «общественной души», по мнѣнію Гиддингса, было дано Льюисомъ въ его книгѣ Problems of Life and Mind. Льюисъ выдѣлилъ совокупность общихъ психическихъ элементовъ и опредѣлилъ вліяніе этихъ элементовъ на формацію личности.

Гиддингсъ признаетъ обоюдное вліяніе личности и общества. Общество создавало личность, личность реагировала на общество. Хотя психическіе результаты общенія накопляются въ органической единицѣ, личности, и общественная душа существуетъ только въ личностяхъ, тѣмъ не менѣе каждая личность свое психическое содержаніе беретъ не изъ себя самой, а изъ общаго психическаго достоянія. Личность есть производная многихъ неравныхъ и измѣняющихся силъ; съ измѣненіемъ этихъ силъ мѣняется уровень и характеръ личности. Личность на столько же соціологическій продуктъ, насколько и біологическій. Большинство психологовъ, признававшихъ сложную природу личности, дѣлали такіе выводы лишь съ одной физіологической стороны. Между тѣмъ, біологія, по мнѣнію Гиддингса, не можетъ объяснить безъ помощи общественныхъ фактовъ не только психическое содержаніе личности, но даже происхожденіе организмовъ.

Однако, личность не есть пассивный комплексъ психическихъ состояній, она представляетъ активную единицу. Будучи совокупнымъ результатомъ всѣхъ прошлыхъ и настоящихъ чувствованій, личность сама является факторомъ, дѣйствующимъ на свои эмоціональные и интеллекуальные элементы. Эта способность воздѣйствія

координированнаго цѣлаго въ свои части представляетъ психологическую сущность личности. Личность контролируетъ свое поведеніе, и этотъ контроль зависитъ отъ того, насколько въ ней высшій умственный процессъ опредѣляетъ волю. Въ этомъ контролѣ, по мнѣнію Гиддингса, заключается мѣрило развитія личности. Но личность не только сознательно контролируетъ свое поведеніе, а является сознательнымъ дѣятелемъ общественной эволюціи. Зная, что личность зависитъ отъ общественныхъ условій и что мы имѣемъ возможность воздѣйствовать на окружающую среду, мы стремимся, говоритъ Гиддингсъ, увеличить наше счастіе посредствомъ улучшенія общественныхъ отношеній. Личность, будучи функціей общества, воздѣйствуетъ на общество; рядомъ съ естественными группировками населенія, она создаетъ искусственныя, волевыя соединенія; она измѣняетъ строеніе общества и развиваетъ его организацію. Однако, высшее развитіе личности, по мнѣнію Гиддингса, достигается лишь въ тѣхъ группахъ, которыя имѣютъ наиболѣе сложное строеніе. Ни жизнь человѣчества въ его цѣломъ, ни жизнь безпорядочныхъ массъ не можетъ дать высшаго развитія индивиду. Такое развитіе получается лишь въ искусственной средѣ, созданной сознательнымъ подборомъ.

Въ развитіи общества Гиддингсъ намѣчаетъ четыре стадіи: зоогеническую, антропогеническую, этногеническую и демогеническую. Большинство формъ общенія и взаимодѣйствія берутъ свое начало еще въ животныхъ обществахъ. Развитіе тѣхъ психическихъ элементовъ, совокупность которыхъ Гиддингсъ называетъ общественной душою, произошло въ человѣческихъ обществахъ. Общественная душа, дѣйствуя на естественныя соединенія индивидовъ, создавала семьи, кланы, трибы, а позднѣе племена и націи. Трибы и небольшія народности соединялись въ территоріальныя и національныя государства. Въ этихъ послѣднихъ развивалось раздѣленіе труда и утилизація средствъ природы, увеличивалось населеніе и слагалось демократическое устройство.

Въ общемъ ходѣ развитія группировокъ населенія и общественнаго сознанія Гиддингсъ отмѣчаетъ прежде всего эволюцію болѣе опредѣленнаго сознанія рода, постепенный переходъ отъ родовыхъ и племенныхъ сочлененій къ болѣе широкимъ искусственнымъ соединеніямъ и ростъ сознательной дѣятельности.

Говоря о развитіи историческихъ обществъ, Гиддингсъ указываетъ на неполноту обычныхъ опредѣленій. Гегель, видѣвшій въ исторіи лишь прогрессъ въ сознаніи свободы, не только оставилъ безъ вниманія всѣ структуральныя измѣненія въ обществѣ, но и въ области субъективныхъ явленій далеко не охватилъ всей ихъ совокупности. Точно также «законъ трехъ состояній» Конта, представлявшій въ дѣйствительности лишь схему умственнаго развитія человѣчества, не давалъ объясненія всей прогрессивной эволюціи человѣческой личности и, подобно формулѣ Гегеля, оставлялъ безъ

вниманія измѣненія въ структурѣ общества. Спенсеръ, построившій философію прогресса на наблюденіи и индукціи, отчасти выполнилъ то, что было опущено Гегелемъ и Контомъ, но и теорія Спенсера, въ свою очередь, имѣетъ свои недостатки. Между двумя общественными типами, отмѣченными Спенсеромъ, военнымъ и промышленнымъ, слѣдуетъ помѣстить, по мнѣнію Гиддингса, промежуточный типъ свободно-правовой огранизаціи общества, посредствомъ которой происходитъ переходъ отъ военнаго склада жизни къ дѣятельности промышленнаго общества. Гражданскія общества, по мнѣнію Гиддингса, проходятъ въ своемъ развитіи три стадіи. Древнія цивилизаціи, Египетъ и Вавилонъ, не пошли дальше первой стадіи; Греція и Римъ не достигли завершенія второй, и лишь однѣ современныя націи вступили въ третью стадію. Въ періодъ созданія націи необходимость во внѣшней и внутренней безопасности заставляетъ населеніе тратить всю свою энергію на достиженіе политическаго единства и военной силы. Съ достиженіемъ политической интеграціи и централизаціи правительственной власти, обусловившихъ до извѣстной степени безопасность и благосостояніе, свободная энергія населенія начинаетъ искать новыхъ формъ проявленія. Этотъ излишекъ энергіи идетъ на развитіе личности, на выработку въ ней «критической способности». Развившаяся личность стремится къ огражденію своей самостоятельности и свободы и создаетъ свободно-правовую организацію общества.

Ни Греція, ни Римъ не могли создать такой организаціи. Аѳины достигли высокаго развитія критической способности и философіи, но оказались мало способными къ установленію правовыхъ отношеній. Въ свою очередь, и Римъ, обнаруживъ громадный практическій талантъ въ созданіи правовыхъ отношеній, не сумѣлъ развить живительную силу критицизма. Лишь современныя націи достигли полнаго развитія критической философіи и реорганизаціи общества на принципахъ законности и свободной дѣятельности. Эти націи вступили въ третью стадію, которую Гиддингсъ называетъ нравственно-экономической. Она характеризуется широкимъ развитіемъ промышленности, накопленіемъ богатства, распространеніемъ просвѣщенія и улучшеніемъ положенія народныхъ массъ.

Переходъ отъ военно-религіозной организаціи общества къ стадіи свободно-правовой возможенъ былъ, по мнѣнію Гиддингса, лишь при посредствѣ критическаго и метафизическаго мышленія. Понятіе о «естественномъ правѣ» (jus naturae) само по себѣ было лишь метафизической абстракціей, но только благодаря вѣрѣ въ существованіе естественнаго права возникли основные принципы современной политической жизни. Развитіе либеральныхъ учрежденій, въ свою очередь, сдѣлано возможнымъ гигантскій ростъ промышленности. По мнѣнію Гиддингса, индустріализмъ не причина, а слѣдствіе свободы.

Дальнѣйшая эволюція экономической стадіи, по словамъ Гид-

дингса, зависитъ отъ развитія въ обществѣ этическаго сознанія. Матеріальный и интеллектуальный прогрессъ, говоритъ онъ, покупается высокою цѣною, цѣною нравственнаго и физическаго вырожденія. Стоимость прогресса выражается не только въ затратахъ труда, но и въ причиняемыхъ страданіяхъ. Каждое изобрѣтеніе и открытіе разрушаетъ старыя установившіяся предпріятія и лишаетъ многихъ трудящихся ихъ заработка. Чѣмъ больше прогрессъ, тѣмъ выше его стоимость, и чѣмъ быстрѣе его движеніе, тѣмъ значительнѣе его жертвы. Подобно всякому движенію, прогрессъ порождаетъ самъ себѣ противодѣйствіе. Но сознаніе общества, говоритъ Гиддингсъ, начинаетъ требовать систематическихъ усилій для пониженія суммы страданія. Филантропія и законодательство уже дѣлаютъ попытки уменьшить бѣдность и преступность и улучшить условія жизни народныхъ массъ. Постепенно общественное мнѣніе пріобрѣтаетъ соотвѣтственный характеръ. Одна партія за другой расширяютъ избирательныя права народа и тѣмъ даютъ ему участіе въ законодательствѣ и въ выгодахъ экономическаго прогресса. Англійскіе торіи предоставили право голоса городскимъ ремесленникамъ, англійскіе либералы распространили это право на сельскихъ рабочихъ, а обѣ главныя партіи въ Соединенныхъ Штатахъ поспѣшили дать избирательное право эмигрантамъ и освобожденнымъ рабамъ. Демократизація избирательной системы измѣняетъ и представляніе объ обязанностяхъ государства. Слагается убѣжденіе, что оно должно заботиться объ улучшеніи положенія трудящагося люда, объ его оздоровленіи и просвѣщеніи. Постепенно растетъ требованіе о переложеніи тяжести налоговъ на болѣе состоятельные классы. Какъ на симптомы развивающейся демократіи въ Америкѣ, Гиддингсъ указываетъ также на движеніе въ пользу единаго налога (Single tax movement), на попытки введенія прогрессивнаго обложенія, на растущее нерасположеніе рабочихъ къ покровительственной системѣ.

Всѣ эти требованія и идеи не составляютъ, замѣчаетъ Гиддингсъ, исключительной принадлежности рабочаго класса. При помощи людей культуры, демократическія идеи постепенно измѣняютъ общественное мнѣніе и дѣлаются достояніемъ всего населенія.

Гиддингсъ замѣчаетъ, что промышленный типъ общества можетъ представлять весьма различныя черты. Въ одномъ случаѣ дѣятельность промышленнаго общества направляется преимущественно къ накопленію богатства, въ другомъ его дѣятельность въ значительной степени тяготѣетъ къ умственному и нравственному совершенствованію. Въ зависимости отъ различія интересовъ и занятій мѣняется характеръ общества. Тамъ, замѣчаетъ Гиддингсъ, гдѣ жизнь есть неустанная погоня за матеріальными благами, гдѣ накопленіе денежныхъ средствъ есть условіе успѣха, будетъ неизбѣжно рѣзкое обособленіе бѣдныхъ и богатыхъ и столь же безка-

лостная эксплуатація, какая была нѣкогда въ обществахъ военнаго типа. Въ такихъ обществахъ болѣе состоятельные будутъ пользоваться властью и силою. Законодательство будетъ благопріятствовать однимъ лишь удачникамъ и всею тяжестью обрушиваться противъ тѣхъ, шансы которыхъ въ житейской борьбѣ безнадежны. Духъ накопленія заразитъ и общественное мнѣніе; за деньги будутъ покупать и свободу человѣка, и совѣсть судей, и благословенія жрецовъ. Плутократическій духъ, заключаетъ Гиддингсъ, неизбѣжно приведетъ такое общество къ разложенію, подобно тому, какъ въ прошломъ онъ вызвалъ паденіе Рима и обратилъ въ развалины средневѣковыя республики.

Въ заключеніе нашей краткой передачи взглядовъ Гиддингса, не лишнимъ будетъ привести его опредѣленіе прогресса. Прогрессъ можно понимать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны, прогрессомъ будетъ увеличеніе способовъ общенія, расширеніе общественныхъ отношеній, улучшеніе матеріальнаго благосостоянія, ростъ населенія и развитіе разумнаго поведенія. Съ болѣе широкой точки зрѣнія прогрессъ есть послѣднее проявленіе всеобщей эволюціи; какъ физической процессъ, онъ заключается въ постепенно увеличивающемся превращеніи видовъ энергіи, не вызывающихъ психическихъ послѣдствій, въ такіе виды, которые сопровождаются психическими проявленіями. Но расширеніе и ростъ общественныхъ отношеній есть результатъ развитія разума и симпатіи. Поэтому съ субъективной стороны прогрессъ есть развитіе ума и чувства, стоящее въ зависимости, по мнѣнію Гиддингса, отъ развитія сознанія рода. Первоначально въ человѣческомъ обществѣ это сознаніе ограничивалось семьей и примитивной ордой; позднѣе оно расширилось, распространившись на членовъ клана, трибы и племени; наконецъ, въ историческія времена это сознаніе сходства и единства охватило соединенія разнородныхъ племенныхъ элементовъ, народныя и національныя группы, а въ будущемъ должно распространиться на все человѣчество.

Н. Іорданскій.

„Смыслъ жизни" проф. Введенскаго.

(**Александръ Введенскій.** Условіе допустимости вѣры въ смыслъ жизни).

Ходъ разсужденій г. Введенскаго таковъ: «Я, говоритъ онъ на стр. 3, отнюдь не намѣреваюсь говорить о томъ, каковъ смыслъ жизни, въ чемъ онъ состоитъ. Болѣе того, я даже не стану доказывать, существуетъ-ли у жизни какой нибудь смыслъ, или же она составляетъ вполнѣ безсмысленное явленіе; я возьму мнѣніе о существованіи смысла у жизни просто, какъ фактъ, какъ болѣе или менѣе распространенное убѣжденіе, или какъ вѣру, и буду говорить только о томъ, при какихъ условіяхъ *логически позволительна* эта вѣра».

Но «прежде всего: что мы называемъ смысломъ любой вещи?.. Приблизительный отвѣтъ очень простъ... мы приписываемъ данной вещи смыслъ *только* въ томъ случаѣ... если она назначена для достиженія какой нибудь цѣли, и если она дѣйствительно пригодна для этой цѣли» (стр. 4). Однако, «самыя то цѣли могутъ быть различными; и не всякая цѣль считается нами способною придать смыслъ той вещи, которая будетъ служить средствомъ, приводящимъ къ этой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣль, о которой сейчасъ идетъ рѣчь, будетъ таковою, что за ней не стоитъ гнаться, то есть, если ее можно преслѣдовать только вслѣдствіе ошибочной оцѣнки ея значенія, то изъ одного того, что данная вещь служитъ средствомъ для достиженія подобной цѣли, эта вещь не пріобрѣтаетъ ровно никакого смысла» (стр. 5—6). «Такимъ образомъ окончательное опредѣленіе понятія «смысла вещи», будетъ слѣдующимъ: *подъ смысломъ данной (вещи?) всегда подразумѣвается назначеніе и дѣйствительная пригодность данной вещи для достиженія такой цѣли, за которой почему либо надо или стоитъ гнаться»* (стр. 6).

«Такимъ образомъ вопросъ о смыслѣ жизни совпадаетъ съ вопросомъ о цѣли жизни. Спрашивать — въ чемъ состоитъ смыслъ жизни, то же самое, что спрашивать—какова цѣнная цѣль жизни. А въ то же время легко убѣдиться, что вопросъ о смыслѣ жизни позволителенъ только въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ въ виду такую цѣль, которая была-бы абсолютно цѣнною» (стр. 7). «*Отсюда получается такое опредѣленіе понятія смысла жизни: онъ состоитъ въ томъ, чтобы наша жизнь была назначена и служила дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія абсолютно цѣнной цѣли, то есть такой цѣли, преслѣдованіе которой было-бы обязательно не ради другихъ цѣлей, для которыхъ она служила-бы средствомъ, а ради нея самой*».

«Итакъ, смыслъ жизни сводится къ назначенію жизни для достиженія абсолютно цѣнной цѣли,—къ тому, чтобы жизнь служила дѣйствительнымъ средствомъ для осуществленія подобной цѣли. Но для жизни, такъ же какъ и для всякой вещи, должно быть соблюдено общее логически необходимое условіе: *цѣль, осмысливающая данную вещь, находится не въ ней самой, а внѣ нея»* (стр 8).

«*Если только у жизни есть какой нибудь смыслъ, то онъ состоитъ въ назначеніи и въ дѣйствительной пригодности жизни для осуществленія такой цѣли, которая лежитъ внѣ жизни какого-бы то ни было человѣка.* Я говорю: *внѣ жизни какого-бы то ни было человѣка*, ибо во всѣхъ предшествовавшихъ разсужденіяхъ имѣлась въ виду не жизнь того или другого лица, а вообще жизнь человѣческая. Поэтому и полученный выводъ относится не къ жизни отдѣльнаго лица, а къ жизни всѣхъ людей безъ исключенія. Поэтому одно изъ двухъ: или въ человѣческой жизни вообще нѣтъ никакого смысла, или-же онъ зависитъ отъ такой цѣли, которая осуществляется внѣ жизни всего человѣческаго рода—прошедшаго, настоящаго и будущаго» (стр. 9).

Слѣдовательно, «окончательный выводъ» изъ всѣхъ этихъ разсужденій будетъ таковъ: «*если мы не вѣримъ въ безсмертіе, то нельзя уже вѣрить и въ смыслъ жизни*... Другими словами: *вѣра въ личное безсмертіе есть условіе и логической и нравственной допустимости вѣры въ смыслъ жизни*» (стр. 14—15).

«Окончательный выводъ» проф. Введенскаго, какъ видите, состоитъ изъ двухъ частей: отрицательной и положительной. Отрицательная часть гласитъ, что смысла жизни нельзя искать въ явленіяхъ данной намъ земной жизни. Это чисто философская часть вывода. Положительная же часть гласитъ, что жизнь получаетъ смыслъ при вѣрѣ въ будущее существованіе. Это—псевдо-богословская часть вывода. Со временъ Канта философія поняла, что вопросъ о безсмертіи неразрѣшимъ чисто философскими пріемами, и самъ г. Введенскій знаетъ и *признаетъ* это ученіе. Онъ не разъ указывалъ, «что личное безсметріе принадлежитъ къ числу такихъ вещей, которыя недоступны нашему знанію и должны быть предоставлены вѣрѣ» (стр. 14); и, однако, онъ всетаки оперируетъ, при помощи этой «недоступной нашему знанію вещи». Въ самомъ дѣлѣ, результатомъ всѣхъ разсужденій г. Введенскаго явился, какъ мы видимъ, выводъ, что жизнь имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если она предназначена для достиженія цѣли, лежащей внѣ жизни какого-бы то ни было человѣка. Вѣренъ или невѣренъ этотъ выводъ, объ этомъ мы будемъ говорить ниже, здѣсь же только отмѣтимъ, что этотъ *чисто-отрицательный* выводъ безспорно лежитъ въ области философіи. Но откуда взялся положительный выводъ, гласящій, что «вѣра въ личное безсмертіе есть условіе и логической и нравственной допустимости вѣры въ смыслъ жизни»? Я не подвергаю критикѣ этого утвержденія по существу. Я не говорю

ни да, ни нѣтъ, а только указываю на то, что оно не слѣдуетъ изъ предыдущихъ разсужденій автора. Мало того, оно противорѣчитъ имъ.

Въ самомъ дѣлѣ, г. Введенскій, какъ мы видимъ, установилъ слѣдующее положеніе: «цѣль, осмысливающая данную вещь, находится не въ ней самой, а внѣ ея». Мы также видѣли, что, руководясь *именно этимъ* принципомъ и *только имъ однимъ*, г. Введенскій пришелъ къ выводу, что смысла жизни нельзя искать на землѣ. Но почему онъ счелъ себя въ правѣ быть непослѣдовательнымъ и не приложилъ этого принципа къ загробному существованію? Почему онъ не сказалъ: «смыслъ загробнаго существованія нужно искать внѣ этого существованія»? Вѣроятно, потому-же, почему люди, утверждающіе, что земля стоитъ на трехъ китахъ, не задаютъ себѣ вопроса о томъ, на чемъ-же стоятъ эти киты. Въ самомъ дѣлѣ, нужно-же на чемъ нибудь остановиться. Если смыслъ земного существованія мы будемъ искать въ загробномъ, а смыслъ загробнаго— въ чемъ либо другомъ, а смыслъ этого «чего либо другого» — въ чемъ либо третьемъ и т. д., то, наконецъ, наше «философское» разсужденіе превратится въ неостроумный водевиль.

Однако, такъ какъ логика требуетъ отъ насъ *правильнаго* мышленія, а не мышленія *благоразумнаго*, то, хотя мы и не можемъ не признать благоразумія г. Введенскаго, остановившагося на половинѣ дороги, — мы всетаки потребуемъ отъ него отвѣта, на какомъ основаніи счелъ онъ себя въ правѣ поступить вопреки принципу, имъ самимъ установленному? Почему не счелъ онъ себя обязаннымъ заявить, что смыслъ загробнаго существованія лежитъ внѣ этого существованія?

Очевидно, единственный отвѣтъ, который можетъ дать г. Введенскій, будетъ заключаться въ указаніи на особыя свойства этого загробнаго существованія, свойства, дозволяющія утверждать, что принципъ: «смыслъ всякой вещи лежитъ внѣ нея» утрачиваетъ въ данномъ случаѣ свою обязательную силу.

Но какъ можетъ разсуждать о свойствахъ загробнаго существованія критическій философъ, объявившій, что «личное безсмертіе принадлежитъ къ числу такихъ вещей, которыя недоступны нашему знанію и должны быть предоставлены вѣрѣ»?

Въ томъ-то и дѣло, что критицизмъ г. Введенскаго существуетъ только на обложкахъ его брошюръ. Г. Введенскій, очевидно, руководствуется принципомъ: «флагъ прикрываетъ товаръ», и посему, плыветъ-ли онъ съ грузомъ «метафизическаго чувства» или съ грузомъ псевдо-богословскихъ разсужденій, онъ никогда не забываетъ написать на видномъ мѣстѣ нѣсколько критически звучащихъ словъ.

Первый отдѣлъ нашихъ замѣчаній законченъ, и, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему, мы позволимъ себѣ сдѣлать бѣглый обзоръ вышесказаннаго.

Цѣль наша заключалась въ томъ, чтобы доказать, что авторъ, оставаясь въ сферѣ чисто-философскихъ вопросовъ и руководясь

только чисто-философскими методами, не могъ придти къ тому выводу, къ которому онъ пришелъ; что онъ для этого долженъ былъ перешагнуть за предѣлы философіи и вступить въ область богословія. Это вступленіе автора въ область богословія, конечно, еще не означаетъ, что авторъ разсуждалъ, какъ богословъ. Авторъ *случайно, самъ того не замѣчая*, забрался въ эту чуждую для него область. А разъ человѣкъ вступаетъ въ эту область не подъ руководствомъ вѣры и откровенія, а подъ руководствомъ разума и критики, то, конечно, въ результатѣ получатся только такія разсужденія, которыя, не будучи философскими, не сдѣлаются въ то-же время и богословскими, а останутся псевдо-богословскими.

Мы видѣли, что «окончательный выводъ» г. Введенскаго сверхъ своей положительной части, критикѣ которой были посвящены предыдущія строки, имѣетъ еще и отрицательную часть, заключающуюся въ утвержденіи, что смысла жизни нельзя искать въ явленіяхъ данной намъ земной жизни.

Насколько состоятельна эта часть вывода? Какъ пришелъ къ ней авторъ? «Вопросъ о смыслѣ жизни (говоритъ онъ на стр. 7—8) совпадаетъ съ вопросомъ о цѣли жизни. Спрашивать—въ чемъ смыслъ жизни, то-же самое, что спрашивать—какова цѣнная цѣль жизни. А въ то же время легко убѣдиться, что вопросъ о смыслѣ жизни позволителенъ только въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ въ виду такую цѣль, которая была бы абсолютно цѣнною. Вѣдь мы сейчасъ видѣли, что смыслъ вещи зависитъ не отъ всякой цѣли, а только отъ такой, которую надо преслѣдовать. Но всякую цѣль мы считаемъ обязательною или ради нея самой (и тогда она будетъ въ нашихъ глазахъ абсолютно цѣнною), или же, какъ средство для подобной абсолютной цѣнной цѣли, такъ что ея цѣнность будетъ относительной. Относительно цѣнныя цѣли цѣнны не сами по себѣ, а лишь въ зависимости отъ цѣнности той верховной цѣли, для которой онѣ служатъ средствомъ, такъ что, если вовсе нѣтъ абсолютно цѣнной цѣли, то не можетъ быть и относительно цѣнныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, смыслъ жизни въ концѣ концовъ въ послѣдней инстанціи) (къ чему это канцелярское поясненіе?) можетъ зависѣть только отъ абсолютно цѣнной цѣли. Поэтому, когда мы спрашиваемъ о смыслѣ или цѣли жизни, то одно изъ двухъ: или мы употребляемъ эти слова только по недосмотру, не давая себѣ отчета въ ихъ значеніи, или же мы своимъ вопросомъ уже наполовину предрѣшаемъ отвѣтъ. Мы уже заранѣе говоримъ, что окончательная цѣль жизни должна быть абсолютно цѣнною, а хотимъ только знать о ней еще что нибудь, напр., въ чемъ она состоитъ, существуетъ-ли она на дѣлѣ и т. п. А отсюда получается такое опредѣленіе понятія смысла жизни: *онъ состоитъ въ томъ, чтобы наша жизнь была назначена и служила дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія абсолютно цѣнной цѣли, то-есть, такой цѣли, преслѣдованіе которой было-бы обязательно не ради*

другихъ цѣлей, для которыхъ она служила-бы средствомъ, а ради нея самой».

«Итакъ смыслъ жизни сводится къ назначенію жизни для достиженія абсолютно цѣнной цѣли,—къ тому, чтобы жизнь служила дѣйствительнымъ средствомъ для осуществленія подобной цѣли. Но для жизни, такъ же какъ и для всякой вещи, должно быть соблюдено общее логически необходимое условіе: *цѣль, осмысливающая данную вещь, находится не въ ней самой, а внѣ ея»*.

Мы нарочно привели эту нѣсколько длинную выписку безъ всякихъ сокращеній, не смотря на ея излишнее многословіе... Такимъ образомъ, читатель имѣетъ передъ собою *всю* аргументацію г. Введенскаго по основному вопросу, рѣшенію котораго посвящена его брошюра. И компетентный читатель, надѣюсь, не преминетъ защитить ея характерныя особенности, которыя состоятъ въ длинномъ, многословномъ объясненіи того, чего, собственно говоря, можно было бы и не объяснять, и въ молчаливомъ признаніи, какъ уже доказаннаго, того, что именно и брался доказать авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ подробно объясняетъ, что если вещь служитъ только средствомъ для достиженія другой вещи, то ея цѣнность находится въ зависимости отъ цѣнности той вещи, для достиженія которой она служитъ. Эту мысль онъ проводитъ (говоря его языкомъ) черезъ всѣ инстанціи, благодаря чему мы получаемъ въ концѣ концовъ слѣдующее рѣшеніе кассаціоннаго департамента: цѣнности бываютъ двухъ родовъ: абсолютная и относительная.

Казалось-бы, что послѣ этого первый вопросъ, рѣшеніемъ котораго долженъ заняться авторъ, заключается въ томъ, имѣетъ ли жизнь абсолютную или относительную цѣнность. Но какъ-бы внимательно читатель ни изучалъ аргументацію г. Введенскаго, онъ не найдетъ въ ней ни одного слова, написаннаго съ цѣлью рѣшить этотъ основной вопросъ. Нѣтъ, г. Введенскій безъ всякихъ разговоровъ признаетъ за доказанное, что жизнь имѣетъ только относительную цѣнность. Но зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, г. Введенскій писалъ свою брошюру? Вѣдь, если въ ней есть какой нибудь «смыслъ», такъ только тотъ, что она предназначена для доказательства, что жизнь не имѣетъ цѣнности сама по себѣ, не имѣетъ «абсолютной» цѣнности. И вдругъ оказывается, что именно это положеніе введено авторомъ тихомолкомъ, какъ уже доказанное!

Мы не станемъ обсуждать вопроса о томъ, умышленно или не умышленно допустилъ г. Введенскій слѣдующую неточность. Читатель уже знакомъ съ его положеніемъ, гласящимъ, что «для жизни, такъ же какъ и для всякой вещи, должно быть соблюдено общее логически необходимое условіе: *цѣль, осмысливающая данную вещь, находится не въ ней, а внѣ ея»*. Если-бы авторъ выразилъ свою мысль точно, онъ сказалъ бы: «для жизни, такъ же, какъ и дру-

всякой вещи, *не имѣющей абсолютной цѣнности»* и т. д. Правда, тогда самый нетребовательный читатель и тотъ могъ-бы поинтересоваться,—когда и какъ доказалъ г. Введенскій, что жизнь не имѣетъ абсолютной цѣнности.

Слѣдовательно, маленькая неточность, которую позволилъ себѣ г. Введенскій, была для него небезполезна, хотя она, какъ мы видѣли, и привела къ тому, что въ логическомъ отношеніи формула г. Введенскаго оказалась столь несостоятельною, какъ и космологическое ученіе о роли трехъ китовъ, поддерживающихъ землю.

Между тѣмъ, стоитъ только поставить вопросъ о томъ, имѣетъ-ли жизнь абсолютную цѣнность, какъ сразу станетъ очевиднымъ, что отвѣтъ можетъ быть лишь утвердительнымъ. Но слѣдуетъ только смѣшивать два совершенно различные вопроса, а именно вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ абсолютно цѣнное, гдѣ его искать, съ вопросомъ о томъ, достижимо-ли оно. Если-бы даже было доказано, что абсолютно цѣнное не достижимо въ нашей жизни, то всетаки останется несомнѣннымъ, что самое понятіе «цѣннаго» можетъ быть образовано только изъ элементовъ, взятыхъ изъ жизни.

Вопросъ о томъ, достижимо или недостижимо абсолютно цѣнное, мы разсмотримъ ниже, здѣсь-же мы займемся вопросомъ— гдѣ его искать. Во избѣжаніе недоразумѣнія мы напомнимъ читателю, что подъ выраженіемъ «абсолютно цѣнное» понимается то, что цѣнно *само по себѣ*, т. е., собственно говоря, просто «цѣнное», а подъ выраженіемъ «относительно цѣнное» понимается только *средство*, ведущее къ достиженію этого «цѣннаго». Мы сочли нужнымъ напомнить объ этомъ читателю, изъ боязни, чтобы громкое слово «абсолютное» не смутило его, когда онъ замѣтитъ, что наша аргументація клонится къ доказательству, что абсолютно цѣнное, это—пріятное (выражаясь точнѣе, слѣдуетъ сказать удовольствіе).

Итакъ, гдѣ искать абсолютно цѣнное, или истинно цѣнное? Въ жизни или внѣ жизни? Что такое цѣнное? Самъ г. Введенскій говоритъ, что цѣнное есть то, къ чему стоитъ стремиться. Собственно говоря, это выраженіе не точно и допускаетъ смѣшеніе субъективныхъ и объективныхъ элементовъ. Строго говоря: цѣнное есть то, къ чему мы стремимся. А ошибаемся или не ошибаемся мы въ своихъ разсчетахъ—это совсѣмъ другой вопросъ. Если только слово цѣнное имѣетъ какой либо смыслъ, то, очевидно, только тотъ, что цѣнное, это—желательное.

Искать цѣнное внѣ психическаго содержанія жизни вдвойнѣ безсмысленно. Философія учитъ насъ, что даже внѣшній міръ, міръ объективный, существующій внѣ насъ и помимо насъ, данъ намъ только въ нашемъ представленіи; какъ-же послѣ этого искать «цѣнное» внѣ нашего психическаго содержанія? Наше «я» исчерпы-

вается своимъ психическимъ содержаніемъ; слѣдовательно, «цѣнное» *для меня* должно быть одно изъ моихъ состояній сознанія.

Собственно говоря, доказавъ, что «цѣнное *для меня* должно быть одно изъ моихъ состояній сознанія», мы, тѣмъ самымъ, совершенно выполнили поставленную себѣ задачу, которая заключалась въ рѣшеніи вопроса, гдѣ слѣдуетъ искать абсолютно цѣнное, внѣ или внутри жизни. Мы доказали, что абсолютно цѣнное можно искать только внутри жизни, въ одномъ изъ ея составныхъ элементовъ... А въ какомъ? — это другой вопросъ, то или иное рѣшеніе котораго ни мало не можетъ повліять на все вышеизложенное. Однако, частію ради того, чтобы не оставлять ничего недосказаннаго, частію въ виду того, что это намъ понадобится при дальнѣйшемъ разборѣ брошюры г. Введенскаго, мы скажемъ, что это «цѣнное» состояніе сознанія, это желательное, то, къ которому мы стремимся, не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, кромѣ удовольствія или счастія (удовольствіе, какъ я уже говорилъ, болѣе точное выраженіе, но въ виду того, что *привыкшая къ неточнымъ выраженіямъ* публика, съ одной стороны, часто противопоставляетъ удовольствіе другимъ *производнымъ* отъ него явленіямъ, напр., пользѣ, а съ другой — отожествляетъ удовольствіе съ низшими чувственными наслажденіями,—я и счелъ полезнымъ сказать: «удовольствія, или счастія»). Доказывать болѣе подробно это положеніе я не стану, во первыхъ, потому, что по этому вопросу существуетъ уже цѣлая литература, а во вторыхъ, и потому, что какъ мы увидимъ ниже, самъ г. Введенскій признаетъ, что, *если* искать смыслъ жизни внутри жизни, то его можно искать только въ счастіи.

Такимъ образомъ, скажетъ читатель, г. Введенскій всетаки говоритъ о попыткѣ найти смыслъ жизни внутри нея. Да, говоритъ. Но какъ онъ это дѣлаетъ? Покончивши на восемнадцати страницахъ съ поставленною имъ себѣ задачею, доказавши все, что считалъ нужнымъ доказать, при чемъ ни разу не задалъ себѣ вопроса, почему жизнь не можетъ имѣть абсолютной цѣнности, — онъ, затѣмъ, на стр. 19 говоритъ: «Кто отвыкъ отъ вѣры въ безсмертіе, тотъ, разумѣется, хочетъ найти цѣль, осмысливающую жизнь, въ предѣлахъ земнаго существованія. Конечно, *наилучшимъ отвѣтомъ противъ всѣхъ подобныхъ попытокъ служитъ уже указанный анализъ понятія «смыслъ»* (курсивъ нашъ). Но выводъ, получаемый посредствомъ этого анализа, становится еще убѣдительнѣе и какъ-бы осязательнѣе, когда мы разсмотримъ попытки найти смыслъ жизни *не тамъ, гдѣ онъ указывается логическою связью понятій»*. Такимъ образомъ, какъ видите, г. Введенскій вовсе не считаетъ себя обязаннымъ разсматривать вопросъ о томъ, имѣетъ-ли жизнь абсолютную цѣнность: онъ считаетъ свой «анализъ понятія смыслъ» «наилучшимъ отвѣтомъ» и только ради «осязательности» разсматриваетъ (собственно говоря, какъ мы увидимъ, даже *не разсматриваетъ, а только дѣлаетъ видъ, будто*

разсматриваетъ) тотъ вопросъ, который одинъ только и долженъ былъ быть разсмотрѣнъ.

Такимъ образомъ, если отдѣлить автора отъ его книги, то, хотя сдѣланный ему упрекъ въ нелогичности остается въ полной силѣ, его книга получаетъ, *по внѣшности*, нѣсколько болѣе удовлетворительный видъ, особенно если читать ее не такъ, какъ принято, отъ лѣвой руки къ правой, а наоборотъ: отъ правой руки къ лѣвой, ибо при этомъ послѣднемъ пріемѣ мы познакомимся съ доводами (т. е., собственно говоря, съ попытками къ доводамъ) г. Введенскаго ранѣе, чѣмъ съ его выводами, а не наоборотъ.

Что-же говоритъ г. Введенскій о попыткѣ найти цѣль жизни внутри самой жизни? «Разумѣется, говоритъ онъ, искомая цѣль должна быть абсолютно цѣнной; и въ зависимости отъ этого та дѣятельность, которая приводила бы меня къ этой цѣли, должна быть въ моихъ глазахъ абсолютно обязательной. Но есть всего только одна дѣятельность, имѣющая абсолютно обязательный характеръ. Это—дѣятельность, предписываемая нравственнымъ долгомъ. Всякая другая дѣятельность имѣетъ лишь относительную обязательность» (стр. 19—20).

Слѣдовательно, «если можно отыскать смыслъ жизни въ самой жизни, то не иначе, какъ только въ исполненіи цѣли, указываемой требованіями нравственнаго закона» (стр. 20). Но, «если нравственный законъ предписываетъ и преслѣдуетъ какую нибудь опредѣленную цѣль, и если она въ то же время остается завѣдомо неосуществимой, то въ немъ нѣтъ никакого смысла, и онъ не въ силахъ придать смыслъ нашей жизни» (стр. 20).

«А какую цѣль, вѣрнѣе всего, предписываетъ намъ нравственный законъ? Всякій, безспорно, согласится, что если имъ и предписывается какая нибудь опредѣленная цѣль, то не иначе, какъ счастье всѣхъ людей» (стр. 21).

Какъ видитъ читатель, выводъ, къ которому пришелъ г. Введенскій, таковъ, противъ котораго не мы будемъ спорить, и мы могли бы, взявши этотъ, единогласно нами признаваемый, выводъ за исходную точку, слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ разсужденій автора. Но мы считаемъ необходимымъ сначала разсмотрѣть, какъ пришелъ г. Введенскій къ этому выводу.

Пришлось бы говорить очень и очень много, если бы мы захотѣли вполнѣ разобраться въ томъ невообразимомъ хаосѣ неправильныхъ и противорѣчивыхъ утвержденій, какія допустилъ г. Введенскій въ такомъ небольшомъ количествѣ строкъ. Начать съ того, что, вѣрный своему обыкновенію принимать за доказанное то, что ему именно и предстоитъ доказать, г. Введенскій, задавши вопросъ, въ чемъ можетъ заключаться абсолютная цѣнность, сразу, безъ всякихъ доказательствъ, принимаетъ за доказанное, что «есть всего только одна дѣятельность, имѣющая абсолютный характеръ. Это—дѣятельность, предписываемая нравственнымъ долгомъ». Но

этого мало, признавши за исполненіемъ нравственнаго долга *абсолютный* характеръ, онъ сейчасъ же лишаетъ его этой абсолютности и задаетъ себѣ вопросъ, какую же цѣль предписываетъ нравственный долгъ. Но, г. Введенскій, вѣдь абсолютное только потому и абсолютно, что оно имѣетъ смыслъ само по себѣ, что оно не преслѣдуетъ никакой цѣли! Это, во первыхъ, всѣмъ извѣстно, а во вторыхъ, это самое вы не разъ утверждали на предыдущихъ страницахъ. Кантъ, великій даже въ своихъ заблужденіяхъ, провозгласивши абсолютное значеніе нравственнаго долга, уже ни минуты не колебался заявить, что содержаніе дѣятельности не имѣетъ значенія. Нравственный законъ у Канта имѣетъ чисто *формальное значеніе*: по его мнѣнію, напр., помочь ближнему будетъ нравственно, а убить его будетъ безнравственно—не по самому содержанію этихъ поступковъ, не по послѣдствіямъ, которыми они сопровождаются, и не по мотивамъ, которыми мы при этомъ руководствуемся, а просто потому, что первое дѣйствіе подходитъ, а второе не подходитъ подъ формулу: «поступай такъ, чтобы правило, которымъ ты руководствуешься, могло бы сдѣлаться всеобщимъ закономъ».

Это ученіе Канта было неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ однажды принятаго имъ ученія объ абсолютномъ значеніи нравственнаго долга. Кантъ, какъ истинный философъ, зналъ, что разъ онъ допустилъ извѣстное положеніе, онъ обязательно долженъ признать и всѣ логическіе изъ него выводы.

Совсѣмъ иначе поступаетъ г. Введенскій. Провозгласивши абсолютное значеніе нравственнаго долга, онъ сейчасъ же провозглашаетъ и то, что это «абсолютное» есть только средство для достиженія еще болѣе абсолютно абсолютнаго. Но если уже называть абсолютной ту вещь, роль которой исчерпывается тѣмъ, что она приводитъ къ наиабсолютному, то, во избѣжаніе недоразумѣній, первое абсолютное нужно назвать: «абсолютное напрокатъ».

Однако, какъ мы видѣли, нравственный долгъ, это «абсолютное напрокатъ», благополучно привезъ г. Введенскаго къ настоящему абсолютному: къ счастію. Какъ въ математикѣ «минусъ на минусъ даетъ плюсъ», такъ и здѣсь двойная ошибка г. Введенскаго привела его къ правильному выводу.

Впрочемъ, этимъ счастливымъ результатомъ, мы, вѣроятно, обязаны еще и тому обстоятельству, что религія весьма недвусмысленно признаетъ значеніе счастія и блаженства. Объ этомъ знаетъ г. Введенскій, и по поводу этого въ его брошюрѣ есть эпизодъ, до такой степени характерный въ качествѣ «*знаменія времени*», что мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ, хотя это и отвлечетъ насъ нѣсколько въ сторону.

Авторъ указываетъ на то, что христіанская религія «оказывается религіей жизнерадостной не ненавидящей, а любящей жизнь, проповѣдующей, что первымъ свидѣтельствомъ Искупителя о самомъ

себѣ и о своемъ дѣлѣ было посѣщеніе празднованія событія, ведущаго къ размноженію жизни» (стр. 21). Къ этому мѣсту онъ дѣлаетъ такое, поистинѣ, *чудовищное* примѣчаніе: «къ тому же бракъ праздновался не въ какой либо знатной семьѣ, а, напротивъ, въ семьѣ столь бѣдной, что у нея даже не хватило средствъ заготовить угощенье въ достаточномъ количествѣ, такъ что это посѣщеніе брака никоимъ образомъ не можетъ быть истолковано какъ нибудь иначе (*напримѣръ, какъ обнаруженіе почета къ общественному положенію данной семьи и т. п.*), кромѣ какъ участіе въ брачной радости». Такимъ образомъ, если бы семья, въ которой праздновался бракъ, была знатною, то для г. Введенскаго было-бы еще сомнительно, не состояло ли «первое свидѣтельство Искупителя о самомъ себѣ и о своемъ дѣлѣ» въ изъявленіи почтенія къ общественному положенію знатнаго человѣка!! Не есть ли это характернѣйшее «знаменіе времени»? Не ясно-ли, что такія мысли можетъ имѣть только ученикъ Владиславлева, открывшаго психологическій законъ, согласно которому наше уваженіе къ каждому человѣку должно быть пропорціонально годовому доходу, имъ получаемому? Но ученикъ пошелъ далѣе своего учителя: онъ перенесъ вопросъ о доходѣ и общественномъ положеніи даже на небо. Такимъ образомъ, онъ дошелъ до высоты міровоззрѣнія той знатной дамы «добраго стараго времени», которая говорила: «Господь Богъ два раза подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится осудить такую знатную особу, какъ я». Кажется, далѣе идти некуда!

Но возвратимся къ землѣ и къ земному счастью. Мы видѣли, что худо-ли, хорошо, а г. Введенскій пришелъ-таки къ необходимости обсудить вопросъ — не имѣетъ-ли счастье абсолютной цѣнности. Читатель, который помнитъ все вышесказанное, отлично пойметъ, что такимъ образомъ г. Введенскій пришелъ, въ концѣ концовъ, къ вопросу, съ котораго онъ долженъ былъ начать и отъ того или иного рѣшенія котораго долженъ былъ зависѣть весь ходъ его дальнѣйшихъ разсужденій.

Но и тутъ, вѣрный своему всегдашнему пріему, г. Введенскій продѣлываетъ двойной фокусъ: во первыхъ, вопросъ о томъ, можетъ-ли счастье имѣть абсолютную цѣнность, подмѣняетъ вопросомъ — достижимо-ли счастье; во вторыхъ, этотъ послѣдній вопросъ (который, такимъ образомъ, становится основнымъ вопросомъ его брошюры) *признаетъ уже рѣшеннымъ*. Онъ ставитъ вопросъ, осуществимо-ли счастье, и отвѣчаетъ буквально слѣдующее: «можно-бы привести тысячи примѣровъ и множество психологическихъ соображеній, доказывающихъ полнѣйшую неосуществимость этой цѣли, если допустить, что жизнь человѣка ограничивается однимъ лишь земнымъ существованіемъ? Но *я для краткости* употреблю другой пріемъ: я сошлюсь на установившуюся оцѣнку жизни, высказанную поэтами, религіознымъ сознаніемъ и философскимъ» (стр. 21). Вотъ и все! Затѣмъ онъ

указываетъ, что и Соломонъ, и Шопенгауеръ были пессимистами.

Положимъ, такимъ образомъ, пессимизмъ доказанъ. Teste David cum Sibylla, но при чемъ тутъ г. Введенскій?! Если онъ считаетъ себя въ правѣ «для краткости» не доказывать своего основного положенія, то мы можемъ указать ему еще болѣе «короткій» и безконечно болѣе логичный пріемъ: не писать вовсе сочиненій.

Однако, г. Введенскій думаетъ, что ему не только слѣдуетъ писать, но что еще его сочиненіе должно имѣть громадную практическую пользу. Это практическое значеніе брошюры г. Введенскаго заключается «въ устраненіи того, что можетъ быть названо умственнымъ развратомъ» (стр. 32). А развратъ этотъ по-истинѣ ужасенъ: есть люди, которые, будучи матеріалистами, всетаки не желаютъ «ѣсть котлетъ изъ дѣтскаго мяса и превратить воспитательные дома въ учрежденія для надлежащаго откармливанія дѣтей на убой» (стр. 33). Развратъ ихъ, *замѣтьте хорошенько*, заключается не въ томъ, что они матеріалисты, а въ томъ, что, будучи матеріалистами, они довольствуются телячьими котлетами, а не ѣдятъ котлетъ изъ дѣтей! Могу, по секрету, сообщить г. Введенскому, что я слышалъ, будто есть такіе матеріалисты, которые даже и телячьихъ-то котлетъ не ѣдятъ, а пробавляются исключительно растительною пищею. Это уже такой развратъ, существованія котораго г. Введенскій, по своей невинности, конечно, даже и не подозрѣваетъ.

П. Мокіевскій.

Изъ Германіи.

Среди драматурговъ современной Германіи можно назвать трехъ авторовъ, пользующихся одновременно или посмѣнно наибольшимъ успѣхомъ въ театральномъ мірѣ. Это Эрнстъ фонъ Вильденбрухъ, Германъ Зудерманъ и Гергардтъ Гауптманъ. Ихъ связываетъ нѣкоторымъ образомъ общая участь, заключающаяся въ томъ, что всѣмъ имъ одинаково трудно досталось признаніе общества: Вильденбрухъ, отвергнутый на первыхъ порахъ нѣмецкой критикой, долженъ былъ искать убѣжища на подмосткахъ театровъ берлинскихъ пригородовъ; Зудерману лишь съ большими усиліями и цѣною громкихъ скандаловъ удалось пристроить свою «Честь» на одной изъ главныхъ сценъ Берлина; наконецъ, Гауптманъ нашелъ впервые кой-какой

пріютъ своимъ произведеніямъ лишь въ т. н. вольныхъ театрахъ нѣмецкихъ городовъ.

Эта первоначальная злая участь и есть въ сущности то общее, что характеризуетъ названныхъ писателей. Нѣтъ сомнѣнія, что они характеризуютъ собою главнѣйшіе факты драматическаго творчества Германіи за послѣднюю четверть вѣка, но взятые каждый по себѣ пердставляютъ и различные типы творчества, и различные фазисы общественнаго развитія. Вильденбрухъ есть прямой продуктъ объединенной имперіи, онъ пережилъ знаменательное время нарождавшагося могущества Германіи, время великой войны 1870 года. Будучи не только восторженнымъ почитателемъ, но и нѣсколько сродни дому Гогенцоллерновъ, онъ съ тѣмъ большимъ ликованіемъ радовался и воспѣвалъ новый блескъ этой династіи. Его такъ и прозвали придворнымъ поэтомъ. Когда прошумѣли первые побѣдные клики и протекли медовые годы грюндерства съ дикимъ азартомъ наживы на счетъ богатой французской добычи; когда затѣмъ наступило значительное охлажденіе съ прозой внутренней распри и культурной борьбы; когда, словомъ, прошло первое десятилѣтіе стихійной радости и пессимизма, то на сцену выступилъ Эрнстъ фонъ-Вильденбрухъ, чтобы въ рядѣ драмъ запѣчатлѣть идею національнаго возрожденія. Его драмы, начиная съ «Die Karolinger», «Christoph Marlow» и кончая прусскими драмами и бранденбургскими исторіями какъ «Menonit», «Vater und Söhne», «Quitsows» и пр.—всѣ свидѣтельствуютъ о способностяхъ Вильденбруха вызывать театральные эффекты. Ихъ тенденція строго аристократическая. Вильденбрухъ беретъ изъ отечественной исторіи крупныя аристократическія фигуры и, нисколько не стѣсняясь исторической правдой, ставитъ ихъ въ центрѣ драматическаго дѣйствія. Въ исторіи нѣмецкой драмы Вильденбрухъ не отмѣчаетъ собою художественнаго прогресса, но, сравнительно съ непосредственно предшествующимъ ему періодомъ полнѣйшаго упадка драматическаго творчества, произведенія Вильденбруха, проникнутыя сильнымъ національнымъ чувствомъ и живымъ темпераментомъ, представляли значительный шагъ по пути улучшенія. По поводу его гогенцоллеровскихъ драмъ восторженные почитатели Вильденбруха сравнивали его съ Эсхиломъ и Шекспиромъ, но художественныя достоинства этихъ драмъ, при всей напыщенности, всетаки остаются не большими. Его драмы изъ современности не болѣе какъ натуралистическіе опыты. Въ послѣднее время онъ возвратился къ исторической драмѣ и своимъ новымъ произведеніемъ «Kaiser Heinrich» хотя и добился громкаго театральнаго успѣха, но шансы свои, какъ художникъ, отнюдь не увеличилъ.

Въ гармонію національнаго возрожденія Германіи начали постепенно вторгаться дисгармонирующіе звуки назрѣвавшихъ общественныхъ разногласій и соціальныхъ распрей. За этимъ новымъ теченіемъ Вильденбрухъ не пошелъ. Явились другіе писатели и среди нихъ съ наибольшимъ успѣхомъ въ концѣ 80-хъ годовъ выдвинулся

Германъ Зудерманъ. Зудерманъ обратился за своими сюжетами к
современной жизни, къ жизни нѣмецкой буржуазіи, которая всячі
ски силится примирить крайнія противорѣчія, но, чувствуя сво
немощь, дѣлаетъ компромиссы и всетаки оказывается между двух
стульевъ. Да и самъ Зудерманъ въ извѣстномъ смыслѣ пребывает
въ этомъ мало завидномъ положеніи. Герои Вильденбруха не обы
новенные бюргерскіе типы; онъ весь растворяется въ величіи прош
лаго или же въ иллюзіяхъ любви къ отечеству и національно
гордости. Зудерманъ же со своими буржуазными героями остаетс
правда, на почвѣ дѣйствительности, но въ своемъ творчествѣ так
робокъ и не рѣшителенъ, какъ та самая переходная дѣйствител
ность, которая служитъ источникомъ его вдохновенія. Зудерман
довольно сильный талантъ. Но, съ другой стороны, было большо
ошибкой объявить его истиннымъ художникомъ новаго времени
какъ это сдѣлала «большая» нѣмецкая публика. Зудерманъ не ес
цѣлостный продуктъ наступившаго въ началѣ 80-хъ годовъ періо
литературнаго штурма и дранга. Онъ бралъ отъ новаго и стараго,—
гдѣ только находилъ мотивы по вкусу. Его образцами были н
столько Ибсенъ, Зола и наши русскіе корифеи, сколько болѣе ста
рые французы: Дюма и т. п. Въ своихъ драмахъ: «Честь», «Родина»
«Конецъ Содома», «Счастье въ уголкѣ», какъ и романахъ; „Fra
Sorge», «Es war» и др.—Зудерманъ остается всегда на поверхности, н
вдаваясь въ глубь проблемы. Детали всѣхъ его произведеній обна
руживаютъ въ немъ несомнѣнно превосходнаго наблюдателя, от
котораго не ускользнули и самыя животрепещущія теченія жизни
но, въ цѣломъ, его драмы скомпанованы произвольно, по старому фран
цузскому шаблону. Зудерманъ умѣетъ быть интереснымъ, и это дос
тавило ему на нѣмецкой сценѣ прежде всего матеріальный успѣхъ
Тогда какъ его прежнія пьесы то и дѣло обновляютъ репертуар
малыхъ и большихъ театровъ Германіи, его послѣдніе три акт
«Morituri» обошли въ 2—3 мѣсяца также всѣ театры здѣсь и даж
за границей, такъ что, по свидѣтельству одного комическаго интер
вьювера, у Зудермана за росписками въ полученіи „тантьемовъ"
прямо не хватаетъ времени для новаго творчества. Извѣстно, что
изъ молодыхъ нѣмецкихъ драматурговъ Зудерману всего болѣе по
счастливилось и у насъ въ Россіи.

Зудерманъ успѣлъ уже черезъ тысячу препятствій пробиться н
большія сцены, тогда какъ Гауптманъ еще оставался драматургом
вольныхъ театровъ. Но скоро взошла звѣзда и для автора «Перед
восходомъ солнца», а съ «Ткачами» молодой силезецъ сдѣлался
надеждой передового нѣмецкаго общества. Гауптманъ пошелъ свое
собственной дорогой. Тогда какъ Вильденбрухъ изображалъ траге
дію ушедшаго въ вѣчность добраго славнаго стараго времени,
Зудерманъ рисовалъ жизнь современной переходной эпохи, — Гер
гардтъ Гауптманъ отмѣчалъ мотивы грядущаго. Такимъ образом
три названные автора, вмѣстѣ взятые, воплощаютъ въ своихъ про

изведеніяхъ какъ бы всѣ думы современнаго поколѣнія. Это любопытно прослѣдить на слѣдующемъ конкретномъ фактѣ. Если на очереди первое представленіе Вильденбруха —обыкновенно въ «Берлинскомъ театрѣ»,—то къ театру то и дѣло подъѣзжаютъ экипажи съ дворянскими гербами, ливрейные лакеи открываютъ дверцы, и зрительная зала пестритъ старыми сановниками и блестящимъ офицерствомъ. Разъ очередь за «премьерой» Зудермана въ «Театрѣ Лессинга», то изъ элегантныхъ каретъ безъ гербовъ показываются финансовые бароны и биржевые тузы, въ зрительной залѣ сверкаютъ брилліанты, но очень мало замѣтенъ блескъ формы. Если же, наконецъ, въ «Нѣмецкомъ Театрѣ» «премьера» Гауптмана, то прилежащія улицы запружены толпами пѣшеходовъ, съ лихорадочной поспѣшностью направляющихся слушать своего автора. Аристократія, буржуазія и демократія точно подѣлили между собою главныхъ представителей современной нѣмецкой драматургіи.

Любопытно еще видѣть, какъ эти три главныхъ властителя нѣмецкой сцены борятся между собою изъ-за власти и господства въ театральномъ мірѣ. Года два-три стоялъ Гауптманъ на верху славы и вотъ, въ прошломъ году со своей драмой изъ эпохи крестьянскихъ войнъ «Флоріанъ Гейеръ» — теряетъ битву и въ состояніи глубокой меланхоліи оставляетъ Берлинъ. Въ это время, послѣ ряда годовъ молчанія, на сценѣ «Берлинскаго Театра» появляется Вильденбрухъ и своей исторической драмой «Генрихъ IV» производитъ колоссальный фуроръ—конечно, въ рядахъ своей публики. Но фуроръ былъ тѣмъ болѣе громкій, что онъ былъ въ то же время демонстративнымъ злорадствомъ надъ проваломъ Гауптмана въ «Нѣмецкомъ Театрѣ». Какъ только улеглось нѣсколько впечатлѣніе отъ «Kaiser Heinrich», такъ вслѣдъ затѣмъ почивавшій на лаврахъ своей «Чести» и «Родины» Зудерманъ бросилъ на время писаніе романовъ и повѣстей и осчастливилъ свою бюргерскую публику мѣщанскимъ «Счастьемъ въ уголкѣ» (Glück im Winkel) да еще тремя забавными актами «Morituri» (Teja, Fritzchen, Das ewig Männliche). Но вотъ оказывается, что для нѣмецкаго филистера даже Зудермановская муза не безъ страха: въ Карлсруэ, напримѣръ, этой аренѣ брюзевичскихъ подвиговъ, «Morituri» даются безъ «Fritzchen», такъ какъ похожденія Брюзевича еще свѣжи въ памяти мѣстнаго общества, а сюжетъ Фрицхенъ слишкомъ напоминаетъ дѣло славнаго лейтенанта.

Мнѣ пришлось уже подробно говорить о самомъ молодомъ, но и самомъ замѣчательномъ изъ названныхъ здѣсь писателей,—о Гергардтѣ Гауптманѣ. Въ тотъ разъ мы прослѣдили всю его творческую дѣятельность вплоть до «Флоріана Гейера». Но у такого крупнаго таланта трудно услѣдить за капризами творчества и потому судьбы Гауптмана чрезвычайно измѣнчивы. Я упоминалъ выше, что послѣ неудачи съ «Флоріаномъ Гейеромъ» Гауптманъ съ тяжелымъ чувствомъ оставилъ Берлинъ. Черезъ нѣкоторое время вѣн-

ская академія наукъ пріуготовила скорбящему драматургу рѣдко и почетное утѣшеніе: она назначила ему за его «Ганнеле» преміі Грильпарцера. Въ своемъ письмѣ, благодарившемъ за высокуі честь, Гауптманъ прямо отмѣчалъ, что академія, удостоившая ег произведеніе такою высокаго признанія, тѣмъ самымъ влила въ ег сердце новую бодрость и вѣру въ свою дѣятельность. И въ самом дѣлѣ: въ публикѣ разнесся скоро слухъ, что Гауптманъ работает надъ новой драматической сказкой. Было бы, конечно, совершенн непостижимо, если бы онъ въ виду той или иной неудачи совер шенно сжегъ корабли и обратился къ ткацкой работѣ своихъ си лезскихъ предковъ.

Въ Германіи также существуетъ литературная премія, т. і Schillerpreis. Она учреждена въ 1860 г. дѣдомъ Вильгельма II, Вил гельмомъ I. Эта премія въ 3400 марокъ, согласно своему назначенік должа каждые три года предоставляться автору произведенія, кото рое среди появившихся въ данное трехлѣтіе будетъ признано ком миссіей достойнымъ преміи. Императору сверхъ того принадлежит окончательное утвержденіе постановленія коммиссіи. Для исторі нѣмецкой литературы за послѣднія 30 лѣтъ служитъ, пожалуй, очен нелестнымъ показателемъ тотъ фактъ, что съ 1863 года одинъ лиш писатель удостоился полной шиллеровской преміи, къ которой при надлежитъ также особая медаль. Этотъ писатель былъ Линдnерт получившій въ 1866 г. полную премію за свою драму «Brutu und Collatinus». Въ концѣ прошлаго года снова истекъ трехлѣтні срокъ и необходимо было отыскать достойнаго претендента на пре мію. Въ распоряженіи имѣлась даже двойная сумма, такъ какъ в 1893 году не оказалось достойнаго претендента. Не оказалось, впро чемъ, потому, что предложенный коммиссіей авторъ «Талисмана» Людвигъ Фульда пришелся Вильгельму II не по душѣ, и онъ рѣ шилъ лучше совсѣмъ не давать преміи, чѣмъ отдать ее Фульдѣ. Из вѣстно, что Пауль Гейзе, состоявшій до 1893 года въ коммиссіи нашелъ для себя не удобнымъ долѣе въ ней оставаться послѣ не удачи съ Фульдой. Въ этотъ же разъ коммиссія, располагая двой ной преміей, присудила ее двумъ авторамъ: Вильденбруху за «Ген риха IV» и другую половину Гауптману за его «Ганнеле». Ока залось, что и въ этотъ разъ одинъ изъ претендентовъ пришелся не по душѣ Вильгельму, который Гауптмана вычеркнулъ и всю пре мію въ двойномъ размѣрѣ вмѣстѣ съ медалью отдалъ Вильденбруху Такимъ образомъ черезъ цѣлыхъ 30 лѣтъ послѣ Альберта Линднера Эрнстъ фонъ-Вильденбрухъ оказался вторымъ счастливцемъ, полу чившимъ полную премію имени Шиллера. Но и тутъ дѣло обошлосі не безъ жертвы для коммиссіи: одинъ изъ ея авторитетнѣйшихъ членовъ, Эрихъ Шмитъ, профессоръ литературы въ берлинскомъ университетѣ, послѣдовалъ примѣру Гейзе и вышелъ изъ состава коммиссіи.

Относительно «Талисмана» Людвига Фульды были кое какія ос-

нованія предположить, что Вильгельмъ II руководился чисто политическими соображеніями, когда не призналъ эту пьесу достойной преміи. Другое дѣло «Ганнеле» Гауптмана. Въ ней также мало политическаго, какъ и въ послѣдней драматической сказкѣ Гауптмана, въ «Потонувшемъ колоколѣ» (Die Versunkene Glocke). «Ганнеле» такая безобидная въ политическомъ отношеніи вещь, что одно время она ставилась на сценѣ собственнаго театра Вильгельма въ Берлинѣ; она затѣмъ такъ тронула сердце другого монарха, короля Вюртембергскаго, что этотъ послѣдній пожелалъ лично познакомиться съ авторомъ захватывающей трагедіи дѣтской души и пригласилъ Гауптмана къ себѣ во дворецъ. Мы видѣли, наконецъ, что та же «Ганнеле» удостоилась грильпарцеровской преміи со стороны вѣнской академіи наукъ. Правда и то, что авторъ «Ганнеле» написалъ и «Ткачей», изъ-за которыхъ Вильгельмъ отказался отъ посѣщенія «Нѣмецкаго Театра», лучшаго театра своей резиденціи, да и всей своей монархіи. О вкусахъ, конечно, не спорятъ, а у Вильгельма есть свой собственный вкусъ, который онъ неоднократно обнаруживалъ въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній и въ своемъ собственномъ художественномъ творчествѣ. Въ музыкѣ онъ является почитателемъ Вагнера и одновременно съ этимъ нѣкоторыхъ третьестепенныхъ композиторовъ. Въ живописи онъ зарекомендовалъ себя картиной подъ названіемъ «Народы Европы, охраняйте свои священнѣйшіе дары»—предполагается—отъ нашествія разныхъ темныхъ силъ и въ томъ числѣ отъ Будды. И еще одна картина выставлена теперь въ художественныхъ витринахъ на тему объ охранѣ и процвѣтаніи тѣхъ же священныхъ даровъ подъ эгидой милитаризма. Касательно премированія литературныхъ произведеній Вильгельмъ также поступаетъ по своему собственному усмотрѣнію, тогда какъ, напр., утвержденіе мнѣнія компетентной коммиссіи по распредѣленію шиллеровской преміи было въ прежнее время простой формальностью.

Впрочемъ, оцѣнка литературныхъ произведеній въ Германіи зависитъ не только отъ окончательнаго назначенія шиллеровской преміи. Мы видѣли сейчасъ, какъ отнеслась къ Гауптману коммиссія и какъ къ нему отнесся Вильгельмъ. Любопытно, что вскорѣ послѣ этого имѣла случай заново высказаться по тому же поводу нѣмецкая публика,—собственно говоря, прежде всего публика «Нѣмецкаго Театра» и берлинская критика. Это случилось по поводу постановки новой драматической сказки Гауптмана «Die Versunkene Glocke». Со времени перваго представленія «Ткачей» Берлинъ не видѣлъ такихъ шумныхъ овацій автору, какъ во время «премьеры» «Потонувшаго Колокола».

Новая сказка Гауптмана очень любопытная вещь. Въ ней авторъ обнаруживаетъ новую сторону своего многосторонняго дарованія. Мы привыкли быть съ Гауптманомъ на землѣ, среди людей, страдать и наслаждаться людскими радостями и страданіями. На этотъ

разъ онъ покидаетъ землю и увлекаетъ насъ въ сказочный водяныхъ, горныхъ духовъ и русалокъ.

Дѣйствіе сказки происходитъ въ такъ называемой Riesenge У подножья горъ расположена деревня. Въ ней живетъ колокол мастеръ Гейнрихъ, вылившій уже не мало колоколовъ для це своей родной долины. Но его не удовлетворяетъ болѣе колокол звонъ долины. Его манитъ приготовить колоколъ, которы звонко звучалъ тамъ, на верху горы, во славу Божью и на ра людямъ. Деревенскій пасторъ и учитель провожаютъ гордаг стера на вышку горы, съ которой будетъ раздаваться благо новаго колокола. Но фавнамъ и водянымъ не по вкусу это нс ство, и косолапый лѣсовикъ опрокидываетъ телѣгу, на которо ходится колоколъ. Мастеръ Гейнрихъ, захваченный телѣгой, л стремглавъ въ пропасть, кое-какъ спасается и попадаетъ въ жину старой феи, которая умѣетъ разговаривать съ альфами и салками. Колоколъ тѣмъ временемъ утопаетъ въ озерѣ. Ма Гейнрихъ, уставшій и разбитый, едва доплетается до дому, гд ждутъ объятая горемъ жена и двое дѣтей. Гейнрихъ погруже глубокую скорбь. Охота для дальнѣйшей творческой работы пала. То, что онъ создалъ, было предназначено для долины, низинъ. А его мечты уносятся къ небу. Онѣ же разбиты, и І риху до смерти больно.

Но вотъ является къ Гейнриху Раутенделейнъ, золотовол чудно завлекательная сильфида. Она видѣла его уже раньш горахъ и влекомая любовью спустилась къ долинѣ, хотя сѣдо- вый, чудовищно неуклюжій водяной, самъ влюбленный въ с фиду, предостерегаетъ ее отъ людей. Гейнрихъ очаровывается ной сильфидой и, покинувъ жену и дѣтей, уходитъ съ Рауте лейнъ въ горы. Онъ чувствуетъ въ себѣ приливъ новыхъ тво скихъ силъ и хочетъ изжить ихъ со всей силой своей опьяне фантазіи. Вся поэма Гауптмана въ этомъ мѣстѣ достигаетъ с высшей волшебной красоты, въ яркихъ переливахъ отражая са жгучія мечтанія художника.

Набожный пасторъ приходитъ и уговариваетъ Гейнриха от нуться отъ искушеній дьявола. Гейнрихъ чувствуетъ себя въ чалѣ еще твердымъ и смѣется надъ пасторомъ. Но вскорѣ на паютъ сомнѣнія и недовѣріе. Опьяненіе проходитъ. Онъ пыта забыться и разсѣять свой душевный страхъ въ горячихъ поцѣлу прекрасной сильфиды. Но среди этого упоенія ему является в ніе. Его дѣти приходятъ къ нему и приносятъ урну со слез покинутой матери. Когда Гейнрихъ оправляется отъ своего за нія, то чувствуетъ въ себѣ все больше и больше пробужденіе вѣсти. Онъ пытается заглушить ее музыкой горной стихіи, н это время его покинутая жена, рѣшившая утопиться въ оз своей похолодѣвшей рукой касается потонувшаго колокола, кото издаетъ сильный звонъ. Все сильнѣе и сильнѣе становятся зі

колокола, покуда не сливаются въ мощный аккордъ и не заглушаютъ музыку горныхъ стихій. Въ жгучихъ мукахъ отъ угрызенія совѣсти Гейнрихъ прогоняетъ отъ себя прекрасную Раутенделейнъ, которая уходитъ къ водяному, страстно ожидающему ее въ глубокомъ зеленомъ колодцѣ. Самъ Гейнрихъ между тѣмъ безнадежно разбитъ и принимаетъ смертный напитокъ старыхъ фей.

Знакомы ли вамъ, читатель, картины Арнольда Беклина—этого геніальнѣйшаго изъ современныхъ символистовъ-художниковъ? Ихъ нужно видѣть, — передать ихъ содержаніе и впечатлѣніе словами невозможно. Такъ точно и съ новой драматической сказкой Гауптмана, которая въ постановкѣ на сцену переноситъ васъ въ причудливый міръ беклиновскихъ образовъ. Это произведеніе полное непосредственной поэзіи лѣсовъ, какъ она воплощена въ наивныхъ и прекрасныхъ нѣмецкихъ сказкахъ. Ряды чудныхъ сильфидъ носятся надъ лѣсомъ среди луннаго сіянія. Когда кругомъ тихо, то изъ колодца выглядываетъ водяной со своей дико всклокоченной сѣдо-зеленой головой, шаловливый лѣсовикъ трется о деревья, а золотоволосая Раутенделейнъ—это любимѣйшее дитя лѣса—кокетливо поглядываетъ въ сторону влюбленнаго Никельмана—водяного. Въ лѣсу слышится таинственный шелестъ и шопотъ. Гауптманъ сумѣлъ какъ нельзя лучше приспособить свой стихъ къ этому языку природы. Въ этомъ стихѣ слышится то легкое пареніе сильфиды, то плескъ горнаго ручья, то рѣзкій капризный крикъ лѣсовика.

А какова мораль всей этой исторіи? Въ рамки этой сказочной поэзіи Гауптманъ вложилъ фаустіаду. Молодой литейщикъ-звонарь ведетъ фаустовскую борьбу изъ-за высшаго искусства, свободнаго отъ земной посредственности. Ему въ удѣлъ достаются лишь одни мучительныя противорѣчія между мощнымъ желаніемъ и человѣческой немощью. Невольно слышится личная нотка въ новомъ произведеніи Гауптмана, скорбная нота художника, котораго послѣдній широкій замыселъ во «Флоріанѣ Гейерѣ» «потонулъ въ озерѣ» людского непониманія. Эта скорбная нота, впрочемъ, не нова въ произведеніяхъ Гауптмана. Особенно чувствовалась она въ «Ганнеле» и въ «Одинокихъ людяхъ». Тамъ, какъ и здѣсь, мучительная трагедія людской ограниченности. Если допустить, что Гауптманъ излилъ въ «Потонувшемъ колоколѣ» свою душу, то на это у него были добрая воля и неоспоримое право. Потребность заглядывать глубоко въ самого себя менѣе всего можно оспаривать у художника и поэта. Своей новой сказкой Гауптманъ отдалъ дань новому ипохондрическому теченію въ нѣмецкой литературѣ, да и въ литературахъ другихъ странъ. Можно лишь пожелать, чтобы онъ не оставался на этой слишкомъ заманчивой стезѣ. Углубляйся въ самого себя, но оглядывайся и кругомъ себя. А кругомъ такъ много горя не только матеріальнаго, но и фаустовскаго; кругомъ такъ много чаяній и желаній, достойныхъ вниманія поэта. Гауптманъ началъ свою дѣятельность драмой «Передъ восходомъ солнца». Въ ней онъ

рисовалъ жестокій мракъ, чудовищную власть тьмы, черезъ которые видѣлъ однако лучезарный восходъ солнца. Этотъ свѣтлый взглядъ, это горячая надежда дали ему творческія силы для такихъ литературныхъ произведеній, въ виду которыхъ было бы совершенно преждевременно писать трагедіи на тему о самомъ себѣ.

Неимовѣрно быстрый ростъ экономическаго развитія Германіи сдѣлалъ нѣмцевъ чуть ли не самымъ партійнымъ народомъ міра. Чѣмъ другимъ, какъ не партійностью и классовой рознью, можно объяснить тѣ горячіе дебаты, которые возникли въ послѣднее время по поводу такого, казалось бы, нейтральнаго вопроса, какъ распространеніе университетскаго образованія въ духѣ англійскаго University Extension. Можно, напротивъ того, удивляться, какъ могло случиться, что классическая страна университетовъ такъ отстала на этомъ поприщѣ популяризаціи знаній въ массахъ.

Цѣль всѣхъ попытокъ, направленныхъ къ такой популяризаціи, очень проста. Онѣ предназначены доставить возможность дальнѣйшаго образованія для тѣхъ, кто уже оставилъ школьную скамью. Одна школа не можетъ удовлетворить потребности образованія, — особенно въ такой странѣ, гдѣ, какъ въ Германіи, народу предоставлено всеобщее и прямое избирательное право. Между тѣмъ юношество оставляетъ школу обыкновенно въ такомъ возрастѣ, когда политическое развитіе лишь начинается. Отсюда вытекаетъ для образованныхъ слоевъ народа обязанность радѣть о подъемѣ образованія даннаго поколѣнія. Эту обязанность однако не всѣ образованные и имущіе нѣмцы хотятъ признать, — кто изъ гордыни, кто изъ праздности, а кто изъ своекорыстія и эгоизма. Для нихъ всего милѣе глупая и податливая масса. И въ этихъ мало благородныхъ помыслахъ сходятся между собою довольно вліятельныя церковныя и свѣтскія сферы. Имъ несимпатично и движеніе въ пользу распространенія университетскаго образованія, популяризація котораго для нихъ тожественна съ умаленіемъ науки и съ культурой полузнаекъ. Они забываютъ при этомъ, что консервативные университеты въ Англіи, въ Кембриджъ и Оксфордѣ, уже много лѣтъ тому назадъ стали во главѣ такого движенія и положили начало столь прославленному теперь дѣлу University Extension въ старомъ и новомъ мірахъ. Читателямъ «Русскаго Богатства» извѣстны, впрочемъ, успѣхи этого движенія изъ статьи проф. Милюкова. Теперь пришла, наконецъ, очередь и къ Германіи. Изъ нѣмецкихъ земель первый опытъ былъ сдѣланъ года полтора тому назадъ вѣнскимъ университетомъ. Въ настоящее время примѣру Вѣны послѣдовали Мюнхенъ, Лейпцигъ и Берлинъ, къ которымъ несомнѣнно примкнутъ вскорѣ и другіе университеты Германіи.

Было бы, конечно, несправедливо предположить, что страна, гордящаяся ничтожнѣйшимъ процентомъ безграмотныхъ, ничего не

дѣлала для интересовъ внѣшкольнаго образованія. Напротивъ, уже съ начала 40-хъ годовъ существовали въ Германіи т. н. ремесленные и рабочіе образовательные ферейны. Въ 1871 г. основалось «Общество распространенія образованія въ народѣ» (Gesellschaft für Verbreitung von Volksbildung), въ воззваніи котораго говорилось о томъ, что «возстановленный снова миръ долженъ быть употребленъ для усиленной культурной работы и на пользу всеобщаго образованія». Цѣлью своею Общество ставило «давать народу неисчерпаемый источникъ образовательныхъ средствъ»; сообразно съ тѣмъ названное общество и въ самомъ дѣлѣ вызвало къ жизни множество образовательныхъ ферейновъ, которые устраивали цѣлые циклы лекцій по разнымъ отраслямъ знанія, курсы новыхъ языковъ и основали множество библіотекъ въ городахъ и деревняхъ. Съ конца 80-хъ годовъ возникли т. н. Arbeiterbildungsvereine, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны — берлинскій и лейпцигскій.

Можно еще назвать рядъ учрежденій, служащихъ образовательнымъ задачамъ, но стоящихъ съ университетами въ слабой, чисто случайной связи и предназначенныхъ для ограниченнаго круга болѣе имущихъ и образованныхъ слушателей. Такъ, напр., въ Іенѣ съ 1889 г. доцентами университета устраиваются въ теченіе августа «Fortbildungkurse» по естествознанію, философіи, педагогикѣ, исторіи, литературѣ и т. п., при чемъ курсы эти главнымъ образомъ расчитаны на учителей и учительницъ народныхъ и городскихъ училищъ. Точно также и въ Грайфсвальдѣ въ теченіе каждаго іюля устраиваются курсы по литературѣ, англійскому и французскому языкамъ, философіи, политической экономіи, исторіи и географіи. Къ этимъ предпріятіямъ болѣе частнаго характера примыкають затѣмъ образовательныя учрежденія цѣлыхъ обществъ, какъ, напр., академія Гумбольдта—Humboldt-Akademie въ Берлинѣ, курсы коменіевскаго общества, курсы евангелически-соціальнаго конгресса и разныхъ Volksbildungsverein'овъ.

Такимъ образомъ мы видимъ цѣлую сѣть раскинутыхъ по странѣ учрежденій, предназначенныхъ различными путями служить умственному развитію различныхъ слоевъ германскаго народа. Долгое время университетскія сферы, гордыя своимъ гелертерствомъ, упорно оставались въ сторонѣ отъ этого движенія, считая для себя и своей науки унизительнымъ спуститься къ непросвѣщенной черни. Это время, очевидно, миновало, и характернымъ явленіемъ современнаго момента въ Германіи служитъ, именно, все болѣе и болѣе растущая прикосновенность университетскихъ профессоровъ къ практическимъ вопросамъ общественной жизни,—безразлично, идетъ ли рѣчь о животрепещущихъ вопросахъ соціальной политики, или—народнаго образованія. Какъ краснорѣчивый примѣръ перваго рода, достаточно упомянуть недавнее воззваніе къ обществу цѣлаго ряда профессоровъ о матеріальной помощи нуждающимся въ работѣ; какъ примѣръ второго рода можно указать на все большее участіе профессо-

ровъ по интересующему насъ здѣсь вопросу о распространеніи университетскаго образованія. Само собою разумѣется, что при царящей теперь въ Германіи борьбѣ партій и общественной разноголосицѣ, есть еще не мало ученыхъ мужей, которые предпочитаютъ обязательные поклоны въ ту и другую сторону, лишь бы только не подпасть подъ подозрѣніе, что у нихъ имѣются и собственныя убѣжденія. Но съ другой стороны неумолимая дѣйствительность, вопреки всѣмъ охранительнымъ крикамъ о профессорской крамолѣ, выдвинула на арену жизни довольно внушительный рядъ очень просвѣщенныхъ дѣятелей-профессоровъ.

Изъ различныхъ начинаній въ духѣ University Extension наиболѣе успѣшнымъ представляется то, которое затѣяно профессорами Мюнхена съ извѣстнымъ политико-экономомъ проф. Луйо Брентано во главѣ. Дѣятельность «народнаго университета» въ Мюнхенѣ уже началась съ средины января текущаго года при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ. Прежде, чѣмъ отмѣтить нѣкоторыя детали этого учрежденія, считаю нелишнимъ привести здѣсь общіе мотивы, изъ которыхъ исходили учредители и которые особенно рельефно были выражены инициаторомъ мюнхенскаго народнаго университета, проф. Брентано. На учредительномъ собраніи «Общества народнаго университета» (Volkshochschulverein, München), на которомъ присутствовали многіе профессора и представители прессы, проф. Брентано произнесъ вступительную рѣчь, смыслъ которой приблизительно слѣдующій: Современное общество демократично. Этотъ характеръ общества покоится не на партійныхъ принципахъ, но есть фактическій результатъ совокупнаго нашего развитія. Наше экономическое и политическое развитіе повело къ тому, что нисшіе классы, съ одной стороны, несутъ наибольшую часть податныхъ тягостей, а съ другой—доставляютъ наибольшую часть нашей арміи. Исторія насъ учитъ, что тѣ общественные классы, на которыхъ падала главная часть государственнаго бремени, съ теченіемъ времени пріобрѣтали прочное вліяніе на жизнь. Отъ этой естественной необходимости не могло уклониться ни одно государство. Сообразно съ этимъ въ наше время этотъ взглядъ на судьбы государства усвоили себѣ даже тѣ страны, которыя искони считались аристократическими. Такъ напр., аристократическая Англія не только вступила на путь демократическаго развитія, но въ большей части уже демократична. По тѣмъ же соображеніямъ и Германія получила всеобщее избирательное право. Аристократическая Австрія въ послѣдніе годы пошла по тому же пути, и т. п. Въ этой тенденціи заключена, по мнѣнію проф. Брентано, опасность. А именно: разъ нисшіе классы получатъ такое преобладающее и сильное вліяніе на всю общественную и государственую жизнь, то наша культура легко можетъ быть отодвинута на задній планъ. Противъ этой угрозы существуетъ лишь одно средство. Намъ необходимо весь народъ заинтересовать въ пользу высшихъ благъ культуры и просвѣщенія, сдѣлать его соучастникомъ въ

способствованіи этимъ благамъ. Въ Англіи—особенно съ извѣстными реформами 1867 года — ясно позвали преобразовательный ходъ общественной жизни и потому энергически приступили къ воспитанію и образованію низшихъ классовъ. На этой же почвѣ выросли тамъ институты для распространенія университетскаго образованія, по примѣру которыхъ дѣйствовали затѣмъ въ Америкѣ, Австріи и Швейцаріи.

То, что съ такимъ успѣхомъ было примѣнено въ названныхъ странахъ, будетъ несомнѣнно съ пользой примѣнено и въ Германіи. Стремленія мюнхенскихъ профессоровъ идутъ гораздо дальше того, что даютъ популярныя лекціи образовательныхъ ферейновъ и т. п. Значеніе этихъ лекцій заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они лишь возбуждаютъ интересъ въ слушателяхъ. Какъ таковыя, они заслуживаютъ всяческой поддержки. Народный же университетъ имѣетъ въ виду ввести регулярное преподаваніе предметовъ университетскаго курса. Учредителямъ мюнхенскаго Volkshochschulverein'а это представляется необходимымъ не только съ точки зрѣнія интересовъ низшихъ классовъ. Ходъ науки велъ съ необходимостью къ ея спеціализаціи. Это было неизбѣжно въ интересахъ успѣховъ самой науки. Но спеціализація повела также и къ тому, что одна часть самихъ профессоровъ стоитъ передъ многими научными дисциплинами, представленными другой группой ученыхъ, съ тѣмъ же невѣдѣніемъ, какъ каждый сапожникъ, портной, каждый членъ т. наз. низшихъ классовъ общества. Вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ тому, чтобы открыть широкій доступъ къ знанію, какъ лицамъ высшихъ, такъ равно и низшихъ классовъ, одинаково серьезно заинтересованнымъ въ успѣхахъ науки. Этой цѣли служатъ систематическіе курсы подъ условіемъ простоты и ясности изложенія.

Изъ тенденцій мюнхенскаго общества для распространенія университетскаго образованія вытекало и то, что это общество нашло нужнымъ сложиться на началахъ совершенной добровольности. Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ, напр. въ Берлинѣ, учредители обратились за правительственной субсидіей, въ другихъ—за субсидіей отдѣльныхъ корпорацій. Мюнхенскіе учредители предпочли, особенно для начала, обойтись безъ такой субсидіи... Получать субсидіи, какъ замѣтилъ проф. Брентано въ своей вступительной рѣчи, значитъ быть всегда зависимымъ. Мы же желаемъ предстать совершенно независимыми передъ тѣми слоями народа, которые окажутъ намъ свое довѣріе, и хотимъ избѣжать всякаго шага, который могъ бы это довѣріе къ намъ подорвать.

Для присутствія въ учредительномъ собраніи вмѣстѣ съ другими представителями прессы былъ приглашенъ и главный редакторъ мѣстной рабочей газеты. Мнѣніе проф. Брентано объ угрозѣ нашей культурѣ со стороны низшихъ классовъ не понравилось, конечно, редактору литературнаго органа этихъ классовъ, и мы на слѣдующій день прочли въ его газетѣ слѣдующее резюме впечатлѣній отъ

учредительнаго собранія новаго общества: Выводы г. профессор объ опасностяхъ, грозящихъ культурѣ со стороны «низшихъ клас совъ», могли бы при другихъ обстоятельствахъ вызвать весьма се рьезныя возраженія. Но мы находимъ, что цѣль новаго обществ хороша и похвальна; и потому мы охотно отказываемся вступат здѣсь въ подробный анализъ высказанныхъ на собраніи мотивовъ а мы полагаемъ лишь, что, подобно тому, какъ наше движеніе сдѣ лалось теперь носителемъ идеаловъ, давно заброшенныхъ либерал ной буржуазіей, такъ точно и наши эмансипаціонныя стремлені являются борьбой за культуру въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Насколько серьезно отнеслось новое общество къ взятой на себ задачѣ, показываетъ любопытный циркуляръ, разосланный имъ всѣм доцентамъ народнаго университета. На основаніи опыта других странъ и свидѣтельствъ авторитетныхъ лицъ, этотъ циркуляръ на мѣчаетъ основныя требованія для руководства доцентовъ. Онъ го воритъ о томъ, какъ ясно лекторъ долженъ составлять свои лекціи какъ онъ ихъ долженъ произносить свободно и наизусть, а не чи тывать съ бумаги; какъ онъ долженъ составлять програму своих лекцій и съ указаніемъ литературы распредѣлять ее между слуша телями; какъ должна быть введена система вопросовъ, бросаемых слушателями въ особый ящикъ и служащихъ основаніемъ для пре ній; какъ, наконецъ, доцентъ долженъ стараться входить въ воз можно болѣе близкія соприкосновенія со своими слушателями.

Въ концѣ января Volkshochschulverein, München опубликовал программу, по которой немедленно и началась дѣятельность этог общества. Программа, намѣчающая покуда циклъ курсовъ на врем от 1 февраля по 15 апрѣля (Пасха) текущаго года, заключаетъ в себѣ 10 курсовъ, читаемыхъ десятью профессорами мюнхенскаго уни верситета и политехнической школы. Мы встрѣчаемъ здѣсь курсы проф. Гаузгафера: «Объ исторіи экономическихъ идей»; проф. Брен тано: «О собственности и ея развитіи»; проф. Бюхнера: «О ги гіенѣ»; проф. Гюнтера: «О географіи Африки въ связи съ введе ніемъ къ изученію географіи»; проф. Дэльмана: «Ученіе о перспек тивѣ»; проф. Гана: «Объ исторіи и пользѣ оспопрививанія»; проф Шмитта: «Увѣчья всякаго рода и первая помощь со стороны не спеціалистовъ»; д-ра Мюнстерберга: «О призрѣніи бѣдныхъ»; проф Зейса: «Объ искусственномъ и натуральномъ питаніи дѣтей»; д-ра Шефера: «О водѣ».

Каждый курсъ состоитъ изъ 6 часовъ, меньшіе курсы—изъ 4 Первые, т. е. шестичасовые курсы стоятъ 1 марку (50 к.); четы рехчасовые—50 пфенниговъ (25 к.). Для цѣлыхъ семей и ферей новъ дѣлается скидка. Всѣ курсы цѣлаго года стоятъ 5 марокъ причемъ семейные и ферейнскіе билеты имѣютъ также скидку.

Я уже упоминалъ, что дѣятельность Мюнхенскаго народнаг университета началась при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ Министерство народнаго просвѣщенія уступило обществу для ег

цѣлей нѣкоторыя аудиторіи университета, физическаго и гигіеническаго институтовъ. Точно также и городскія власти предоставили въ пользу народнаго университета рядъ помѣщеній въ городскихъ школахъ и пр.

На первой же недѣлѣ записалось болѣе 2500 слушателей, изъ которыхъ добрая половина приходится на долю мѣстныхъ рабочихъ организацій. Лекціи начинаются съ 8 часовъ вечера, слѣдовательно, 1—2 часа послѣ окончанія рабочаго дня.

Нѣтъ сомнѣнія, что энергія и успѣшная дѣятельность мюнхенскихъ профессоровъ встрѣтитъ немедленное подражаніе и другихъ университетовъ Германіи.

Теперь не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію, и всѣ безъ исключенія партіи въ томъ согласны, что статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ баронъ Маршалль фонъ-Биберштейнъ стяжалъ себѣ крупную заслугу передъ общественнымъ мнѣніемъ, когда искалъ защиты у гласнаго суда отъ всѣхъ нападокъ и инсинуацій полицейскихъ патріотовъ и клеветниковъ бисмарковской клики. Своимъ рѣшеніемъ предпочесть нелицепріятный судъ гласности темнымъ ходамъ дисциплинарныхъ взысканій баронъ Маршалль отдернулъ завѣсу и показалъ всему міру тѣ германскія авгіевы стойла, гдѣ ютятся званые и незваные спасатели отечества и гдѣ черпаетъ свою пищу оффиціозная пресса. Оба эти учрежденія—гнойное болото фонъ-Тауша и т. наз. оффиціозная печать оказываются другъ съ другомъ настолько переплетенными, что не всегда можно отличить, гдѣ кончается работа агентовъ Тауша и гдѣ начинается «общественное служеніе» политическихъ репортеровъ жадной до сенсацій прессы.

Баронъ Маршалль сдѣлался теперь популярнѣйшимъ министромъ Германіи. Этого государственнаго дѣятеля мы имѣли случай подробно наблюдать еще во время громкихъ дебатовъ о русско-нѣмецкомъ торговомъ договорѣ, когда онъ стоялъ лицомъ къ лицу не со всемогущимъ полицейскимъ коммиссаромъ, а съ не менѣе всемогущей партіей юнкеровъ и аграріевъ. Въ этомъ громаднаго роста мужчинѣ,—нѣсколько согбенномъ отъ чрезмѣрнаго своего роста,—въ этомъ мужчинѣ съ необыкновенно крупной головой, ясной, красивой и, при своеобразной интонаціи, убѣдительной рѣчью,—есть что-то отеческое, заботливое и подкупающее. Вся его фигура дышетъ искреннею преданностью государственной пользѣ, а изъ его большихъ глазъ сквозитъ правдивость и прямодушіе. Такимъ онъ стоялъ два мѣсяца тому назадъ передъ судомъ въ качествѣ свидѣтеля, вѣрнѣе—въ своемъ старомъ качествѣ прокурора — въ процессѣ противъ Лекерта и Люцова, приведшаго къ разоблаченію интригъ политической полиціи и къ заарестованію ея фактическаго шефа—фонъ-Тауша. Такимъ онъ предсталъ недавно и въ герман-

скомъ рейхстагѣ, чтобы защититься отъ упорныхъ инсинуацій юнкеровъ и аграріевъ, которые въ лицѣ своего вождя, дипломата бисмарковской эпохи—графа Лимбурга-Стирума, не совсѣмъ по джентельменски интриговали противъ отсутствующаго и ненавистнаго имъ человѣка. Эти господа были, именно, того мнѣнія, что респектъ и авторитетъ государственной власти пострадали отъ оглашенія политическихъ интригъ, что при Бисмаркѣ такой процессъ былъ бы невозможенъ и т. д. При этомъ господа юнкеры совершенно не замѣчали, какъ отождествляли авторитетъ государственной власти съ полицейскимъ коммиссаромъ и забывали, что вѣдомство иностранныхъ дѣлъ и его руководящій министръ, подвергавшіеся годы подрядъ гнуснѣйшимъ интригамъ того самаго коммиссара, тоже что-нибудь означаютъ въ механизмѣ государственной власти. Бывшему прокурору не стоило большого труда въ блестящей рѣчи разнести въ дребезги шаткое здавіе аграрныхъ и антисемитическихъ софизмовъ о мнимомъ подрывѣ авторитетовъ путемъ гласнаго судопроизводства. Къ числу жалкихъ софизмовъ графа Лимбурга принадлежалъ и упрекъ, что баронъ Маршалль, обратившись къ суду, измѣнилъ старымъ прусскимъ традиціямъ. Этотъ упрекъ заключалъ въ себѣ еще спеціальную шпильку по адресу министра, который родомъ не пруссакъ, а баденецъ. Но барона Маршалля мало смутилъ и этотъ юнкерскій уколъ. Его рѣчь была классическимъ аргументомъ въ пользу гласности, безъ которой не можетъ жить и дышать никакое культурное государство. Въ этомъ своемъ убѣжденіи Маршалль имѣлъ на своей сторонѣ и престарѣлаго канцлера князя Гогенлоэ. Весь эффектъ этого факта будетъ понятенъ, если принять въ соображеніе, что депутатъ Бебель, далекій отъ всякой лести по адресу министровъ, не могъ не выразить свою непритворную радость по поводу «честнаго образа дѣйствій высшихъ чиновъ правительства».

Въ рѣчахъ Маршалля и другихъ было выведено на чистую воду и освѣжено въ памяти общества все, что творилось германской политической полиціей за время существованія объединенной имперіи. Послѣ введенія исключительнаго закона персоналъ полиціи былъ увеличенъ и вмѣстѣ съ этимъ была создана система, направленная не столько на предупрежденіе преступленій, сколько на собираніе всякаго рода свѣдѣній, независимо отъ порученій высшихъ властей. Въ виду этого все государство было опутано сѣтью шпіонства, и сами шпіоны занимались политикой на собственный страхъ и рискъ и въ свое собственное удовольствіе. Политическая полиція неоднократно создавала и возбуждала процессы, которые кончались ея полнымъ фіаско и дискредитировали высшее правительство. Она самою силою обстоятельствъ и безпрепятственнымъ процессомъ своего роста пришла, наконецъ, къ тому, что начала интриговать противъ самого правительства. А вскормлена и взлелѣяна она была режимомъ Висмарка, который, располагая вельфскимъ фондомъ и дру-

гими источниками, не жалѣлъ никакихъ средствъ ни на нее, ни на ея сподвижницу—пресмыкающуюся прессу. Норманъ, онъ же Шуманъ, онъ же д-ръ Мундтъ и т. д., Лекертъ, Люцовъ—вотъ типы пресмыкающихся, типы журналистовъ—провокаторовъ.

Кстати о журналистахъ и о прессѣ. Процессъ Лекерта-Люцова обнаружилъ по этому поводу рядъ любопытныхъ фактовъ. Вотъ нѣкоторые примѣры: очень распространенная и богатая газета съ національно-либеральнымъ направленіемъ—«Münchner Neueste Nachrichten» печатаетъ какъ-то телеграмму изъ Берлина о засѣданіи министровъ. Телеграмма была расчитана на сенсацію и близко касалась вѣдомства иностранныхъ дѣлъ. Когда Маршаллъ, заинтересованный насчетъ происхожденія этой телеграммы, обратился лично съ запросомъ, то издатель газеты д-ръ Гиртъ заявилъ ему, что депеша была сфабрикована въ самомъ Мюнхенѣ... Спрашивается: зачѣмъ?—Для того, чтобы сдѣлать газету возможно болѣе живой и отзывчивой—actuell, какъ это здѣсь называютъ.

Другой примѣръ. У главнаго редактора хорошо извѣстной и у насъ въ Россіи «Berliner Tageblatt»—у д-ра Левисона происходитъ собесѣдованіе съ полицейскимъ комиссаромъ фонъ-Таушемъ. Въ заключеніи бесѣды фонъ-Таушъ жметъ руку редактору и съ увѣренностью замѣчаетъ: «и такъ, дѣло это остается между нами»!

— «Само собою разумѣется!»—отвѣчаетъ редакторъ... Не успѣлъ коммиссаръ переступить порогъ, какъ редакторъ заноситъ бесѣду на бумагу и сдаетъ въ типографію. Зачѣмъ?—Газета должна быть actuell.

То же дѣлаетъ газета «Die Welt am Montag». Всѣ эти и другія газеты, какъ показалъ процессъ, вступаютъ въ сношенія съ патентованными шпіонами, открываютъ имъ свои столбцы, нерѣдко прочно пристраиваютъ ихъ при своихъ редакціяхъ,—и все это для того, чтобы быть actuell. У этихъ изданій хватаетъ, однако, лицемѣрія притвориться изумленной невинностью, когда процессъ, вродѣ Лекертъ-Люцовскаго, обнаружитъ всю эту беззастѣнчивую практику.

Баронъ Маршаллъ въ своей послѣдней рѣчи въ рейхстагѣ съ полнымъ основаніемъ указывалъ на присущую нѣмецкой прессѣ погоню за оффиціальными свѣдѣніями.

Этотъ министръ со скорбнымъ чувствомъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что за границей нѣмецкую прессу считаютъ чуть ли не цѣликомъ зависящей отъ правительства. Онъ же выразилъ надежду, что какъ лучшая часть нѣмецкой прессы, такъ и читающая публика будутъ радѣть объ упорядоченіи политическихъ изданій.

Тѣмъ временемъ группа ловкихъ предпринимателей намѣчаетъ въ послѣднее время грандіозный планъ газетныхъ изданій, предназначенныхъ снабжать изъ Берлина всѣ провинціи готовымъ газетнымъ матеріаломъ. Провинціямъ остается лишь придѣлывать заголовки къ безголовой берлинской газетѣ. «Безголовая газета»—вотъ послѣднее слово капиталистической конкурренціи въ области печатнаго слова.

А. Ковровъ.

Изъ Англіи.

Уайтчепель.

I.

«Уайтчепель». Съ этимъ словомъ ассоціируется всегда представленіе о невѣроятной нищетѣ, о невѣроятномъ страданіи, о полной антитезѣ богатому чрезмѣрно Вестъ-Энду, западной части Лондона. Достаточно назвать Уайтчепель, чтобы предъ нами возникли картины поразительнаго отупѣнія и одичанія, набросанныя Тэномъ, Луи Блапомъ и др. Эти картины очень популярны въ Россіи. Всякій соотечественникъ нашъ, попадающій въ Лондонъ, въ первый же день спрашиваетъ, какъ ему попасть въ Уайтчепель. Онъ ждетъ увидать тѣхъ «бѣлыхъ дикарей», о которыхъ такіе ужасные факты сообщалъ нѣмецкій экономистъ. «Степень развитія ихъ (уайтчепельцевъ) можетъ быть видна изъ слѣдующихъ діалоговъ,—писалъ упомянутый авторъ: Jeremias Haynes, мальчикъ 12 лѣтъ, утверждалъ, что четырежды четыре восемь. Король, по его словамъ, это is him, that has all the money and gold (тотъ, кому принадлежатъ всѣ деньги).—Говорятъ, что у насъ есть король, и что этотъ король—королева, и что его называютъ принцесса Александра. Говорятъ, она вступила въ бракъ съ королевскимъ сыномъ. Принцесса—это мужчина»,—объясняетъ мальчикъ 13 лѣтъ. «Я живу не въ Англіи. Думаю, что есть такая земля, но я ничего не слыхалъ о ней равѣе». Джонъ Моррисъ, четырнадцати лѣтъ, объяснялъ: «Слышалъ я, какъ нѣкоторые говорятъ, будто Богъ создалъ міръ и потомъ утопилъ весь народъ, кромѣ одного человѣка; слышалъ я, что этотъ одинъ человѣкъ былъ маленькая птичка». Дѣвочка 10 лѣтъ, говорившая, вмѣсто «God—Dog», имѣла своеобразное представленіе о діаволѣ». The devil is a good person. J don't know where he lives» (Діаволъ — добрый человѣкъ. Не знаю, гдѣ онъ живетъ) и т. д. *). Наши соотечественники, попадающіе въ Уайтчепель, бываютъ слегка разочарованы. Они ожидали не того. Упускается изъ виду, что Марксъ собиралъ матеріалы въ концѣ сороковыхъ годовъ, а съ тѣхъ поръ произошли кое-какія перемѣны. Начать съ того, что въ 1841—48 гг. въ Англіи 32,6% мужчинъ и 48,9% женщинъ, за неграмотностью, подписывали брачный контрактъ крестикомъ. Въ 1840 г. въ Лондонѣ было 40% неграмотныхъ; тогда какъ въ прошломъ году лишь $1\frac{1}{2}$%. Въ 1850 г. всѣхъ школъ въ Англіи было 1844 съ 197.578 учащихся, а въ прошломъ году уча-

*) *K. Marx*, Le Kapital, Chapitre X, p. III. v. I (цитирую по французскому переводу Roy).

щихся было болѣе шести милліоновъ. Въ царствѣ отупѣнія и одичалости, въ Уайтчепелѣ, теперь два вольныхъ народныхъ университета, нѣсколько аудиторій, въ которыхъ на курсы по общественнымъ наукамъ собираются нѣсколько тысячъ слушателей, огромная музыкальная зала, куда ораторіи Мендельсона привлекаютъ 3—4 тысячи слушателей, много библіотекъ и пр. Правда, наблюдатель теперь еще можетъ найти въ Уайтчепелѣ поразительныя мрачныя картины на каждомъ шагу; но онъ вынесетъ оттуда ужъ не одни только мрачныя впечатлѣнія. Наблюдатель, въ нѣкоторомъ родѣ, уподобляется вольтеровскому Бабулу, котораго Итуріэль послалъ узнать, слѣдуетъ ли уничтожить Вавилонъ. Какъ и добродѣтельный браминъ, наблюдатель на каждомъ шагу встрѣчаетъ то отрадныя, то печальныя явленія.

Когда то Уайтчепель былъ сравненъ съ огромнымъ невѣдомымъ, мрачнымъ моремъ, бурлящимъ у береговъ самаго Вестъ-Энда. Рѣдкіе наблюдатели обращали вниманіе богатыхъ классовъ на то, что въ виду собственной безопасности слѣдуетъ подумать о немъ.

Богатый Вестъ-Эндъ зналъ, конечно, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находится невѣдомое море горя и нищеты; но мало интересовался имъ. Когда въ литературѣ появлялись изрѣдка отдѣльные очерки изъ жизни этого невѣдомаго міра, англичане считали себя шокированными. До сихъ поръ въ Англіи вы можете встрѣтить массу публики, которая считаетъ, напримѣръ, очерки Диккенса вульгарными, о которыхъ неловко говорить. Бывали, конечно, моменты, когда это море начинало клокотать и бурлить. Испуганный Вестъ-Эндъ тогда волей-неволей обращалъ на него вниманіе и старался успокоить свою потрясенную совѣсть и свой страхъ щедрыми пожертвованіями. Затѣмъ, когда все устанавливалось, Вестъ-Эндъ опять забывалъ про страшный невѣдомый край. Но вотъ среди англійскаго общества нарождается крайне интересный и знакомый намъ типъ, который Н. К. Михайловскій назвалъ «кающимся дворяниномъ». Богатые и обезпеченные молодые люди обоего пола оставляли родной домъ, отказывались отъ блестящей карьеры и отправлялись жить въ глухіе кварталы, среди нищихъ, рабочихъ и преступниковъ, чтобы на мѣстѣ изучить ихъ бытъ. Первые и единичные провозвѣстники появились въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Таковъ былъ, напримѣръ, Эдуардъ Дэнисонъ, который въ 1867 г. поселился въ Уайтчепелѣ. Въ семидесятыхъ годахъ эти единичные изслѣдователи становятся болѣе многочисленными. Англичане, прежде всего, люди практическаго духа. И вотъ, мы наблюдаемъ, какъ англійскіе *кающіеся дворяне*, мало-по-малу, вырабатываютъ систему и пріемы наблюденія. Но все же это была дѣятельность отдѣльныхъ единицъ, не связанныхъ вмѣстѣ. Результаты, добытые этими первыми изслѣдователями, имѣютъ огромную цѣнность и до сихъ поръ: таково многотомное сочиненіе Mayhew — London Labour and the London Poor, такова книжка Халлингшеда «Raggest London» и пр. Въ се-

рединѣ семидесятыхъ годовъ появляется такой подвижникъ, какъ Арнольдъ Тойнби. Послѣ окончанія университета онъ поселяется въ Уайтчепелѣ, въ самомъ бѣдномъ кварталѣ. знакомится съ народомъ, изучаетъ его бытъ, читаетъ лекціи, устраиваетъ школы и пр. Въ то же время онъ горячо агитируетъ среди богатаго Вестъ-Энда и доказываетъ необходимость устройства своего рода станцій для изученія моря нищеты. Арнольдъ Тойнби былъ однимъ изъ тѣхъ чистыхъ, идеальныхъ «искателей правды», личность которыхъ дѣйствуетъ облагораживающимъ образомъ на всѣхъ окружающихъ. Къ несчастью, Тойнби жилъ не долго. Непосильные труды подточили его нѣжный организмъ, и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Тойнби умеръ. Однако, дѣятельность его не прошла безслѣдно. Проповѣдь его увлекла множество молодыхъ людей обоего пола. Юноши поступали на фабрики, работали въ копяхъ, становились разнощиками; дѣвушки поступали въ горничныя и швеи, чтобы на мѣстѣ, «на своей шкурѣ», выражаясь вульгарно. испытать жизнь бѣднаго класса.

Въ 1884 г. друзья Тойнби, желая увѣковѣчить имя его, устроили въ Уайтчепелѣ, такъ называемый, Тойнби-Холлъ. Это—треть всего населенія университетской молодежи. Тамъ живутъ пятьдесятъ человѣкъ обоего пола, преимущественно окончившіе университетъ. Молодежь поставила себѣ задачей изученіе Уайтчепеля. Я сказалъ уже, что англичане прежде всего народъ практическій. И вотъ, молодые люди намѣчаютъ себѣ прежде всего практическія цѣли. Одинъ поступаетъ въ школьные учителя и на мѣстѣ изучаетъ, какая наиболѣе идеальная школа для Уайтчепеля. Другой изучаетъ бытъ «светеровъ», т. е. работающихъ поштучно, на дому, третій изслѣдуетъ положеніе «докеровъ», т. е. работающихъ на докахъ. Такимъ образомъ собирается масса драгоцѣннаго матеріала. который служитъ базисомъ для соотвѣтствующихъ парламентскихъ биллей. Изъ коллективныхъ изслѣдованій «наблюдателей» изъ Тойнби-Холла составился уже такой капитальный трудъ, какъ Labour and Life of the people. Многотомный трудъ этотъ вышелъ подъ редакціей Чарльса Бутса (его не слѣдуетъ смѣшивать съ Вильямомъ Бутсомъ, «генераломъ» арміи спасенія) и состоитъ изъ ряда очерковъ различныхъ авторовъ. Къ сочиненію приложена единственная въ своемъ родѣ «карта нищеты». Это планъ Лондона съ точнымъ указаніемъ бѣдныхъ въ каждомъ кварталѣ. Но Тойнби-Холлъ не только наблюдательная станція: это—вольный университетъ, академія и средняя школа для народа. Тамъ читаются систематическіе курсы общественныхъ наукъ для взрослыхъ. При Тойнби-Холлѣ— отличная библіотека, которая снабжаетъ бѣдные кварталы всевозможными сочиненіями. По образцу Тойнби-Холла стали устраиваться другія наблюдательныя станціи. Таковы Mayfield House, woman's University settlement, устроенный женскою учащейся молодежью и пр. У нѣкоторыхъ изъ этихъ станцій была узкая, опре-

дѣленная цѣль, напримѣръ, изученіе жилищъ рабочихъ и т. д. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ появляется, наконецъ, народный Дворецъ. Устроенъ онъ былъ по роману Вальтера Безанта. Значительную часть суммы, требовавшейся на устройство его, дала «компанія суконщиковъ», одна изъ самыхъ старыхъ и богатыхъ въ Лондонѣ. Народный дворецъ помѣщается въ Миль Эндѣ. Это—великолѣпное зданіе, заключающее въ себѣ «гимназіумъ», т. е. гимнастическій залъ, среднее учебное заведеніе, университетъ, технологическій институтъ, академію художествъ, театръ и пр. Ученіе происходитъ днемъ и вечеромъ. Вечеромъ при народномъ дворцѣ существуютъ спеціальные курсы для тѣхъ, которые желаютъ готовиться къ университетскому экзамену или же къ экзамену на степень кандидата естественныхъ наукъ. Въ народномъ дворцѣ существуютъ огромныя химическія лабораторіи и мастерскія для готовящихся быть инженерами. Кромѣ того, тутъ же можно изучить одну какую-нибудь спеціальность или же одно ремесло: можно научиться быть столяромъ, механикомъ, портнымъ, можно изучить стенографію, искусство писанія на печатной машинѣ и пр. Для тѣхъ, которые не могутъ прослушать правильнаго курса, читаются отдѣльныя лекціи. Плата за право слушанія въ вольномъ университетѣ нѣсколько высокая; но за то существуютъ многочисленныя стипендіи. Одна только компанія суконщиковъ содержитъ 60 стипендіатовъ, при чемъ каждому выдается по 30 шиллинговъ въ недѣлю. Всѣ студенты (около 4-хъ тысячъ) образуютъ отдѣльную корпорацію со своими президентами и со своимъ совѣтомъ. Нужно имѣть въ виду, что всего какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ тому назадъ эти четыре тысячи молодыхъ людей были бы осуждены положеніемъ вещей быть или нищими, или преступниками, или же безгласнымъ рабочимъ скотомъ. Театръ при народномъ дворцѣ служитъ для концертовъ. Онъ вмѣщаетъ до четырехъ тысячъ человѣкъ. Слушателей нашлось бы гораздо больше, если бы оказалось мѣсто.

И послѣ организаціи «наблюдательныхъ станцій», движеніе въ «народъ» единичныхъ личностей не прекратилось.

Таково было, напримѣръ, хожденіе извѣстнаго публициста и поэта Эдуарда Карпентера, являющагося теперь выразителемъ идей современной англійской молодежи. Предъ нами крайне своеобразная личность. Эдуардъ Карпентеръ — сынъ адмирала Карпентера, который гораздо болѣе интересовался идеями нѣмецкихъ философовъ, чѣмъ своими морскими науками. Единственнаго сына своего Эдуарда адмиралъ готовилъ въ судьи. Молодой человѣкъ блестяще окончилъ университетъ въ Кембриджѣ; но возненавидѣлъ и свою науку, и будущую карьеру. Его тянуло въ другую сторону. И симпатіи молодого человѣка вызывали ужасъ въ томъ аристократическомъ кругѣ, къ которому Карпентеръ принадлежалъ. Эдуардъ круто покончилъ со всѣмъ прошлымъ: бросилъ родной домъ, уда-

лился въ Уайтчепель, и блестящій, воспитанный аристократъ превратился въ зеленщика, въ coster-monger'а, развозящаго въ ручной тележкѣ картофель, морковь, рѣпу и пр.

Два года провелъ такимъ образомъ Карпентеръ; много наблюденій сдѣлалъ онъ, и эти наблюденія составили отдѣльную книжку, которая является крайне характерной исповѣдью англійскаго кающагося дворянина. Затѣмъ Карпентеръ становится cobler'омъ, т. е. сапожникомъ Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ кварталовъ Уайтчепеля Artium Magister (магистръ философіи) Кембриджскаго университета открываетъ лавочку для починки рваной обуви голи перекатной, ютящейся тамъ. Друзья Карпентера убѣждаютъ его, что какъ писатель онъ гораздо скорѣе заплатитъ свой долгъ народу, чѣмъ какъ сапожникъ, хотя бы онъ даже починилъ башмаки всей уайтчепельской голотьбы. И вотъ, въ журналахъ начинаютъ появляться страстныя, пламенныя статьи, подписанныя Карпентеромъ. Онъ говоритъ о долгѣ интелигенціи къ народу, о трудѣ, какъ базисѣ справедливаго строя и т. д. Какъ много родственнаго нашла бы наша молодежь конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ въ этихъ статьяхъ! Теперь Эдуардъ Карпентеръ живетъ настоящимъ отшельникомъ. Ему лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Видятъ его лишь самые близкіе друзья. Карпентеръ, статьи котораго отличаются поразительной смѣлостью мысли, какъ человѣкъ, до болѣзненности застѣнчивъ и скроменъ, въ силу этого, онъ никогда не появляется на эстрадѣ. Карпентеръ не только публицистъ, онъ еще и поэтъ. Стихотворенія его положены на музыку (иногда имъ же самимъ) и распѣваются всѣмъ рабочимъ населеніемъ Англіи. Такъ, напримѣръ, популярна пѣсня: «Пробудись, Англія, темная ночь прошла; наступаетъ разсвѣтъ». Въ послѣднее время Карпентеръ сталъ во главѣ новаго ежемѣсячнаго журнала «Прогрессивное Обозрѣніе», который быстро завоевываетъ себѣ широкій кругъ читателей. Въ первой книжкѣ Карпентеръ выступилъ со статьей о красотѣ. Онъ говоритъ, что «прекрасное» вдохновляетъ, заставляетъ насъ почувствовать, что мы не «черви, пресмыкающіеся во прахѣ», а дѣти Прометея, которые должны и имѣютъ право «дерзать» на все. Нужно условиться только, что такое истинная красота. По Карпентеру, это прежде всего *мысль*, облеченная въ пластическую форму. Истинный поэтъ долженъ въ будущемъ искать мотивы для вдохновенія. Человѣкъ рожденъ для счастья, и истинный поэтъ долженъ умѣть вѣровать въ это и передать свою вѣру читателямъ. Идеальнымъ пѣвцомъ будущаго, поэтому, Карпентеръ считаетъ «the good grey poet», «добраго сѣдого поэта», какъ называютъ Уота Уитмана, о которомъ, надѣюсь, поговорить еще съ читателями *Русскаго Богатства*.

Карпентеръ вызвалъ цѣлую массу послѣдователей. Мнѣ пришлось уже сказать, что среди изслѣдователей Уайтчепеля много женщинъ. Имена Беатрисы Потеръ, Сидней-Вебъ, Клары Коллетъ и др.

пользуются теперь широкой и вполнѣ заслуженной популярностью. Первая написала рядъ превосходныхъ изслѣдованій жизни «светеровъ» и рабочихъ въ докахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ изслѣдованій вошли, какъ отдѣльныя главы, въ упомянутый выше трудъ Чарльса Бутса. Мистрисъ Сидней-Вебъ—жена и помощница извѣстнаго экономиста Сиднея Веба, автора капитальнаго труда о трэдо-юніонизмѣ и предсѣдателя лондонскаго экономическаго института. Мистрисъ Сидней-Вебъ собрала и обработала болѣе половины того матеріала, который послужилъ ея мужу для составленія самаго главнаго труда его. До замужества она тоже пошла «въ народъ» и почти два года работала на фабрикѣ въ Уайтчепелѣ. Клара Коллетъ теперь получила приглашеніе поступить на службу въ департаментъ промышленности. Коллетъ съ дѣтства была поставлена въ гораздо болѣе благопріятныя условія, чѣмъ многія, другія изслѣдовательницы Уайтчепеля. Отецъ ея былъ горячій поборникъ женскаго образованія. Въ домѣ его собирались Марксъ и друзья его, которые жили тогда въ Лондонѣ. Впрочемъ, миссъ Коллетъ была тогда еще такъ молода, что изъ знакомства съ этимъ кружкомъ вынесла лишь страстную любовь къ литературѣ, поклонникомъ и знатокомъ которой, какъ извѣстно, былъ Марксъ. Миссъ Коллетъ получила университетское образованіе и имѣетъ дипломъ на званіе магистра философіи. Первое время, послѣ окончанія университета, она была учительницей въ высшей женской школѣ, но затѣмъ ее увлекло желаніе изучить положеніе бѣднаго класса въ Уайтчепелѣ.

— My dear,—сказала ей покровительственно начальница школы,— you may do very useful work, but you will never earn your bread and cheese (милая моя, вы, быть можетъ, напишете очень полезное сочиненіе, но вы никогда не будете зарабатывать хлѣба насущнаго).

Совѣты начальницы не обезкуражили молодую изслѣдовательницу. Теперь она написала уже нѣсколько книгъ, которыя очень высоко цѣнятся по добросовѣстности своей. Многія изъ ея изслѣдованій вошли, какъ отдѣльныя главы, въ трудъ Чарльза Бутса. Мнѣ нужно сказать еще о библіотекахъ, устроенныхъ «наблюдательными станціями». Кругъ читателей въ Англіи неизмѣримо шире нетолько, чѣмъ въ Россіи, но и чѣмъ во Франціи. Съ введеніемъ обязательнаго образованія онъ еще болѣе расширился.

Что же читаетъ масса? Каковы тѣ лубочныя изданія, которыя циркулируютъ въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ среди нищихъ, рабочихъ, служанокъ и т. д. Эти книжки получили характерное названіе penny dreadful, т. е, «на копейку ужасовъ». Вы еще издали узнаете ихъ по яркимъ обложкамъ, на которыхъ непремѣнно изображено какое нибудь убійство: кого нибудь хватаютъ за горло, одинъ всадилъ въ другого ножъ, пронзилъ его шпагой, навелъ на него пистолетъ и пр. По содержанію ихъ можно раздѣлить на два типа: Похожденія англичанина въ различныхъ странахъ свѣта: на каждой страницѣ — кораблекрушенія, битвы съ дикарями, бой съ ди-

кими звѣрями и пр. Книжки этого типа являются выразителями одной черты народнаго англійскаго характера: страсти къ бродяжничанію въ поискахъ за богатствомъ. Едва-ли, эти книжки будутъ изгнаны когда нибудь. Самое большее, если содержаніе ихъ станетъ болѣе литературнымъ. Гораздо болѣе вредны и гораздо болѣе развращающимъ образомъ дѣйствуютъ книжки второго типа, наполненныя похожденіями каторжниковъ, убійцъ, воровъ и пр. Герой ихъ ловкій, всюду проникающій и всезнающій полицейскій сыщикъ. Таковъ, напримѣръ, «Англійскій милордъ» англійской лубочной литературы.—«Charley Wag, a histori of the most successful thief in London». Какъ и «Милордъ Георгъ» въ русской лубочной литературѣ, Charley Wag въ англійской завоевалъ себѣ прочное положеніе. Въ Лондонѣ издается болѣе, 30 ежедневныхъ и еженедѣльныхъ изданій, которыя постоянно пополняютъ ряды «penny dreadfuls».

Изслѣдователи Уайтчепеля обратили вниманіе и на это. Благодаря ихъ агитаціи, образовались многочисленныя общества, которыя издаютъ хорошія книжки по баснословно дешевой цѣнѣ. Англичане не признаютъ того, что для народа нужно писать какія нибудь спеціальныя книжки спеціальнымъ языкомъ. Тѣмъ менѣе они признаютъ, что ему необходимо сдѣлать своего рода литературный имунитетъ къ извѣстнымъ идеямъ. Книги, которыя хороши для «чистой» публики, по мнѣнію англичанъ, хороши и для народа. За одинъ пенни можно имѣть сочиненія Байрона, Лонгфелло, Шелли, поэмы Уитмана, историческіе очерки Маколея, р:маны Диккенса, Теккерея и Вальтеръ-Скотта и пр. Если и пишутся спеціальныя книги, то онѣ преимущественно по научнымъ вопросамъ. Составляются онѣ почти всегда крупными учеными. Такова книжка Роджерса: «О правахъ и обязанностяхъ англійскаго гражданина», таковъ сборникъ Томсона: «Демократическія лекціи». Послѣдняя книжка является перепечаткой статей, появлявшихся первое время въ «Рейнольдовой газетѣ». Это курсъ философіи, составленный изъ ряда очерковъ, написанныхъ кристаллически-яснымъ языкомъ. Тутъ вы находите главы: «Буддизмъ», «Греческая философія», «Восточныя религіи», «Средневѣковая схоластика» и т. д. вплоть до «Дарвинизма» и «Позитивизма». Судя потому, что книжки эти расходятся въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ, не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ явились могучимъ и опаснымъ противникомъ penny dreadfuls. Помимо изданія книгъ, изслѣдователи занялись сформировкой библіотекъ для народа. Онѣ составлены очень полно. Въ нихъ можно всегда найти классическія сочиненія по литературѣ, исторіи, политической экономіи и пр. Въ бѣдныхъ кварталахъ библіотеки устроены на принципѣ широкаго довѣрія. Никакихъ залоговъ не требуется. И, на сколько мнѣ извѣстно, организаторамъ не пришлось еще каяться за вѣру въ элементарную порядочность человѣка. Впрочемъ, въ Англіи, вообще, къ человѣку питаютъ больше

довѣрія, чѣмъ на континентѣ. На почтѣ вы сдаете посылку, и вамъ не даютъ никакихъ росписокъ. На вокзалѣ на вашемъ чемоданѣ налѣпляютъ ярлыкъ съ названіемъ станціи отправленія, затѣмъ онъ безъ росписки идетъ въ багажный вагонъ. Когда вы пріѣзжаете, вы сами выбираете вашъ чемоданъ въ багажномъ вагонѣ.

Въ Парижѣ на третій день вы должны сдѣлать déclaration въ полиціи. Въ Берлинѣ остаться жить надолго съ русскимъ паспортомъ не такъ-то легко. Въ Англіи никто вами не интересуется; никто не справляется, кто вы, зачѣмъ вы и на сколько вы здѣсь. Отправляясь въ банкъ за полученіемъ денегъ или на почту, вы можете оставить вашъ паспортъ дома. Для «удостовѣренія личности» достаточно вашего слова. Пока вы сами не подали повода сомнѣваться, на васъ смотрятъ, какъ на джентельмена. Совсѣмъ наоборотъ на материкѣ. Тамъ на каждаго человѣка смотрятъ, какъ на жулика, и требуютъ удостовѣренія, что онъ честный человѣкъ. Это ведетъ къ безконечной (и безполезной) волокитѣ, которая, ничѣмъ не гарантируя наводящихъ справки, раздражаетъ и оскорбляетъ тѣхъ, отъ которыхъ такія доказательства требуются.

II.

Едва ли не самымъ характернымъ мѣстомъ не только Уайтчепеля, но и всего Лондона являются знаменитые доки, эти склады колоссальныхъ богатствъ, и въ то же время «сточныя канавы», куда попадаютъ отбросы общества, иногда послѣ страшныхъ житейскихъ бурь. Доки, мнѣ кажется, могутъ послужить намъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ медленно, но безостановочно свершается перемѣна въ томъ мірѣ, который намъ кажется закрытымъ адомъ.

Приближаясь къ докамъ, мы видимъ рѣзкую перемѣну въ характерѣ улицъ. Лавки торгуютъ здѣсь исключительно вещами, необходимыми при дальнемъ плаваніи. Изъ оконъ всюду глядятъ компасы, морскія трубы. Далѣе свалены цѣпи, якори, канаты, свернутые, подобно огромнымъ змѣямъ. Тамъ, надъ дверьми, болтаются полосатыя матроскія рубахи, парусиновые башмаки и пр. Кабаки встрѣчаются на каждомъ шагу. Названіе ихъ тоже указываетъ на тѣхъ посѣтителей, которые заглядываютъ сюда. На каждомъ шагу пестрѣютъ вывѣски «Jack *) and his Mother», «Jplly Tar.» Въ перемежку съ кабаками идутъ публичные дома, притоны закладчиковъ, pawubro kekeıa, отмѣченные тремя золотыми шарами надъ дверьми, дома для курильщиковъ опіума и пр. Послѣдніе были устроены вначалѣ для китайцевъ; но среди кліентовъ ихъ — масса европейцевъ, преимущественно матросовъ, пріобрѣвшихъ привычку курить опіумъ во время плаваній на

*) Кличка англійскихъ матросовъ «Iack Tar», т. е. Ванька Смола.

дальній востокъ. Въ этихъ домахъ нѣтъ никакой мебели. Это—мрачныя сырыя норы. На полу, въ пустыхъ комнатахъ, на соломенныхъ тюфякахъ валяются курильщики. Иные лежатъ непо движно, и черты лица ихъ застыли, какъ каменные. Другіе буйно мечутся, скрипятъ зубами, голосятъ и ругаются на различныхъ языкахъ. За такими содержатели домовъ должны имѣть особый надзоръ, потому что они иногда выскакиваютъ на улицу и съ ножемъ въ рукахъ бросаются на перваго прохожаго.

Иногда надъ входными дверьми нѣкоторыхъ домовъ видны освѣщенныя таблички съ надписью: прекрасныя и комфортабельныя постели для джентельменовъ. Цѣна 2 пенса за дочь. Днемъ эти улицы мало чѣмъ отличаются отъ другихъ лондонскихъ улицъ. Развѣ погрязнѣе на нихъ. За то ночью онѣ превращаются въ настоящій адъ. Въ полицейскомъ отношеніи Лондонъ раздѣленъ на кварталы, помѣченные различными литерами. Этотъ кварталъ отмѣченъ буквой F и считается самымъ опаснымъ и буйнымъ. Въ полисмены назначаются сюда лишь настоящіе атлеты. За службу въ кварталѣ F они получаютъ гораздо раньше пенсію. На постахъ полисменовъ ставятъ попарно. Начиная съ восьми часовъ вечера, на улицахъ этихъ большое движеніе. Сплошной толпой движутся моряки всѣхъ странъ: тутъ негръ рядомъ съ нѣмцемъ, бразилецъ рядомъ со шведомъ и т. д. Все, что есть циничнаго, отвратительнаго и грязнаго въ языкахъ всего міра—перекатывается волной по этимъ улицамъ и переулкамъ. Большею частью публика мертвецки пьяна. Тамъ и сямъ ругань гудитъ энергичнѣе; слышны бѣшеные крики; за тѣмъ начинается суматоха; вѣроятно, разнимаютъ двухъ, которые съ ножами бросались другъ на друга. Среди матросовъ шныряютъ женщины, жалкія, полупьяныя, подчасъ съ подбитыми глазами. Въ этихъ запутанныхъ темныхъ переулкахъ, куда полисмены не смѣютъ заглядывать, въ мрачныхъ норахъ гнѣздятся противоестественные, отвратительные пороки, которые привезены сюда моряками изъ далекихъ странъ. Сюда порой, переодѣтыми, являются богатые обитатели Вестъ-Энда, чтобы раздражить свои притупленные нервы. Высокая громадная стѣна отдѣляетъ доки отъ этихъ улицъ. Лондонскіе доки это—чудо инженернаго искусства. Они занимаютъ площадь въ 338 акровъ и могутъ свободно вмѣстить 500 пароходовъ. Постройка ихъ обошлась въ 5 милліоновъ фунтовъ стер. Одна лишь окружающая стѣна обошлась въ 650 тысячъ рублей. Все, что есть изысканнаго, богатаго и дорогого во всемъ мірѣ, скоплено въ колоссальныхъ амбарахъ и погребахъ доковъ. Въ то же время доки заключаютъ въ себѣ все, что есть наиболѣе несчастнаго во всемъ Лондонѣ. Англичане говорятъ, вмѣсто: ступай къ черту! —go to the docks! (ступай въ доки!). Значитъ, хорошо ужъ, должно быть, мѣсто, которое заслужило такую почтенную репутацію. Доки требуютъ различнаго рода рабочихъ, при чемъ, главнымъ образомъ, нужна грубая физическая сила. Здѣсь человѣкъ цѣнится только, какъ животное. Уча-

стіе мозговъ совершенно не требуется. Въ силу этого, на докахъ можетъ работать почти всюду всякій, и въ силу этого положеніе «докеровъ» до послѣдняго времени было въ полномъ смыслѣ отчаянное. Всѣхъ доковъ въ Лондонѣ три: West and East India docks, London and St. Katherine Docks и Millwall. Каждый изъ нихъ требуетъ опредѣленное количество постоянныхъ рабочихъ: на первомъ—600, на второмъ 1100, на третьемъ 800. Лишь эти могли расчитывать до послѣдняго времени на ежедневный обѣдъ и на правильный ночлегъ. Лишь эти являлись каждое утро къ воротамъ доковъ, зная, что работа есть. Но доки даютъ временную работу гораздо большему количеству людей, до 20—25 тысячъ человѣкъ. Сегодня есть нагрузка, и цѣлая армія счастлива; черезъ день ея нѣтъ—и много тысячъ народа оказывалось на мостовой.

«До тѣхъ поръ, пока я моими собственными глазами не увидѣлъ сценъ страшнаго отчаянія, до тѣхъ поръ я не могъ повѣрить тому, какъ жадно ищутъ работы тысячи голодныхъ людей», говоритъ авторъ труда «London Lab ur and the L nd n Poor». «Тотъ, кто хочетъ наблюдать одну изъ наиболѣе потрясающихъ сценъ въ столицѣ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ,—долженъ отправиться къ воротамъ доковъ, въ половинѣ восьмого утра. Здѣсь онъ увидитъ пеструю, разношерстную толпу, тѣснящуюся у главнаго входа. На одномъ—нѣкогда изящный сюртукъ, продранный на локтяхъ и одѣтый прямо на голое тѣло, на другомъ—спортменская куртка. Вонъ люди, которые, не смотря на засаленныя лохмотья, несомнѣнно получили когда то хорошее воспитаніе. Рядомъ съ ними—неуклюжіе, широкоплечіе крестьяне въ потертыхъ плисовыхъ штанахъ. О бокъ съ этими дюжими молодцами,—испитое зеленое лицо сына лондонскихъ мостовыхъ и сточныхъ канавъ. Вотъ одинъ, лицо котораго несомнѣнно не англійскаго типа. Это эмигрантъ, видавшій на родинѣ лучшіе дни. Многіе беззаботно сосутъ трубки за воротами (внутри ограды куреніе запрещено). Это большею частью ирландцы. Всѣ стоятъ неподвижно, сплошной колонной. Но вотъ живой потопъ заволновался и пришелъ въ движеніе. Явился подрядчикъ вербовать рабочихъ на день. Начинается давка, суматоха, всѣ поднимаютъ высоко руки и стараются обратить на себя вниманіе того, который имъ можетъ доставить хлѣбъ. Подрядчикъ начинаетъ выкликать по книгѣ имена. Стоящіе сзади вскакиваютъ на плечи переднихъ, стараясь, чтобъ ихъ замѣтилъ нанимающій. Всѣ кричатъ.

— Рыжій! Перебитый носъ! Коротышка!—выкрикиваютъ нѣкоторые свои прозвища. Другіе кричатъ свои имена или же фамиліи, полагая, что наниматель вспомнитъ ихъ. Одни кричатъ съ сильнымъ ирландскимъ акцентомъ, другіе — на ломанномъ англійскомъ языкѣ. То, что тысячи людей борются изъ-за того, чтобы ихъ наняли на поденную работу,—можетъ тронуть самое жесткое сердце. Борьба происходитъ жестокая, потому что всѣ

знаютъ, что останутся безъ работы, если не будутъ усердствовать. Всѣ эти голодныя, измученныя лица могутъ буквально васъ обезумить. Вы ихъ никогда болѣе не забудете. Одни ласково улыбаются, чтобы умилостивить нанимателя или же заставить его вспомнить ихъ. Другіе изъ всѣхъ силъ работаютъ кулаками и локтями, чтобы пробиться впередъ. Многіе изъ явившихся сюда, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, каждое утро борются такъ за право получить работу *). Картина эта набросана 35 лѣтъ тому назадъ. Возьмемъ болѣе новый источникъ, конца восьмидесятыхъ годовъ **). «Встаньте утромъ и наблюдайте толпу у воротъ доковъ. Колоколъ звонитъ, ворота отворяются, и въ домъ врывается дерущаяся толпа. Наниматели стоятъ впереди у кассъ. Вначалѣ входятъ, такъ называемые, ticket men, т. е. имѣющіе постоянную работу. Сегодня нужны еще рабочіе. Опредѣленное количество билетовъ, дающихъ право на полученіе работы (tickets), остается еще свободнымъ. Изъ-за нихъ начинается ожесточенная борьба. Можно подумать, что дѣло идетъ о жизни или смерти. Джэкъ досталъ билетъ послѣ ожесточеннаго боя и продаетъ его тутъ же Тому за два пенса и уходитъ съ деньгами, чтобы пропить ихъ или проиграть». Масса народа, не получившая работы, не рѣшалась, однако, расходиться. Какъ разъ случайно, среди дня, работа могла найтись; тогда нанимали почасно. Ждавшіе работы валялись у входа въ доки, на камняхъ. Та работа, изъ-за которой приходилось такъ бороться, страшно тяжела; она требуетъ необыкновеннаго напряженія всѣхъ мускуловъ, а между тѣмъ оплачивалась 2 шиллингами въ день. «Случайность заработковъ въ докахъ,—говоритъ миссъ Беатриса Потеръ,—создала своеобразный классъ бездомныхъ, полупреступниковъ, полунищихъ. Классъ этотъ добываетъ средства къ жизни мелкимъ воровствомъ, попрошайничествомъ или же живетъ насчетъ общественной благотворительности. Во всякомъ случаѣ я сильно подозрѣваю, что онъ является главнымъ получателемъ тѣхъ даровыхъ завтраковъ, которыми богатый Вэстъ-Эндъ, во время соціальной паники, думаетъ успокоить свою совѣсть и свой страхъ. Кромѣ на половину преступнаго класса въ докахъ, толпится еще масса народа, слабосильность котораго дѣлаетъ его неспособнымъ къ продолжительной работѣ. Этотъ народъ перебивается случайной работишкой, перепадающей разъ въ недѣлю. Онъ живетъ рюмкой водки да табакомъ, хлѣбомъ, чаемъ, да изрѣдка соленой рыбой. Все это страстные игроки. Они питаютъ глубокое отвращеніе къ правильному труду и къ заботамъ о будущемъ и, наоборотъ, страстную привязанность къ грубымъ развлеченіямъ. Боязнь голодной смерти соединила ихъ вмѣстѣ. Они стоятъ одинъ за другого... Я думаю,—прибавляетъ миссъ Беатриса

---

*) *Henry Mayhew*. «Lonond Labour and the London Poor», v. III, p. 304.

**) *Charles Booth*. «Labour and Life of the People», v. I, p. 184.

Потеръ,—что ростъ этого класса — одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ».

Рабочіе дѣятели игнорировали совершенно «докеровъ», считая, что съ этой разношерстной толпою «отбросовъ» нельзя ничего сдѣлать. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ кварталахъ «докеровъ» явились три изслѣдователя: Джонъ Бернсъ, Томъ Мэнъ и Бэнъ Тилетъ. Это были практики, сами бывшіе рабочіе, чуждые того сантиментализма, которымъ окрашена дѣятельность «кающихся» интеллигентовъ. Джонъ Бернсъ, членъ парламента, началъ свое воспитаніе въ механической мастерской. По ночамъ, у себя на чердакѣ, онъ учился. Самъ онъ прошелъ курсъ низшей и высшей математики и приготовился на заводѣ къ экзамену на инженера. Это человѣкъ, обладающій бурнымъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ шотландцевъ и ихъ же настойчивостью. Томъ Мэнъ — нервный, подвижный субъектъ, единственный въ своемъ родѣ организаторъ. Его преданность дѣлу рабочихъ, его скромность, его умъ давно доставили ему почетную извѣстность. Грубоватое, но энергичное и сильное краснорѣчіе Бэнъ Тилета, его знаніе рабочихъ споровъ сдѣлало его однимъ изъ главныхъ дѣятелей трэдъ-юніонизма. Три товарища дружно взялись за работу. Джонъ Бернсъ иногда въ теченіе дня говорилъ на десяти различныхъ митингахъ въ Истъ-Эндѣ. И свершилось то, что считали невозможнымъ. Удалось организовать разношерстную толпу докеровъ. Вскорѣ началась знаменитая въ лѣтописяхъ рабочаго движенія въ Англіи стачка «докеровъ». Интеллигентная молодежь, разбросанная по «наблюдательнымъ станціямъ», пришла на помощь. Въ газетахъ и журналахъ появились ихъ наблюденія, и общественное мнѣніе стало на сторонѣ стачечниковъ. Борьба окончилась полной побѣдой докеровъ. Результаты для нихъ были громадны. Во-первыхъ, уничтожилась борьба за трудъ. «Докера» сплотились въ союзъ. Заработная плата была повышена. Предприниматели гарантировали имъ, кромѣ того, минимумъ заработка. Такимъ образомъ, изъ бездомныхъ «босяковъ» докеры превратились въ рабочихъ, имѣющихъ свою квартиру. Побѣда подняла «докеровъ» въ ихъ собственныхъ глазахъ, придала имъ увѣренность. Кто во время недавняго огромнаго митинга въ пользу армянъ въ Гайдъ-Паркѣ видѣлъ, между прочимъ, депутацію отъ союза докеровъ, тотъ не могъ бы повѣрить, что это тѣ самые «босяки», которые десять лѣтъ тому назадъ каждый день буквально сражались изъ-за куска хлѣба. Въ библіотекахъ Уайтчепеля каждый вечеръ можно встрѣтить много докеровъ; не мало ихъ посѣщаютъ концерты, устраиваемые въ народномъ дворцѣ, гдѣ учатся ихъ дѣти. Конечно, ихъ положеніе оставляетъ желать еще очень, очень многаго; но нѣтъ уже тѣхъ ужасныхъ явленій, которыя можно было наблюдать всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. У докеровъ теперь свои политическіе клубы, свои организаціи, тогда какъ недавно единственнымъ клубомъ ихъ былъ кабакъ.

III.

Заглянемъ въ Уайтчепель, кварталъ, насчитывающій болѣе милліона самаго пестраго населенія. Можно сказать, что всѣ страны имѣютъ тутъ своихъ представителей. Двадцать минутъ ѣзды по подземной желѣзной дорогѣ, и мы попадаемъ совершенно въ другой міръ. На первыхъ порахъ мы испытываемъ разочарованіе. Какъ, неужели это Уайтчепель? Мы ждали увидѣть извилистыя грязныя улицы, полуразвалившіяся мурьи и прочіе атрибуты нищеты. Между тѣмъ, передъ нами широкая, хорошо вымощенная улица, большіе магазины, высокіе дома. На улицѣ необыкновенное движеніе. Сплошною цѣпью движутся тяжелые фургоны, „басы“ (омнибусы), вагоны конки, кэбы и пр. Лишь присмотрѣвшись къ прохожимъ, вы убѣждаетесь, что попали въ другой городъ, отдѣленный отъ Лондона промежуткомъ въ нѣсколько вѣковъ. Суббота вечеромъ. Мастерскія заперты всюду. Рабочіе получили разсчетъ, и всюду ихъ ждутъ. Вдоль широкихъ тротуаровъ главной улицы Уайтчепеля-Роодъ—разбиты на скоро многочисленныя палатки и балаганы. Всюду гамъ и крикъ зазывающихъ. Въ одномъ мѣстѣ джентельменъ во фракѣ, застегнутомъ на глухо, чтобы не видны были дефекты бѣлья, предлагаетъ какія то чудесныя пилюли, по пени за коробку, исцѣляющія всѣ болѣзни. Это и придворный врачъ Его Величества короля Дагомейскаго, и кавалеръ ордена нильскаго крокодила, какъ гласитъ афиша. Далѣе цѣлый рядъ тировъ, въ которыхъ разставлены рядами бутылки, куклы и невиданные звѣри. Вотъ въ палаткѣ, «only for gentelmen», показываютъ какую-то красавицу Беатрису, далѣе «гаукеры» до хрипоты выкликаютъ добротность продаваемыхъ ими штановъ, рубашекъ, кошельковъ, лубочныхъ книжекъ и картинокъ. Масса оборванныхъ, дрожащихъ отъ холода мальчиковъ, толпится возлѣ стоекъ, на которыхъ разставлены чашечки съ улитками преотвратительнаго зеленаго цвѣта. Многочисленные кабаки берутся приступомъ. Волной перекатывается то ругательство, которое считается англичанами верхомъ цинизма. Англичанинъ краснѣетъ, когда слышитъ его на улицахъ. Ругательство это—bloody, т. е. проклятый. Лондонскій пролетаріатъ употребляетъ это словцо на каждомъ шагу.

— Передайте вашему bloody хозяину, что если онъ будетъ держать такой bloody джинъ, то будь я bloody человѣкъ, если хоть одинъ bloody докеръ придетъ въ его bloody кабакъ,—хрипло кричитъ оборванный мужчина.

Слово bloody, которое наводитъ такой ужасъ на корректнаго англичанина, въ сущности, сокращенная божба, byour Lady, которая была въ большомъ ходу до Кромвеля.

Отъ главной улицы по обѣимъ сторонамъ, клубкомъ уходятъ

извилистые темные переулки. Они такъ узки, что если бы сосѣдямъ, живущимъ напротивъ, вздумалось бы подать другу другу руки, они могли бы это сдѣлать, не выходя изъ комнаты: для этого стоило бы только высунуться изъ оконъ. Нога уходитъ глубоко въ «кухонные остатки», покрывающіе мостовую.

Припоминается философское замѣчаніе, которое сдѣлалъ по поводу Уайтчепеля, мастеръ Уэллеръ-младшій (слуга Пиквика): «бѣдность и устрицы тѣсно и неразрывно связаны». Дѣйствительно, каждую минуту подъ ногами непріятно скрипятъ цѣлыя кучи устрицъ, словно, ступаешь не по Осборнъ-стритъ, а по морскому берегу.—Ven a man's mery p)or, he rushes out of his lodings, and eats oyster in reg'lar desperation», — глубокомысленно заключилъ мр. Уэллеръ. (Можно подумать, что когда человѣкъ очень бѣденъ, онъ выбѣгаетъ изъ дому и въ отчаяніи набрасывается на устрицъ). Что касается бѣдности, то здѣсь ее не занимать стать. Дома низкіе, покосившіеся, окна безъ занавѣсей. Стекла выбиты, и ихъ замѣняетъ бумага. Въ одномъ мѣстѣ страшная толпа запрудила тротуаръ передъ ярко освѣщеннымъ широкимъ окномъ, изъ котораго глядитъ ярко размалеванная вывѣска съ надписью: «Соперники! Поразительное и интересное представленіе о двухъ братьяхъ герцогахъ, прекрасной Мониміи и о дуракѣ Литлфулѣ. Самое интересное во всемъ Лондонѣ». У раскрытыхъ дверей, на порогѣ стоитъ женщина лѣтъ 35, набѣленная мѣломъ и нарумяненная какой то грубой краской. На женщинѣ лишь короткая нижняя юбка до колѣнъ, грязная, оборванная, да корсетъ. На головѣ — огромная старая шляпа, какъ будто только что вытащенная изъ мусорной кучи. Рядомъ съ ней старикъ въ костюмѣ шотландца, съ голыми колѣнями. Ему румяниться не нужно, такъ какъ одутловатое, болѣзненное лицо, сѣро-краснаго цвѣта. Въ особенности же ярко окрашенъ носъ. Далѣе, нѣсколько въ глубинѣ, виднѣется еще одно лицо—высокій, плачистый мужчина въ какой то цвѣтной рубашкѣ, обшитой блестками и изображающей, очевидно, панцырь. На головѣ измятая, изорванная, войлочная шляпа. Штаны заправлены въ гетры. Колѣни продраны, изъ праваго башмака выглядываетъ большой палецъ. Кромѣ меня, желаютъ попасть въ театръ еще около пятидесяти человѣкъ. Всѣ они стоятъ колонной. Рядомъ со мной джентельмэнъ въ курткѣ, надѣтой, очевидно, на голое тѣло, шапочка у него надвинута на самыя брови. Изъ подъ надтреснутаго козырька сверкаютъ глубоко сидящіе глаза, подъ однимъ изъ которыхъ огромное темно-синее пятно. Я подумываю о томъ, что, пожалуй, мой кошелекъ не въ полной безопасности, и оглядываюсь, нельзя ли добыть себѣ сосѣда съ болѣе успокоивающей физіономіей. Но кругомъ все такія лица. Наконецъ, у насъ отбираютъ плату за входъ, по одному пенсу, внутреннія двери распахнулись, и я съ толпой влетаю въ театръ. «Залъ», низенькій, грязный до

невозможности. Сцена маленькая, на занавѣсѣ изображенъ какой то рыцарскій замокъ. Ни креселъ, ни ложъ нѣтъ. Есть лишь одинъ партеръ—pit, по англійски, гдѣ всѣ стоятъ. Pit набитъ биткомъ. Сзади меня кто то подпрыгиваетъ, хватаетъ за плечи и старается, очевидно, выбрать позу поудобнѣе. Я не рѣшаюсь оглянуться, потому что слыхалъ о томъ, какъ джентельмены Уайтчепеля умѣютъ ловко и не слышно разстегивать пальто и сюртуки. «Оркестръ» огороженъ низкимъ барьеромъ. Тамъ маленькій, оборванный, босоногій мальчуганъ вертитъ ручку разбитой шарманки. Время отъ времени онъ останавливается и грѣетъ у газоваго рожка посинѣвшія рученки. На шарманкѣ сидитъ, съежившись, старая, очевидно, больная обезьяна; сморщенное старушечье лицо ея имѣетъ необыкновенно жалкое выраженіе. Въ pit'ѣ толпа начинаетъ выражать нетерпѣніе. Раздаются свистки, мяуканье, крики. Вотъ женщина въ нижней юбкѣ, шотландецъ и мужчина въ панцырѣ протолкались между публикой и поднялись на сцену, шарманка перестала визжать, мальчуганъ, вертѣвшій ее, подбѣжалъ къ газовому рожку и почти всунулъ въ пламя свои рученки. Публика зашевелилась. Сзади меня джентельменъ опять подпрыгнулъ и навалился мнѣ на плечи. Лишь обезьяна осталась въ томъ же положеніи. Поднялся занавѣсъ. Женщина въ нижней юбкѣ теперь накинула на себя грязный, до невѣроятности затасканный, атласный балахонъ. Она и есть прекрасная Монимія. За ней ухаживаютъ два брата сыновья герцога: Макъ-Кастель, джентельменъ въ шотландскомъ костюмѣ, и Полидоръ—рыцарь въ панцырѣ. Монимія любитъ Макъ-Кастеля, тайно съ нимъ вѣнчается, такъ какъ опасается враговъ. Полидоръ предлагаетъ Моними всѣ свои богатства, но красавица гордо отказывается любить его. И болѣзненно сжимается сердце, когда актеръ, у котораго выглядываетъ изъ башмака палецъ, говоритъ о тысячахъ гиней. Бѣдняга врядъ ли сегодня обѣдалъ и навѣрное не будетъ обѣдать завтра и всю недѣлю, такъ какъ представленіе въ этомъ театрѣ нищихъ дается лишь по субботамъ. Полидоръ въ бѣшенствѣ; но скоро онъ находитъ возможность мстить. Онъ подслушиваетъ разговоръ брата Мака съ женой. Та ему назначаетъ свиданіе въ своей комнатѣ, въ полночь. Макъ-Кастель долженъ явиться, постучать два раза, но не сказать ни слова изъ боязни быть открытымъ. На свиданіе является Полидоръ. На другой день все раскрывается. Монимія принимаетъ ядъ. Макъ-Кастель закалываетъ своего брата и самъ кончаетъ съ собой. На сценѣ остается въ живыхъ лишь слуга Макъ-Кастеля, необходимый шутъ англійскихъ комедій и драмъ—Литлфулъ; но и его прогоняютъ ударами дубинки. Зрители бѣшено аплодируютъ; вызываютъ Полидора лишь для того, чтобы прогнать его свистомъ. Вся пьеса продолжается не болѣе $^3/_4$ часа. Я стараюсь припомнить автора знакомой пьесы; наконецъ вспомнилъ. Вѣдь это драма несчастнаго Отвея, выросшаго и умершаго въ

этомъ кварталѣ. Какая ужасная и трагическая судьба автора! Онъ написалъ около сотни пьесъ. Многія изъ нихъ удержались до сихъ поръ на провинціальныхъ сценахъ; но авторъ всю свою жизнь не имѣлъ своего угла. Жестокая, не поддающаяся описанію нищета угнетала его всю жизнь. Смерть была не менѣе трагична. Авторъ голодалъ уже около трехъ дней. Наконецъ, голодъ поборолъ стыдъ, и Отвей обратился къ первому встрѣчному съ просьбой дать ему пени. Прохожій взглянулъ на Отвея, опустилъ руку въ карманъ и вынулъ цѣлую гинею. Отвей схватилъ золотую монету, побѣжалъ къ булочнику, купилъ хлѣбъ и сталъ жадно грызть его, подавился кускомъ и умеръ. Въ старыхъ легендахъ говорится о томъ, что духъ страдальца бродитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастный терпѣлъ всю жизнь. Драмы Отвея не выходятъ изъ тѣхъ кварталовъ, гдѣ авторъ ихъ такъ мучился.

Я снова попадаю на главную улицу. Керосиновые факелы пылаютъ коптящимъ желтоватымъ пламенемъ. Палатокъ вдоль тротуара разбито еще, какъ будто, больше, чѣмъ прежде. На одной платформѣ—походная церковь. Какой-то бородатый джентельменъ размахиваетъ руками и приглашаетъ публику покаяться. Рядомъ съ нимъ на повозочкѣ, наполненной старымъ платьемъ, владѣлецъ выхваляетъ добротность матеріи какихъ то штановъ.

— Три шиллинга, джентльмены, только три шиллинга. Ну что можно имѣть на такую сумму? Даже побесѣдовать хорошенько съ друзьями нельзя. И за такой вздоръ я предлагаю вамъ настоящее сокровище. Глядите, самъ принцъ Вельскій не отказался бы отъ такихъ штановъ.

Его перебиваетъ сосѣдъ, продавецъ подтяжекъ:

— Джентльмены! Вы посмотрите только, что за длина: отъ пальцевъ до плеча хватаютъ. А крѣпость! Пятьдесятъ лѣтъ носить станете, а потомъ вашимъ дѣтямъ достанутся. Да что! ежели джентльмена изъ Вестъ-Энда заѣстъ сплинъ и онъ захочетъ повѣситься: смѣло предложите ему эти подтяжки—выдержатъ!

Около кабаковъ—настоящая толчея. Мужчины и женщины входятъ и выходятъ безпрерывно. Пронзительно пищитъ десятокъ шарманокъ. Пьяныя женщины и дѣвочки, шлепая разорванными башмаками, танцуютъ на тротуарахъ. Пьяные мужчины, свирѣпо сдвинувъ брови, бормочутъ ругательства. Англичане, большею частью, мрачны и очень буйны во хмѣлю. Полицейская хроника говоритъ, что большая часть преступленій совершается въ пьяномъ видѣ. На улицахъ становится еще болѣе мрачно: изъ темныхъ переулковъ ползетъ всюду туманъ, пропитанный копотью милліона трубъ. По спинѣ пробѣгаетъ дрожь отъ пронизывающей сырости. Начинаетъ накрапывать мелкій и частый дождикъ. Вотъ возлѣ одного кабака остановился чахоточный, рыжеусый, оборванный парень, повидимому, ирландецъ. Надтреснутымъ, разбитымъ голо-

сомъ онъ начинаетъ пѣсню. Каждый разъ онъ долженъ перервать ее, такъ какъ парня душитъ глухой кашель, который, кажется, готовъ разорвать грудь его.

— Ахъ, это наша пѣсня, та самая, которую поютъ въ Дунгарванѣ,—сказала старуха, которая только что вышла изъ кабака. Волосы ея растрепаны; на плечахъ—длинный, нѣкогда зеленый плащъ, съ капюшономъ; въ сморщенныхъ губахъ трубка.

— О, у насъ въ Ирландіи поютъ много хорошихъ пѣсенъ. Стойте, послушайте эту:

O Befium! will you come with me,
To wanderleful contry wich is mine?

(О Бефума! хотите ли вы поѣхать со мной въ чудную страну). И странно звучатъ въ устахъ старухи слова пѣсни про чудную трану, гдѣ «волосы дѣвушекъ отливаютъ, какъ отрѣзанный снопъ, а тѣло ихъ бѣло, какъ горный снѣгъ; про страну, гдѣ всѣ счастливы». Какимъ дикимъ дисонансомъ звучатъ слова о счастьи!

— Спаси мою душу! развѣ такъ пляшутъ джигъ!—вдругъ оборвала старуха.—Такъ только англійскіе ослы топчутся на пастбищѣ. Постойте, вотъ тетка Эдифь покажетъ вамъ, какъ танцуютъ въ Дунгарванѣ. Она подбоченилась и стала выкидывать ногами чуть ли не на цѣлый аршинъ.

— Вотъ какъ слѣдуетъ танцовать крещеному человѣку, если онъ вѣритъ въ св. Патрика.

Густая толпа толчется на тротуарахъ. Панораму, надъ которой видна надпись: «Всѣ роды казни тутъ—гильотина, висѣлица и испанское гарротированіе»—берется приступомъ ребятишками и подростками. Они такъ и прилипли къ стекламъ. Въ воздухѣ гулъ отъ выкрикиванія гаукеровъ (торговцевъ), отъ щелканья пуль въ тирахъ, отъ грохота огромныхъ молотовъ, которыми пробуютъ свою силу, отъ пѣсенъ пьяныхъ и отъ визга шарманокъ. Снова сомкнутая толпа запрудила тротуаръ. Всѣ глядятъ на освѣщенное окно, на стеклѣ котораго налѣплена афиша: «Викторина, величайшій кулачный боецъ нашего времени»! Съ трудомъ проталкиваюсь къ входу, завѣшанному грязной, полинялой попоной, которую поднимаетъ предо мной негръ, оборванный, полуголый, дрожащій каждымъ мускуломъ своего тѣла отъ холода и сырости. Кожа негра отъ холода приняла грязно-бурый цвѣтъ. Судя же по складкамъ на ней, очевидно, что негръ ѣстъ далеко не каждый день. Я въ «салонѣ». Очевидно, въ обыкновенные дни это сарай. Вотъ и лѣстница, ведущая на чердакъ. Ее постарались задрапировать какимъ-то ворохомъ тряпокъ. Мужчина, пьяный, оборванный, съ распухшимъ лицомъ, демонстрируетъ публикѣ XIX вѣка красавицу Викторину. Демонстраторъ двумя пальцами одной руки, характернымъ лакейскимъ жестомъ, на отлетѣ держитъ окурокъ папиросы, другой—тычетъ въ покрытыя сплош-

ными синяками обнаженныя руки, плечи и грудь Викторины. Она одѣта въ какую то бурую тряпицу, обшитую свернувшимся жгутомъ и почернѣвшимъ галуномъ. Я гляжу на лицо «чуда» и чувствую, что горло у меня спазматически сжимается и что-то «подкатывается» туда. Викторинѣ лѣтъ подъ тридцать. Черты лица трудно разобрать, потому что подъ глазами, на лбу, на щекахъ— огромныя синія пятна. Видны лишь глаза, въ которыхъ отражается страхъ животнаго, знающаго, что его вотъ-вотъ побьютъ, но въ то же время подчинившагося неминуемой бѣдѣ. Викторина поднимаетъ тряпки, которой укутаны ея ноги; оказывается, что онѣ обнажены выше колѣнъ и тоже сплошь покрыты синяками.

— Джентльмены!—взываетъ мужчина,—кто хочетъ попробовать свои силы? Викторина вызываетъ всѣхъ: докеровъ, матросовъ, профессіональныхъ боксеровъ.

«Джентльмены» стоятъ неподвижно. Оглядываюсь. Напрасно демонстраторъ вызываетъ матросовъ: ихъ здѣсь нѣтъ. Очевидно, они считаютъ это мѣсто слишкомъ низменнымъ для себя. Кругомъ—оборванныя куртки, застегнутыя до верху, надвинутые картузы, изъ подъ которыхъ видны, большею частью, подбитые глаза. Очевидно, это—нищіе, да джентльмены, дѣятельность которыхъ начинается послѣ 12 часовъ ночи въ темныхъ переулкахъ. Пока найдется охотникъ, демонстраторъ показываетъ публикѣ другую достопримѣчательность.

— Мой другъ, профессоръ Листеръ, вчера мнѣ прислалъ другое чудо нашего вѣка,—начинаетъ онъ и достаетъ изъ подъ тряпки высохшій, препарированный трупикъ какого то уродцаребенка, съ огромной головой. Публика протягиваетъ руки, щупаетъ и нюхаетъ трупикъ. Съ тяжелымъ сердцемъ я выхожу изъ сарая.

Изъ сосѣдняго кабака выходитъ пошатываясь женщина, шаль сползла съ плечъ, поломанная соломеная шляпа сбилась на бокъ. Хриплымъ, дребезжащимъ голосомъ она выводитъ какую — то пѣсню.

Дѣвочки, маленькія, испитыя, стоятъ у дверей кабаковъ, очевидно, дожидаясь родителей. Вотъ вышелъ какой то мужчина, здоровый, плечистый, съ грубымъ, свирѣпымъ лицомъ, оглянулся кругомъ, какъ бы ища кого то, затѣмъ оглянулся на худенькаго мальчугана лѣтъ семи, съ кружкой въ рукахъ. Мальчугана, очевидно, послали за чѣмъ то, но онъ не могъ устоять противъ искушенія и остановился поглядѣть на ярко разрисованную вывѣску, гласящую, что здѣсь показывается «Comt Ivan Orloff», у котораго ноги совершенно прозрачны. Мужчина сталъ бить мальчугана.

— Shame! (стыдно!) раздался вдругъ спокойный, суровый голосъ, принадлежавшій проходившему матросу. Онъ остановился, затѣмъ молча сталъ снимать куртку. Это былъ формальный вызовъ на поединокъ. Мужчина оставилъ мальчика. Добровольцы

разсыпались цѣпью и стали караулить на перекресткахъ, не покажется ли гдѣ нибудь «Боби» (полисменъ). Черезъ минуту матросъ, на сторонѣ котораго, очевидно, симпатіи публики—превращаетъ лицо противника въ окровавленный кусокъ мяса. Публика, какъ видно, находитъ, что возмездіе дано.

— Enaugh! (Довольно!) раздаются голоса. Матросъ моментально останавливается, надѣваетъ куртку, треплетъ мальчугана по головѣ и скрывается по направленію къ домамъ. Добрыя души ведутъ избитаго къ фонтану и помогаютъ ему обмыться. Среди толпы теперь замѣтны новыя лица: женщины въ черныхъ, соломенныхъ шляпкахъ, съ низко опущенными полями, перевязанными красной лентой. У женщинъ въ рукахъ пачки газетъ и брошюръ. Это «солдаты» и «офицеры» арміи спасенія, вышедшіе «отбить у дьявола» заблудшія души. Тутъ же въ Уайтчепелѣ, казармы «солдатъ аванпоста», «ихъ спасательныя станціи» и ночлежные пріюты.

Одинъ изъ «офицеровъ» всовываетъ мнѣ въ руки «манифестъ». Я читаю: «главная цѣль арміи произвести радикальную революцію въ духовномъ мірѣ большинства человѣчества всѣхъ странъ. Мы хотимъ измѣнить его жизнь такимъ образомъ, чтобы вмѣсто того, чтобы оно проводило время въ поискахъ за наслажденіями и въ безпутствахъ, человѣчество служило бы Богу и заботилось бы о своемъ потомствѣ. «Далѣе изъ «манифеста» я узнаю исторію «арміи».

За угломъ, въ одномъ изъ переулковъ, «барракъ» арміи. Сегодня митингъ. Я отправляюсь туда. Огромный залъ увѣшанъ фантастическими флагами.

Это—все знамена тѣхъ странъ, которыя покорены арміей. Одна часть залы занята эстрадой, на которой ступенями возвышаются до самаго потолка скамьи. На эстрадѣ сидятъ музыканты, «солдаты», «офицеры» и только что «спасенныя». Впереди внизу прохаживается взадъ и впередъ «капитанъ», въ простой, куцой фуражкѣ, съ вышитой бѣлой короной на груди. Капитанъ потираетъ руки и время отъ времени крутитъ огромные, совсѣмъ военные усы. На скамьяхъ для публики людно. Впрочемъ, большинство въ форменныхъ шляпкахъ «арміи». «Грѣшниковъ», собственно говоря, немного: нѣсколько солдатъ, которымъ ярко-красные мундиры, заломленныя на бекрень шапочки и хлыстики въ рукахъ придаютъ опереточный видъ, два-три матроса, да нѣсколько бездомныхъ бродягъ, которые зашли сюда, потому что тепло и не каплетъ дождь.

— Братья! грянемъ побѣдный гимнъ!—командуетъ капитанъ. На эстрадѣ начинаютъ пѣть на мотивъ плясовой пѣсни. Щеки у музыкантовъ надуваются, глаза наливаются кровью. Ревутъ мѣдныя трубы, пронзительно пищатъ дудки; но въ особенности усердствуютъ барабаны. Чѣмъ больше, тѣмъ барабанщики все больше

и больше приходятъ въ азартъ. Скоро все тонетъ въ трескучихъ звукахъ: «бумъ! бумъ! бумъ»!

Капитанъ машетъ рукой. Музыканты останавливаются. Лишь одинъ мальчишка барабанщикъ еще нѣсколько секундъ бьетъ соло.

— Сестра Маргаретъ Раутледжъ,—разскажите, какъ вы спаслись,—предлагаетъ капитанъ.

Встаетъ маленькая, сморщенная, высохшая старушка, съ сѣрыми, колючими глазками.

— Я была грозой сосѣдокъ. Изъ моего нечестиваго рта вырывались поминутно ругательства.

— О-о!—стонетъ капитанъ.

— О-о! стонутъ всѣ на эстрадѣ.

— Дня не проходило, чтобы я не затѣвала съ кѣмъ либо драки.

Опять раздаются стоны по сигналу.

— Но я узнала «братьевъ» и отреклась отъ дьявола.

На лицѣ капитана появляется широкая улыбка. Движеніемъ плечъ, потираніемъ рукъ и вывертываніемъ ногъ онъ выражаетъ, какъ счастливъ, что Маргаретъ Раутледжъ отреклась отъ дьявола

— Вилльямъ Кольри,—покайтесь теперь вы.

Поднимается высокій, поджарый джентельмэнъ, лѣтъ 45, съ острымъ, краснымъ носомъ. Онъ, шатаясь слегка, подходитъ къ барьеру. Если бы капитанъ взглянулъ болѣе внимательно на Кольри и увидалъ его глаза, покрытые какой то подозрительной влагой,—онъ, конечно, не вызвалъ бы его.

— Джентельмены, нѣтъ, братья,—началъ Кольри,—я былъ погибшій человѣкъ. Моя душа принадлежала дьяволу. Я пилъ и пилъ—знаете что? ужасную ирландскую виски. Но теперь, теперь... мм!—замычалъ ораторъ, слегка зашатался и ухватился за барьеръ.

— Теперь Билль пьетъ ужъ не виски, а джинъ! замѣчаетъ кто-то изъ «грѣшниковъ» въ публикѣ. Раздается хохотъ.

— Теперь Билль спасенъ,—подхватываетъ капитанъ.—Скорѣй гимнъ Богу! Возславимъ спасеніе!—Опять пищатъ дудки, опять ревутъ мѣдныя трубы, опять все тонетъ въ рокотѣ барабановъ. Какой то негръ изъ «спасенныхъ» соскочилъ со скамьи, пляшетъ на эстрадѣ, дико голоситъ и скалитъ бѣлые зубы.

Съ непріятнымъ осадкомъ на сердцѣ я выхожу изъ «баррака». Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа—одна изъ библіотекъ, устроенныхъ молодежью. Всѣ комнаты биткомъ набиты читающими. Тѣ же оборванные сюртуки, тѣ же картузы, какъ и всюду; но лица болѣе живы, болѣе осмысленны. Огромная таблица показываетъ, какія именно книги взяты сегодня. Я вижу, что, кромѣ сочиненій англійскихъ классиковъ, сегодня въ обращеніи курсъ популярной астрономіи, лекцій по прикладной механикѣ, «Экономическое толкованіе исторіи Англіи» Роджерса, «О свободѣ» Милля, «Исторія

англійской конституціи» Галлама и пр. Нѣкоторые читатели дѣлаютъ какія то выписки изъ книгъ. Кое предъ кѣмъ лежать тетрадки съ чертежами отъ руки и съ вычисленіями. Въ «газетной» среди массы изданій на англійскомъ языкѣ, я нахожу двѣ русскія газеты и нѣсколько журналовъ на польско-еврейскомъ жаргонѣ. Въ Уайтчепелѣ до тридцати тысячъ русскихъ евреевъ, выходцевъ изъ сѣверо-западнаго края. Большею частью, это все «светеры»—башмачники и портные.

Рядомъ съ библіотекой—музей. Онъ составленъ нѣсколько пестро. Очевидно, у устраивавшихъ его не было опредѣленной мысли; но даже и въ томъ видѣ, какъ теперь,—онъ можетъ принести несомнѣнную пользу.

Еще не поздно; въ «Павильонѣ», главномъ театрѣ «Уайтчепеля», вѣроятно, теперь лишь окончился первый актъ мелодрамы. Быть въ Уайтчепелѣ и не видать послѣдняго рѣшительно нельзя. За шесть пенсовъ мы попадаемъ въ кресла. Огромный театръ биткомъ набитъ. Шляпъ не видно совсѣмъ: кругомъ лишь шапочки рабочихъ, солдатъ и матросовъ; но публика несомнѣнно «чище» той, которая посѣщаетъ вышеназванныя зрѣлища. Матросы сидятъ рядомъ, съ такъ называемыми, sailor's woman, со своими временными женами, которыя приводятъ на память Японію. Когда приходитъ пароходъ изъ дальняго плаванія, матросы сейчасъ же, едва попадаютъ на берегъ, сходятся съ sailor's woman. Матросъ отдаетъ своей временной женѣ весь свой заработокъ, обыкновенно, фунтовъ 25—30. «Супруги» поселяются вмѣстѣ, вмѣстѣ посѣщаютъ театры и другіе amusements. «Жена» слѣдитъ за хозяйствомъ, чинитъ бѣлье «мужу», удерживаетъ его, чтобы онъ не сильно пилъ и т. д. Отпускъ матроса продолжается обыкновенно 6 недѣль. За это время заработокъ проживается. Наступаетъ время отъѣзда. «Супруги» нѣжно прощаются, затѣмъ матросъ плыветъ въ Ріо Жанейро, въ Потани Бай или же въ Шанхай, sailor's woman сходится съ другими. Mayhew, который во второмъ томѣ своего труда «London and the London Poor» очень много говоритъ о подобнаго рода сожительствахъ,—пишетъ, что пары живутъ счастливо, никогда или очень рѣдко дерутся.

На сценѣ даютъ драму «Никогда не поздно исправиться». Я попадаю въ тотъ моментъ, когда герой прощается съ родиной. Злодѣй пьесы разорилъ его и онъ вынужденъ эмигрировать въ Австралію. Актеръ самый заурядный; но мотивъ знакомъ слишкомъ публикѣ, и она съ захватывающимъ интересомъ слѣдитъ за пьесой. Вотъ музыка заиграла трогательную, полную паѳоса пѣсню прощанія эмигрантовъ съ родиной (на слова Томаса Мура) «Home, sweet home!» *) Въ залѣ слышатся глубокіе вздохи; на глазахъ женщинъ

---

*) Родина, дорогая родина.

блестятъ слезы. Уайтчепельцамъ слишкомъ хорошо знакомо чувство, испытываемое эмигрантами. Дѣвица въ бѣломъ платьѣ, sweetheart героя, клянется ждать его и прижимаетъ патетически руку къ сердцу. Публика вознаграждаетъ ее за это аплодисментами. Опускается занавѣсъ. Вызываютъ злодѣя единственно для того, чтобы прогнать его оглушительными свистками. Слѣдующее дѣйствіе. Мы въ портлендской каторжной тюрьмѣ. Выступаетъ съ поразительной силой потрясающій реализмъ англійскихъ мелодрамъ. Предъ нами блѣдные, какъ тѣни, арестанты молча кружатся на небольшой площадкѣ. Это «прогулка». Затѣмъ слѣдуетъ щипанье пеньки, вынужденное молчаніе, смирительныя рубашки и black-hole карцеръ за каждую провинность. Становится понятнымъ, почему эти «гуманныя» целулярныя тюрьмы превращаютъ арестантовъ въ автоматовъ или же въ идіотовъ.

Другъ героя попадаетъ за него въ тюрьму. Выведенъ смотритель звѣрь. За то и досталось же ему отъ публики! Когда смотритель хочетъ посадить въ «черную—яму» мальчика арестанта, измученнаго уже сидѣніемъ, раздаются свистки и крики среди публики: «shame!». Кто то машетъ узловатымъ кулакомъ; съ верхней галлереи одинъ показываетъ огромную палку. Мальчикъ падаетъ безъ чувствъ, но смотритель все же велитъ тащить его въ карцеръ. Въ театрѣ поднимается настоящая буря. По адресу смотрителя сыпятся ругательства и проклятія.

— Yuo bloody scoundrel!—кричатъ съ галлереи. На сцену летитъ скорлупа кокосовыхъ орѣховъ, обгрызанныя яблоки,—словомъ, все, что въ данный моментъ можетъ быть превращено въ метательное оружіе. Признаться, нужно удивляться, какъ это «злодѣи» рѣшаются играть предъ такой экспансивной публикой, не боясь линча. Припоминаются предки этихъ зрителей. Во время представленія страстей Господнихъ, они приходили въ такой экстазъ, что Іудѣ нужно было украдкой уходить изъ театра и спасаться отъ карауливших его мстителей. Разъ толпа не повѣрила, что Іуда повѣсился. Она ворвалась на сцену и повѣсила сама актера такъ основательно, что только вмѣшательство полиціи спасло бѣднягу.

Заступникомъ за арестантовъ выведенъ пасторъ. Онъ заявляетъ смотрителю: Я буду жаловаться суду!

— Плевать мнѣ на судъ!—отвѣчаетъ смотритель.

— Я доведу до свѣдѣнія короны о вашихъ поступкахъ.

— Я самъ здѣсь король.

— Такъ я стану аппелировать къ народу,—говоритъ пасторъ и патетически потрясаетъ библіей. Трудно себѣ представить, что творится въ театрѣ. Очевидно, аппеляція услышана. Гремятъ бѣшенные апплодисменты, къ пастору протягиваются сотни рукъ. Несомнѣнно, еслибы не раздѣляющее пространство, пасторъ получилъ бы множество энергичныхъ рукопожатій. Слѣдующій актъ въ Австраліи, въ станѣ пріискателей. Герою повезло, онъ находитъ золото

и возвращается въ послѣднемъ актѣ домой, гдѣ ждетъ его вѣрная дѣвица въ бѣломъ платьѣ. Характеры въ пьесѣ очерчены грубо; добродѣтель и порокъ оттѣнены слишкомъ сильно; въ художественномъ отношеніи драма слаба; но въ ней нѣтъ ничего такого, что возмутило бы васъ, что могло бы дѣйствовать развращающимъ образомъ на публику. У автора, очевидно, были самыя лучшія намѣренія и, судя по отношенію публики, послѣдняя отлично умѣетъ разобраться между добромъ и зломъ. Когда же вспомнишь слова наблюдателя, видѣвшаго уайтчепельскіе театры четверть вѣка тому назадъ, то приходится придти къ заключенію, что и тутъ замѣтенъ значительный прогрессъ. Тогда къ услугамъ публики были или кулачные бои, или травля крысъ, или же, въ лучшемъ случаѣ, фантастическія представленія «съ пиротехническими фокусами, съ чертями различныхъ цвѣтовъ и съ появляющимся изъ люка сатаной» *).

Двѣнадцать часовъ ночи. Пребываніе въ Уайтчепелѣ въ это время становится не совсѣмъ безопаснымъ. Пора возвращаться обратно въ Вестъ-Эндъ.

Діонео.

Литература и жизнь.

Въ ноябрѣ истекшаго года г. Рѣпинъ праздновалъ 25-лѣтній юбилей своей художественной дѣятельности, получилъ много поздравленій и добрыхъ пожеланій и напечаталъ въ «Новомъ Времени» письмо, въ которомъ выразилъ «благодарность всѣмъ обществамъ, учрежденіямъ, высокопочтеннымъ лицамъ и своимъ добрымъ друзьямъ», выразившимъ ему сочувствіе. Нѣкоторыми своими подробностями это благодарственное письмо вызвало одну изъ тѣхъ бурь въ стаканѣ воды, когда извѣстный сюжетъ съ чрезвычайною горячностью обсуждается на страницахъ газетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, а затѣмъ забывается на всегда. Въ данномъ случаѣ такое забвеніе едва ли основательно. Дѣло не въ г. Рѣпинѣ лично. Среди жаркой полемики объ упомянутомъ письмѣ кто-то высказалъ мысль, что слѣдуетъ цѣнить г. Рѣпина, какъ живописца, и не обращать никакого вниманія на его литературные опыты. Это вѣрно, что каждая «проба пера» г. Рѣпина,—пытается ли онъ передавать свои заграничныя впечатлѣнія или же просто пишетъ «письмо въ

*) *Nayhew*, «London Naobur and the Noudon Poor». v. 4. p. 227.

редакцію»,—возбуждаетъ досадное чувство: и зачѣмъ только онъ пишетъ? и если онъ самъ не понимаетъ, что это не умно и не хорошо, то неужели у него нѣтъ друзей, которые воздержали бы его отъ этихъ неудачныхъ пробъ пера? неужели и редакціи газетъ не имѣютъ настолько настоящаго уваженія къ нему, чтобы отказаться отъ печатанія его литературныхъ произведеній? «Перо мое—врагъ мой»,—давно уже долженъ былъ бы сказать себѣ г. Рѣпинъ. Все это такъ, но въ благодарственномъ письмѣ г. Рѣпина есть всетаки черты, заслуживающія того, чтобы надъ ними остановиться нѣсколько дольше, чѣмъ это допускается бурной, но кратковременной газетной полемикой.

Г. Рѣпинъ сообщаетъ, что ему «и до юбилея везло въ славѣ», но она не развила въ немъ маніи величія, а напротивъ «внѣдрила манію ничтожества». Онъ называетъ себя «страдальцемъ отъ неудовлетворительности своихъ произведеній». «При встрѣчѣ съ своими произведеніями на выставкахъ въ музеяхъ, я—говоритъ онъ—чувствую себя всегда безнадежно несчастнымъ отъ ихъ дурного впечатлѣнія». Онъ «работалъ четверть вѣка, большею частью при счастливыхъ условіяхъ, въ свое удовольствіе, по страсти». Онъ вспоминаетъ Діогена, который «отвергалъ даже плату за труды художника, такъ какъ художникъ, по его мнѣнію, уже достаточно награжденъ тѣмъ удовольствіемъ, какое испытываетъ во время своего безполезнаго творчества. Да, заключаетъ г. Рѣпинъ, мы—счастливчики, наша дѣятельность—забава». Впрочемъ, заключаетъ г. Рѣпинъ свое письмо, т. е. кончаетъ его, не этимъ, но съ насъ и приведеннаго довольно.

Письмо свое г. Рѣпинъ напечаталъ въ ноябрѣ, а въ декабрѣ открылась «выставка опытовъ художественнаго творчества (эскизовъ)», въ которой г. Рѣпинъ занялъ самое видное мѣсто и по количеству выставленныхъ имъ произведеній (34 номера изъ 154 произведеній живописи), и, конечно, по ихъ художественному интересу. Самая идея выставки, равно какъ и иниціатива ея осуществленія, принадлежатъ, какъ писали въ газетѣ, г. Рѣпину. Согласитесь, что это пикантно. Въ ноябрѣ человѣкъ громогласно заявляетъ о своей «маніи ничтожества», о томъ, что онъ «чувствуетъ себя безнадежно несчастнымъ» при видѣ своихъ картинъ на выставкахъ въ музеяхъ, а въ декабрѣ устраиваетъ выставку даже не картинъ, а эскизовъ, опытовъ творчества, незаконченныхъ или самимъ художникомъ забракованныхъ... Я ужъ не говорю о томъ, что почти на всѣхъ «опытахъ творчества» г. Рѣпина стояла надпись: «продано» или «пріобрѣтено» такимъ-то, и что, слѣдовательно, онъ въ своемъ письмѣ совершенно всуе упоминалъ Діогена, который отвергалъ плату за труды художника. Но и помимо этого деликатнаго пункта спрашивается, — зачѣмъ же г. Рѣпинъ писалъ свои пустяки о маніи ничтожества и прочемъ? Ясно, что маніи ничтожества онъ вовсе не подверженъ и не такъ ужъ «безнадежно не-

счастливъ», когда видитъ въ музеяхъ на выставкахъ свои даже дѣйствительно неудовлетворительныя (хотя бы только по ихъ незаконченности, эскизности) произведенія. Надо еще замѣтить, что если выставка эскизовъ въ декабрѣ уже открылась, то къ ея организаціи было приступлено, конечно, гораздо раньше, быть можетъ, въ тотъ самый моментъ, когда г. Рѣпинъ заявлялъ въ печати о своихъ чрезвычайныхъ страданіяхъ на выставкахъ.

Изъ этого слѣдуетъ, мнѣ кажется, что, каково бы ни было отношеніе г. Рѣпина къ живописи, но его печатныя упражненія составляютъ для него, дѣйствительно, «забаву»; именно, забаву или, точнѣе, дѣтскую игру. Какъ дѣти играютъ: давай играть въ военные, — будто я генералъ, а ты солдатъ, или ты барыня, а я кухарка и ты меня на рынокъ посылаешь. Такъ и г. Рѣпинъ обращается къ публикѣ: давайте играть,—будто я ужасно страдаю маніей ничтожества, а вы будто этому вѣрите, и будто мнѣ стыдно брать деньги за свою работу, и вы этому тоже вѣрите... Дѣтямъ бываетъ очень весело въ такихъ играхъ, совершенно приличествующихъ ихъ возрасту, и есть между ними такіе искусники, что ни дать-ни взять генералъ или кухарка. Но г. Рѣпинъ забавляется, «балуется перомъ» очень неискусно. Это, вопервыхъ, а, вовторыхъ, и возрастъ его не такой уже, чтобы забавляться игрой въ солдаты и генералы; тѣмъ болѣе, что въ своей области онъ есть настоящій, общепризнанный генералъ. Но тутъ-то, въ этой, именно, области, гдѣ онъ стяжалъ заслуженные лавры, г. Рѣпинъ, по его словамъ, и «забавляется». Такъ ли это?

Выставка «опытовъ художественнаго творчества» поражала прежде всего случайностью своего состава. Полный титулъ выставки гласитъ: «выставка опытовъ художественнаго творчества (эскизовъ) русскихъ и *иностранныхъ* художниковъ и учениковъ». Это слишкомъ громкій титулъ. Иностранныхъ художниковъ было всего двое и выставлено было по одному номеру каждымъ. Затѣмъ, изъ русскихъ художниковъ, пользующихся болѣе или менѣе широкою извѣстностью, кромѣ г. Рѣпина, представлены были гг. Васнецовъ (2 номера), Мясоѣдовъ (1 номеръ), Нестеровъ (4 номера), Пастернакъ (3 номера), Полѣновъ (3 номера), Савицкій (1 номеръ). Боюсь ошибиться, но имена всѣхъ остальныхъ экспонентовъ, мнѣ кажется, ничего не говорили уму и сердцу посѣтителей выставки; по всей вѣроятности, все это «ученики». Конечно, имена сами по себѣ ничего не значатъ, и ничто не мѣшаетъ работѣ ученика быть и талантливою, и интересною въ смыслѣ «пробы художественнаго творчества». Но, къ сожалѣнію, хорошаго было мало на выставкѣ, а въ общемъ интересно было развѣ только то, что вотъ и у насъ обозначается въ молодомъ поколѣніи художниковъ явственное тяготѣніе къ декадентскому символизму. Тутъ есть вещи, въ которыхъ ровно ничего понять нельзя (напримѣръ: «Щемитъ» г. Головина или «Диссонансъ» г-жи Манасеиной), есть и такія, творцы которыхъ

стараются быть понятными при помощи нагроможденія грубѣйшихъ символовъ (напр. «Камелія» г. Булатова), есть и такія, которыя, будучи свободны отъ всякаго символизма, представляютъ соединеніе безсодержательности темы съ какою то намѣренною аляповатостью исполненія (напр., «Лебеди», «Утки», «Весло» г. Якунчикова). Надѣюсь, что когда теперешніе «ученики» встанутъ на ноги, они будутъ стыдиться выставленныхъ ими «эскизовъ»; теперь же должно быть стыдно не имъ, а устроителю выставки, г. Рѣпину. Понятно, что на этомъ во всѣхъ смыслахъ скудномъ фонѣ, его «опыты художественнаго творчества» рѣдко выдѣлялись и своимъ количествомъ, и своимъ качествомъ. Понятно, что и тѣ изъ посѣтителей выставки, которые не раздѣляютъ взглядовъ Діогена и заставляютъ «безнадежно несчастныхъ страдальцевъ» брать деньги за ихъ «безполезное творчество», обижали почти исключительно г. Рѣпина, то есть только почти его эксизы и покупали.

Надо, однако, правду сказать, что работы г. Рѣпина и не нуждались въ такомъ отсутствіи конкурренціи, чтобы обратить на себя пристальное вниманіе. Я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, которыя помогутъ выяснить вопросъ: дѣйствительно ли художественное творчество есть «забава», а художники—«счастливчики»? Но прежде нѣсколько словъ не о г. Рѣпинѣ, а о г. Шмидтѣ. Этотъ художникъ или ученикъ выставилъ эскизы «Наяда» и «Нормандское судно». «Наяда» изображена въ видѣ голой женщины съ рыбьимъ хвостомъ, а въ «Нормандскомъ суднѣ», собственно, нормандское судно не причемъ: оно наскочило на скалу и стоитъ разбитое, опустѣлое (экипажъ или погибъ, или спасся, но его нѣтъ), а рядомъ на скалѣ отдыхаютъ двѣ голыя женщины, опять-таки съ рыбьими хвостами. Лица всѣхъ трехъ женщинъ, можно сказать, ровно ничего не выражаютъ, и, повидимому, преслѣдовавшая художника задача состояла, именно, въ изображеніи женщинъ съ рыбьимъ хвостомъ. Задачу эту г. Шмидтъ разрѣшилъ плохо: рыбьи хвосты больше похожи на длинные цвѣтные чулки, какіе носятъ и земныя женщины, только у «наядъ» они черезчуръ уже длинны. Но вы видите тутъ настоящіе «опыты художественнаго творчества»: задача низменная, исполненіе слабое, но человѣкъ чего-то добивался, искалъ, возвращался къ своей задачѣ и, можетъ быть, еще не разъ къ ней возвратится. И еслибы не пустяковость темы, то этотъ процессъ художественныхъ родовъ могъ бы представлять великій интересъ. Такой, именно, интересъ представляютъ нѣкоторыя изъ работъ, выставленныхъ г. Рѣпинымъ.

Не рыбьими хвостами занятъ г. Рѣпинъ въ своихъ попыткахъ изобразить драму прекращенія молодой жизни на дуэли и примиренія умирающаго съ оставшимся въ живыхъ врагомъ; а можетъ быть, это и не враги вовсе, а напротивъ даже закадычные пріятели, позвавшіе другъ друга къ барьеру по какому нибудь недоразумѣнію. Во всякомъ случаѣ, за эту тему г. Рѣпинъ брался три раза,

стараясь уловить выраженіе лица человѣка, умирающаго на дуэли и въ то же время примиреннаго. Остальныя фигуры и аксессуары этихъ трехъ эскизовъ очень различны (напримѣръ, на одномъ противникъ подбѣгаетъ къ умирающему, движимый раскаяніемъ или жалостью, а на другомъ онъ отходитъ въ сторону, закуривая папиросу); но во всѣхъ трехъ повторяется печать приближающейся смерти на лицѣ жертвы дуэли и вмѣстѣ — черты нѣжности и душевнаго мира. Всѣми тремя эскизами г. Рѣпинъ, очевидно, недоволенъ,—иначе бы мы, вѣдь, имѣли не эскизы, а картину; и онъ правъ въ своемъ недовольствѣ, потому что во всѣхъ трехъ варьянтахъ лицо умирающаго неудачно: слишкомъ оно слащаво. Но самая задача, очевидно, очень занимала художника, и едва ли онъ «забавлялся» и былъ «счастливчикомъ», когда безуспѣшно старался уловить и воспроизвести задуманное лицо. Я представляю себѣ дѣло такъ, что онъ, напротивъ, много мучился, испытывалъ припадки не вздорной «маніи ничтожества», а настоящаго недовольства собой и сомнѣнія въ своихъ силахъ. Теперь онъ спокойно выставляетъ для публичнаго осмотра свои неудавшіеся опыты, но это еще не значитъ, чтобы муки сомнѣнія и недовольства собой не было въ то время, когда тема его занимала, когда онъ искалъ и не находилъ. Мы, вѣдь, знаемъ случаи, когда художники, въ порывѣ бурнаго недовольства собой, даже уничтожали свои, уже болѣе или менѣе законченныя, произведенія.

Точно также не могу я повѣрить, чтобы г. Рѣпинъ только «забавлялся» и былъ «счастливчикомъ», когда старался уловить, въ нѣсколькихъ тоже эскизахъ, физіономію Іуды Искаріота въ моментъ предательства. Всѣ эти опыты опять-таки оказались неудачными, талантливый художникъ самъ понялъ это и въ концѣ концовъ отступился отъ недававшейся ему задачи. Почему она ему не давалась,—это другой вопросъ. Можетъ быть, она просто была задумана, что называется, въ недобрый часъ, въ такой моментъ, когда у художника не было достаточно матеріаловъ для исполненія задачи, а можетъ быть, талантъ г. Рѣпина, вообще, не подходитъ для изображенія очень сложныхъ душевныхъ движеній. Повторяю, это дѣло особое. Особое дѣло и психологическій процессъ, побуждающій г. Рѣпина, страдая маніей ничтожества и сгарая стыдомъ при видѣ своихъ законченныхъ картинъ на выставкахъ, въ то же время выставлять даже эскизы, которыми самъ онъ завѣдомо недоволенъ. Для насъ важенъ только фактъ дѣйствительнаго недовольства, а не фальшиваго кокетства имъ и, связанныхъ съ этимъ фактомъ, душевныхъ страданій.

Мнѣ немножко стыдно писать все это по поводу пустяковъ, изложенныхъ г. Рѣпинымъ въ благодарственномъ письмѣ, въ которомъ онъ дѣйствительно «позабавился» перомъ. Но эти пустяки, какъ оно отчасти и изъ полемики по поводу письма выяснилось, имѣютъ шансы быть принятыми нѣкоторою частію публики въ серьезъ. Вы-

ставка эскизовъ, повидимому, плохо задуманная и, во всякомъ случаѣ, плохо организованная, имѣетъ развѣ, именно, лишь то значеніе, что, хотя отчасти вводя публику въ процессъ творчества, свидѣтельствуетъ о томъ, что художественное творчество не забава, что въ вѣнкѣ художественной славы не все лавры, а есть и терніи, настоящіе, до крови колючіе, терніи.

Это относится, разумѣется, не къ живописи только, а ко всякому творчеству, въ томъ числѣ и къ словесному, къ поэзіи въ обширномъ смыслѣ слова. Художникамъ слова также знакомы муки творчества, мучительныя колебанія и сомнѣнія, тщетныя поиски подходящихъ формъ для передачи зрѣющихъ въ душѣ образовъ и картинъ. Быть можетъ, въ этой отрасли искусства муки творчества даже сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, хотя, конечно, есть много беллетристовъ, отъ такихъ мукъ совершенно свободныхъ и вполнѣ довольныхъ каждою своею строкою «безъ борьбы, безъ думы роковой». Но теперь я хочу говорить не объ этихъ мукахъ и забавахъ творчества, а о другомъ, совершенно особенномъ видѣ довольства и недовольства собою въ художникахъ слова.

Въ недавно вышедшемъ четвертомъ томѣ сочиненій Ибсена въ русскомъ переводѣ (изданіе г. Юровскаго) напечатаны драмы: «Гедда Габлеръ», «Маленькій Эйольфъ», «Женщина съ моря» и, кромѣ того, три ... не знаю какъ назвать: «Рѣчь къ норвежскимъ студентамъ», «Сонъ» и «Первая драма». Когда Ибсенъ, послѣ долгаго пребыванія заграницей, вернулся на родину, норвежскіе студенты устроили ему овацію, на которую онъ отвѣчалъ рѣчью,—она то теперь и переведена на русскій языкъ, занимая собою двѣ страницы малаго формата. «Сонъ» есть гимназическое сочиненіе Ибсена, написанное, когда ему было четырнадцать лѣтъ, и занимаетъ страничку. «Первая драма» есть маленькая замѣтка автобіографическаго характера, относящаяся лишь къ одному эпизоду изъ жизни автора. И если русскій издатель счелъ нужнымъ включить эти три... не знаю какъ назвать — въ собраніе сочиненій Ибсена, то одно изъ двухъ: или мы будемъ имѣть чрезвычайно полное собраніе, или же оно будетъ вовсе не полно, но зато вполнѣ безпорядочно и случайно. Послѣднее, кажется, вѣроятнѣе, судя по отсутствію какой бы то ни было системы въ изданныхъ до сихъ поръ томахъ и по крайней небрежности переводовъ.

Но воспользуемся всетаки чѣмъ нибудь и изъ того, что даетъ русское изданіе.

Въ рѣчи къ норвежскимъ студентамъ читаемъ, между прочимъ: «частію мое творчество направлялось тѣмъ, что шевелилось во мнѣ лишь минутами и въ лучшіе мои часы, какъ нѣчто великое и прекрасное. Я влагалъ въ свое творчество то, что, такъ сказать, стояло выше моего обыденнаго «я», и я прибѣгалъ къ этому для того

чтобы лучше сохранить его внѣ себя и въ себѣ самомъ. Но въ свое творчество я вкладывалъ и какъ разъ противоположное, то, что, при углубленіи въ себя самого, представляется намъ отбросами и подонками собственной души. Въ этомъ случаѣ я смотрѣлъ на творчество, какъ на омовеніе, послѣ котораго чувствовалъ себя чище, здоровѣе и свободнѣе. Да, мм. гг., нельзя поэтически изобразить что-либо такое, первообраза чего до извѣстной степени или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время не носишь въ самомъ себѣ. А развѣ же найдется среди насъ человѣкъ, который не чувствовалъ бы въ себѣ иногда разлада между словомъ и дѣйствіемъ, волей и стремленіями, жизнью и убѣжденіями, или который, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не удовлетворялся бы въ своемъ эгоизмѣ собой самимъ и не извинялъ — полунамѣренно, полуискренно — такого поведенія и передъ другими, и передъ самимъ собой».

Это не случайный у Ибсена взглядъ на поэтическое творчество Въ одномъ своемъ стихотвореніи, цитируемомъ Максомъ Нордау, онъ говоритъ: «творить—значитъ совершать судъ надъ собой» (въ нѣмецкомъ переводѣ Нордау: «dichten heisst Gerichtstag über sich selbst halten». Такимъ образомъ, на основаніи собственныхъ показаній Ибсена, мы въ самомъ процессѣ его творчества встрѣчаемъ тѣ же черты, которыя отмѣтили въ прошлогоднихъ замѣткахъ въ фабулахъ его драмъ.

Поэтическое творчество, какъ исповѣдь, какъ продуктъ или выраженіе работы совѣсти,—это на первый взглядъ до парадоксальности оригинально. Приглядываясь, однако, къ дѣлу ближе, мы увидимъ, что это вовсе уже не такъ чудно. Не будемъ пока говорить о такихъ прямо покаянныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, «Рыцарь на часъ» Некрасова или его же знаменитый отвѣтъ «неизвѣстному другу». Но припомните Лермонтовскую бесѣду журналиста, читателя и писателя. Писатель, разсказывая, какъ онъ работаетъ, между прочимъ говоритъ:

. . . .
И какъ-то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ.

И, вѣдь, никто же не сомнѣвается, что въ «Героѣ нашего времени» Лермонтовъ казнилъ самого себя. Читатель перебьетъ: казнилъ, но и любовался. Да, казнилъ и любовался, воздавалъ самому себѣ, по своему разумѣнію, должное, то есть, именно, совершалъ судъ надъ собой, можетъ быть, и неправедный, пристрастный или односторонній.

Исходная точка Ибсена, какъ мы видѣли, гласитъ: «Нельзя

поэтически изобразить что либо такое, первообраза чего до извѣстной степени или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время не носишь въ самомъ себѣ». Относительно нѣкоторыхъ, правда, особенно рѣзкихъ случаевъ никто не усомнится въ справедливости этого положенія. Можно, разумѣется, очень точно описать эпилептическій припадокъ, руководясь единственно наблюденіемъ и ни разу въ жизни не испытавъ на себѣ самомъ ничего подобнаго. Но поэтически воспроизвести субъективную сторону припадка во всѣхъ его фазисахъ можетъ только человѣкъ, переживший его. Говоря о припадкахъ князя Мышкина въ «Идіотѣ» Достоевскаго, г. Чижъ замѣчаетъ: «Напрасно было бы искать у психіатровъ такого живого описанія, до сихъ поръ никто изъ *геніальныхъ эпилептиковъ* не познакомилъ насъ такъ краснорѣчиво съ своей аурой». («Достоевскій, какъ психопаталогъ». Цитирую по сборнику г. Зелинскаго). Недостаточно, конечно, быть эпилептикомъ, чтобы поэтически воссоздать данное явленіе, но для этого недостаточно быть и «геніемъ»: нужно быть «геніальнымъ эпилептикомъ». Это примѣръ очень рѣзкій. Но въ жизни и творчествѣ того-же Достоевскаго можно найти и менѣе рѣзкіе. Мыслимы ли были бы въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» «Великій инквизиторъ», «Бунтъ» и вообще весь Иванъ Карамазовъ, еслибы Достоевскій не мучился, по крайней мѣрѣ, временами религіозными сомнѣніями, о чемъ онъ самъ говорилъ?

Когда то, въ статьѣ «Жестокій талантъ», я старался установить связь между мученичествомъ и мучительствомъ образовъ Достоевскаго съ одной стороны и нѣкоторыми мрачными глубинами его собственной души,—съ другой. Я не помню, чтобы мнѣ были сдѣланы какія нибудь фактическія возраженія по существу, но помню одно замѣчаніе: нельзя отождествлять личность автора съ личностями его героевъ. Конечно, нельзя, но я этого и не дѣлалъ. Нужна величайшая осторожность въ установленіи точекъ и линій, общихъ самому художнику и его созданіямъ. Эти точки и линіи иногда даже прямо неуловимы, изъ чего однако не слѣдуетъ, что ихъ въ дѣйствительности нѣтъ. Благодаря откровенности гр. Л. Н. Толстого, мы съ большою точностью можемъ опредѣлить въ его художественныхъ произведеніяхъ многое такое, что онъ «до извѣстной степени или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время носилъ въ самомъ себѣ». Но вѣдь не въ этомъ и дѣло. Намъ говорятъ, что *нельзя* изобразить что нибудь вполнѣ чуждое душѣ художника, что нибудь такое, чего онъ самъ не переживалъ. Пусть въ Левинѣ («Анна Каренина») или Оленинѣ («Казаки») отразилась личность самого Толстого, но неужели она отразилась и въ Наполеонѣ или, напримѣръ, Анатоліи Курагинѣ «Войны и мира»? Неужели Грибоѣдовъ вложилъ нѣчто свое въ Фамусова, Скалозуба, Молчалина, или Салтыковъ, напримѣръ, въ коллекцію лицемѣровъ «Благонамѣренныхъ рѣчей»? Неужели вообще всѣ отрицательные типы всемірной художественной литературы, всѣ жестокіе,

глупые, подлые, лживые люди, всѣ предатели и насильники, всѣ блюдолизы и распутники, изображенные въ безчисленныхъ романахъ, повѣстяхъ, драмахъ, поэмахъ,—суть плоть отъ плоти и кость отъ костей ихъ творцовъ?

На этотъ трудный вопросъ—онъ гораздо труднѣе, чѣмъ думаетъ, вѣроятно, читатель—попробуемъ сначала отвѣтить вопросомъ-же, и именно уже приведеннымъ вопросомъ Ибсена: «Развѣ найдется среди насъ человѣкъ, который не чувствовалъ бы въ себѣ иногда разлада между словомъ и дѣйствіемъ, волею и стремленіями, жизнью и убѣжденіями, или который, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не удовлетворялся бы въ своемъ эгоизмѣ самимъ собой и не извинялъ—полунамѣренно, полуискренно—такого поведенія и передъ другими, и передъ самимъ собой».—Я думаю, что вопросъ поставленъ Ибсеномъ въ слишкомъ мягкой и снисходительной формѣ. Только недобросовѣстный человѣкъ или же человѣкъ, непривыкшій наблюдать за собой, станетъ утверждать, что въ немъ никогда не мелькаютъ нелѣпыя мысли, гнусныя чувства, гаденькія или прямо гадкія поползновенія. У людей умныхъ и, что называется, хорошихъ все это либо, подавляется, силою сознанія и воли, что дается иногда только тяжелой борьбой; либо именно мелькаетъ, какъ зарница, не оставляя по себѣ никакого слѣда въ общемъ психическомъ строѣ, либо, наконецъ, такъ или иначе фиксируется въ этомъ строѣ, потому ли, по сему ли обращаетъ на себя вниманіе того, у кого мелькнула эта нелѣпая мысль или это гнусное чувство. Представимъ же себѣ въ этомъ третьемъ положеніи художника. Представимъ себѣ, что у Грибоѣдова, благородный характеръ котораго засвидѣтельствованъ всей его жизнію и смертью, на одну секунду, именно на одну секунду, мелькнуло нѣчто Молчалинское, и онъ себя поймалъ на этомъ; или что Салтыковъ, чье даже грубоватое прямодушіе достаточно извѣстно, поймалъ себя, такъ сказать, на Головлевскомъ мгновеніи. Какимъ гнѣвомъ должны вскипѣть эти благородные люди, уловивъ въ самихъ себѣ черты, много разъ возмущавшія ихъ въ настоящихъ Молчалиныхъ и Іудушкахъ; съ какимъ отвращеніемъ должны они вспоминать о томъ мгновеніи, когда сами имъ уподобились... Это было одно мгновеніе, оно имъ чужое, чужое всему ихъ психическому строю и никогда больше не повторится, но оно съиграло роль искры, внезапно освѣтившей множество «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ», и перевело эти наблюденія и замѣты въ такъ называемое горнило вдохновенія, гдѣ и сложились фигуры Молчалина и Іудушки Головлева. Я не говорю, что отрицательные литературные типы всегда именно такъ создаются. Нѣтъ, они могутъ быть построены и безъ примѣси самонаблюденія и самоказни (если можно такъ выразиться), но думаю, что лучшія, «проникновеннѣйшія», по выраженію Достоевскаго, созданія этого рода возникаютъ именно описаннымъ путемъ, и показаніе Ибсена очень важно въ

———

этомъ смыслѣ. Но можетъ быть есть еще третій путь созданія отрицательныхъ образовъ. Нѣтъ нужды предполагать, чтобы, напримѣръ, тотъ же Грибоѣдовъ переживалъ и Молчалинскія, и Скалозубовскія, и Фамусовскія и т. д. мгновенія. Такъ или иначе возникнувъ, образъ Молчалина можетъ вызвать, какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свою противоположность, образъ Фамусова; а ходъ развитія фабулы выдвинетъ Скалозуба и т. п. Здѣсь возможны самыя разнообразныя комбинаціи, и я хочу только показать, что мысль Ибсена совсѣмъ не такъ парадоксальна, какъ можетъ представиться на первый взглядъ.

Ибсенъ слишкомъ рѣзко говоритъ, что *нельзя* изобразить что нибудь лично не испытанное, не пережитое, но его опредѣленіе творчества, какъ суда художника надъ самимъ собой, заслуживаетъ полнаго вниманія. Максъ Нордау издѣвается надъ этимъ опредѣленіемъ, хотя полагаетъ, что оно вполнѣ приложимо къ самому Ибсену, которому, дескать, иногда хорошо удаются отдѣльныя черты, подмѣченныя имъ въ маленькой клѣткѣ своего личнаго существованія, но который совершенно неспособенъ отразить въ своей поэзіи пеструю сложность человѣческой жизни вообще. Оставляя въ сторонѣ самого Ибсена, замѣтимъ только, что творчество, какъ судъ художника надъ собой, вовсе не исключаетъ самой широкой и тонкой наблюдательности, и самой трепетной отзывчивости. Опредѣленіе это указываетъ только именно ту искру, которая внезапно освѣщаетъ болѣе или менѣе (смотря по другимъ качествамъ художника) значительный запасъ опыта и наблюденія, болѣе или менѣе широкій и опредѣленный кругъ симпатій и антипатій...

Мнѣ опять вспоминается искусство, какъ «забава», и художники, какъ «счастливчики»... Благо тѣмъ, передъ кѣмъ съ разу отворялись двери, въ которыя они толкались, кто безъ колебаній и сомнѣній находилъ надлежащую форму для воплощенія того, что билось въ ихъ умѣ и сердцѣ, просясь наружу,—въ краски, звуки, слова; они—«счастливчики». Благо и тѣмъ, кто либо не заглядывалъ въ себя глубоко, либо, заглянувъ, не нашелъ тамъ ни единаго «пятна и порока»; они — «счастливчики». Но много ли тѣхъ и другихъ среди настоящихъ, крупныхъ художниковъ? И одинъ ли Некрасовъ могъ сказать о себѣ:

Не придумать вамъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу...

Но мы прослѣдили пока только одну половину мысли Ибсена. Насъ ждетъ еще другая половина. Если Ибсенъ вкладываетъ въ свое творчество «отбросы и подонки собственной души», то съ другой стороны вкладываетъ и нѣчто противоположное, что шевелится въ немъ лишь минутами и въ лучшіе его часы, какъ нѣчто прекрасное и высокое, что стоитъ выше его обыденнаго *я*».—Это тоже очень важное показаніе, хотя оно можетъ представляться даже слишкомъ элементарнымъ и во всякомъ случаѣ едва ли вы-

зоветъ въ комъ нибудь сомнѣнія. Одно заглавіе Некрасовскаго стихотворенія «Рыцарь на часъ» скажетъ читателю на эту тему столько, что, пожалуй, и нечего было бы прибавлять, если бы мысль Ибсена не была чревата нѣкоторыми интересными побочными выводами...

Мимоходомъ сказать, какая странная судьба этого изумительнаго стихотворенія Некрасова, которое, еслибы онъ даже ни одной строки больше не написалъ, обезпечивало ему «вѣчную память», которое едва ли кто нибудь, по крайней мѣрѣ въ молодости, могъ читать безъ предсказанныхъ поэтомъ «внезапно хлынувшихъ слезъ съ огорченнаго лица». Мнѣ вспоминается одинъ вечеръ или ночь зимой 1884 или 1885 года. Я жилъ въ Любани, ко мнѣ пріѣхали изъ Петербурга гости, большею частію уже не молодые люди, въ томъ числѣ Г. И. Успенскій. Поговорили о петербургскихъ новостяхъ, о томъ, о семъ; потомъ кто то предложилъ по очереди читать. Г. И. Успенскій выбралъ для себя «Рыцаря на часъ». И вотъ: комната въ маленькомъ деревянномъ домѣ; на улицѣ, занесенной снѣгомъ, мертвая тишина и непроглядная тьма; въ комнатѣ, около стола, освѣщеннаго лампой, сидитъ нѣсколько человѣкъ, повторяю, большею частію не молодыхъ; Глѣбъ Ивановичъ читаетъ; мы всѣ слушаемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя наизусть знаемъ стихотвореніе. Но вотъ голосъ чтеца слабѣетъ, слабѣетъ и— обрывается: слезы не дали кончить... Простите, читатель, это маленькое личное воспоминаніе. Но вѣдь оно, пожалуй, даже не личное. По всей Россіи вѣдь разсыпаны эти маленькіе деревянные домики на безмолвныхъ и темныхъ улицахъ; по всей Россіи есть эти комнаты, гдѣ читаютъ (или читали?) «Рыцаря на часъ» и льются (или лились?) эти слезы... А между тѣмъ въ извѣстномъ сборникѣ г. Зелинскаго критическихъ статей объ Некрасовѣ, доведенномъ до 1877 г., то есть до года смерти поэта, вы найдете всего пять упоминаній о «Рыцарѣ на часъ», да и то, во-первыхъ, очень бѣглыхъ, а во-вторыхъ, одно изъ нихъ относится къ рѣчи священника Горчакова на могилѣ поэта, а другое къ некрологической статьѣ Достоевскаго. А вѣдь стихотвореніе написано въ 1860 г. Что же это значитъ? То ли, что многочисленные враги Некрасова не смѣли коснуться этой блещущей безпощадною искренностью поэтической жемчужины, а еще болѣе многочисленные друзья и почитатели благоговѣйнымъ молчаніемъ выражали свое уваженіе къ интимной сторонѣ житейской драмы, воплощенной въ этомъ воплѣ души?... Во всякомъ случаѣ, «неизвѣстный другъ», приславшій Некрасову въ трудную минуту его жизни ободряющее стихотвореніе, былъ правъ, когда, перечисливъ обращаемые къ поэту упреки, прибавлялъ:

Но отчего жъ весь міръ сильнѣй любить
Мнѣ хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?
Не можетъ быть!

Въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ я, какъ могъ, старался выяснить необыкновенно сложную натуру и столь же сложную судьбу Некрасова. Здѣсь было бы неумѣстно вновь входить въ подробности. Думаю, что и безъ нихъ читатель согласится, по малой мѣрѣ, съ тѣмъ, что хоть «на часъ», но Некрасовъ бывалъ «рыцаремъ». Судьба нашего поэта такъ сложилась, что этотъ великій поэтическій часъ уходилъ преимущественно на работу совѣсти: поэтъ часто поднимался духомъ только затѣмъ, чтобы изъ достигнутой имъ высоты заклеймить самого себя. Но не всегда такъ было и съ нимъ. И въ общемъ его «часъ» есть всетаки одинъ изъ тѣхъ «лучшихъ часовъ», о которыхъ говоритъ Ибсенъ, одинъ изъ тѣхъ часовъ, когда поэтъ чувствуетъ въ себѣ нѣчто высшее его «обыденнаго *я*». Этотъ лучшій часъ отнюдь не непремѣнно долженъ быть омраченъ покаянной оглядкой и щемящими звуками больной совѣсти. У лирика онъ можетъ вызвать стихотвореніе, въ которомъ отразится сознаніе силы и достоинства, у романиста или драматурга — созданіе идеальнаго типа, въ который они воплотятъ то лучшее, что можетъ быть и не присуще имъ въ обыденной жизни, но до чего они хоть временами способны возвышаться.

Все это было бы какъ нельзя болѣе ясно и просто, еслибы не нѣкоторыя осложненія. Прежде всего надо замѣтить, что мы имѣемъ въ виду только дѣйствительно художественныя произведенія, а не всякую мазню въ формѣ поэмы, романа, драмы и проч. Среди этой мазни можно встрѣтить не мало попытокъ изобразить идеальный типъ, который однако больше похожъ на карикатуру. Творцы этихъ quasi-идеальныхъ типовъ, или по отсутствію таланта или по тому, что изображенныхъ ими идеальныхъ чертъ они никогда въ жизни въ самихъ себѣ не ощущали, заваливаютъ своихъ героевъ цѣлыми горами всяческихъ достоинствъ, иногда даже просто несовмѣстимыхъ. Художникъ, — достойный этого имени, — слишкомъ чутокъ для такой суздальской мазни. Онъ знаетъ, что вполнѣ идеальный типъ слишкомъ большая рѣдкость въ жизни, чтобы безъ поправокъ получить право гражданства въ искусствѣ. Это возможно, конечно, но главнымъ образомъ пока дѣло идетъ о физическихъ достоинствахъ, красотѣ. А въ безконечно болѣе сложной духовной жизни истинный художникъ лишь крайне рѣдко пытается создать фигуру «безъ пятна и порока», безъ какой нибудь хотя легкой слабости, которая, придавая фигурѣ жизненность, вмѣстѣ съ тѣмъ еще ярче оттѣняетъ ея возвышенныя черты. А затѣмъ надо имѣть въ виду разнообразіе понятій о возвышенномъ и благородномъ. Въ салонныхъ или вообще болѣе или менѣе публичныхъ разговорахъ о такихъ вещахъ, какъ, напримѣръ, самоотверженіе или любовь къ ближнему, разногласій, пожалуй, и нѣтъ; да и то можно въ послѣднее время услышать пѣсни скворцовъ, насвистанныхъ идеями Ничше. Впрочемъ, эти скворцы не въ счетъ, и въ общемъ существуетъ извѣстный, такъ сказать, оффиціальный кодексъ мо-

рали, болѣе или менѣе для всѣхъ обязательный на словахъ. Но изъ подъ него часто выглядываетъ совсѣмъ другой кодексъ. Всѣ мы исповѣдуемъ 8-ю заповѣдь, но въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ кругахъ, какъ напомнилъ недавній могилевскій процессъ, онъ нарушается систематически, и весьма вѣроятно, что достоинствомъ, «высшимъ», считается тамъ ловкость или безцеремонность въ этомъ направленіи. Въ гораздо болѣе широкихъ кругахъ, оффиціально исповѣдующихъ цѣломудріе, вѣрность супружескому долгу, на дѣлѣ нарушеніе 7-й заповѣди (для мужчинъ, женщинамъ оно рѣдко прощается) вмѣняется почти въ заслугу, что отражается и на художественномъ творчествѣ. Въ этомъ отношеніи очень любопытна фигура нѣкоего Ашанина, повторяющаяся въ нѣсколькихъ романахъ покойнаго Болеслава Маркевича. Ашанинъ — любимецъ автора, который съ нескрываемымъ восторгомъ слѣдитъ за его многочисленными удачами на поприщѣ любовныхъ похожденій. Правда, авторъ доволенъ и всѣмъ міровозрѣніемъ Ашанина; ему и его единомышленникамъ онъ не только прощаетъ веселый грѣхъ, но прямо любуется ими, тогда какъ людей другого образа мыслей подвергаетъ жестокой художественной казни за то же самое. Но это только новое осложненіе въ пониманіи достоинства, въ разсмотрѣніе котораго мы входить не будемъ. Пониманіе это естественно мѣняется въ связи съ разнообразными условіями среды, національности, историческаго момента, личныхъ качествъ художника. Кавказскій горецъ или корсиканецъ полагаетъ свое достоинство въ томъ, чтобы кровью смыть обиду, нашъ толстовецъ видитъ его, напротивъ, въ непротивленіи злу. Поэтому корсиканскій поэтъ изобразитъ идеальный типъ кровавымъ мстителемъ, а толстовецъ кроткимъ агнцемъ; наоборотъ, отрицательнымъ типомъ у перваго явится человѣкъ кроткій, а у второго — мститель. Безконечно разнообразны комбинаціи этого рода въ исторіи литературы, но въ нихъ есть одна общая черта, указанная Ибсеномъ: художникъ, сознательно или безсознательно, отмѣчаетъ высшіе и низшіе моменты своей собственной души, оттѣняя ими обыденную жизнь, отдыхая на высшихъ и казнясь на низшихъ. Такое пониманіе процесса творчества вполнѣ совпадаетъ съ характеромъ произведеній самого Ибсена, построенныхъ, какъ мы видѣли въ прошломъ году, на двухъ основныхъ столбахъ: чести и совѣсти.

Совпаденіе знаменательное и, мнѣ кажется, окончательно дорисовывающее фигуру норвежскаго драматурга, какъ одного изъ «властителей думъ» современности. Не символизмомъ своимъ занялъ онъ это властительное положеніе и не эстетической стороной своихъ произведеній, часто аляповатыхъ и натянутыхъ, а тѣмъ, что вся совокупность его творческой дѣятельности составляетъ «книгу объ отвѣтственности человѣка». Современная европейская жизнь такъ сложилась, что развѣ лишь очень немногіе ея представители не имѣютъ въ той книгѣ своего актива или пассива, и

все мало мальски чуткое—либо оскорблено въ своей чести, либо угрызается совѣстью, либо, наконецъ, и то и другое вмѣстѣ. Въ современной страшной борьбѣ или прямо за существованіе въ буквальномъ смыслѣ, за кусокъ хлѣба и прикрытіе отъ непогоды, или за счастіе,—кто не чувствуетъ, что онъ кого то давитъ и что въ свою очередь его кто то давитъ? Но вмѣстѣ съ изощренностью чувствъ въ этихъ двухъ направленіяхъ ростетъ и сознаніе того, что никто собственно лично не виноватъ въ этомъ омутѣ горя и обидъ. Сознаніе это, однако, не укрощаетъ голоса оскорбленной чести и ущемленной совѣсти, объ чемъ и вопіетъ каждая драма Ибсена

Недалека отъ вопросовъ чести и совѣсти наша злоба дня,—«Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей». Недалека и въ то же время,—какъ ужасно далека!..

Прежде, чѣмъ говорить о Союзѣ и о томъ, что съ нимъ въ настоящую минуту связано, я хотѣлъ бы, въ избѣжаніе недоразумѣній,—ихъ и безъ того много,—опредѣлить мою личную долю участія въ образованіи Союза.

Мысль объ нѣкоторомъ объединеніи представителей печатнаго слова, дѣятелей литературы и науки, вѣроятно, неоднократно возникавшая въ разныхъ отдѣльныхъ кружкахъ, казалась мнѣ года два слишкомъ тому назадъ близкою къ осуществленію, по крайней мѣрѣ въ частномъ случаѣ. Попытка, въ которой и я принималъ участіе, не удалась. Но отъ нея остался слѣдъ въ періодическихъ обѣдахъ, которые назывались «обѣдами журналистовъ» и на которыхъ зародилась и разрабатывалась мысль о Союзѣ писателей. Въ этомъ зарожденіи и выработкѣ я не принималъ никакого участія, да и на обѣдахъ былъ всего раза два, а въ прошломъ, 1896 году не былъ даже ни разу, хотя и получалъ приглашенія. Долженъ покаяться,—я думалъ, что изъ этихъ обѣдовъ ничего путнаго не выйдетъ. Я ошибался, и когда участники обѣдовъ, они же первоначальные учредители Союза, выбрали меня въ комиссію шести для окончательнаго редактированія устава Союза и опредѣленія его отношеній къ Русскому литературному обществу, я не уклонился отъ этой чести. Отъ всего, что происходило до работъ упомянутой комиссіи, я былъ такъ далекъ, что лишь здѣсь, въ комиссіи, впервые увидѣлъ списокъ первоначальныхъ учредителей, то есть участниковъ обѣдовъ (около 60 человѣкъ), равно какъ ими же составленный дополнительный списокъ (около 80 человѣкъ). Спискамъ этимъ я не придавалъ большого значенія. Несомнѣнно, что тѣ 60 съ чѣмъ то человѣкъ, въ средѣ которыхъ родилась и развивалась мысль о Союзѣ, суть настоящіе его учредители; точно также несомнѣнно, что имъ же принадлежало право дополнить свой списокъ до требуемаго уставомъ числа 100. Вмѣсто требуемыхъ 30 съ чѣмъ то человѣкъ, они представили въ комиссію около 80 именъ. Въ

этомъ не было надобности, но не было и бѣды. И если кто потрудится взглянуть на этотъ дополнительный списокъ, то убѣдится, что, дополняя себя даже сверхъ надобности, первоначальные учредители принимали во вниманіе рѣшительно всѣ элементы нашей литературы. Наука имѣетъ въ дополнительномъ спискѣ такихъ представителей, какъ гг. Боргманъ, Бекетовы, Бильбасовъ, Вагнеръ, Ламанскій, Лесгафтъ, Манассеинъ и проч. Въ спискѣ значатся и ветераны русской литературы, какъ гг. Григоровичъ, Потѣхинъ, Полонскій, Максимовъ, и болѣе молодые беллитристы, какъ гг. Альбовъ, Короленко, Потапенко, Станюковичъ. Газетный міръ представленъ гг. Суворинымъ, Нотовичемъ, кн. Ухтомскимъ. Затѣмъ вы найдете тутъ гг. Лейкина и Тугана-Барановскаго, гг. Мережковскаго и Струве и т. д., и т. д. По истинѣ, чего хочешь, того просишь. Крайнее разнообразіе хотя бы только приведенныхъ именъ показываетъ, что первоначальные учредители весьма широко растворили двери своимъ собратьямъ по перу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже, впрочемъ, и то, что цифра 100, опредѣляющая минимальное число членовъ, при которомъ Союзъ считается состоявшимся, установлена самими первоначальными учредителями; ничто не мѣшало имъ ограничить это число 50-ю и приступить къ организаціи Союза безъ всякаго дополнительнаго списка.

Въ виду всего этого я, повторяю, не придавалъ значенія спискамъ (первоначальныхъ учредителей и дополнительному), которые впервые увидѣлъ въ комиссіи шести: лишь бы создалось необходимое по уставу зерно Союза, а дальше онъ будетъ пополняться новыми членами порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ. Но затѣмъ мнѣ казалось, что, послѣ окончанія работы комиссіи шести, списокъ членовъ учредителей долженъ считаться законченнымъ, и никакіе новые дополнительные списки, исходящіе отъ отдѣльныхъ лицъ, не должны быть принимаемы. Поэтому нѣкоторымъ своимъ знакомымъ, просившимъ меня записать ихъ въ члены-учредители передъ общимъ собраніемъ 15 января, баллотировавшимъ занесенныхъ въ общій дополнительный списокъ, я отказывалъ. Поэтому же и въ упомянутомъ общемъ собраніи я былъ противъ новыхъ, частныхъ дополнительныхъ списковъ. Вопросъ объ этихъ новыхъ спискахъ голосовался на общемъ собраніи 15 января и большинствомъ голосовъ рѣшенъ отрицательно (за эти новые списки было 16 голосовъ изъ 40 слишкомъ). Мимоходомъ замѣчу, что и однимъ изъ членовъ комиссіи шести былъ представленъ новый, частный дополнительный списокъ, который былъ, конечно, подобно остальнымъ, не принятъ.

Вотъ и все мое участіе въ созданіи Союза; участіе, слишкомъ слабое для того, чтобы я могъ имъ гордиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы я могъ быть заподозрѣнъ въ этомъ дѣлѣ въ «кружковщинѣ». Ну, а за выборъ меня въ члены комитета Союза, а въ средѣ комитета въ товарища предсѣдателя—я, разумѣется, не

отвѣтственъ, такъ какъ, подобно всѣмъ кандидатамъ, себя не баллотировалъ. Но затѣмъ, уже послѣ выборовъ въ комитетъ Союза и передъ выборами въ судъ чести и ревизіонную комиссію, мнѣ пришлось принять участіе въ маленькомъ эпизодѣ, надѣлавшемъ, какъ и все, касающееся Союза, большого шума въ газетахъ. Съ этого эпизода я и начну бесѣду собственно о Союзѣ, хотя хронологически онъ былъ въ короткой еще, но до странности бурной, исторіи Союза далеко не первымъ.

2 февраля, въ залѣ Географическаго общества, происходило обычное годовое общее собраніе Литературнаго фонда. Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя, проф. Сергѣевича, въ которой онъ коснулся и только еще слагавшагося Союза. Нѣкоторыя мѣста этой рѣчи показались мнѣ необыкновенно странными въ устахъ предсѣдателя комитета Литературнаго фонда, члены котораго (комитета) почти всѣ состоятъ и членами Союза. Литературный фондъ—учрежденіе старое, приближающееся къ своему сорокалѣтію (40 лѣтъ ему минетъ въ 1899 г.). Въ немъ успѣли сложиться и прочно установиться извѣстныя традиціи, къ числу которыхъ относится и то, что предсѣдатель комитета,—онъ же, по уставу Литературнаго фонда, и предсѣдатель общаго собранія, — есть предсѣдатель всего комитета. Конечно, онъ можетъ остаться при особомъ мнѣніи по тому или другому вопросу, возникающему въ комитетѣ, но это есть право не его только, а всякаго члена комитета; и въ каждомъ такомъ случаѣ особое мнѣніе такъ и представляется общему собранію, какъ «особое мнѣніе». Но въ данномъ случаѣ о какомъ нибудь особомъ мнѣніи не было, да и не могло быть рѣчи, потому что въ комитетѣ Литературнаго фонда не возникало, да и не могло возникнуть никакого вопроса о Союзѣ. Поэтому мнѣ казалось чрезвычайно важнымъ выяснить присутствующей публикѣ, что, вопреки всѣмъ традиціямъ Литературнаго фонда, рѣчь предсѣдателя не выражаетъ мнѣній комитета, а есть исключительно его, В. И. Сергѣевича, личное мнѣніе. Я попросилъ у предсѣдателя слова. Но пусть сначала г. Сергѣевичъ самъ разскажетъ, какъ было дѣло. Онъ напечаталъ свою рѣчь въ газетахъ съ своими комментаріями. Изъ рѣчи я приведу только то, что относилось къ Союзу.

«Цѣли Союза далеко выходятъ за предѣлы цѣлей Фонда. Онъ имѣетъ въ виду объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ для установленія постояннаго между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ. Нельзя не преклониться передъ важностью такой задачи; нельзя не воздать хвалы смѣлости мысли иниціаторовъ и учредителей Союза, не убоявшихся трудностей предстоящаго имъ дѣла. Для людей, не посвященныхъ въ мотивы и соображенія, которыми они руководствовались, трудности эти кажутся столь великими, что задуманное дѣло представляется граничащимъ съ областью невозможнаго. Какъ въ самомъ дѣлѣ, объединить писателей, далеко разъединенныхъ различіемъ

направленій, часто сталкивающихся враждебно? Различія направленій имѣютъ мѣсто не въ одной только публицистикѣ и политикѣ; они одинаково встрѣчаются въ области наукъ, художественнаго творчества, критики. Различіе направленій не есть, однако, единственная причина, разъединяющая писателей. Ихъ едва ли не больше разъединяетъ различіе соціальнаго положенія. Оно такъ велико, что писатели, принадлежащіе къ крайнимъ сферамъ, пожалуй, не найдутъ и общепонятнаго для нихъ языка для постояннаго между собою общенія. Какъ, наконецъ, объединить эти боль нія самолюбія, которыя такъ легко развиваетъ литературная дѣятельность?—Объединеніе желаютъ совершить на почвѣ профессіональнаго интереса. Но что такое профессіональный интересъ? Профессіональный интересъ не есть, конечно, что нибудь общечеловѣческое, ни даже общегосударственное. Это долженъ быть специфическій интересъ людей, для которыхъ писательство составляетъ профессію, постоянное занятіе изо дня въ день, средство существованія. Но тогда окажется очень много писателей, которые вовсе не войдутъ въ сферу дѣйствія Союза. Есть немало дѣятелей литературы очень почтенныхъ и во всѣхъ ея областяхъ, для которыхъ писательство не составляетъ, однако, профессіи. А, между тѣмъ, и они призываются въ составъ Союза и должны, слѣдовательно, для согласной дѣятельности, усвоить себѣ чуждые имъ интересы. И много другихъ вопросовъ возбуждаетъ уставъ Союза, не давая на нихъ отвѣтовъ. Но осужденіе устава было бы теперь преждевременно. Никакой уставъ не въ состояніи впередъ разрѣшить всѣ вопросы, которые могутъ возникнуть при его осуществленіи. Ихъ можетъ разрѣшить только живая дѣятельность лицъ, призванныхъ къ его осуществленію. Но эта дѣятельность еще впереди. Въ настоящее время мы наблюдаемъ Союзъ въ самый неблагопріятный для него моментъ; мы наблюдаемъ его въ мукахъ рожденія. Пожелаемъ же ему появиться живымъ на свѣтъ Божій и немедленно приступить къ организаціи тѣхъ способовъ и средствъ, при помощи которыхъ можно будетъ приняться за осуществленіе его высокихъ и всѣмъ желательныхъ цѣлей. Цѣли же его, конечно, желательны для всѣхъ. Въ обществѣ, столь разъединенномъ, какъ наше, что можетъ быть желательнѣе объединенія въ постоянномъ общеніи, доброй нравственности и любви, хотя бы однихъ только писателей».

О томъ, что послѣдовало за рѣчью г. Сергѣевича, онъ разсказываетъ такъ:

«Когда я умолкъ, г. Михайловскій, Н. К., всталъ съ своего мѣста и предложилъ мнѣ вопросъ, отъ чьего имени говорилъ я,— отъ имени комитета или моего собственнаго. Я удовлетворилъ его, отвѣтивъ, что говорилъ только отъ себя. Г. Михайловскій занялъ свое прежнее мѣсто, и приписанныхъ ему одною газетою словъ порицанія по моему адресу не произнесъ. Роль моего строгаго цен-

зора въ засѣданіи 2 февраля принялъ на себя г. Семевскій, В. И., одинъ изъ учредителей новаго союза. Онъ публично и во всеуслышаніе выразилъ порицаніе предсѣдателю Литературнаго фонда, сказавъ, что находитъ его рѣчь неумѣстной и излишней. Предсѣдателемъ былъ я, а потому спросилъ г. Семевскаго, что же не понравилось ему въ моемъ привѣтствіи Союзу; онъ отвѣчалъ: въ привѣтствіи слышится сомнѣніе въ успѣхѣ его дѣйствій. Г. Семевскій не сомнѣвается и вѣритъ, а потому и я долженъ вѣрить. Онъ не порицалъ бы меня, еслибы я привѣтствовалъ съ вѣрою, какъ онъ не порицалъ г. Гаршина, предложившаго собранію, по выслушаніи моей рѣчи, также выразить привѣтствіе новому обществу и охотно къ нему присоединился. Сомнѣній г. Семевскій не допускаетъ. Устное слово свободно до тѣхъ только поръ, пока говорящій не сомнѣвается и вѣритъ въ то, во что вѣритъ и г. Семевскій. Если онъ колеблется,— слово его неумѣстно. Отдадимъ должное просвѣщенной терпимости и либерализму г. Семевскаго: для печатнаго слова онъ допускаетъ большую свободу. Порицая мои устныя сомнѣнія, онъ допустилъ, однако, возможность высказать ихъ въ печати. Мнѣ очень пріятно сдѣлать что нибудь угодное для г. Семевскаго, и вотъ, благодаря любезному гостепріимству «Новаго Времени», онъ имѣетъ мое привѣтствіе напечатаннымъ.

Открывая годовое собраніе фонда, я считалъ необходимымъ не только привѣтствовать возникающій союзъ, но и выяснить, въ какомъ отношеніи стоитъ онъ къ фонду. Еслибы даже благія намѣренія союза и не осуществились, или осуществились далеко не въ той широкой формѣ, какъ предполагаетъ его уставъ, союзъ все же можетъ быть намъ полезенъ. Исходя изъ этой мысли, но не скрывая моихъ сомнѣній, я и сказалъ то, что вынужденъ теперь напечатать.

Также не считаю нужнымъ скрывать, что дѣятельность цензоровъ-добровольцевъ я считаю менѣе удобной дѣятельности правительственныхъ цензоровъ. Тѣхъ всѣ знаютъ и у нихъ можно напередъ получить одобреніе, или, въ случаѣ неодобренія, сомкнуть уста; добровольцы же неизвѣстны, а потому бываетъ совершенно невозможно ихъ избѣжать.

... Не хочу назвать настоящимъ именемъ того, что произошло въ собраніи 2 февраля, и прекращаю мою рѣчь».

Въ собраніи 2 февраля произошло во всякомъ случаѣ нѣчто необычайное: я старый членъ Литературнаго фонда—не запомню ничего подобнаго. Если однако г. Сергѣевичъ затрудняется подъискать настоящее названіе для этого необычайнаго, то единственно потому, что изъ его памяти ускользнули нѣкоторыя подробности. Я постараюсь помочь ему и ни на одну минуту не сомнѣваюсь, что онъ не откажется подтвердить каждое мое слово (съ фактической стороны, разумѣется), а затѣмъ нетрудно будетъ уже и «настоящее имя» подъискать.

Я попросилъ слова по поводу рѣчи г. Сергѣевича (я именно

такъ и выразился: «по поводу вашей рѣчи»). Г. Сергѣевичъ отвѣтилъ: *«моя рѣчь не подлежитъ обсужденію»*. Я возразилъ: «я и не собираюсь ее обсуждать, а хочу только задать вамъ одинъ вопросъ,—личное ли вы свое мнѣніе о Союзѣ выразили, или мнѣніе Комитета?» Отвѣтомъ г. Сергѣевича— «личное»—я удовлетворился, такъ какъ цѣль моя только въ томъ и состояла, чтобы обратить вниманіе присутствующихъ именно на это обстоятельство. Но г. Семевскій не удовлетворился. Онъ, какъ вѣрно показываетъ г. Сергѣевичъ, назвалъ предсѣдательскую рѣчь «неумѣстной и излишней», но этими словами онъ не ограничился. Да это видно и изъ дальнѣйшей ироніи г. Сергѣевича. «Отдадимъ должное просвѣщенной терпимости и либерализму г. Семевскаго: для печатнаго слова онъ допускаетъ большую свободу. Порицая мои устныя соображенія, онъ допустилъ, однако, возможность высказать ихъ въ печати». Дѣйствительно, г. Семевскій не только не отрицалъ права г. Сергѣевича высказывать свои мнѣнія вообще, но напротивъ указывалъ на надлежащій путь для этого,—путь печати. А слѣдовательно, всѣ соображенія г. Сергѣевича о «цензорахъ-добровольцахъ» — ни къ чему. Я не буду приводить подлинныя слова г. Семевскаго, потому что они были сложнѣе тѣхъ краткихъ репликъ, которыми обмѣнялись мы съ г. Сергѣевичемъ, и я боюсь что нибудь упустить или переиначить. Притомъ же г. Семевскій успѣлъ только высказать, а не развить свою мысль, такъ какъ въ трудную для всѣхъ присутствующихъ минуту вмѣшался г. Гаршинъ съ предложеніемъ общему собранію выразить свое сочувствіе Союзу. Аплодисментами, которыми было покрыто это предложеніе, тяжелый эпизодъ закончился.

Да, это былъ тяжелый эпизодъ. И чтобы оцѣнить всю его тяжесть, надо обратить вниманіе на вышеприведенныя слова г. Сергѣевича: «моя рѣчь не подлежитъ обсужденію». Г. профессоръ былъ и правъ, и не правъ, говоря это. Не правъ, потому что ни уставъ, ни традиціи Литературнаго фонда, ни простой житейскій тактъ не изъемлютъ предсѣдательской рѣчи изъ предѣловъ обсужденія общаго собранія. Съ другой стороны, однако, именно эта рѣчь, произнесенная г. Сергѣевичемъ 2 февраля, дѣйствительно, не подлежала обсужденію. Представимъ себѣ, что кто нибудь изъ присутствующихъ настоялъ бы на своемъ несомнѣнномъ правѣ обсуждать рѣчь. Что бы произошло? Рѣчь, надо отдать ей справедливость, открываетъ чрезвычайно широкое поле для возраженій. Напримѣръ, г. Сергѣевичъ утверждалъ, что «различіе соціальнаго положенія» нашихъ писателей «такъ велико, что писатели, принадлежащіе къ крайнимъ сферамъ, пожалуй, не найдутъ и общепонятнаго для нихъ языка для постояннаго между собою общенія». Согласитесь, что это мнѣніе, по малой мѣрѣ, рискованное. Я бы желалъ знать, гдѣ видѣлъ г. Сергѣевичъ тѣхъ писателей, для которыхъ непонятенъ языкъ Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Тол-

стого и проч., а вѣдь всѣ мы говоримъ именно этимъ языкомъ. Или, напримѣръ, г. Сергѣевичъ сомнѣвается на-счетъ «профессіональныхъ интересовъ»: «Есть не мало дѣятелей литературы очень почтенныхъ и во всѣхъ ея областяхъ, для которыхъ писательство не составляетъ, однако, профессіи («постояннаго занятія изо дня въ день, средства существованія»). Между тѣмъ и они призываются въ составъ союза и должны слѣдовательно, для согласной дѣятельности, усвоить себѣ *чуждые* имъ интересы». Почему-же, однако, *чуждые*? Былъ такой «очень почтенный дѣятель литературы»— Лермонтовъ. Онъ былъ офицеръ, а не литераторъ «по профессіи», то-есть литература не была его «постояннымъ занятіемъ изо дня въ день, средствомъ существованія». Однако профессіональные интересы, связанные, напримѣръ, съ вопросомъ литературной собственности или съ общими условіями печати, которыя въ то время не допускали появленія стихотворенія «На смерть Пушкина»,— эти профессіональные интересы отнюдь не были *чужды* Лермонтову. И т. д. и т. д.

Я боюсь, что если бы 2 февраля кто нибудь изъ присутствующихъ сталъ дѣлать эти и подобныя имъ возраженія, то г. предсѣдатель вынужденъ бы былъ остановить его, хотя-бы уже потому, что ораторъ выступилъ бы за предѣлы компетенціи Литературнаго фонда. Не скажу, чтобы г. Сергѣевичъ при этомъ всталъ въ положеніе «добровольнаго цензора», однако и «цензоромъ по неволѣ» его то-же нельзя бы было назвать, ибо самъ онъ и первый сказалъ рѣчь, «не подлежащую обсужденію».

Итакъ, рѣчь г. Сергѣевича, вопреки его категорическому утвержденію, подлежала обсужденію, какъ и все, что публично говорится въ общихъ собраніяхъ литературнаго фонда; съ другой стороны, она дѣйствительно не подлежала обсужденію. Какъ-же быть? Выводъ, я думаю, прежде всего тотъ, что рѣчь не подлежала произнесенію, а затѣмъ, разъ ужъ она была произнесена, она подлежала не обсужденію, а осужденію, что и сдѣлалъ г. Семевскій. Не онъ выказалъ нетерпимость, говоря о неумѣстности рѣчи г. Сергѣевича и предлагая ему излагать свои мысли въ печати, а самъ г. Сергѣевичъ, объявивъ свою рѣчь не подлежащею обсужденію. Но такъ какъ она, дѣйствительно, не подлежала обсужденію, то весьма нетрудно пріискать «настоящее имя» тому, что произошло 2 февраля: бестактность и ея естественныя послѣдствія.

Въ рѣчи г. Сергѣевича есть, однако, кое-что справедливое и безспорное. Безспорно, что «въ настоящее время мы наблюдаемъ Союзъ въ самый неблагопріятный для него моментъ; мы наблюдаемъ его въ мукахъ рожденія». Безспорно также, что трудно «объединить больныя самолюбія, которыя такъ легко развиваетъ литературная дѣятельность». Оба эти пункта самымъ тѣснымъ образомъ связаны между собой. Объ этомъ свидѣтельствуетъ та неистовая ругань, которая въ нѣкоторыхъ газетахъ раздается по

адресу учредителей, коммиссіи шести, комитета, суда чести, общихъ собраній, причемъ все это валится въ одну кучу, «не разбираючи лица». И не трудно видѣть, что источникъ нападокъ составляютъ главнымъ образомъ «больныя самолюбія». Я, конечно, не о г. Сергѣевичѣ говорю. Притомъ же, хотя пожелать успѣха тому, что «граничитъ съ областью невозможнаго»,—не значитъ обнаружить большое великодушіе, но г. Сергѣевичъ всетаки пожелалъ успѣха Союзу. Если же онъ не пожелалъ самъ войти въ его составъ, то не въ силу «больного самолюбія». Онъ значился въ дополнительномъ спискѣ членовъ учредителей, но еще до выборовъ въ комитетъ отказался вступить въ Союзъ. Отказался, можетъ быть потому, что побоялся встрѣтиться съ какимъ нибудь писателемъ, говорящимъ на непонятномъ языкѣ, или можетъ быть потому, что ему «чужды» профессіональные интересы литературы, но во всякомъ случаѣ не по мотиву «больного самолюбія». Но, что этотъ мотивъ играетъ важнѣйшую роль во всей отрицательной литературѣ о Союзѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Страннымъ образомъ рѣчь г. Сергѣевича порадовала сердца писателей, нападающихъ на Союзъ. Говорю «страннымъ образомъ», потому что рѣшительно не понимаю, что въ ней радостнаго для писателей вообще. То ли, что литература воспитываетъ непомѣрныя самолюбія, въ силу которыхъ между писателями невозможно никакое единеніе? Или то, что среди нашихъ писателей есть какіе-то патриціи и какіе-то плебеи, которые даже на разныхъ, взаимно-непонятныхъ языкахъ говорятъ? Или, наконецъ, то, что дѣятелю литературы, имѣющему иные источники существованія, не слѣдуетъ якшаться съ литературными работниками, только этой работой и живущими? Казалось бы, это оскорбленія не Союзу, а русскимъ писателямъ вообще, но разъ человѣкъ сказалъ что нибудь неблагопріятное для Союза,—это заслуга. И вотъ, какъ, напримѣръ, «Гласность» разрѣшаетъ недоразумѣніе г. Сергѣевича насчетъ «настоящаго имени» того, что произошло 2 февраля. Сочувственно перепечатавъ письмо г. Сергѣевича въ редакцію «Новаго Времени», «Гласность» пишетъ и, для большей выразительности подчеркиваетъ: «А *настоящее* имя всему этому пассажу такъ и просится на уста:—это есть ни болѣе, ни менѣе, какъ *организованный шантажъ юдофильской печати и систематическая фальсификація общественнаго мнѣнія и всѣхъ понятій о чести*».

Я не поздравляю г. Сергѣевича съ этимъ сочувственнымъ комментаріемъ, если только онъ не увидитъ въ немъ подтвержденія своей мысли объ отсутствіи «общепонятнаго» русскаго языка. Причемъ тутъ «шантажъ», «юдофильская печать», «фальсификація общественнаго мнѣнія и всѣхъ понятій о чести»? Если «соціальное положеніе» г. Сергѣевича таково, что этотъ языкъ ему понятенъ, онъ хорошо сдѣлаетъ, выведя изъ затрудненія и насъ переводомъ на языкъ общепонятный. А до тѣхъ поръ мы можемъ видѣть въ

этой тирадѣ только вполнѣ безсмысленный наборъ словъ, за которымъ скрывается какой-то невысказанный мотивъ. Или вотъ, напримѣръ, упрекъ «Новаго Времени» (№ 26 января), что въ комитетъ Союза не избрано ни одной женщины и «даже ни одной женщины не было предложено къ баллотировкѣ, хотя ихъ нѣсколько въ числѣ членовъ-учредителей». «Новое Время» называетъ это «игнорированіемъ женщинъ вопреки уставу». Не можетъ же газета не понимать, что если въ числѣ учредителей есть женщины, такъ нельзя говорить объ «игнорированіи женщины». Не можетъ она также не понимать, что слова «вопреки уставу» лишены въ данномъ случаѣ всякаго смысла, ибо уставъ не воспрещаетъ женщинамъ быть членами комитета, но вовсе не обязываетъ избирать женщинъ. Но показаніе «Новаго Времени» оказалось и фактически невѣрнымъ: одна женщина баллотировалась въ члены комитета, но не получила нужнаго числа голосовъ, это была г-жа Калмыкова. И когда «Новому Времени» была указана его ошибка, оно отвѣтило чрезвычайно развязно: потому и не выбрана была такая почтенная дѣятельница, какъ г-жа Калмыкова, что общее собраніе состояло изъ «калмыковъ»... Потомъ г-жа Калмыкова была выбрана въ ревизіонную комиссію, но это, разумѣется, не успокоило «Новое Время», и я не удивлюсь, если теперь оно скажетъ: ну, вотъ, когда у васъ Калмыкова, вы ужъ настоящими калмыками стали. Вы понимаете, что всѣ эти «вопреки уставу», «калмыки», «жиды» и проч.,—все это только пустыя слова, скрывающія истинныя причины недовольства «Новаго Времени», «Гласности», «Народа» и другихъ вопіющихъ. А вѣдь до чего иные договорились! Г. Old Gentleman, напримѣръ, повидимому, чрезвычайно гордый тѣмъ, что ему незнакомы имена такихъ ученыхъ, какъ г. Боргманъ или г. Ольденбургъ, находитъ возможнымъ сообщать читателямъ «Новаго Времени» слухи, исходящіе отъ «мертвецки пьянаго Ноздрева»... Какъ все это поднимаетъ не-союзную литературу надъ уровнемъ членовъ Союза!.. Г. Old Gentleman, впрочемъ, пересолилъ и въ другую сторону. Всячески издѣваясь надъ учредителями, надъ Союзомъ и его уставомъ, онъ забылъ, что въ числѣ учредителей состоятъ и его патронъ, г. Суворинъ, и еще три сотрудника «Новаго Времени»; упустилъ онъ также изъ виду, что г. Суворинъ, какъ членъ Русскаго литературнаго общества, могъ участвовать и въ выработкѣ устава Союза, такъ какъ уставъ этотъ есть результатъ соглашенія съ означеннымъ обществомъ...

Не сразу поднялись всѣ эти дикія выходки противъ Союза, еще не успѣвшаго ничѣмъ заявить себя ни въ худую, ни въ хорошую сторону. Первое время всѣ газеты не только благосклонно, а даже какъ бы радостно сообщали о комиссіи шести, объ утвержденіи устава, о судѣ чести, о первомъ общемъ собраніи, баллотировавшемъ дополнительный списокъ учредителей; уставъ газеты почтительно перепечатывали цѣликомъ или въ выдержкахъ. Буря

поднялась послѣ выборовъ членовъ комитета... Тутъ пошли и «калмыки» за то, что г-жа Калмыкова не попала въ комитетъ, и «жиды», должно быть за то, что ни одного еврея въ комитетѣ нѣтъ (надѣюсь, что Исаковъ, Загуляевъ, Боборыкинъ, Маминъ и проч. звучатъ достаточно по-русски). Но среди этого явнаго вздора было и нѣчто способное отчасти смутить публику; указывалось именно на слабое представительство ветерановъ литературы, преимущественно беллетристовъ, въ составѣ, какъ учредителей, такъ и комитета. Но я уже упоминалъ, что въ спискѣ учредителей значатся Д. В. Григоровичъ, Я. П. Полонскій, А. А. Потѣхинъ, С. В. Максимовъ, А. Жемчужниковъ и др. Всѣ эти писатели баллотировались въ общемъ собраніи 15 января, были избраны единогласно, и ничто не мѣшаетъ точно также баллотироваться другимъ желающимъ, а какой нибудь разницы въ правахъ между членами-учредителями и послѣ вступившими членами—нѣтъ. Что касается состава комитета, то, во-первыхъ, говоря о беллетристахъ, нельзя же назвать г. Боборыкина молодымъ или мало извѣстнымъ писателемъ. Да и «заслуженность», настоящая, несомнѣнная заслуженность сама по себѣ не есть качество, необходимое для члена комитета. Надо еще замѣтить, что галдѣніе по указанному поводу началось до выборовъ въ судъ чести, въ который усиленно предлагали баллотироваться А. А. Потѣхину, но онъ отказался, а Я. П. Полонскій баллотировался и вошелъ въ составъ суда; правда, въ качествѣ кандидата, но въ виду права обращающихся къ этому суду отводить извѣстное число членовъ, разницы между членами суда и кандидатами къ нимъ, собственно говоря, нѣтъ.

Мало по малу нареканія по поводу слабо представленныхъ заслуженныхъ ветерановъ, сосредоточивавшіяся преимущественно въ «Новомъ Времени», стали затихать. Тогда выступили «Новости» съ нареканіями иного рода. «Новости» писали (отъ 30 января):

«Очевидно, первоначальные учредители «Союза писателей» положили въ основаніе своего проекта предвзятую идею о полной противоположности интересовъ писателей (какъ «работниковъ») и издателей (какъ «фабрикантовъ») и задумали создать нѣчто, по задачамъ и цѣлямъ, однородное съ союзами рабочихъ. Только съ этой точки зрѣнія и можно объяснить себѣ избраніе состава комитета изъ лицъ односторонняго направленія и почти полное исключеніе изъ него издателей газетъ и журналовъ («фабрикантовъ»)».

Я не совсѣмъ понимаю, что именно хотятъ сказать «Новости» и не хочу доискиваться. А скажу прямо: еслибы гг. Суворинъ и Нотовичъ, эти главы двухъ великихъ державъ петербургскаго газетнаго міра, были избраны въ члены комитета Союза, они не допустили бы въ свои газеты тѣхъ неосновательныхъ нареканій и того грубаго гаерства по адресу Союза, которыя мы читаемъ нынѣ. И г. Сементковскій былъ бы не столь расточителенъ на «письма въ редакцію», и г. Old Gentleman съ такимъ же усердіемъ выхвалялъ бы

Союзъ, съ какимъ онъ нынѣ старается его унизить. Съ этой точки зрѣнія учредители сдѣлали можетъ быть ошибку, и имъ слѣдовало избрать вмѣсто двухъ работниковъ, въ родѣ, напримѣръ, меня или г. Мамина, двухъ «фабрикантовъ». Но учредители дѣйствовали по совѣсти, и во всякомъ случаѣ вящшую ошибку дѣлаютъ гг. Суворинъ и Нотовичъ. Учредителей считается 135—140 человѣкъ, но заявленія о желаніи вступить въ члены Союза поступаютъ въ изобиліи, и слѣдующему общему собранію комитетъ предложитъ баллотировать, можетъ быть, столько же новыхъ членовъ. Эти новые члены принесутъ съ собой, можетъ быть, новые взгляды, и въ обновленномъ въ будущемъ году комитетѣ гг. Суворинъ и Нотовичъ могутъ занять подобающее имъ мѣсто. Но для этого нужно немножко выдержки, немножко терпѣнія, я готовъ, изъ любезности къ г. Нотовичу, сказать: «немножко философіи». А и философія-то нехитрая. Надо только сообразить, что окриками и угрозами, облыжными показаніями и гаерствомъ, равно какъ и выдвиганіемъ на первый планъ своего положенія «фабриканта», — не пріобрѣтешь уваженія такого количества настоящихъ и будущихъ членовъ Союза, какое необходимо для выбора въ члены комитета...

Кончу прекрасными словами газеты «Сибирь» (7 февраля) Распредѣливъ учредителей Союза по группамъ и цифрами доказавъ, что никакой «кружковщины» тутъ нѣтъ, почтенная газета пишетъ:

«Мы не знаемъ внутреннихъ мотивовъ похода противъ Союза: чувство ли злобы, чувства ли обиды или какія либо другія соображенія играютъ здѣсь роль, но пусть подумаютъ эти лица, что они дѣлаютъ попытки разрушить своими руками то зданіе, которое съ большимъ трудомъ удалось писателямъ построить».

Ник. Михайловскій.

Дневникъ Журналиста.

1. Женскій вопросъ въ англійскомъ парламентѣ—2. Университетскій вопросъ въ русской печати.

I.

Семдесять лѣтъ назадъ, въ 1828 году, когда чума, какъ и теперь, стучалась въ ворота Европы, а восточный вопросъ, какъ и теперь, принялъ острую форму и грозилъ европейскою войною, Пушкинъ писалъ эти полныя историческаго смысла строки:

Семействами болгаре тутъ
Въ убогой дикости живутъ,
Хранятъ родительскіе нравы,
Питаются своимъ трудомъ,
И не заботятся о томъ,
Какъ ратоборствуютъ державы...

Державы ратоборствуютъ, а народы о ратоборствѣ не заботятся, поглощенные своимъ убожествомъ, дикостью, родительскими нравами, трудомъ и невниманіемъ къ творцамъ событій, — это два исконныхъ историческихъ процесса, отъ взаимодѣйствія и сліянія которыхъ и слагается человѣческая исторія, все то, что двигаетъ человѣчество къ добру и злу, правдѣ и нечестью, успѣхамъ и пораженіямъ. *Естественная* эволюція «живущихъ въ убогой дикости» народовъ, безсознательная, обязанная дѣйствію органическихъ и экономическихъ законовъ, на всемъ протяженіи всемірной исторіи противоставляется сознательной политической дѣятельности, *цѣлесообразной и планомѣрной*, обязанной умственному міросозерцанію и нравственнымъ побужденіямъ. Чѣмъ властнѣе и шире проявляетъ свою компетенцію убогая дикость, тѣмъ шире и значительнѣе и роль безсознательной эволюціи, тѣмъ тѣснѣе и слабѣе проявленіе цѣлесообразной и планомѣрной дѣятельности, тѣмъ малочисленнѣе классы населенія, которые ей предаются, которые, говоря словами Пушкина, ратоборствуютъ и правятъ судьбою массы. Всемірная исторія, поскольку она прогрессивна, можетъ быть расматриваема даже, какъ процессъ расширенія планомѣрнаго развитія и все большаго въ немъ участія все большаго и все растущаго числа сознательныхъ работниковъ и дѣятелей.

Одни феодальные классы «ратоборствовали» въ средніе вѣка; третье сословіе примкнуло въ новое время; въ новѣйшее—вступило четвертое; теперь же мужицкая масса стучится въ эту храмину сознательнаго историческаго развитія.

Только романо-германскіе народы творили европейскую исторію

въ началѣ среднихъ вѣковъ; позже примкнули чистые германцы; еще позже западные славяне; Россія заняла свое мѣсто въ европейскомъ ареопагѣ уже въ новое время; сербы, румыны, болгаре, японцы, абиссинцы понемногу входятъ въ сознательную международную исторію уже на памяти живущихъ поколѣній...

Когда писалъ Пушкинъ выше цитированныя строки, весь болгарскій народъ, безъ всякаго исключенія, жилъ въ убогой дикости и не только не заботился о томъ, какъ ратоборствуютъ державы, но объ этомъ ратоборствѣ ничего и не вѣдалъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя этотъ самый народъ своимъ выступленіемъ на путь планомѣрныхъ историческихъ дѣйствій вызвалъ русско-турецкую войну, поведшую къ существенному измѣненію карты Европы и подготовившую нынѣшнія сложныя событія. Конечно, и нынѣ большинство болгарскаго народа прозябаетъ въ убогой дикости и о ратоборцахъ не заботится, но изъ него уже выдѣлился классъ сознательныхъ дѣятелей. Онъ уже сдѣлалъ Болгарію факторомъ современной исторіи. Онъ будетъ рости и множиться, захватывать все новыя наслоенія, идти вглубь и распространяться вширь... Зачастую эти первые всходы историческаго сознанія бываютъ далеко несимпатичны, полны національной исключительности, нетерпимости, жадности, заставляютъ порою даже пожалѣть объ убогой дикости, хранящей родительскіе нравы. Однако, только это пробужденіе историческаго сознанія, только это расширеніе планомѣрныхъ и цѣлесообразныхъ процессовъ и отличаютъ *исторію* человѣчества отъ зоологической *эволюціи* низшихъ организованныхъ существъ. Только сознательному историческому творчеству человѣчество обязано всѣмъ, что мы вправѣ назвать прогрессомъ. Только оно же можетъ гарантировать человѣчество отъ вырожденія, какъ естественнаго продукта естественной эволюціи, доведенной до своего послѣдняго слова. Поэтому-то всемірно-историческій прогрессъ и заключается, между прочимъ, въ постепенномъ пробужденіи народовъ къ сознательной исторической жизни и въ постепенномъ пріобщеніи къ этой жизни классовъ населенія. Всѣ народы и всѣ классы всѣхъ народовъ, солидарно и сознательно учавствующіе въ историческомъ творчествѣ,— къ этому состоянію идетъ и должна идти исторія. Не можетъ быть большаго торжества, какъ это пробужденіе человѣчества. Не можетъ быть большей исторической радости, какъ заносить въ свои лѣтописи новые значительные факты такого торжества. Кажется, и мы сегодня можемъ занести въ нашу хронику такой фактъ. Я говорю о новой избирательной реформѣ, *почти* принятой нижнею палатою англійскаго парламента и привлекающей къ общественной и государственной дѣятельности и женское населеніе англійскаго народа.

Жить въ дикости, не всегда убогой, порою даже роскошной, и хранить родительскіе нравы споконъ вѣковъ является долею женщины, тѣмъ ея «призваніемъ», которое ей придумалъ ревнивый къ владычеству мужчина и благодаря которому не заботиться о рато-

борствующихъ историческихъ силахъ долго считалось нравственною обязанностью женщины. Какъ ни противно было всегда господствующимъ народамъ видѣть историческое пробужденіе подвластныхъ народовъ, дотолѣ жившихъ въ счасливомъ невѣдѣніи о ратоборцахъ, какъ ни непріятно было и господствующимъ классамъ терпѣть пріобщеніе къ ратоборству новыхъ наслоеній, ранѣе того обреченныхъ на убогую дикость, эти непріятности и невыгоды совершенно стушевываются передъ перспективною вступленія женщины на новый путь историческаго творчества, передъ неизбѣжностью ея выхода изъ состоянія, гдѣ «хранить родительскіе нравы» только и было ей дозволено. Не мудрено поэтому, что за негромъ было признано право историческаго творчества раньше, нежели за женщиною, и прежде лакей былъ допущенъ бариномъ къ общественному сотрудничеству, чѣмъ жена и сестра! Впрочемъ, еще нельзя сказать, чтобы и теперь университетски образованная женщина высшей расы, какъ общественный дѣятель, была уравнена съ полудикимъ негромъ, а родная сестра не была поставлена въ этомъ отношеніи ниже конюха, «любимая» жена—ниже лакея. . Къ этому сдѣланы, однако, серьезные шаги, и значеніе полупринятаго билля объ избирательныхъ правахъ англійской женщины и представляется однимъ изъ самыхъ яркихъ, важныхъ и знаменательныхъ событій этого порядка.

Тридцать лѣтъ тому назадъ Дж. Ст. Милль впервые въ законодательное учрежденіе культурнаго міра, въ ту же нижнюю палату англійскаго парламента, внесъ биль объ избирательныхъ правахъ женщины. Это былъ очень скромный опытъ. Избирательныя права предполагалось даровать только самостоятельно живущимъ дѣвицамъ и вдовамъ, обладающимъ требуемымъ цензомъ, имущественнымъ и возрастнымъ. Небольшая группа такъ называемыхъ «неисправимыхъ идеологовъ», да не болѣе многочисленная въ тѣ времена группа, называвшаяся «крайними элементами», соединили свои голоса въ пользу миллевскаго билля, чтобы вмѣстѣ очутиться въ комическомъ меньшинствѣ передъ лицомъ иронически-улыбающагося большинства всѣхъ партій, не удостоившаго иниціативу великаго англійскаго мыслителя даже серьезнымъ возраженіемъ. Проектъ желѣзной дороги на луну едва-ли сочли-бы тогдашніе государственные дѣятели Англіи болѣе очевиднымъ вздоромъ, чѣмъ этотъ проектъ женскаго голосованія! И, однако, Tempora mutantur et nos mutamur in illis: теперь даже министры ея величества королевы Великобританіи и Ирландіи начинаютъ отличать лунную желѣзную дорогу отъ женскаго избирательнаго биллютеня! Страшно выговорить, *пять* министровъ (консервативнаго кабинета!!) подали голосъ за избирательныя права женщинъ...

Вѣроятно, многіе еще не забыли и изъ нынѣ живущихъ поколѣній обсужденіе билля Дж. Ст. Милля. Большинство серьезныхъ государственныхъ дѣятелей презрительно молчало. Одинъ шутникъ-консерваторъ изощрялъ свое остроуміе. «Намъ предлагаютъ», го-

ворилъ ораторъ, «даровать избирательныя права женщинамъ. Допустимъ, что мы это сдѣлаемъ. Тогда намъ предложатъ даровать такія же права дѣтямъ: вѣдь, и ихъ интересы затрагиваются выборами. Допустимъ, что мы ради высшей справедливости уступимъ и этому предложенію, и наши бэби, вмѣстѣ съ своими мамашами, будутъ класть свои избирательные биллютени и засѣдать на этихъ скамьяхъ. Прекрасно, но, вѣдь, интересы лошадей тоже затрагиваются въ законодательныхъ учрежденіяхъ: намъ предложатъ, слѣдовательно, и имъ даровать права и т. д...». Палата благосклонно слушала и добродушно смѣялась остроумію своего оратора. Именно «добродушно», потому что саму идею обсуждавшагося билля считала такимъ очевиднымъ вздоромъ, что не находила возможнымъ по этому поводу волноваться или принимать мѣры къ провалу заранѣе осужденнаго билля. Другое дѣло, около этого же времени дебатировавшійся вопросъ о сложеніи штемпельнаго сбора съ бумаги, чего требовали либералы, въ то время, какъ консерваторы желали понизить пошлину на чай: эти вопросы возбуждали ожесточенныя пренія. Гладстонъ и Дезраэли принимали въ нихъ личное участіе, коммонеры слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, вся страна прислушивалась къ рѣчамъ ораторовъ, и всѣ пришли бы въ неописуемое негодованіе, еслибы кто либо позволилъ себѣ что нибудь въ родѣ только что процитированнаго фарса консервативнаго шутника, потѣшавшаго палату по поводу женскихъ избирательныхъ правъ.

Прошло тридцать лѣтъ, однако, и великая идея сдѣлала такіе успѣхи, что нижняя палата англійскаго парламента, та самая, которая тридцать лѣтъ назадъ не умѣла отличать избирательное право женщины отъ избирательнаго права груднаго младенца и домашняго животнаго, одобряетъ значительнымъ большинствомъ голосовъ *въ первыхъ двухъ чтеніяхъ* билль объ этомъ самомъ женскомъ избирательномъ правѣ! «Въ первыхъ двухъ чтеніяхъ»—это еще далеко не одобреніе и принятіе билля, но это уже совершенно серьезное къ нему отношеніе.

Чтобы понять, почему одобреніе билля въ двухъ первыхъ чтеніяхъ не есть еще даже предрѣшеніе его принятія, надо припомнить процедуру проведенія билля въ англійскихъ палатахъ. Каждый внесенный въ палату билль, въ установленную очередь, долженъ быть прочитанъ въ публичномъ засѣданіи передъ палатою. Правительственные билли имѣютъ ускоренную очередь. Билли, обязанные иниціативѣ членовъ парламента—свою особую, гораздо болѣе медленную, очередь. Случается, что такіе билли и не дождутся своей очереди до срока парламента, а въ новомъ они должны быть внесены снова. Извѣстное количество биллей неправительственныхъ всетаки появляются передъ палатою въ этомъ *первомъ чтеніи*. Обыкновенно первое чтеніе проходитъ безъ преній, если къ биллю палата относится серьезно и считаетъ его достойнымъ обсужденія.

Въ этомъ случаѣ просто голосуютъ допущеніе биля ко вто|
чтенію. Снова биль ждетъ очереди, снова пропускаетъ мимо
правительственные били, снова рискуетъ не дождаться очеред
распущенія парламента. *Второе чтеніе* имѣетъ уже больше
ченія, но и оно еще не имѣетъ рѣшающаго значенія. Теперь
шается вопросъ лишь о признаніи основной идеи биля, но не
формы, въ которую ее отлили ея авторы. Если идея одобр
палата голосуетъ допустить биль къ разсмотрѣнію въ «комит
палаты. Это нынѣ и совершилось съ билемъ объ избирательн
правахъ женщинъ. Палата одобрила *принципъ* допущенія жени
къ избирательному праву и рѣшила подвергнуть биль разсмотрі
по статьямъ въ комитетскомъ засѣданіи палаты. Комитетскимъ
сѣданіемъ и называется всякое засѣданіе, разсматривающее
по статьямъ, въ деталяхъ. Всѣ серьезные били обыкновенно д
дятъ до комитетскаго обсужденія и, если отвергаются, то уже
третьемъ чтеніи, послѣ того, какъ комитетское обсужденіе
крыло ихъ несостоятельность съ точки зрѣнія большинства. Так
образомъ, и биль о женскомъ избирательномъ правѣ, помимо
можности не дождаться очереди комитетскаго обсужденія, а зат
не дождаться очереди третьяго чтенія, можетъ еще быть раскр
кованъ и разбитъ въ комитетскихъ засѣданіяхъ и затѣмъ быть
вергнутъ въ третьемъ чтеніи. Еслибы, однако, онъ благопол
прошелъ весь этотъ искусъ, то онъ долженъ затѣмъ пройти че|
такую же мучительно медленную процедуру неправительствен
билей и въ палатѣ лордовъ (при чемъ долженъ быть одобрен
распущенія принявшей его нижней палаты) и, наконецъ, долж
быть утвержденъ еще и королевою. Словомъ, нельзя сказать,
бы одобренный во второмъ чтеніи биль о женскомъ избирательн
правѣ имѣлъ очень много шансовъ стать закономъ. Съ этимъ,
роятно, придется еще подождать. Знаменательно, однако, и
обыкновенно важно, что палата общинъ открыто и значительн
большинствомъ голосовъ признала справедливость принципа
скаго избирательнаго права. Въ этомъ покуда все значеніе
сматриваемаго событія, значеніе, далеко не заурядное.

Въ преніяхъ о женскомъ билѣ приняли участіе лидеры обѣ
главныхъ партій и самые выдающіеся ораторы палаты. Это
совсѣмъ не похоже на ироническія пренія по поводу биля
Ст. Милля. Главнымъ ораторомъ, возражавшимъ противъ женс
избирательнаго права, былъ теперешній лидеръ либеральной
тіи въ нижней палатѣ, Вильямъ Гаркортъ. Съ другой сторо
поддерживалъ биль лидеръ консерваторовъ нижней палаты, Бальф
но не отъ имени министерства, котораго онъ состоитъ членом
только лично за себя. На это то обстоятельство и обратилъ
бенное вниманіе Гаркортъ, доказывая не безъ основанія, что
кія мѣропріятія, грозящія кореннымъ образомъ перестроить
щественную и государственную жизнь страны, должны бы и

дить отъ отвѣтственнаго министерства, или, по крайней мѣрѣ, заслужить его одобреніе или неодобреніе. Это былъ, въ сущности, самый сильный аргументъ оппозиціи, и этимъ аргументомъ отчасти раскрывалась закулисная тактика консервативной партіи. Она стоитъ, эта консервативная партія, теперь у власти и, еслибы искренно стала на сторону женскаго права, очень легко провела бы реформу по всѣмъ инстанціямъ, тѣмъ легче, что громадное большинство радикаловъ и націоналистовъ-ирландцевъ стоитъ тоже за реформу. «Еслибы консервативная партія искренно стала на сторону женскаго права», сказали мы только-что, но въ томъ-то и дѣло, что все заставляетъ сомнѣваться въ существованіи у консервативнаго большинства такого искренняго желанія. Другое дѣло совсѣмъ, своей тактикою пріобрѣсти симпатію и поддержку уже и теперь могущественныхъ въ Англіи женскихъ ассоціацій, обѣщающихъ свое содѣйствіе тому, кто станетъ на сторону женскаго права. Консерваторы, конечно, очень не прочь пріобрѣсти это содѣйствіе для ближайшихъ выборовъ. Приглашеніе Гаркорта, чтобы консервативные лидеры оффиціально взяли въ свои руки дѣло, которому они будто бы покровительствуютъ, раскрываетъ эту тактику и въ значительной степени разстраиваетъ тонкіе расчеты консервативныхъ вождей, но съ другой стороны, нѣсколько ослабляетъ значеніе самого событія, которое въ этомъ убранствѣ является какъ-бы просто ловкимъ избирательнымъ маневромъ. Нельзя не считать съ Гаркортомъ, что въ нѣкоторой степени такой характеръ избирательнаго маневра дѣйствительно присущъ голосованію палаты о женскомъ правѣ, но значительность большинства, одобрившаго билль, участіе въ немъ представителей всѣхъ партій, серьезность и страстность преній не позволяютъ признать его только избирательнымъ маневромъ, заставляютъ считаться съ крупнымъ историческимъ значеніемъ этого провозглашенія идеи политическаго равенства обоихъ половъ. Самъ Гаркортъ въ своей рѣчи не ограничился разоблаченіемъ избирательной интриги, связанной съ билемъ, но и поднялъ обсужденіе на высоту историко-философской оцѣнки выступленія женщины на поприще политической и государственной дѣятельности.

Женская политика является до извѣстной степени иксомъ, предсказывать который возможно, но съ достовѣрностью предсказать нельзя. Довольно вѣроятно, что женская политика будетъ отличаться отъ мужской. Можетъ быть, она будетъ возвышеннѣе и нравственнѣе. Вѣроятно, она будетъ менѣе отважна. Если признать вѣроятность этихъ соображеній, то должно признать и то соображеніе, что нація, которая допуститъ у себя значительное вліяніе женской политики, окажется лицомъ къ лицу съ другими націями, управляемыми одними мужчинами, въ невыгодномъ положеніи. Такая нація, менѣе отважная въ своей иниціативѣ, скорѣе отступающая передъ всякою опасностью, не будетъ въ состояніи съ

успѣхомъ конкуррировать въ международномъ состязаніи и часто и много будетъ терять потому только, что ввела женщину въ кругъ политической дѣятельности. Это особенно опасно въ Англіи, гдѣ численность женщинъ превышаетъ численность мужчинъ на одинъ милліонъ двѣсти тысячъ душъ. Такъ вкратцѣ можно прорезюмировать аргументы Гаркорта, приглашавшаго палату изъ чувства патріотизма отвергнуть билль о дарованіи женщинамъ политической равноправности. Палата, несомнѣнно патріотическая, не согласилась съ доводами либеральнаго лидера и одобрила билль въ принципѣ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно согласиться съ доводами Гаркорта.

Женская политика вовсе не есть такой иксъ, какъ думаетъ цитированный ораторъ. Наслѣдственное право не однажды давало въ руки женщины громадную политическую власть и грѣшно сказать, чтобы она ею пользовалась болѣе возвышенно и болѣе нравственно, чѣмъ мужчина, но несправедливо утверждать также, что ея политика болѣе робкая и слабая, менѣе отважная и рѣшительная. И въ современной Европѣ во главѣ правительства трехъ государствъ поставлены женщины, въ Англіи—королева, въ Испаніи и Голландіи—регентши. Если конституціонный режимъ нѣсколько затрудняетъ въ точности опредѣлить направленіе, въ которомъ оказываютъ вліяніе на политику этихъ странъ личныя предпочтенія правительницъ, то, конечно, нельзя того сказать ни про королеву Мадагаскара, съ такою настойчивою отвагою вступившую въ борьбу съ Франціей, ни про императрицу-регентшу Китая, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ передала правленіе выросшему императору, а до того времени руководила политикой Дайцинской имперіи никакъ не съ робкою нерѣшительностью и успѣла добиться серьезныхъ уступокъ отъ такихъ державъ, какъ Россія (кульджинское дѣло) и Франція (тонкинскія дѣла). Сама Европа видѣла у себя не однажды энергичныхъ и отважныхъ правительницъ. Жестокая фигура королевы Маріи Тюдоръ не забыта, конечно, англичанами, которые, напротивъ того, и теперь чтутъ память ея сестры Елисаветы, съумѣвшей придать Англіи такое громадное политическое значеніе въ Европѣ, что и до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ британская политика слѣдуетъ путямъ, проложеннымъ впервые энергіей и отвагою этой королевы-дѣвственницы, какъ ее любятъ величать англичане. Несчастная соперница Елисаветы, погибшая на эшафотѣ королева Марія Стюартъ, тоже не отличалась ни робостью, ни уступчивостью. Если теперь переплывемъ Ламаншъ, то прежде всего замѣтимъ въ Парижѣ сильную фигуру регентши Екатерины Медичи, жестокую, самовластную, безнравственную, но только никакъ не робкую или уступчивую. Нѣсколько заслоненная фигурою своего перваго министра Мазарини, Марія Медичи не такъ замѣтна, какъ Екатерина, но и о Маріи было бы неосновательно говорить, какъ о слабой и робкой правительницѣ. Въ Австріи, послѣ цѣлаго ряда ничтожныхъ и слабыхъ

правителей, всѣхъ этихъ Леопольдовъ, Францовъ, Іосифовъ, Карловъ, вдругъ рѣзко выступаетъ смѣлая инціатива и энергическая политика Маріи Терезіи. Въ Россіи довольно назвать правительницу царевну Софью и императрицу Екатерину II, въ болѣе древнія времена Елену Глинскую, Марѳу Борецкую, великую княгиню Ольгу. Древній Римъ намъ рисуетъ импозантные образы такихъ политическихъ дѣятелей, какъ матери Коріолана, матери Гракховъ, супруги Германика... Все это, конечно, не робость и не слабость и не слѣдуетъ смѣшивать слабость мускуловъ со слабостью нервовъ, тѣлесную слабость съ душевною. Именно, въ этомъ смѣшеніи виновны всѣ тѣ, кто держится доводовъ, высказанныхъ въ англійскомъ парламентѣ Гаркортомъ. Я не скажу комплимента моимъ читательницамъ и не буду утверждать, что отъ участія женщины я сейчасъ же ожидаю облагороженія политики, болѣе возвышеннаго и нравственнаго направленія, но я сомнѣваюсь также, чтобы слѣдовало ожидать менѣе отваги и рѣшительности, менѣе шовинизма и джингоизма... Чего же можно ожидать?

Что касается внѣшней политики, то опытъ женскихъ царствованій могъ бы скорѣе подсказать ожиданіе большей энергіи и большей инціативы. Всякое привлеченіе новыхъ, неискушенныхъ политическимъ опытомъ, слоевъ населенія тоже всегда отражается въ этомъ же направленіи, въ усиленіи внѣшней предпріимчивости, въ нѣкоторомъ возрожденіи національнаго соперничества. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы женскія массы, до сихъ поръ менѣе образованныя и болѣе суевѣрныя, составили въ этомъ отношеніи исключеніе. Гаркортъ могъ бы не безпокоиться за судьбу внѣшней политики Англіи. Другое дѣло, политика внутренняя. Именно, опасеніе женскаго консерватизма и продиктовало значительному числу парламентскихъ либераловъ ихъ сопротивленіе билю о политическихъ правахъ женщинъ. Это же ожиданіе подсказало многимъ консерваторамъ сочувствіе билю. Ожиданіе большей преданности женщинъ традиціямъ религіознымъ и національнымъ продиктовало ирландскимъ націоналистамъ ихъ голосованіе въ пользу биля. Изъ принципа въ пользу биля голосовала одна лишь радикальная фракція либеральной партіи. Насколько справедливы, однако, эти консервативныя надежды и либеральныя опасенія?

Разныя предвидѣнія послѣдствій той или другой избирательной реформы до сихъ поръ довольно плохо сбывались въ Англіи. Весьма возможно, что не сбудутся и настоящія предвидѣнія. Несомнѣнно, болѣе низкій уровень женскаго образованія и большая приверженность женщинъ руководительству духовниковъ дѣлаютъ указанныя выше предвидѣнія нѣсколько вѣроятными. Но съ другой стороны, именно, необразованная инертная женская масса еще болѣе, нежели духовникамъ, предана своимъ отцамъ, мужьямъ и братьямъ и охотнѣе всего послѣдуетъ за ними, равномѣрно усиливъ всѣ партіи. Женщины-же образованныя сознательно раздѣлятся по

мнѣніямъ, и, такъ какъ существованіе особой женской логикі доказано, но и нѣтъ основанія думать, чтобы какая-либо гр мнѣній имѣла особое обаяніе въ умахъ женщинъ, а другая—въ у мужчинъ, если эти мнѣнія не касаются отношеній между пол Только по этимъ вопросамъ женско-мужскихъ отношеній и мо ожидать, по нашему мнѣнію, немедленныхъ серьезныхъ пло отъ участія женщинъ въ законодательствѣ.

Въ теченіе послѣдняго полустолѣтія положеніе женщины вс значительно улучшилось, въ томъ числѣ и въ Англіи. Прямое ство, полное безправіе и совершенная беззащитность женщины ставляютъ уже преданіе, хотя и очень недавнее, еще памятное вущимъ поколѣніямъ. Тѣмъ не менѣе ни личность, ни семеі положеніе, ни имущественные интересы женщины еще не ог дены въ той мѣрѣ, какъ личность, семейное положеніе, интер мужчины. Въ рукахъ мужа—судьба дѣтей, и это одно даетъ м громадную власть надъ женою. Имущество жены находится Англіи, какъ бы въ опекѣ у мужа. Побои жены мужемъ не кость и въ Англіи. Разводное право оставляетъ желать оч многаго. Доступъ къ образованію, какъ и доступъ къ разн профессіямъ и занятіямъ, для женщинъ обусловленъ большими трудненіями, нежели для мужчинъ. Судъ, призванный защищ права, интересы, честь женщины, находится исключительно рукахъ мужчинъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ можно ожидать эі гической иниціативы женскаго избирательнаго корпуса, и пар которыя внесутъ въ свои политическія программы широкое влетвореніе этихъ женскихъ требованій, могутъ, вѣроятно, разс тывать на успѣхъ. Я полагаю, что это единственное предвидѣ которое можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ формулировать, к *непосредственное* послѣдствіе распространенія на женщинъ изби тельныхъ правъ и вступленія женщины на путь политической государственной дѣятельности. Остальныя предвидѣнія такихъ посредственныхъ результатовъ довольно-таки гадательны. Дру дѣло, болѣе отдаленныя, общія историческія послѣдствія пріобі нія женщины къ историческому творчеству. Здѣсь, кажется на нельзя ошибиться въ опредѣленіи направленія и характера эт послѣдствій.

Историческое творчество выражается, конечно, далеко не одной только политической дѣятельности, но и въ области умств ной и нравственной жизни, также въ тѣхъ сферахъ обществ ной дѣятельности, которыя въ тѣсномъ ходячемъ смыслѣ слова принято называть политическими (напр., дѣятельность муниципа ная, земская, благотворительная и т. д.). Дарованіе избирате ныхъ правъ женщинѣ въ странахъ конституціонныхъ, именно, имѣетъ то главное значеніе, что укрѣпляетъ область женскаго ис рическаго творчества во всѣхъ сферахъ жизни. При парламе скомъ режимѣ, основанномъ на одномъ мужскомъ избирательно

правѣ, участіе женщины въ общественной жизни, даже не политической, не можетъ почитаться обезпеченнымъ и гарантированнымъ. Для этого и необходимо введеніе и женскаго избирательнаго права, которое, открывая женщинѣ область политическаго творчества, закрѣпляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ея участіе въ историческомъ творчествѣ и во всѣхъ остальныхъ сферахъ національной жизни. Это первое очевидное общее послѣдствіе дарованія женщинѣ политическаго избирательнаго права.

Сознательное историческое творчество, взамѣнъ безсознательной эволюціи, это кардинальный критерій прогрессивности того или другого типа культурной жизни. Сознательное историческое творчество скорѣе и спорѣе дѣлается, когда имъ занята немногочисленная группа въ составѣ націи, медленнѣе, но тѣмъ прочнѣе и неотмѣнимѣе, чѣмъ многочисленнѣе эта группа. Въ этомъ историческомъ законѣ секретъ общей демократизаціи національнаго строенія, составляющей отличительную черту современной исторіи. Съ этой точки зрѣнія пріобщеніе женщины къ историческому творчеству является самымъ крупнымъ шагомъ по пути такого умноженія сознательной дѣятельной части человѣчества, самымъ крупнымъ шагомъ къ упроченію и укрѣпленію прогресса, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, по необходимости, и къ его нѣкоторому замедленію. Таково, съ нашей точки зрѣнія, второе общее историческое послѣдствіе реформы, недавно въ идеѣ одобренной англійскою палатою общинъ.

Каждое поколѣніе историческихъ дѣятелей имѣетъ не только отцовъ, но и матерей, наслѣдуетъ свои умственныя, нравственныя, физическія достоинства и недостатки столько же отъ матерей, сколько отъ отцовъ. Альтруизмъ такъ же, какъ эгоизмъ; энергія столько же, сколько слабость воли и косность; чувство чести и достоинства подобно чувству рабской покорности; нравственная чистота совершенно одинаково съ испорченностью и нравственною грязью; сила ума, критическая и творческая мысль не менѣе умственной несамостоятельности и тупости,—все передается въ силу закона наслѣдственности отъ старшаго поколѣнія младшему, отъ отцовъ и матерей сыновьямъ и дочерямъ. Нѣтъ во вселенной атома неподвижного и неизмѣняемаго. Все въ мірѣ движется и измѣняется, составъ, сила и нравственность смѣняющихся поколѣній въ томъ числѣ. Они прогрессируютъ и совершенствуются, или регрессируютъ и вырождаются. Каждое поколѣніе, получивъ по наслѣдству отъ предъидущаго извѣстный капиталъ блага и зла въ своей организаціи, своею жизнью и своею дѣятельностью измѣняетъ составъ этого капитала и это измѣненное наслѣдство передаетъ слѣдующему за нимъ поколѣнію. Извѣстенъ біологическій законъ, въ силу котораго способности и наклонности, постоянно упражняющіяся, ростутъ и развиваются, а неупражняемыя, бездѣйствующія исчезаютъ, слабѣютъ, искажаются. Поэтому, отъ характера дѣятельности поколѣнія зависитъ то новое, благое или злое, что оно оставитъ въ

наслѣдство организаціи слѣдующаго поколѣнія. И въ этомъ отношеніи характеръ дѣятельности матерей имѣетъ такое же громадное значеніе, какъ и характеръ дѣятельности отцовъ. Если умъ отцовъ былъ упражняемъ самымъ могущественнымъ образомъ на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, въ наукѣ, философіи, общественной и государственной жизни, а умъ матерей коснѣлъ въ неподвижности и полномъ неупражненіи, то и въ младшемъ поколѣніи, и мужскомъ, и женскомъ, проявится и накопленная отцами умственная сила, и пріобрѣтенная матерями умственная слабость и тупость. Умственный типъ молодого поколѣнія можетъ даже понизиться, если умственная бездѣятельность матерей перевѣситъ умственную дѣятельность отцовъ. Тоже и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ. Энергія, накопленная въ активной жизни отца, будетъ въ молодомъ поколѣніи ограничена, парализована или даже побѣждена пассивностью матери, не имѣвшей въ жизни ни иниціативы, ни воли, ни поприща деятельности. Чувства чести и достоинства, накопляемыя отцами въ ихъ общественной жизни, встрѣтятся въ крови молодого поколѣнія съ чувствомъ рабской покорности и холопскаго терпѣнія, накопляемыми матерями въ ихъ подчиненномъ подвластномъ быту... И т. д., и т. д. Прогрессъ, въ которомъ не участвуетъ женщина, есть всегда полупрогрессъ, не прочный, всегда уже подкопанный женскою неволею со всѣми ея вырождающими и деморализующими послѣдствіями. Женская неволя, въ полномъ печальномъ значеніи этого слова, составляетъ, конечно, во всемъ цивилизованномъ мірѣ преданіе прошлаго. Однако, и въ цивилизованномъ быту многое еще оставляетъ желать въ этомъ отношеніи. Упражненіе женскаго ума, женской энергіи, женской доблести еще далеко не такъ обезпечено, какъ мужскому поколѣнію. Не говоря о томъ, что подъемъ женскаго ума, энергіи и доблести обѣщаетъ женщинѣ много новаго счастья и новыхъ радостей въ жизни, этотъ подъемъ явится могучею гарантіей роста этихъ качествъ въ будущихъ поколѣніяхъ, мужскихъ и женскихъ, гарантіей устойчиваго и всесторонняго прогресса. Съ этой точки зрѣнія каждое расширеніе области женской дѣятельности должно привѣтствовать, какъ крупный шагъ, дѣлаемый человѣчествомъ по пути упроченія цивилизаціи и справедливости. Съ этой точки зрѣнія мы привѣтствовали два года тому назадъ основаніе женскаго медицинскаго института въ С.-Петербургѣ. На эту же сторону не можемъ теперь не обратить вниманія и по поводу билля о женскомъ избирательномъ правѣ и не можемъ не признать въ немъ одного изъ важнѣйшихъ общихъ историческихъ послѣдствій привлеченія женщинъ къ политическому творчеству, если только идеѣ этой, принципіально одобренной палатою общинъ суждено получить и реальное осуществленіе. Суждено-ли, однако? На чемъ основываются и могутъ опираться надежды на его осуществленіе? Почему можно ожидать, что мужчины согласятся поступиться пра-

вами и властью, за которыя они такъ упорно держались въ теченіе тысячелѣтій? Не могутъ же они не понимать, что они подготовляютъ полный и всесторонній переворотъ въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами, совершенную отмѣну того семейнаго строя, который даетъ главенство отцу и мужу и такъ хорошо отвѣчаетъ интересамъ и наклонностямъ мужчины... На этихъ вопросахъ стоитъ остановиться на нѣкоторое время въ заключеніе этихъ бѣглыхъ замѣтокъ о женскомъ вопросѣ въ англійскомъ парламентѣ.

Мужчина, соединяя свою жизнь съ жизнью женщины, издавна привыкъ искать при этомъ удовлетвореніе двухъ цѣлей: имѣть нѣжную, страстную, красивую супругу, во первыхъ, а во вторыхъ, помощницу въ семейномъ строительствѣ и трудахъ для этого строительства. Эти двѣ цѣли не всегда совпадаютъ. Заботы и труды преждевременно старятъ женщину, отчего она теряетъ, какъ супруга. Заботы и труды въ размѣрѣ не старящемъ своею чрезмѣрностью, отвлекаютъ вниманіе жены отъ любви и нѣжности, заставляя и съ этой стороны умалять ея цѣнность, какъ супруги. Поэтому то богатые и праздные классы изстари стремятся по возможности снять съ жены всякія заботы и труды и сдѣлать ее одалискою для наслажденія мужа. Общественная дѣятельность, пробужденіе умственныхъ и нравственныхъ интересовъ еще сильнѣе, чѣмъ семейныя заботы и труды, лишаютъ жену этого значенія одалиски. Съ этой стороны всякій шагъ къ женскому образованію и расширенію женской дѣятельности является ударомъ и непоправимымъ ущербомъ этому давнишнему стремленію мужчинъ богатыхъ классовъ холить и лелѣять своихъ женщинъ для собственнаго наслажденія. Это для богатаго меньшинства. Для большинства жена должна быть помощницею въ заботахъ и трудахъ. Кажется, что образованность и энергія, воспитываемыя общественною дѣятельностью, могутъ быть только выгодны и мужчинамъ трудящихся классовъ. Несомнѣнно, но при одномъ условіи: чтобы мужъ не смотрѣлъ на жену, какъ на свою «помощницу», а видѣлъ въ ней равноправную сотрудницу. Можно-ли ожидать, что мужчины согласятся на эту жертву? И не пострадаетъ-ли отъ этого строй семьи? Насколько будетъ обезпечена участь молодого поколѣнія?

Эти вопросы давно задаются защитниками прежняго подчиненнаго положенія женщины. Жизнь, однако, уже дала на нихъ непреложные отвѣты. Дѣло въ томъ, что повсемѣстно существующая юридическая подчиненность женщины въ настоящее время фактически совершенно исчезла во всѣхъ порядочныхъ семьяхъ культурныхъ классовъ. Отъ этого строй семьи только возвысился, а будущность молодаго поколѣнія нисколько не пострадала. Юридическая подчиненность жены въ средѣ культурныхъ классовъ переходитъ въ фактическую только въ не порядочныхъ семьяхъ, или вѣрнѣе въ семьяхъ, въ которыхъ мужей нельзя назвать порядочными семьянинами, а порою и порядочными людьми. Это одно обстоя-

тельство, столь общеизвѣстное, что не нуждается въ доказате
вахъ, вполнѣ осуждаетъ устарѣлую и фактически въ кул
ныхъ классахъ отжившую систему подчиненности женщинъ. О
же культурныхъ классовъ несомнительно обнаруживаетъ воз
ность отмѣны этой системы и для низшихъ, менѣе культурн
слоевъ населенія, гдѣ малокультурность мужчинъ допускаетъ бол
злоупотребленіе властью. Такимъ образомъ, вопросъ возможн
отмѣны женскаго подчиненія и ея полной безопасности рѣш
жизнью утвердительно и добросовѣстному оспариванію не по
житъ. Другое дѣло выгодность такой отмѣны для мужа и гл
семьи. Онъ такъ сжился съ этимъ главенствомъ, такъ построил
немъ свою жизнь и свои привычки, что конечно, *добровол*
ради одной справедливости, отъ своихъ правъ и прерогативъ
откажется... Конечно, это ясно, но не ясно-ли, что фактич
онъ уже отказался отъ многаго, а иногда отъ всего, въ с
многочисленныхъ и руководящихъ классовъ! Это не есть, од
противорѣчіе. Дѣло въ томъ, что добровольно мужчина нигдѣ
когда и не думалъ отказываться отъ своего главенства. Везд
всегда его къ этому принуждали женщины. Въ этомъ могуще
женщины, при настоящихъ условіяхъ общественной жизни, и
ключается разгадка этого удивительно быстраго движенія совре
ной жизни въ дѣлѣ возвышенія семейнаго и общественнаго п
женія женщины.

Женщина стала могущественная, сказали мы, «при настоящ
условіяхъ общественной жизни». Потому что въ эпоху ку
наго права женщина была слаба. Ея личная безопасность и
матеріальные ресурсы находились въ полной зависимости
того, имѣетъ-ли она мужчину въ лицѣ отца, братьевъ или му
который пожелалъ бы и могъ бы защитить ее и обезпечить
безопасность личную и имущественную. Ради этой безопасно
безъ которой всѣ остальныя блага земныя ничего не стоятъ, ж
щина подчинила свою личность власти мужчины и отдала
достояніе въ его распоряженіе. Вѣка и тысячелѣтія продолжа
и долженъ былъ по необходимости продолжаться этотъ поряд
Дурные и порочные мужчины, конечно, злоупотребляли св
властью, но громадное большинство людей всѣхъ невырождающи
странъ и народовъ не бываетъ дурными и порочными. Громад
большинство мужчинъ всегда любили и любятъ своихъ женщ
Они защищали женщинъ, берегли ихъ, охраняли ихъ сред
существованія, доставляли своей защитою всѣ доступныя зем
блага, недоступныя безъ личной и имущественной безопасно
Не мудрено, если женщины привыкли видѣть въ мужчинѣ выс
существо, какъ бы свое земное провидѣніе, и покорялись ему не
страхъ, а за совѣсть. Сами женщины жестоко осуждали вся
попытку женщины въ самостоятельности, и первыя одобряли с
гую и суровую расправу со своими недостаточно покорными п

ругами. Все міросозерцаніе женщины было основано на этой идеѣ мужского превосходства и главенства и женской подчиненности. Невѣжество женщины, конечно, только покровительствовало упроченію этихъ воззрѣній и отвращенію отъ всякихъ новшествъ.

Исторія, однако, текла своимъ чередомъ. Мужское человѣчество боролось за свои права, за свое достоинство, за общую безопасность. Оно достигло въ новыя времена громадныхъ результатовъ. Пало рабство, пали привилегіи, установлена личная и имущественная безопасность, во внутренней жизни цивилизованныхъ странъ кулачное право уступило мѣсто праву писанному. Причины, заставлявшія женщину въ стародавнія времена покориться мужчинѣ и содѣйствовавшія затѣмъ выработкѣ для женщинъ соотвѣтственнаго идеала семейной и общественной жизни, исчезли. Идеалъ надолго пережилъ условія, его создавшія, но въ концѣ концовъ уступилъ критикѣ и новымъ условіямъ жизни. Прежде только въ мужчинѣ женщина находила защиту своей личности и достоянія. Сравнительно съ этою услугою мужчины, его злоупотребленія властью были зломъ, *по необходимости* терпимымъ. Теперь же, когда безопасность личности и имущества охраняется всѣмъ строемъ государственной и общественной жизни, эта безопасность женской личности и женскаго имущества не обезпечена только отъ злоупотребленія властью мужчины. Прежній единственный защитникъ женской безопасности превратился въ единственнаго нарушителя этой безопасности. Для того же, чтобы упразднить эту послѣднюю необезпеченность личности и имущества, необходимо отмѣнить подчиненность женщинъ. Постепенно это сознаніе выросло и сложилось въ идеяхъ передовыхъ мыслителей, а затѣмъ оно стало проникать и въ сознаніе женщинъ. Когда же на сторонѣ новаго воззрѣнія стало большинство женщинъ того культурнаго слоя, отъ мнѣнія и дѣятельности котораго зависитъ складъ общественной жизни и ея движеніе, съ этого времени торжество этого новаго воззрѣнія стало лишь вопросомъ времени. «Добровольно» мужчина не откажется отъ своего главенства, но, въ новыхъ условіяхъ жизни, при исчезновеніи кулачнаго права, женщина становится общественною силою, съ которою мужчина долженъ считаться. Онъ и считается. Въ тѣхъ высшихъ культурныхъ слояхъ, гдѣ женщина захотѣла фактически отмѣнить его главенство, она и отмѣнила. Она желаетъ добиться юридической отмѣны главенства. Она желаетъ дать это благо и своимъ младшимъ сестрамъ менѣе культурныхъ классовъ. Она желаетъ раздѣлить съ мужчиною равноправное участіе въ умственной и общественной жизни. Если она въ самомъ дѣлѣ этого желаетъ, она этого и достигнетъ, потому что мужчина могъ отказывать женщинѣ въ справедливости только до тѣхъ поръ, покуда она не считала этого несправедливымъ. Дѣлать относительно близкой женщины ежедневно и ежечасно ясно ею сознаваемую несправедливость не сможетъ никогда ни одинъ порядочный и любящій мужчина, т. е.

громадное большинство мужчинъ. Въ этой невозможности для мужчины не уступить женщинѣ, когда она ясно и всѣмъ сердцемъ своимъ восприняла несправедливость своего положенія, и заключается сила женскаго дѣла въ настоящее время. Italia, fara da sè, «Италія, помогай сама себѣ», нѣкогда совѣтовалъ Мадзини своему угнетенному отечеству. Только этимъ же путемъ и женщина достигнетъ своихъ справедливыхъ желаній, съ исполненіемъ которыхъ связано, какъ мы видѣли, дѣло прогресса и счастья всего человѣчества. Мужчина довольно потрудился на этомъ поприщѣ. Пусть же теперь женщина, добывая себѣ лучшія условія существованія и дѣятельности, тѣмъ самымъ навсегда укрѣпитъ и упрочитъ великія завоеванія, сдѣланныя мужчиною. А когда затѣмъ они оба, рука объ руку, пойдутъ далѣе за новыми завоеваніями, тогда и самъ мужчина пойметъ, что безконечно больше счастья и радости ему несетъ равноправное сотрудничество дорогой и благородной подруги, чѣмъ его былое общественное одиночество.

Таковы соображенія, которыя насъ заставляютъ думать, что, какова бы ни была судьба билля о женскомъ избирательномъ правѣ въ Англіи, о которомъ мы выше говорили, англійскія женщины съумѣютъ добиться своей цѣли. Мы можемъ только пожелать имъ скорѣйшаго и полнѣйшаго успѣха.

II.

5 декабря 1896 года появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» правительственное сообщеніе о студенческихъ безпорядкахъ въ Московскомъ университетѣ, отразившихся волненіями студентовъ и въ нѣкоторыхъ другихъ университетахъ. Это правительственное сообщеніе приведено было въ нашемъ журналѣ, въ декабрьской книжкѣ за прошлый 1896 годъ. Читатели, конечно, не забыли этого въ высшей степени интереснаго сообщенія, обратившаго на себя по справедливости самое серьезное вниманіе нашего общества. Очень интересно также и печатное обсужденіе, вызванное сообщеніемъ. Объ этихъ сужденіяхъ печати мы и хотимъ теперь дать отчетъ на немногихъ страницахъ, остающихся еще въ нашемъ распоряженіи для этого *Дневника*.

Начало этому любопытному обсужденію въ печати положилъ профессоръ философіи Московскаго университета кн. Трубецкой, помѣстившій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1896 г., № 354) статью «По поводу правительственнаго сообщенія о студенческихъ безпорядкахъ». Остановимся сначала на этой статьѣ почтеннаго профессора. «Мы не можемъ», начинаетъ свою статью кн. Трубецкой, «мы не можемъ достаточно выразить нашу радость по поводу появленія подробнаго правительственнаго сообщенія о студенческихъ безпорядкахъ въ Московскомъ университетѣ». Необходи-

мость гласности въ этихъ дѣлахъ авторъ защищаетъ убѣжденно столько же, сколько убѣдительно.

«О безпорядкахъ знали рѣшительно всѣ: знали многія тысячи воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, знала уличная толпа, для которой войска и полиція, оцѣпляющія университетъ, сдѣлались привычнымъ зрѣлищемъ. О нихъ знало все русское общество, хотя, разумѣется, не могло составить себѣ яснаго понятія объ ихъ характерѣ и происхожденіи. Оно не имѣло возможности судить о нихъ иначе, какъ по слухамъ, нерѣдко нелѣпымъ и всегда не точнымъ, которыхъ нельзя было ни провѣрить, ни опровергнуть. Полнымъ молчаніемъ печати создавалось исключительное положеніе для литературы подпольной, распространявшей свои «сообщенія» въ цѣляхъ агитаціи; порождались цѣлыя легенды, распространялись ложныя сенсаціонныя извѣстія, которыя проникали и въ заграничную печать и волновали наше общество, разростаясь и расширяясь въ немъ какъ круги отъ камня, брошеннаго въ стоячую воду. Еще за нѣсколько дней до правительственнаго сообщенія приходилось отвѣчать на запросы о томъ, «сколько университетовъ закрыто», «сколько тысячъ студентовъ арестовано и сколько убитыхъ и раненыхъ въ столкновеніи съ войсками...» Чѣмъ уже сфера, доступная гласности, тѣмъ шире сфера, составляющая исключительное достояніе сплетни, вымысла, агитаціи и подпольной литературы. *Изъять изъ печати вопросъ, волнующій общество и касающійся самыхъ жизненныхъ его интересовъ, не значитъ прекратить его обсужденіе: это значитъ лишь обострить его и обречь на обсужденіе, завѣдомо пристрастное, одностороннее и невѣрное.* Чистый воздухъ необходимъ для оздоровленія не только физической, но и нравственной атмосферы».

Затѣмъ, строго осуждая агитацію, которая вмѣшиваетъ политику въ академическую жизнь, кн. Трубецкой замѣчаетъ:

«Но одни ли студенты заслуживаютъ упрека въ ложномъ отношеніи къ задачамъ университета? Они ли одни вмѣшиваютъ политическія страсти и политическую агитацію въ его внутреннюю жизнь? Они ли одни искажаютъ всю постановку университетскаго дѣла въ Россіи? Мы нисколько не думаемъ снимать съ нихъ отвѣтственность за ихъ поступки и принципы, но полагаемъ, что, кромѣ нихъ, такая отвѣтственность падаетъ и на другихъ. Я не говорю объ отдѣльныхъ агитаторахъ, а обо всемъ нашемъ обществѣ».

Какъ видно изъ послѣдующаго, авторъ въ этихъ строкахъ имѣетъ въ виду тѣ политическіе мотивы, которые заставляли нѣкоторую часть печати настойчиво требовать стѣсненія самостоятельности университетской корпораціи. «Ничего не можетъ быть пагубнѣе и фальшивѣе того постояннаго вмѣшательства политическихъ принциповъ и соображеній, которыя мы обыкновенно допускаемъ въ обсужденіи вопросовъ, чисто педагогическихъ». Только въ универси-

тетскомъ самоуправленіи видитъ авторъ средство упорядочить университетскую жизнь, въ томъ числѣ и ослабить причины и силу студенческихъ безпорядковъ:

Университетъ есть разсадникъ высшаго научнаго образованія, который, въ отличіе отъ другихъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, преслѣдующихъ спеціальныя цѣли, обнимаетъ въ себѣ преподаваніе *всѣхъ* наукъ: онъ есть университетъ всѣхъ отраслей знанія, — Univasitasscientarum. Поэтому, допуская въ предѣлахъ своихъ факультетовъ лишь извѣстную спеціализацію, онъ преслѣдуетъ прежде всего общеобразовательную цѣль, стремится, насколько возможно, дать общую научную подготовку по главнѣйшимъ отраслямъ человѣческихъ знаній, въ области которыхъ студентъ можетъ вполнѣ спеціализироваться лишь по успѣшномъ окончаніи общеуниверситетскаго курса. Эта общеобразовательная «университетская» цѣль никогда не должна теряться изъ вида; университетъ долженъ достойнымъ образомъ представлять собою всю науку или всѣ науки въ ихъ общей связи. Этимъ объясняется *взаимная связь факультетовъ*, и опредѣляется характеръ университета, какъ организованнаго союза факультетовъ или какъ организованнаго академическаго союза, состоящаго изъ корпораціи ученыхъ — представителей отдѣльныхъ наукъ — и изъ учащихся. Учащіе имѣютъ ученый цензъ, учащіеся — цензъ образовательный, т. е. цензъ средней гуманистической школы, подготовляющей ихъ къ общему научному образованію. Лица, не имѣющія такого образовательнаго ценза, могутъ быть допускаемы въ университетъ лишь въ качествѣ вольныхъ слушателей. Что касается ученаго ценза, то онъ, естественно, можетъ устанавливаться только спеціалистами и факультетами, которые судятъ о томъ, насколько данное лицо по своимъ спеціальнымъ и общимъ знаніямъ и по своимъ научнымъ достоинствамъ заслуживаетъ званія *учителя* или *ученаго* Въ этомъ смыслѣ ученое сословіе всегда было и останется самопополняющимся. Но и какъ сословіе или корпорація учащая, университетъ всѣхъ компетентнѣе можетъ судить о своихъ научныхъ интересахъ, пользахъ и нуждахъ въ дѣлѣ распредѣленія и разработки плана занятій и въ дѣлѣ преподаванія.

Кажется, дѣло совершенно ясно: университетъ можетъ и долженъ преслѣдовать одну свою чисто-академическую цѣль высшаго научнаго образованія. И если у него есть какая-нибудь великая, истинная общественная цѣль, такъ это та, чтобы дать государству наибольшее количество людей съ дѣйствительнымъ высшимъ образованіемъ, какимъ бы спеціальностямъ они себя не посвящали. Если намъ нужны только спеціалисты, только техники въ различныхъ сферахъ общественной или практической дѣятельности, мы можемъ закрыть университеты, уничтожить факультеты и оставить одни спеціальные институты. Если же мы признаемъ, что для самого процвѣтанія такихъ спеціальныхъ школъ, для развитія спеціальныхъ и даже чисто техническихъ дѣятельностей необходимо большое число дѣятелей съ общей теоретической подготовкой, мы сохранимъ наши университеты. Если мы не хотимъ имѣть однихъ болѣе или менѣе искусныхъ фельдшеровъ, канцеляристовъ, машинистовъ, если мы хотимъ, чтобы самыя спеціальныя высшія школы давали намъ образованныхъ врачей, юристовъ и технологовъ, не говоря уже о филологахъ, мы должны стремиться къ тому, чтобы университетъ оставался университетомъ.

Далѣе, снова возвращаясь къ вопросу, послужившему первоначальнымъ поводомъ статьи, авторъ замѣчаетъ: «для того, чтобы студенчество могло имѣть какое-нибудь упорядоченное правильное академическое устройство, органически связанное съ университе-

томъ, чтобы общеніе между студентами укладывалось въ рамки университетской жизни и подчинялось его, строю, нужно, чтобы самый университетъ былъ самимъ собою, чтобы онъ былъ связнымъ цѣлымъ, которое могло бы нравственно и умственно руководить студенческою жизнью. Ибо, дезорганизуя профессорскую корпорацію и лишая ее самостоятельной жизни, мы вносимъ разобщеніе не только между факультетами и профессорами, но—между профессорами и студентами, которые теряютъ всякую связь между собою—помимо лекцій и занятій».

Что же разумѣетъ кн. Трубецкой, подъ требованіемъ, чтобы «университетъ былъ самимъ собой», видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ строкъ статьи: «Истинная университетская автономія не та, которой могутъ желать агитаторы, а только та, которая вытекаетъ изъ внутреннихъ требованій университетскаго дѣла, преслѣдующаго автономную, чисто академическую цѣль—высшаго научнаго образованія. Ясно, что тутъ не можетъ быть рѣчи о какой-либо политической автономіи, о какихъ-либо политическихъ привилегіяхъ профессоровъ или студентовъ. Мы хотимъ только, чтобы университетъ перестал служить внѣшнимъ и случайнымъ цѣлямъ, ибо если наука имѣетъ свои автономныя требованія, то и организація ея преподаванія не можетъ опредѣляться требованіями внѣшними и случайными. И мы думаемъ, что интересы и цѣли спеціально университетскія съ наибольшимъ успѣхомъ и компетентностью можетъ вѣдать самъ университетъ, который одинъ имѣетъ *фактическую* возможность организовать и регулировать преподаваніе. Это не умаляетъ нисколько правъ общей или спеціально-учебной администраціи по отношенію къ университету; это вноситъ *внутренній* порядокъ въ университетскую жизнь и въ то же время возлагаетъ на профессорскую корпорацію реальную отвѣтственность за успѣшное веденіе университетскаго дѣла».

Мы ознакомили нашихъ читателей по возможности подробно съ самыми основными положеніями статьи кн. Трубецкаго и потому, что она вполнѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія всякаго, кому дороги интересы и судьбы русскаго просвѣщенія, и потому еще, что появившись въ изданіи, еще не успѣвшемъ пріобрѣсти обширнаго круга читателей, она недостаточна извѣстна русской публикѣ. Статья, какъ читатели, конечно, уже замѣтили, далеко вышла за предѣлы своей первоначальной задачи и, выходя изъ справедливой мысли, что всѣ стороны университетскаго быта тѣсно связаны между собой, поставила университетскій вопросъ въ его полномъ объемѣ. На этой высотѣ и удержалось обсужденіе вопроса, вызванное статьей кн. Трубецкаго. Первымъ отозвался ветеранъ московскаго университета, нѣкогда знаменитый профессоръ-юристъ Б. Н. Чичеринъ. Статья его, озаглавленная «Нѣсколько словъ о современномъ состояніи русскихъ университетовъ», появилась въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 14 января настоящаго года (№ 13). Упомянувъ о статьѣ кн. Тру-

бецкаго, г. Чичеринъ продолжаетъ: «Нельзя не быть глубоко благодарнымъ автору за то, что онъ такъ смѣло и рѣшительно поднялъ вопросъ, составляющій самое больное мѣсто нашихъ высшихъ учебныхъ учрежденій. Пора было наконецъ сказать, что университетъ— не канцелярія, что профессора—не чиновники, исполняющіе приказаніе начальства, а люди, самостоятельно изучающіе науку и преподающіе стекающемуся въ университеты юношеству результаты своей собственной умственной работы».

Всецѣло становясь на точку зрѣнія кн. Трубецкаго, маститый авторъ даетъ любопытную историческую справку, ярко освѣщающую дебатируемый вопросъ:

Не только уставъ 1863 года, но и уставы 1804 и 1835 года предоставляли имъ (университетамъ) широкія корпоративныя права. Уставъ 1863 года не ввелъ въ этомъ отношеніи ничего новаго. Даже въ самыя темныя времена университетской жизни, когда, вслѣдствіе волненій на Западѣ, русскіе университеты подверглись подозрѣнію и число студентовъ, за исключеніемъ медицинскаго факультета, было ограничено тремя стами, у университетовъ отнято было лишь право избирать ректора; все остальное осталось по старому. Только уставъ 1884 года лишилъ ихъ всякихъ корпоративныхъ правъ и, повидимому безъ всякаго повода, ибо на должности ректоровъ и декановъ назначены были тѣ самыя лица, которыя передъ тѣмъ были выбраны университетскими совѣтами, чѣмъ самымъ доказывалось, что университеты пользовались своими правами согласно съ видами правительства и выбирали людей, достойныхъ его довѣрія. За что же было лишать ихъ правъ, принадлежавшихъ имъ и по высокому ихъ призванію и въ силу утвержденныхъ вѣковою практикой постановленій русскаго закона?

Касаясь затѣмъ больного вопроса о студенческихъ безпорядкахъ, г. Чичеринъ указываетъ, что послѣ введенія устава 1863 года, они надолго прекратились. «Если они и возобновились впослѣдствіи, замѣчаетъ авторъ,

то виною въ томъ были не уставъ 1863 года и даже не внутреннее распаденіе университетской корпораціи, а постороннія университету теченія, главнымъ образомъ, тлетворное дѣйствіе газеты, которая, пользуясь своимъ вліяніемъ на общество и на правительство, хотѣла безгранично властвовать и въ университетѣ. На первыхъ порахъ это ей и удалось. Она поселила раздоръ среди профессоровъ, благодаря поддержкѣ правительственной власти, она успѣла вытѣснить непріятныхъ ей лицъ, которыя не хотѣли поддаваться ея владычеству. Скоро однако университетская корпорація почувствовала всю тяжесть газетнаго ига и взбунтовалась противъ него. Одинъ изъ редакторовъ, состоявшій членомъ университета, былъ забаллотированъ при выборѣ на новое пятилѣтіе; ректоромъ былъ выбранъ не угодный редакціи, знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ. Тогда противъ всѣхъ университетовъ, а равно и противъ устава 1863 года, ограждавшаго ихъ самостоятельность, начался самый безсовѣстный походъ. Почтенный С. М. Соловьевъ, самый умѣренный изъ людей, принужденъ былъ покинуть не только ректорство, но и каѳедру. Причиненныя ему непріятности ускорили его кончину. Наконецъ, въ 1884 году, этотъ походъ увѣнчался успѣхомъ. Со введеніемъ новаго университетскаго устава, университеты лишились всякихъ корпоративныхъ правъ.

Результаты у насъ на глазахъ: университетская жизнь заглохла; всякая внутренняя связь была порвана, общій, нравственный духъ исчезъ. Выс-

шее образованіе въ Россіи было, можно сказать, стѣснено. Оно поднимется снова только съ возстановленіемъ нормальнаго порядка, то есть, съ возвращеніемъ къ уставу 1863 года. Если это вполнѣ справедливое и разумное требованіе составляетъ нынѣ предлогъ для студенческихъ волненій, то этотъ предлогъ надобно у нихъ отнять. Конечно, этимъ университетъ не будетъ застрахованъ отъ безпорядковъ; они всегда возможны среди увлекающейся молодежи. Но при нормальныхъ условіяхъ легче съ ними справиться. Во всякомъ случаѣ, этимъ будетъ положено начало лучшему будущему. Высшее образованіе въ нашемъ отечествѣ снова вступитъ на правильный путь, отъ котораго никогда не слѣдовало уклоняться. Оно, по преимуществу, принадлежитъ къ разряду вещей, которыя разрушаются легко, а созидаются трудно. Бережное отношеніе къ нему составляетъ первое условіе успѣха.

Этими строками заключаетъ свою краснорѣчивую статью г. Чичеринъ, еще шире и глубже захватившій и раскрывшій внутреннее значеніе и смыслъ университетскаго вопроса, того вопроса, съ которымъ тѣсно связана наша будущность, какъ культурной и цивилизованной страны, всѣ наши надежды на лучшее будущее, на развитіе гуманности и просвѣщенія. Вслѣдъ за статьями кн. Трубецкаго и г. Чичерина появилось много статей въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Всѣ онѣ болѣе или менѣе соглашались съ необходимостью возстановить университетскую автономію. Нѣкоторые возражали противъ того, что бы университетская корпорація завѣдывала администраціею и хозяйствомъ университетовъ, но всѣ сходились въ признаніи принципа избранія профессоровъ университетскими корпораціями, такъ же избранія ректоровъ и декановъ. Независимость собственно ученой дѣятельности университетской корпораціи признавалась всѣми писавшими въ послѣднее время по этому вопросу. Обсужденіе перешло и на страницы спеціальныхъ оффиціальныхъ изданій «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 15, 1897 г.) цитируютъ статью «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», высказывающуюся за университетское самоуправленіе и указывающую на примѣръ Германіи въ слѣдующихъ вполнѣ убѣдительныхъ и краснорѣчивыхъ строкахъ: «Полная свобода академическаго преподаванія, замѣщеніе каѳедръ лицами по выбору профессорской коллегіи, свобода студентовъ избирать любой университетъ, любого профессора и любой предметъ, а равно соединяться въ кружки или общества для всякаго рода цѣлей на почвѣ существующихъ государственныхъ учрежденій и установленныхъ законовъ—вотъ главнѣйшія особенности германскихъ университетовъ, внутренняя жизнь которыхъ характеризуется еще тѣснымъ общеніемъ между профессорами и студентами, общеніемъ, которое содѣйствуетъ усиленію нравственнаго вліянія профессуры на учащихся».

Нельзя не привѣтствовать этого мнѣнія органа нашего Министерства народнаго просвѣщенія, и нельзя не видѣть въ немъ симптома возможнаго въ скоромъ времени пересмотра устава 1884 года.

Указываемыя журналомъ министерства основы организаціи гер-

манскихъ университетовъ, оправданныя долговременною удачною практикою и принесшія такіе крупные плоды въ видѣ расцвѣта германской науки, конечно, были бы наилучшими и для Россіи. Дѣло не въ точной копіи, а въ признаніи основного принципа. Форма же осуществленія можетъ быть та или другая, примѣнительно къ условіямъ, потребностямъ и естественному развитію основного принципа въ пространствѣ и во времени.

Основной принципъ германской университетской организаціи, цитируемый «Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» да и не одной германской, а и англійской, французской, итальянской, до 1884 года въ томъ числѣ и русской, заключается въ томъ что только само ученое сословіе признается компетентнымъ судить ученыя заслуги претендентовъ на каѳедры. Поэтому, только собраніе самого ученаго сословія и можетъ даровать каѳедру тому или другому претенденту. Не можетъ быть такого человѣка, хотя бы самого образованнаго и ученаго, который былъ бы одинаково компетентенъ судить о степени ученой и учебной пригодности претендентовъ на каѳедры небесной механики, женскихъ болѣзней, санскритскаго языка, римскаго права. Компетентна можетъ быть только ученая корпорація, заключающая въ своей средѣ спеціалистовъ по всѣмъ предметамъ и отдѣламъ, цѣлыя группы спеціалистовъ. Обыкновенно возражаютъ противъ университетской автономіи, указывая на возможное развитіе въ отдѣльныхъ университетахъ узкой корпоративности и замкнутости, которые могутъ привести къ непотизму при замѣщеніи каѳедръ. Nomina sunt odiosa, но сторонники этого мнѣнія могли бы даже сослаться на практику одного русскаго университета, явившаго собою примѣръ такой партійной замкнутости и непотизма. Изъ этого университета вышли самые убѣжденные противники устава 1863 года, въ частности университетскаго самоуправленія вообще.

Мнѣ кажется, въ этомъ обобщеніи одного случая кроется крупная ошибка уже потому, напримѣръ, что пристрастіе одной университетской корпораціи легко исправляется другою университетскою корпораціей. Гласность же университетской дѣятельности могла бы быть гарантіей противъ непотизма или, по крайней мѣрѣ, противъ его широкаго развитія. Если же бы пристрастіе и непотизмъ свили себѣ гнѣздо въ канцеляріи директора департамента, представляющаго профессоровъ къ назначенію, то противъ нихъ нѣтъ поправки ни въ другихъ корпораціяхъ, ни въ давленіи общественнаго мнѣнія. Невозможность полной компетентности и естественная безконтрольность системы назначенія заставили бы предпочесть систему корпоративнаго избранія даже въ томъ случаѣ, если бы эта система была фатально прикована къ порядкамъ, установленнымъ уставомъ 1863 года, и не могла бы быть измѣнена и усовершенствована. Мы думаемъ, однако, что такое усовершенствованіе

системы самопополненія ученаго сословія и возможно, и безъ особеннаго труда осуществимо.

Напримѣръ, что можно было бы возразить противъ такой системы самопополненія ученаго сословія: ученыя степени, необходимыя для замѣщенія каѳедръ, даруются совершенно свободно и независимо соотвѣтственными факультетами каждаго университета; изъ числа лицъ, обладающихъ учеными степенями, профессора избираются академіей наукъ во всѣ университеты; за то академики избираются съѣздами профессоровъ соотвѣтственныхъ факультетовъ, (конечно, въ томъ числѣ и академиками). Способъ пополненія академіи исключаетъ всякую идею о замкнутости, пристрастія и непотизмѣ. Академія же, такъ пополняемая, конечно, также не можетъ оказаться замкнутою корпораціей, въ которой могли бы развиться пристрастіе и непотизмъ. Такое тѣсное единеніе академіи и университетовъ могли бы влить новую жизнь и энергію во все ученое сословіе, которое было бы автономно безъ всякой опасности развитія узкой и нетерпимой корпоративности или партійности и непотизма.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Недавно въ газетахъ опубликовано было оффиціальное сообщеніе о томъ, что съ февраля должны начаться работы особаго совѣщанія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для пересмотра законодательства о крестьянахъ. Совѣщаніе образуется подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ составѣ нѣсколькихъ чиновъ министерства и четырехъ лицъ, «по своему служебному положенію близко знакомыхъ съ бытомъ крестьянъ».

Предстоящая совѣщанію работа безспорно соприкасается съ вопросами первостепенной государственной важности. Изъ всѣхъ главнѣйшихъ задачъ, намѣченныхъ реформою 19 февраля по отношенію къ устройству быта освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости крестьянства, едва ли не всего менѣе посчастливилось той, которая имѣла въ виду *общественное устройство* крестьянъ. Здѣсь позднѣйшія наслоенія являлись не довершеніемъ и развитіемъ основныхъ началъ, установленныхъ положеніемъ 19 февраля, а стояли нерѣдко, по общему духу, въ прямой съ ними противоположности. Сложилась постепенно такая организація, въ которой форма мало соотвѣтствуетъ содержанію, и различныя части довольно плохо прилажены одна къ другой. Всего менѣе она можетъ считаться осуществленіемъ тѣхъ

общихъ цѣлей, которыя выдвинуты были для дальнѣйшей работы въ этой области положеніемъ 19 февраля 1861 года. Позднѣйшія дополненія и измѣненія въ законодательныхъ опредѣленіяхъ закрѣпили и усилили такія стороны установленныхъ положеніемъ порядковъ, которыя являлись временными и переходными и, наоборотъ, ограничили до minimum'а то, что по общему духу положенія 19 февраля должно было разсматриваться, какъ существенное начало новаго строя крестьянской жизни.

Въ настоящее время еще нѣтъ данныхъ, чтобы судить въ какомъ направленіи пойдутъ работы совѣщанія. Извѣстія, проникшія до сихъ поръ въ печать, не даютъ пока возможности составить точнаго представленія и о томъ, въ какихъ предѣлахъ и въ какомъ объемѣ вопросъ о переустройствѣ крестьянскаго управленія будетъ затронутъ этими работами. Извѣстно только, что главный матеріалъ, которымъ воспользуется совѣщаніе, должны составить заключенія губернскихъ начальствъ, сообщенныя въ отвѣтъ на программу, разосланную имъ въ 1894 году отъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ свое время въ періодической печати появлялись извѣстія о составѣ и характерѣ этой программы. Она заключала въ себѣ 66 вопросовъ, касавшихся: узаконеній о сельскомъ и волостномъ управленіи (25 вопросовъ), правилъ о пріемѣ новыхъ членовъ и объ увольненіи ихъ изъ общества (5 вопросовъ), закона о семейныхъ раздѣлахъ (2 вопроса), постановленій объ опекахъ (4 вопроса), объ общественномъ призрѣніи (3 вопроса), о мірскихъ сборахъ и капиталахъ (7 вопросовъ), о землепользованіи (19 вопросовъ) и нотаріальной части въ селеніяхъ (1 вопросъ). Всѣ ли эти вопросы войдутъ и въ программу занятій совѣщанія? Въ оффиціальномъ извѣщеніи объ образованіи совѣщанія опредѣленнаго отвѣта на это мы не находимъ. Съ другой стороны, въ отзывахъ печати по поводу совѣщанія указывалось не разъ на отсутствіе въ программѣ земскаго отдѣла нѣкоторыхъ очень существенныхъ для правильной постановки крестьянскаго дѣла вопросовъ, вопросовъ, уже выдвигавшихся не разъ жизнью и которыхъ никакъ нельзя считать разрѣшенными и сданными въ архивъ. Такъ, «Новое Время» (№ 7521) отмѣчаетъ, что среди вопросовъ, предположенныхъ къ пересмотру, нѣтъ одного вопроса, «очень стараго, но который, быть можетъ, именно только въ настоящее время достаточно назрѣлъ и, во всякомъ случаѣ, заслуживалъ бы, кажется, извѣстнаго вниманія. Мы разумѣемъ,—говоритъ газета,—вопросъ о преобразованіи волостного управленія въ учрежденіе всесословное. Почему, въ самомъ дѣлѣ волость остается учрежденіемъ сословно-крестьянскимъ, когда она даже при нынѣшнемъ кругѣ подвѣдомыхъ ей дѣлъ является гораздо больше общимъ административнымъ учрежденіемъ, чѣмъ сословно-крестьянскимъ?»

Точно также не видимъ мы и вопроса о волостномъ судѣ; а между тѣмъ менѣе всего можно считать окончательною и удовле-

творительною ту постановку дѣла о судебномъ разбирательствѣ «маловажныхъ» крестьянскихъ дѣлъ, какую оно имѣетъ теперь. Этотъ пропускъ не возбуждалъ бы никакихъ сомнѣній, если бы вопросъ о крестьянскомъ судѣ вошелъ въ общую систему вопросовъ о судебномъ преобразованіи, разрабатываемыхъ коммиссіею при министерствѣ юстиціи. Его настоящее мѣсто именно въ ряду вопросовъ, посвященныхъ общимъ порядкамъ судоустройства и судопроизводства. Насколько можно судить, однако, по имѣющимся въ печати свѣдѣніямъ, вопросъ о спеціальномъ крестьянскомъ судѣ не входитъ въ группу вопросовъ о мѣстной юстиціи, составляющихъ одинъ изъ отдѣловъ общей программы работъ коммиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. Такъ что этотъ вопросъ остается какъ-то внѣ обѣихъ намѣченныхъ программъ—и административной, и судебной.

Вообще, все то, что до сихъ поръ извѣстно о задачахъ, программѣ и планѣ дѣятельности совѣщанія по пересмотру положенія о крестьянахъ, еще довольно неполно и отрывочно. Въ виду огромной важности и общаго интереса вопросовъ, которымъ будетъ посвящена эта дѣятельность, нельзя не пожелать, чтобы дѣлу была придана возможно широкая гласность и чтобы участіе въ трудной и важной работѣ правильнаго выясненія нуждъ и потребностей многомилліонной массы крестьянскаго населенія въ данной области могли принять всѣ общественные элементы, содѣйствіе которыхъ можетъ быть полезно для дѣла.

На этомъ сходится мнѣніе всѣхъ органовъ печати, самыхъ разнообразныхъ направленій. «Желая коммиссіи полнаго успѣха въ ея обширномъ и трудномъ дѣлѣ,—говорятъ «Московскія Вѣдомости» въ передовой статьѣ № 30,—нельзя не пожелать, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы труды ея не оставались тайной, а могли бы быть подвергнуты обсужденію печати. Дѣло это столь серьезно, что не допускаетъ рѣшеній поспѣшныхъ. Лучше все обсудить, все взвѣсить, все предусмотрѣть заранѣе, чѣмъ допустить недосмотры и упущенія, которыя снова потребовали бы поправокъ. Крестьянское законодательство требуетъ наибольшей тщательности и ясности даже въ самомъ изложеніи, въ предупрежденіе разнорѣчивыхъ толкованій. Оно должно быть кратко, ясно и всѣмъ понятно».

Еще опредѣленнѣе высказывается петербургская газета «Народъ», настаивающая на необходимости привлечь къ участію въ занятіяхъ совѣщанія представителей земства. Газета указываетъ при этомъ на примѣръ министерства земледѣлія.

Въ декабрѣ 1894 года министръ земледѣлія передалъ, съ высочайшаго соизволенія, на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній рядъ вопросовъ о нуждахъ нашего сельскаго хозяйства и о мѣрахъ къ ихъ удовлетворенію. Земства съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ этой трудной задачѣ, и доставленные ими отзывы и матеріалы—по заявленію оффиціальнаго органа министерства земле-

дѣлія—«послужать основаніемъ для выработки системы мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятій и вмѣстѣ съ тѣмъ представятъ необходимыя точки опоры для дальнѣйшей дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ на пользу русскаго сельскаго хозяйства».

«Отсутствіе земства въ дѣлѣ громадной общегосударственной важности, какимъ является пересмотръ узаконеній, относящихся до крестьянскаго управленія и самоуправленія, должно быть признано весьма существеннымъ пробѣломъ. Въ теченіе своей слишкомъ тридцатилѣтней дѣятельности земства имѣли возможность близко ознакомиться со всѣми сторонами народнаго быта, они много потрудились надъ выясненіемъ причинъ, задерживающихъ развитіе народнаго благосостоянія, да и положительная сторона дѣятельности земства, направленная къ посильному устраненію этихъ причинъ, представляется весьма почтенною, въ особенности, если принять во вниманіе не всегда благопріятныя внѣшнія условія. Воспользоваться опытомъ земства для надлежащей постановки въ будущемъ дѣла крестьянскаго самоуправленія и управленія—этой величайшей реформы въ условіяхъ внутренней жизни русскаго государства—было бы не только желательно, но и прямо—таки необходимо».

«Русскія Вѣдомости» справедливо указываютъ на необходимость опубликованія тѣхъ матеріаловъ, которые собраны для работъ совѣщанія».

«Изъ газетныхъ сообщеній еще три года назадъ стала извѣстна программа обслѣдованія или, правильнѣе, опроса представителей мѣстной администраціи, предшествовавшаго пересмотру законодательства о крестьянахъ,—читаемъ мы въ передовой статьѣ № 40 московской газеты—теперь было бы полезно ознакомить и съ программой самаго пересмотра, и со всѣми матеріалами, которыми пользуется совѣщаніе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Къ оглашенію ихъ не можетъ быть никакихъ препятствій. По существу дѣла мнѣнія губернскихъ начальствъ о положеніи сельскаго управленія и другихъ сторонахъ крестьянскаго быта не заключаютъ въ себѣ ничего секретнаго. Съ другой стороны, и предшествующее обсужденіе вопросовъ земскаго отдѣла въ губернскихъ многочисленныхъ совѣщаніяхъ не способствовало сохраненію этихъ заключеній въ тайнѣ. Постановленія губернскихъ совѣщаній въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣликомъ или въ извлеченіи печатались въ мѣстныхъ, даже казенныхъ газетахъ. Но, конечно, эти несистематизированныя, нерѣдко отрывочныя свѣдѣнія не могутъ замѣнить полнаго свода губернскихъ отвѣтовъ. Еслибы ознакомленіе съ этими матеріалами было доступно широкому кругу людей, интересующихся крестьянскимъ дѣломъ, то законодательныя работы, предпринимаемыя нынѣ, были бы только облегчены. Едва ли надо доказывать, что заключенія губернскихъ начальствъ по вопросамъ крестьянскаго быта и управленія нуждаются въ самомъ тщательномъ

обсужденіи и провѣркѣ. Мнѣнія совѣщаній во многомъ,—какъ можно убѣдиться, бѣгло просмотрѣвъ опубликованныя краткія выдержки изъ свода губернскихъ отвѣтовъ,—коренными образомъ расходятся, но всѣ ссылаются на мѣстныя наблюденія и факты. Какъ же примирить эти разнорѣчія, если не допустить полной гласности въ дѣлѣ пересмотра законодательства о крестьянахъ, въ дѣлѣ чрезвычайно сложномъ и трудномъ, сопряженномъ съ рискомъ непоправимыхъ ошибокъ? По настоящему къ пересмотру такихъ отдѣловъ законодательства должно привлекать всѣ мѣстныя силы, и наиболѣе правильный путь къ цѣли, которою задается совѣщаніе при настоящемъ положеніи вопроса, былъ бы избранъ въ томъ случаѣ, если бы министерскій проектъ до поступленія въ государственный совѣтъ былъ разосланъ для отзыва земскимъ собраніямъ и открытъ для свободнаго обсужденія въ печати».

Нельзя не присоединиться къ этимъ совершенно основательнымъ замѣчаніямъ.

Въ январьской книжкѣ «Журнала Министерства Юстиціи» мы находимъ подробное оффиціальное сообщеніе о ходѣ работъ по улучшенію судебной части въ 1894—97 гг. Особенный интересъ представляетъ въ этомъ сообщеніи, такъ сказать, теоретическая его часть, выясняющая общіе выводы министерства юстиціи на задачи тѣхъ преобразованій по судебной части, которыя разрабатываются коммиссіей по пересмотру судебныхъ уставовъ.

«Предпринятыя работы—читаемъ мы въ органѣ министерства юстиціи—были начаты и продолжаются среди двухъ противоположныхъ теченій, раздѣляющихъ цѣнителей отечественной юстиціи, какъ бы на два враждебные лагеря. Взгляды и стремленія обоихъ общеизвѣстны, потому что ихъ непримиримый споръ нерѣдко появляется на страницахъ и столбцахъ повременной печати. Одни— небольшое меньшинство,—считая всю судебную реформу и уставы 1864 года капитальной ошибкой, выставляютъ новый судъ однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ элементовъ нашей современности и, болѣе или менѣе откровенно, требуютъ безпощаднаго разрушенія такихъ его краеугольныхъ камней, какъ отдѣльность и независимость судебной власти, судъ присяжныхъ, устность, гласность и состязательность процесса, принципъ кассаціи, неперевершаемость вступившихъ въ законную силу приговоровъ и рѣшеній и пр.» «Наоборотъ, другіе цѣнители, болѣе многочисленные, категорически высказываются не только за духъ и букву судебныхъ уставовъ 1864 года, но и за дальнѣйшее развитіе въ смыслѣ большаго простора въ судѣ общественной самодѣятельности и личной свободы, хотя бы и въ ущербъ государственному началу. Такъ, мечтаютъ о повсемѣстномъ возстановленіи и введеніи выборнаго начала въ замѣщеніи судейскихъ должностей, объ исключительномъ самоуправленіи судебныхъ

коллегій, съ умаленіемъ повсюду правительственнаго надзора, о расширеніи корпоративныхъ правъ адвокатуры, о состязательномъ слѣдствіи предъ пассивнымъ слѣдователемъ-судьей, при защитѣ, вполнѣ уравненной съ государственнымъ обвиненіемъ, о безусловной публичности всѣхъ слѣдственныхъ и судебныхъ дѣйствій, о распространеніи суда присяжныхъ въ его теперешней организаціи на всѣ безъ изъятія уголовныя дѣла и на всѣ мѣстности, не исключая и окраинъ, даже наимѣнѣе культурныхъ, о совершенной непоколебимости оправдательныхъ приговоровъ и пр. Между этими направленіями есть посредствующія стадіи, съ различными оттѣнками или недосказанностью подразумѣваемыхъ желаній, но главные, преобладающіе признаки остаются тѣ же».

Правильная точка зрѣнія находится, по мнѣнію министерскаго органа, внѣ обоихъ этихъ крайнихъ взглядовъ. Основныя начала судебныхъ уставовъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ подлежать измѣненію.

«Въ дѣлѣ судебныхъ улучшеній,—читаемъ мы въ *Журналѣ Министерства Юстиціи*,—нечего искать иныхъ основныхъ началъ, кромѣ тѣхъ, которыя Высочайшею волею начертаны на памятникѣ судебной реформы 20-го ноября 1864 года, какъ общее руководство правосудію. Дальше ихъ идти некуда, да и лучше ихъ невозможно выразить, чего ждетъ и требуетъ народъ отъ своихъ судей. Судъ скорый, правый, милостивый, т. е. справедливый, равный для всѣхъ; высоко стоящая, самостоятельная судебная власть, повсюду утверждающая уваженіе къ закону,—вотъ идеалъ, воздвигнутый законодателемъ передъ судебнымъ вѣдомствомъ, завѣтъ, ничѣмъ неизгладимый съ его знамени. Сколько бы ни злоупотребляли этими словами, приводя ихъ не къ мѣсту и не во-время, они никогда не утратятъ своего величія и мощи, никогда не перестанутъ управлять судьбами достойной этого имени юстиціи, потому что въ нихъ ключъ къ судебной истинѣ. Только тотъ судъ можетъ быть дѣйствительнымъ орудіемъ закона, чуткимъ проводникомъ правды, надежнымъ органомъ правительства и вѣрной опорой общественнаго порядка, который во всей своей постановкѣ удовлетворяетъ перечисленнымъ требованіямъ или, по крайней мѣрѣ, посильно къ нимъ приближается. Поэтому къ осуществленію ихъ слѣдуетъ стремиться при каждомъ преобразованіи въ судебной сферѣ, не упуская этого изъ виду при разрѣшеніи какихъ бы то ни было ея вопросовъ. При всей ихъ элементарности и отвлеченности, это всетаки pia desideria суда, конечныя его задачи, съ которыми должно быть сообразовано всякое воздѣйствіе на судебный строй».

Такъ смотритъ на задачи общаго пересмотра узаконеній по судебной части министерство юстиціи. Оно питаетъ увѣренность, «что цѣли правосудія лучше всего достигаются примѣненіемъ въ устройству и дѣятельности суда основъ, которыя уцѣлѣли при всѣхъ видоизмѣненіяхъ, внесенныхъ въ судебные уставы послѣ ихъ

изданія, и тѣмъ проявили свою прочность и жизнеспособность. Такихъ устоевъ судебнаго зданія немного, и каждый изъ нихъ допускаетъ немало практическихъ оттѣнковъ и приспособленій, даже изъятій, но въ главномъ они должны быть неприкосновенны. Таковы: устность, гласность, состязательность процесса, охрана правъ личности передъ судомъ, раздѣленіе судебныхъ функцій, разрѣшеніе дѣлъ по внутреннему убѣжденію совѣсти, непоколебимость законной силы судебнаго приговора или рѣшенія, участіе въ судѣ общественнаго элемента, независимость суда и судей, цензъ судебной службы и правильное соотношеніе не болѣе двухъ судебныхъ инстанцій подъ главенствомъ правительствующаго сената».

Есть, однако, извѣстныя частныя несовершенства судебныхъ порядковъ, которыя требуютъ, по мнѣнію министерства юстиціи, исправленій и улучшеній.

Эти частичныя измѣненія цитуемое сообщеніе резюмируетъ такъ.

«Необходимо прежде всего объединить дѣйствующія нынѣ разнородныя судебныя учрежденія и порядки и тѣмъ устранить или хотя бы уменьшить существующую въ нихъ пестроту и сбивчивость, въ особенности по отношенію къ мѣстнымъ судебнымъ установленіямъ. Затѣмъ нужно приблизить судъ къ народу, упростить, ускорить и удешевить отправленіе суда какъ для казны, такъ и для населенія; слѣдуетъ, далѣе, утвердить на незыблемомъ и для всѣхъ явномъ основаніи строго правительственный характеръ судебнаго вѣдомства и судебной службы и наряду съ этимъ дать болѣе ощутительное обезпеченіе и равновѣсіе на судѣ какъ публичному интересу закона и государства, такъ—интересу частному, гражданина-обывателя; желательно также поддержать и поднять нравственный и умственный уровень судебнаго сословія, облегчивъ притомъ его матеріальныя тяготы и невзгоды; наконецъ, должны быть тщательно исправлены, по указаніямъ опыта, выяснившіеся недостатки и погрѣшности въ отдѣльныхъ судебныхъ установленіяхъ, правилахъ и формахъ».

Во всякомъ случаѣ «преобразованный тридцать лѣтъ назадъ судъ, еще не потерявшій въ публикѣ названія *новаго*, но уже успѣвшій всѣхъ пріучить къ себѣ, *вновь преобразовывать не приходится.* Чтобы ни говорили принципіальные или тенденціозные противники нашего новаго, т. е. нынѣшняго суда, Россія его оцѣнила, дорожитъ имъ и не пожертвуетъ безъ горя и боли его основами, не забудетъ той его заслуги, что онъ смѣнилъ прежнее, давнившее безсудіе или кривосудіе».

Съ введеніемъ вырабатываемыхъ нынѣ перемѣнъ въ узаконеніяхъ по судебной части многое, по словамъ министерскаго журнала, измѣнится въ судебномъ мірѣ, но не будетъ нарушена стройность его частей и дѣйствій и, сложившіяся понятія о правѣ и правосудіи не будутъ поколеблены.

Такимъ образомъ, кореннымъ основамъ судебной реформы 1864 г.

не угрожаетъ пока никакой непосредственной опасности. Остается только пожелать, чтобы какія нибудь неблагопріятныя вѣянія не повернули теченія дѣла въ другую сторону.

За послѣднія недѣли опубликовано было два важныхъ оффиціальныхъ документа, относящихся къ переселенческому вопросу. Въ концѣ января въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появился обширный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, по переселенческому управленію (помѣченный № первымъ и являющійся первымъ опубликованнымъ актомъ этого новаго учрежденія), вслѣдъ за тѣмъ, въ первыхъ числахъ февраля, обнародованъ былъ всеподданнѣйшій отчетъ по комитету сибирской желѣзной дороги за 1896 г., одинъ отдѣлъ котораго посвященъ переселенческому дѣлу.

Особый интересъ въ опубликованномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ представляютъ тѣ его указанія, которыя знакомятъ съ настоящимъ положеніемъ переселенческаго дѣла и съ видами правительства въ этой области. Мы имѣемъ въ этихъ указаніяхъ какъ-бы програму правительственной дѣятельности по переселенческому дѣлу въ ближайшее время.

Основнымъ пунктомъ этой програмы министерскій циркуляръ выдвигаетъ мѣры, направленныя къ возможному *ограниченію* и *сокращенію* переселенческаго движенія. И ранѣе центральная администрація слѣдовала такой же сдерживающей переселенческой политикѣ; но главнымъ мотивомъ для воспрепятствованія широкому развитію переселеній служили при этомъ соображенія, связанныя съ хозяйственными интересами и отношеніями тѣхъ мѣстностей, откуда шла переселенческая волна (здѣсь старались сохранить достаточное количество рабочихъ рукъ); теперь ограниченіе переселенческаго движенія признается необходимымъ въ силу соображеній другого рода.

«Усилившееся въ послѣдніе годы переселенческое движеніе крестьянъ изъ внутреннихъ губерній за Уралъ — читаемъ мы въ циркулярѣ 20 января—повело къ постепенному сокращенію земельныхъ запасовъ, приготовленныхъ для отвода переселенцамъ въ Сибири и въ степномъ генералъ-губернаторствѣ. Еще въ началѣ минувшаго лѣта правительство, встрѣтивъ существенныя затрудненія въ устройствѣ прибывшихъ въ эти мѣстности переселенцевъ, вынуждено было не только пріостановить дальнѣйшую выдачу разрѣшеній на переселеніе, но и распорядиться задержаніемъ на родинѣ крестьянъ, уже получившихъ установленныя разрѣшенія. Несмотря на эти мѣры, общій итогъ зарегистрированныхъ въ 1896 г. за Ураломъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи превысилъ 200,000 душъ обоего пола, и въ результатѣ такихъ размѣровъ переселенія, въ связи съ уменьшеніемъ количества подготовленныхъ

земельныхъ участковъ, явилось обратное движеніе, достигшее 12% означеннаго итога».

Волна переселеній въ такомъ размѣрѣ оказывается чрезмѣрною сравнительно съ емкостью, которую представляетъ для нихъ данный край при своихъ теперешнихъ условіяхъ.

Въ прежніе годы,—говорится въ циркулярѣ, — «правительство безъ особыхъ затрудненій могло не только разрѣшать переселеніе немалому числу обывателей, но и устраивать въ Сибири крестьянъ, прибывшихъ туда самовольно». Теперь, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, замѣчается «истощеніе запаса такъ-называемыхъ «мягкихъ» земель, которыя преимущественно и привлекали переселенцевъ». Остающіеся же участки, нетронутые культурою, требуютъ отъ земледѣльца большой затраты труда и значительныхъ средствъ. Затѣмъ свободные нынѣ участки казенной сибирской земли оказываются менѣе удобными по отдаленности, какъ отъ старожильскихъ деревень, гдѣ переселенцы находили заработки и временный пріютъ, такъ и отъ путей сообщенія и рынковъ, обезпечивающихъ осѣвшимъ переселенцамъ сбытъ, а новымъ покупку хлѣба. Наконецъ, заселеніе большей части этихъ участковъ сопряжено «съ дороговизною и неудобствами далекаго пути». Въ губерніяхъ Томской и Тобольской, ближайшихъ къ Европейской Россіи, количество свободныхъ земель сравнительно невелико, а въ степной край переселеніе остановлено впредь до разрѣшенія вопроса о поземельномъ устройствѣ мѣстныхъ инородцевъ.

Все это вмѣстѣ привело къ рѣшенію «принять всѣ мѣры *къ сокращенію движенія*, въ соотвѣтствіи съ уменьшеніемъ количества заготовленныхъ участковъ, и, кромѣ того, озаботиться надлежащимъ *подборомъ переселенцевъ* изъ лицъ и семей, приспособленныхъ къ естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ новыхъ мѣстъ водворенія». Приспособленными же признаются, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ циркуляра, «только сильныя численностью работниковъ и зажиточныя крестьянскія семьи». Сообразно съ этимъ циркуляръ рекомендуетъ мѣстнымъ властямъ, призваннымъ къ ближайшему завѣдыванію крестьянскимъ дѣломъ, «внушать крестьянамъ, что переселеніе сопряжено съ большими издержками и по закону можетъ быть допускаемо не иначе, какъ на собственныя средства переселяющихся», и заявлять притомъ, «что правительственныя пособія выдаются лишь нѣкоторымъ изъ числа беднѣйшихъ переселенцевъ и что въ настоящемъ году размѣры путевыхъ ссудъ не будутъ превышать 5 рублей на ходока или семейство, а ссуда на домообзаведеніе 30 рублей на дворъ». Съ другой стороны, въ циркулярѣ указывается на необходимость энергической борьбы съ такъ называемыми «самовольными переселеніями», составляющими чуть не главную часть всего переселенческаго движенія и принявшими очень широкіе размѣры въ послѣдніе годы. Циркуляръ напоминаетъ мѣстнымъ властямъ, что прежнія распоряженія

о противодѣйствіи самовольнымъ переселеніямъ сохраняютъ пол
силу, а начальникамъ губерній и областей Сибири и степного
предложено «пріостановить отводъ земель переселенцамъ, кото
прибудутъ въ этомъ году безъ установленнаго разрѣшенія». З
товленные переселенческіе участки предназначаются отнынѣ иск
чительно для разрѣшеннаго переселенческаго движенія.

Кромѣ этихъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію пересел
мы находимъ въ цитуемомъ циркулярѣ и извѣстныя указанія
сательно ихъ упорядоченія. Въ этомъ отношеніи особенный ин
ресъ представляютъ мѣропріятія, имѣющія въ виду правильно орга
зовать крестьянское ходачество. Въ видахъ лучшаго ознакомле
крестьянъ съ тѣми условіями, которыя ихъ ожидаютъ на мѣст
переселенія, на будущее время предположено разрѣшать пересе
нія на казенныя земли западной Сибири и Иркутскаго генера
губернаторства не иначе, какъ по предварительной посылкѣ хо
ковъ. Циркуляръ предусматриваетъ два вида ходачества: посы
ходоковъ отъ *отдѣльныхъ семей* и отъ болѣе или менѣе значит
ныхъ группъ крестьянъ односельцевъ, желающихъ переселит
Безусловное предпочтеніе отдается первой формѣ ходачества, ход
отъ цѣлыхъ группъ семей только терпятся въ виду того, что
мейное ходачество можетъ во многихъ случаяхъ встрѣчать
трудненія вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ у отдѣльн
семей. Для поощренія семейнаго ходачества—по положенію ко
тета сибирской желѣзной дороги отъ 7 декабря—установлены
вѣстныя льготы. Такъ, ходокамъ отъ отдѣльныхъ семей рѣшено
давать безпрепятственно особыя свидѣтельства на льготный п
ѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ въ оба конца, на полученіе путев
ссудъ и на зачисленіе за пославшими ихъ семьями потребнаго
личества душевыхъ земельныхъ долей. Эти ходаческія свидѣт
ства, по выборѣ подходящихъ участковъ и въ случаѣ остающаг
у семьи намѣренія переселиться, имѣютъ быть обмѣниваемы
проходныя (переселенческія) свидѣтельства, если только намѣре
ющіеся переселиться не состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, и е
остающіяся на родинѣ въ ихъ семьяхъ малолѣтнія и другія ли
неспособныя къ работѣ, обезпечены въ своемъ содержаніи.

Ходоки отъ цѣлыхъ группъ семей могутъ быть посланы тол
при условіи предварительнаго полученія этими семьями разрѣше
на переселенія отъ губернскаго начальства (не требующагося
отправки ходоковъ отдѣльными семьями), при чемъ губернск
присутствіямъ рекомендуется руководствоваться при выдачѣ сви
тельствъ «неоднократно преподанными имъ указаніями о неже
тельности чрезмѣрнаго развитія переселенія и необходимости пр
варительнаго, въ предѣлахъ возможности, изысканія иныхъ средс
для улучшенія благосостоянія ходатайствующихъ о переселеніи к
стьянъ». Предписывается не разрѣшать переселеній «въ раз
рахъ, неоправдываемыхъ хозяйственнымъ положеніемъ обществ

и семьямъ, которыя по «малочисленности состава или по бѣдности не могутъ расчитывать на успѣшное устройство своего быта въ Сибири».

Таковы первые шаги новаго переселенческаго управленія.

Въ другомъ правительственномъ актѣ, упомянутомъ выше—отчетѣ комитета сибирской желѣзной дороги—кромѣ свѣдѣній о разнаго рода мѣрахъ для улучшенія условій переселенческаго дѣла, предпринятыхъ по иниціативѣ комитета (объ одной изъ нихъ, касающейся ходачества, мы уже говорили выше), мы находимъ очень важное указаніе принципіальнаго характера. Спеціальная комиссія по переселенческому дѣлу, работавшая въ составѣ комитета, изучая вопросъ о причинахъ переселеній, пришла къ убѣжденію, что «стремленіе народа къ переходу на новыя мѣста вытекаетъ преимущественно изъ хозяйственныхъ расчетовъ выходцевъ и имѣетъ своею цѣлью улучшеніе экономическаго положенія переселенцевъ». Не безсознательная страсть къ бродяжничеству, не неопредѣленное исканіе лучшаго, какъ думаютъ противники переселенія на окраины, толкаетъ крестьянъ съ насиженныхъ мѣстъ, а именно «хозяйственный расчетъ». Если волна переселеній такъ усиливается за послѣдніе годы,—это значитъ, что условія жизни переселяющихся на родинѣ таковы, что вести здѣсь хозяйство имъ становится слишкомъ трудно, и они вынуждены искать другой почвы для приложенія своего труда.

Можно ли остановить или задержать сколько нибудь значительно такое стремленіе искусственными мѣрами? Мы наталкиваемся здѣсь на тотъ подводный камень, о который разбивались до сихъ поръ всѣ попытки поставить преграды «самовольнымъ переселеніямъ» и сдержать движеніе въ заранѣе расчитанныхъ предѣлахъ. Будутъ ли имѣть большій успѣхъ и тѣ мѣры, которыя предполагается принять теперь? Со стороны мѣстныхъ людей слышатся уже по этому поводу довольно скептическія соображенія. «Мѣры эти не новы— читаемъ мы въ «Степномъ Краѣ»—въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ число выдаваемыхъ разрѣшеній на переселенія было весьма ограничено, и издано не мало и до сихъ поръ сохраняющихъ силу циркуляровъ, рекомендующихъ, по возможности, ограничивать переселеніе, но жизнь не всегда укладывается въ рамки самыхъ строгихъ предписаній, часто нарушаетъ ихъ и вноситъ путаницу иногда въ весьма стройную бумажную систему. И въ минувшемъ 1896 г. число переселенцевъ, имѣвшихъ оффиціальное разрѣшеніе на переселеніе, составляло въ массѣ только незначательную часть. Самовольные выходцы, какъ это предвидитъ и циркулярное распоряженіе, появятся въ Сибири, не смотря ни на какія строгія мѣры, и число ихъ, нужно думать, будетъ весьма значительно. Всѣмъ извѣстны случаи, когда мѣстныя власти, узнавши, что такія то крестьянскія семьи самовольно собираются выѣхать въ Сибирь, ставили въ селеніяхъ ночные и дневные караулы и всетаки этимъ

семьямъ удавалось обмануть бдительность ихъ стражи и пробратьс въ Сибирь. Вотъ объ этихъ-то самовольныхъ выходцахъ цирку ляръ ничего не говоритъ, какъ должно быть поступлено съ ними если они появятся, не смотря на всѣ преграды, въ Сибири. Цир куляръ лишь строго предписываетъ не надѣлять такихъ «самоволь ныхъ» участками земли и не выдавать пособій».

Газета справедливо указываетъ, что однѣми этими мѣрами «во просъ еще не рѣшается. Естественно, что съ запрещеніемъ пере селеній малосостоятельнымъ семьямъ, «самовольные» появятся п преимуществу изъ этого класса, и съ неимущей голытьбой, кото рой терять нечего, придется считаться сибирской администраціи Можно отправлять ихъ по этапу на родину, скажутъ нѣкоторые Но, вѣдь, *отправка цѣлой семьи* на казенный счетъ за тысяч верстъ на родину *обойдется значительно дороже*, чѣмъ выдать е денежное пособіе и тѣмъ сдѣлать эту семью «приспособленной» к хозяйственнымъ условіямъ на новыхъ мѣстахъ Сибири и тѣм дать семьѣ возможность быть полезнымъ членомъ государства, не бременемъ для него. Нужно ждать, говоритъ газета, что скор послѣдуетъ дополненіе къ этому циркуляру, которое не оставит открытымъ и этого вопроса».

Ближайшее будущее покажетъ, насколько справедливы эти со ображенія.

Закончимъ нашу хронику нѣсколькими мелочами изъ текущей жизни провинціи, отмѣченными за послѣднее время газетами.

Черниговскій корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» пере даетъ слѣдующій характерный инцидентъ изъ практики мѣстных судебно-административныхъ учрежденій,—обнаружившійся во врем ревизіи, произведенной начальникомъ губерніи. «Еврей I. предъ явилъ искъ къ некоему г. Ж., предсѣдателю земской управы. Споръ вышелъ у нихъ изъ-за лѣса. Предсѣдатель же съ земскимъ началь никомъ были на *ты*. — Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, какъ нибуд этотъ лѣсъ спрячь подъ сукно,—попросилъ Ж. земскаго началь ника.—Будь покоенъ,—отвѣчалъ земскій начальникъ. Дѣйствительно спряталъ. По порученію уѣзднаго съѣзда, онъ долженъ былъ про извести осмотръ на мѣстѣ, но въ теченіе трехъ лѣтъ не произво дилъ его. Истецъ, занятый другими дѣлами, не хлопоталъ, а мо жетъ быть и въ самомъ дѣлѣ махнулъ рукой на свой искъ. Лежал лѣсъ *подъ сукномъ*, лежалъ и вдругъ — слухъ, что будетъ ревизія «Губернатору-то это, пожалуй, не понравится»,—рѣшилъ про себ земскій, какъ сокращенно называютъ малороссы земскихъ началь никовъ, и сообразилъ, что лучше это дѣло направить къ прекраще нію. Съ этой цѣлью на своемъ должностномъ бланкѣ «земскій» на писалъ слѣдующее по адресу г. Ж. «Имѣя въ виду историческі моменты въ жизни Россіи и Франціи, а также и личныя ваши сим патіи къ іудейскому племени, я льщу себя надеждою, что вы сі

дѣло прекратите миромъ. Земскій начальникъ 3-го участка Р.» Ж. получилъ эту оффиціальную бумагу и на ней же на оборотѣ отвѣтилъ:

„Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ прежнихъ старыхъ дѣлъ.
Ихъ интересы мнѣ ужъ чужды,
Таковъ ужъ, вѣрно, ихъ удѣлъ“.

«Отлично,—подумалъ земскій,—помирились» и, приложивъ этотъ актъ, не смутившись его поэтической формою, настрочилъ слѣдующую препроводительную бумагу: «Принимая во вниманіе состоявшееся примиреніе между такимъ-то и такимъ-то, имѣю честь настоящее дѣло препроводить въ уѣздный съѣздъ на зависящее распоряженіе». Уѣздный членъ получилъ этотъ вздоръ да и внесъ въ распорядительное засѣданіе.

Сообщеніе *Биржевыхъ Вѣдомостей* заканчивается слѣдующей отмѣткой:

«Курьезная шутка эта, свидѣтельствующая о чудесномъ настроеніи духа земскаго начальника, кончилась, повидимому, благополучно, о чемъ и доводимъ до свѣдѣнія тѣхъ, кто не любитъ трагическихъ развязокъ».

Черниговскій судебный дѣятель, какъ мы видимъ, освободилъ себя отъ всякаго «бездушнаго формализма» и вершилъ дѣла совсѣмъ по домашнему. Этого упрека никакъ нельзя сдѣлать г. Паскину, теперешнему предсѣдателю тверской губернской управы, требующему отъ гласныхъ *подачи формальныхъ прошеній съ гербовыми марками* (!!) для полученія протоколовъ собранія. Такой инцидентъ произошелъ съ г. де-Роберти.

На первомъ же засѣданіи очередной сессіи Тверскаго губернскаго земскаго собранія, открывшейся 6 февраля — пишетъ тверской корреспондентъ «Нижегородскаго Листка»—«разсматривалась жалоба гласнаго С. В де-Роберти на дѣйствія губ. управы, предсѣдатель которой А. С. Паскинъ отвѣтилъ ему отказомъ на просьбу о выдачѣ протоколовъ прошлогодней сессіи, предлагая подать прошеніе съ гербовыми марками; это произошло на другой день по закрытіи собранія; протоколы были необходимы гласному для приложенія ихъ въ качествѣ доказательствъ къ жалобѣ, которую онъ подалъ въ сенатъ на предсѣдателя Трубникова, незаконно лишившаго его права голоса; благодаря отсутствію этого документа, жалоба была возвращена, какъ недостаточно мотивированная. Между тѣмъ, протоколы тогда же были немедленно по просьбѣ выданы постороннему лицу, да еще Лукину—извѣстному автору статей, печатавшихся *въ Гражданинѣ*. Нѣкоторые члены собранія, возмущенные подобнымъ «безпримѣрнымъ въ исторіи земства» нарушеніемъ правъ гласнаго, предлагали выразить управѣ порицаніе, но затѣмъ, по предложенію гласн. Ст. Д. Квашнина-Самарина, было постановлено только, чтобы впредь подобные факты не повторялись и гласные

получали бы документы предпочтительно передъ посторонними лицами, при томъ безъ формальностей и пошлинъ, представляющихъ, по мнѣнію гл. Ив. Ил. Петрункевича, совершенно неумѣстный въ земскомъ дѣлѣ бюрократическій элементъ».

Это было бы похоже на анекдотъ, если бы нижегородская газета не указывала точно и имена дѣйствующихъ лицъ и мѣсто дѣйствія.

Еще болѣе похожую на анекдотъ исторію, имѣвшую мѣсто недавно на Уссурійской желѣзной дорогѣ передаетъ газета «Владивостокъ».

«На карьерѣ р. Бѣлой, на 3-мъ участкѣ Уссурійской желѣзной дороги, одновременно заболѣло 40 чел. китайцевъ-рабочихъ, причемъ у всѣхъ заболѣвшихъ были одинаковые симптомы: рвота, поносъ, разстройство зрѣнія, неспособность ходить, а у нѣкоторыхъ даже безсознательное состояніе на нѣкоторое время. Эти болѣзненныя явленія появились у рабочихъ послѣ употребленія въ пищу доставленной имъ муки съ клеймомъ: Tireka molls extra Superfina Fluor (поверхъ клейма имѣются китайскія буквы)».

Желѣзнодорожная администрація не могла, конечно, не обратить вниманія на подобный фактъ массоваго заболѣванія и потому поручила желѣзнодорожному врачу произвести изслѣдованіе муки. Изслѣдованіе не обнаружило присутствія въ мукѣ какихъ либо «вредныхъ примѣсей»: мука оказалась «просто подмоченной, затхлой и прогорклой». На этомъ изслѣдованіе однако не остановилось. Рѣшено было обратиться къ такому «экспериментальному» способу. Для того, чтобы провѣрить дѣйствіе муки на организмъ, «рабочимъ былъ вторично данъ хлѣбъ изъ этой муки, въ результатѣ чего немедленно вновь появилось 20 чел. больныхъ съ тѣми же признаками».

Послѣ этого мука была уже признана негодной и ее «безусловно изъяли изъ употребленія въ пищу».

Администрація Уссурійской желѣзной дороги пожелала не иначе, какъ строго научнымъ, опытнымъ путемъ идти въ своихъ провіантскихъ распоряженіяхъ. Ученые экспериментаторы забыли только, что медицинскіе эксперименты производятся in anima vili. Можно ли было признать таковымъ китайскіе желудки. До сихъ поръ «мучениками науки» при экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ были собаки и лягушки. Неужели теперь ряды этихъ мучениковъ пополнятся и желѣзно-дорожными рабочими, хотя бы и изъ инородцевъ.

«*С.-Петербургскія Вѣдомости*» отмѣчаютъ интересный фактъ изъ дѣятельности провинціальной цензуры. Одной изъ провинціальныхъ газетъ была доставлена корреспонденція о трагическомъ происшествіи, случившемся въ г. Несвижѣ Минской губерніи. Цензоръ не разрѣшилъ напечатать корреспонденцію и на типографскомъ оттискѣ, присланномъ ему для просмотра, слѣдующимъ образомъ объяснилъ мотивы своего veto: «Не получилъ подобнаго донесенія; могу разрѣшить напечатать, когда фактъ подтвердится». Законно

ли поступить цензоръ,—спрашиваютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*. «Предоставлено ли цензору право провѣрять сообщаемые газетой факты? Какими соображеніями должна руководствоваться редакція, чтобы предусмотрѣть, что цензурно и что нецензурно? Вѣдь въ такомъ случаѣ все, о чемъ цензоръ еще *не получилъ донесенія*, будетъ нецензурно? Редакціямъ необходимо хоть приблизительно знать, чѣмъ руководствоваться, чтобы не нести непроизводительныхъ расходовъ по набору и разбору неразрѣшенныхъ статей, не говоря уже о техническихъ затрудненіяхъ типографскаго свойства, извѣстныхъ каждому, знакомому съ дѣломъ, когда приходится выбросить изъ нумера статью, въ цензурности которой не сомнѣвалась редакція. Поставленные выше вопросы стоитъ предложить на разсмотрѣніе гг. юристовъ и всѣхъ, кому это вѣдать надлежитъ».

Въ замѣткѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* говорится далѣе, что въ редакцію этой газеты доставленъ изъ разныхъ городовъ «обильный матеріалъ для характеристики провинціальной цензуры, свидѣтельствующій, съ одной стороны, о совершенной неподготовленности нѣкоторыхъ цензоровъ къ исполненію ими своихъ обязанностей, съ другой,—о претерпѣваемыхъ авторами, вслѣдствіе этого, весьма значительныхъ затрудненіяхъ, да не только авторами, но и редакціями газетъ, и типографіями, лишенными всякой возможности оріентироваться въ вопросахъ, что можно печатать, что цензурно и что нецензурно. Положительно слѣдуетъ пользоваться отъ времени до времени этимъ матеріаломъ, въ полной увѣренности, что главное управленіе по дѣламъ печати, ознакомившись съ разнообразными затрудненіями, испытываемыми какъ провинціальной печатью, такъ и самой провинціальной цензурой, не знающей, что можно разрѣшить печатать и чего нельзя, преподастъ, наконецъ, послѣдней надлежащія цѣлесообразныя указанія».

Опубликованіе такого матеріала—справедливо замѣчаютъ, перепечатывая эту замѣтку, «Русскія Вѣдомости»—было бы полезно, если бы даже и не послѣдовало ожидаемыхъ газетою мѣропріятій въ ближайшемъ будущемъ. Выяснить истинное положеніе дѣла никогда не мѣшаетъ. Насколько тяжелы бываютъ иногда условія провинціальной печати, свидѣтельствуютъ и слѣдующіе факты, передаваемые газетою «Русь».

«Мѣстомъ дѣйствія, гдѣ имѣли мѣсто описываемые факты «является одинъ изъ нашихъ университетскихъ городовъ, а время—*самое послѣднее*. Тѣмъ не менѣе, какъ увидитъ читатель, дѣятельность нашего цензора носитъ характеръ поистинѣ архаическій. Можно подумать, что нашъ цензоръ—современникъ блаженной памяти цензора Красовскаго, находившаго опаснымъ «вольный духъ» въ поваренныхъ книгахъ. Въ городѣ, о которомъ идетъ рѣчь, издается нѣсколько газетъ, и ни въ одной изъ нихъ никогда не встрѣчается выраженіе «*самоуправленіе*», такъ какъ цензоръ тщательно замѣняетъ это выраженіе словами «городское управленіе»

или «земское управленіе». Когда говорится о правительственн чиновникахъ, цензоръ обязательно вставляетъ «г.» (господи чего никогда не дѣлаетъ, если рѣчь идетъ о представителяхъ і борныхъ учрежденій; такимъ образомъ, можно говорить про «городской голова» или «предсѣдатель управы», но непремѣн нужно говорить: «г. директоръ народныхъ училищъ». Выраже въ родѣ «*царилъ* порядокъ», цензоръ непремѣнно исправляетъ «*господствовалъ*» порядокъ. Однажды въ газетѣ сообщалось о то что на народномъ чтеніи показали по ошибкѣ въ туманной кар нѣ генерала вверхъ ногами; цензоръ это мѣсто вычеркнулъ и гласился пропустить его только съ добавленіемъ, что рѣчь иде объ иностранномъ генералѣ (показывался портретъ Скобелева). Ра встрѣтилось выраженіе: «*голубь склонилъ голову на бокъ*»; цензо вычеркнулъ это выраженіе, потому что, какъ онъ объяснилъ «какъ это голубь склонилъ голову на бокъ—какой же у голу бокъ»? Писалось «*бракъ* среди куръ», цензоръ поправилъ: «*сож тіе*», потому что здѣсь рѣчь идетъ о птицахъ».

Все это, замѣчаетъ газета, если смотрѣть со стороны,—«ли одинъ сплошной курьезъ, вызывающій веселую улыбку. Но како тѣмъ, кто долженъ выносить эти курьезы? Каково людямъ, ко рымъ приходится изо дня въ день работать при такой цензурѣ

Провинціальной прессѣ приходится нерѣдко претерпѣвать отъ приватныхъ охочихъ людей, которые имѣютъ поводы быть недовольны

Такъ, «Нижегородскій Листокъ» отмѣчаетъ, что за послѣд время въ казанскихъ газетахъ отсутствуютъ какія бы то были сообщенія изъ сферы дѣятельности чиновъ путейск вѣдомства. Этотъ фактъ газета сопоставляетъ съ тѣмъ, «' недавно начальникъ казанскаго округа путей сообщенія В. Лохтинъ обратился съ оффиціальной жалобой, въ которой о ясниль, что нѣкоторыя «мѣстныя» газеты (какія именно і «мѣстныхъ» газетъ не было указано въ жалобѣ) «усвоили себѣ послѣднее время пренебрежительный тонъ» въ отношеніи служ щихъ въ округѣ инженеровъ, техниковъ и чиновниковъ, и доз ляютъ себѣ разныя нападки на нихъ. Въ виду этого В. М. Л тинъ просилъ начальство принять надлежащія мѣры противъ і званныхъ газетъ для огражденія подвѣдомственныхъ ему лицъ указанныхъ нападокъ. Къ этому В. М. Лохтинъ добавилъ въ сво жалобѣ, что такія же точно прошенія имъ представлены еще министрамъ: внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, а равно и главное управленіе по дѣламъ печати».

Читатель знаетъ, что всѣ провинціальныя газеты издаются по предварительной цензурой; поэтому, предположить въ нихъ возмо ность появленія систематическаго ряда оскорбительныхъ для дол ностныхъ лицъ отзывовъ, повидимому, болѣе чѣмъ невѣроятно. казанскіе путейцы очень чувствительны къ недостатку должн

къ нимъ почтенія. И какъ видно съ этой чувствительностью приходится всетаки считаться казанской прессѣ.

Недавно всѣ столичныя газеты обошло два совершенно противоположныхъ извѣстія, касающихся народной школы. Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» напечатанъ былъ любопытный циркуляръ инспектора народныхъ училищъ московскаго уѣзда относительно воскресныхъ школъ. Циркуляръ этотъ перепечатанъ былъ въ столичныхъ изданіяхъ и не могъ не обратить на себя вниманія. Между прочимъ, подробному разбору подвергнутъ онъ былъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Циркуляръ этотъ, по своимъ требованіямъ, является настолько страннымъ,—говоритъ московская газета,—«что въ одномъ изъ столичныхъ журналовъ онъ не безъ остроумія названъ «апокрифическимъ». Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ «апокрифѣ», опредѣляющемъ, однако, судьбу воскресныхъ классовъ въ цѣломъ инспекторскомъ участкѣ, состоящемъ изъ трехъ или четырехъ уѣздовъ, заключаются такія, напримѣръ, правила: 1) въ воскресныхъ классахъ «съ мужчинами должны заниматься только учителя, а съ женщинами—учительницы; совмѣстное же обученіе мужчинъ и женщинъ отнюдь не допускается»; 2) «конечная цѣль обученія должна заключаться въ томъ, чтобы научить учащихся сознательно молиться Богу, механически читать по книгамъ гражданской и церковно славянской печати, мало-мальски писать, и считать во возможности до 1000». «За неисполненіе сего—говорится въ заключеніе циркуляра—учащіе будутъ подлежать строгой отвѣтственности, а классы, при первомъ обнаруженіи отступленія отъ сихъ правилъ, будутъ закрыты».

Полная несостоятельность этихъ требованій совсѣмъ очевидна. И какъ примѣнить ихъ на практикѣ. «Какъ выполнитъ учитель выраженное въ циркулярѣ требованіе — «научить сознательно молиться Богу»' въ тоже время уча «механически», т. е. безсознательно, читать? Чѣмъ можетъ гарантировать себя учитель отъ того, что его ученикъ, вопреки требованіямъ циркуляра, не научится осмысленному чтенію, хорошему письму и счету свыше 1000? Между тѣмъ за всѣ эти отступленія отъ циркулярнаго предписанія, какъ мы видѣли, учителю угрожаютъ привлеченіемъ къ строгой отвѣтственности» а классамъ — «закрытіемъ». Мы думаемъ — справедливо замѣчаютъ «Русскія вѣдомости» — что закрытіе классовъ прозойдетъ скорѣе не отъ «отступленія отъ сихъ правилъ», а отъ ихъ выполненія. Школа, въ которой дозволяется обучать только коекакъ, «мало мальски» не можетъ существовать въ наше время. Такую школу никто не станетъ содержать, никто не согласится въ ней и учить. Такая школа прямо обрекается на уничтоженіе».

Газета доказываетъ далѣе незаконность подобныхъ распоряжені
Но какъ бы то ни было, «апокрифическій» циркуляръ всетаки д
извѣстной группы лицъ обязателенъ, и они должны сообразовать с
нимъ свою дѣятельность подъ опасеніемъ необходимости вовсе е
прекратить.

Такую участь, вѣроятно, испыталъ бы очень скоро,—если бы н
ходился въ районѣ дѣятельности автора циркуляра, развивающа
изложенные «виды на будущее» народной школы—тотъ почтенны
педагогъ, описанія юбилея котораго наполняли газетные столбц
почти одновременно съ разборомъ московскаго циркуляра.

Мы говоримъ о Вячеславѣ Яковлевичѣ Авраамовѣ, — народном
учителѣ, вся двадцатипятилѣтняя работа котораго стоитъ въ ярко
и рѣзкой противоположности съ программами, выдвигающими, как
идеалъ—обученіе «механически» читать и считать до 1000. Г. Авра
мовъ представляетъ собою рѣдкій примѣръ высокообразованна
педагога, посвятившаго себя скромнымъ обязанностямъ народна
учителя и выполнявшаго эти обязанности цѣлые 25 лѣтъ въ одно
и той же школѣ,—въ Волковской слободкѣ близъ Петербурга—с
неослабѣвавшей энергіей и самоотверженіемъ. Авраамовская школ
за это время сдѣлалась не только школою для дѣтей, которых
онъ обучалъ въ ней, но и школою для тѣхъ, кто приходилъ туда
чтобы учиться учить. Г. Авраамовъ широко открывалъ двери для всѣхъ
кому нужна была его помощь въ дѣлѣ народной школы. Кром
постоянной работы въ Волковской школѣ онъ былъ однимъ изъ иниціа
торовъ и неутомимымъ въ теченіе многихъ лѣтъ работникомъ в
воскресной школѣ для взрослыхъ рабочихъ по Шлиссельбургском
тракту. Видимъ мы его и среди курсистокъ, въ качествѣ учител
математики, помогающаго молодымъ дѣвушкамъ пополнить тѣ знанія
которыя онѣ вынесли изъ средней школы,—и какъ руководителя п
педагогикѣ въ извѣстномъ учебномъ заведеніи М. Н. Стоюниной
Этотъ неутомимый работникъ посвятилъ себя всего, безъ остатк
тому дѣлу, которое онъ взялъ своимъ общественнымъ служеніемъ.

9 февраля представители педагогическаго міра, друзья, почита
тели и многочисленные ученики В. Я. праздновали двадцатипяти
лѣтіе его самоотверженной работы. Нельзя не присоединиться от
всей души къ горячимъ пожеланіямъ почтенному юбиляру ещ
многихъ лѣтъ такой же плодотворной дѣятельности, направленно
на то, чтобы сѣять «разумное, доброе, вѣчное». Нива народна
нуждается въ такихъ сѣятеляхъ.

И неужели, въ самомъ дѣлѣ, то, что представляетъ собою г. Авра
мовъ есть уже *прошлое*, а то, другое—*будущее?*.

Н. Анненскій.

